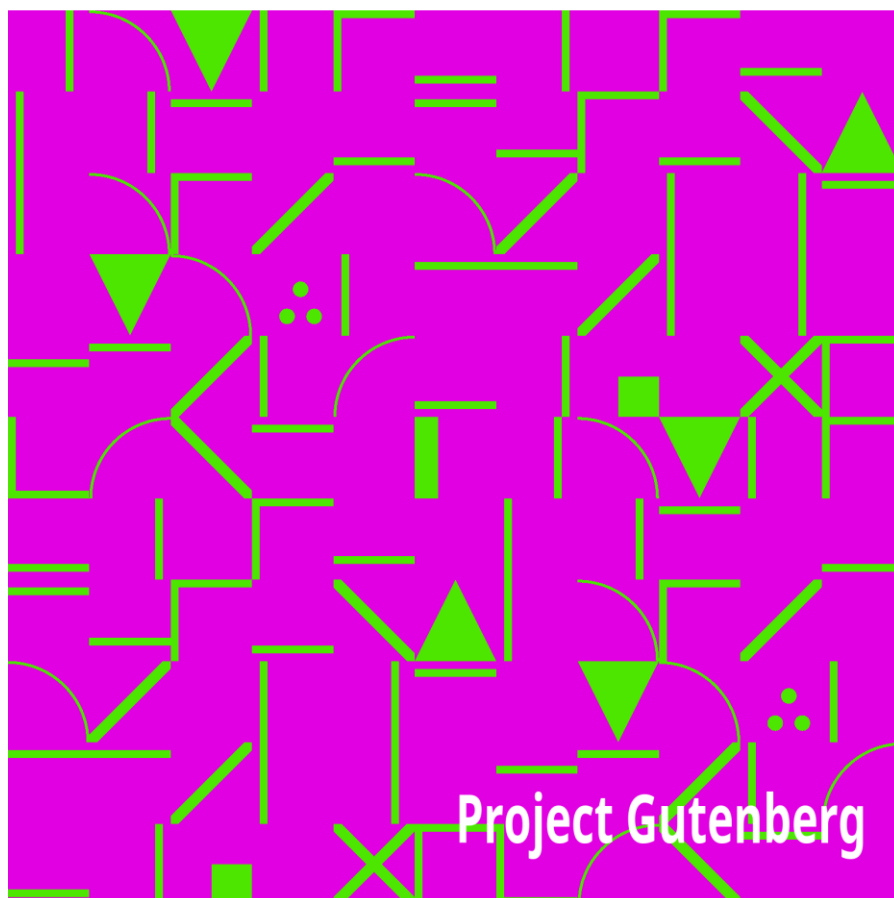

История реформации в шестнадцатом веке, том 5. Реформация в Англии

Ж. Х. Мерль д'Обинье

History of the Reformation in the Sixteenth Century, Volume 5

J. H. Merle d'Aubigné

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в шестнадцатом веке, том 5

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Шестнадцатом веке, том 5

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Х. Уайт

Дата выхода: 25 ноября 2012 г. [Электронная книга № 41484]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Колином Беллом, Джулией Нойфельд и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ", ТОМ 5 ***

Электронная книга проекта Гутенберга "История реформации в шестнадцатом веке", Том V, Дж. Х. Мерль д'Обинье, Перевод Х. Уайта

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть <http://archive.org/details/historyofreforma05merluoft>

Избранная библиотека Коллинза.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

РЕФОРМАЦИЯ В Англии.

АВТОР Дж. Х. МЕРЛЬ Д'Обинье, доктор медицинских наук,

ПРЕЗИДЕНТ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЖЕНЕВЫ И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ
ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

ПЕРЕВЕДЕНО Х. УАЙТОМ, бакалавром ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА В КЕМБРИДЖЕ, магистром И
доктором философии В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ.

ПЕРЕВОД, ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕРАБОТАННЫЙ ДОКТОРОМ МЕРЛЕМ Д'Обинье.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ С ГОСПОДАМИ. ОЛИВЕР И БОЙД, ИЗ
СОБСТВЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ АВТОРА.

ТОМ V.

ГЛАЗГО:
УИЛЬЯМ КОЛЛИНЗ, ИЗДАТЕЛЬ И ТИПОГРАФИЯ QUEEN'S. 1862.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ТОМУ.

В четырех предыдущих томах автор описал происхождение и существенное развитие Реформации Шестнадцатого века на Континенте; теперь ему предстоит рассказать историю Реформации в Англии.

Примечания направят читателя к основным источникам, из которых автор почерпнул свою информацию. Большинство из них хорошо известны; другие, однако, ранее не изучались, среди которых более поздние тома государственных документов, опубликованные по распоряжению

правительства Комиссией, первым президентом которой был знаменитый сэр Роберт Пил. Три сменявших друг друга министра внутренних дел, сэр Джеймс Грэм, сэр Джордж Грей и почтенный мистер С. Х. Уолпол, подарили автору экземпляры нескольких томов этого большого и важного собрания: в некоторых случаях они были переданы ему сразу после печати, как это имело место, в частности, в случае с седьмым томом, которым он много пользовался. Он пользуется случаем, чтобы выразить свою искреннюю благодарность этим благородным друзьям литературы.

История Реформации Шестнадцатого века была радушно принята на Континенте, но у нее было гораздо большее число читателей в британских владениях и в Соединенных Штатах. Автор рассматривает отношения, которые эта работа установила между ним и многими далекими христианами, как драгоценную награду за его труды. Будет ли настоящая книга принята в этих странах так же благосклонно, как в других? Иностранец, знакомящий англосаксонскую расу с историей их Реформации, находится в определенном невыгодном положении; и хотя автор предпочел бы отсылать своих читателей к произведениям, как давним, так и недавним, местных авторов, все они более компетентны в этой задаче, чем он сам, он не думал, что ему подобает уклоняться от начинания.

Ни в коем случае нельзя исключать историю Реформации в Англии из общей истории Реформации XVI века; в условиях нынешнего кризиса это менее возможно, чем когда-либо.

Во-первых, английская реформация была и остается объектом клеветы писателей разных партий, которые рассматривают ее не более чем внешнюю политическую трансформацию и, таким образом, игнорируют ее духовную природу. История научила автора, что это была, по сути, религиозная трансформация, и что мы должны искать ее в людях веры, а не, как это обычно делается, исключительно в капризах принца, честолюбии знати и раболепии прелатов. Добросовестный рассказ об этом великом обновлении, возможно, покажет нам, что за пределами мер Генриха VIII и без них было что-то - так сказать, все, — ибо в этом заключалась суть Реформации, то, что делает ее божественным и нетленным делом.

Второй мотив заставил автора признать необходимость правдивой истории английской реформации. Активная партия в Епископальной церкви с усердием, настойчивостью и талантом возрождает принципы римско-католической церкви и стремится навязать их Реформированной Церкви Англии, постоянно нападая на основы евангельского христианства. Ряд молодых людей в университетах, соблазненных этим обманчивым *миражом*, который некоторые из их преподавателей поместили перед их глазами, увлекаются клерикальными и суеверными теориями и рискуют рано или поздно упасть, как это уже сделали очень многие, в постоянно зияющую пропасть папизма. Поэтому мы должны вспомнить принципы реформирования, которые были провозглашены с самого начала этой великой трансформации.

Новая позиция, которую римский двор занимает в Англии, и его дерзкая агрессия - это третье соображение, которое, по-видимому, демонстрирует нам нынешнюю важность этой истории. Полезно вспомнить, что первобытное христианство Великобритании упорно отражало вторжение папства и что после окончательной победы этой иностранной державы, самые благородные голоса среди королей, лордов, священников и народа смело протестовали против этого. Полезно показать, что, в то время как слово Божье восстановило свои неотъемлемые права в Британии в шестнадцатом веке, папство, движимое исключительно политическими интересами, само разорвало цепи, которыми оно так долго сковывало Англию. В этом томе мы

увидим, как английское правительство укрепляется, например, при Эдуарде III, против вторжений в Рим. В наши дни и другими, помимо ультрамонтанистов, утверждается, что папство - это чисто духовная власть, и противостоять ему следует только духовным оружием. Если бы первая часть этого аргумента была верна, никто не был бы более готов, чем мы, принять этот вывод. Не дай Бог, чтобы какое-либо протестантское государство когда-либо отказало в полной свободе римско-католическим доктринам. Мы, конечно, желаем взаимности; мы желаем, чтобы ультрамонтанизм больше не бросал в тюрьму смиренных верующих, которые ищут утешения для себя и для своих друзей в Священном Писании. Но хотя прискорбный фанатизм все еще должен продолжать подражать в девятнадцатом веке скорбным трагедиям средневековья, мы должны настойчиво требовать полной свободы не только совести, но и богослужения для римско-католиков в протестантских государствах. Мы должны просить об этом во имя справедливости, чьи непреложные законы несправедливость наших противников никогда не заставит нас забыть; мы должны просить об этом во имя окончательного торжества истины; ибо, если наши требования окажутся тщетными, возможно, с Божьей помощью, благодаря нашему примеру, могло бы быть иначе. Когда два мира встречаются лицом к лицу, в одном из которых изобилует свет, а в другом - тьма, именно тьма должна исчезнуть перед светом, а не свет улетучиваться перед тьмой. Мы могли бы пойти еще дальше: мы далеки от того, чтобы стеснять английских католиков в чем-либо, мы скорее хотели бы помочь им стать свободнее, чем они есть, и помочь им восстановить права, которых римские епископы лишили их во времена, предшествовавшие установлению папства; например, избрание епископов и пасторов, которое принадлежит духовенству и народу. Действительно, Киприан в письме римскому епископу (Корнилию) требовал трех элементов для обеспечения законности епископских выборов: "Призыва Божьего, гласа народа и согласия соисповедников". [1] А Римский собор 1080 года сказал: "Пусть духовенство и *народ*, с согласия апостольского престола или своего *митрополита*, изберут своего епископа". [2] В наши дни, — дни, отмеченные большой свободой, — должна ли церковь быть менее свободной, чем в средние века?

Но если мы не боимся требовать от римско-католиков прав церкви первых веков и большей свободы, чем та, которой они обладают сейчас, даже в самой резиденции папства, должны ли мы поэтому утверждать, что государство, будь то при Эдуарде III или в более поздние времена, не должно ставить никаких препятствий римской агрессии? Если сама жизнь и душа папства заключается в том, чтобы выйти за пределы религии и войти в сферу политики, почему должно казаться странным, что государство защищается, когда на него нападают на его собственной территории? Может ли государство не нуждаться в мерах предосторожности против державы, которая претендовала на главенство над Англией, которая отдала свою корону французскому монарху, которая получила клятву вассалитета от английского короля и которая устанавливает в качестве своей первой догмы свою непогрешимость и неизменяемость?

И не только при Эдуарде III и на протяжении всего средневековья Рим посягал на королевскую власть; это происходило и в наше время. Мсье Минье недавно выявил несколько примечательных фактов. 28 июня 1570 года агент, только что прибывший из Рима, вручил католическому королю Филиппу II письмо от святого Пия V. "Наш дорогой сын Роберт Ридольфи, - говорит автор, - объяснит (с Божьей помощью) вашему величеству некоторые вопросы, которые в немалой степени касаются чести Всемогущего Бога.... Мы умоляем ваше величество серьезно рассмотреть вопрос, который он перед вами поставит, и предоставить ему все средства, которые ваше величество сочтет наиболее подходящими для его исполнения". "Дорогой сын папы", соответственно, объяснил герцогу Ферия, которому Филипп поручил

получить его сообщение, "что было предложено убить королеву Елизавету; что покушение будет предпринято не в Лондоне, поскольку это был очаг ереси, а во время одного из ее путешествий; и что некий Джеймс Г. ... предпримет это". В тот же день совет собрался и обсудил убийство Елизаветы. Филипп заявил о своей готовности предпринять грязное дело, рекомендованное его святейшеством; но поскольку это было бы дорогостоящим делом, его министр наемнул нунция, что папа должен предоставить деньги. Этот ужасный, но поучительный рассказ со всеми его подробностями можно найти в *"Истории Марии Стюарт"* М. Минье, том ii. ii, стр. 159 и др. Это правда, что все это происходило в шестнадцатом веке; но римская церковь канонизировала убийцу священника — честь, которой удостоивалось очень небольшое число пап, — а канонизация состоялась в восемнадцатом веке. [3] Это не такая уж отдаленная дата.

И эти теории, столь рассчитанные на то, чтобы беспокоить народы, все еще встречаются в девятнадцатом веке. В этот самый момент появились писатели, отстаивающие принципы, под прикрытием которых папа может вмешиваться в государственные дела. Короли Европы, напуганные прискорбными вспышками 1848 года, кажутся почти повсюду готовыми поддержать римский двор с оружием в руках; и ультрамонтанизм пользуется этим, чтобы еще раз провозгласить, "что папство выше монархии; что долг низшего (короля) повиноваться вышестоящему; что долг вышестоящего (папы) низлагать суверенов, злоупотребляющих своей властью, и осуждать подданных, сопротивляющихся ей; и, наконец, что этот общественный закон христианской Европы, отмененный честолюбием государей или других лиц". неповиновение народов должно быть возрождено". Таковы теории, которые сейчас исповедуют не только священники, но и влиятельные миряне. [4] К этому мнению принадлежат, в настоящее время, все рвение и энтузиазм католицизма, и одно это мы обязаны признать, согласуется с принципами папства. И соответственно следует опасаться, что эта партия восторжествует, если мы не противопоставим ей объединенные силы человеческого разума, религиозной и политической свободы и, прежде всего, слова Божьего. Самый выдающийся орган общественного мнения Франции, встревоженный распространением этих ультрамонтанских доктрин, не так давно сказал об этой партии: "В ее глазах в мире существует только один реальный авторитет - папа римский. Все вопросы, не только религиозные, но и моральные и политические, подлежат рассмотрению в одном суде, верховном и непогрешимом, - в суде папы римского. Папа имеет право освобождать подданных от присяги на верность; подданные имеют право поднять оружие против своего принца, когда он восстает против решений святого престола. Это социальная и политическая теория средневековья". [5]

Поскольку папство предъявляет претензии как духовные, так и мирские, церковь и государство должны противостоять ему, каждое в своей сфере и своими особыми силами: церковь (под которой я подразумеваю верующих) - исключительно Священным Писанием; государство - такими институтами, которые рассчитаны на обеспечение его независимости. Что? церковь обязана защищать то, что принадлежит церкви, а государство не должно защищать то, что принадлежит государству? Если банда разбойников попытается разграбить два дома, будет ли справедливо и милосердно, если один сосед скажет другому: "Я должен защищать свой дом, но ты должен позволить разграбить свой"? Если папа желает, чтобы проповедовалось непорочное зачатие Девы Марии или любое другое религиозное учение, пусть ему будет предоставлена самая полная свобода и пусть он строит для этой цели столько церквей, сколько ему заблагорассудится: мы заявляем об этом самым простым языком. Но если папа, подобно святому Пию, желает убить королеву Англии, или, по крайней мере (ибо ни одному папе в наши дни, будь он даже достаточно Святым, чтобы быть канонизированным, не пришла бы в голову

такая идея), если папа желает каким-либо образом ущемить права государства, то пусть государство сопротивляется ему с испытанной мудростью и непоколебимой твердостью. Давайте остерегаться ультраспиритуализма, который забывает уроки истории и пренебрегает правами королей и народов. Когда это встречается у теологов, это ошибка; у государственных деятелей это опасность.

Наконец, и это соображение возрождает наши надежды, есть четвертый мотив, который придает в настоящее время особое значение истории, которую мы собираемся изложить. Реформация сейчас вступает в новую фазу. Движение шестнадцатого века угасло в течение семнадцатого и восемнадцатого веков, и историку часто приходилось рассказывать об этом великом возрождении церквей, утратившим всякую искру жизни. Это больше не так. Спустя три столетия на смену тому, что мы описываем в этих томах, приходит новое и более масштабное движение. Принципы религиозного возрождения, которые Бог совершил триста лет назад, теперь с величайшей энергией переносятся на край света. Задача шестнадцатого века снова оживает в девятнадцатом, но более эмансипированная от мирской власти, более духовная, более общая; и именно англосаксонскую расу Бог в основном использует для выполнения этой вселенской работы. Таким образом, английская реформация приобретает в наши дни особое значение. Если реформация в Германии была фундаментом здания, то реформация в Англии была его венцом.

Работа, начатая в эпоху апостолов и возобновленная во времена реформаторов, должна быть возобновлена в наши дни со святым энтузиазмом; и эта работа очень проста и очень прекрасна, ибо она заключается в установлении престола Иисуса Христа в церкви и на земле.

Евангельская вера не возводит на престол церкви ни человеческий разум, ни религиозную добросовестность, как хотели бы некоторые; но она возводит на престол Иисуса Христа, который является одновременно и преподаваемым знанием, и учителем, который преподает его; который объясняет свое слово словом и светом своего Святого Духа; который через это свидетельствует об истине, то есть о своем искуплении, и учит основным законам, которые должны регулировать внутреннюю жизнь его учеников. Евангельская вера призывает к пониманию, сердцу и воле каждого христианина только для того, чтобы возложить на них обязанность подчиняться божественной власти Христа, слушать, верить, любить, понимать и действовать так, как требует Бог.

Евангельская вера не возводит на престол церкви гражданскую власть или светского магистрата; но она возводит на него Иисуса Христа, который сказал: *я царь*; который передает своим подданным принципы жизни; который устанавливает свое царство здесь, на земле, сохраняет и развивает его; и который, направляя все земные события, сейчас осуществляет постепенное завоевание мира, пока он лично не осуществит свою божественную власть в царстве своей славы.

Наконец, евангельская вера не возводит на престол церкви священников, советы, врачей или их традиции — или того вице-Богa (*veri Dei vicem gerit in terris*, как выражается римский гланиец), того *непогрешимого* понтифика, который, возрождая заблуждения язычников, приписывает спасение формам богослужения и достойным деяниям людей. На нем изображен Иисус Христос, великий первосвященник своего народа, Богочеловек, который актом своей свободной любви понес вместо нас, в своей искупительной жертве, наказание за грех; который снял проклятие с наших голов и таким образом стал создателем новой расы.

Такова основная работа того христианства, которое апостольский век передал реформаторам и которое оно теперь передает христианам девятнадцатого века.

В то время как мысли огромного числа людей сбиваются с пути посреди церемоний, священников, человеческих излияний, папских басен и философских мечтаний и мечутся взад и вперед в прахе этого мира, евангельская вера поднимается даже до небес и падает ниц перед Тем, Кто восседает на троне.

Реформация - это Иисус Христос.

"Господи, к кому нам идти, если не к тебе?" Пусть другие следуют уловкам своего воображения, или падают ниц перед традиционными суевериями, или целуют ноги грешному человеку.... О, Царь славы, мы желаем только Тебя одного!

О-Вив, Женева, *март 1853 г.*

Содержание.

КНИГА XVII.

АНГЛИЯ ДО РЕФОРМАЦИИ.

ГЛАВА I.

Введение—Труд XVI века—Единство и разнообразие—Необходимость рассмотрения всей религиозной истории Англии—Утверждение христианства в Великобритании—Формирование церковного католицизма в Римской империи—Духовное христианство, принятое Британией—Рабство и обращение Сукката—Его миссия в Ирландию—Англосаксы восстанавливают язычество в Англии—Колумба на Ионе—Евангелическое учение—Пресвитерия и епископство в Великобритании—Континентальные миссии бриттов—Пропуск,	страница	21
--	----------	----

ГЛАВА II.

Папа Григорий Великий—Желает ослабить Британию—Политика Григория и Августина—Прибытие Миссии—Признательность—Британия превосходит Рим—Дионот в Бангоре—Первая и Вторая римские агрессии—Страдания бриттов—Гордость Рима—Рим прибегает к Резне мечом—Святой Петр бичевал архиепископа—Освальд—Его Победа—Корман—Миссия Освальда и Эйдана—Смерть Освальда,	страница	33
--	----------	----

ГЛАВА III.

ВХарактер Освиу—Смерть Эйдана—Уилфрид в Риме—При дворе Освальда—Финан и Колман—Подвергшаяся нападкам независимость Церкви—	страница	43
--	----------	----

Завоевания и проблемы Освиу—*Фаренский Синод*—Седда—Вырождение—Диспут—Петр, Привратник—Триумф Рима—Скорбь британцев—Папство, организованное в Англии—Папское ликование—Архиепископ Теодор—Седда вновь рукоположен—Разногласия в Церкви—Позор и предательство Уилфрида—Его конец—Шотландия атакована—Адамнан—Иона сопротивляется—Король, обращенный архитекторами—Монах Эгберт в Ионе—Его история—Монашеские видения—Падение Ионы,

ГЛАВА IV.

Климент—Борьба между шотландцем и англичанином—Только Слово Божье—Успех Климента—Его осуждение—Вергилий и Антиподы—Джон Скотт и философская религия—Альфред и Библия—Тьма и папство—Вильгельм Завоеватель—Вулстон у могилы Эдуарда—Борьба между Вильгельмом и Хильдебрандом—Папа уступает—Цезаропапия, страница 58

ГЛАВА V.

Твердость Ансельма—Аскетизм Бекета—Бичевание короля—Джон становится папой Вассал—Столкновение папства и свободы—Король—вассал опустошает свое королевство—Религия чувств и суеверий, страница 66

ГЛАВА VI.

Реакция—Гростете—Принципы реформ—Борьба с Папой—Сьюэл—Прогресс нации—Оппозиция папству—Обращение Брэдуордина—Благодать превыше всего—Эдуард III—Статуты *провизоров* и *Премунитета*, страница 72

ГЛАВА VII.

Нищенствующие монахи—Их беспорядки и народное возмущение—Уиклифф—Его успех—Речи пэров против Папской дани—Брюггское соглашение—Кортни и Ланкастер—Уиклифф перед Созывом—Ссора между Ланкастером и Кортни—Бунт—Три иска против Уиклиффа—Уиклифф в Ламбете—Миссия *бедных священников*—Их проповеди и преследования—Уиклифф и четыре регента, страница 77

ГЛАВА VIII.

Библия—Перевод Уиклиффа—Последствия его публикации—Противодействие духовенства—Четвертая фаза Уиклиффа—Пресуществление—Отлучение—Твердость Уиклиффа—Уот Тайлер—Синод—Осужденные предложения—Петиция Уиклиффа—Уиклифф перед примасом в Оксфорде—Уиклифф вызван в Рим—Его ответ—Триалог—Его смерть—И характер—Его Учение—Его церковные взгляды—Пророчество, страница 86

ГЛАВА IX.

Уиклиффиты—Призыв к реформам—Ричард II—первомученик—Лорд Кобэм—
Предстает перед Генрихом V—Перед архиепископом —Его исповедь и
смерть—Лолларды, страница 97

ГЛАВА X.

Обучение во Флоренции—Тюдоры—Эразм посещает Англию—Сэр Томас
Мор—Дин Колет—Эразм и юный Генрих—Принц Артур и Екатерина—Брак и
смерть—Екатерина обручена с Генрихом—Восшествие на престол Генриха
VIII—Энтузиазм ученых—Эразм отозван в Англию—Кромвель перед Папа
Римский—Екатерина сделала Генриху предложение —Их брак и придворные
турниры—Опасность Генриха, страница 103

ГЛАВА XI.

Папа призывает к войне—Проповедь Колета в соборе Святого Павла—
Фламандская кампания—Брак Людовика XII и принцессы Марии—Письмо
Анны Болейн—Брак Брэндона и Марии—Оксфорд—Сэр Томас Мор при
дворе—Нападение на монастыри—Дом Колета—Он проповедует реформу—
Греки и троянцы, страница 114

ГЛАВА XII.

Вулси — Его первое поручение—Его покладистость и епархии—Кардинал,
канцлер и легат—Хвастовство и некромантия—Его шпионы и вражда—
Претензии духовенства, Страница 122

ГЛАВА XIII.

Волки—Ричард Хан—Убийство—Вердикт присяжных—Хан осужден, а его
персонаж оправдан—Путешествие в Грейвсенд-Лодка—Нарушен праздник—
Брауна пытали—Визит его жены—Мученица—Персонаж Эразма—1516 и
1517—Эразм отправляется в Базель, страница 126

КНИГА XVIII.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА I.

Четыре силы—реформатора - которые реформировали Англию?—Папская
реформа? —Епископальная реформа?—Королевская реформа?—Что
требуется для законной реформы—Доля королевской власти—Доля
епископальной власти—Высокая и низкая Церковь—Политические события—
Греческий и латинский Новый Завет—Мысли Эразма—Энтузиазм и гнев—
Желание Эразма—Крики священников—Их атака при дворе—Изумление
Эразма—Его Труды для этой работы—Эдвард Ли; его персонаж—*Трагедия*— страница 134

Заговор,

ГЛАВА II.

Влияние Нового Завета в университетах —Беседы—Стипендиат Кембриджа—
Билни покупает Новый Завет—Первый отрывок—Его обращение—
Протестантизм, плод Евангелия—Долина Северна—Уильям Тиндейл—
Евангелизация в Оксфорде—Билни преподает в Кембридже—Фрит—
Возможно ли обращение?—Истинное посвящение —Реформация началась,

страница 144

ГЛАВА III.....Тревога духовенства—Два дня—Проповедь Томаса
Мэна—Истинное присутствие—Преследования в Ковентри—Стэндиш
проповедует в соборе Святого Павла—Его Прощение королю и королеве—Его
аргументы и поражение—Амбиции Вулси—Первые попытки—Кандидаты
Генриха и Франциска на престол Империи—Конференция Франциска I и сэра
Т. Болейна—Тиара, обещанная Вулси—Интриги кардинала с Чарльзом и
Франциском,

Страница 151

ГЛАВА IV.

ВТиндейл—Содбери Холл—Сэр Джон и леди Уолш—Застольная беседа—
Священное Писание—Изображения—Якорь веры—Римский лагерь—
Проповедь веры и дел—Священники обвиняют Тиндейла—Они уничтожают то,
что он посадил—Тиндейл решает перевести Библию—Его первый триумф—
Священники в тавернах—Тиндейла вызывают к канцлеру Вустера—Утешает
пожилой врач—На него нападает школяр—Его тайна становится известной—
Он покидает Содбери Холл,

страница 158

ГЛАВА V.

Труды Лютера в Англии—Консультация епископов—Булла Льва X,
опубликованная в Англии—Сожженные книги Лютера—Письмо Генриха VIII—
Он берется писать против Лютера—Крик тревоги—Традиция и
сакраментализм—Благоразумие сэра Т. Мора—Книга, подаренная Папе—
Защитник веры—Ликование короля,

страница 166

ГЛАВА VI.

—Махинации Вулси с целью получения тиары—Он завоевывает Карла V—Союз
между Генрихом и Карлом V—Уолси предлагает командовать войсками—
Брюггский мирный договор—Генрих считает себя королем Франции—Победы
Франциска I—Смерть Льва X,

страница 173

ГЛАВА VII.

Справедливые люди Линкольншира — Их собрания и преподавание—Агнес и Морден—Передвижные библиотеки—Полемические беседы—Сарказм—Королевский указ и террор—Показания и осуждения—Четыре мученика—Конклав—Чарльз утешает Вулси, страница 177

ГЛАВА VIII.

Характер Тиндейл—он прибыл в Лондон—он проповедует—ткань и Элл—епископ Лондона дает зрителям Тиндейл—он уволен—христианин, купец из Лондона—дух любви в Реформации—Тиндейл в Monmouth дом—Fryth помогает ему перевести Новый Завет—Importunities епископа Линкольна—преследование в Лондоне—Тиндейла резолюции—он уходит—его возмущение против прелатов—его надежды, страница 182

глава IX.

Билн в Кембридже—преобразования—университет крест-на предъявителя—Лестершир, крестьянина—группа студентов—суеверные обычаи—упрямая Папист—софисты—Латимер нападения Стаффорда—Билн резолюции—Латимер слышит Билн исповеди—духовник преобразован новую жизнь в Латимер—Билн проповедует благодать—природа Министерства—Латимер характер и учебно—дела милосердия—три классами противников—Кларк и Dalaber, страница 190

глава X.

Вулси ищет тиару—Климент VII избрали—Вулси притворства—Чарльз предлагает Франции в Генри—миссии ПАСЕ на эту тему—Вулси реформы монастырей—его тайные союзы—договор между Францией и Англией—налогообложение и восстания—ложные обвинения против реформаторов—Латимер обороны—город Колокольня, стр. 201

глава XI.

Тиндейл в Гамбурге—Первые два Евангелия—Конфуз—Тиндейл в Виттемберге—В Кельне—Новый Завет в типографии—Внезапный перерыв—Кохлей в Кельне—Рукописи Руперта—Обнаружение Кохлея—Его запросы—Его тревога—Ринке и запрет Сената—Ужас и решение Тиндейла—Кохлей пишет в Англию—Тиндейл поднимается по Рейну—Печатает два издания в Вормсе—Молитва Тиндейла, страница 207

ГЛАВА XII.

Вормс и Кембридж—Воскрешение Святого Павла—Проповедь Латимера—Никогда человек не говорил так, как этот Человек—Радость и досада в Кембридже—Проповедь приора Бекингема—Ирония—Ответ Латимера Бекингему—Студенты угрожали—Латимер проповедует перед епископом—Ему страница 215

запрещено проповедовать—Самый ревностный из епископов—Барнс,
Реставратор писем—Билни берется обратить его—Барнс предлагает Латимеру
свою кафедру—Жажда Бога Фрита—Сочельник 1525 года—Буря против
Барнса—Брожение в церкви Колледжи—Германия в Кембридже—Встречи в
Оксфорде—Общее ожидание,

КНИГА XIX.

ВАНГЛИЙСКИЙ НОВЫЙ ЗАВЕТ И РИМСКИЙ СУД.

ГЛАВА I.

Церковь и государство существенно различаются —Их фундаментальные
принципы—Что возвращает Церкви Жизнь—Необходимо отделение от Рима—
Реформа и свобода—Новый Завет пересекает море—Спрятан в Лондоне—
Проповедь и рвение Гаррета—Распространение Священного Писания—Что
люди находят в нем—Эффект, который оно производит—Объяснения
Тиндейла—Ропер, зять Мора-Гаррет везет Завещание Тиндейла в Оксфорд-
Генри и его камердинер—Мольбы нищих—Два вида нищих—Зло, причиняемое
священниками—Слова Мора Мольбы душ в Чистилище,

страница 228

ГЛАВА II.

Две власти—Начало поисков—Гаррет в Оксфорде—Его бегство—Его
возвращение и заключение в тюрьму—Сбегают и находят убежище у
Далабера—Гаррет и Далабер на молитве—*Магнификат*—Удивление врачей—
Совет Кларка—Братская любовь в Оксфорде—Тревога Далабера—Его арест и
обследование—Его пытаются—Гаррет и двадцать товарищей заключены в
тюрьму—Подвал—Осуждение и унижение,

страница 238

ГЛАВА III.

Преследование в Кембридже—Барнс арестован— Грандиозный обыск—Барнс
во дворце Вулси—Допрошен кардиналом—Разговор между Вулси и Барнсом—
Барнсу угрожают костром—Его падение и публичное покаяние—Ричард
Бейфилд—Его вера и тюремное заключение—Посещает Кембридж—
Присоединяется к Тиндейлу—Исповедники в подвале Оксфорда—Четверо из
них умирают—Остальные освобождены,

страница 246

ГЛАВА IV.

Письмо Лютера королю—Гнев Генриха—Его ответ—Резолюция Лютера—
Преследования—Барнс сбегает—Прокламации против Нового Завета—У. Рой
Каиафе—Третье издание Нового Завета—Триумф закона и свободы—Хэкет
нападает на печатника—Жалобы Хэкета—Припадок—1526 год в Англии,

страница 255

ГЛАВА V.

Вулси желает мести—Предполагаемый развод—Чувства Генриха к королеве— страница 261
Первые шаги Вулси—Разбирательство в Лонгленде—Отказ Маргариты Валуа—
Возражение епископа Тарбского—Беспокойство Генриха—Тревога
Екатерины—Миссия в Испанию,

ГЛАВА VI.

Анна Болейн назначена фрейлиной Екатерины—Лорд Перси привязывается к страница 267
ней—Вулси разлучает их—Анна входит в дом Маргариты—Осада Рима;
Кромвель—Заступничество Вулси за папство—Он требует руки Рене
Французской для Генриха—Неудача—Анна вновь появляется при дворе—
Отвергает ухаживания короля—Письмо Генриха—Он решает ускорить
развод—Два мотива, которые побуждают Анну отказаться от короны—
Противодействие Вулси,

ГЛАВА VII.

Проповедь Билни—Его арест—Проповедь и заключение Артура—Допрос страница 275
Билни—Спор между судьей и заключенным—Слабость и падение Билни—Его
страхи—Два желания—Прибытие четвертого издания Нового Завета—Радость
среди верующих,

ГЛАВА VIII.

Папство перехватывает Евангелие—Король консультируется с сэром Томасом страница 281
Мором—Церковные конференции по поводу развода—Университеты—Кларк—
Монахиня из Кента—Вулси решает исполнить Волю короля—Миссия к Папе—
Четыре документа—Смущение Карла V—Франциск Филипп в Мадриде—
Бедствие и решимость Карла—Он отворачивается от Реформации—
Конференция в замке Святого Ангела—Найт прибывает в Италию—Его
бегство—Договор между Папой и императором—Побег Папы—
Замешательство Генриха VIII—Приказы Вулси—Его мольбы,

ГЛАВА IX.

Английские послы в Орвието—Их обращение к Папе—Климент выигрывает страница 289
время—Посланники и Святая святых кардинала —Стратегема папы—Найт
обнаруживает это и возвращается—Превращения Антихриста—Англичане
получают новый документ—Новая стратегема—Требование второго
кардинала-легата—Новый способ папы—Конец кампании,

ГЛАВА X.

Разочарование в Англии—Война, объявленная Карлу V—Уолси желает страница 297
добиться его низложения папой—Новая стратегия Схема—Посольство Фокса и
Гардинера—Их прибытие в Орвието—Их первое интервью с Климентом—Папа
читает трактат Генри—Угрозы Гардинера и обещание Климента—

Современный Фабий—Новое интервью и угрозы—У папы нет *ключа*—
Предложение Гардинера—Трудности и задержки кардиналов—Последние
удары Гардинера—Неудачи Карла V в Италии—Террор и уступка папы—
Комиссия предоставлена—Вулси требует *Помолвки*—Лазейка — Отчаяние
папы ,

ГЛАВА XI.

Отчет Фокса Генри и Анне—Впечатление Вулси—Он требует Декретного
собрания—Один из мелких маневров кардинала—Он успокаивает свою
совесть—Гардинер терпит неудачу в Риме—Новое вероломство Вулси—Гнев
короля против папы—Сэр Т. Мор предсказывает свободу вероисповедания—
Безнравственность ультрамонтанского социализма—Приглашен Эразм—
Последнее бегство Вулси—Энергичные усилия в Риме—Климент дарует всем—
Триумфы Вулси—Союз Рима и Англии,

страница 307

, КНИГА XX. ДВА РАЗВОДА.

ГЛАВА I.

Прогресс Реформации—Два развода—Мольбы к Анне Болейн—Письма в
Ватикан—Генрих к Анне—Второе письмо Генриха—Третье—Четвертое—
Тревога Вулси—Его бесплодные разбирательства—Он поворачивается—
Потливость—Страхи Генриха—Новые письма Анне—Анна заболевает; ее
покой—Генрих пишет ей—Ужас Вулси—Кампеджио не прибывает—Все
притворяются при дворе,

страница 316

ГЛАВА II.

Ковердейл и вдохновение—Он берется переводить Священные Писания—Его
радость и духовные песни—Тайболл и миряне—Ковердейл проповедует в
Бампстеде—Возрождение в Колчестере—Общества неполного состава и
Новый Завет—Преследования-Монмут арестован и освобожден,

страница 327

ГЛАВА III.

Политические изменения—Свежие инструкции папы Кампеджио—Его
задержки—Он разоблачает себя перед Франциском—Предсказание—
Прибытие Кампеджио—Беспокойство Вулси—Удовлетворение Генриха—
Проект кардинала—Прием Кампеджио—Первое интервью с королевой и с
королем—Бесполезные попытки заставить Кампеджио расстаться с
Декретом—Совесть Нунция—Общественное мнение—Меры, принятые
королем—Его речь перед лордами и олдерменами—Празднества—Вулси ищет
поддержки Франции—Противоречие,

страница 334

ГЛАВА IV.

Истинная католицизм—Уолси—Дело Хармана—Уэста отправляют в Кельн—
Подвиги Тиндейла и Фрит—Ринке во Франкфурте—Он делает открытие—
Тиндейл в Марбурге—Уэст возвращается в Англию—Его пытки в монастыре, страница 347

ГЛАВА V.

Необходимость реформации—Серьезность Вулси по отношению к Да Казале—
Аудиенция у Климента VII—Жестокая позиция папы —Поцелуй Иуды—Новое
дело—Брайана и Вана отправляют в Рим — Генри и Дю Белле—Доводы Вулси
против "Брифа"—Волнение в Лондоне—Метаморфоза—Упадок Вулси—Его
страдания, страница 353

ГЛАВА VI.

Болезнь папы—Желание Уолси—Совещание по поводу членов Конклава—
Инструкции Уолси—Папа выздоравливает—Речь английских посланников к
Папе—Климент готов покинуть Англию—Англичане требуют, чтобы папа
отказался от Заключения—Интриги Уолси—Тревога—Проницательность
Брайана—Угрозы Генри—Новые усилия Вулси—Он призывает обратиться к
Риму и отказывается—Вулси и Дю Белле в Ричмонде—Корабль государства, Страница 359

ГЛАВА VII .

Дискуссия между евангелистами и католиками—Союз образования и жизни—
Миряне—Тьюксбери—Его появление перед епископским судом—Его пытаются—
Два класса противников—Теологический поединок—Священное Писание и
Церковь—Освобождение разума—Миссия в Нидерланды—Смущение
Тиндейла—Тонстолл хочет купить Книги—Уловка Пакингтона—Тиндейл
отправляется в Антверпен—Его кораблекрушение—Прибытие в Гамбург—
Встреча с Ковердейлом, страница 366

ГЛАВА VIII.

Королевская сессия—Заседание 18 июня; Протест королевы—Заседание 21
июня—Вызов к королю и королеве—Речь Екатерины—Она уходит—
Впечатление на аудиторию—Декларация короля—Протест Вулси—Ссора
между епископами—Новое заседание—Явление Кентской деве—Уолси
раздражен Генрихом—Граф Уилтшир у Вулси—Приватная беседа Екатерины с
двумя легатами, страница 375

ГЛАВА IX.

Суд возобновлен—Вызвана Екатерина—Двенадцать статей—Показания
свидетелей—Артур и Екатерина действительно женаты—Кампеджио
возражает против аргумента Божественного Права—Другие аргументы—
Легаты, необходимые для вынесения решения—Их отступления—Перемены в Страница 384

сознании людей—Заключительное заседание—Всеобщее ожидание—
Перерыв во время сбора урожая—Кампеджио оправдывает эту дерзость—
Возмущение короля—Насилие Саффолка—Ответ Вулси—Он разорен—Общие
обвинения—Кардинал возвращается к епископальной жизни,

ГЛАВА X.

Анна Болейн в Хевере —Она читает послушание христианина—Отозвана ко
двору —Мисс Гейнсфорд и Джордж Зух—Книга Тиндейла обращает Зух—Зух в
Королевской часовне—Книгу изъяли—Анна обращается к Генриху—Король
читает Книгу—Предполагаемое влияние Книги на Генриха—Суд в Вудстоке—
Парк и его гоблины—Уважение Генриха к Анне,

страница 390

ГЛАВА XI.

Смущение папы римского—Триумфы Карла решают его —Он переносит Дело в
Рим—Уныние Вулси—Гнев Генриха—Его страхи—Вулси находит утешение—
Прибытие двух легатов в Графтон—Прием Уолси Генрихом—Вулси и Норфолк
за обедом—Генрих с Анной—Совещание короля и кардинала—Радость и горе
Вулси—Ужин в Юстоне—Прощальная аудиенция Кампеджио—Опала Вулси—
Кампеджио в Дувре—Придворные обвиняют его — Покидает Англию—Вулси
предвидит свое собственное падение и падение папства,

страница 397

ГЛАВА XII.

Встреча в Уолтеме—Юность Томаса Кранмера—Его раннее образование—
Изучает Священное Писание в течение трех лет—Его функции экзаменатора—
Ужин в Уолтеме—Новый взгляд на развод—Фокс сообщает об этом Генри—К
Досаде Кранмера—Встреча с королем—Кранмер у Болейнов,

страница 407

ГЛАВА XIII.

Вулси в Канцлерском суде —Обвиняемый герцогами—Отказывается отдать
Большую Печать—Его отчаяние—Он отдает Печать—Приказ об отъезде—Его
Опись—Тревога—Сцена отъезда—Благоприятное послание от короля—
Радость Вулси—Его дурак—Прибытие в Эшер,

страница 412

ГЛАВА XIV.

Томас Мор избран канцлером—Светское правительство один из величайших
фактов Реформации—Уолси обвиняют в подчинении Англии Папе—Он умоляет
короля о помиловании—Его осуждение—Кромвель в Эшере—Его характер—
Он отправляется в Лондон—Сэр Кристофер Хейлс рекомендует его королю—
Интервью Кромвеля с Генри в парке—Новая теория—Кромвель избран членом
парламента—Открыто сэром Томасом Мором—Атака на церковные
злоупотребления—Реформы, объявленные Собранием—Три законопроекта—
Рочестер нападает на них—Сопrotивление Палаты представителей Палата

страница 418

общин—Борьба—Генрих санкционирует три законопроекта—Тревога духовенства и беспорядки,

ГЛАВА XV.

Последний час—Фанатизм Мора—Дебаты в Созыве—Королевская прокламация—Епископ Норвича—Приговоры осуждены—Оппозиция Латимера—Сожжен Новый Завет—Начинается преследование—Хиттон—Бейфилд—Тонстолл и Пакингтон—Бейфилд арестованы—Ректор Патмор—Башня Лоллардов—Тиндейл и Патмор—Музыкант—Художник Фриз—Плакаты и мученическая смерть Беннета—Томас Мор и Джон Пети—Билни,

страница 426

ГЛАВА XVI.

Террор Вулси—Импичмент пэров—Кромвель спасает его—Болезнь кардинала—К нему возвращаются амбиции—Его практика в Йоркшире—Он арестован Нортумберлендом—Его отъезд—Прибытие констебля Тауэра—Вулси в Лестерском аббатстве—Преследование языка—Он умирает—Три движения: Верховенство, Священное Писание и вера,

страница 438

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ.

КНИГА XVII.

АНГЛИЯ ДО РЕФОРМАЦИИ.

ГЛАВА I.

Введение—Труд шестнадцатого века—Единство и разнообразие—Необходимость рассмотрения всей религиозной истории Англии—Установление христианства в Великобритании—Формирование церковного католицизма в Римской империи—Духовное христианство, принятое Британией—Рабство и обращение Сукката—Его миссия в Ирландии—Англосаксы восстанавливают язычество в Англии—Колумба на Ионе—Евангелическое учение—Пресвитерия и епископство в Великобритании—Континентальные миссии бриттов—Упущение.

Те небесные силы, которые дремали в Церкви с первых веков христианства, пробудились ото сна в шестнадцатом веке, и это пробуждение вызвало к существованию новое время. Церковь была создана заново, и из этого возрождения вытекли великие достижения литературы и науки, морали, свободы и трудолюбия, которые в настоящее время характеризуют народы Христианского мира. Ничего из этого не существовало бы без Реформации. Всякий раз, когда общество вступает в новую эру, оно требует крещения верой. В шестнадцатом веке Бог даровал

человеку это посвящение свыше, вернув его от простого внешнего исповедания и механизма работы к внутренней и живой вере.

ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ.

Эта трансформация произошла не без борьбы — борьбы, которая поначалу представляла собой замечательное единство. В день битвы одно и то же чувство оживляло каждую душу: после победы они разделились. Единство веры действительно сохранилось, но различие национальностей внесло в Церковь разнообразие форм. Мы сейчас станем свидетелями яркого примера этого. Реформации, начавшей свое триумфальное шествие по Германии, Швейцарии, Франции и нескольким другим частям континента, было суждено обрести новую силу благодаря обращению в христианство знаменитой страны, издавна известной как *Остров Святых*. Этот остров должен был добавить свое знамя к трофею протестантизма, но это знамя сохранило свои отличительные цвета. Когда Англия стала реформированной, могущественный индивидуализм объединил свою мощь с великим единством.

Если мы поищем характеристики британской реформации, то обнаружим, что, помимо любых других, они были социальными, национальными и по-настоящему человеческими. Нет такого народа, среди которого Реформация произвела бы в такой же степени ту мораль и порядок, ту свободу, общественный дух и активность, которые составляют саму суть величия нации. Точно так же, как папство унизило испанский полуостров, Евангелие возвысило британские острова. Следовательно, исследование, к которому мы приступаем, представляет особый интерес само по себе.

Для того чтобы это исследование могло быть полезным, оно должно носить характер универсальности. Ограничить историю народа несколькими годами или даже столетием означало бы лишить эту историю как правды, так и жизни. У нас действительно могли бы быть традиции, хроники и легенды, но не было бы истории. История - замечательная организация, ни одна часть которой не может быть сокращена. Чтобы понять настоящее, мы должны знать прошлое. Общество, как и сам человек, имеет свое младенчество, юность, зрелость и старость. Древнее, или языческое, общество, зародившееся на Востоке среди антиэллинских рас, обрело свою юность в оживленную эпоху греков, возмужание - в суровый период римского величия, а старость - в период упадка империи. Современное общество прошло через аналогичные стадии: во времена Реформации оно достигло уровня взрослого человека. Теперь мы продолжим проследить судьбы Церкви в Англии с самых ранних времен христианства. Эти длительные и отдаленные приготовления являются одной из отличительных черт ее реформации.

До шестнадцатого века эта Церковь прошла через две большие фазы.

Первый был связан с его формированием, второй — с его разложением.

По своему формированию она была восточно-апостольской.

В своей испорченности она была последовательно национально-папистской и королевско-папистской.

После этих двух степеней упадка наступил последний и великий этап Реформации.

ЕВАНГЕЛИЕ ДОСТАВЛЕНО В БРИТАНИЮ.

Во втором веке христианской эры суда часто отправлялись к диким берегам Британии из портов Малой Азии, Греции, Александрии или греческих колоний в Галлии. Среди купцов, занятых подсчетом прибыли, которую они могли бы получить от восточных товаров, которыми были нагружены их корабли, иногда можно было встретить нескольких благочестивых людей с берегов Меандра или Герма, мирно беседующих друг с другом о рождении, жизни, смерти и воскресении Иисуса из Назарета и радующихся перспективе спасти этой радостной вестью язычников, к которым они направлялись. По-видимому, некоторые британские военнопленные, научившись познавать Христа во время своего плена, также передали своим соотечественникам знания об этом Спасителе. Возможно также, что некоторые христианские солдаты, Корнелиусы из тех имперских армий, передовые посты которых достигли южных частей Шотландии, желая более длительных завоеваний, возможно, читали покоренному ими народу писания Матфея, Иоанна и Павла. Не имеет большого значения, был ли одним из этих первых обращенных, согласно традиции, принц по имени Луций. Несомненно, что весть о Сыне человеческого, распятом и воскресшем вновь при Тиберии, распространилась по этим островам быстрее, чем владычество императоров, и что еще до конца второго столетия многие церкви поклонялись Христу за стенами Адриана, в тех горах, лесах и на западных островах, которые на протяжении веков друиды наполняли своими мистериями и жертвоприношениями и над которыми никогда не опускались даже римские орлы. [6] Эти церкви были сформированы по восточному типу: бритты отказались бы принять тип того Рима, которого они ненавидели.

КУЛЬДИ.

Первое, с чем столкнулись британские христиане из столицы империи, было преследование. Но Диоклетиан, поразив учеников Иисуса Христа в Британии, только увеличил их число. [7] Многие христиане из южной части острова нашли убежище в Шотландии, где они построили свои скромные дома и под именем *Калдис* молились о спасении своих защитников. Когда окружающие язычники увидели святость этих мужей Божьих, они в большом количестве покинули свои священные дубы, свои таинственные пещеры и свои окровавленные алтари и подчинились кроткому голосу Евангелия. После смерти этих благочестивых беженцев их кельи были преобразованы в молитвенные дома. [8] В 305 году Констанций Хлор унаследовал трон цезарей и положил конец преследованиям.

Христианство, которое принесли этим людям торговцы, солдаты или миссионеры, хотя и не церковный католицизм, уже проникший в жизнь Римской империи, не было примитивным евангелизмом апостолов. Восток и Юг могли отдать Северу только то, чем они обладали. Период существования простого человека сменился периодом творчества и чудотворения церкви. После необычайных проявлений Святого Духа, положивших начало апостольской эпохе, церковь была предоставлена внутренней силе слова и Утешителя. Но христиане, как правило, не понимали духовной жизни, к которой они были призваны. Богу было угодно дать им божественную религию; и постепенно они все больше и больше ассимилировались с религиями человеческого происхождения. Вместо того чтобы сказать, в духе Евангелия, сначала слово Божье, а через него учение и жизнь - учение и жизнь, а через них формы; они сказали: сначала формы и спасение через эти формы. Они приписывали епископам власть, которая принадлежит только Священному Писанию. Вместо служителей слова они желали

иметь священников; вместо внутренней жертвы - жертву, приносимую на алтаре; и дорогостоящие храмы вместо живой церкви. Они начали искать в людях, в церемониях и в святых местах то, что они могли найти только в Слове и в живой вере детей Божьих. Таким образом, евангельская религия уступила место католицизму, и в результате постепенного вырождения в последующие годы католицизм породил папство.

Эта печальная трансформация произошла, в частности, на Востоке, в Африке и в Италии. Британия поначалу была сравнительно исключена. В то самое время, когда дикие пикты и скотты, покинув свои языческие дома, опустошали страну, сея ужас во все стороны и обращая людей в рабство, мы то тут, то там обнаруживаем смиренных христиан, получающих спасение не благодаря священническому сакраментализму, но благодаря действию Святого Духа в сердце. В конце четвертого века мы встречаемся с ярким примером такого обращения.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

На живописных берегах Клайда, недалеко от Глазго, в христианской деревне Бонаверн, ныне Килпатрик, маленький мальчик с нежным сердцем, живым темпераментом и неутомимой деятельностью, провел первые дни своей жизни. Он родился примерно в 372 году нашей эры в британской семье и получил имя Суккат. [9] Его отец, Кальпурний, диакон церкви Бонаверна, простодушный благочестивый человек, и его мать, Кончесса, сестра знаменитого Мартина, архиепископа Турского, [10] и женщина, превосходящая большинство представителей своего пола, пыталась внушить ему доктрины христианства; но Суккат их не понимал. Он любил удовольствия и был рад быть лидером среди своих юных товарищей. В разгар своего легкомыслия он совершил серьезную ошибку.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ВЕРА.

Когда его родители покинули Шотландию и поселились в Арморике (Бретань), их постигло ужасное бедствие. Однажды, когда Суккат играл на берегу моря с двумя своими сестрами, несколько ирландских пиратов под командованием О'Нила увезли их всех троих на их лодки и продали в Ирландии мелкому вождю какого-то языческого клана. Сукката отправили в поле пасти свиней. [11] Именно находясь один на этих пустынных пастбищах, без священника и без храма, молодой раб вспомнил Божественные уроки, которые так часто читала ему его благочестивая мать. Вина, которую он совершил, тяжело давила на его душу день и ночь: он стонал сердцем и плакал. Он обратился с раскаянием к кроткому Спасителю, о котором так часто говорила Кончесса; он упал на колени в этой языческой стране; и ему показалось, что он чувствует руки отца, поднимающего блудного сына. Тогда Суккат был рожден свыше, но агентом настолько духовным, настолько внутренним, что он не знал, "Откуда это приходит и куда уходит". Евангелие было написано перстом Божьим на скрижалях его сердца. "Мне было шестнадцать лет, - сказал он, - и я не знал истинного Бога; но в той чужой стране Господь открыл мои неверующие глаза, и, хотя и поздно, я вспомнил о своих грехах и обратился всем сердцем к Господу, моему Богу, который оценил мое низкое положение, сжалился над моей юностью и невежеством и утешил меня, как отец утешает своих детей". [12]

Подобные слова из уст свинопаса на зеленых пастбищах Ирландии ясно показывают нам христианство, которое в четвертом и пятом веках обратило множество душ на британских островах. В последующие годы Рим установил власть священника и спасение посредством форм, независимо от расположения сердца; но примитивной религией этих знаменитых

островов было живое христианство, сущность которого - благодать Иисуса Христа, а сила - благодать Святого Духа. Пастух с берегов Клайда в то время переживал те же переживания, которые впоследствии пережили многие евангельские христиане в этих странах. "Любовь к Богу все больше и больше возрастала во мне, - сказал он, - с верой и страхом перед Его именем. Дух побуждал меня к этому до такой степени, что я изливал до ста молитв за один день. И даже ночью, в лесах и на горах, где я пас свою паству, дождь, и снег, и мороз, и страдания, которые я перенес, побуждали меня искать Бога. В то время я не испытывал того безразличия, которое испытываю сейчас: Дух бродил в моем сердце". [13] Евангельская вера уже тогда существовала на британских островах в лице этого раба и нескольких христиан, рожденных свыше, подобно ему, свыше.

Дважды побывавший в плену и дважды спасенный, Суккат, вернувшись к своей семье, почувствовал непреодолимую привлекательность в своем сердце. Его долгом было нести Евангелие тем ирландским язычникам, среди которых он нашел Иисуса Христа. Его родители и друзья тщетно пытались удержать его; то же самое горячее желание преследовало его во снах. Во время безмолвных ночных дежурств ему чудилось, что он слышит голоса, зовущие его из темных лесов Эрина: "Приди, святое дитя, и пройдишь еще раз среди нас". Он проснулся в слезах, его грудь была переполнена сильнейшими эмоциями. [14] Он вырвался из объятий своих родителей и бросился вперед — не так, как раньше со своими товарищами по играм, когда он взбирался на вершину какого-нибудь высокого холма, — но с сердцем, полным милосердия во Христе. Он ушел: "Это было сделано не моими собственными силами, - сказал он. - это Бог победил все".

МИССИЯ ПАТРИКА.

Суккат, впоследствии известный как Святой Патрик, с чьим именем, как и с именем святого Петра и других слуг Божьих, было связано много суеверий, вернулся в Ирландию, но, как утверждает историк XII века, не посетил Рима. [15] Всегда активный, расторопный и изобретательный, он собирал языческие племена на полях под бой барабана, а затем рассказывал им на их родном языке историю Сына Божьего. Вскоре его простые декламации возымели божественную силу над их грубыми сердцами, и многие души были обращены не внешними таинствами или поклонением образам, но проповедью слова Божьего. Сын вождя, которого Патрик называет Бенигнус, научился у него проповедовать Евангелие, и ему было суждено стать его преемником. Придворный бард Дубрах Мак Валубайр больше не пел гимны друидов, а песнопения, обращенные к Иисусу Христу. Патрик не был полностью свободен от заблуждений того времени; возможно, он верил в благочестивые чудеса; но, вообще говоря, в первые дни существования Британской церкви мы не встречаем ничего, кроме Евангелия. Несомненно, придет время, когда Ирландия снова ощутит силу Святого Духа, который когда-то обратил ее благодаря служению шотландца.

Незадолго до евангелизации Патрика в Ирландии британец по имени Пелагиус, посетив Италию, Африку и Палестину, начал проповедовать странное учение. Желая выступить против морального безразличия, в которое впало большинство христиан в этих странах и которое, по-видимому, сильно контрастировало с британским аскетизмом, он отрицал доктрину первородного греха, превозносил свободу воли и утверждал, что, если бы человек использовал все силы своей природы, он достиг бы совершенства. Мы не находим, чтобы он проповедовал эти взгляды в своей собственной стране; но с континента, где он их распространял, они вскоре

достигли Британии. Британские церкви отказались принять эту "извращенную доктрину", - сообщает нам их историк, - "и хулить благодать Иисуса Христа". [16] Они, по-видимому, не придерживались строгой доктрины святого Августина: они действительно верили, что человек нуждается во внутреннем изменении, и что это может осуществить только божественная сила; но, подобно церквям Азии, из которых они произошли, они, похоже, кое в чем уступили нашей естественной силе в работе обращения; и Пелагий, по-видимому, с благими намерениями, пошел еще дальше. Как бы то ни было, эти церкви, незнакомые с полемикой, не были знакомы со всеми ее тонкостями. Два галльских епископа, Герман и Люпус, пришли им на помощь, и те, кто был извращен, вернулись на путь истины. [17]

ВТОРЖЕНИЕ САКСОВ.

Вскоре после этого в Великобритании произошли события огромной важности, и свет веры исчез в глубокой ночи. В 449 году Хенгист и Хорса со своими саксонскими последователями, приглашенные несчастными жителями помочь им в борьбе с жестокими набегами пиктов и скоттов, вскоре обратили свои мечи против людей, которым они пришли помочь. Христианство было вытеснено бриттами в горы Уэльса и на дикие вересковые пустоши Нортумберленда и Корнуолла. Многие британские семьи остались среди завоевателей, но не оказали на них никакого религиозного влияния. В то время как народы-завоеватели, обосновавшиеся в Париже, Равенне или Толедо, постепенно отказались от своего язычества и диких нравов, варварские обычаи саксов безраздельно господствовали во всех королевствах Гептархии, и в каждом квартале храмы Тора возвышались над церквями, в которых поклонялись Иисусу Христу. Галлия и юг Европы, которые все еще являли взорам варваров последние следы римского величия, одни только обладали силой внушить грозным германцам некоторую степень уважения и преобразовать их веру. С того периода греки и латиняне, и даже обращенные готы смотрели на этот остров с невыразимым ужасом. Земля, говорили они, покрыта змеями; воздух насыщен смертоносными испарениями; души усопших переносятся туда в полночь с берегов Галлии. Паромщики, сыны Эреба и Ночи, впускают эти невидимые тени в свои лодки и с содроганием прислушиваются к их таинственному шепоту. Англия, откуда свет однажды должен был пролиться на обитаемый земной шар, была тогда местом свидания мертвых. И все же христианству Британских островов не суждено было быть уничтоженным этими варварскими вторжениями; оно обладало силой, которая делала его способным к энергичному сопротивлению.

КОЛУМБА.

В одной из церквей, образованных проповедью Сукката, примерно через два столетия после него возник благочестивый человек по имени Колумба, сын Фейдлимида, сына Фергуса. Ценя крест Христов выше, чем царскую кровь, которая текла в его жилах, он решил посвятить себя Царю небесному. Разве он не вернет стране Суккат то, что Суккат передал его стране? "Я поеду, - сказал он, - и буду проповедовать слово Божье в Шотландии"; [18] ибо тогда обращающим средством было слово Божье, а не церковная иерархия. Внук Фергюса передал воодушевлявшее его рвение в сердца нескольких братьев-христиан. Они отправились на берег моря и, срубив гибкие ветви ивы, соорудили хрупкую кору, которую покрыли звериными шкурами. В эту грубую лодку они сели в 565 году, и после того, как их мотало взад и вперед по океану, маленькая группа миссионеров достигла вод Гебридских островов. Колумба высадился возле бесплодных скал Малл, к югу от базальтовых пещер Стаффы, и поселился на небольшом

острове, впоследствии известном как Иона или Иколмкилл, "остров кельи Колумбы". Некоторые христианские кульды, изгнанные из-за разногласий пиктов и скоттов, уже нашли убежище в том же уединенном месте. Здесь миссионеры воздвигли часовню, стены которой, как говорят, до сих пор сохранились среди величественных руин более поздней эпохи. [19] Некоторые авторы ставят Колумбу в первый ряд после апостолов. [20] Правда, мы не находим в нем веры Павла или Иоанна; но он жил так, как пред очами Божиими; он умерщвлял плоть и спал на земле, положив камень вместо подушки. Среди этого торжественного пейзажа и среди столь грубых обычаев фигура миссионера, озаренная светом с небес, сияла любовью и являла радость и безмятежность его сердца. [21] Хотя он был подвержен тем же страстям, что и мы, он боролся со своей слабостью и не хотел терять ни минуты во славу Божию. Он молился и читал, он писал и учил, он проповедовал и искупал время. С неутомимой активностью он ходил от дома к дому и из королевства в королевство. Король пиктов был обращен, как и многие из его народа; драгоценные рукописи были переданы на Иону; там была основана школа теологии, в которой изучалось слово; и многие получили через веру спасение, которое во Христе Иисусе. Издавна миссионерский дух веял над этой океанской скалой, столь справедливо названной "светом западного мира".

ЕГО УЧЕНИЕ.

Иудейский жреческий дух, который начинал распространяться в христианской церкви, не нашел поддержки в Ионе. У них были формы, но не в них они искали жизнь. Колумба утверждал, что именно Святой Дух сделал слугу Божьего. Когдамолодежь Каледонии собиралась вокруг старейшин на этих диких берегах или в своей скромной часовне, эти служители Господа говорили им: "Священное Писание - единственное правило веры. [22] Отбросьте все заслуги дел и ищите спасения только в милости Божьей. [23] Остерегайтесь религии, которая состоит из внешних обрядов: лучше сохранить свое сердце чистым перед Богом, чем воздерживаться от мяса. [24] Одна только твоя голова, Иисус Христос. Епископы и пресвитеры равны; [25] они должны быть мужьями одной жены и иметь своих детей в подчинении". [26]

Мудрецы Ионы ничего не знали ни о пресуществлении, ни об извлечении чаши на Вечере Господней, ни об исповеди через ухо, ни о молитвах к умершим, ни о свечах, ни о благовониях; они праздновали Пасху в другой день, чем в Риме; [27] синодальные собрания регулировали дела церкви, и папское верховенство было неизвестно. [28] Солнце Евангелия воссияло над этими дикими и далекими берегами. В последующие годы привилегией Великобритании было вернуть к жизни с более чистым блеском то же солнце и то же Евангелие.

Иона, управляемая простым старейшиной, [29] стала миссионерским колледжем. Иногда его называли монастырем, но жилище внука Фергюса в Ницце не напоминало папские монастыри. Когда его юные обитатели пожелали распространять знания об Иисусе Христе, они не думали о том, чтобы отправиться куда-либо в поисках епископского рукоположения. Преклонив колени в часовне Иколмкилла, они были отделены возложением рук старейшин: они назывались *епископами*, но оставались послушными *старейшине* или пресвитеру Ионы. Они даже посвящали других епископов: так, Финан возложил руки на Диуму, епископа Миддлсекского. Эти британские христиане придавали большое значение служению, но не отдавали предпочтение одной форме перед другой. Пресвитерия и епископатство были у них, как и у первоначальной церкви, почти идентичны. [30] Несколько позже мы обнаруживаем, что ни достопочтенный Беда, ни Ланфранк, ни Ансельм — двое последних были архиепископами Кентерберийскими —

не возражали против рукоположения британских епископов простыми пресвитерами. [31] Религиозный и моральный элемент, присущий христианству, все еще преобладал; священнический элемент, который характеризует человеческие религии, будь то среди брахманов или где-либо еще, начинал проявляться, но, по крайней мере, в Великобритании он занимал очень подчиненное положение. Христианство все еще было религией, а не кастой. Они не требовали от слуги Божьего, чтобы подтвердить его способности, длинного списка имен, сменяющих друг друга, как бусины четок; они придерживались серьезных, благородных и святых представлений о служении; его авторитет полностью исходил от Иисуса Христа, его главы.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ МИССИИ.

Миссионерский огонь, который внук Фергюса зажег на уединенном острове, вскоре распространился по всей Великобритании. Не только в Ионе, но и в Бангоре и других местах вспыхнул дух евангелизации. Любовь к путешествиям уже стала второй натурой этого народа. [32] Мужья Божьи, пылая рвением, решили нести факел евангелия на континент — в обширные дикие места, населенные тут и там варварскими и языческими племенами. Они не выставляли себя антагонистами Рима, ибо в ту эпоху такому антагонизму не было места; но Иона и Бангор, менее прославленные, чем Рим в истории народов, обладали более живой верой, чем город Цезарей; и эта вера — безошибочный признак присутствия Иисуса Христа — давала тем, кого она вдохновляла, право благовествовать миру, чего Рим не мог отрицать.

Епископы-миссионеры [33] из Британии соответственно отправились в путь и пересекли Нидерланды, Галлию, Швейцарию, Германию и даже Италию. [34] Свободная церковь шотландцев и бриттов сделала больше для обращения центральной Европы, чем наполовину поработанная церковь римлян. Эти миссионеры не были надменными и наглыми, как священники Италии, но зарабатывали на жизнь делом своих рук. Колумбан (которого мы не должны путать с Колумбой), [35] "чувствуя в своем сердце горение огня, который Господь зажег на земле", [36] покинул Бангор в 590 году вместе с двенадцатью другими миссионерами и нес Евангелие бургундцам, франкам и швейцарцам. Он продолжал проповедовать это среди частых преследований, оставил своего ученика Галла в Гельвеции и удалился в Роббио, где и умер, почитая христианский Рим, но ставя Иерусалимскую церковь выше него, [37] — призывая его остерегаться коррупции и заявляя, что власть будет оставаться за ним только до тех пор, пока он сохраняет истинное учение (*прямое соотношение*). Так Британия проявила верность, водрузив знамя Христа в сердце Европы. Мы могли бы почти вообразить, что этот неизвестный народ — новый Израиль, а Айколмкилл и Бангор унаследовали добродетели Сиона.

И все же им следовало сделать больше: они должны были проповедовать — не только язычникам континента, жителям севера Шотландии и далекой Ирландии, но и все еще остающимся язычниками саксам Англии. Это правда, что они предприняли несколько попыток; но в то время как бритты считали своих завоевателей врагами Бога и человека и содрогались, когда те произносили их имя, [38] саксы отказались быть обращенными голосом своих рабов. Пренебрегая этой областью, британцы оставили место для других работников, и таким образом Англия уступила иностранной державе, под тяжелым игом которой она долго тщетно стонала.

ГЛАВА II.

Папа Григорий Великий —Желает ослабить Британию—Политика Григория и Августина— Прибытие миссии—Признание—Британия выше Рима—Дионот в Бангоре—Первая и Вторая римские агрессии—Страдания британцев—Гордость Рима—Рим прибегает к Резне Мечом—Святой Петр бичевал архиепископа—Освальд—Его Победа—Корман—Миссия Освальда и Эйдана—Смерть Освальда.

ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ.

Дело в том, что духовная жизнь в итальянском католицизме угасла; и по мере того, как слабел небесный дух, усиливалась жажда господства. Римским митрополитам и их делегатам вскоре не терпелось придать всему христианскому миру свои особые формы.

Примерно в конце шестого века римский престол занял выдающийся человек. Григорий родился в семье сенатора и уже был на пути к почестям, когда внезапно отрекся от мира и превратил дворец своих отцов в монастырь. Но его честолюбие лишь изменило свою цель. По его мнению, вся церковь должна подчиняться церковной юрисдикции Рима. Правда, он отверг титул вселенского епископа, присвоенный константинопольским патриархом; но если он и не желал этого имени, то не меньше стремился к сути. [39] На границах Запада, на острове Великобритания, существовала христианская церковь, независимая от Рима: ее нужно было завоевать, и вскоре представилась благоприятная возможность.

ПОЛИТИКА ГРИГОРИЯ И АВГУСТИНА.

До своего возведения в сан первосвященника, когда он был еще только монахом Григорием, ему довелось однажды случайно пройти через рынок в Риме, где несколько иностранных торговцев выставляли свои товары на продажу. Среди них он заметил нескольких светловолосых молодых рабынь, чья благородная осанка привлекла его внимание.

Приблизившись к ним, он узнал, что англосаксонская нация, к которой они принадлежали, отказалась принять Евангелие от бриттов. Став впоследствии епископом Рима, этот хитрый и энергичный понтифик, "последний из хороших и первый из плохих", как его называли, решил обратить этих гордых завоевателей и использовать их для подчинения британской церкви папству, как он уже использовал франкских монархов для покорения галлов. Рим часто проявлял большее стремление привести к папе христиан, а не идолопоклонников. [40] Так ли было с Грегори? Мы должны оставить этот вопрос без ответа.

Этельберт, король Кента, женившись на христианской принцессе франкского происхождения, римский епископ счел конъюнктуру благоприятной для своего замысла и отправил миссию под руководством одного из своих друзей по имени Августин, в 596 году нашей эры. Сначала миссионеры отказались от порученной им задачи, но Грегори был тверд. Желая заручиться поддержкой франкских королей Теодориха и Теодеберта, он притворился, что считает их верховными лордами Англии, и поручил им обращение *их подданных*. [41] И это было не все. Он также заручился поддержкой могущественной Брунхильды, бабушки этих двух королей, одинаково печально известной своим предательством, неправильностями и преступлениями; и не стеснялся превозносить *добрые дела и благочестивый страх* этой современной Иезавели. [42] Под таким покровительством римская миссия прибыла в Англию. Папа сделал умелый выбор своего представителя. Августин обладал даже в большей степени, чем сам Григорий, смесью честолюбия и преданности, суеверия и благочестия, хитрости и рвения. Он считал, что

вера и святость менее важны для церкви, чем авторитет и мощь, и что ее прерогативой является не столько спасение душ, сколько объединение всего человечества под скипетром Рима. [43] Сам Григорий был огорчен духовной гордыней Августина и часто призывал его к смирению.

Успех того рода, которого желает папство, вскоре увенчал труды его слуг. Сорок один миссионер высадился на острове Танет в 597 году, и король Кента согласился принять их, но под открытым небом, опасаясь колдовства. Они выстроились таким образом, чтобы произвести впечатление на грубых островитян. Процессию открыл монах, несущий огромный крест, на котором была изображена фигура Христа: его коллеги последовали за ним, распевая свои латинские гимны, и таким образом они приблизились к дубу, назначенному местом проведения конференции. Они внушили Этельберту достаточное доверие, чтобы получить разрешение совершать богослужение в старой разрушенной часовне в Дюроверне (Кентербери), где британские христиане в прежние времена поклонялись Спасителю Христу. Вскоре после этого король и тысячи его подданных приняли ошибки римских понтификов в определенных формах и в определенных христианских доктринах — например, как чистилище, которое Григорий защищал с помощью самых абсурдных басен. [44] Августин крестил десять тысяч язычников за один день. Пока Рим только ступал ногой в Великобританию, он не преминул вскоре основать там свое королевство.

Мы не должны желать недооценивать религиозный элемент, который теперь ставится перед англосаксами, и мы можем легко поверить, что многие миссионеры, присланные из Италии, желали заниматься христианским трудом. Мы также думаем, что Средние века следует оценивать с более справедливыми чувствами, чем это всегда было у людей, писавших об этом периоде. Человеческая совесть жила, говорила и стонала в течение долгого владычества папства; и подобно растению, растущему среди колючек, ей часто удавалось пробиться сквозь препятствия традиционализма и иерархии, чтобы расцвести под живительным солнцем Божьей благодати. Христианский элемент даже сильно замечен у некоторых из самых выдающихся деятелей теократии — например, у Ансельма.

БРИТАНИЯ ПРЕВОСХОДИТ РИМ.

И все же, поскольку нашей задачей является изложение истории борьбы, имевшей место между первобытным христианством и римско-католицизмом, мы не можем не указать на превосходство первого в религиозном плане, в то время как мы признаем превосходство последнего с политической точки зрения. Мы считаем (и вскоре у нас будут доказательства этого) [45] что посещение Ионы научило бы англосаксов гораздо большему, чем их частые паломничества к берегам Тибра. Несомненно, как уже отмечалось, эти паломники созерцали в Риме "благородные памятники древности", но в то время на британских островах существовало — и это слишком часто упускалось из виду — христианство, которое, если и не было совершенно чистым, то, по крайней мере, было лучше, чем христианство папства. Британская церковь, которая в начале VII века принесла веру и цивилизацию в Бургундию, Вогеzy и Швейцарию, вполне могла распространить их и по всей Британии. Влияние искусства, цивилизующее влияние которого мы отнюдь не преуменьшаем, проявилось бы позже.

Но христианство бриттов было так далеко от обращения саксонской гептархии, что это было, увы! романизм гептархии, которой было суждено завоевать Британию. Эта борьба между римской и британской церквями, которая заполняет все седьмое столетие, имеет высочайшее значение для английской церкви, поскольку она ясно утверждает ее изначальную свободу. Они

также представляют большой интерес для других церквей Запада, поскольку в наиболее ярких образах демонстрируют узурпаторские действия, с помощью которых папство в конечном итоге подчинило их своему игу.

ДИОНОТ В БАНГОРЕ.

Августин, назначенный архиепископом не только саксов, но и свободных бриттов, был поселен папским указом сначала в Лондоне, а затем в Кентербери. Будучи главой иерархии, состоящей из двенадцати епископов, он вскоре попытался подчинить всех христиан Британии римской юрисдикции. В то время в Бангоре существовала, [46] в Северном Уэльсе большое христианское общество, насчитывающее почти три тысячи человек, собранных вместе для работы своими руками, [47] для изучения, и молиться, из лона которого время от времени выходили многочисленные миссионеры (Колумбанус был в их числе). Президентом этой церкви был Дионот, верный учитель, готовый служить всем людям в благотворительности, но при этом твердо убежденный, что никто не должен иметь превосходства в винограднике Господнем. Хотя он был одним из самых влиятельных людей в британской церкви, он был несколько робок и колеблющийся; он уступал до определенного момента из любви к миру, но никогда не отступал от своего долга. Он был еще одним апостолом Иоанном, полным кротости и все же осуждающим диотрефы, *которые любят иметь превосходство среди братьев*. Августин так обратился к нему: "Признайте власть римского епископа". Это первые слова папства, обращенные к древним христианам Британии. "Мы желаем любить всех людей, - кротко ответил почтенный британец, - и то, что мы делаем для вас, мы сделаем и для того, кого вы называете папой римским. Но он не имеет права называть себя *отцом отцов*, и единственное подчинение, которое мы можем ему оказать, - это то, которым мы обязаны каждому христианину". [48] Августин спрашивал не об этом.

ВТОРАЯ РИМСКАЯ АГРЕССИЯ.

Эта первая проверка не обескуражила его. Гордясь паллиумом, посланным ему Римом, и полагаясь на мечи англосаксов, он созвал в 601 году генеральную ассамблею британских и саксонских епископов. Встреча состоялась под открытым небом, под почтенным дубом недалеко от Вигорнии (Вустер или Херефорд), и здесь произошла вторая римская агрессия. Дионот твердо сопротивлялся экстравагантным притязаниям Августина, который снова призвал его признать власть Рима. [49] Другой британец протестовал против самонадеянности римлян, которые приписывали своему посвящению добродетель, в которой они отказывали Ионе или азиатским церквям. [50] "Бритты, - воскликнул третий, - не могут подчиниться ни высокомерию римлян, ни тирании саксов". [51] Архиепископ напрасно расточал свои аргументы, молитвы, порицания и даже чудеса; британцы были непреклонны. Некоторые из них, которые ели с саксами, когда те еще были язычниками, отказались делать это теперь, когда подчинились папе. [52] Шотландцы были особенно непреклонны; ибо один из них, по имени Дагам, не только не ел за одним столом с римлянами, но даже не жил под одной крышей. [53] Так Августин потерпел неудачу во второй раз, и независимость Британии казалась обеспеченной.

ГОРДОСТЬ РИМА.

И все же грозная власть пап, подкрепленная мечом завоевателей, встревожила бриттов. Они воображали, что видят таинственный указ, снова запрягающий народы земли в триумфальную колесницу Рима, и многие покидали Вигорнию с беспокойством и печалью на сердце. Как

можно спасти дело, когда даже его защитники начинают отчаиваться? Незадолго до этого их созвали на новый совет. "Что же делать?" они восклицали с печальными предчувствиями. Папство еще не было полностью известно: оно едва сформировалось. Полупросвещенная совесть этих верующих была жертвой самого сильного волнения. Они спрашивали себя, не отвергают ли они, отвергая эту новую силу, самого Бога. Благочестивый христианин, ведущий уединенный образ жизни, приобрел большую репутацию в окрестностях. Некоторые бритты посетили его и спросили, должны ли они сопротивляться Августину или последовать за ним. [54] "Если он человек Божий, следуйте за ним", — ответил отшельник. — "И как мы узнаем это?" — "Если он кроток и смирен сердцем, он несет иго Христа; но если он вспыльчивый и гордый, он не от Бога". — "Какой знак его смирения мы увидим?" - "Если он восстанет из мертвых?" - "Если он восстанет из мертвых". садитесь, когда войдете в комнату." Так говорил оракул Британии: было бы лучше обратиться к Священному Писанию.

Но смирение - это не та добродетель, которая процветает среди римских понтификов и легатов: они любят сидеть, пока другие ухаживают за ними и поклоняются им. Британские епископы вошли в зал заседаний совета, и архиепископ, желая продемонстрировать свое превосходство, гордо занял свое место. [55] Пораженные этим зрелищем, бритты больше не хотели слышать о власти Рима. В третий раз они сказали "Нет" — они не знали *никакого другого учителя, кроме Христа*. Августин, ожидавший увидеть, как эти епископы повергнут свои церкви к его ногам, был удивлен и возмущен. Он рассчитывал на немедленное подчинение Британии, и теперь папе предстояло узнать, что его миссионер обманул его.... Воодушевленный тем дерзким духом, который слишком часто встречается у служителей римской церкви, Августин воскликнул: "Если вы не хотите принимать братьев, которые приносят вам мир, вы получите врагов, которые принесут вам войну. Если вы не объединитесь с нами, чтобы показать саксам образ жизни, вы получите от них смертельный удар". [56] Сказав это, надменный архиепископ удалился и посвятил свои последние дни подготовке исполнения своего зловещего пророчества. [57] Аргумент потерпел неудачу: теперь за меч!

РЕЗНЯ.

Вскоре после смерти Августина Эдельфрид, один из англосаксонских королей, который все еще был язычником, собрал многочисленную армию и двинулся к Бангору, центру британского христианства. Тревога охватила эти слабые церкви. Они плакали и молились. Меч Эдельфрида приблизился. К кому они могут обратиться и где им найти помощь? Масштаб опасности, казалось, вернул бриттов к их первозданному благочестию: не к людям, а к самому Господу они обратят свои мысли. Тысяча двести пятьдесят слуг живого Бога, вспомнив, что такое оружие христианской войны, подготовившись постом, собрались вместе в уединенном месте, чтобы вознести свои молитвы Богу. [58] Британский вождь по имени Брокмаил, движимый нежным состраданием, расположился рядом с ними с несколькими солдатами; но жестокий Эдельфрид, издали наблюдавший за этой группой коленопреклоненных христиан, потребовал: "Кто эти люди и что они делают?" Услышав об этом, он добавил: "Значит, они сражаются против нас, хотя и безоружны", - и немедленно приказал своим солдатам напасть на распростертую толпу. Тысяча двести из них были убиты. [59] Они молились и умерли. Саксы немедленно отправились в Бангор, главный центр христианского учения, и сравнивали его с землей. В Англии торжествовал романизм. Известие об этих массовых убийствах наполнило страну *плачем и великой скорбью*; но священники римского посвящения (и почтенный Беда разделял их чувства) увидели в этой жестокой резне исполнение пророчества *святого понтифика* Августина; [60] и

национальная традиция среди валлийцев на протяжении многих веков указывала на него как на главного героя. зачинщик этой трусливой бойни. Так Рим натравил диких язычников на первобытную церковь Британии и прицепил все это, истекающее кровью, к своей триумфальной колеснице. Совершалась великая тайна беззакония.

Но в то время как саксонский меч, казалось, смел все, что было до папства, земля задрожала под его ногами и, казалось, вот-вот поглотит все. Обращение римских священников скорее в иерархию, чем в христианство, было настолько нереальным, что огромное количество неофитов внезапно вернулось к поклонению своим идолам. Эдбальд, король Кента, сам был в числе отступников. Подобные обращения к язычеству нередки в истории римских миссий. Епископы бежали в Галлию: Меллит и Юстус уже благополучно добрались до континента, и Лаврентий, преемник Августина, собирался последовать за ними. Лежа в церкви, где он хотел провести ночь перед отъездом из Англии, он застонал духом, увидев, как дело, основанное Августином, гибнет в его руках. Он спас его чудом. На следующее утро он предстал перед королем в совершенно растрепанной одежде и с телом, покрытым ранами. "Святой Петр, - сказал он, - явился мне ночью и жестоко выпорол меня за то, что я собирался оставить его паству". [61] Бич был средством морального убеждения, о котором Петр забыл в своих посланиях. Был ли Лоуренс причиной того, что эти удары были нанесены другими — или он нанес их сам, — или весь рассказ является пустой фантазией? Мы предпочли бы принять последнюю гипотезу. Суеверный принц, взволнованный известием об этом сверхъестественном вмешательстве, охотно признал авторитет папы, наместника апостола, который так безжалостно бичевал тех, кто имел несчастье вызвать его неудовольствие. Если бы к тому времени владычество Рима над Англией исчезло, вполне вероятно, что бритты, вновь обретя мужество и удовлетворенные в других отношениях нуждами, которые испытывали бы саксы, оправились бы от своего поражения и передали бы свое свободное христианство своим завоевателям. Но теперь римский епископ, казалось, оставался хозяином Англии, а вера бриттов была сокрушена навсегда. Но это было не так. Молодому человеку, происходившему из энергичной расы завоевателей, предстояло стать поборником истины и свободы и освободить почти весь остров от римского ига.

OSWALD.

ПОБЕДА ОСВАЛЬДА—КОРМАН.

Освальд, англосаксонский принц, сын язычника и жестокого Эдельфрида, был вынужден из-за семейных невзгод найти убежище в Шотландии, когда был совсем маленьким, в сопровождении своего брата Освиу и нескольких других юных вождей. Он выучил местный язык, был наставлен в истинах Священного Писания, обращен милостью Божьей и крещен в шотландской церкви. [62] Он любил сидеть у ног старейшин Ионы и слушать их слова. Они показали ему Иисуса Христа, переходящего с места на место, творящего добро, и он пожелал поступать так же; они сказали ему, что Христос был единственным главой церкви, и он пообещал никогда не признавать никого другого. Будучи простодушным щедрым человеком, он был особенно воодушевлен нежным состраданием к бедным и снимал свой собственный плащ, чтобы прикрыть наготу одного из своих братьев. Часто, общаясь с тихими собраниями шотландских христиан, он мечтал отправиться миссионером к англосаксам. Вскоре у него возник смелый замысел привести народ Нортумберленда ко Спасителю; но будучи не только христианином, но

и принцем, он решил начать с отвоевания трона своих отцов. В этом молодом англичанине были любовь ученика и мужество героя. Во главе армии, действительно небольшой, но сильной верой во Христа, [63] он вступил в Нортумберленд, преклонил колени со своими войсками в молитве на поле битвы и одержал знаменательную победу над могущественным врагом в 634 году н.э. Восстановление королевства его предков было лишь частью его задачи. Освальд желал дать своему народу блага истинной веры. [64] Христианство, которому в 625 году Пендин Йоркский научил короля Эдвина и нортумбрийцев, исчезло среди опустошительных действий языческих армий. Освальд обратился к шотландскому миссионеру, который предоставил ему убежище, и они соответственно послали одного из братьев по имени Корман, благочестивого, но некультурного и сурового человека. Вскоре он удрученный вернулся на Иону: "Люди, к которым вы послали меня, - сказал он старейшинам этого острова, - настолько упрямы, что мы должны отказаться от всякой мысли изменить их нравы". Когда Эйдан, один из них, слушал этот отчет, он сказал себе: "Если бы твоя любовь была предложена этому народу, о, мой Спаситель, многие сердца были бы тронуты!... Я пойду и открою Тебя — Тебя, кто не ломает надломленную трость!" Затем, повернувшись к миссионеру с выражением мягкого упрека, он добавил: "Брат, ты был слишком суров к слушателям с таким унылым сердцем. Тебе следовало давать им пить духовное молоко, пока они не смогут получать более твердую пищу ". Все взгляды были прикованы к человеку, который говорил так мудро. "Эйдан достоин епископата", - воскликнули братья Ионы. И, как и Тимофей, он был посвящен возложением рук старейшин. [65]

СМЕРТЬ ОСВАЛЬДА.

Освальд принял Эйдана как ангела с небес, а поскольку миссионер не знал саксонского языка, король повсюду сопровождал его, стоя рядом и переводя его нежные речи. [66] Люди радостно столпились вокруг Освальда, Эйдана и других миссионеров из Шотландии и Ирландии, жадно внимая *Слову Божьему*. [67] Король проповедовал своими делами больше, чем словами. Однажды на Пасху, когда он собирался занять свое место за столом, ему сообщили, что толпа его подданных, гонимых голодом, собралась перед воротами его дворца. Он немедленно приказал вынести приготовленную для него пищу и раздать между ними; и, взяв серебряные сосуды, стоявшие перед ним, он разбил их на куски и приказал своим слугам разделить их между бедными. Он также поведал о Спасителе народу Уэссекса, куда он отправился, чтобы жениться на дочери короля; и после девятилетнего правления он умер во главе своей армии, отражая вторжение мерсийцев-идолопоклонников во главе с жестоким Пендой (5 августа 642 г. н.э.). Падая, он воскликнул: "Господи, смилуйся над душами моего народа!" Этот юный принц оставил имя, дорогое церквям Великобритании.

Его смерть не прервала трудов миссионеров. Их кротость и воспоминания об Освальде расположили к ним всех. Как только жители деревни замечали кого-нибудь на большой дороге, они толпились вокруг него, умоляя научить их *Слову жизни*. [68] Вера, которую грозный Эдельфрид, как ему казалось, смыл кровью почитателей Бога, возрождалась во всех направлениях; и Рим, который однажды уже во времена Гонория был вынужден покинуть Британию, возможно, во второй раз будет вынужден бежать на своих кораблях от лица народа, отстаивавшего свою свободу.

ГЛАВА III.

Характер Освиу—Смерть Эйдана—Уилфрид в Риме—При дворе Освальда—Финан и Колман—Атака на независимость Церкви—Завоевания и проблемы Освиу—*Фаренский Синод*—Седда—Вырождение—Диспут—Петр, Привратник—Триумф Рима—Скорбь британцев—Папство организовано в Англии—Папское ликование—Архиепископ Теодор—Седда вновь рукоположен—Разногласия в Церкви—Позор и предательство Уилфрида—Его конец—Шотландия атакована—Адамнан—Иона сопротивляется—Король, обращенный Архитекторами—Монах Эгберт в Ионе—Его история—Монашеские видения—Падение Ионы.

ХАРАКТЕР ОСВИУ.

Затем восстало папство. Если бы победа осталась за бриттами, их церковь, став полностью свободной, могла бы даже в эти ранние времена возглавить сильную оппозицию папской монархии. Если же, напротив, последние поборники свободы потерпят поражение, христианскую церковь ожидают столетия рабства. Нам предстоит стать свидетелями борьбы, которая давным-давно разыгралась в самом дворце нортумбрийских королей.

Освальду наследовал его брат Освиу, принц, обученный свободному вероучению бриттов, но полностью исповедовавший внешнюю религию. Его сердце переполняли амбиции, и он не гнушался никакими преступлениями, которые могли бы увеличить его власть. Трон Дейры занял его родственник Освин, дружелюбный король, очень любимый своим народом. Освиу, испытывая к нему смертельную ревность, выступил против него во главе целой армии, и Освин, желая избежать кровопролития, укрылся у вождя, которого он осыпал милостями. Но последний вызвался отвести солдат Освиу в его убежище; и глубокой ночью беглый король был подло убит, и только один из его слуг сражался в его защиту. Кроткий Эйдан умер от горя из-за своей жестокой судьбы. [69] Таков был первый подвиг этого монарха, сдавшего Англию папству. Различные обстоятельства имели тенденцию приближать Освиу к Риму. Он рассматривал христианскую религию как средство объединения христианских князей против языческих пендов, и такая религия, в которой преобладала целесообразность, мало чем отличалась от папизма. И далее, жена Освиу, гордая Энфельд, принадлежала к римской общине. Личным капелланом этой фанатичной принцессы был священник по имени Романус, человек, достойный этого имени. Он ревностно соблюдал обряды латинской церкви, и соответственно праздник Пасхи отмечался при дворе дважды в год; ибо в то время как король, следуя восточному правилу, радостно отмечал воскресение Господа нашего, королева, принявшая римский ритуал, отмечала Вербное воскресенье постом и унижением. [70] Энфельд и Романус часто беседовали друг с другом о способах завоевания Нортумберленда папством. Но первым шагом было увеличение числа своих партизан, и вскоре представилась такая возможность.

УИЛФРИД В РИМЕ.

Однажды молодой нортумбриец по имени Уилфрид был допущен на аудиенцию к королеве. Он был симпатичным человеком, обладавшим обширными знаниями, острым умом и предприимчивым характером, неутомимой деятельностью и ненасытным честолюбием. [71] В этом интервью он заметил Энфельду: "Путь, которому шотландцы учат нас, несовершенен; я поеду в Рим и буду учиться в самих храмах апостолов". Она одобрила его проект, и с ее помощью и указаниями он отправился в Италию. Увы! ему было суждено в недалеком будущем

приковать всю британскую церковь к римскому престолу. После короткого пребывания в Лионе, где епископ, восхищенный его талантами, хотел бы оставить его у себя, он прибыл в Рим и сразу же подружился с архидьяконом Бонифацием, любимым советником папы. Вскоре он обнаружил, что священники Франции и Италии обладают большей властью как в церковных, так и в светских делах, чем скромные миссионеры Ионы; и его жажда почестей разгорелась при дворе понтификов. Если бы ему удалось заставить Англию подчиниться папству, не было бы такого достоинства, к которому он не мог бы стремиться. С тех пор это было его единственной мыслью, и едва он вернулся в Нортумберленд, как Энфельд нетерпеливо вызвал его ко двору. Фанатичная королева, от которой он мог ожидать всего— король без религиозных убеждений и поработанный политическими интересами— благочестивый и ревностный принц Альфред, сын короля, желавший подражать своему благородному дяде Освальду и обращать язычников, но не обладавший ни проницательностью, ни благочестием прославленного ученика Ионы: таковы были материалы, над которыми Уилфриду предстояло работать. Он ясно видел, что если Рим одержал свою первую победу мечом Эдельфрида, то он мог рассчитывать одержать вторую только благодаря искусству и управлению. Он пришел к соглашению по этому вопросу с королевой и Романом и, будучи расположен к личности молодого принца, искусной лестью вскоре завоевал расположение Альфреда. Затем, почувствовав себя в безопасности рядом с двумя членами королевской семьи, он обратил все свое внимание на Освиу.

И ПРИ ДВОРЕ ОСВИУ.

Старейшины Ионы не могли закрыть глаза на опасности, угрожавшие Нортумберленду. Они послали Финана занять место Эйдана, и этот епископ, рукоположенный пресвитерами Ионы, был свидетелем прогресса папства при дворе; сначала скромного и безобидного, а затем с каждым годом возрастающего в честолюбии и дерзости. Он открыто выступал против агентов понтифика, и его частые споры утвердили его в истине. [72] Он был мертв, и пресвитеры Западных островов, видя более ясно, чем когда-либо, нужды Нортумбрии, послали туда епископа Колмана, простодушного, но мужественного человека, решившего непреклонным фронтом противостоять уловкам соблазнительей.

И все же Энфельд, Уилфрид и Романус умело копали шахту, которая должна была разрушить апостольскую церковь Британии. Сначала Уилфрид готовил свою атаку ловкими инсинуациями, а затем открыто заявил о себе в присутствии короля. Когда Освиу удалился в свой домашний круг, он нашел там фанатичного Энфельда, который ревностно продолжил дело римского миссионера. Не было упущено ни одной возможности: в разгар придворных развлечений, за столом и даже во время охоты постоянно поднимались дискуссии о спорных доктринах. Умы людей пришли в возбуждение: романисты уже напускали на себя вид завоевателей, а бритты часто отступали, полные тревоги и страха. Король, оказавшийся между своей женой и своей верой и утомленный этими спорами, склонился сначала на одну сторону, потом на другую, как будто вскоре он совсем падет.

SYNODUS PHARENSIS.

У папства были более веские, чем когда-либо, мотивы для завладения Нортумберлендом. Освиу не только узурпировал трон Дейры, но и после смерти жестокого Пенды, павшего в битве в 654 году, завоевал его государства, за исключением части, которой управлял его зять Пиада, сын Пенды. Но сам Пиада пал в результате заговора, который, как говорят, был затеян его женой, дочерью Освиу, последний завершил завоевание Мерсии и таким образом объединил большую

часть Англии под своим скипетром. В то время только Кент признавал юрисдикцию Рима: во всех остальных провинциях свободные священники, находящиеся под защитой королей Нортумберленда, проповедовали Евангелие. Это чудесным образом упростило вопрос. Если Рим одержит победу над Освиу, он завоюет Англию; если же она потерпит неудачу, ей рано или поздно придется вообще покинуть этот остров.

Это было еще не все. Кровь Освина, преждевременная смерть Эйдана и другие события, помимо этого, тревожили сердце короля. Он желал умиловить оскорбленное им Божество и, не зная, что *Христос - это дверь*, как говорит нам священное Писание, он искал среди людей *привратника*, который открыл бы ему царство небесное. Он был далеко не последним из тех королей, которых необходимость искупить свои преступления подтолкнула к римским обычаям. Хитрый Уилфрид, поддерживая надежды и страхи принца, часто говорил ему о Риме и о благодати, которую можно найти там. Он думал, что плод созрел и что теперь ему нужно только встряхнуть дерево. "Мы должны устроить публичный диспут, в ходе которого вопрос может быть решен раз и навсегда, - заявили царица и ее советники, - но Рим должен принять в нем участие с такой же помпой, как и его противники. Давайте противопоставим епископа епископу". Саксонский епископ по имени Агильберт, друг Уилфрида, завоевавший любовь молодого принца Альфреда, был приглашен Энфельдом на конференцию, и он прибыл в Нортумберленд в сопровождении священника по имени Агатон. Увы! бедная британская церковь, глиняный сосуд вот-вот разобьется о железную вазу. Британия должна уступить перед вторжением Рима.

На побережье Йоркшира, на дальней оконечности тихой бухты, располагался монастырь Стренешал, или Уитби, настоятельницей которого была Хильда, благочестивая дочь короля Эдвина. Она тоже желала видеть прекращение ожесточенных споров, которые волновали церковь после возвращения Уилфрида. На берегах Северного моря [73] борьба должна была решиться между Британией и Римом, между Востоком и Западом, или, как тогда говорили, между святым Иоанном и святым Петром. Это был не просто вопрос о Пасхе или определенных правилах дисциплины, но о великом учении о свободе церкви при Иисусе Христе или о ее порабощении при папстве. Рим, всегда властный, во второй раз пожелал удержать Англию в своих руках, но не с помощью меча, а с помощью своих догм. Со свойственной ей хитростью она скрывала свои огромные претензии за второстепенными вопросами, и многие поверхностные мыслители были обмануты этим маневром.

CEDDA.

Встреча состоялась в монастыре Уитби. Первыми вошли король и его сын; затем, с одной стороны, Колман с епископами и старейшинами бриттов; а с другой - епископ Агильберт, Агатон, Уилфрид, Роман, дьякон по имени Джеймс и несколько других священников латинского исповедания. Последней пришла Хильда со своими приближенными, среди которых был английский епископ по имени Седда, один из самых активных миссионеров того времени. [74] Сначала он проповедовал Евангелие в районах Мидленда, откуда он направил свои стопы к англосаксам Востока, и после обращения большого числа этих язычников он вернулся в Финан, и, хотя был англичанином, получил епископскую хиротонию от епископа, который сам был рукоположен старейшинами Мидленда. Иона. Затем, продвигаясь на запад, неутомимый евангелист основывал церкви и назначал старейшин и дьяконов повсюду, куда бы он ни направлялся. [75] По рождению англичанин, по рукоположению шотландец, к которому везде относились с уважением, он, казалось, был выделен в качестве посредника на этой

торжественной конференции. Однако его вмешательство не смогло отсрочить победу Рима. Увы! примитивный евангелизм постепенно уступил место церковности, грубой и неотесанной в одном месте, утонченной и вкрадчивой - в другом. Всякий раз, когда священников призывали обосновать определенные доктрины или церемонии, вместо того чтобы ссылаться исключительно на слово Божье, этот источник всякого света, они утверждали, что так поступали святой Иаков в Иерусалиме, святой Марк в Александрии, святой Иоанн в Эфесе или святой Петр в Риме. Они дали название *апостольским канонам*, правилам, которых апостолы никогда не знали. Они даже пошли дальше этого: в Риме и на Востоке церковность представляла себя законом Божиим, и из состояния слабости она, таким образом, превратилась в состояние греха. Некоторые признаки этой ошибки уже начали проявляться в христианстве бриттов.

ДИСПУТ.

Первым заговорил король Освиу: "Как слуги одного и того же Бога, мы надеемся, что все будем наслаждаться одинаковым наследием на небесах; почему же тогда у нас не должно быть таких же правил жизни здесь, на земле? Давайте выясним, который из них истинный, и последуем ему".... "Те, кто послал меня сюда епископом, - сказал Колман, - и кто дал мне правило, которое я соблюдаю, являются возлюбленными Бога. Давайте остерегаться того, как мы презираем их учение, ибо это учение Колумбы, блаженного евангелиста Иоанна, [76] и церквей, которыми руководил этот апостол".

- Что касается нас, - смело возразил Уилфрид, ибо ему, как самому искусному, епископ Агильберт доверил защиту их дела, - то наш обычай - это обычай Рима, где учили святые апостолы Петр и Павел; мы нашли его в Италии и Галлии, более того, он распространен среди всех народов. Осмелятся ли пикты и бритты, выброшенные на эти два острова, на самые границы океана, воевать против всего мира? [77] Каким бы святым ни был ваш Колумба, предпочтете ли вы его князю апостолов, которому Христос сказал: *Ты - Петр, и Я дам тебе ключи от царства небесного?*"

СКОРБЬ БРИТАНЦЕВ.

Уилфрид говорил с воодушевлением, и его слова, умело адаптированные к аудитории, начали вызывать у нее колебания. Он искусно заменил Колумбой апостола Иоанна, на происхождение от которого претендовала британская церковь, и противопоставил святому Петру простого старейшину Ионы. Освиу, чьим кумиром была власть, не мог колебаться между ничтожными епископами и тем папой Римским, который повелевал всем миром. Уже воображая, что видит Петра у врат рая с ключами в руке, он взволнованно воскликнул: "Правда ли, Колман, что эти слова были обращены нашим Господом к святому Петру?" "Это правда". "Можете ли вы доказать, что подобные способности были даны вашей Колумбе?" Епископ ответил: "Мы не можем", но он мог бы сказать королю: "Иоанн, учению которого мы следуем, да и вообще каждый ученик, получил в том же смысле, что и святой Петр, власть отпускать грехи, связывать и отпускать на земле и на небесах". [78] Но знание Священного Писания в Ионе угасало, и ничего не подозревающий Колман не заметил уловки Уилфрида, заменившего Святого Иоанна Колумбом. После этого Освиу, обрадованный тем, что уступил постоянным просьбам королевы, и, прежде всего, тем, что нашел кого-то, кто впустил бы его в царство небесное, воскликнул: "Питер - привратник, я буду повиноваться ему, чтобы, когда я появлюсь у ворот, некому было открыть их мне". [79] Зрители, увлеченные этим королевским исповедь, поспешила отдать в свое подчинение викарию Святого Петра.

Так Рим одержал Победу на конференции в Уитби. Освиу забыл, что Господь сказал: *Я тот, кто открывает, и никто не закрывает; и закрывает, и никто не открывает.* [80] Именно приписав слуге Петру то, что принадлежит Иисусу Христу -господину, папство подчинило себе Британию. Освиу протянул руки, Рим заковал цепи, и свобода, которую Освальд дал своей церкви, казалось, была на последнем издыхании.

Колман с горем и ужасом наблюдал, как Освиу и его подданные преклоняют колени перед иностранными священниками. Однако он не отчаивался в окончательном торжестве истины. Апостольская вера все еще могла найти убежище в старых святилищах британской церкви в Шотландии и Ирландии. Непоколебимый в принятом им учении и преисполненный решимости отстаивать христианскую свободу, Колман удалился вместе с теми, кто не хотел сгибаться под игом Рима, и вернулся в Шотландию. Тридцать англосаксов и огромное количество британцев отряхнули пыль со своих ног у шатров римских священников. Ненависть к папству среди остальных британцев день ото дня становилась все сильнее. Преисполненные решимости отвергнуть его ошибочные догмы и незаконное владычество, они поддерживали свое общение с Восточной Церковью, которая была более древней, чем Римская. Они содрогнулись, увидев, как красный дракон кельтов постепенно удаляется к западному морю от белого дракона саксов. Они приписывали свои несчастья ужасному заговору, спланированному беззаконным честолюбием иноземных монахов, а барды в своих песнопениях проклинали нерадивых служителей, которые не защитили стадо Господне от волков Рима. [81] Но напрасны были сетования!

ПАПСТВО ОРГАНИЗОВАЛОСЬ В БРИТАНИИ.

Римские священники, которым помогала королева, не теряли времени даром. Уилфрид, которого Освиу хотел вознаградить за его триумф, был назначен епископом Нортумберлендским, и он немедленно посетил Париж, чтобы получить епископскую хиротонию в установленном порядке. Вскоре он вернулся и с особой активностью принялся внедрять римское учение во всех церквях. [82] Епископ епархии, простирающейся от Эдинбурга до Нортгемптона, обогащенный товарами, принадлежавшими различным монастырям, окруженный многочисленной свитой, сервированный на золотых и серебряных блюдах, Уилфрид поздравил себя с тем, что встал на сторону папства; он оскорблял каждого, кто приближался к нему, своей дерзостью и показал Англии, насколько велика разница между скромными служителями Ионы и римским священником. священник. В то же время Освиу, придя к взаимопониманию с королем Кента, послал другого священника по имени Вигхард в Рим, чтобы узнать намерения папы относительно церкви в Англии и получить посвящение в архиепископы Кентерберийские. В Англии не было епископального рукоположения, достойного священника! Тем временем Освиу со всем рвением новообращенного не переставал повторять, что "Римская церковь была католической и апостольской церковью", и день и ночь думал о способах обращения своих подданных, надеясь таким образом (как говорит папа) искупить свою душу. [83]

Появление этой новости в Риме произвело большую сенсацию. Виталиан, который в то время занимал епископскую кафедру и был столь же дерзок по отношению к своим епископам, сколь подобострастен по отношению к императору, воскликнул с восторгом: "Кто бы не был вне себя от радости! [84] король, обращенный в истинную апостольскую веру, народ, который наконец-то уверовал во Христа, Всемогущего Бога!" В течение многих долгих лет эти люди верили во

Христа, но теперь они начинали верить в папу римского, и папа римский скоро заставит их забыть Иисуса Спасителя. Виталиан написал Освиу и прислал ему — не копии Священного Писания (которых в Риме уже становилось все меньше), но — мощи святых Петра, Иоанна, Лаврентия, Григория и Панкратия; и, особенно желая вознаградить королеву Энфельд, которой вместе с Уилфридом принадлежала слава этого труда, он преподнес ей крест, сделанный, как он заверил ее, из цепей святых Петра и Павла. [85] "Не откладывайте, - сказал папа в заключение, - подчинить весь ваш остров Иисусу Христу", или, другими словами, епископу Рима.

Главным, однако, было отправить архиепископа из Рима в Британию; но Вигхард был мертв, и никто, казалось, не желал предпринимать столь долгое путешествие. [86]

АРХИЕПИСКОП ФЕОДОР

В городе не было особого рвения со стороны понтификов, и папа был вынужден присматривать за чужаком. Случилось так, что в то время в Риме жил человек с большой репутацией ученого, пришедший с востока и принявший обряды и доктрины латинян в обмен на знания, которые он им принес. Виталиану указали на то, что он вполне подходит на роль митрополита Англии. Теодор, ибо таково было его имя, принадлежащий по рождению к церквам Малой Азии, был бы услышан бриттами предпочтительнее любого другого, когда бы он призвал их отказаться от своих восточных обычаев. Однако римский понтифик, возможно, опасаясь, что в нем все еще может сохраниться какая-то закваска его прежних греческих доктрин, дал ему в качестве компаньона или, скорее, надзирателя ревностного африканского монаха по имени Адриан. [87]

Теодор начал великий крестовый поход против британского христианства и, стремясь своим рвением показать искренность своего обращения, объехал всю Англию вместе с Адрианом, [88] повсюду навязывая народу то церковное превосходство, которому Рим обязан своим политическим превосходством. Превосходство характера, которым отличался святой Петр, Феодор преобразовал в превосходство должности. Юрисдикцию Христа и его слова он заменил юрисдикцией римского епископа и его постановлений. Он настаивал на необходимости рукоположения епископами, которые в непрерывной цепи могли бы проследить свою власть до самих апостолов. Британцы все еще сохраняли законность своего посвящения; но было мало тех, кто понимал, что мнимые преемники апостолов, которые иногда носят сатану в своих сердцах, не являются истинными служителями Христа; что единственное, что необходимо церкви, это чтобы сами апостолы (а не только их преемники) пребывали в ее лоне своим словом, своим учением и Божественным Утешителем, который будет с ней во веки веков.

РАЗДОР В ЦЕРКВИ.

Теперь началось грандиозное дезертирство: лучшие иногда сдавались первыми. Когда Теодор встретил Седду, который был посвящен епископом, который сам получил рукоположение от старейшин Ионы, он сказал ему: "Ты не был рукоположен должным образом". Седда, вместо того чтобы смело отстаивать истину, поддалась плотской скромности и ответила: "Я никогда не считала себя достойной епископата и готова отказаться от него". — "Нет, - сказал Теодор, - ты останешься епископом, но я посвящу тебя заново по католическому ритуалу". [89] Британский министр подчинился. Рим триумфатор почувствовал себя достаточно сильным, чтобы отвергнуть наложение рук старейшин Ионы, которое она до сих пор признавала. Самые стойкие верующие нашли убежище в Шотландии.

Таким образом, церковь, в некоторых отношениях несовершенная, но все же церковь, в которой религиозный элемент занимал первостепенное место, сменилась другой, в которой преобладал клерикальный элемент. Вскоре это стало очевидным: вопросы авторитета и первенства, доселе неизвестные британским христианам, теперь стали повседневными. Уилфрид, обосновавшийся в Йорке, считал, что никто лучше него не заслуживает быть примасом всей Англии; а Теодор, со своей стороны, был раздражен надменным тоном этого епископа. При жизни Освиу сохранялся мир, ибо Уилфрид был его любимцем; но вскоре этот принц заболел; и, напуганный близостью смерти, он поклялся, что, если выздоровеет, совершит паломничество в Рим и там окончит свои дни. [90] "Если ты будешь моим проводником в город апостолов, - сказал он Уилфриду, - я дам тебе большую сумму денег". Но его обет не возымел действия: Освиу умер весной 670 года нашей эры.

ПОЗОР И КОНЕЦ УИЛФРЕДА.

The *Butan* сверг принца Альфреда и возвел на трон его младшего брата Эгфрида. Новый монарх, которого часто обижала дерзость Уилфрида, донес на этого надменного прелата архиепископу. Ничто не могло быть более приятным для Теодора. Он собрал совет в Хартфорде, на который сначала были вызваны главные из его новообращенных, и представил им не священное Писание, а *каноны Римской церкви*, [91] он принял их торжественные клятвы: такова была религия, которой тогда учили в Англии. Но это было еще не все. "Епархия нашего брата Уилфрида настолько обширна, - сказал предстоятель, - что в ней хватит места для четырех епископов". Они были назначены соответствующим образом. Уилфрид с негодованием обратился от примаса и короля к папе. "Кто обратил Англию, если не я? ... и именно таким образом я вознагражден!"... Не позволяя трудностям путешествия остановить себя, он отправился в Рим в сопровождении нескольких монахов, а папа Агафон созвал собор (679 г.). Англичанин подал свою жалобу, и понтифик объявил нищету незаконной. Уилфрид немедленно вернулся в Англию и надменно представил королю указ папы римского. Но Эгфрид, который не был расположен терпеть эти трансальпийские нравы, далекий от того, чтобы восстановить престол, бросил прелата в тюрьму и не выпускал его до конца года, и то только при условии, что он немедленно покинет Нортумбрию.

Уилфрид — ибо мы должны следовать за этим замечательным человеком, оказавшим столь большое влияние на судьбы английской церкви, — Уилфрид был полон решимости стать епископом любой ценой. Королевство Сассекс все еще было языческим, и свергнутый прелат, чью неутомимую деятельность мы не можем не признать, принял решение завоевать епископство, подобно тому как другие люди планируют завоевание королевства. Он прибыл в Сассекс во время голода и, привезя с собой несколько сетей, научил людей искусству рыбной ловли и таким образом завоевал их расположение. Их король Эдилвалх был крещен, его подданные теперь последовали его примеру, и Уилфрид был поставлен во главе церкви. Но вскоре он проявил характер, которым был воодушевлен: он снабдил Кадуаллу, короля Уэссекса, людьми и деньгами, и этот жестокий вождь совершил яростное вторжение в Сассекс, опустошив его и предав смерти Эдилвалха, благодетеля прелата. Карьера беспокойного епископа на этом не закончилась. Король Эгфрид умер, и ему наследовал его брат Альфред, которого воспитал Уилфрид, принц, любивший науку и религию и подражавший славе своего дяди Освальда. Честолюбивый Уилфрид поспешил заявить права на свой йоркский престол, согласившись на раздел; ему вернули его, и он немедленно начал грабить других, чтобы обогатиться самому. Совет умолял его подчиниться постановлениям англиканской церкви; он

отказался и, потеряв уважение короля, своего бывшего ученика, предпринял, несмотря на свои преклонные годы, третье путешествие в Рим. Зная, как завоевывают пап, он бросился к ногам понтифика, воскликнув, что "епископ Уилфрид, смиренный раб слуги Божьего, умолял о милости нашего благословеннейшего господя, вселенского папы". Епископ не смог вернуть его творение на свою кафедру, и короткий остаток жизни Уилфрид провел среди богатств, которые его алчность столь недостойно накопила.

И все же он выполнил задачу своей жизни: вся Англия была подчинена папству. Имена *Освиу* и *Уилфрида* должны быть вписаны траурными письмами в летописи Великобритании. Потомство допустило ошибку, позволив им кануть в лету; ибо они были двумя из самых влиятельных и энергичных людей, которые когда-либо процветали в Англии. Тем не менее, сама эта забывчивость не является недостатком великодушия. Могила, в которой на протяжении девяти столетий покоилась свобода церкви, является единственным памятником — действительно скорбным, — который должен увековечить их память.

ADAMNAN.

Но Шотландия все еще была свободной, и, чтобы обеспечить окончательную победу Рима, необходимо было вторгнуться на эту девственную землю, над которой столько лет реяло знамя веры.

Адамнан был тогда главой церкви Ионы, первым старейшиной этого религиозного дома. Он был добродетельным и образованным, но слабым и несколько тщеславным, а в его религии было мало духовности. Завоевать его означало в глазах Рима завоевать Шотландию. Особое обстоятельство благоприятствовало планам тех, кто желал привлечь его к папскому общению. Однажды во время сильной бури корабль, шедший из Святой Земли, на борту которого находился галльский епископ по имени Аркульф, потерпел крушение в окрестностях Ионы. [92] Аркульф горячо искал убежища среди благочестивых жителей этого острова. Адамнан никогда не уставал слушать описания незнакомца о Вифлееме, Иерусалиме и Голгофе, о выжженных солнцем равнинах, по которым странствовал наш Господь, и о расколотом камне, который все еще лежал перед дверью гробницы. [93] Старейшина Ионы, гордившийся своей ученостью, записал разговор Аркульфа и на основе этого составил описание Святой Земли. Как только его книга была завершена, желание сделать эти удивительные вещи более широко известными в сочетании с небольшим тщеславием и, возможно, другими мотивами побудило его посетить двор Нортумберленда, где он представил свой труд благочестивому королю Альфреду, [94] который, любя науку и христианские традиции, заказал несколько копий этого произведения.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ИОНЫ.

И это было еще не все: римское духовенство понимало, какую выгоду они могли бы извлечь из этого опрометчивого путешествия. Они столпились вокруг старца; они показали ему все великолепие своего богослужения и сказали ему: "Неужели ты и твои друзья, живущие на самом краю света, пойдете против обрядов вселенской церкви?" [95] Придворные льстили самолюбию автора и приглашали его на свои празднества, в то время как король осыпал его подарками. Свободный пресвитер Британии стал священником Рима, а Адамнан вернулся на Иону, чтобы предать свою церковь своим новым хозяевам. Но все это было напрасно: Иона не уступала. [96] Затем он отправился скрывать свой позор в Ирландию, где, приведя нескольких человек к

римскому единообразию, набрался смелости и вновь посетил Шотландию. Но эта страна, по-прежнему непреклонная, с негодованием оттолкнула его. [97]

Когда Рим обнаружил, что не может победить с помощью жреца, он обратился за помощью к принцу, и ее взор был обращен к Найтаму, королю пиктов. "Насколько более славным было бы для вас, - убеждали латинские священники, - принадлежать к могущественной церкви вселенского понтифика Рима, чем к конгрегации, которой руководят жалкие старейшины! Римская церковь - это монархия, и она должна быть церковью каждого монарха. Римский церемониал соответствует королевской пышности, а его храмы - дворцам. " Последний аргумент убедил принца. Он отправил гонцов к Колфриду, настоятелю английского монастыря, умоляя прислать ему *архитекторов* способных построить церковь *по римскому образцу* [98]— из камня, а не из дерева. Архитекторы, построившие величественные портики, высокие колонны, сводчатые крыши, позолоченные алтари, часто оказывались самыми влиятельными римскими миссионерами. Искусство строителя, хотя и в самые ранние и простые дни своего существования, было более могущественным, чем Библия. Найтам, который, подчиняясь папе, считал себя равным Хлодвигу и Клотеру, собрал дворян своего двора и пасторов своей церкви и обратился к ним с таким обращением: "Я рекомендую всему духовенству моего королевства принять постриг святого Петра". [99] Затем без промедления (как сообщает нам Беда) эта важная революция была совершена королевской властью. [100] Он разослал агентов и письма в каждую провинцию и заставил всех служителей и монахов принять круговой постриг по римскому обычаю. [101] Это был знак, который паписты ставили не на лбу, а на макушке. Королевская прокламация и несколько взмахов ножниц поместили Скотч, как стадо овец, под посох тибрского пастуха.

МОНАХ ЭГБЕРТ На ИОНЕ.

Айона все еще сопротивлялась. Приказы пиктского короля, пример его подданных, вид итальянского могущества, пожиравшего землю, потрясли несколько умов; но Церковь все еще сопротивлялась этому нововведению. Иона была последней цитаделью свободы в западном мире, и папство было преисполнено гнева на эту жалкую группу, которая в своем отдаленном уголке отказывалась склониться перед ним. Человеческих средств оказалось недостаточно, чтобы покорить эту скалу: требовалось что-то большее, например, видения и чудеса; а их Рим всегда находит, когда ему это нужно. Однажды, ближе к концу седьмого века, английский монах по имени Эгберт, прибывший из Ирландии, предстал перед старейшинами Ионы, которые приняли его со своим обычным гостеприимством. Он был человеком, в котором восторженная преданность сочеталась с большой мягкостью сердца, и вскоре он завоевал умы этих простых верующих. Он говорил им о внешнем единстве, настаивая на том, что универсальность, проявляющаяся в различных формах, не подходит церкви Христовой. Он выступал за особую форму Рима и заменил истинно католический элемент, которым до сих пор обладали христиане Ионы, сектантским элементом. Он атаковал традиции британской церкви, [102] и щедро раздавал богатые подарки, доверенные ему лордами Ирландии и Англии, [103] вскоре у него появились основания признать истинность высказывания мудрец: *Дар подобен драгоценному камню в глазах того, кто им обладает: куда бы он ни обращался, он преуспевает.*

МОНАШЕСКИЕ ВИДЕНИЯ.

Однако некоторые благочестивые души все еще оставались в Ионе. Энтузиаст Эгберт — ибо таковым он, по-видимому, и был, а не самозванцем, — прибегнул к другим средствам. Он

представился посланником с небес: "сами святые, - сказал он, - поручили мне обратить Иону"; а затем он рассказал следующую историю старейшинам, стоявшим вокруг него. "Около тридцати лет назад я поступил в монастырь Ратмелфиг в Ирландии, когда на него обрушилась ужасная эпидемия, и из всех братьев монах Эдельхун и я остались одни. Пораженный чумой и опасаясь, что настал мой последний час, я встал с постели и прокрался в часовню. [104] Там все мое тело задрожало при воспоминании о моих грехах, и мое лицо залилось слезами. "О Боже, - воскликнул я, - не дай мне умереть, пока я не искуплю свой долг перед тобой множеством добрых дел. [105] Пошатываясь, я вернулся в лазарет, лег в постель и заснул. Когда я проснулся, то увидел, что Эдельхун не сводит с меня глаз. "Брат Эгберт, - сказал он, - мне было открыто в видении, что ты получишь то, о чем просил". Следующей ночью Эдельхун умер, а я выздоровел.

"Прошло много лет: мое раскаяние и мои бдения не удовлетворили меня, и, желая уплатить свой долг, я решил отправиться с группой монахов и проповедовать благословения Евангелия язычникам Германии. Но ночью одному из братьев явился благословенный святой с небес и сказал: "Скажи Эгберту, что он должен отправиться в монастыри Колумбы, потому что их плуги не пахут прямо, и он должен пустить их в правильную борозду". [106] Я запретил этому брату рассказывать о своем видении и поднялся на борт корабля, направлявшегося в Германию. Мы ждали попутного ветра, как вдруг посреди ночи на судно налетела страшная буря и выбросила нас на мель. "Ради меня эта буря обрушилась на нас", - воскликнул я в ужасе. "Бог говорит со мной так же, как Он говорил с Ионой", - и я побежал искать убежища в своей камере. Наконец я решил подчиниться приказу, который передал мне святой человек. Я покинул Ирландию и пришел к вам, чтобы заплатить свой долг, обратив вас в свою веру. А теперь, - продолжал Эгберт, - прислушайся к голосу небес и подчинишься Риму".

Корабль, выброшенный штормом на берег, был частым явлением на этих берегах, и в мечте монаха, поглощенного планами своего брата, не было ничего особенного. Но в те темные времена все казалось чудесным; фантомы и привидения имели больший вес, чем слово Божье. Вместо того чтобы обнаружить пустоту этих видений из-за ложности религии, которую они поддерживали, старейшины Ионы серьезно выслушали рассказ Эгберта. Примитивная вера, посаженная на скале Айколмкилл, теперь была подобна сосне, колеблемой ветром: но один порыв, и она была бы вырвана с корнем и унесена в море. Эгберт, видя, что старейшины потрясены, удвоил свои молитвы и даже прибегнул к угрозам. "Весь запад, - сказал он, - преклоняет колена перед Римом: один против всех, что ты можешь сделать?" Шотландцы все еще сопротивлялись: незаметные и неизвестные, последние британские христиане боролись за истекающую свободу. Наконец, сбитые с толку, они споткнулись и упали. Принесли ножницы; они получили латинскую тонзуру [107]— они принадлежали папе римскому.

ПАДЕНИЕ ИОНЫ.

Так пала Шотландия. Однако в ней все еще оставались какие-то искры благодати, и горы Каледонии долгое время скрывали скрытый огонь, который спустя много веков разгорелся с такой силой. То тут, то там можно было встретить нескольких независимых духов, которые свидетельствовали против тирании Рима. Во времена Беды можно было видеть, как они "останавливались на своем пути" (выражаясь словами римского историка), отказываясь участвовать в праздниках приверженцев папства и отталкивая руки, жаждавшие побрить им макушки. [108] Но лидеры государства и церкви сложили оружие. Борьба, длившаяся более

века, завершилась. Британское христианство в какой-то степени подготовило свое собственное падение, слишком часто заменяя веру формой. Иностранное суеверие воспользовалось этой слабостью и восторжествовало на этих островах посредством королевских указов, церковных украшений, монашеских призраков и монастырских привидений. В начале VIII века британская церковь стала рабой Рима; но началась внутренняя борьба, которая не прекращалась до периода Реформации.

ГЛАВА IV.

Климент—Борьба между шотландцем и англичанином—Только Слово Божье—Успех Климента—Его осуждение—Вергилий и Антиподы—Джон Скотт и философская религия—Альфред и Библия—Тьма и папство—Вильгельм Завоеватель—Вулстон у могилы Эдуарда—Борьба между Вильгельмом и Хильдебрандом—Папа уступает—Цезаропапия.

Независимые христиане Шотландии, подчинившие власть человека власти Бога, были преисполнены скорби, когда увидели это отступление: и именно это, без сомнения, побудило многих покинуть свои дома и сражаться в самом сердце Европы во имя христианской свободы, срок которой только что истек среди них самих.

КЛИМЕНТ И БОНИФАЦИЙ.

В начале VIII века благочестивым доктором шотландской церкви по имени Климент овладела великая идея. [109] *Дело Божье* - это сама суть христианства, думал он, и это дело должно быть защищено от всех посягательств человека. Человеческому традиционализму он противопоставлял исключительный авторитет слова Божьего; клерикальному материализму - церковь, которая является собранием святых; и пелагианству - верховенство благодати. Он был человеком решительного характера и твердой веры, но без фанатизма; его сердце было открыто для самых святых эмоций нашей натуры; он был мужем и отцом. Он покинул Шотландию и путешествовал среди франков, повсюду разбрасывая семена веры. К несчастью, случилось так, что человек с родственной энергией, Уинифрид или Бонифаций Уэссекский, насаждал папское христианство в тех же регионах. Этот великий миссионер, обладавший в значительной степени организаторскими способностями, ставил превыше всего внешнее единство, и когда он принес присягу на верность Григорию II, он получил от этого папы сборник римских законов. Бонифаций, отныне послушный ученик или, скорее, фанатичный защитник Рима, поддерживаемый, с одной стороны, понтификом, а с другой - Карлом Мартеллом, проповедовал народу Германии среди некоторых несомненных христианских истин доктрину десятины и папского верховенства. Англичанин и шотландец, представители двух великих систем, собирались вступить в смертельную схватку в самом сердце Европы — в схватку, последствия которой могли быть непредсказуемыми.

УСПЕХ КЛЕМЕНТА.

Встревоженный прогрессом, достигнутым евангелическими доктринами Климента, Бонифаций, архиепископ германских церквей, выступил против них. Сначала он противопоставил шотландцу законы римской церкви, но тот отрицал авторитет этих церковных канонов и опроверг их содержание. [110] Затем Бонифаций изложил решения различных соборов; но Климент ответил, что если решения соборов противоречат Священному Писанию, они не имеют

власти над христианами. [111] Архиепископ, пораженный такой дерзостью, затем обратился к трудам самых прославленных отцов латинской церкви, цитируя Иеронима, Августина и Григория; но шотландец сказал ему, что вместо того, чтобы подчиняться слову людей, он будет подчиняться только слову Божьему. [112] Теперь Бонифаций с негодованием представил католическую церковь, которая благодаря своим священникам и епископам, сплотившимся во главе с папой, образует нерушимое единство; но к его великому удивлению, его оппонент утверждал, что только там, где обитает Святой Дух, можно найти супругу Иисуса Христа. [113] Тщетно архиепископ выражал свой ужас; Климента нельзя было отвлечь от его великой идеи ни криками последователей Рима, ни неосторожными нападками на папство со стороны других христианских служителей. Действительно, у Рима были и другие противники. Галльский епископ по имени Адальберт, с которым Бонифаций якобы поддерживал дружеские отношения с Климентом, однажды увидел, как архиепископ самодовольно демонстрировал народу некоторые реликвии святого Петра, которые он привез из Рима; и, желая показать смехотворный характер этих римских обычаев, он раздал прохожим свои собственные волосы и ногти, умоляя их воздать им те же почести, на которые Бонифаций претендовал в отношении реликвий папства. Климент, как и многие другие, улыбнулся странному доводу Адальберта, но он привык сражаться не таким оружием. Одаренный глубокой проницательностью, он заметил, что авторитет человека, подменяющий авторитет Бога, является источником всех ошибок римлянина. В то же время он настаивал на предопределении, которое архиепископ назвал "ужасными доктринами, противоречащими католической вере". [114] Характер Климента склоняет нас к мысли, что он благосклонно относился к доктрине предопределения. Столетие спустя благочестивый Готтшалк подвергся преследованию со стороны одного из преемников Бонифация за то, что придерживался именно этого учения Августина. Так шотландец, представитель древней веры своей страны, почти без посторонней помощи противостоял в центре Европы вторжению римлян. Но он недолго пробыл в одиночестве: вокруг него столпились особенно великие, более просвещенные, чем простые люди. Если бы Климент преуспел, на континенте была бы основана христианская церковь, независимая от папства.

Бонифаций был сбит с толку. Он хотел сделать в центральной Европе то, что его соотечественник Уилфрид сделал в Англии; и в тот самый момент, когда ему показалось, что он движется от триумфа к триумфу, победа ускользнула из его рук. Он выступил против этого нового врага и, обратившись к сыновьям Карла Мартелла, Пипину и Карломану, заручился их согласием на созыв совета, перед которым вызвал Климента.

КЛЕМЕНТ ОСУЖДЕН.

Епископы, графы и другие знаменитости встретились в Суассоне 2 марта 744 года, и Бонифаций обвинил шотландца в презрении к законам Рима, соборам и отцам церкви; атаковал его брак, который он назвал прелюбодейным союзом, и поставил под сомнение некоторые второстепенные положения доктрины. Соответственно, Климент был отлучен от церкви Бонифацием, одновременно его противником, обвинителем и судьей, и брошен в тюрьму с одобрения папы и короля франков. [115]

За дело шотландца брались повсюду; против немецкого примаса выдвигались обвинения, его дух преследования подвергался суровому осуждению, а его усилиям по торжеству папства оказывалось сопротивление. [116] Карломан уступил этому единодушному движению. Двери тюрьмы были открыты, и едва Климент переступил порог, как начал смело протестовать против

человеческого авторитета в вопросах веры: слово Божье - единственное правило. После этого Бонифаций обратился в Рим с просьбой осудить еретика и сопроводил свою просьбу серебряным кубком и одеждой из тонкой ткани. [117] Папа решил на синоде, что если Климент не откажется от своих ошибок, он должен быть предан вечному проклятию, а затем попросил Бонифация отправить его в Рим под надежной охраной. Здесь мы теряем все следы шотландца, но нетрудно догадаться, какова должна была быть его судьба.

Клемент был не единственным британцем, отличившимся на этом конкурсе. Два соотечественника, Сэмпсон и Вергилий, проповедовавшие в центральной Европе, подобным же образом подвергались преследованиям со стороны Римской церкви. Вергилий, предвосхищая Галилея, осмелился утверждать, что под нашими ногами были другие люди и другой мир. [118] Он был осужден Бонифацием за эту ересь и папой римским, как и другие британцы за апостольскую простоту своей жизни. В 813 году некоторые шотландцы, называвшие себя епископами, говорит каноник, представ перед собором римской церкви в Шалоне, были отвергнуты французскими прелатами, потому что, как и святой Павел, *они действовали своими руками*. Эти просвещенные и верующие люди были выше своего времени: Бонифаций и его церковный материализм лучше подходили для эпохи, в которой церковные формы считались сутью религии.

ДУНС СКОТ.

Даже Великобритания, хотя ее свет и не был столь чистым, не была полностью погружена во тьму. Англосаксы привнесли в свою церковь определенные черты, отличавшие ее от римской; на их язык было переведено несколько книг Библии, и отважные умы, с одной стороны, и несколько благочестивых душ - с другой, трудились в направлении, враждебном папству.

Сначала мы видим зарождение того философского рационализма, который излучает определенную степень яркости, но который не может ни победить заблуждение, ни тем более установить истину. В девятом веке в Ирландии жил ученый, который впоследствии поселился при дворе Карла Лысого. Он был странным, загадочным человеком, глубоко мыслящим и в такой же степени возвышавшимся над врачами своего времени смелостью своих идей, как Карл Великий над князьями своего времени силой своей воли. Джон Скотт Эригена — то есть уроженец Ирландии, а не Эйра, как некоторые предполагали, — был метеором на теологических небесах. С великим философским гением он сочетал веселый шутливый нрав. Однажды, когда он сидел за столом напротив Карла Лысого, последний лукаво спросил его: "Какое расстояние между *шотландцем* и *шотландкой*?" "Ширина стола", - был его готовый ответ, вызвавший улыбку у короля. В то время как доктрина Беды, Бонифация и даже Алкуина была традиционной, раболепной и, одним словом, романистической, доктрина Скотта была мистической, философской, свободной и дерзновенной. Он искал истину не в слове и не в Церкви, а в самом себе: "Познание самих себя является истинным источником религиозной мудрости. Каждое творение есть теофания — проявление Бога; поскольку откровение предполагает существование истины, именно с этой истиной, которая выше откровения, человек должен установить себе непосредственную связь, предоставляя ему свободу впоследствии показать ее соответствие Писанию и другим теофаниям. Сначала мы должны использовать разум, а затем авторитет. Авторитет исходит из разума, а не разум из авторитета". [119] Однако этот смелый мыслитель, стоя на коленях, мог уступить стремлениям, полным благочестия: "О Господь Иисус, - воскликнул он, - я не прошу у Тебя иного счастья, кроме как

понять, не смешанное с лживыми теориями, слово, которое Ты внушил своим Святым Духом! Покажи себя тем, кто просит только о Тебе!" Но в то время как Скот, с одной стороны, отвергал определенные традиционные заблуждения, и в частности доктрину пресуществления, которая проникала в церковь, он был близок к тому, чтобы впасть в отношении Бога и мира в другие заблуждения, отдающие пантеизмом. [120] Философскому рационализму современника Карла Лысого — странному продукту одного из самых темных периодов истории (850 г.) — было суждено по прошествии многих веков вновь преподаваться в Великобритании как современному изобретению самого просвещенного века.

АЛЬФРЕД И БИБЛИЯ.

Пока Скот таким образом погружался в глубины философии, другие изучали свои Библии; и если бы густая тьма не скрыла эти первые проблески зари, возможно, Церковь Великобритании уже тогда начала бы трудиться над возрождением христианского мира. Молодой принц, жаждавший интеллектуальных удовольствий, семейного счастья и слова Божьего и искавший частыми молитвами освобождения от уз греха, вззошел на трон Уэссекса в 871 году. Альфред, будучи убежден, что только христианство может правильно сформировать нацию, собрал вокруг себя самых образованных людей со всех частей Европы и стремился к тому, чтобы англичане, подобно евреям, грекам и латинянам, владели священным Писанием на своем родном языке. Он настоящий покровитель библейского труда — титул гораздо более славный, чем титул основателя Оксфордского университета. Проведя более пятидесяти сражений на суше и на море, он умер, переводя Псалмы Давида для своих подданных. [121]

После этого проблеска света густая тьма снова опустилась на Великобританию. Девять англосаксонских королей закончили свои дни в монастырях; в Риме была семинария, из которой каждый год новые ученые приносили в Англию новые формы папства; безбрачие священников, этот цемент римской иерархии, был установлен буллой примерно в конце десятого века; количество монастырей умножалось, Церкви были пожалованы значительные владения, а налог в *петровский пенс*, возложенный к ногам понтифика, провозгласил триумф папской системы. Но вскоре произошла реакция: Англия собрала свои силы для войны против папства, войны в одно время светской, а в другое - духовной. Вильгельм Нормандский, Эдуард III, Уиклиф и Реформация - вот четыре восходящие ступени протестантизма в Англии.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Гордый, предприимчивый и дальновидный принц, незаконнорожденный сын крестьянки из Фалеза и Роберта Дьявола, герцога Нормандии, начал борьбу с папством, которая продолжалась вплоть до Реформации. Вильгельм Завоеватель, разгромив саксов при Гастингсе в 1066 году нашей эры, завладел Англией, по благословению римского понтифика. Но завоеванной стране было суждено победить своего хозяина. Вильгельм, вторгшийся в Англию от имени папы римского, едва коснулся земли своего нового королевства, как научился сопротивляться Риму, как будто древняя свобода британской церкви возродилась в нем. Будучи твердо преисполнен решимости не допустить, чтобы ни один иностранный принц или прелат обладал в своих владениях юрисдикцией, независимой от его собственной, он начал подготовку к завоеванию, гораздо более трудному, чем завоевание англосаксонского королевства. Само папство снабдило его оружием. Римские легаты убедили короля массово изгнать английскую епископию, и это было именно то, чего он хотел. Чтобы противостоять папству, Вильгельм желал быть уверенным в покорности английских священников. Стиган,

архиепископ Кентерберийский, был смещен, и Ланфранк Павийский, который был вызван из Бека в Нормандии на его место, получил от Завоевателя задание принудить духовенство к повиновению. Этот прелат, который был регулярным в своей жизни, щедрым на милостыню, образованным спорщиком, благоразумным политиком и искусным посредником, обнаружив, что ему приходится выбирать между своим господином королем Вильгельмом и его другом понтификом Хильдебрандом, отдал принцу предпочтение. Он отказался ехать в Рим, несмотря на угрозы папы, и решительно взялся за дело, которое ему доверил король. Саксы иногда оказывали сопротивление норманнам, как бритты оказали сопротивление саксам; но вторая битва была менее славной, чем первая. Синод, на котором присутствовал король, собрался в Вестминстерском аббатстве, и Уильям приказал Вулстону, епископу Вустерского, передать ему свой посох. Старик встал, воодушевленный святым рвением: "О царь, - сказал он, - от лучшего человека, чем ты, я получил это, и только ему я верну это". [122] К несчастью, этим "лучшим человеком" не был Иисус Христос. Затем, приблизившись к могиле Эдуарда Исповедника, он продолжил: "О мой учитель, это ты вынудил меня занять этот пост; но теперь передо мной новый король и новый примас, которые издают новые законы. Не им, о учитель, но тебе я отказываюсь от своего посоха и заботы о моей пастве". С этими словами Вулстон возложил свой пастырский посох на могилу Эдуарда. На могиле исповедника погибла свобода англосаксонской иерархии. Обездоленные саксонские епископы были сосланы в крепости или заперты в монастырях.

БОРЬБА МЕЖДУ ВИЛЬГЕЛЬМОМ И ХИЛЬДЕБРАНДОМ.

Убедившись таким образом в послушании епископов, Победитель выдвинул верховенство меча в противовес верховенству папы. Он назначал непосредственно на все вакантные церковные должности, наполнил свою казну церковными богатствами, потребовал, чтобы все священники приносили ему присягу, запретил им отлучать от церкви его чиновников без его согласия, даже за кровосмешение, и объявил, что все синодальные решения должны быть им скреплены подписью. "Я утверждаю, - сказал он однажды архиепископу, воздевая руки к небу, - я утверждаю, что держу в этой руке все пастырские посохи в моем королевстве". [123] Ланфранк был поражен этой смелой речью, но благоразумно промолчал, [124] по крайней мере, некоторое время. Епископство потворствовало королевским притязаниям.

Склонится ли Хильдебранд, самый непреклонный из пап, перед Вильгельмом? Король был искренен в своем желании поработить Церковь государству; папа - поработить государство Церкви: столкновение этих двух могущественных поборников грозило быть ужасным. Но было замечено, что самый надменный из понтификов сдавался, как только чувствовал закованную в кольчугу руку Завоевателя, и безропотно сжимался перед ней. Папа привел в замешательство весь христианский мир, заявив, что он может лишить принцев права на посвящение в церковные звания: Вильгельм не позволил ему вмешиваться в этот вопрос в Англии, и Гильдебранд подчинился. Король пошел еще дальше: папа, желая поработить духовенство, лишил священников их законных жен; Вильгельм добился указа, принятого советом Винчестера в 1076 году, о том, что женатых священников, живущих в замках и городах, нельзя принуждать разводиться со своими женами. [125] Это было уже слишком: Хильдебранд вызвал Ланфранка в Рим, но Вильгельм запретил ему ехать. "Никогда король, даже язычник, - воскликнул Григорий, - не покушался на святой престол в том, что этот человек не побоялся осуществить!" [126].... Чтобы утешиться, он потребовал выплату *пенса Питераи* клятву верности. Вильгельм прислал деньги, но отказался от оммажа; и когда Хильдебранд увидел дань, которую заплатил король, он с горечью сказал: "Какую ценность я могу придавать деньгам, которые вносятся с такой малой

честью!" [127] Вильгельм запретил своему духовенству признавать папу римского или публиковать буллу без королевского одобрения, что не помешало Гильдебранду называть его "жемчужиной принцев". [128] "Это правда, - сказал он своему легату, - что английский король ведет себя в некоторых вопросах не так религиозно, как мы могли бы пожелать.... Но остерегайтесь раздражать его.... Мы наверняка завоюем его расположение к Богу и Святому Петру кротостью и разумом, а не строгостью ". [129] В этой манере папа действовал подобно архиепископу—*силуиту*: он молчал. Именно для слабых правительств Рим приберегает свою энергию.

ЦЕЗАРОПАПИЯ.

Нормандские короли, желая укрепить свою работу, построили готические соборы вместо деревянных церквей, в которых они разместили своих солдат-епископов, как если бы они были мощными крепостями. Вместо моральной власти и смиренного посоха пастуха они дали им светскую власть и посох. На смену религиозному епископату пришел политический. Уильям Руфус зашел даже дальше, чем его отец. Воспользовавшись расколом, разделившим папство, он десять лет обходился без папы, оставляя аббатства, епископства и даже Кентерберии вакантными и скандально растрачивая их доходы. Цезаропапия (превращающая короля в папу), таким образом, достигла своего наивысшего предела, и священническая реакция не могла не произойти.

Папство вот—вот снова поднимется в Англии, а королевская власть придет в упадок - два движения, которые всегда сочетаются в Великобритании.

ГЛАВА V.

Твердость Ансельма—Аскетизм Бекета—Король подвергнут бичеванию—Иоанн становится вассалом папы—Столкновение папства и Свободы—Король—вассал опустошает свое Королевство—Религия чувств и суеверий.

Сейчас мы вступаем в новую фазу истории. Римизм вот-вот восторжествует благодаря усилиям ученых людей, энергичных прелатов и князей, в которых крайняя неосторожность сочеталась с крайним раболепием. Это эпоха господства папства, и мы увидим, как оно бессовестно использует деспотизм, которым оно характеризуется.

ANSELM.

Болезнь вызвала у короля некоторую степень раскаяния, и он согласился занять вакантную архиепископскую кафедру. И вот Ансельм впервые появляется в Англии. Он родился в Альпийской долине, в городке Аоста в Пьемонте. Впитывая наставления своей благочестивой матери Эрменберги и веря, что Божий престол находится на вершине гигантских гор, которые он видел возвышающимися вокруг себя, маленький Ансельм взобрался на них в своих мечтах и получил небесный хлеб из рук Господа. К несчастью, в последующие годы он признал другой престол в церкви Христа и склонил голову перед престолом Святого Петра. Это был человек, которого называл Вильгельм II. призванный в 1093 году занять пост примаса Кентерберийского. Ансельм, которому тогда было шестьдесят лет и который преподавал в Беке, сначала отказался: характер Руфа приводил его в ужас. "Англиканская церковь, - сказал он, - это плуг, который

должны тянуть два вола равной силы. Как ты можешь впрягать в ярмо такую старую и робкую овцу, как я, и этого дикого быка? В конце концов он согласился и, скрывая властолюбивый ум под маской смирения, едва прибыл в Англию, как признал папу Урбана II., потребовал имения своего престола, на которые наложила арест казначейство, отказался выплачивать королю требуемые суммы, оспорил право инвеституры у Генриха I., запретил всем священнослужителям приносить феодальную присягу и постановил, что священники должны немедленно развестись с своими женами. Схоластика, первым представителем которой был Ансельм, освободила церковь от ига королевской власти, но только для того, чтобы приковать ее к папскому престолу. Оковы вот-вот должны были быть скованы еще более энергичной рукой; и то, что начал этот великий богослов, предстояло продолжить великому мирянину.

На охотничьих вечеринках Генриха II. один человек привлек внимание своего государя своей откровенностью, приятными манерами, остроумной беседой и буйной жизнерадостностью. Это был Томас Бекет, сын англосакса и сирийской женщины. Будучи одновременно священником и солдатом, он был назначен одновременно королем пребендом Гастингским и губернатором Тауэра. Когда его назначили канцлером Англии, он проявил себя не менее опытным, чем Уилфрид, в незаконном присвоении богатств несовершеннолетних, находящихся на его попечении, а также аббатств и епископств и предавался самой экстравагантной роскоши. Генрих, первый из Плантагенетов, человек нерешительного характера, заметив рвение Бекета отстаивать прерогативы короны, назначил его архиепископом Кентерберийским. "Теперь, сир, - заметил примас с улыбкой, - когда мне придется выбирать между Божьей милостью и вашей, помните, что я пожертвую именно вами".

БЕКЕТ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ КОРОЛЯ.

Бекет, который как хранитель печатей был самым великолепным из придворных, как архиепископ почитался как самый почитаемый из святых. Он вернул печати королю, облачился в монашескую рясу, носил власяницу, кишашую паразитами, питался самой простой пищей, каждый день преклонял колени, чтобы омыть ноги беднякам, расхаживал по галереям своего собора со слезящимися глазами и часами молился перед алтарем. Как защитник священников, даже в их преступлениях, он взял под свою защиту того, кто к преступлению совращения добавил убийство отца своей жертвы.

После того, как судьи сообщили Генриху, что за первые восемь лет его правления церковниками было совершено сто убийств, король в 1164 году созвал совет в Кларендоне, на котором были выработаны определенные постановления или *конституции*, с целью предотвращения посягательств иерархии. Бекет сначала отказался их подписывать, но в конце концов согласился, а затем удалился в уединение, чтобы оплакивать свою ошибку. Папа Александр III освободил его от присяги, после чего началась ожесточенная и долгая борьба между королем и примасом. Четверо придворных рыцарей, уловив поспешное выражение лица своего господина, варварски убили архиепископа у подножия алтаря в его собственной кафедральной церкви (1170 год н.э.). Народ почитал Бекета как святого: огромные толпы приходили помолиться к его могиле, на которой было совершено много чудес. [130] "Даже из могилы, - говорили сторонники Бекета, - он свидетельствует в пользу папства".

Теперь Генри бросался из одной крайности в другую. Он вошел в Кентербери босиком и пал ниц перед могилой мученика; епископы, священники и монахи в количестве восьмидесяти человек прошли перед ним, каждый с бичом, и нанесли три или пять ударов в соответствии со своим

рангом по обнаженным плечам короля. В прежние века, как гласила священническая легенда, святой Петр бичевал архиепископа Кентерберийского: теперь Рим в трезвой реальности бичевал королевскую семью в спину, и отныне ничто не может помешать ее победоносной карьере. Плантагенет сдал Англию папе, и папа дал ему полномочия подчинить Ирландию. [131]

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ.

Риму, наступившему на шею королю, при одном из сыновей Генриха II было суждено наступить на шею Англии. Иоанн не желал признавать архиепископа Кентерберийского, незаконно назначенного папой Иннокентием III, и последний, более смелый, чем Хильдебранд, наложил на королевство интердикт. После этого Иоанн приказал всем прелатам и аббатам покинуть Англию и отправил монаха в Испанию в качестве посла к Магometу-эль-Насиру, предлагая перейти в магометанство и стать его вассалом. Но когда Филипп Август готовился свергнуть его с престола, Иоанн решил стать вассалом Иннокентия, а не Магомета, что для него было примерно одним и тем же. 15 мая 1213 года он возложил свою корону к ногам легата, объявил, что передает свое английское королевство папе римскому, и принес ему присягу как своему верховному господину. [132]

Затем национальный протест смело заявил о древних свободах народа. Сорок пять баронов, вооруженных доспехами и восседавших на своих благородных боевых конях, окруженные своими рыцарями, слугами и примерно двумя тысячами солдат, собрались в Брэккли во время празднования Пасхи в 1215 году и отправили депутацию в Оксфорд, где в то время находился двор. "Вот, - сказали они королю, - хартия, которая освящает свободы, утвержденные Генрихом II, и которую вы также торжественно поклялись соблюдать".... "Почему они не требуют и моей короны?" - сказал король в ярости, а затем с клятвой, [133] он добавил: "Я не предоставлю им вольностей, которые сделают меня рабом". Это обычный язык слабых и абсолютных королей. Нация также не подчинилась бы порабощению. Бароны заняли Лондон, и 15 июня 1215 года король подписал знаменитую *Великую хартию вольностей* в Раннимиде. Однако политический протестантизм XIII века мало что сделал бы для величия нации без религиозного протестантизма XVI века.

ПАПСТВО И СВОБОДА В СТОЛКНОВЕНИИ.

Это был первый раз, когда папство столкнулось с современной свободой. Оно содрогнулось в тревоге, и потрясение было сильным. Иннокентий поклялся (по своему обыкновению), а затем объявил Великую хартию недействительной, запретил королю под страхом анафемы уважать свободы, которые он подтвердил, [134] приписал поведение баронов подстрекательству сатаны и приказал им принести извинения королю и отправить депутацию в Рим, чтобы узнать от уст самого папы римского было сказано, каким должно быть правительство Англии. Именно таким образом папство приветствовало первые проявления свободы среди народов и обнародовало образцовую систему, в соответствии с которой оно претендовало на управление всем миром.

Священники Англии поддержали анафемы, произнесенные их главой. Они позволяли себе тысячи насмешек и сарказмов в адрес Джона по поводу принятой им хартии: "Это двадцать пятый король Англии — не король, даже не королевич, а позор королей - король без королевства — пятое колесо повозки - последний из королей и позор своего народа!—Я бы и ломаного гроша за него не дал.... *Fuisti rex, nunc fex* (когда-то король, а теперь шут)." Джон, не в

силах вынести своего позора, стонал, скрежетал зубами и закатывал глаза, вырывал палки из живой изгороди и грыз их, как маньяк, или разбрасывал на куски по земле. [135]

Бароны, одинаково равнодушные к наглости папы и отчаянию короля, ответили, что они будут соблюдать хартию. Иннокентий отлучил их от церкви. "Разве дело папы - регулировать мирские вопросы?" - спросили они. "По какому праву мерзкие ростовщики и мерзкие симоняки властвуют над нашей страной и отлучают от церкви весь мир?"

РЕЛИГИЯ ЧУВСТВ.

Вскоре папа восторжествовал по всей Англии. Его вассал Джон, наняв несколько банд авантюристов с континента, пересек во главе их всю страну от Ла-Манша до Форта. Эти наемники несли за собой опустошение: они вымогали деньги, брали в плен, сжигали замки баронов, опустошали их парки и бесчестили их жен и дочерей. [136] Король ночевал в доме, а на следующее утро поджигал его. Окровавленные убийцы рыскали ночью по стране с мечом в одной руке и факелом в другой, отмечая свой прогресс убийствами и пожарами. [137] Такова была интронизация папства в Англии. При виде этого бароны, охваченные эмоциями, осудили и короля, и папу римского: "Увы! бедная страна!" - воскликнули они. "Несчастливая Англия!... И ты, о папа, да падет на тебя проклятие!" [138]

Проклятие не заставило себя долго ждать. Когда король возвращался из какой-то более чем обычно успешной вылазки и когда королевские повозки пересекали пески Уош, поднялся прилив, и все затонуло в бездне. [139] Это происшествие наполнило Джона ужасом: ему казалось, что земля вот-вот разверзнется и поглотит его; он бежал в монастырь, где обильно пил сидр и умер от пьянства и страха. [140]

Таков был конец вассала папы римского - его вооруженного миссионера в Великобритании. Никогда еще столь подлый правитель не был невольным поводом для получения своим народом столь великих благ. С его правления Англия, возможно, связывает свой энтузиазм по поводу свободы и свой страх перед папством.

За это время произошла великая трансформация. Великолепные церкви и чудеса религиозного искусства, с церемониями и множеством молитв и песнопений ослепляли глаза, очаровывали уши и пленяли чувства; но свидетельствовали также об отсутствии каких-либо сильных моральных и христианских настроений и преобладании мирского в церкви. В то же время поклонение образам и реликвиям, святым, ангелам и Марии Богородице, поклонение *латрии*, *дулии* и *гипердулии*, [141] настоящий Посредник, перенесенный с престола милосердия на престол возмездия, сразу указал и поддерживал среди людей это незнание истины и отсутствие благодати, которые характеризуют папство. Все эти ошибки имели тенденцию вызывать реакцию, и фактически теперь можно сказать, что марш Реформации начался.

Англия была унижена папством: она снова восстала, сопротивляясь Риму. Гростет, Брэдуорд и Эдуард III подготовили путь для Уиклифа, а Уиклиф для Реформации.

ГЛАВА VI.

Реакция—Гростете—Принципы реформы—Спор с Папой—Сьюэл—Прогресс нации—
Оппозиция папству—Обращение Брэдуордина—Благодать превыше всего—Эдуард III—
Статуты *провизоров* и *Премуниверситета*.

РЕАКЦИЯ.

В правление Генриха III, сына Иоанна, в то время как король потворствовал узурпации власти в Риме, а папа высмеивал жалобы баронов, благочестивый и энергичный человек, обладавший всесторонним пониманием, был занят изучением Священного Писания на языках их оригинала и преклонялся перед их суверенной властью. Роберт Гростет (Великоголовый или *Капитан*) родился в бедной семье в графстве Линкольншир, и, будучи возведен на престол Линкольна в 1235 году, когда ему было шестьдесят лет, он смело взялся за реформирование своей епархии, одной из крупнейших в Англии. И это было еще не все. В то самое время, когда римский понтифик, который до сих пор довольствовался тем, что его называли викарием Святого Петра, провозгласил себя викарием Бога, [142] и приказывал английским епископам найти пособия для *трехсот римлян*, [143] Гростет заявлял, что "следовать за папой, который восстает против воли Христа, означает отделиться от Христа и его тела; и если когда-нибудь наступит время, когда все люди последуют за заблуждающимся понтификом, тогда это будет великим отступничеством. Тогда истинные христиане откажутся повиноваться, и Рим станет причиной беспрецедентного раскола". [144] Так он предсказал Реформацию. Испытывая отвращение к алчности монахов и священников, он посетил Рим, чтобы потребовать реформы. "Брат, - сказал ему Иннокентий IV с некоторым раздражением, - *Разве глаз твой зол, потому что я добрый?*" Английский епископ воскликнул со вздохом: "О деньги, деньги! как велика твоя власть, особенно при римском дворе!"

СПОР С ПАПОЙ РИМСКИМ.

Едва прошел год, как Иннокентий приказал епископу посвятить своего малолетнего племянника в каноники линкольнского собора. Гростет ответил: "После греха Люцифера нет ничего более враждебного Евангелию, чем то, что губит души, давая им неверующего служителя. Плохие пастыри являются причиной неверия, ереси и беспорядка. Те, кто вводит их в церковь, немногим лучше антихристов, и их вина пропорциональна их достоинству. Хотя глава ангелов должен приказать мне совершить такой грех, я бы отказался. Мое послушание запрещает мне повиноваться, и поэтому я бунтую". [145]

Так говорил епископ своему понтифику: его послушание слову Божьему запрещало ему повиноваться папе. Таков был принцип Реформации. "Кто этот старый болтун, который в своем старческом маразме осмеливается судить о моем поведении?" воскликнул Иннокентий, чей гнев был смягчен вмешательством некоторых кардиналов. Гростет на смертном одре еще яснее изложил принципы реформаторов; он заявил, что ересь - это "мнение, зародившееся по плотским мотивам, *противоречащее Писанию*, открыто проповедуемое и упрямо защищаемое", утверждая таким образом авторитет Писания, а не авторитет церкви. Он умер с миром, и общественный голос провозгласил его "исследователем Священного Писания, противником папы и презирающим римлян". [146] Иннокентий, желая отомстить своим костям, размышлял об эксгумации своего тела, когда однажды ночью (говорит Матфей Парижский) перед ним предстал епископ. Подойдя к кровати понтифика, он ударил его своим посохом и

обратился к нему с ужасным голосом и угрожающим видом: [147] "Негодяй! Господь не допускает, чтобы ты имел какую-либо власть надо мной. Горе тебе!" Видение исчезло, и папа, издав крик, как будто его ударили каким-то острым оружием, без чувств лег на свое ложе. С тех пор у него не было ни одной спокойной ночи, и, преследуемый призраками своего беспокойного воображения, он скончался, а дворец эхом отдавался от его жалобных стонов.

ОППОЗИЦИЯ ПАПЕ РИМСКОМУ.

Гростет не был одинок в своем неприятии папы римского. Сьюэл, архиепископ Йоркский, сделал то же самое, и "чем больше папа проклинал его, тем больше людей благословляли его". [148]— "Умерьте свою тиранию", - сказал архиепископ понтифику, - "ибо Господь сказал Петру: *"паси моих овец, а не стриги их, сдирай с них кожу или пожирай их"*.." [149] Папа улыбнулся и позволил епископу говорить, потому что король позволил папе действовать. Могущество Англии, которое постоянно росло, вскоре смогло придать больше силы этим протестам.

Нация действительно обретала величие. Безумие Иоанна, из-за которого английский народ потерял свои континентальные владения, придало им больше единства и силы. Нормандские короли, вынужденные полностью отказаться от страны, которая была их колыбелью, в конце концов решили считать Англию своим домом. Две расы, так долго враждовавшие, растворились одна в другой. Были сформированы свободные институты, изучались законы и были основаны колледжи. Язык начал приобретать правильную форму, и английские корабли уже были грозны на море. На протяжении более чем столетия самые блестящие победы сопутствовали британским армиям. Король Франции был привезен пленником в Лондон; английский король был коронован в Париже. Даже Испания и Италия ощутили на себе доблесть этих гордых островитян. Английский народ занял свое место в первых рядах. Так вот, характер нации никогда не повышается наполовину. Когда все могущественные мира сего пали перед ней, Англия больше не могла пресмыкаться у ног итальянского священника.

Никогда еще ее законы не нападали на папство с такой энергией. В начале четырнадцатого века англичанин, привезший в Лондон одну из булл папы римского — буллу исключительно духовного характера, это было отлучение от церкви, — был привлечен к ответственности как изменник короне и был бы повешен, если бы приговор, по ходатайству канцлера, не был изменен на вечное изгнание. [150] *Общее право* было оружием, которое правительство тогда противопоставило папским буллам. Вскоре после этого, в 1307 году, король Эдуард приказал шерифам противостоять высокомерным притязаниям римских агентов. Но именно двум великим людям четырнадцатого века, одинаково прославленным, одному в государстве, а другому в церкви, Англия обязана развитием протестантского элемента в Англии.

ОБРАЩЕНИЕ БРЭДУОРДИНА.

В 1346 году английская армия численностью 34 000 человек встретила лицом к лицу при Креси с французской армией численностью 100 000 бойцов. В английской армии были два человека с совершенно разными характерами. Одним из них был король Эдуард III, храбрый и честолюбивый принц, который, решив вернуть королевской власти всю ее мощь, а Англии - всю ее славу, предпринял завоевание Франции. Другим был его капеллан Брэдуордин, человек настолько скромного характера, что его кротость часто принимали за глупость. И вот, когда он получал паллий в Авиньоне из рук папы римского при своем возведении на Кентерберийскую

кафедру, в зал въехал шут верхом на осле и обратился к понтифику с просьбой назначить его *примасом* вместо этого слабоумного священника.

Бредуордин был одним из самых благочестивых людей того времени, и его молитвам приписывались победы его государя. Он также был одним из величайших гениев своего времени и занимал первое место среди астрономов, философов и математиков. [151] Гордость за науку поначалу оттолкнула его от учения о кресте. Но однажды, находясь в доме Божьем и слушая чтение Священного Писания, эти слова поразили его слух: *Это не от того, кто желает, и не от того, кто бежит, но от Бога, который проявляет милость*. Он говорит нам, что его неблагодарное сердце сначала с отвращением отвергло это унижительное учение. И все же слово Божье оказало на него свое могущественное влияние; он был обращен к истинам, которые презирал, и немедленно начал излагать доктрины вечной благодати в Мертон-колледже в Оксфорде. Он так глубоко испил из источника Священного Писания, что человеческие предания мало интересовали его, и он был настолько поглощен поклонением в духе и истине, что не замечал внешних суеверий. Его лекции с нетерпением слушали и распространяли по всей Европе. Благодать Божья была самой их сутью, как и в Реформации. С печалью Бредуордин наблюдал, как пелагианство повсюду заменяло внутреннее христианство простой внешней религией, и на коленях боролся за спасение церкви. "Как в древние времена четыреста пятьдесят пророков Ваала боролись против единственного пророка Божьего, так и теперь, о Господи, - воскликнул он, - число тех, кто вместе с Пелагием борется против твоей свободной благодати, не поддается исчислению. [152] Они притворяются, что не получают благодать даром, а покупают ее. [153] Воля людей (говорят они) должна предшествовать, а твоя - следовать: их воля - госпожа, а твоя - слуга. [154]... Увы! почти весь мир по ошибке идет по стопам Пелагия. [155] Восстань, о Господь, и рассуди дело твое". И Господь действительно воскрес, но только после смерти этого благочестивого архиепископа, во времена Уиклиффа, который в юности слушал лекции в Мертонском колледже, и особенно во времена Лютера и Кальвина. Современники дали ему прозвище *глубокомысленного доктора*.

УСТАВЫ О ПРОВИЗОРАХ И ПРЕМУНИВЕРСИТЕТЕ.

Если Бредуордин честно шел по пути веры, то его прославленный покровитель Эдвард триумфально продвигался на поприще политики. Папа Климент IV постановил, что первые две вакансии в англиканской церкви должны быть предоставлены двум его кардиналам: "Франция становится *английской*, - сказали придворные королю, - и в качестве компенсации Англия становится *итальянской*". Эдуард, желая гарантировать религиозные свободы Англии, принял с согласия парламента в 1350 году статут о *провизорах*, который аннулировал все церковные назначения, противоречащие правам короля, капитулов или покровителей. Таким образом, привилегии капитулов и свобода английских католиков, так же как и независимость короны, были защищены от вторжения иностранцев; а всем преступникам закона грозило тюремное заключение или пожизненное изгнание.

Этот смелый шаг встревожил понтифика. Соответственно, три года спустя, когда король назначил на Даремскую кафедру одного из своих секретарей — человека, не обладавшего никакими качествами, необходимыми для того, чтобы стать епископом, — папа с готовностью подтвердил это назначение. Когда кто-то выразил свое удивление по этому поводу, папа ответил: "Если бы король Англии назначил *осла*, я бы его принял". Это может напомнить нам о

осле из Авиньона; и, по-видимому, это скромное животное в то время играло значительную роль в выборах на папский престол. Но как бы то ни было, папа отказался от своих притязаний. "Империи имеют свой срок, - замечает историк в этом месте. - Достигнув его, они останавливаются, они отступают, они падают". [156]

Срок, казалось, приближался с каждым днем. В правление Эдуарда III, между 1343 и 1353 годами, снова в 1364 году и, наконец, при Ричарде II, в 1393 году, были приняты те строгие законы, которые запрещали любое обращение в римский суд, все буллы римского епископа, все отлучения и т.д., Одним словом, любое действие, ущемляющее права короны; и было объявлено, что любой, кто привезет такие документы в Англию или получит, опубликует или исполнит их, должен быть лишен королевской защиты, лишен своего имущества, арестован лично и предстал перед королем на совете, чтобы наказать его. подвергните их судебному разбирательству в соответствии с условиями закона. Таков был устав *Премунура*. [157]

Велико было негодование римлян при известии об этом законе: "Если закон о *смертной казни* бросил папу в пот, - говорит Фуллер, - то закон о *премунуре* вызвал у него приступ лихорадки". Один папа назвал это "отвратительным законом", "ужасным преступлением". [158] Таковы термины, применяемые понтификами ко всему, что мешает их амбициям.

ДВЕ ВОЙНЫ.

Из двух войн, которые вел Эдуард — одна против короля Франции, а другая против папства, — последняя была самой праведной и важной. Выгоды, которые этот принц надеялся извлечь из своих блестящих побед при Креси и Пуатье, почти полностью сошли на нет перед его смертью; в то время как его борьба с папством, основанная на истине, даже в наши дни оказывает неоспоримое влияние на судьбы Великобритании. И все же молитвы и завоевания Брэдуордина, провозгласившего в тот падший век учение о благодати, произвели еще больший эффект не только для спасения многих душ, но и для свободы, моральной силы и величия Англии.

ГЛАВА VII.

Нищенствующие монахи — Их беспорядки и народное возмущение — Уиклифф — Его успех — Речи пэров против Папской дани — Соглашение в Брюгге — Кортни и Ланкастер — Уиклифф перед Созывом — Ссора между Ланкастером и Кортни — Бунт — Три иска против Уиклиффа — Уиклифф в Ламбете — Миссия *бедных священников* — Их проповеди и преследования — Уиклифф и четыре регента.

Таким образом, в первой половине четырнадцатого века, почти за двести лет до Реформации, Англия, казалось, устала от римского ига. Брэдуордина больше не было; но человек, который был его учеником, собирался сменить его и, не достигая высших функций, продемонстрировать в своем лице прошлые и будущие тенденции церкви Христа в Великобритании. Английская реформация началась не с Генриха VIII: возрождение шестнадцатого века - всего лишь звено в цепи, начинающейся с апостолов и доходящей до нас.

НИЩЕНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ.

Соппротивление Эдуарда III папству *извне* не подавило папство *внутри*. Нищенствующие монахи, и особенно францисканцы, эти фанатичные солдаты папы римского, пытались путем благочестивых махинаций монополизировать богатства страны. "Каждый год, - говорили они, - святой Франциск спускается с небес в чистилище и освобождает души всех тех, кто был похоронен в одежде его ордена". Эти монахи обычно похищали детей у их родителей и запирали их в монастырях. Они притворялись бедными и с кошельком за спиной с жалобным видом просили милостыню как у высших, так и у низших; но в то же время они жили во дворцах, копили сокровища, одевались в дорогие одежды и тратили свое время на роскошные развлечения. [159] Самые маленькие из них считали себя *лордами*, а те, кто носил докторскую шапочку, считали себя *королями*. В то время как они развлекались, поедая и выпивая за своими хорошо накрытыми столами, они обычно посылали вместо себя невежественных необразованных людей проповедовать басни и легенды, чтобы развлечь и ограбить народ. [160] Если какой-нибудь богатый человек говорил о раздаче милостыни бедным, а не монахам, они громко возмущались таким нечестием и угрожающими голосами заявляли: "Если вы сделаете это, мы покинем страну и вернемся в сопровождении легиона сверкающих шлемов". [161] Возмущение общественности достигло апогея. "Монахи и священники Рима, - раздавался крик, - пожирают нас, как раковая опухоль. Бог должен избавить нас, иначе люди погибнут.... Горе им! чаша гнева переполнится. Люди святой церкви будут презираемы как падаль, как собаки, они будут выброшены на открытое место". [162]

Высокомерие Рима переполнило чашу весов. Папа Урбан V, не обращая внимания на лавры, завоеванные завоевателем при Креси и Пуатье, призвал Эдуарда III признать его законным сувереном Англии и выплачивать в качестве феодальной дани ежегодную ренту в тысячу марок. В случае отказа король должен был предстать перед ним в Риме. В течение тридцати трех лет папы никогда не упоминали о дани, предоставленной Иоанном Иннокентию III и которая всегда выплачивалась очень нерегулярно. Победитель Валуа был раздражен такой дерзостью со стороны итальянского епископа и воззвал к Богу, чтобы тот отомстил за Англию. Из Оксфорда вышел мститель.

ДЖОН УИКЛИФФ.

Джон Уиклифф, родившийся в 1324 году в маленькой деревушке в Йоркшире, был одним из студентов, посещавших лекции благочестивого Брэдуордина в Мертон-колледже. Он был в расцвете сил своего возраста и произвел большую сенсацию в университете. В 1348 году ужасная эпидемия, которая, как говорят, унесла половину человечества, разразилась в Англии после того, как последовательно опустошила Азию и Европейский континент. Это посещение Всемогущего прозвучало в сердце Уиклиффа подобно трубе судного дня. Встревоженный мыслями о вечности, молодой человек — ибо ему было тогда всего двадцать четыре года - проводил дни и ночи в своей камере, стеная и вздыхая и призывая Бога указать ему путь, по которому он должен следовать. [163] Он нашел это в Священном Писании и решил донести до других. Он начал с осмотрительности; но, будучи избран в 1361 году старостой Баллиола, а в 1365 году также старостой Кентерберийского колледжа, он начал излагать доктрину веры в более энергичной манере. Его изучение Библии и философии, его знание теологии, его пронизательный ум, чистота манер и несгибаемое мужество сделали его объектом всеобщего восхищения. Глубокий учитель, как и его учитель, и красноречивый проповедник, он в течение недели демонстрировал ученым то, что намеревался проповедовать, а в воскресенье он проповедовал людям то, что продемонстрировал ранее. Его диспуты придавали силу его

проповедям, а его проповеди проливали свет на его диспуты. Он обвинил духовенство в том, что оно изгнало Священное Писание, и потребовал, чтобы в церкви был восстановлен авторитет слова Божьего. Громкие возгласы венчали эти дискуссии, и толпа вульгарных умов дрожала от негодования, когда они слышали эти аплодисменты.

Уиклиффу было сорок лет, когда папское высокомерие взбудоражило Англию до глубины души. Будучи одновременно способным политиком и ревностным христианином, он энергично защищал права короны от римской агрессии и своими аргументами не только просвещал своих соотечественников в целом, но и разжигал рвение нескольких членов обеих палат парламента.

ЛОРДЫ ПРОТИВ ПАПСКОЙ ДАНИ.

Парламент собрался, и, возможно, никогда еще его не созывали по вопросу, который до такой степени будоражил чувства Англии, да и всего христианского мира. Особенно примечательными были дебаты в Палате лордов: были воспроизведены все аргументы Уиклиффа. "Феодальная *дань* полагается, - сказал один из них, - только тому, кто взамен может предоставить феодальную *защиту*. Как же теперь папа может вести войну, чтобы защитить свои феоды?" — "Как вассал короны или как феодал выше, - спросил другой, - папа требует часть нашей собственности? Urban V не примет первый из этих титулов.... Ну и отлично! но английский народ не признает второй". "Почему, - сказал третий, - эта дань уважения была дана изначально? Чтобы заплатить папе за отпущение грехов Иоанну.... Таким образом, его требование - простая симония, своего рода клерикальное мошенничество, которому лорды духовные и светские должны с негодованием противостоять". — "Нет, - сказал другой оратор, - Англия принадлежит не папе. Папа - всего лишь человек, подверженный греху; но Христос - Господь господствующих, и это царство принадлежит непосредственно и исключительно одному Христу". [164] Так говорили лорды, вдохновленные Уиклиффом. Парламент единогласно постановил, что ни один принц не имеет права отчуждать суверенитет королевства без согласия двух других сословий, и что, если понтифик попытается выступить против короля Англии как его вассала, нация должна объединиться, чтобы сохранить независимость короны.

Напрасно это великодушное решение вызвало гнев сторонников Рима; напрасно они утверждали, что по каноническому праву король должен быть лишен своего феода и что Англия теперь принадлежит папе: "Нет, - ответил Уиклиф, - канонический закон не имеет силы, когда он противоречит слову Божьему". Эдуард III назначил Уиклиффа одним из своих капелланов, и с этого часа папство перестало предъявлять претензии — по крайней мере, в явных выражениях — на Суверенитет Англии.

УИКЛИФФ ПЕРЕД СОЗЫВОМ.

Когда папа отказался от своих светских полномочий, он желал, по крайней мере, сохранить свои церковные притязания и добиться отмены статутов *премуниверситета* и *провизоров*. Соответственно, было решено провести конференцию в Брюгге для рассмотрения этого вопроса, и Уиклифф, получивший звание доктора богословия за два года до этого, отправился туда вместе с другими уполномоченными в апреле 1374 года. В 1375 году они пришли к соглашению, что король должен взять на себя обязательство отменить наказания, объявленные против папских агентов, и что папа должен подтвердить церковные выступления короля. [165] Но нация не была довольна этим компромиссом. "Клерки, присланные из Рима, - заявила

Палата общин, - более опасны для королевства, чем евреи или сарадины: каждый папский агент, проживающий в Англии, и каждый англичанин, живущий при римском дворе, должны быть наказаны смертью". Таков был язык *Хорошего парламента*. В четырнадцатом веке английская нация называла *хорошим* парламент, который не уступал папству.

По возвращении в Англию Уиклифф был представлен приходскому дому Латтерворта, и с этого времени к его академическому влиянию добавилась практическая деятельность. В Оксфорде он говорил как учитель с молодыми теологами; в своем приходе он обращался к людям как проповедник и пастор. "Евангелие, - сказал он, - единственный источник религии. Римский понтифик - это просто срезанный кошелек, [166] и, далекий от права делать выговор всему миру, он может быть законно осужден своими подчиненными и даже мирянами".

Папство встревожилось. Кортни, сын графа Девонширского, властный, но серьезный священник, полный рвения к тому, что он считал истиной, недавно был назначен на лондонскую кафедру. В парламенте он оказал сопротивление покровителю Уиклиффа, Джону Гонту, герцогу Ланкастерскому, третьему сыну Эдуарда III и главе одноименного дома. Епископ, заметив, что доктрины реформатора распространяются среди людей, как высших, так и низших, обвинил его в ереси и призвал предстать перед собранием, собравшимся в соборе Святого Павла.

КОРТНИ И ЛАНКАСТЕР.

19 февраля 1377 года огромная толпа, разгоряченная фанатизмом, запрудила подходы к церкви и заполнила ее проходы, в то время как горожане, поддерживавшие реформу, прятались в своих домах. Уиклифф двинулся вперед, предшествуемый лордом Перси, маршалом Англии, и поддержанный герцогом Ланкастерским, который защищал его из чисто политических побуждений. За ним последовали четыре бакалавра богословия, его советник, и он прошел сквозь враждебно настроенную толпу, которая смотрела на Ланкастера как на врага их свобод, а на него самого - как на врага церкви. "Пусть вид этих епископов ни на йоту не заставит вас отступить от своего исповедания веры", - сказал принц доктору. "Они необразованны; а что касается этого сближения людей, ничего не бойтесь, мы здесь, чтобы защитить вас". [167] Когда реформатор переступил порог собора, толпа внутри образовалась сплошной стеной; и, несмотря на усилия графа-маршала, Уиклифф и Ланкастер не смогли продвинуться вперед. Люди раскачивались взад и вперед, руки были яростно подняты, и громкие улюлюканья вновь разнеслись по зданию. Наконец Перси пробился сквозь плотную толпу, и Уиклифф прошел дальше.

Надменный Куртенэ, которому архиепископ поручил руководить собранием, с тревогой наблюдал за этими странными движениями и с неудовольствием наблюдал за ученым доктором в сопровождении двух самых могущественных людей Англии. Он ничего не сказал герцогу Ланкастерскому, который в то время управлял королевством, но, повернувшись к Перси, резко заметил: "Если бы я знал, милорд, что вы утверждаете, что являетесь мастером в этой церкви, я бы принял меры, чтобы помешать вам войти". Ланкастер холодно возразил: "Он сохранит здесь такое же мастерство, даже если вы скажете 'нет'". Теперь Перси повернулся к Уиклиффу, который остался стоять, и сказал: "Сядь и отдохни". При этих словах Кортни дал волю своему гневу и громко воскликнул: "Он не должен садиться; преступники предстают перед своими судьями". Ланкастер, возмущенный тем, что ученому врачу Англии было отказано в услуге, на которую имел право только его возраст (ибо ему было от пятидесяти до шестидесяти), ответил епископу: "Милорд, вы очень самонадеянны; берегитесь ... или я могу унижить твою гордость, и

не только твою, но и всех прелатов Англии. [168]— "Причините мне столько вреда, сколько сможете", - был надменный ответ Кортни. Принц ответил с некоторым волнением: "Вы дерзки, милорд. Вы, без сомнения, думаете, что можете положиться на свою семью ... но у ваших родственников будет достаточно проблем, чтобы защитить себя ". На это епископ благородно ответил: "Я полагаюсь не на моих родителей и ни на кого другого, а только на Бога, на которого я уповаю и с чьей помощью я буду иметь смелость говорить правду". Ланкастер, видевший в этих словах только лицемерие, повернулся к одному из своих приближенных и прошептал ему на ухо, но так громко, чтобы его слышали присутствующие: "Я бы скорее вытащил епископа за волосы из его кресла, чем принял это от него в руки". Каждый беспристрастный читатель должен признать, что прелат говорил с большим достоинством, чем принц. Едва Ланкастер произнес эти неосторожные слова, как сторонники епископа обрушились на него и Перси, и даже на Уиклиффа, который единственный оставался спокойным. [169] Двое дворян оказали сопротивление, их друзья и слуги защитили их, шум стал чрезвычайным, и надежды на восстановление спокойствия не было. Двум лордам с трудом удалось спастись, и собрание разошлось в большом замешательстве.

БУНТ.

На следующий день граф-маршал призвал парламент задержать нарушителей общественного спокойствия, клерикальную партию, объединившуюся с врагами Ланкастера, и улицы наполнились их криками; и в то время как герцог и граф спасались бегством по Темзе, толпа собралась перед домом Перси, выломала двери, обыскала каждую комнату и сунула свои мечи в каждый темный угол. Обнаружив, что он сбежал, бунтовщики, вообразив, что он прячется во дворце Ланкастера, бросились в "Савой", в то время самое великолепное здание в королевстве. Они убили священника, пытавшегося остановить их, сорвали герцогский герб и повесили его на виселице, как у предателя. Они зашли бы еще дальше, если бы епископ очень кстати не напомнил им, что у них *Великий пост*. Что касается Уиклиффа, то он был уволен с предписанием не проповедовать свои доктрины.

Но это решение священников не было ратифицировано народом Англии. Общественное мнение высказалось в пользу Уиклиффа. "Если он виновен, - сказали они, - почему он не наказан? Если он невиновен, почему ему приказано молчать? Если он самый слабый по силе, то он самый сильный по правде! И так оно и было на самом деле, и никогда еще он не говорил с такой энергией. Он открыто атаковал мнимую апостольскую кафедру и заявил, что *два* антипапы, которые вместе восседали в Риме и Авиньоне, создали *одного* антихриста. Находясь теперь в оппозиции к папе римскому, Уиклифф вскоре должен был признать, что только Христос был царем церкви; и что человек не может быть отлучен от церкви, если сначала и главным образом он сам не будет отлучен от церкви. [170]

Рим не могла заткнуть уши. Враги Уиклиффа послали туда девятнадцать предложений, которые они приписывали ему, и в июне 1377 года, как раз в то время, когда Ричард II, сын Черного принца, одиннадцатилетний ребенок, вступал на престол, три письма от Григория XI, адресованные королю, архиепископу Кентерберийскому и Оксфордскому университету, осудили Уиклиффа как еретика и призвали их действовать против него как против обычного вора. Архиепископ опубликовал цитату: корона и университет хранили молчание.

УИКЛИФФ В ЛАМБЕТЕ.

В назначенный день Уиклифф без сопровождения Ланкастера или Перси отправился в архиепископскую часовню в Ламбете. "Люди ожидали, что его сожрут, - говорит историк, - и приведут в логово льва". [171] Но место принца заняли горожане. Штурм Рима пробудил друзей свободы и истины в Англии. "Постановления папы, - говорили они, - не должны иметь силы в государстве без согласия короля. Каждый мужчина - хозяин в своем доме".

Едва архиепископ открыл заседание, как в часовню вошел сэр Луи Клиффорд и со стороны королевы-матери запретил суду выступать против реформатора. Епископов охватил панический страх: "они склонили головы, - говорит римско-католический историк, - как тростинка на ветру". [172] Уиклифф ушел в отставку после подачи протеста. "Во-первых, - сказал он, - я решаю от всего сердца и по милости Божьей быть искренним христианином и, пока жив, исповедовать и защищать закон Христа, насколько это в моих силах". [173] Враги Уиклиффа атаковали этот протест, и один из них горячо настаивал на том, что все, что приказал папа, должно рассматриваться как правильное. "Что? - ответил реформатор. - Значит, папа может исключить из канона Священного Писания любую книгу, которая ему не нравится, и изменять Библию по своему усмотрению?" Уиклифф считал, что Рим, нарушив принцип непогрешимости, перенес его из Священного Писания к папе римскому и желал вернуть ему его истинное место и восстановить власть в церкви на поистине божественном основании.

Теперь в реформаторе происходила великая перемена. Меньше занимаясь королевством Англия, он больше думал о царстве Христа. В нем политическая фаза сменилась религиозной. Нести благую весть Евангелия в самые отдаленные деревушки было теперь великой идеей, овладевшей Уиклиффом. Если нищенствующие монахи (сказал он) бродят по стране, проповедуя легенды о святых и историю Троянской войны, мы должны делать во славу Божью то, что они делают, чтобы наполнить свои кошельки, и организовывать обширную странствующую евангелизацию для обращения душ к Иисусу Христу. Обратившись к самым благочестивым из своих учеников, он сказал им: "Идите и проповедуйте, это самое возвышенное дело; но не подражайте священникам, которых мы видим после проповеди сидящими в пивных, или за игорным столом, или тратающими время на охоту. После окончания вашей проповеди посещайте больных, престарелых, бедных, слепых и хромых и помогайте им по мере своих возможностей". Таково было новое практическое богословие, которое положил начало Уиклифф, — это было богословие самого Христа.

ПРОПОВЕДЬ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

"Бедные священники", как их называли, отправлялись в путь босиком, с посохом в руках, одетые в грубые одежды, живущие на подаяние и довольствующиеся самой простой пищей. Они останавливались в полях возле какой-нибудь деревни, на церковных дворах, на городских рынках, а иногда даже в церквях. [174] Люди, среди которых они были любимцами, столпились вокруг них, как это делали мужчины Нортумбрии на проповеди Эйдана. Они говорили с популярным красноречием, которое полностью покоряло тех, кто их слушал. Из этих миссионеров никого так не любили, как Джона Эштона. Его можно было увидеть бродящим по стране во всех направлениях, или сидящим у очага в каком-нибудь коттедже, или одиноким на каком-нибудь уединенном перекрестке, проповедующим внимательной толпе. Миссии такого рода постоянно возрождались в Англии в великие эпохи развития церкви.

"Бедные священники" не довольствовались простой полемикой: они проповедовали великую тайну благочестия. "Ангел не смог бы умиловать человека, - воскликнул однажды их учитель

Уиклифф, - ибо природа, которая согрешила, не принадлежит ангелам. Посредником обязательно должен быть мужчина; но поскольку каждый человек в долгу перед Богом за все, что он в состоянии сделать, этот человек должен обладать бесконечными заслугами и в то же время быть Богом". [175]

Духовенство встревожилось, и был принят закон, предписывающий каждому королевскому чиновнику заключить проповедников и их последователей в тюрьму. [176] Вследствие этого, как только скромный миссионер начал проповедовать, монахи пришли в движение. Они наблюдали за ним из окон своих камер, на углах улиц или из-за изгороди, а затем поспешили за помощью. Но когда подошли констебли, вперед выступил отряд крепких мужественных людей с оружием в руках, которые окружили проповедника и ревностно защищали его от нападок духовенства. Таким образом, плотское оружие смешивалось с проповедью слова мира. Бедные священники вернулись к своему учителю: Уиклифф утешил их, дал совет, и затем они снова ушли. Каждый день эта евангелизация достигала какого-нибудь нового места, и свет, таким образом, проникал в каждый квартал Англии, когда реформатор внезапно остановился в своей работе.

ПРОРОЧЕСТВО УИКЛИФФА.

Уиклифф был в Оксфорде в 1379 году, занятый исполнением своих обязанностей профессора богословия, когда опасно заболел. Он не отличался крепким телосложением, а работа, возраст, и, прежде всего, преследования ослабили его. Велика была радость в монастырях; но чтобы эта радость была полной, *еретик* должен был отречься. Было приложено все усилия, чтобы добиться этого в его последние минуты.

Четыре регента, представлявшие четыре религиозных ордена, в сопровождении четырех олдерменов поспешили к постели умирающего, надеясь напугать его, пригрозив мезью Небес. Они нашли его спокойным и безмятежным. "У вас смерть на устах, - сказали они. - будьте тронуты своими недостатками и откажитесь в нашем присутствии от всего, что вы наговорили нам во вред". Уиклифф хранил молчание, и монахи тешили себя надеждой на легкую победу. Но чем ближе реформатор приближался к вечности, тем сильнее становился его ужас перед монашеством. Утешение, которое он нашел в Иисусе Христе, придало ему новых сил. Он попросил своего слугу поднять его с ложа. Затем, слабый и бледный, едва держась на ногах, он повернулся к монахам, которые ждали его отречения, и, разомкнув свои мертвенно-бледные губы и устремив на них пронзительный взгляд, он с ударением произнес: "Я не умру, но буду жить; и снова объявлю о злых деяниях монахов". Мы могли бы почти представить себе дух Илии, угрожающий жрецам Ваала. Регенты и их спутники с удивлением посмотрели друг на друга. Они вышли из комнаты в замешательстве, и реформатор пришел в себя, чтобы внести последний штрих в самую важную из своих работ против монахов и папы римского. [177]

ГЛАВА VIII.

Библия—Перевод Уиклиффа—Последствия его публикации—Противодействие духовенства—Четвертая фаза Уиклиффа—Пресуществование—Отлучение от Церкви—Твердость Уиклиффа—Уот Тайлер—Синод—Осужденные предложения—Петиция

Уиклиффа—Уиклифф перед примасом в Оксфорде—Уиклифф вызван в Рим—Его ответ—Триалог—Его смерть—И характер—Его учение—Его церковные взгляды—Пророчество.

БИБЛИЯ.

Служение Уиклиффа шло прогрессивным курсом. Сначала он атаковал папство; затем он проповедовал Евангелие бедным; он мог сделать еще один шаг и дать людям постоянное владение словом Божьим. Это был третий этап его деятельности.

Схоластика погрузила Священное Писание в таинственную неизвестность. Верно, что Беда перевел Евангелие от святого Иоанна; что ученые мужи при дворе Альфреда перевели четырех евангелистов; что Эльфрик в царствование Этельреда перевел несколько книг Ветхого Завета; что англо-нормандский священник перефразировал Евангелия и деяния; что Ричард Ролле, "хэмпольский отшельник", и несколько благочестивых клерков в четырнадцатом веке составили версию Псалмов, Евангелий и Посланий — но эти редкие тома были спрятаны, как и богословские труды, редкости в библиотеках нескольких монастырей. Тогда считалось, что чтение Библии вредно для мирян; и соответственно священники запретили это, точно так же, как брахманы запрещают индусам читать шастры. Только устная традиция сохранила среди людей истории Священного Писания, смешанные с легендами о святых. Казалось, настало время для публикации Библии. Рост населения, внимание, которое англичане начали уделять своему собственному языку, развитие, полученное системой представительного правления, пробуждение человеческого разума — все эти обстоятельства благоприятствовали замыслу реформатора.

Уиклиф действительно не знал греческого и древнееврейского, но разве это ничего не значило - стряхнуть пыль, веками покрывавшую латинскую Библию, и перевести ее на английский? Он был хорошим знатоком латыни, обладал глубоким пониманием и большой проницательностью; но больше всего он любил Библию, понимал ее и желал передать это сокровище другим. Давайте представим его в его тихом кабинете: на его столе лежит текст Вульгаты, исправленный по лучшим рукописям; а вокруг него раскрытыми лежат комментарии докторов церкви, особенно святого Иеронима и Николая Лирского. Между десятью и пятнадцатью годами он неуклонно выполнял свою задачу; ученые люди помогали ему своими советами, и один из них, Николас Херефорд, по-видимому, перевел для него несколько глав. Наконец, в 1380 году он был завершен. Это было великое событие в религиозной истории Англии, которая, опередив все нации континента, заняла первое место в великой работе по распространению Священных Писаний.

ОППОЗИЦИЯ ДУХОВЕНСТВА.

Как только перевод был закончен, началась работа переписчиков, и вскоре Библия получила широкое распространение либо полностью, либо частями. Прием работы превзошел ожидания Уиклиффа. Священное Писание оказывало оживляющее влияние на сердца людей; умы были просветлены; души обращены; голоса "бедных священников" мало что могли сделать по сравнению с этим голосом; в мир вошло нечто новое. Горожане, солдаты и низшие классы приветствовали эту новую эру одобрительными возгласами; высокородные с любопытством разглядывали неизвестную книгу; и даже Анна Люксембург, жена Ричарда II, выучив английский, начала прилежно читать Евангелия. Она сделала больше, чем это: она ознакомила с ними Арундела, архиепископа Йоркского и канцлера, а впоследствии гонителя, но который

теперь, пораженный видом иностранной леди—королевы, смиренно посвящающей свой досуг изучению *таких добродетельных книг*, [178] начал читать их сам и упрекнул прелатов, которые пренебрегли этим святым занятием. . "Вы не могли бы встретить двух человек на шоссе, - говорит современный писатель, - но один из них был учеником Уиклифа".

Однако не все в Англии радовались одинаково: низшее духовенство выступало против этого энтузиазма с жалобами и проклятиями. "Мастер Джон Уиклиф, переведя Евангелие на английский, - сказали монахи, - сделал его более приемлемым и понятным для мирян и даже для женщин, чем это было до сих пор для образованных и интеллигентных клерков!... Жемчужина Евангелия повсюду изгнана и растоптана ногами свиней". [179] Перед реформатором возникли новые проблемы. Куда бы он ни направлял свои шаги, на него яростно нападали. "Это ересь, - кричали монахи, - говорить о Священном Писании по-английски". [180]— "Поскольку церковь одобрила четыре Евангелия, она с таким же успехом могла бы отвергнуть их и признать другие! Церковь санкционирует и осуждает все, что ей заблагорассудится.... Учитесь верить в церковь, а не в Евангелие". Эти крики не встревожили Уиклифа. "У многих народов была Библия на их родном языке. Библия - это вера церкви. Даже если папа и все его клерки исчезнут с лица земли, - сказал он, - наша вера не ослабеет, ибо она основана только на Иисусе, нашем Учителе и нашем Боге". Но Уиклиф был не одинок: во дворце, как и в коттедже, и даже в парламенте права на Священное Писание находили защитников. Когда в Верхней палате (1390 г.) было внесено предложение конфисковать все экземпляры Библии, герцог Ланкастер воскликнул: "Неужели мы тогда самые отбросы человечества, что не можем изложить законы нашей религии на нашем родном языке?" [181]

ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЕ.

Подарив своим соотечественникам Библию, Уиклиф начал размышлять над ее содержанием. Это был новый шаг на его пути вперед. Наступает момент, когда христианин, спасенный живой верой, чувствует необходимость дать себе отчет в этой вере, и это дает начало науке богословия. Это естественное движение: если ребенок, который поначалу обладает только ощущениями и привязанностями, по мере взросления ощущает нужду в размышлениях и знаниях, почему то же самое не должно быть и с христианином? Политика— домашние миссии, Священное Писание — все это последовательно занимало Уиклифа; настала очередь теологии, и это был четвертый этап его жизни. И все же он не проникал в той же степени, что люди шестнадцатого века, в глубины христианского учения; и он в большей степени придерживался тех церковных догматов, которые были более тесно связаны с самонадеянной иерархией и симоническими завоеваниями Рима, таких как пресуществление. Англосаксонская церковь не исповедовала эту доктрину. "Воинство - это тело Христово, не телесное, но духовное", - сказал Элфрик в десятом веке в письме, адресованном архиепископу Йоркскому; но Ланфранк, противник Беренгария, учил Англию, что по слову священника Бог покидает небеса и нисходит на алтарь. Уиклиф предпринял попытку ниспровергнуть пьедестал, на котором зиждилась гордость священства. "Евхаристия - это, естественно, хлеб и вино, - учил он в Оксфорде в 1381 году, - но в силу сакраментальных слов она содержит в каждой части настоящие тело и кровь Христа". На этом он не остановился. "Освященная облатка, которую мы видим на алтаре, - сказал он, - это не Христос и не какая-либо его часть, а его действенный знак". [182] Он колебался между этими двумя оттенками доктрины; но к первому он более привычно привязался. Он отрицал жертву мессы, принесенную священником, потому что она заменяла

крестную жертву, принесенную Иисусом Христом; и отвергал пресуществление, потому что оно сводило на нет духовное и живое присутствие Господа.

ТВЕРДОСТЬ УИКЛИФФА.

Когда враги Уиклиффа услышали эти предложения, они, казалось, пришли в ужас, и все же в тайне они были в восторге от перспективы уничтожить его. Они встретились вместе, рассмотрели двенадцать опубликованных им тезисов и объявили о его отстранении от любой преподавательской деятельности, тюремном заключении и еще большем отлучении от церкви. В то же время его друзья встревожились, их рвение остыло, и многие из них оставили его. Герцог Ланкастерский, в частности, не смог последовать за ним в эту новую сферу. Этот принц не возражал против церковной оппозиции, которая могла бы помочь политической власти, и с этой целью он пытался заручиться талантами и мужеством реформатора; но он боялся догматической оппозиции, которая могла бы скомпрометировать его. Небо было затянуто тяжелыми тучами; Уиклифф был один.

Вскоре на него обрушилась буря. Однажды, когда он сидел на своем докторском стуле в школе Августина и спокойно объяснял природу евхаристии, в зал вошел офицер и зачитал приговор об осуждении. Это был замысел его врагов - унижить профессора в глазах его учеников. Ланкастер немедленно встревожился и поспешил к своему старому другу, умоляя его — даже приказав ему — больше не беспокоиться по этому поводу. Атакованный со всех сторон, Уиклифф некоторое время хранил молчание. Пожертвует ли он правдой, чтобы спасти свою репутацию, свой покой, возможно, свою жизнь? Возьмет ли целесообразность верх над верой, — Ланкастер одержит верх над Уиклиффом? Нет, его мужество было непобедимым. "Начиная с 1000 года от Рождества Христова, - сказал он, - все врачи заблуждались относительно таинства алтаря - за исключением, возможно, Беренгария. Как можешь ты, о священник, который всего лишь человек, создать своего Создателя? Что? то, что растет на полях— тот колос, который ты срываешь сегодня, завтра станет Богом!... Поскольку вы не можете творить дела, которые сотворил он, как вы сотворите Того, Кто сотворил эти дела? [183] Горе прелюбодейному поколению, которое верит свидетельству Невинных, а не Евангелию". [184] Уиклифф призвал своих противников опровергнуть мнения, которые они осудили, и, обнаружив, что они угрожают ему гражданским наказанием (тюремным заключением), он обратился к королю.

Время было неподходящим для такого обращения. Роковое обстоятельство увеличило опасность, грозившую Уиклиффу. Уот Тайлер и распутный священник по имени Болл, воспользовавшись недоброжелательством, вызванным алчностью и жестокостью королевских сборщиков налогов, оккупировали Лондон со 100 000 человек. Джон Болл поддерживал дух повстанцев не толкованиями Евангелия, как в "бедных священниках" Уиклиффа, а пламенными комментариями к дистиху, который они выбрали для своего выступления:

Когда Адам копался, а Ева размножалась,
Кто же тогда был джентльменом?

ОСУЖДЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Было много тех, кто без колебаний приписывал эти беспорядки реформатору, который был совершенно невиновен в них; и Кортни, епископ Лондонский, переведенный на Кентерберийскую кафедру, не теряя времени, созвал синод для вынесения решения по делу

Уиклиффа. Они собрались в середине мая, около двух часов дня, и приступили к вынесению приговора, когда землетрясение, потрясшее Лондонский сити и всю Британию, так встревожило членов совета, что они единогласно потребовали отложить принятие решения, которое, казалось, столь явно осуждалось Богом. Но архиепископ умело использовал это странное явление в своих целях: "Разве вы не знаете, - сказал он, - что ядовитые пары, которые загораются в недрах земли и порождают те явления, которые вас тревожат, теряют всю свою силу, когда вырываются наружу? Что ж, подобным же образом, изгнав нечестивых из нашего сообщества, мы положим конец потрясениям церкви ". Епископы вновь обрели мужество, и один из помощников примаса зачитал десять предложений, якобы написанных Уиклиффом, но приписывающих ему определенные ошибки, в которых он был совершенно невиновен. Больше всего гнев священников вызвало следующее: "Бог должен повиноваться дьяволу. [185] После Урбана VI мы не должны никого принимать как папу, но жить по образцу *греков*". Десять положений были осуждены как еретические, и архиепископ повелел всем людям избегать, как ядовитой змеи, всех, кто будет проповедовать вышеупомянутые заблуждения. "Если мы позволим этому еретiku постоянно взывать к страстям народа, - сказал примас королю, - наша гибель неизбежна. Мы должны заставить замолчать этих *лоллардов*— этих псалмопевцев". [186] Король дал полномочия "заключать в государственные тюрьмы любого, кто будет поддерживать осужденные положения".

День ото дня круг вокруг Уиклиффа сжимался. Благоразумный Репингдон, ученый Херефорд и даже красноречивый Эштон, самый твердый из троих, покинули его. Опытный поборник истины, который когда-то собрал вокруг себя целую нацию, достиг тех дней, когда "сильные люди склонятся перед самим собой", и теперь, измученный преследованиями, он оказался в одиночестве. Но он смело поднял свою седую голову и воскликнул: "Учение Евангелия никогда не исчезнет; и если земля однажды содрогнулась, это было потому, что они осудили Иисуса Христа".

УИКЛИФФ ПЕРЕД ПРИМАСОМ.

На этом он не остановился. По мере того, как уменьшалась его физическая сила, возрастала и моральная. Вместо того чтобы парировать направленные в его сторону удары, он решил нанести еще более страшные. Он знал, что если король и знать были за священников, то нижняя палата и граждане были за свободу и правду. Поэтому в ноябре 1382 года он представил смелую петицию в Палату общин. "Поскольку Иисус Христос пролил свою кровь, чтобы освободить свою церковь, я требую ее свободы. Я требую, чтобы каждый мог покинуть эти мрачные стены [монастырей], внутри которых царит тиранический закон, и начать простую и мирную жизнь под открытым небесным сводом. Я требую, чтобы бедные жители наших городов и деревень не были вынуждены снабжать мирского священника, часто порочного человека и еретика, средствами для удовлетворения его показухи, его обжорства и распущенности — покупать красивую лошадь, дорогие седла, уздечки со звенящими колокольчиками, богатые одежды и мягкие меха, в то время как они видят, как их жены, дети и соседи умирают от голода ". [187] Палата общин, вспомнив, что они не давали своего согласия на закон о преследованиях, разработанный духовенством и одобренный королем и лордами, потребовала его отмены. Должна ли была вот-вот начаться Реформация по воле народа?

Кортни, возмущенный таким вмешательством Палаты общин и всегда воодушевленный рвением к своей церкви, которое лучше было бы направить на слово Божье, посетил Оксфорд в

ноябре 1382 года и, собрав вокруг себя нескольких епископов, врачей, священников, студентов и мирян, вызвал к себе Уиклифа. Сорок лет назад реформатор пришел в университет: Оксфорд стал его домом... и теперь все обернулось против него! Ослабленный трудами, испытаниями, той пылкой душой, которая терзала его немощное тело, он мог бы отказаться появляться. Но Уиклифф, который никогда не боялся человеческого лица, предстал перед ними с чистой совестью. Мы можем предположить, что в толпе было несколько учеников, которые почувствовали, как их сердца загорелись при виде своего учителя; но никаких внешних признаков их волнения не было. Торжественная тишина суда сменилась криками восторженной молодежи. И все же Уиклифф не отчаялся: он поднял свою почтенную голову и повернулся к Кортни с тем уверенным видом, который заставил регентов Оксфорда отшатнуться. Разгневавшись на *жрецов Ваала*, он упрекнул их в распространении заблуждений с целью продать их массам. Затем он остановился и произнес эти простые и энергичные слова: "Истина восторжествует!" [188] С такими словами он приготовился покинуть двор: его враги не осмеливались произнести ни слова; и, подобно своему божественному учителю в Назарете, он прошел среди них, и никто не осмелился остановить его. Затем он удалился на лечение в Латтерворт.

УИКЛИФФ ВЫЗВАН В РИМ.

Он еще не достиг гавани. Он мирно жил среди своих книг и прихожан, и священники, казалось, были склонны оставить его в покое, когда по нему был нанесен еще один удар. Папский приказ вызвал его в Рим, чтобы предстать перед трибуналом, который так часто проливал кровь своих противников. Его телесные немощи убедили его, что он не может подчиниться этому вызову. Но если Уиклифф отказывался слушать Урбана, Урбан не мог не слушать Уиклиффа. Церковь в то время была разделена между двумя вождями: Франция, Шотландия, Савойя, Лотарингия, Кастилия и Арагон признали Климента VII; в то время как Италия, Англия, Германия, Швеция, Польша и Венгрия признали Урбана VI. Уиклифф скажет нам, кто является истинным главой вселенской церкви. И в то время как два папы отлучали друг друга от церкви и оскорбляли, продавая небо и землю ради собственной выгоды, реформатор исповедовал то нетленное Слово, которое устанавливает истинное единство в церкви. "Я верю, - сказал он, - что Евангелие Христа - это вся совокупность Божьего закона. Я верю, что Христос, который дал это нам, является истинным Богом и истинным человеком, и что это евангельское откровение, соответственно, превосходит все другие части Священного Писания. [189] Я верю, что епископ Рима обязан подчиняться этому больше, чем все другие люди, ибо величие учеников Христа заключалось не в мирском достоинстве или почестях, а в точном следовании Христу в его жизни и манерах. Ни один верующий человек не должен следовать за папой, кроме как в тех вопросах, в которых он следовал за Иисусом Христом. Папе следовало бы оставить светской власти все светские владения и господство; и в связи с этим действительно все больше и больше увещевать все свое духовенство.... Если бы я мог трудиться в соответствии со своим желанием лично, я, несомненно, предстал бы перед римским епископом, но Господь посетил меня в обратном направлении и научил меня скорее повиноваться Богу, чем людям". [190]

Урбан, который в тот момент был очень занят своим состязанием с Клементом, счел неразумным начинать другое с Уиклиффом, и поэтому оставил дело на этом. С этого времени доктор провел остаток своих дней в мире в обществе трех персонажей, двое из которых были

его близкими друзьями, а третий - постоянным противником: это были *Алетейя*, *Фронезис* и *Псевдес*. *Алетейя* (истина) предлагала вопросы; *Псевды* (ложь) вызывали возражения; а *Фронезис* (понимание) излагал здравую доктрину. Эти три персонажа вели беседу (*триалог*), в ходе которой смело провозглашались великие истины. Противостояние между папой и Христом - между канонами католицизма и Библией — было нарисовано в ярких красках. Это одна из основных истин, которую церковь никогда не должна забывать. "Церковь пала, - сказал один из собеседников в рассматриваемой работе, - потому что она отказалась от Евангелия и предпочла законы папы римского. Хотя в мире должно быть сразу сто пап, и все живущие монахи должны быть преобразованы в кардиналов, мы должны воздерживаться от нашей уверенности, если только она не основана на Священном Писании ". [191]

СМЕРТЬ УИКЛИФФА.

Эти слова были последним отблеском факела. Уиклифф считал свой конец близким и не предполагал, что он наступит с миром. Темница на одном из семи холмов или горящий костер в Лондоне - вот все, чего он ожидал. "Почему ты говоришь о поисках мученического венца вдали?" - спросил он. "Проповедуйте Евангелие Христа надменным прелатам, и мученичество не покинет вас. Что? Я должен жить и молчать? ... никогда! Пусть удар обрушится, я жду его приближения". [192]

Он избежал удара. Война между двумя нечестивыми священниками, Урбаном и Климентом, оставила учеников нашего Господа в покое. И, кроме того, стоило ли обрывать жизнь, которая подходила к концу? Поэтому Уиклифф спокойно продолжал проповедовать Иисуса Христа; и 29 декабря 1384 года, находясь в своей церкви в Латтерворте, среди своей паствы, в тот самый момент, когда он стоял перед алтарем и дрожащими руками возносил причастие, он упал на мостовую, разбитый параличом. Любящие друзья, окружавшие его, отнесли его домой, и, промедлив сорок восемь часов, он в последний день года отдал свою душу Богу.

ХАРАКТЕР УИКЛИФФА.

Так был удален из церкви один из самых смелых свидетелей истины. Серьезность его высказываний, святость его жизни и энергия его веры устроили папство. Путешественники рассказывают, что если в пустыне встретишь льва, достаточно пристально посмотреть на него, и зверь с ревом отворачивается от глаз человека. Уиклифф обратил взор христианина на папство, и испуганное папство оставило его в покое. Постоянно преследуемый при жизни, он умер спокойно, в тот самый момент, когда верой вкушал плоть и пил кровь, дающие вечную жизнь. Славный конец славной жизни.

Реформация в Англии началась.

Уиклиф - величайший английский реформатор: на самом деле он был первым реформатором христианского мира, и ему, перед Богом, Британия обязана честью быть первой в атаке на теократическую систему Григория VII. Работа Вальденсов, какой бы превосходной она ни была, не может сравниться с его работой. Если Лютер и Кальвин - отцы Реформации, то Уиклифф - ее дедушка.

Уиклифф, как и большинство великих людей, обладал качествами, которые обычно не встречаются вместе. Хотя его понимание было в высшей степени спекулятивным — его трактат о *реальности универсальных идей* [193] произвел сенсацию в философии — он обладал тем

практическим и активным умом, который характеризует англосаксонскую расу. Как богослов, он был одновременно библейским и духовным, глубоко ортодоксальным и обладал внутренней и живой верой. Со смелостью, которая побуждала его бросаться в гущу опасностей, он сочетал логический и последовательный ум, который постоянно вел его вперед в познании и заставлял с упорством отстаивать истины, которые он когда-то провозгласил. Прежде всего, как христианин, он посвятил все свои силы делу церкви; но в то же время он был гражданином, и королевство, его нация и его король также принимали большое участие в его неустанной деятельности. Он был законченным человеком.

ЦЕРКОВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ УИКЛИФФА.

Если этот человек достоин восхищения, то и его учение не менее достойно восхищения. Священное Писание, которое является правилом истины, должно быть (согласно его взглядам) правилом Реформации, и мы должны отвергать всякую доктрину и каждое предписание, которые не опираются на это основание. [194] Вера в силу человека в деле возрождения - великая ересь Рима, и из-за этой ошибки произошло крушение церкви. Обращение происходит только по милости Божьей, и система, которая приписывает его частично человеку, а частично Богу, хуже пелагианства. [195] Христос - это все в христианстве; всякий, кто оставляет этот источник, всегда готовый вдохнуть жизнь, и обращается к мутным и застойным водам, является безумцем. [196] Вера - это дар Божий; она отбрасывает все заслуги и должна изгонять всякий страх из ума. [197] Единственное, что необходимо в христианской жизни и на Вечере Господней, - это не пустой формализм и суеверные обряды, но общение со Христом в соответствии с силой духовной жизни. [198] Пусть христиане подчиняются не слову священника, а слову Божьему. В первоначальной церкви было всего два чина, диакон и священник: пресвитер и епископ были одним целым. [199] Самое возвышенное призвание, которого человек может достичь на земле, - это проповедь слова Божьего. Истинная церковь - это собрание праведников, за которых Христос пролил свою кровь. Пока Христос на небесах, в Нем церковь обладает лучшим папой. Папа может быть осужден в последний день из-за своих грехов. Заставят ли нас мужчины признать своим главой "дьявола ада"? [200] Таковы были существенные положения доктрины Уиклиффа. Это был отголосок учения апостолов — прелюдия к учению реформаторов.

ПРОРОЧЕСТВО.

Во многих отношениях Уиклиф - английский Лютер; но времена возрождения еще не наступили, и английский реформатор не смог одержать таких поразительных побед над Римом, как немецкий реформатор. В то время как Лютера окружало все большее число ученых и князей, исповедовавших ту же веру, что и он сам, Уиклифф сиял почти в одиночестве на небосводе церкви. Смелость, с которой он заменил суеверный формализм живой духовностью, заставила в ужасе отпрянуть тех, кто вместе с ним выступал против монахов, священников и пап. Вскоре римский понтифик приказал бросить его в тюрьму, и монахи угрожали его жизни; [201] но Бог защитил его, и он оставался спокойным среди козней своих противников. "Антихрист, - сказал он, - может убить только тело". Уже стоя одной ногой в могиле, он предсказал, что из самого лона монашества когда-нибудь начнется возрождение церкви. "Если монахи, которых Бог снисходит учить, обратятся к первоначальной религии Христа, - сказал он, - мы увидим, как они оставят свое неверие, свободно вернутся, с разрешения Антихриста или без него, к первоначальной религии Господа и создают церковь, как это сделал святой Павел". [202]

Таким образом, проницательный взгляд Уиклифа обнаружил на расстоянии почти полутора веков молодого монаха Лютера из монастыря августинцев в Эрфурте, обращенного Посланием к Римлянам и вернувшегося к духу святого Павла и религии Иисуса Христа. Время приближалось к исполнению этого пророчества. "Восходящее солнце Реформации", как называли Уиклифа, появилось над горизонтом, и его лучам больше не суждено было погаснуть. Напрасно временами густые облака будут заволакивать его; далекие вершины холмов Восточной Европы вскоре отразят его лучи; [203] и его пронзительный свет, становясь все ярче, изольет на весь мир, в час обновления церкви, потоки знаний и жизни.

ГЛАВА IX.

Уиклиффиты —Призыв к реформам—Ричард II—Первомученик—Лорд Кобэм—Предстает перед Генрихом V—Перед архиепископом —Его исповедь и смерть—Лолларды.

ПРИЗЫВАЙТЕ К РЕФОРМАМ.

Смерть Уиклифа продемонстрировала силу его учения. Когда учителя сместили, его ученики взялись за плуг, и Англия была почти покорена доктринам реформатора. Уиклиффиты признавали служение, независимое от Рима и опирающееся только на слово Божье. "Каждый священник, - сказали они, - может совершать таинства и даровать исцеление душ так же хорошо, как и папа римский". Распущенному богатству духовенства они противопоставляли христианскую бедность, а вырождающемуся аскетизму нищенствующих орденов - духовную и свободную жизнь. Горожане столпились вокруг этих скромных проповедников; солдаты слушали их, вооруженные мечами и щитами, чтобы защитить; [204] знать сняла изображения со своих баронских часовен; [205] и даже королевская семья была частично склонена на сторону Реформации. Англия была подобна срубленному до основания дереву, из корней которого во все стороны пробиваются свежие почки, готовые вскоре покрыть всю землю своей тенью. [206]

Это придало смелости ученикам Уиклифа, и во многих местах люди проявили инициативу в проведении реформы. Стены собора Святого Павла и других соборов были увешаны плакатами, направленными против священников и монахов, а также злоупотреблений, защитниками которых они были; а в 1395 году "друзья Евангелия" обратились в парламент с петицией об общей реформе. "Сущность богослужения, пришедшего из Рима, - говорили они, - состоит в знаках и церемониях, а не в действенности Святого Духа; и поэтому это не то, что предписал Христос. Мирские вещи отличаются от духовных: король и епископ не должны быть одним и тем же человеком". [207] А затем, из-за неясного понимания принципа разделения функций, которые они провозгласили, они призвали парламент "отменить безбрачие, пресуществование, молитвы за умерших, подношения образам, исповедь через ушную раковину, войну, искусства, ненужные для жизни, практику благословения масла, соли, воска, благовоний, камней, митр и посохов паломников. Все это относится к некромантии, а не к теологии. Ободренные отсутствием короля в Ирландии, они установили свои *Двенадцать фигурок* на воротах собора Святого Павла и Вестминстерского аббатства. Это стало сигналом к преследованию.

ПЕРВЫЙ МУЧЕНИК.

Как только Арундел, архиепископ Йоркский, и Брейбрук, епископ Лондонский, прочитали эти предложения, они поспешно пересекли пролив Святого Георгия и заклинали короля вернуться в

Англию. Принц не колеблясь подчинился, потому что его жена, благочестивая Анна Люксембургская, была мертва. Ричард в детстве и юности был поочередно отдан на попечение нескольких опекунов, и, подобно детям (говорит историк), у которых часто менялись няньки, он от этого не преуспевал. Он творил добро или зло, в зависимости от влияния окружающих, и не имел никаких определенных наклонностей, кроме хвастовства и распушенности. Духовенство не ошиблось, рассчитывая на такого принца. По возвращении в Лондон он запретил парламенту рассматривать петицию Уиклиффитов; и, вызвав к себе самых выдающихся из ее сторонников, таких как Стори, Клиффорд, Латимер и Монтакуте, он пригрозил им смертью, если они продолжат отстаивать свои отвратительные мнения. Таким образом, работа реформатора была на грани уничтожения.

Но едва Ричард отнял руку от Евангелия, как Бог (говорит летописец) отнял от него свою руку. [208] Его двоюродный брат Генри Херефордский, сын знаменитого герцога Ланкастера, который был изгнан из Англии, внезапно отплыл с континента, высадился в Йоркшире, собрал вокруг себя всех недовольных и был признан королем. Несчастный Ричард, после официального низложения, был заключен в замок Понтефрак, где вскоре завершил свою земную карьеру.

Сын старого защитника Уиклиффа теперь был королем: реформа церкви казалась неизбежной, но примас Арундел предвидел опасность. Этот хитрый священник и искусный политик заметил, в какую сторону дует ветер, и вовремя покинул Ричарда. Взяв Ланкастера за руку, он возложил корону ему на голову, сказав ему: "Чтобы укрепить твой трон, примирить духовенство и принести в жертву Лоллардов". — "Я буду защитником церкви", - ответил Генрих IV, и с этого часа власть священников стала больше власти знати. Рим всегда ловко извлекал выгоду из революций.

Ланкастер, стремясь выразить свою благодарность священникам, приказал сжечь заживо всех неисправимых еретиков, чтобы устроить своих товарищей. [209] Практика вплотную следовала за теорией. Благочестивый священник по имени Уильям Соуттр осмелился сказать: "Вместо того, чтобы поклоняться кресту, на котором пострадал Христос, я поклоняюсь Христу, который пострадал на нем". [210] Его потащили в собор Святого Павла; ему сбрили волосы; на голову надели шапочку мирянина; и примас передал его на *милость* графа-маршала из Англии. Эта милость была оказана ему — он был сожжен заживо в Смитфилде в начале марта 1401 года. Сотр был первым мучеником протестантизма.

ЛОРД КОБЭМ.

Воодушевленные этим актом веры — этим *аутодафе*— духовенство разработало статьи, известные как "Конституции Арундела", которые запрещали чтение Библии и называли папу "не простым человеком, но истинным Богом". [211] Башня Лоллардов в архиепископском дворце Ламбета вскоре наполнилась мнимыми еретиками, многие из которых вырезали на стенах своих темниц выражение своей скорби и своих надежд: *Иисус возлюбленный*, написал один из них. [212]

Сокрушить низших было недостаточно: Евангелие должно быть вытеснено с более возвышенных позиций. Священники, которые были искренни в своей вере, считали этих дворян обманщиками, которые ставили слово Божье выше законов Рима; и соответственно они приготовились к этой работе. В нескольких милях от Рочестера, посреди плодородных пастбищ, орошаемых рекой Медуэй, стоял замок Каулинг,

Прекрасная Медвайя, которая с беспричинной гордостью
Образует серебряные лабиринты своим кривым приливом. [213]

В начале пятнадцатого века в нем жил сэр Джон Олдкасл, лорд Кобэм, человек, пользующийся большим расположением короля. "Бедные священники" толпились в Каулинге в поисках сочинений Уиклиффа, с которых Кобхэм приказал сделать множество копий, и откуда они были распространены по епархиям Кентербери, Рочестера, Лондона и Хартфорда. Кобхэм присутствовал на их проповеди, и если кто-нибудь из врагов осмеливался прервать их, он угрожал им своим мечом. [214] "Я скорее рискну своей жизнью, - сказал он, - чем подчинюсь таким несправедливым указам, которые бесчестят вечный Завет". Король не позволил бы духовенству наложить лапу на своего фаворита.

КОБХЭМ ПЕРЕД АРХИЕПИСКОПОМ.

Но Генрих V, унаследовавший престол своего отца в 1413 году и перешедший из домов с дурной славой, которые он до сих пор часто посещал, к подножию алтарей и главе армий, архиепископ немедленно донес на Кобхэма, и тот был вызван предстать перед королем. Сэр Джон понял доктрину Уиклиффа и на собственном опыте ощутил могущество божественного Слова. "Что касается папы и его духовности, - сказал он королю, - то я не обязан им ни уговаривать, ни служить, поскольку я знаю, что он, согласно Священному Писанию, великий антихрист". [215] Генри оттолкнул руку Кобхэма, когда тот представлял свое исповедание веры: "Я не приму этот документ, предъявите его вашим судьям". Когда Кобхэм увидел, что ему отказывают в исповедании своей профессии, он прибегнул к единственному способу, о котором он знал из Евангелия. Разногласия, которые мы сейчас разрешаем с помощью брошюр, тогда очень часто разрешались мечом: "Я предлагаю в защиту моей веры сражаться не на жизнь, а на смерть с любым живущим человеком, христианином или язычником, всегда, кроме вашего величества". [216] Кобхэма отвели в Тауэр.

23 сентября 1413 года он предстал перед церковным трибуналом, заседавшим в то время в соборе Святого Павла. "Мы должны верить, - сказал ему примас, - в то, чему учит святая Римская церковь, не требуя авторитета Христа". — "Верьте!" — кричали священники. — "Верьте!" - "Я готов верить всему, чего желает Бог, - сказал сэр Джон. - Но в то, что папа римский имеет власть учить тому, что противоречит Писанию, - в это я никогда не смогу поверить". Его отвели обратно в Башню. Слово Божье должно было обрести своего мученика.

В понедельник, 25 сентября, толпа священников, каноников, монахов, клерков и продавцов индульгенций заполнила большой зал доминиканского монастыря и набросилась на лорда Кобхэма с оскорбительными высказываниями. Эти оскорбления, важность момента для Реформации Англии, катастрофа, которая должна была завершиться на сцене, - все это взволновало его душу до самых глубин. Когда архиепископ призвал его исповедаться в своем проступке, он упал на колени и, воздев руки к небу, воскликнул: "Я исповедуюсь Тебе, о Боже! и признай, что в моей хрупкой юности я серьезно оскорбил Тебя своей гордыней, гневом, неводержанностью и нечистоплотностью: за эти проступки я молю тебя о милосердии!" Затем, встав, с лицом, все еще мокрым от слез, он сказал: "Я не прошу у вас отпущения грехов: мне нужно только от Бога". [217] Духовенство, однако, не отчаивалось усмирить этого пылкого джентльмена: они знали, что духовная сила не всегда сочетается с физической, и они надеялись победить священническими софизмами человека, осмелившегося вызвать папских

чемпионов на поединок один на один. "Сэр Джон, - сказал наконец примас, - Вы сказали несколько очень странных вещей; мы потратили много времени, пытаюсь убедить вас, но все безрезультатно. День проходит: вы должны либо подчиниться постановлению пресвятой церкви..." - "Я не поверю ничему другому, кроме того, что я вам сказал. Делайте со мной, что хотите". — "Что ж, тогда мы должны следовать закону", - ответил архиепископ.

ЛОЛЛАРДЫ.

Арундел встал; все священники и народ поднялись вместе с ним и обнажили головы. Затем, держа в руке смертный приговор, он зачитал его громким ясным голосом. "Это хорошо, - сказал сэр Джон. - хотя вы осуждаете мое тело, вы не можете причинить вреда моей душе, по милости моего вечного Бога". Его снова отвели обратно в Тауэр, откуда он сбежал однажды ночью и нашел убежище в Уэльсе. Он был вновь схвачен в декабре 1417 года, доставлен в Лондон, проташен на баррикадах до Сент-Джайлс-филдс, а там подвешен на цепях над медленным огнем и жестоко сожжен заживо. Так умер христианин, прославленный по моде своего времени — поборник Слова Божьего. Лондонские тюрьмы были переполнены уиклиффитами, и было постановлено, что они должны быть повешены за короля и сожжены за Бога. [218]

Запуганные лолларды были вынуждены прятаться в самых скромных рядах народа и проводить свои собрания тайно. Дело искупления бесшумно совершалось среди избранных Божьих. Среди этих Лоллардов было много тех, кто был искуплен Иисусом Христом; но в целом они не знали в той же степени, что евангельские христиане шестнадцатого века, оживляющей и оправдывающей силы веры. Это были простые, кроткие и часто робкие люди, привлеченные словом Божьим, тронутые осуждением, которое оно выносит ошибкам Рима, и желавшие жить в соответствии с его заповедями. Бог отвел им роль — и притом важную — в великом преобразовании христианства. Их смиренное благочестие, пассивное сопротивление, позорное обращение, которое они сносили со смирением, облаченные в одежды кающихся, свечи, которые они были вынуждены держать у дверей церкви, — все это выдавало гордыню священников и наполняло самые благородные умы сомнениями и смутными желаниями. Крещением страданий Бог тогда готовил путь к славной реформации.

ГЛАВА X.

Обучение во Флоренции—Тюдоры—Эразм посещает Англию—Сэр Томас Мор—Дин Колет—Эразм и юный Генрих—Принц Артур и Екатерина—Брак и смерть—Екатерина обручена с Генрихом—Восшествие на престол Генриха VIII—Энтузиазм ученых—Эразм отозван в Англию—Кромвель перед Папой Римским—Екатерина сделала Генриху предложение—Их брак и придворные турниры—Опасность, грозящая Генриху.

УЧУСЬ ВО ФЛОРЕНЦИИ.

Эта реформация должна была стать результатом действия двух различных сил — возрождения учености и воскресения слова Божьего. Последнее было основной причиной, но первое было необходимо как средство. Без этого живые воды Евангелия, вероятно, текли бы по веку, подобно летним потокам, которые вскоре пересыхают, подобным тем, что прорывались то тут, то там в

средние века; она не стала бы той величественной рекой, которая своими разливами оплодотворяла всю землю. Необходимо было обнаружить и исследовать оригинальные фонтаны, и для этого изучение греческого и иврита было незаменимо. Лоллардизм и гуманизм (изучение классики) были двумя лабораториями реформы. Мы видели приготовления одного, теперь мы должны проследить начало другого; и поскольку мы обнаружили свет в низменных долинах, мы различим его также и на высоких горных вершинах.

ТЮДОРЫ.

Примерно в конце XV века несколько молодых англичан случайно оказались во Флоренции, привлеченные литературной славой, окружавшей город Медичи. Космо собрал огромное количество произведений древности, и его дворец был переполнен учеными людьми. Уильям Селлинг, молодой английский священнослужитель, впоследствии отличившийся в Кентербери своим рвением в собирании ценных рукописей; его соотечественники, Гросин, Лилли и Латимер, "стыдливее девы"; [219] и, прежде всего, Линакр, которого Эразм ставил выше всех ученых Италии, - часто встречались на восхитительной вилле в Медичи с Политианом, Халкондиллом и другими учеными людьми; и там, тихими летними вечерами, под этим великолепным тосканским небом, им снились романтические видения платоновской философии. Вернувшись в Англию, эти ученые мужи рассказали оксфордской молодежи о чудесных сокровищах греческого языка. Некоторые итальянцы даже, привлеченные желанием просветить варваров и, может быть, отчасти сделанными им блестящими предложениями, покинули свою любимую страну и перебрались в далекую Британию. Корнелиус Вителли преподавал в Оксфорде, а Кай Амберино - в Кембридже. Кэкстон импортировала искусство книгопечатания из Германии, и нация с энтузиазмом приветствовала яркий рассвет, который наконец забрезжил на их затянутом облаками небе.

В то время как в Англии возрождалась ученость, на престол взошла новая династия, принесла с собой ту энергию характера, которая сама по себе способна произвести великие революции; Тюдоры сменили Плантагенетов. Та непреклонная неустрашимость, которой отличались реформаторы Германии, Швейцарии, Франции и Шотландии, не была столь присуща реформаторам Англии; но она обнаруживалась в характере ее королей, которые часто доходили даже до насилия. Возможно, что этому преобладанию энергии в своих правителях церковь обязана преобладанию государства в своих делах.

Генрих Тюдор, английский король Людовик XI, был умным принцем с решительным, но подозрительным характером, скупым и ограниченным. Происходя из валлийской семьи, он принадлежал к той древней расе кельтов, которая так долго боролась с папством. Генрих уничтожил фракции у себя дома и научил иностранные нации уважать его власть. Добрый гений, казалось, оказывал благотворное влияние как на свой двор, так и на него самого: это была его мать, графиня Ричмонд. Из своей каморки, где она посвящала первые пять часов дня чтению, медитации и молитве, она перешла в другую часть дворца, чтобы перевязать раны некоторым из самых низших нищенствующих; оттуда она перешла в веселые салоны, где беседовала с учеными, которых поощряла своей щедростью. Страсть этой благородной дамы к учебе, которую ее сын унаследовал лишь в малой степени, не осталась без влияния в ее семье. Артур и Генрих, старшие сыновья короля, трепетали в присутствии своего отца; но, плененные любовью своей набожной бабушки, они начали находить удовольствие в обществе ученых людей. Важное обстоятельство придало новый импульс одному из них.

ЭРАЗМУС В Англии.

Среди друзей графини был Монджой, который знал Эразма в Париже и слышал его едкие сарказмы в адрес схоластов и монахов. Он пригласил знаменитого голландца в Англию, и Эразм, который боялся подхватить чуму, с радостью принял приглашение и отправился туда, что, по его мнению, было царством тьмы. Но он пробыл в Англии недолго, прежде чем обнаружил неожиданный свет.

Вскоре после своего прибытия, обедая с лорд-мэром, Эразм заметил по другую сторону стола молодого человека лет девятнадцати, стройного, румяного, с голубыми глазами, грубыми руками и правым плечом, расположенным несколько выше другого. Черты его лица свидетельствовали о приветливости и веселье, а с его губ постоянно срывались приятные шутки. Если он не мог найти шутку на английском, то находил на французском и даже на латыни или греческом. Вскоре между Эразмом и английской молодежью разгорелось литературное состязание. Первый, пораженный встречей с кем-либо, кто мог выстоять против него, воскликнул: *Aut tu es Morus aut nullus!* (ты либо Больше, либо никто); и его спутник, который не знал имени незнакомца, быстро ответил: *Aut tu es Erasmus aut diabolus!* (ты либо дьявол, либо Эразм). [220] Мор бросился в объятия Эразмуса, и они стали неразлучными друзьями. Мор постоянно шутил, даже с женщинами, поддразнивал юных девушек и высмеивал зануд, хотя в его шутках не было ни малейшего оттенка злонамеренности. [221] Но под этой спортивной внешностью он скрывал глубокое понимание. В то время он читал лекцию о "Граде Божьем" Августина перед многочисленной аудиторией, состоящей из священников и пожилых мужчин. Им овладела мысль о вечности, и, будучи неосведомленным о той внутренней дисциплине Святого Духа, которая является единственной истинной дисциплиной, он каждую пятницу прибегал к бичеванию. Томас Мор - идеал католицизма того периода. У него, как и у римской системы, было два полюса — мирскость и аскетизм; которые, хотя и противоречат друг другу, часто встречаются вместе. Фактически, аскетизм приносит в жертву себя только для того, чтобы сохранить его; точно так же, как путешественник, на которого напали разбойники, с готовностью откажется от части своих сокровищ, чтобы спасти остальное. Так было и с Мором, если мы правильно понимаем его характер. Он пожертвовал атрибутами своей падшей натуры, чтобы спасти эту самую натуру. Он соблюдал посты и бдения, носил рубашку из власяницы, умерщвлял свое тело маленькими цепочками, прикрепленными к коже, - словом, он пожертвовал всем, чтобы сохранить то "я" которым может пожертвовать только настоящее возрождение.

КОРОЛЕВСКАЯ ШКОЛЬНАЯКОМНАТА.

Из Лондона Эразм отправился в Оксфорд, где встретился с Джоном Колетом, другом Мора, но старше его и очень непохожим характером. Колет, отпрыск древнего рода, был очень дородным мужчиной внушительного вида, большого состояния и элегантных манер, к которым Эразм не привык. Порядок, опрятность и благопристойность царили в его лице и в его доме. Он держал превосходный стол, открытый для всех друзей науки, и голландец, не слишком любивший парижские колледжи с их прокисшим вином и несвежими яйцами, был рад присесть за него. [222] Там он познакомился также с большинством ученых-классиков Англии, особенно с Гросином, Линакром, Томасом Вулси, казначеем Колледжа Магдалины, Хэлси и некоторыми другими. "Я не могу передать вам, как я восхищен вашей Англией", - писал он лорду Мондджоу

из Оксфорда. "С такими мужчинами я охотно мог бы жить на самых дальних берегах Скифии".
[223]

АРТУР И КЭТРИН.

Но если Эразм на берегах Темзы нашел Мецената в Лорде Монджое, Лабео и, возможно, Вергилия в Море, он нигде не нашел Августа. Однажды, когда он выражал свои сожаления и опасения Мору, тот сказал: "Пойдем, поедem в Элтем, возможно, мы найдем там то, что ты ищешь". Они отправились в путь, больше шутили всю дорогу, про себя решив искупить его веселость жестоким бичеванием ночью. По прибытии они были сердечно встречены лордом и леди Монджой, губернатором и гувернанткой королевских детей. Когда двое друзей вошли в зал, Эразму открылось приятное и неожиданное зрелище. Вся семья была в сборе, и они оказались в окружении не только некоторых членов королевской семьи, но и слуг лорда Монджоя. Справа стояла принцесса Маргарет, девочка одиннадцати лет, чей правнук по имени Стюарт должен был продолжить род Тюдоров в Англии; слева была Мария, четырехлетний ребенок; Эдмунд был на руках у своей няни; а в середине круга, между двумя сестрами, стоял мальчик, которому в то время было всего девять лет, чьи красивые черты лица, королевская осанка, умные глаза и изысканная вежливость придавали Эразму необычайное очарование. [224] Этим мальчиком был Генрих, герцог Йоркский, второй сын короля, родившийся 28 июня 1491 года. Мор, подойдя к молодому принцу, подарил ему какой-то листок собственного сочинения; и с этого часа Эразм поддерживал дружеские отношения с Генрихом, который, по всей вероятности, оказывал определенное влияние на судьбы Англии. Ученый из Роттердама был рад видеть, что принц преуспел во всех мужественных видах спорта того времени. Он сидел на коне с совершенной грацией и редким бесстрашием, мог метнуть дротик дальше, чем кто-либо из его спутников, и, обладая превосходным музыкальным вкусом, уже был исполнителем на нескольких инструментах. Король позаботился о том, чтобы он получил хорошее образование, ибо предназначил ему занять престол Кентерберийский; и прославленный Эразм, замечая его способности ко всему, за что он брался, делал все возможное, чтобы ограничить и отполировать этот английский бриллиант, чтобы он мог сверкать с еще большей яркостью. "Он не начнет ничего такого, чего бы не закончил", - сказал ученый. И это слишком верно, что этот принц всегда достигал своей цели, даже если для этого приходилось наступать на истекающие кровью тела тех, кого он любил. Польщенный вниманием молодого Генриха, привлеченный его обаятельной грацией, очарованный его остроумием, Эразм по возвращении на континент повсюду провозглашал, что Англия наконец нашла своего Октавиана.

Что касается Генриха VII, то он думал обо всем, кроме Вергилия или Августа. Алчность и честолюбие были его преобладающими вкусами, которые он удовлетворил, женив своего старшего сына в 1501 году. Бургундия, Артуа, Прованс и Бретань были недавно присоединены к Франции, и европейские державы почувствовали необходимость объединиться против этого вторгающегося государства. Именно вследствие этого Фердинанд Арагонский выдал свою дочь Джоанну за Филиппа Австрийского, а Генрих VII попросил руки своей дочери Екатерины, которой тогда было шестнадцать лет и самой богатой принцессы в Европе, для Артура, принца Уэльского, юноши примерно на десять месяцев моложе. Король-католик выдвинул одно условие для брака своей дочери. Уорик, последний из Плантагенетов и претендент на корону, был заключен в Тауэр. Фердинанд, чтобы обеспечить уверенность в том, что Екатерина действительно взойдет на английский престол, потребовал, чтобы несчастный принц был предан смерти. Одно это не удовлетворило короля Испании. Генрих VII, который не был

жестоким человеком, мог скрыть Уорика и сказать, что его больше нет. Фердинанд потребовал, чтобы канцлер Кастилии присутствовал при казни. Кровь Уорика была пролита; его голова должным образом оказалась на эшафоте; кастильский канцлер подтвердил и зарегистрировал убийство, и 14 ноября в соборе Святого Павла состоялось бракосочетание. В полночь принца и принцессу с большой помпой проводили в комнату для новобрачных. [225] Это были злополучные бракосочетания, которым было суждено спровоцировать королей и народы христианского мира на битву друг с другом и послужить предлогом для внешних и политических дискуссий об английской реформации. Брак Екатерины Католички был браком по крови.

СМЕРТЬ ПРИНЦА АРТУРА.

В начале 1502 года принц Артур заболел, а 2 апреля скончался. Было потрачено необходимое время, чтобы убедиться, что у Екатерины нет надежды стать матерью, после чего друг Эразма, юный Генрих, был объявлен наследником короны, к великой радости всех ученых людей. Этот принц не забросил своих занятий: он говорил и писал по-французски, по-немецки и по-испански с легкостью коренного жителя; и Англия надеялась однажды увидеть самого ученого из христианских королей на троне Альфреда Великого.

Однако алчного Генриха VII занимал совсем другой вопрос. Должен ли он вернуть Испании двести тысяч дукатов, составлявших приданое Екатерины? Будет ли позволено этой богатой наследнице выйти замуж за какого-нибудь соперника Англии? Чтобы предотвратить столь великое несчастье, король задумал проект объединения Генриха и вдовы Артура. Против этого были выдвинуты самые серьезные возражения. "Это не только противоречит приличиям, - сказал Уорхэм, примас, - но и сама Божья воля противоречит этому. В Его законе сказано, что *если человек возьмет жену брата своего, это нечисто* (Лев. хх. 21); а в Евангелии Иоанн Креститель говорит Ироду: *не дозволено тебе иметь жену брата твоего*" (Марка vi. 18). Фокс, епископ Винчестерский, предположил, что разрешение может быть получено от папы римского, и в декабре 1503 года Юлий II издал буллу, в которой говорилось, что ради сохранения союза между католическими князьями он разрешил брак Екатерины с братом ее первого мужа, *accedente forsitan copula carnali*. Говорят, что эти четыре слова были вставлены в буллу по прямому желанию принцессы. Все эти детали будут иметь значение в ходе нашей истории. Обе стороны были помолвлены, но не поженились из-за молодости принца Уэльского.

Второй брак, запланированный Генрихом VII, был заключен при еще менее многообещающих обстоятельствах, чем первый. Король, заболев и потеряв свою королеву, рассматривал эти посещения как божественный суд. [226] Народ роптал и спрашивал, во власти ли папы разрешить то, что запретил Бог. [227] Молодой принц, узнав о сомнениях своего отца и недовольстве народа, незадолго до достижения совершеннолетия (27 июня 1505 г.) заявил в присутствии епископа Винчестерского и нескольких королевских советников, что он протестует против помолвки, заключенной во время его совершеннолетия, и что он никогда не сделает Кэтрин своей женой.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ГЕНРИХА VIII.

Смерть его отца, которая сделала его свободным, заставила его также вспомнить об этом добродетельном решении. В 1509 году надежды ученых, казалось, вот-вот сбудутся. 9 мая украшенный с царственной помпой катафалк, на богатом золотом покрывале несущий бранные останки Генриха VII со скипетром и короной, въехал в Лондон, сопровождаемый длинной

процессией. Высшие государственные чины, собравшиеся вокруг гроба, сломали свои посохи и бросили их в склеп, а герольды громким голосом воскликнули: "Да пошлет Бог благородному королю Генриху VIII долгих лет жизни". [228] Такой крик, возможно, никогда и ни при каких обстоятельствах ранее так радостно не повторялся народом. Молодой король удовлетворил пожелания нации, приказав арестовать Эмпсона и Дадли, которых обвинили в вымогательстве; и он последовал просвещенным советам своей бабушки, выбрав наиболее способных министров и поставив архиепископа Кентерберийского в качестве лорда-канцлера во главе их. Уорхэм был человеком больших способностей. День был не таким уж коротким, чтобы он мог отслужить мессу, принять послов, посоветоваться с королем в королевском кабинете, принять за своим столом до двухсот гостей, занять свое место на шерстяном мешке и найти время для личной молитвы. Радость ученых превзошла радость людей. Старый король не нуждался ни в каких их похвалах или поздравлениях, опасаясь, что ему придется за них расплачиваться; но теперь они могли дать волю своему энтузиазму. Монджой назвал молодого короля "божественным"; венецианский посол сравнил его портвейн с портвейном Аполлона, а его благородную грудь с торсом Марса; его восхваляли как на греческом, так и на латыни; его провозглашали основателем новой эры, и Генрих, казалось, желал заслужить эти панегирики. Далекий от того, чтобы позволить себе опьяниться таким количеством лести, он сказал Монджою: "Ах! как бы я хотел быть ученым!" — "Сир, - ответил придворный, - достаточно того, что вы проявляете свое уважение к тем, кто обладает знаниями, которых вы желаете для себя". — "Как я могу поступить иначе, - серьезно ответил он, - без них мы едва ли существуем!" Монджой немедленно сообщил об этом Эразму.

ЭНТУЗИАЗМ УЧЕНЫХ.

Эразмус!—Эразмус! — стены Элтема, Оксфорда и Лондона огласились этим именем. Король не мог жить без ученых, а ученые - без Эразма. Этот ученый, который был энтузиастом молодого короля, не заставил себя долго ждать, откликнувшись на призыв. Когда Ричард Пейс, один из самых образованных людей того времени, встретился с ученым голландцем в Ферраре, последний достал из кармана маленькую коробочку, которую всегда носил с собой: "Вы не представляете, - сказал он, - каким сокровищем вы владеете в Англии: я просто покажу вам"; и он достал из коробки письмо Генри, выражающее на исключительно чистой латыни глубочайшее уважение к своему корреспонденту. [229] Сразу после коронации Монджой написал Эразму: "Наш Генрих *Октавус*, или, скорее, *Октавиус*, находится на троне. Приходите и узрите новую звезду. [230] Небеса улыбаются, земля прыгает от радости, и все вокруг течет молоком, нектаром и медом. [231] Алчность улетучилась, снизошла щедрость, щедрой рукой разбрасывая во все стороны свои щедрые дары. Наш король желает не золота или драгоценных камней, а добродетели, славы и бессмертия".

В таких восторженных выражениях описал молодого короля человек, который видел его близко. Эразм больше не мог сопротивляться: он попрощался с папой и поспешил в Лондон, где встретил сердечный прием со стороны Генриха. Наука и власть обнимали друг друга: в Англии вот-вот должны были появиться свои Медици, и друзья науки больше не сомневались в возрождении Британии.

КРОМВЕЛЬ И ПАПА РИМСКИЙ.

Юлий II, разрешивший Эразму сменить белое монашеское одеяние на черное платье светских, [232] позволил ему уйти без особого сожаления. Этот понтифик не питал пристрастия к литературе, но любил войну, охоту и застольные удовольствия. Англичане прислали ему блюдо по его вкусу в обмен на ученого. Через некоторое время после ухода Эразма, когда папа однажды отдыхал от утомительной погони, он услышал рядом с собой голоса, поющие странную песню. Он с удивлением спросил, что это значит. [233] "Это какие-то англичане", - последовал ответ, и в комнату вошли трое иностранцев, каждый с плотно закрытой банкой, которую младший поставил на колени. Это был Томас Кромвель, который впервые появляется здесь на исторической сцене. Он был сыном кузнеца из Патни; но он обладал таким проницательным умом, такими здравыми суждениями, таким смелым сердцем, такими непревзойденными способностями, такой легкой речью, такой точной памятью, такой большой активностью и таким искусным пером, что ему была предсказана самая блестящая карьера. В возрасте двадцати лет он покинул Англию, желая повидать мир, и начал жизнь клерком на английской фабрике в Антверпене. Вскоре после этого двое соотечественников из Бостона пришли к нему в замешательстве. "Чего вы хотите?" он спросил их. "Наши горожане послали нас к папе римскому, - сказали они ему, - чтобы добиться возобновления *больших и меньших помилований*, срок действия которых подходит к концу и которые необходимы для ремонта нашей гавани. Но мы не знаем, как предстать перед ним". Кромвель, готовый взяться за все и немного знающий итальянский, ответил: "Я пойду с вами". Затем, хлопнув себя по лбу, он пробормотал себе под нос: "Какую рыбу я могу бросить в качестве наживки этим прожорливым бакланам?" Друг сообщил ему, что папа очень любил лакомства. Кромвель немедленно приказал приготовить по английскому обычаю изысканное желе и отправился в Италию со своими припасами и двумя спутниками.

Это был человек, который предстал перед Юлием после его возвращения с охоты. "В Англии только короли и принцы едят это варенье", - сказал Кромвель папе. Один кардинал, который был более жадным "бакланом", чем его хозяин, с жадностью отведал деликатес. "Попробуйте", - воскликнул он, и папа римский, насладившись этим новым кондитерским изделием, немедленно подписал помилование, однако при условии, что чек на желе останется у него. "И так были *получены помилования*", - говорит летописец. Это был первый подвиг Кромвеля, и человек, который начал свою бурную карьеру с того, что подарил банки с кондитерскими изделиями папе римскому, был также человеком, которому суждено было отделить Англию от Рима.

ДВОР ГЕНРИХА.

Двор понтифика был не единственным в Европе, где царило веселье. Охотничьи вечеринки были таким же обычным явлением в Лондоне, как и в Риме. Молодой король и его спутники были в то время поглощены балами, банкетами и другими празднествами, неотделимыми от нового правления. Однако он вспомнил, что должен подарить королеву своему народу: Екатерина Арагонская все еще находилась в Англии, и совет рекомендовал ее ему в жены. Он восхищался ее набожностью, не заботясь о том, чтобы подражать ей; [234] он был доволен ее любовью к литературе и даже испытывал к ней некоторую склонность. [235] Его советники сообщили ему, что "Екатерина, дочь прославленной Изабеллы Кастильской, была копией своей матери. Подобно ей, она обладала той мудростью и величием ума, которые завоевывают уважение народов; и если бы она передала кому-нибудь из его соперников свою долю в браке и союз с Испанией, давно оспариваемая корона Англии вскоре упала бы с его головы.... У нас есть

разрешение папы римского: будете ли вы более щепетильны, чем он?" [236] Архиепископ Кентерберийский напрасно сопротивлялся: Генрих уступил, и одиннадцатого июня, примерно через семь недель после смерти его отца, бракосочетание было отпраздновано в частном порядке. Двадцать третьего числа король и королева торжественно проследовали по городу, невеста была одета в белое атласное платье, а ее волосы ниспадали по спине почти до пят. На следующий день они были коронованы в Вестминстере с большой пышностью.

Затем последовала серия дорогостоящих развлечений. Сокровища, которые знать долго прятала из страха перед старым королем, теперь были выставлены на всеобщее обозрение; дамы сверкали золотом и бриллиантами, а король и королева, которыми народ никогда не уставал восхищаться, забавлялись, как дети, великолепием своих королевских одежд. Генрих VIII был предшественником Людовика XIV. От природы склонный к пышности и удовольствиям, кумир своего народа, преданный поклонник женской красоты и муж почти такого же количества жен, сколько у Людовика было неверных любовниц, он превратил английский двор в то, что сын Анны Австрийской сделал при дворе Франции, — в постоянную арену увеселений. Он думал, что никогда не сможет до конца распорядиться богатством, накопленным его благоразумным отцом. Его молодость — ведь ему было всего восемнадцать — веселость его нрава, грация, которую он проявлял во всех физических упражнениях, рыцарские рассказы, которыми он восхищался и которые даже духовенство рекомендовало своим высокородным слушателям, лесть его придворных [237] — все это вместе взбудоражило его юное воображение. Где бы он ни появлялся, все восхищались его красивым лицом и грациозной фигурой: таков портрет, завещанный нам его злейшим врагом. [238] "Его чело было создано для ношения короны, а его величественный порт - для королевской мантии", - добавляет Норисон. [239]

ГЕНРИ В ОПАСНОСТИ.

Генрих решил без промедления продемонстрировать рыцарские поединки и сказочное великолепие героев Круглого стола, как бы готовясь к более реальной борьбе, которую ему однажды придется вести против папства. При звуке трубы юный монарх выходил на ристалище в дорогих доспехах и с плюмажем, изящно ниспадавшим до седла его могучего скакуна; "подобно неукротимому быку, - говорит историк, - который срывается со своего ярма и устремляется на арену". Однажды, на праздновании воцерковления королевы, Екатерина со своими фрейлинами сидела в пурпурно-золотом шатре посреди искусственного леса, усыпанного камнями и усыпанного цветами. Внезапно вперед выступил монах в длинной коричневой рясе и, опустившись перед ней на колени, попросил разрешения провести курс. Это было удовлетворено, и, поднявшись, он сбросил свою грубую одежду и предстал великолепно вооруженным для турнира. Это был Чарльз Брэндон, впоследствии герцог Саффолк, один из самых красивых и сильных мужчин в королевстве и первый после Генриха в военных упражнениях. За ним последовало еще несколько человек, одетых в черный бархат, с широкополыми шляпами на головах, посохами в руках и шарфами через плечи, украшенными ракушками, как у паломников из Святого Иакова Компостельского. Они также сбросили свою маскировку и выступили вперед в полном вооружении. Во главе их был сэр Томас Болейн, дочери которого было суждено превзойти красотой, величием и несчастьем всех женщин Англии. Турнир начался. Генрих, которого сравнивали с Амадисом по смелости, с Ричардом с лвиным сердцем по отваге и с Эдуардом III по учтивости, не всегда избегал опасности в этих рыцарских состязаниях. Однажды король забыл опустить забрало, и Брэндон, его противник, пустился во весь опор, зрители заметили оплошность и испуганно закричали. Но ничто не могло

остановить их лошадей: два кавалера встретились. Копье Саффолка дрогнуло у Генриха, и осколки ударили его в лицо. Все думали, что король мертв, и некоторые бросились арестовывать Брэндона, когда Генрих, оправившись от удара, пришедшегося ему по шлему, возобновил бой и пробежал шесть новых кругов под восхищенные крики своих подданных. С возрастом эта бесстрашная отвага сменилась беспощадной жестокостью; и именно этот молодой тигр, движения которого тогда были такими грациозными, в недалеком будущем разорвал своими окровавленными клыками мать своих детей.

ГЛАВА XI.

Папа призывает к войне—Проповедь Колета в соборе Святого Павла—Фламандская кампания—Брак Людовика XII и принцессы Марии—Письмо Анны Болейн—Брак Брэндона и Мэри—Оксфорд—Сэр Томас Мор при дворе—Нападение на монастыри—Дом Колета—Он проповедует реформу—Греки и троянцы.

ПАПА РИМСКИЙ ПРИЗЫВАЕТ К ВОЙНЕ.

Послание от папы остановило Генриха в разгар этих увеселений. В Шотландии, Испании, Франции и Италии у молодого короля не было ничего, кроме друзей; гармония, которую папство намерено было нарушить. Однажды, сразу после торжественной мессы, архиепископ Кентерберийский от имени Юлия II возложил к его ногам золотую розу, которая была благословлена папой римским, помазана святым елеем и надушена мускусом. [240] Оно сопровождалось письмом, приветствовавшим его как главу итальянской лиги. Воинственный понтифик, победивший венецианцев, желал смирить Францию и использовать Генриха в качестве орудия своей мести. Генрих незадолго до этого возобновил свой союз с Людовиком XII; но папу римского не смутил такой пустяк, и молодой король вскоре начал мечтать о том, чтобы соперничать со славой Креси, Пуатье и Азенкура. Напрасно его мудрейшие советники внушали ему, что Англия в самые благоприятные времена никогда не была в состоянии удержать свои позиции во Франции и что море было истинным полем, открытым для ее завоеваний. Юлий, зная его тщеславие, пообещал лишить Людовика титула Самого христианского короля и даровать его ему. "Его святейшество надеется, что ваша светлость полностью уничтожит короля Франции", - писал королевский агент. [241] Генри не увидел ничего предосудительного в этой весьма непостольской миссии и решил заменить ужасную игру в войну более мягкими мирными развлечениями.

ПРОПОВЕДЬ ДЕКАНА КОЛЕТА.

Весной 1511 года, после нескольких неудачных попыток своих генералов, Генрих решил лично вторгнуться во Францию. Он был в разгаре приготовлений, когда наступил праздник Пасхи. Декану Колету было поручено проповедовать перед Генри в Страстную пятницу, и в ходе своей проповеди он проявил больше мужества, чем можно было ожидать от ученого, ибо в его груди горела искра христианского духа. Он избрал темой своего рассуждения победу Христа над смертью и могилой. "Всякий, кто берется за оружие из честолюбия, - сказал он, - сражается не под знаменем Христа, а под знаменем сатаны. Если вы хотите сражаться со своими врагами, следуйте за Иисусом Христом как за своим князем и военачальником, а не за цезарем или

Александром". Его слушатели с удивлением переглянулись; друзья светской литературы встревожились; а священники, которым становилось не по себе от бунта человеческого разума, надеялись воспользоваться случаем и нанести смертельный удар своим противникам. Среди них были люди, мнения которых мы должны осудить, хотя и не можем не уважать рвение к тому, что они считали истиной: к их числу относились Брико, Фицджереймс и, прежде всего, Стэндиш. Однако в этом случае их рвение зашло слишком далеко: они даже поговаривали о *сожжении* декана. [242] После проповеди Колету сообщили, что король просит его присутствовать в саду францисканского монастыря, и сразу же священники и монахи столпились у ворот, надеясь увидеть, как их противника выведут как преступника. "Давайте побудем одни", - сказал Генри. "Наденьте кепку, мистер Дин, и мы прогуляемся. Не унывайте, - продолжал он, - "вам нечего бояться. Вы превосходно говорили о христианском милосердии и почти примирили меня с королем Франции; однако, поскольку это состязание не по выбору, а по необходимости, я должен просить вас в какой-нибудь будущей проповеди объяснить это моему народу. Если вы этого не сделаете, боюсь, мои солдаты могут неправильно понять, что вы имеете в виду. Колет не был Иоанном Крестителем, и, тронутый снисходительностью короля, он дал требуемое объяснение. Король был доволен и воскликнул: "Пусть у каждого человека будет свой врач, какой ему заблагорассудится; этот человек - мой врач, и я выпью за его здоровье!" Генрих был тогда молод: совсем по-другому он впоследствии обращался с теми, кто выступал против него.

В глубине души король заботился о победах Александра не больше, чем об Иисусе Христе. Снарядив свою армию, он в конце июня сел на корабль в сопровождении своего милостивца Вулси, который становился все более популярным, и отправился на войну, словно на турнир. Вскоре после этого он, весь сверкая драгоценностями, отправился на встречу с императором Максимилианом, который принял его в простом камзоле и плаще из черной саржи. После победы в битве при Шпорах Генрих, вместо того чтобы продолжать завоевание Франции, вернулся к осаде Тероненна, потратил время на рыцарские поединки и развлечения, пожаловал Вулси епископство Турне, которое он только что захватил, а затем вернулся в Англию, довольный тем, что совершил столь приятную поездку.

СВАДЬБА ПРИНЦЕССЫ МАРИИ.

Людовик XII овдовел на 53-м году жизни и был сломлен немощами преждевременной старости; но, желая любой ценой предотвратить возобновление войны, он добился руки сестры Генриха, принцессы Марии, которой тогда было 16 лет. Ее чувства уже были привязаны к Чарльзу Брэндону, и ради него она пожертвовала бы великолепием трона. Но государственные соображения воспротивились их союзу. "Принцесса, - заметил Вулси, - скоро вернется в Англию вдовой с королевским приданым". Это решило вопрос. Безутешная Мария, ставшая объектом всеобщей жалости, села в Дувре с многочисленной свитой, а из Булони, где ее принял герцог Ангулемский, ее проводили к королю, воодушевленную мыслью жениться на самой красивой принцессе Европы.

Среди приближенных Марии была юная Анна Болейн. Ее отцу, сэру Томасу Болейну, Генрих совместно с епископом Элийским поручил провести дипломатические переговоры, предшествовавшие этому браку. Детство Энн прошло в замке Хевер, в окружении всего, что могло будоражить воображение. Ее дед по материнской линии, граф Суррей, чей старший сын женился на сестре королевы Генриха Седьмого, занимал, как и его сыновья, самые важные государственные посты. Вероятно, в возрасте четырнадцати лет, когда ее отец вызвал ее в суд,

она написала ему следующее письмо по—французски, которое, по-видимому, относится к ее отъезду во Францию:

"Сэр, из вашего письма я понимаю, что вы хотите, чтобы я появилась при дворе в образе, подобающем респектабельной женщине, а также, что королева снизойдет до того, чтобы вступить со мной в беседу; я радуюсь этому, поскольку мне приятно думать, что беседа со столь разумной и элегантной принцессой вызовет у меня еще большее желание продолжать говорить и писать на хорошем французском; тем более, что благодаря вашему серьезному совету, который (я знакомлю вас с этим письмом) вызвал у меня еще большее желание продолжать говорить и писать на хорошем французском. Я буду следовать за вами в меру своих возможностей.... Что касается меня, будьте уверены, что я не буду неблагодарно смотреть на эту отцовскую должность как на ту, без которой можно было бы обойтись; и это не уменьшит моей привязанности, стремления [желания] и решимости вести настолько святую жизнь, насколько вам будет угодно пожелать от меня; действительно, моя любовь к вам основана на столь прочной основе, что ее никогда нельзя ослабить. Я положил конец этому своему просветлению после того, как очень смиренно возжелал вашей доброй воли и привязанности. Написано в Хевере

"Ваша очень скромная и послушная дочь,
Анна Де Буллан". [\[243\]](#)

МЭРИ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА БРЭНДОНА.

Таковы были чувства, с которыми эта молодая и интересная леди, столь оклеветанная папистскими писателями, появилась при дворе.

Свадьба была отпразднована в Аббевиле 9 октября 1514 года, и после роскошного банкета король Франции раздал свои королевские дары английским лордам, которые были очарованы его любезностью. Но завтрашний день стал днем испытаний для молодой королевы. Людовик XII распустил многочисленную свиту, сопровождавшую ее, и даже леди Гилфорд, которой Генрих особо доверил ее. Остались только трое, одной из которых была юная Анна Болейн. При этой разлуке Мария предалась сильнейшей печали. Чтобы поднять ей настроение, Людовик объявил грандиозный турнир. Брэндон поспешил во Францию при первом объявлении о розыгрыше и увез все призы, в то время как король, лениво развалившись на кушетке, с трудом мог смотреть на блестящее зрелище, которым руководила его королева, с больным сердцем, но сияющая молодостью и красотой. Мария не смогла скрыть своего волнения, и Луиза Савойская, наблюдавшая за ней, разгадала ее тайну. Но Людовик, если и испытывал муки ревности, то недолго, ибо его смерть наступила 1 января 1515 года.

Еще до того, как закончились похороны ее мужа, сердце Мэри забилося от надежды. Франциск I, которому не терпелось увидеть ее замужем за каким-нибудь незначительным политическим деятелем, поощрял ее любовь к Брэндону. Последний, которому Генрих поручил передать ей свои письма с соболезнованиями, опасался гнева своего господина, если тот осмелится претендовать на руку принцессы. Но овдовевшая королева, решившая не бояться ничего, сказала своему возлюбленному: "Либо ты выходишь за меня замуж через четыре дня, либо ты меня больше не увидишь". Выбор, который король сделал в отношении своего посла, означал,

что он не будет вести себя слишком сурово. Свадьбу отпраздновали в аббатстве Ключи, и Генрих простил их.

ОКСФОРД.

В то время как Мария вернулась в Англию, как и предсказывал Вулси, Анна Болейн осталась во Франции. Ее отец, желая, чтобы его дочь стала образованной женщиной, вверил ее попечению добродетельной Клод Французской, *доброй королевы*, при дворе которой воспитывались дочери первых семейств королевства. Маргарита, герцогиня Алансонская, сестра Франциска, а впоследствии королева Наварры, часто очаровывала окружение королевы своей оживленной беседой. Вскоре она глубоко привязалась к молодой англичанке и после смерти Клода взяла ее в свою семью. Анне Болейн было суждено в недалеком будущем стать при лондонском дворе отражением грациозной Маргариты, и ее отношения с этой принцессой не обошлись без влияния на английскую реформацию.

И действительно, литературное движение, перешедшее из Италии во Францию, выглядело в то время так, как если бы оно перешло из Франции в Британию. Оксфорд оказывает на Англию такое же большое влияние, как и метрополия; и почти всегда в его стенах зарождается движение, будь то доброе или злое. В этот период нашей истории восторженная молодежь с радостью приветствовала первые лучи нового солнца и с сарказмом нападала на праздность монахов, безнравственность духовенства и суеверия народа. Испытывая отвращение к жречеству средневековья и плененный писателями древности и чистотой Евангелия, Оксфорд смело призвал к реформе, которая должна была разорвать оковы клерикального господства и освободить человеческий разум. Литераторы некоторое время думали, что нашли в Вулси самого могущественного человека в Англии, союзника, который принесет им победу.

У него не было особого вкуса к учености, но, видя, что ветер общественного благоволения дует в этом направлении, он с готовностью расправил перед ним свои паруса. Он приобрел репутацию глубокого богослова, процитировав несколько слов Фомы Аквинского, и славу Мецената и Птолемея, приглашая ученых на свои великолепные развлечения. "О счастливый кардинал, - воскликнул Эразм, - который может окружить свой стол такими факелами!" [244]

В то время король испытывал те же амбиции, что и его министр, и, вкусив по очереди удовольствия войны и дипломатии, теперь обратил свой ум к литературе. Он пожелал, чтобы Вулси представил ему сэра Томаса Мора. — "Что я буду делать при дворе?" ответил тот. "Я буду таким же неуклюжим, как человек, который никогда не ездил верхом, сидит в седле". Счастливый в своем семейном кругу, где его отец, мать и дети, собравшись за одним столом, образовали приятную группу, которую передал нам карандаш Гольбейна, Мор не испытывал желания покидать его. Но Генри был не из тех, кто мирится с отказом; он почти прибегал к силе, чтобы получить больше от своей отставки, и вскоре уже не мог жить без общества литератора. Тихими звездными ночами они прогуливались вместе по дорожкам на вершине дворца, беседуя о движении небесных тел. Если Мор не появлялся при дворе, Генри отправлялся в Челси и делил скромный семейный ужин с кем-нибудь из их простых соседей. "Где, - спросил Эразм, - находятся Афины, Портик или Академия, которые можно сравнить с английским двором?"... Это скорее обитель муз, чем дворец.... Золотой век возрождается, и я поздравляю весь мир".

МОНАСТЫРИ ПОДВЕРГЛИСЬ НАПАДЕНИЮ.

Но сторонники классического образования не довольствовались банкетами кардинала или милостями короля. Они жаждали побед, и их самые острые стрелы были нацелены на монастыри, эти мощные крепости иерархии и нечистоты. [245] Аббат Сент-Олбанса, взяв замужнюю женщину в наложницы и поставив ее во главе женского монастыря, его монахи последовали его примеру и предались самому скандальному разврату. Общественное возмущение зашло так далеко, что сам Вулси — Вулси, отец нескольких незаконнорожденных детей, и который нес наказание за свои проступки [246]— был увлечен духом эпохи и потребовал от папы общей реформы нравов. Услышав об этой просьбе, священники и монахи громко закричали. "Что ты задумал?" - спросили они Вулси. "Вы даете победу врагам церкви, и вашей единственной наградой будет ненависть всего мира". Поскольку это была не игра кардинала, он отказался от своего проекта и задумал другой, более легко осуществимый. Желая заслужить имя "Птолемей", присвоенное ему Эразмом, он взялся построить два больших колледжа, один в Ипсвиче, своем родном городе, другой в Оксфорде; и счел удобным брать деньги, необходимые для их финансирования, не из своего собственного кошелька, а из кошельков монахов. Он указал папе на двадцать два монастыря, в которых (по его словам) поселились порок и нечестие. [247] Папа даровал им секуляризацию, и Вулси, получив таким образом доход в размере 2000 фунтов стерлингов, заложил фундамент своего колледжа, обустроил различные дворы и построил просторные кухни. Он впал в немилость еще до того, как завершил свою работу, что заставило Гуальтера с насмешкой сказать: "Он открыл колледж и построил кулинарную мастерскую". [248] Но был подан отличный пример: монастыри подверглись нападению, и первое нарушение в них совершил кардинал. Кромвель, секретарь Вулси, отметил, как его хозяин взялся за свою работу и в последующие годы извлек из этого урок.

КОЛЕ ПРОПОВЕДУЕТ РЕФОРМАЦИЮ.

"Письмам" повезло, что у них были более искренние друзья в Лондоне, чем Вулси. Среди них были Колет, настоятель собора Святого Павла, чей дом был центром литературного движения, предшествовавшего Реформации, и его друг и гость Эразм. Последний был отважным первопроходцем, открывшим дорогу из античности в современную Европу. В один день он развлекал гостей Колета рассказом о новой рукописи; в другой - обсуждением форм древней литературы; а в другой раз он нападал на схоластов и монахов, когда Колет становился на ту же сторону. Единственным противником, осмелившимся помериться с ним силами, был сэр Томас Мор, который, хотя и был мирянином, стойко защищал постановления церкви.

Но простая беседа за столом не могла удовлетворить декана: многочисленная аудитория посещала его проповеди в соборе Святого Павла. Духовность слов Христа, авторитетность, которая их характеризует, их восхитительная простота и таинственная глубина глубоко очаровали его: "Я восхищаюсь писаниями апостолов, - говорил он, - но я почти забываю о них, когда размышляю о чудесном величии Иисуса Христа". [249] Оставив в стороне тесты, предписанные церковью, он, подобно Цвингле, объяснил Евангелие от святого Матфея. И на этом он не остановился. Воспользовавшись Собранием, он произнес проповедь о *конформации* и *реформации*, которая была одним из многочисленных предвестников великой реформы шестнадцатого века. "Мы видим, как в наши дни появляются странные и еретические идеи, и неудивительно", - сказал он. "Но вы должны знать, что нет ереси более опасной для церкви, чем порочная жизнь ее священников. Необходима реформация; и эта реформация должна начаться с епископов и распространиться на священников. После реформирования духовенства мы

приступим к реформированию народа ". [250] Так говорил Колет, в то время как жители Лондона слушали его с восторгом и называли новым святым Павлом. [251]

Нельзя было допустить, чтобы подобные высказывания остались безнаказанными. Фицджереймс, епископ Лондонский, был суеверным упрямым восьмидесятилетним стариком, жадным до денег, чрезмерно раздражительным, плохим теологом и рабом Дунса Скотта, *утонченного врача*. Призвав к себе на помощь двух других епископов, столь же ревностных, как и он сам, к сохранению злоупотреблений, а именно Брико и Стэндиша, он донес на декана собора Святого Павла Уорхэму. Архиепископ поинтересовался, что он сделал: "Что он сделал?" присоединился епископ Лондонский. "Он учит, что мы не должны поклоняться изображениям; он переводит Молитву Отче наш на английский; он делает вид, что текст *Паси овец моих*, не включает в себя мирские припасы, которые духовенство берет у своей паствы. И помимо всего этого, - продолжил он с некоторым смущением, - он выступал против тех, кто несет свои рукописи на кафедру и читает свои проповеди!" Поскольку такова была практика епископа, примас не смог удержаться от улыбки; и поскольку Колет отказался оправдываться, Уорхэм сделал это за него.

ГРЕКИ И ТРОЯНЦЫ.

С этого времени Колет с новым рвением принялся рассеивать тьму. Большую часть своего состояния он посвятил основанию знаменитой школы Святого Павла, первым мастером которой была ученая Лилли. Две партии, *греки и троянцы*, вышли на ристалище, чтобы сразиться не мечом и копьем, как в древнем эпосе, а языком, пером, а иногда и кулаком. Если *троянцы* (обскуранты) потерпели поражение в публичных диспутах, они отомстили в тайне исповеди. *Пещера Грециса и фиас еретикус*, [252] было девизом священников — их ежедневным уроком для молодежи, находящейся под их опекой. Они смотрели на школу, основанную Колетом, как на чудовищного коня клятвопреступника Синона и заявляли, что из ее недр неизбежно выйдет уничтожение народа. Колет и Эразм ответили монахам новыми ударами. Линакр, настоящий энтузиаст литературы, Гроцин, человек саркастического юмора, но щедрого сердца, и многие другие усилили *греческую* фалангу. Сам Генрих обычно брал одного из них с собой в путешествия, и если какой-нибудь невезучий *троянец* осмеливался в его присутствии нападать на язык Платона и святого Павла, молодой король натравливал на него свой эллинский. Не более многочисленными были состязания, свидетелем которых в былые времена были классические берега Ксанфа и Симоиса.

ГЛАВА XII.

Вулси — Его первое поручение —Его покладистость и епархии—Кардинал, канцлер и легат—Хвастовство и некромантия—Его шпионы и вражда—Претензии духовенства.

ВУЛСИ.

Точно так же, как все, казалось, клонилось к реформации, могущественный священник усложнил этот путь.

В то время на мировой сцене появлялся один из самых ярких персонажей того времени. Судьбой этого человека в царствование Генриха VIII было сочетать необычайные способности

с чрезвычайной безнравственностью; и быть новым и поразительным примером благотворной истины о том, что безнравственность более эффективна для уничтожения человека, чем способность спасти его. Вулси был последним первосвященником Рима в Англии, и когда его падение потрясло нацию, это стало сигналом к еще более поразительному падению - падению папства.

Томас Уолси, сын богатого мясника из Ипсвича, согласно распространенной истории, которая подтверждена высокими властями, получил при Генрихе VII должность раздавателя милостыни по рекомендации сэра Ричарда Нанфана, казначея Кале и своего старого покровителя. Но Вулси вовсе не горел желанием проводить свою жизнь в служении мессы. Как только он приступил к своим обычным обязанностям, вместо того чтобы провести остаток дня в праздности, как это делали его коллеги, он постарался завоевать расположение людей, окружавших короля.

Фокс, епископ Винчестерский, хранитель личной печати при Генрихе VII, обеспокоенный растущим могуществом графа Суррея, искал человека, который мог бы уравновесить их. Он думал, что нашел такую в Вулси. Сын ипсвичского мясника был выведен из неизвестности именно для того, чтобы выступить против Сюрреев, дедушки и дядей Анны Болейн. Это немаловажное обстоятельство в нашем повествовании. Фокс начал восхвалять Вулси в присутствии короля, и в то же время он поощрял раздающего милостыню посвятить себя общественным делам. Последний не был глухим, [253] и вскоре нашел возможность завоевать благосклонность своего государя.

ЕГО ПЕРВЫЕ ЗАСЛУГИ При ГЕНРИХЕ VII.

Король, у которого было важное дело к императору, находившемуся в то время во Фландрии, послал за Вулси, объяснил свои пожелания и приказал ему готовиться к отъезду. Капеллан решил показать Генриху VII, насколько он способен служить ему. Было далеко за полдень, когда он простился с королем в Ричмонде — в четыре часа он был в Лондоне, в семь - в Грейвсенде. Путешествуя всю ночь, он достиг Дувра как раз к отплытию пакетбота. Через три часа пути он добрался до Кале, откуда отправился с почтой, и в тот же вечер предстал перед Максимилианом. Получив то, что хотел, он снова отправился в путь ночью и на следующий день, всего через три дня и несколько часов после отъезда, добрался до Ричмонда. Король, увидев его как раз в тот момент, когда он направлялся к мессе, резко спросил, почему он еще не отправился в путь. "Сир, я только что вернулся", - ответил Вулси, вкладывая письма императора в руки своего господина. Генрих был в восторге, и Вулси увидел, что его состояние приумножено.

Придворные сначала надеялись, что Вулси, как неопытный лоцман, натолкнет свое судно на какую-нибудь скрытую скалу; но никогда рулевой не управлял своим кораблем с таким мастерством. Хотя милостынщик был на двадцать лет старше Генриха VIII, он танцевал, и пел, и смеялся со спутниками принца, и забавлял своего нового хозяина скандальными историями и цитатами из Фомы Аквинского. Молодой король нашел свой дом храмом язычества, святилищем сладострастия; [254] и в то время как советники Генриха умоляли его оставить удовольствия и заняться бизнесом, Вулси постоянно напоминал ему, что он должен посвятить свою молодость учебе и развлечениям, а государственные заботы оставить другим. Уолси был назначен епископом Турне во время кампании во Фландрии, а по возвращении в Англию был

возведен в епископы Линкольна и Йорка. За один год на его голову возложили три митры. Наконец он нашел жилу, которую так страстно искал.

ПОКАЗУХА И НЕКРОМАНТИЯ.

И все же он не был удовлетворен. Архиепископ Кентерберийский настаивал, как примас, на том, чтобы крест Йорка был возложен на него. Вулси не был расположен признавать это, и когда он обнаружил, что Уорхэм не довольствуется тем, что равен ему, он решил поставить его ниже себя. Он написал в Париж и в Рим. Франциск I, желавший примирить Англию, потребовал для Вулси пурпура, а архиепископ Йоркский получил титул кардинала Святой Сесилии за Тибром. В ноябре 1515 года его шляпу принес посланник папы римского: "Лучше было бы подарить ему тайбернский палантин", — сказали некоторые возмущенные англичане; "эти римские шляпы никогда не приносили добра в Англию" [255]- поговорка, вошедшая в поговорку.

Вулси этого было недостаточно: превыше всего он желал светского величия. Уорхэм, уставший бороться со столь высокомерным соперником, сложил печати, и король немедленно передал их кардиналу. Наконец булла назначила его *поздним* легатом святого престола и передала под его юрисдикцию все колледжи, монастыри, духовные суды, епископов и самого примаса (1519). С того времени, будучи лордом-канцлером Англии и легатом, Вулси руководил всем в церкви и государстве. Он наполнил свою казну деньгами, добытыми как дома, так и за границей, и безудержно поддавался своим доминирующим порокам, хвастовству и гордыне. Всякий раз, когда он появлялся на публике, два священника, самые высокие и симпатичные, какие только можно было найти, несли перед ним два огромных серебряных креста, один в знак его сана архиепископа, другой - папского легата. Камергеры, джентльмены, пажи, сержанты, капелланы, певчие, клерки, виночерпии, повара и другая прислуга, числом более 500 человек, среди которых было девять или десять лордов и самых величественных йоменов страны, заполнили его дворец. Обычно он носил платье из алого бархата и шелка, шляпу и перчатки того же цвета. Его туфли были расшиты золотом и серебром, инкрустированы жемчугом и драгоценными камнями. Таким образом, в Англии формировалось своего рода папство, ибо там, где процветает гордыня, развивается папство.

Одно занимало Вулси больше, чем вся помпезность, которой он был окружен: его желание, а именно, пленить короля. Для этой цели он отлил рождественский амулет Генри и раздобыл амулет, который постоянно носил, чтобы очаровать своего хозяина его магическими свойствами. [256] Затем, прибегнув к еще более действенной некромантии, он отобрал из числа распущенных спутников молодого монарха тех, кто обладал самой острой проницательностью и самым честолюбивым характером; и, связав их с ним торжественной клятвой, он поместил их при дворе, чтобы они были его глазами и ушами. Соответственно, в присутствии монарха не было сказано ни слова, особенно против Вулси, о чем ему не сообщили час спустя. Если преступник оказывался не в фаворе, его безжалостно изгоняли; в противном случае министр отправлял его с какой-нибудь отдаленной миссией. Фрейлины королевы, королевские капелланы и даже их духовники были шпионами кардинала. Он претендовал на вездесущность, как папа римский на непогрешимость.

Вулси не был лишен некоторых показных добродетелей, поскольку был либеральнее к бедным вплоть до жеманства, а как канцлер неумолим ко всякого рода нарушениям и особенно стремился заставить богатых и высокородных склониться под его власть. Одни только ученые люди привлекали к себе немного внимания, и поэтому Эразм называет его "Ахатом нового

Эния". Но нацию не должны были увлечь хвалебные речи нескольких ученых. Уолси — человек более чем предполагаемой морали, двоедушный, не выполняющий своих обещаний, угнетающий народ высокими налогами и чрезвычайно высокомерный по отношению ко всем - Уолси вскоре возненавидел народ Англии.

ПРЕТЕНЗИЯ ДУХОВЕНСТВА.

Возвышение князя римской церкви не могло быть благоприятным для Реформации. Священники, воодушевленные этим, решили противостоять тройному нападению ученых, реформаторов и государства; и вскоре у них появилась возможность испытать свои силы. Священный сан стал в средние века основанием для совершения любого рода преступлений. Парламент, желая исправить это злоупотребление и пресечь посягательства церкви, объявил в 1513 году, что любой священнослужитель, обвиняемый в воровстве или убийстве, должен предстать перед светскими трибуналами. Исключения, однако, были сделаны в пользу епископов, священников и дьяконов, то есть почти всего духовенства. Несмотря на эту робкую предосторожность, дерзкий клерк, аббат Уинчелкомба, начал битву, воскликнув в соборе Святого Павла: *"Не прикасайся к помазаннику моему, сказал Господь"*. В то же время Вулси, сопровождаемый длинной вереницей священников и прелатов, получил аудиенцию у короля, на которой он сказал, воздев руки к небу: "Сир, судить клерка - это нарушение Божьих законов". На этот раз, однако, Генрих не уступил. "По воле Божьей мы являемся королями Англии, - ответил он, - а у королей Англии в прошлые времена не было никого выше, кроме одного Бога. Поэтому знайте хорошо, что мы сохраним право на нашу корону". Он отчетливо видел, что ставить духовенство выше законов - значит ставить его выше трона. Священники были избиты, но не впали в уныние: упорство - характерная черта любого иерархического порядка. Не поступая по вере, они тем более руководствуются зрением; и искусные комбинации заменяют святые устремления христианина. Смирненным ученикам Евангелия вскоре предстояло испытать это на себе, поскольку духовенство после нескольких отдельных нападений было готово проявить себя в великой борьбе Реформации.

ГЛАВА XIII.

Волки—Ричард Хан—Убийство—Вердикт присяжных—Хан осужден, а его персонаж оправдан—Грейвсендский проезд-лодка—Нарушен фестиваль—Брауна пытали—Визит его жены—Мученица—Персонаж Эразма—1516 и 1517—Эразм отправляется в Базель.

ВОЛКИ —РИЧАРД ХУН.

Иногда бывает необходимо смягчить несколько преувеличенные краски, в которых современные авторы описывают римское духовенство; но есть определенные наименования, которые история обязана принять. *Волки*, ибо так называли священников, напав на лордов и палату общин, попытались совершить дело, находящееся вне их досягаемости. Они обратили свой гнев на других. Было много пастухов, пытавшихся собрать овец Господних у мирных вод: они, должно быть, были напуганы, и овцы были загнаны в ревущую пустыню. "Волки" решили напасть на Лоллардов.

В Лондоне жил честный торговец по имени Ричард Хан, один из тех свидетелей истины, которых, искренних, хотя и непросвещенных, часто можно было встретить в лоне католицизма. У него вошло в привычку удаляться в свой чулан и проводить часть каждого дня за изучением Библии. После смерти одного из его детей священник потребовал от него непомерную плату, которую Хун отказался платить и за которую он был вызван в суд легата. Воодушевленный тем общественным духом, который характеризует народ Англии, он был возмущен тем, что англичанин предстал перед иностранным судом, и подал иск против священника и его адвоката в соответствии с законом о *премуниверситете*. Такая смелость — самая экстраординарная по тем временам — возмутила духовенство до предела. "Если этим гордым гражданам будет позволено поступать по-своему, - восклицали монахи, - то каждый мирянин осмелится сопротивляться священнику".

УБИЙСТВО РИЧАРДА ХАНА.

Соответственно, были предприняты усилия, чтобы заманить мнимого мятежника в ловушку ереси; [257] его бросили в башню Лоллардов в соборе Святого Павла, и на его шею надели железный ошейник, к которому была прикреплена цепь, настолько тяжелая, что ни человек, ни зверь (говорит Фокс) не смогли бы долго ее носить. Когда он предстал перед судьями, они не смогли осудить его за ересь, и было с удивлением замечено, "что в тюрьме у него были с собой четки". [258] Они бы отпустили его на свободу, наложив на него, возможно, какую—нибудь пустяковую епитимью - но тогда, каким дурным примером это было бы, и кто мог остановить реформаторов, если было так легко противостоять папству? Не сумев восторжествовать с помощью правосудия, некоторые фанатики решили восторжествовать с помощью преступления.

В полночь 2 декабря — в день его экзамена — трое мужчин украдкой поднялись по лестнице башни Лоллардов: первым шел звонарь с факелом, за ним следовал сержант по имени Чарльз Джозеф, а последним шел канцлер епископа. Войдя в камеру, они подошли к кровати, на которой лежал Хун, и, обнаружив, что он спит, канцлер сказал: "Наложите руки на вора". Чарльз Джозеф и звонарь набросились на заключенного, который, вздрогнув, проснулся и сразу понял, что означал этот полуночный визит. Сначала он сопротивлялся убийцам, но вскоре был схвачен и задушен. Затем Чарльз Джозеф надел пояс покойного ему на шею, звонарь помог поднять его безжизненное тело, а канцлер просунул другой конец ремня через кольцо, вделанное в стену. Затем они надели ему на голову фуражку и поспешно вышли из камеры. [259] Сразу после этого убитый совестью Шарль Жозеф сел верхом и уехал из города; звонарь покинул собор и спрятался: преступление разогнало преступников. Один канцлер держался стойко, и он молился, когда ему принесли известие, что тюремщик нашел Хана повешенным. "Должно быть, он покончил с собой от отчаяния", - сказал лицемер. Но все знали о христианских чувствах бедного Гунна. "Это священники убили его", - таков был общий крик в Лондоне, и было приказано провести дознание по его телу.

ГУНН ОСУЖДЕН.

Во вторник, 5 декабря, городской коронер Уильям Барнуэлл, два шерифа и двадцать четыре присяжных проследовали в тауэр Лоллардов. Они отметили, что ремень был настолько коротким, что голову невозможно было вытащить из него, и, следовательно, она никогда не надевалась на него добровольно, и поэтому присяжные пришли к выводу, что отстранение было запоздалой мыслью некоторых других лиц. Более того, они обнаружили, что кольцо было

слишком высоко, чтобы бедная жертва могла дотянуться до него, — что на теле были следы насилия — и что в камере были видны следы крови: "Поэтому все, что мы находим благодаря Богу и всей нашей совести (гласит вердикт), что Ричард Хан был убит. Также мы оправдываем упомянутого Ричарда Хана в его собственной смерти". [260]

Это было слишком правдиво, и преступники сами в этом признались. Несчастный Шарль Жозеф, вернувшись домой вечером 6 декабря, сказал своей служанке: "Если ты поклянешься хранить мою тайну, я расскажу тебе все". — "Да, господин, - ответила она, - если это не уголовное преступление и не государственная измена". — Джозеф взял книгу, привел девушку к присяге на ней, а затем сказал ей: "Я убил Ричарда Хана!" — "О господин! как? его называли достойным человеком". — "Я бы поставил [скорее] на это сто фунтов, чем на то, чтобы это не было сделано", - ответил он; "но то, что сделано, не может быть отменено". Затем он выбежал из дома.

Духовенство предвидело, каким серьезным ударом станет для них это несчастное дело, и, чтобы оправдаться, они изучили Библию Хана (это была версия Уиклиффа), и, прочитав в предисловии, что "бедняки и идиоты [простые люди] знают истину Священного Писания более тысячи прелатов, религиозных деятелей и школьных клерков", и далее, что "папу следовало бы назвать антихристом", епископ Лондонский, которому помогали епископы Дарема и Линкольна, объявил Хана виновным в ереси, а 20 декабря того же года объявил его виновным в ереси. его мертвое тело было сожжено в Смитфилде. "Кости Гуна были сожжены, и, следовательно, он был еретиком, - сказали священники. - Он был еретиком, и поэтому он покончил с собой".

Триумф духовенства был недолгим, поскольку почти в то же время Уильям Хорси, канцлер епископа, Чарльз Джозеф и Джон Сполдинг, звонарь, были осуждены за убийство. Палата общин приняла законопроект, возвращающий собственность Хана его семье и оправдывающий его репутацию; лорды приняли законопроект, и сам король сказал священникам: "Верните этим несчастным детям собственность их отца, которого вы так жестоко убили, к нашему великому и справедливому ужасу". [261] — "Если клерикальная теократия захватит власть в государстве", - было общим замечанием в Лондоне, - "это было бы не только величайшей ложью, но и самой ужасной тиранией!" С тех пор Англия никогда не возвращалась назад, и теократическое правление всегда внушало здоровой части нации справедливую и непреодолимую антипатию. Таковы были события, происходившие в Англии незадолго до Реформации. Это было еще не все.

ГРЕЙВСЕНДСКАЯ ЛОДКА.

Духовенству не повезло в деле Хана, но не по этой причине они не желали начинать новое.

Весной 1517 года — в тот год, когда Лютер опубликовал свои *тезисы*, — священник, манеры которого выдавали человека, раздутого от гордости, случайно оказался на борту парохода, следовавшего из Лондона в Грейвсенд, с умным и набожным христианином из Эшфорда по имени Джон Браун. Пассажиры, плывя вниз по течению, развлекались, наблюдая, как берега уплывают от них, когда священник, повернувшись к Брауну, дерзко сказал ему: "Ты слишком близко ко мне, отойди подальше. Вы знаете, кто я?" — "Нет, сэр", — ответил Браун. — "Ну, тогда вы должны знать, что я священник". — "В самом деле, сэр, вы пастор, или викарий, или капеллан леди?" - "Нет, я *духовник*, - надменно ответил он. - Я пою мессу во спасение душ". "Как

вы думаете, сэр, — с некоторой иронией возразил Браун, — это хорошо сделано; и не могли бы вы сказать мне, где вы находите душу, когда начинаете мессу?" - "Я не могу, - сказал священник. - "И где вы оставляете ее, когда месса заканчивается?" — "Я не знаю". — "Что?" - продолжал Браун с явным изумлением. - "Вы не знаете, где вы находите душу или где вы ее оставляете... и все же ты говоришь, что спасаешь его!" — "Иди своей дорогой, - сердито сказал священник, - ты еретик, и я буду квитанцией с тобой". С тех пор священник и его сосед больше не разговаривали друг с другом. Наконец они добрались до Грейвсенда, и лодка встала на якорь.

Как только священник приземлился, он поспешил к двум своим друзьям, Уолтеру и Уильяму Мору, и все трое, сев на лошадей, отправились в Кентербери и донесли на Брауна архиепископу.

БРАУНА ПОДВЕРГЛИ ПЫТКАМ.

Тем временем Джон Браун добрался до дома. Три дня спустя его жена Элизабет, которая только что покинула свою комнату, отправилась в церковь, одетая во все белое, чтобы возблагодарить Бога за то, что он избавил ее от опасностей родов. Ее муж с помощью дочери Элис и служанки готовил для своих друзей обычное в таких случаях угощение, и все они уже заняли свои места за столом, на каждом лице сияла радость, когда входная дверь резко распахнулась, и Чилтон, констебль, жестокий и свирепый человек, в сопровождении нескольких слуг архиепископа, схватил достойного горожанина. Все в тревоге вскочили со своих мест; Элизабет и Алиса издали самые душераздирающие крики; но служители примаса, не выказывая никаких эмоций, вытащили Брауна из дома и посадили его верхом, привязав ноги под брюхом животного. [262] Шутить со священником - серьезное дело. Кавалькада быстро уехала, а Брауна бросили в тюрьму, где он провел сорок дней.

По истечении этого времени архиепископ Кентерберийский и епископ Рочестерский вызвали к себе наглеца, который сомневался в том, что месса священника может спасти души, и потребовали от него отказаться от этого "богохульства". Но Браун, если и не верил в мессу, то верил в Евангелие: "Однажды Христос был принесен в жертву, - сказал он, - чтобы взять на себя грехи многих. Именно этой жертвой мы спасены, а не повторениями священников". При этом ответе архиепископ подал знак палачам, один из которых снял обувь и чулки с этого благочестивого христианина, в то время как другой внес противень с горящими углями, на которые они поставили ноги мученика. [263] Английские законы на самом деле запрещали применение пыток к любому подданному короны, но духовенство считало себя выше законов. "Признайте действительность мессы", - зывали два епископа к бедняге Брауну. "Если я отрекусь от моего Господа на земле, - ответил он, - Он отречется от меня перед своим Отцом небесным". Плоть сгорела с подошв ног даже до костей, и все же Джон Браун оставался непоколебимым. Поэтому епископы приказали передать его светским властям, чтобы сжечь заживо.

В субботу, предшествующую празднику Пятидесятницы, в 1517 году мученика отвели обратно в Эшфорд, куда он прибыл как раз к концу дня. На улице собралось несколько празднующихся, и среди них была служанка Брауна, которая с плачем побежала в дом и сказала своей хозяйке: "Я его видела!... Он был связан, и они вели его в тюрьму". [264] Элизабет поспешила к своему мужу и нашла его сидящим, засунув ноги в колодки, черты его лица изменились от страдания, и он ожидал, что завтра его сожгут заживо. Бедная женщина села рядом с ним, горько плача, в то время как он, скованный своими цепями, не мог даже наклониться к ней. "Я не могу ступить ногами на землю, - сказал он, - ибо епископы сожгли их до

костей; но они не могли обжечь мой язык и помешать мне исповедовать Господа.... О Элизабет! ... продолжай любить его, потому что Он хороший, и воспитывай наших детей в его страхе".

МУЧЕНИЧЕСТВО.

На следующее утро — это была Троица — жестокий Чилтон и его помощники отвели Брауна к месту казни и привязали его к столбу. Элизабет и Элис вместе с другими его детьми и друзьями, желая услышать его последний вздох, окружили груды, издавая крики боли. Хворост был подожжен, в то время как Браун, спокойный и собранный, полный уверенности в крови Спасителя, сложил руки и повторил этот гимн, который сохранил Фокс:— [265]

Господи, я отдаю себя на твою милость,
Даруй мне милость за мой проступок;
Пусть дьявол никогда не преследует мою душу.
Господи, я склонюсь, а ты будешь биться,
Пусть никогда моя душа не попадет в адский жар.

Мученик молчал: пламя поглотило свою жертву. Затем воздух разорвали удвоенные крики боли. Его жене и дочери казалось, что они вот-вот лишатся чувств. Прохожие проявили к ним самое нежное сострадание и с негодованием повернулись к палачам. Жестокий Чилтон, заметив это, закричал: "Пойдемте; давайте бросим детей еретика в огонь, чтобы они однажды не восстали из пепла своего отца". [266] Он бросился к Алисе и уже собирался схватить ее, когда девушка с криком ужаса отпрянула назад. До конца своей жизни она вспоминала тот страшный момент, и ей мы обязаны подробностями. Ярость монстра была обуздана. Таковы были сцены, происходившие в Англии незадолго до Реформации.

Священники все еще не были удовлетворены, поскольку ученые все еще оставались в Англии: если их нельзя было сжечь, то, по крайней мере, изгнать. Они принялись за работу соответствующим образом. Стэндиш, епископ Сент-Асафа, человек, казалось бы, искренний, но фанатичный, был закоренел в своей ненависти к Эразму, который раздражал его пустым сарказмом. Когда говорили о *церкви Святого Асафа*, было очень распространено сокращение *до церкви Святого Асафа*; а поскольку Стэндиш был богословом не очень образованным, Эразм, в своей шутливой манере, иногда называл его *Episcopus a Sancto Asino*. Поскольку епископ не мог уничтожить Колета, ученика, он льстил себя надеждой, что восторжествует над учителем.

1516 и 1517 годы.

Эразм знал намерения Стэндиша. Должен ли он начать в Англии ту борьбу с папством, которую Лютер собирался начать в Германии? Придерживаться среднего курса было уже невозможно: он должен был либо сражаться, либо уйти. Голландец был верен своей природе — можно даже сказать, своему призванию: он покинул страну.

В свое время Эразм был главой великого литературного сообщества. Благодаря своим связям и переписке, которая распространилась по всей Европе, он наладил между теми странами, где возрождались ученость, обмен идеями и рукописями. Первооткрывателю античности, выдающемуся критику, остроумному сатирику, защитнику правильного вкуса и реставратору литературы недоставало только одной славы: у него не было творческого духа, героической

души лютера. Он рассчитывал с немалым мастерством, мог уловить улыбку на губах или нахмуренные брови; но у него не было того самоотречения, того энтузиазма по отношению к истине, той твердой уверенности в Боге, без которых ничего великого не может быть сделано в мире, и меньше всего в церкви. "У Эразма *было* много, но *было* мало", - сказал один из его биографов. [267]

В 1517 году наступил кризис: период возрождения закончился, начался период Реформации. За восстановлением письменности последовало возрождение религии: дни критики и нейтралитета сменились днями мужества и действий. Эразму тогда было всего сорок девять лет; но он завершил свою карьеру. Из первого он теперь должен стать вторым: виттембергский монах сверг его с престола. Напрасно он оглядывался вокруг: оказавшись в новой стране, он сбился с пути. Чтобы положить начало великому движению современности, нужен был герой: Эразм был простым литератором.

ЭРАЗМУС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В БАЗЕЛЬ.

После нападения Стэндиша в 1516 году литературный король решил покинуть английский двор и укрыться в типографии. Но прежде чем сложить свой скипетр к ногам саксонского монаха, он ознаменовал конец своего правления самой блестящей из своих публикаций. Эпохе 1516-17 годов, памятной тезисами Лютера, было суждено стать столь же замечательной благодаря работе, которая должна была запечатлеть в новое время их сущностный характер. Что отличает Реформацию от всех предыдущих пробуждений, так это союз учености с благочестием и более глубокой, просвещенной верой, основанной на слове Божьем. Тогда христианский народ был освобожден от опеки школ и пап, и его хартией предоставления гражданских прав стала Библия. Шестнадцатый век сделал больше, чем его предшественники: он направился прямо к источнику (Священному Писанию), очистил его от сорняков и ежевики, погрузился в его глубины и заставил его обильные потоки излиться на все вокруг. Эпоха Реформации изучала греческий Завет, который клерикальная эпоха почти забыла, — и в этом ее величайшая слава. Первым исследователем этого божественного источника был Эразм. Подвергшись нападкам со стороны иерархии, руководители школ покинули великолепные залы Генриха VIII. Ему казалось, что новая эра, о которой он возвестил миру, была грубо прервана: своей беседой он больше ничего не мог сделать для страны Тюдоров. Но он унес с собой эти драгоценные листы, плод своих трудов — книгу, которая могла бы сделать больше, чем он желал. Он поспешил в Базель и поселился в типографии Фробениуса, [268] где он не только трудился сам, но и заставлял трудиться других. Англия скоро получит семя новой жизни, и Реформация вот-вот начнется.

КНИГА XVIII

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА I.

Четыре реформаторские державы —Какая реформировала Англию?—Папская реформа?—Епископальная реформа?—Королевская реформа?—Что требуется для законной

реформы—Доля королевской власти—Доля епископальной власти—Высокая и низкая Церковь—Политические события—Новый Завет на греческом и латыни—Мысли Эразма—Энтузиазм и гнев—Желание Эразма—Крики священников—Их атака при дворе—Изумление Эразма—Его Труды над этой работой—Эдвард Ли; его персонаж—*Трагедия* Ли—Заговор.-

В шестнадцатом веке реформация церкви находилась в ведении четырех держав: папства, епископата, монархии и Священного Писания.

Реформация в Англии была, по сути, делом Священного Писания.

Единственная истинная реформация - это та, которая исходит из слова Божьего. Священное Писание, свидетельствуя о воплощении, смерти и воскресении Сына Божьего, создает в человеке Духом Святым веру, которая оправдывает его. Та вера, которая производит в нем новую жизнь, соединяет его со Христом, не требуя для этого цепи епископов или римского посредника, которые отделили бы его от Спасителя вместо того, чтобы приближать его. Эта Реформация *словом* восстанавливает то духовное христианство, которое разрушила внешняя иерархическая религия; и из возрождения индивидуумов естественным образом вытекает возрождение церкви.

РЕФОРМАЦИЯ, А НЕ КОРОЛЕВСКАЯ.

Реформация Англии, возможно, в большей степени, чем на континенте, была осуществлена словом Божьим. Это утверждение может показаться парадоксальным, но от этого оно не становится менее верным. Те великие личности, с которыми мы встречаемся в Германии, Швейцарии и Франции — такие люди, как Лютер, Цвингле и Кальвин, — не появляются в Англии; но Священное Писание широко распространено. То, что принесло свет на Британские острова впоследствии, в 1517 году, и в более широком масштабе после 1526 года, было словом — невидимой силой невидимого Бога. Религия англосаксонской расы — расы, более чем какой-либо другой призванной распространять оракулы Бога по всему миру, — особенно отличается своим библейским характером.

Реформация Англии не могла быть папской. Никакой реформы нельзя ожидать от того, что должно быть не только реформировано, но и отменено; и, кроме того, ни один монарх не свергает себя с престола. Мы можем даже утверждать, что папство всегда испытывало особую привязанность к своим завоеваниям в Британии и что они были бы последними, от которых оно отказалось бы. В середине пятнадцатого века серьезный голос провозгласил: "Реформа не зависит ни от воли, ни от власти пап". [\[269\]](#)

Реформация в Англии не была епископальной. Римские епископы никогда не отменяют римскую иерархию. Епископальное собрание, возможно, как в Констанце, сместит трех соперничающих пап, но тогда это будет сделано для спасения папства. И если епископы не могли упразднить папство, то еще меньше они могли реформировать самих себя. Существовавшая тогда епископальная власть, будучи во вражде со словом Божьим и рабой собственных злоупотреблений, была неспособна обновить церковь. Напротив, она приложила все свое влияние, чтобы предотвратить такую реконструкцию.

Реформация в Англии не была королевской. Самуил, Давид и Иосия смогли что-то сделать для возвышения церкви, когда Бог снова обратил к ней свое лицо; но царь не может отнять у своего

народа его религию, и еще меньше он может дать им ее. Часто повторялось, что "английская реформация берет свое начало от монарха", но это утверждение неверно. Дело Божье, здесь, как и везде, нельзя сравнивать с делом царя; и если последнее было бесконечно превзойдено по важности, то ему также предшествовали многие годы. Монарх все еще оказывал энергичное сопротивление за своими укреплениями, когда Бог уже predetermined победу по всей линии боевых действий.

ДВЕ ВЕЧЕРИНКИ В ЦЕРКВИ.

Скажут ли нам, что реформа, проведенная по какому-либо иному принципу, нежели установленные власти, как в *церкви*, так и в *государстве*, была бы революцией? Но разве Бог, законный властелин церкви, запретил всякую революцию в грешном мире? *Революция* - это не бунт. Падение первого человека было великой революцией: восстановление человека Иисусом Христом было контрреволюцией. Разложение, вызванное папством, было связано с грехопадением: реформация, совершенная в шестнадцатом веке, была, следовательно, связана с реставрацией. Несомненно, будут и другие вмешательства Божества, которые будут революциями в том же направлении, что и Реформация. Когда Бог сотворит новое небо и новую землю, разве это не будет одной из самых славных революций? Реформация посредством слова только дает истину, только дает единство; но более того, только она несет на себе признаки истинной *легитимности*; ибо церковь принадлежит не людям, даже если они священники. Только Бог является его законным властелином.

И все же человеческие элементы, которые мы перечислили, не были полностью чужды работе, которая велась в Англии. Помимо слова Божьего, действовали и другие принципы, и, хотя они были менее радикальными и менее примитивными, они все еще вызывают симпатию выдающихся людей той нации.

И, во-первых, вмешательство королевской власти было необходимо до определенного момента. Поскольку верховенство Рима было установлено в Англии несколькими обычаями, имевшими силу закона, вмешательство светской власти было необходимо, чтобы разорвать узы, которые она ранее санкционировала. Но для монархии было необходимо, принимая негативные и политические меры, оставить позитивные, доктринальные и созидательные действия слову Божьему.

Помимо Реформации *во имя Священного Писания*, тогда в Англии была еще одна, *во имя короля*. Началось слово Божье, за ним последовала королевская власть; и с тех пор эти две силы иногда выступали вместе против авторитета римских понтификов — иногда в противовес друг другу, подобно тем войскам, которые идут бок о бок в одной армии против одного и того же врага и которые иногда даже на поле битвы обращают свои мечи друг против друга.

Наконец, епископат, который начал с противодействия Реформации, был вынужден принять ее, несмотря на свои убеждения. Большинство епископов были против этого; но было обнаружено, что лучшая часть склоняется: одни на сторону внешней реформы, самой сутью которой было отделение от папства, а другие на сторону внутренней реформы, главной движущей силой которой был союз с Иисусом Христом. Наконец, епископат занял свои позиции сам по себе, и вскоре в Англии существовали только две великие партии: партия священного Писания и клерикальная партия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ.

Эти две партии сохранились даже до наших дней, и их цвета все еще различимы в реке церкви, подобно мутному Арве и прозрачной Роне после их слияния. Королевское превосходство, от которого многие христиане, предпочитая пути независимости, отказались с конца 16 века, признается обеими сторонами истеблишмента, за некоторыми исключениями. Но в то время как Высшая Церковь по своей сути иерархична, Низкая Церковь по своей сути библейская. В первом случае Церковь вверху, а слово внизу; в другом случае Церковь внизу, а Слово вверху. Эти два принципа, евангелизм и иерархизм, встречаются в христианстве первых веков, но с существенной разницей. Иерархизм тогда почти полностью вытеснил евангелизм; в эпоху протестантизма, напротив, евангелизм продолжал существовать бок о бок с иерархизмом, и он оставался *де-юре*, если не всегда *де-факто*, единственным законным мнением церкви.

Таким образом, в Англии наблюдается усложнение влияний и противоречий, которые затрудняют описание Произведения; но именно по этой причине оно более достойно внимания философа и христианина.

В Европе только что произошли великие события. Франциск I пересек Альпы, одержал знаменательную победу при Мариньяно и завоевал север Италии. Испуганный Максимилиан не знал никого, кто мог бы спасти его, кроме Генриха VIII. "Я усыновлю тебя; ты будешь моим преемником в империи", - намекнул он ему в мае 1516 года. - Твоя армия вторгнется во Францию, а затем мы вместе отправимся в Рим, где верховный понтифик коронуется королем римлян. Король Франции, желая отвлечь внимание, заключил союз с Данией и Шотландией и начал приготовления к вторжению в Англию, чтобы посадить на трон "белую розу" — поляка-самозванца, наследника притязаний дома Йорков. [270] Теперь Генрих проявил благоразумие; он отклонил предложение Максимилиана и обратил все свое внимание на безопасность своего королевства. Но в то время как он отказался носить оружие во Франции и Италии, в Англии разразилась война совсем другого рода.

ПРИХОД НОВОГО ЗАВЕТА.

Великая работа 16 века вот-вот должна была начаться. Том, только что вышедший из-под печати в Базеле, только что пересек Ла-Манш. Будучи передана в Лондон, Оксфорд и Кембридж, эта книга, плод бдений Эразма, вскоре нашла свой путь везде, где были друзья учености. Это был *Новый Завет* Господа нашего Иисуса Христа, впервые опубликованный на греческом языке с новым латинским переводом — событие более важное для мира, чем высадка самозванца в Англии или появление главы Тюдоров в Италии. Эта книга, в которой Бог вложил для спасения человека семена жизни, собиралась совершить в одиночку, без покровителей и без переводчиков, самую удивительную революцию в Британии.

Когда Эразмус опубликовал эту работу, так сказать, на заре нового времени, он не видел всего ее размаха. Если бы он предвидел это, то, возможно, испуганно отшатнулся бы. Он действительно видел, что предстоит проделать великую работу, но верил, что все хорошие люди объединятся, чтобы выполнить ее с общего согласия. "В опустошенном христианском мире должен быть воздвигнут духовный храм", - сказал он. "Сильные мира сего внесут в это свой мрамор, слоновую кость и золото; я, бедный и смиренный, предлагаю краеугольный камень", - и он представил миру свое издание греческого Завета. Затем, презрительно взглянув на человеческие традиции, он сказал: "Не из человеческих водоемов, наполненных зловонной

застойной водой, мы должны черпать учение о спасении; но из чистых и обильных потоков, которые вытекают из сердца Бога". И когда некоторые из его подозрительных друзей заговорили с ним о трудностях времени, он ответил: "Если корабль церкви хочет спастись от того, чтобы его поглотила буря, есть только один якорь, который может спасти его: это небесное слово, которое, исходя из недр Отца, все еще живет, говорит и действует в Евангелии". [271] Эти благородные чувства послужили введением к тем благословенным страницам, которым предстояло реформировать Англию. Эразм, как и Каиафа, пророчествовал, сам того не осознавая.

ТРЕБОВАНИЕ ERASMUS.

Едва появился Новый Завет на греческом и латыни, как все здравомыслящие люди восприняли его с небывалым энтузиазмом. Никогда еще ни одна книга не производила такой сенсации. Она была у всех в руках: мужчины из всех сил старались заполучить ее, жадно читали и даже целовали. [272] Содержащиеся в нем слова просветили каждое сердце. Но вскоре последовала реакция. Традиционный католицизм издал крик из глубин своих зловонных омутов (используя фигуру Эразма). Францисканцы и доминиканцы, священники и епископы, не осмеливаясь нападать на образованных и знатного происхождения, ходили среди невежественного населения и старались своими рассказами и криками возбудить впечатлительных женщин и легковверных мужчин. "Вот ужасные ереси, - восклицали они, - вот ужасные антихристы! Если эту книгу будут терпеть, это приведет к гибели папства!" — "Мы должны выгнать этого человека из университета", - сказал один из них. "Мы должны изгнать его из церкви", - добавил другой. "В общественных местах раздавался их вой", - сказал Эразмус. [273] Головные, брошенные их разъяренными руками, вызвали пожары во всех кварталах; и пламя, вспыхнувшее в нескольких малоизвестных монастырях, угрожало распространиться по всей стране.

Это раздражение было неспроста. Книга, действительно, не содержала ничего, кроме латыни и греческого; но этот первый шаг, казалось, предвещал другой - перевод Библии на вульгарный язык. Эразмус громко призывал к этому. [274] "Возможно, необходимо скрывать тайны королей, - заметил он, - но мы должны опубликовать тайны Христа. Священное Писание, переведенное на все языки, должно быть прочитано не только шотландцами и ирландцами, но даже турками и сарацинами. Земледелец должен петь их, держась за рукоятку своего плуга, ткач повторять их, управляя своим челноком, а усталый путник, остановившись в пути, освежить себя под каким-нибудь тенистым деревом этими благочестивыми повествованиями". Эти слова предвосхищали золотой век после железного века папства. Ряду христианских семей в Британии и на континенте вскоре предстояло осознать эти евангельские предчувствия, и Англия спустя три столетия должна была попытаться осуществить их на благо всех народов на лице земли.

Священники увидели опасность и с помощью искусного маневра, вместо того чтобы придраться к греческому Завету, атаковали перевод и переводчицу. "Он исправил Вульгату, - говорили они, - и ставит себя на место святого Иеронима. Он откладывает в сторону работу, санкционированную согласием веков и вдохновенную Святым Духом. Какая дерзость!" А затем, переворачивая страницы, они указывали на наиболее одиозные места: "Посмотрите сюда! эта книга призывает людей *покаяться*, вместо того, чтобы требовать от них, как это делает Вульгата, *покаяния*!" (Мф. iv. 17.) Священники обрушились на него со своих кафедр: [275] "Этот человек совершил непростительный грех, — утверждали они, - ибо он утверждает, что между Святым Духом и монахами нет ничего общего - что они скорее бревна, чем люди!" Эти

простые замечания были встречены общим смехом; но священники, нисколько не смутившись, закричали еще громче: "Он еретик, ересиарх, фальсификатор! он гусь [276] ... что я должен сказать? он настоящий антихрист!"

НАПАДЕНИЕ НА СВЯЩЕННИКА ПРИ ДВОРЕ.

Папским янычарам было недостаточно вести войну на равнине, они должны были перенести ее на возвышенности. Разве король не был другом Эразма? Если он объявит себя покровителем греческого и латинского Завета, какое ужасное бедствие!... После того, как они взволновали монастыри, города и университеты, они решили смело протестовать против этого, даже в присутствии Генриха. Они думали: "Если он победит, то выиграно все". Однажды случилось так, что некий богослов (имя которого не называется), которому, в свою очередь, пришлось проповедовать перед королем, яростно выступил против *греческого* языка и его новых толкователей. Пейс, королевский секретарь, присутствовал и, взглянув на Генриха, заметил, что тот добродушно улыбается. [277] Выйдя из церкви, все начали кричать против проповедника. "Приведите ко мне священника", - сказал король; а затем, повернувшись к Мору, добавил: "Вы будете защищать греческое дело от него, а я послушаю диспут". Вскоре был сформирован литературный трибунал, но приказ государя отнял у священника все мужество. Дрожа, он вышел вперед, упал на колени и, сложив руки, воскликнул: "Я не знаю, какой дух побудил меня". "Дух безумия, - сказал король, - а не дух Иисуса Христа". [278] Затем он добавил: "Вы когда-нибудь читали Erasmus?" "Нет, сир". "Тогда проваливай, ты болван". "И все же, - сказал проповедник в замешательстве, - я помню, что читал что-то о *Морию*" (трактат Эразма о *безумии*). - Предмет, ваше величество, который должен быть ему хорошо знаком, - злобно перебил Пейс. *Мракобес* ничего не смог сказать в свое оправдание. "Я не совсем против греческого, - добавил он наконец, - поскольку оно происходит от древнееврейского". [279] Это было встречено общим смехом, и король нетерпеливо приказал монаху покинуть комнату и никогда больше не появляться перед ним.

ТРУДЫ ЭРАЗМА.

Эразм был поражен этими обсуждениями. Он представлял себе сезон как наиболее благоприятный. "Все выглядит мирно, - сказал он себе. - Настало время представить мое греческое Завещание ученому миру". [280] С таким же успехом солнце могло бы взойти над землей, и никто этого не увидел! В тот самый час Бог воздвиг монаха в Виттемберге, который поднесет трубу к своим губам и провозгласит новый день. "Какой же я несчастный! - воскликнул робкий ученый, ударяя себя в грудь. - кто мог предвидеть эту ужасную бурю!" [281]

На заре Реформации не было ничего более важного, чем публикация Завета Иисуса Христа на языке оригинала. Никогда еще Erasmus не работал так тщательно. "Если бы я сказал, какого пота мне это стоило, никто бы мне не поверил". [282] Он собрал множество греческих рукописей Нового Завета, [283] и был окружен всеми комментариями и переводами, трудами Оригена, Киприана, Амвросия, Василия, Златоуста, Кирилла, Иеронима и Августина. *Какая сумма в кампо мео!* - воскликнул он, сидя среди своих книг. Он исследовал тексты в соответствии с принципами священной критики. Когда требовалось знание иврита, он консультировался с Капитоном и, в частности, с Николампадием. *Ничто без Тесея*, - сказал он о последнем, используя греческую поговорку. Он исправил амфибии, неясности, гебраизмы и варваризмы Вульгаты и распорядился напечатать список ошибок в этой версии.

"Мы должны восстановить чистый текст слова Божьего", - сказал он; и когда он услышал проклятия священников, он воскликнул: "Призываю Бога в свидетели, я думал, что выполняю работу, угодную Господу и необходимую для дела Христа". [284] И в этом он не обманулся.

ЭДВАРД ЛИ.

Во главе его противников стоял Эдвард Ли, последовательно раздававший королевскую милостыню, архидьякон Колчестерский и архиепископ Йоркский. Ли, в то время малоизвестный, был человеком талантливым и деятельным, но также тщеславным и болтливым, преисполненным решимости добиться своего любой ценой. Даже будучи школьником, он свысока смотрел на всех своих товарищей. [285] Будучи ребенком, юношей, мужчиной и в зрелые годы, он всегда был таким же, сообщает нам Эразм; [286] то есть тщеславным, завистливым, ревнивым, хвастливым, страстным и мстительным. Однако мы должны иметь в виду, что, когда Эразм описывает характер своих оппонентов, он далек от того, чтобы быть беспристрастным судьей. В недрах Римского католицизма всегда существовали благонамеренные, хотя и плохо информированные люди, которые, не зная внутренней силы слова Божьего, думали, что если бы его авторитет был заменен авторитетом римской церкви, то были бы поколеблены единственные основы истины и христианского общества. И все же, хотя мы судим Ли менее строго, чем это делает Erasmus, мы не можем закрывать глаза на его недостатки. Его память была богата, но его сердце было чуждо божественной истине: он был схоластом, а не верующим. Он хотел, чтобы люди повиновались церкви и не беспокоились о Священных Писаниях. Он был доктором Эком из Англии, но обладал большей внешностью и моралью, чем противник Лютера. И все же он ни в коем случае не был жестким моралистом. Однажды, проповедуя во дворце, он включил в свою проповедь баллады, одна из которых начиналась так: —

"Проведите время в хорошей компании".

И другой:—

"Я люблю нелюбимого".

Мы в долгу перед госсекретарем Пейсом за эту характерную черту. [287]

Во время пребывания Эразмуса в Англии Ли, заметив его влияние, искал его дружбы, и Эразмус со своей обычной вежливостью обратился к нему за советом относительно своей работы. Но Ли, ревнуя к своей великой репутации, только ждал возможности нанести ей вред, за что и ухватился, как только она представилась. Вскоре после публикации Нового Завета Ли резко повернулся и из друга Эразма превратился в его непримиримого противника. [288] "Если мы не остановим эту утечку, - сказал он, услышав о Новом Завете, - это потопит корабль". Ничто так не пугает защитников человеческих традиций, как слово Божье.

МАНИФЕСТ ЛИ.

Ли немедленно объединился со всеми теми в Англии, кто питал отвращение к изучению Священного Писания, говорит Эразм. Хотя он был чрезвычайно тщеславен, он показал себя самым дружелюбным из людей, чтобы осуществить свои замыслы. Он приглашал англичан в

свой дом, приветствовал незнакомых людей и приобрел много новобранцев благодаря изысканным обедам. [289] Сидя за столом среди своих гостей, он намекнул на вероломные обвинения против Erasmus, и его компания оставила его "нагруженным ложью". [290]— "В этом Новом Завете, - сказал он, - есть триста опасных, ужасающих отрывков ... триста, я говорил? ... их больше тысячи!" Не довольствуясь использованием своего языка, Ли написал десятки писем и нанял нескольких секретарей. Если существовал какой-нибудь монастырь, благоухающий святостью, он "немедленно отправлял туда вино, отборные яства и другие подарки". Каждому он назначил свою роль, и по всей Англии репетировали то, что Эразмус называет *трагедией Ли*. [291] Таким образом они готовили катастрофу: тюрьму для Эразма, костер для Священного Писания.

Когда все было улажено, Ли опубликовал свой манифест. Хотя он и плохой греческий ученый, [292] он составил несколько *аннотаций* к книге Эразма, которую последний назвал "простым оскорблением и богохульством", но которую члены лиги считали *оракулами*. Они тайно передавали их из рук в руки, и эти малоизвестные листки многими косвенными путями попали во все концы Англии и встретились с многочисленными читателями. [293] Публикации не должно было быть — таков был лозунг; Ли был слишком напуган. "Почему вы не опубликовали свою работу?" - спросил Эразмус с едкой иронией. "Кто знает, не послал ли бы святой отец, назначая тебя литератором Аристархом, тебе березу, чтобы поддерживать порядок во всем мире!" [294]

В *аннотации* победив в женских монастырях, в *заговоре* приняли новый рейс. В каждом общественном месте, на ярмарках и базарах, за обеденным столом и в зале совета, в лавках, тавернах и домах с дурной славой, в церквях и университетах, в коттеджах и дворцах лига выступала против Эразма и Греческого Завета. [295] Кармелиты, доминиканцы и софисты призывали рай и вызывали ад. Какая была нужда в Священном Писании? Если бы у них не было апостольской преемственности духовенства? В их глазах никакое враждебное вторжение в Англию не могло быть более фатальным, чем высадка Нового Завета. Вся нация должна подняться, чтобы отразить это дерзкое вторжение. Пожалуй, нет ни одной страны в Европе, где Реформация была бы встречена столь неожиданной бурей.

ГЛАВА II.

Влияние Нового Завета на университеты—Беседы—Стипендиат Кембриджа—Билни покупает Новый Завет—Первый отрывок—Его обращение—Протестантизм, плод Евангелия—Долина Северн—Уильям Тиндейл—Евангелизация в Оксфорде—Билни преподает в Кембридже—Фрит—Возможно ли обращение?—Истинное Посвящение — Реформация началась.

НОВЫЙ ЗАВЕТ В УНИВЕРСИТЕТАХ.

В то время как этот грубый порыв проносился над Англией и ревел в длинных галереях ее монастырей, тихий голос Слова Божьего проникал в мирные дома молящихся и древние залы Оксфорда и Кембриджа. В частных кабинетах, в аудиториях и столовых можно было увидеть студентов и даже магистров искусств, читающих греческий и латинский Завет. Оживленные

группы обсуждали принципы Реформации. Когда Христос пришел на землю (говорили некоторые) Он дал слово, и когда Он вознесся на небеса, Он дал Святого Духа. Это две силы, которые создали церковь, и это силы, которые должны возродить ее. — Нет (ответили сторонники Рима), сначала это было учение апостолов, а теперь это учение священников. Апостолы (присоединились к друзьям "Завета Эразма") — да, это правда — апостолы во время своего служения были живым Священным Писанием; но их устное учение безошибочно было бы изменено при передаче из уст в уста. Поэтому Бог пожелал, чтобы эти драгоценные уроки были сохранены для нас в их писаниях и таким образом стали вечно незапятнанным источником истины и спасения. Ставить Священное Писание на первое место, как это делают ваши мнимые реформаторы (ответили схоласты Оксфорда и Кембриджа), - значит распространять ересь! А что делают реформаторы (спрашивали их апологеты), кроме того, что Христос делал до них? Изречения пророков существовали во времена Иисуса только как *Священное Писание*, и именно к этому написанному Слову апеллировал наш Господь, когда основывал свое царство. [296] И теперь подобным же образом учение апостолов существует только как Священное Писание, и именно к этому написанному слову мы обращаемся, чтобы восстановить царство нашего Господа в его первоначальном состоянии. Ночь далеко позади, день близок; все в движении — в величественных залах наших колледжей, в особняках богатых и знати, и в скромных жилищах бедняков. Если мы хотим рассеять тьму, должны ли мы зажечь сморщенный фитиль какой-нибудь старой лампы? Не лучше ли нам открыть двери и ставни и беспрепятственно впустить в дом великий свет, который Бог поместил на небесах?

ТОМАС БИЛНИ.

В Тринити-холле, Кембридж, жил молодой врач, очень увлеченный изучением канонического права, с серьезным складом ума и застенчивым нравом, чья нежная совесть стремилась, хотя и безуспешно, исполнять заповеди Божьи. Беспокоясь о своем спасении, Томас Билни обратился к священникам, которых считал врачевателями души. Преклонив колени перед своим духовником, со смиренным видом и бледным лицом, он рассказал ему обо всех своих грехах, и даже о тех, в которых сомневался. [297] Священник предписывал в одно время пост, в другое - длительные бдения, а затем мессы и индульгенции, которые дорого ему обходились. [298] Бедный доктор проходил все эти практики с великой преданностью, но не находил в них утешения. Будучи слабым и стройным, его тело постепенно истощалось; [299] его понимание слабело, воображение угасало, а кошелек пустел. "Увы! - сказал он с тоской. - мое последнее состояние хуже первого". Время от времени ему приходила в голову мысль: "Может быть, священники преследуют свои собственные интересы, а не спасение моей души". [300] Но сразу же отбросив опрометчивые сомнения, он снова попал под железную руку духовенства.

НАЧАЛО РЕФОРМАЦИИ.

Однажды Билни услышал, как его друзья обсуждают новую книгу: это был греческий Завет, напечатанный с переводом, который высоко оценили за элегантную латиницу. [301] Привлеченный красотой стиля, а не божественностью предмета, [302] он протянул руку; но как только он собрался взять книгу, им овладел страх и он поспешно отдернул ее. Фактически исповедники строго запрещали греческие и еврейские книги, "источники всех ересей", и особенно было запрещено Завещание Эразма. И все же Билни сожалел о столь великой жертве; разве это не было Завещанием Иисуса Христа? Не мог ли Бог вложить в него какое-нибудь слово, которое, возможно, могло бы исцелить его душу? Он шагнул вперед, а затем

снова отпрянул.... Наконец он набрался смелости. Побуждаемый, сказал он, рукой Божьей, он вышел из колледжа, проскользнул в дом, где тайно продавался этот том, купил его со страхом и трепетом, а затем поспешил обратно и заперся в своей комнате. [303]

Он открыл его — его глаза уловили эти слова: *Это верное изречение, достойное всякого принятия, что Христос Иисус пришел в мир, чтобы спасти грешников, из которых Я главный.* [304] Он отложил книгу и задумался над удивительным заявлением. "Что? Святой Павел - главный из грешников, и все же святой Павел уверен в спасении!" Он перечитывал этот стих снова и снова. "О утверждение святого Павла, как мил ты моей душе!" - воскликнул он. [305] Это заявление постоянно преследовало его, и таким образом Бог открыл ему тайну его сердца. [306] Он не мог сказать, что с ним случилось; [307] казалось, что освежающий ветер подул над его душой или как будто в его руки было вложено богатое сокровище. Святой Дух взял то, что принадлежало Христу, и возвестил ему об этом. "Я тоже подобен Павлу, - воскликнул он с чувством, - и больше, чем Павел, величайший из грешников!... Но Христос спасает грешников. Наконец-то я услышал об Иисусе". [308]

Его сомнениям пришел конец - он был спасен. Затем в нем произошло чудесное преображение. Неведомая радость охватила его; [309] его совесть, до тех пор израненная ранами греха, была исцелена; [310] вместо отчаяния он почувствовал внутренний покой, превосходящий всякое понимание. [311] "Иисус Христос, - воскликнул он, - Да, Иисус Христос спасает!"... Таков характер Реформации: спасает Иисус Христос, а не церковь. "Я вижу все это, - сказал Билни. - мои бдения, мои посты, мои паломничества, покупка месс и индульгенций разрушали меня, вместо того чтобы спасти. [312] Все эти усилия были, как и St. Августин говорит: "поспешное бегство с правильного пути". [313]

Билни никогда не уставал читать свой Новый Завет. Он больше не прислушивался к учению схоластов; он слышал Иисуса в Капернауме, Петра в храме, Павла на Марсовом холме и чувствовал внутри себя, что Христос обладает словами вечной жизни. Свидетельство об Иисусе Христе только что было рождено той же силой, которая преобразила Павла, Аполлоса и Тимофея. В Англии начиналась Реформация. Билни был соединен с Сыном Божиим не отдаленной преемственностью, а непосредственным поколением. Оставив ученикам папы запутанную цепь их воображаемой преемственности, звенья которой невозможно разорвать, он тесно примкнул ко Христу. Слово первого века породило шестнадцатое. Протестантизм происходит от Евангелия не в пятидесятом поколении, как римская церковь Тридентского собора, и не в шестидесятом, как некоторые современные врачи: это прямой законный сын — сын учителя.

ДОЛИНА СЕВЕРНА.

Божье действие не ограничивалось одним местом. Первые лучи солнца с небес сразу позолотили своими огнями готические колледжи Оксфорда и античные школы Кембриджа.

Вдоль берегов Северна простирается живописная местность, ограниченная лесом Дин и усеянная деревьями, шпильями и старинными замками. В шестнадцатом веке им особенно восхищались священники и монахи, и знакомой клятвой среди них была: "Так же верно, как то, что Бог в Глостере!" На него набросились папские хищные птицы. В течение пятидесяти лет, с 1484 по 1534 год, четыре итальянских епископа, поочередно управлявших епархией, передали

ее папе, монахам и безнравственности. Воры, в частности, были объектами самого нежного расположения иерархии. Джон де Джилии, сборщик налогов апостольской палаты, получил от суверенного понтифика полномочия прощать убийства и кражи при условии, что преступник поделится своей прибылью с папскими уполномоченными. [314]

ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ В ОКСФОРДЕ.

В этой долине, у подножия холма Стинчкомб, к юго-западу от Глостера, во второй половине пятнадцатого века жила семья, которая нашла там убежище во время войны Алой и Белой розы и приняла фамилию Хатчинс. В правление Генриха VII, когда ланкастерская партия одержала верх, они вернули себе фамилию Тиндейл, которую в былые времена носили многие знатные бароны. [315] В 1484 году, примерно через год после рождения Лютера, и примерно в то время, когда Цвингле впервые увидел свет в горах Токенбурга, эти сторонники *красной розы* были благословлены сыном, которого они называли Уильямом. Его юность прошла на полях, окружающих его родную деревню Норт-Нибли, в тени замка Беркли или у быстрых вод Северна, в окружении монахов и папских коллекционеров. Его очень рано отправили в Оксфорд, [316] где он изучал грамматику и философию в школе Святой Марии Магдалины, примыкающей к одноименному колледжу. Он добился быстрого прогресса, особенно в области языков, под руководством первых ученых—классиков Англии — Гроцина, У. Латимера и Линакра - и получил ученую степень. [317] Более превосходный учитель, чем эти доктора, — Святой Дух, говорящий в Писании, — вскоре должен был научить его науке, передать которую не во власти человека.

Оксфорд, где у Эразма было так много друзей, был городом, в котором его Новый Завет встретил самый теплый прием. Молодой студент из Глостершира, внутренне склонный к изучению священной литературы, прочел знаменитую книгу, которая в то время привлекала внимание христианского мира. Сначала он рассматривал ее только как учебное пособие или, самое большее, как руководство по благочестию, красоты которого были рассчитаны на то, чтобы возбуждать религиозные чувства; но вскоре он обнаружил, что это нечто большее. Чем больше он читал ее, тем больше поражался истине и энергии слова. Странная книга говорила ему о Боге, Христе и возрождении с простотой и авторитетом, которые полностью покорили его. Уильям нашел учителя, которого не искал в Оксфорде, — это был сам Бог. Страницы, которые он держал в руке, были божественным откровением, так долго затерянным. Обладая благородной душой, смелым духом и неутомимой активностью, он не держал это сокровище при себе. Он издал этот крик, более подходящий христианину, чем Архимеду: *εὑρηκα, я нашел это*. Вскоре несколько молодых сотрудников университета, привлеченных чистотой его жизни и очарованием его беседы, [318] собрались вокруг него и читали греческое и латинское Евангелия от Эразма. [319] "Некий хорошо информированный молодой человек, - писал Эразм в письме, в котором он говорит об публикации своего Нового Завета, - начал с успехом читать лекции по греческой литературе в Оксфорде". [320] Вероятно, он говорил о Тиндейле.

БИЛНИ ПРЕПОДАЕТ В КЕМБРИДЖЕ.

Монахи подняли тревогу. "*Варвар*, — продолжает Эразмус, - взошел на кафедру и яростно оскорблял греческий язык". - "Эти люди, - сказал Тиндейл, - хотели погасить свет, разоблачивший их обман, и они вынашивали свои планы последние двенадцать лет". [321] Это наблюдение было сделано в 1531 году и, следовательно, относится к разбирательству 1517 года. Германия и Англия начали борьбу почти в одно и то же время, а Оксфорд, возможно, раньше Виттемберга. Тиндейл, памятуя о предписании: "Когда вас преследуют в одном городе,

бегите в другой", покинул Оксфорд и направился в Кембридж. Необходимо, чтобы души, которых Бог привел к своему познанию, встретились и просветили друг друга: горящие угли, когда их разделяют, гаснут; когда их собирают вместе, они разгораются так, что очищают даже серебро и золото. Римская иерархия, не ведая, что творит, собирала разрозненные клейма Реформации.

Билни не сидел сложа руки в Кембридже. Вскоре "возвышенный урок Иисуса Христа" наполнил его радостью, прежде чем он упал на колени и воскликнул: "О Ты, кто есть истина, дай мне силу, чтобы я мог учить этому; и обращать нечестивых с помощью того, кто сам был нечестивым".

[322] После этой молитвы его глаза загорелись новым огнем; он собрал своих друзей и, открыв Завещание Эразма, указал пальцем на слова, которые достигли его души, и эти слова тронули многих. Приезд Тиндейла придал ему смелости, и свет в Кембридже загорелся ярче.

Джон Фрит, восемнадцатилетний юноша, сын владельца гостиницы в Севеноуксе в Кенте, выделялся среди студентов Королевского колледжа быстротой понимания и честностью своей жизни. Он был так же глубоко разбирался в математике, как Тиндейл в классике и Билни в каноническом праве. Несмотря на точный склад ума, все же душа его была возвышенна, и он распознал в Священном Писании учение нового рода. "Эти вещи не демонстрируются подобно утверждению Евклида, - сказал он. - простого изучения достаточно, чтобы запечатлеть математические теории в наших умах; но эта наука о Боге встречает сопротивление в человеке, что требует вмешательства божественной силы. Христианство - это возрождение". Небесное семя вскоре возшло в сердце Фрита. [323]

Эти трое молодых ученых с энтузиазмом взялись за работу. Они заявляли, что ни отпущение грехов священником, ни какой-либо другой религиозный обряд не могут дать отпущения грехов; что уверенность в прощении достигается только верой; и что вера очищает сердце. Затем они обратились ко всем людям с изречением Христа, которым так оскорбились монахи: *Покайтесь и обратитесь!*

ХРИСТОС ГРЯДЕТ.

Столь новые идеи вызвали большой резонанс. Однажды в кембридже известный оратор попытался показать, что проповедовать обращение грешнику бесполезно. "Ты, который шестьдесят лет назад, - сказал он, - барахтался в своих похотях, как свинья в своем болоте, [324] думаешь ли ты, что можешь за один год сделать столько шагов к небесам, и это в твоём возрасте, сколько ты сделал к аду?" Билни вышел из церкви в негодовании. "Это что, проповедь покаяния во имя Иисуса?" он спросил. "Разве этот священник не говорит нам: Христос не спасет тебя. [325] Увы! за столько лет, что эта смертоносная доктрина проповедовалась в христианском мире, ни один человек не осмелился выступить против нее!" Многие из кембриджских стипендиатов были шокированы формулировками Билни: разве проповедник, учение которого он осудил, не был должным образом *рукоположен* епископом? Он ответил: "Какой смысл быть стократно освященным, будь то даже тысяча папских булл, если отсутствует внутреннее призвание? [326] Зачем епископ дышал нам на головы, если мы никогда не чувствовали дыхания Святого Духа в своих сердцах?" Таким образом, в самом начале Реформации Англия, отвергнув римские суеверия, с чрезвычайной тонкостью разобралась в том, что составляет сущность посвящения себя служению Господу.

Произнеся эти благородные слова, Билни, жаждавший излияния Святого Духа, заперся в своей комнате, упал на колени и воззвал к Богу с просьбой прийти на помощь его церкви. Затем, поднявшись, он воскликнул, словно воодушевленный пророческим духом: "Начинается новое время. Христианское собрание вот-вот обновится.... Кто—то идет к нам, я вижу его, я слышу его - это Иисус Христос. [327]... Он - король, и именно он призвет истинных служителей, которым поручено благовествовать его народу".

Тиндейл, полный тех же надежд, что и Билни, покинул Кембридж в 1519 году.

Таким образом, английская реформация началась независимо от реформаций Лютера и Цвингле, ведя свое начало только от Бога. В каждой провинции христианского мира одновременно происходило действие божественного слова. Принципом реформации в Оксфорде, Кембридже и Лондоне был *греческий Новый Завет*, опубликованный Erasmus. Англия со временем научилась гордиться этим началом своей Реформации.

ГЛАВА III.

Тревога духовенства—Два дня—Проповедь Томаса Мэна—Истинное присутствие—Преследования в Ковентри—Стэндиш проповедует в соборе Святого Павла—Его Петиция королю и королеве—Его аргументы и поражение—Амбиции Вулси—Первые попытки—Генрих и Франциск Претендуют на престол Империи—Конференция Франциска I и сэра Т. Болейна—Тиара, обещанная Вулси—Интриги кардинала с Чарльзом и Франциском.

ТРЕВОГА ДУХОВЕНСТВА.

Это пробуждение вызвало большую тревогу во всей римской иерархии. Довольные совершаемым ими крещением, они боялись крещения Святым Духом, совершенного верой в слово Божье. Некоторые из духовенства, которые были полны рвения, но рвения без знания, приготовились к борьбе, и крики, поднятые прелатами, были повторены всеми низшими орденами.

Первые удары обрушились не на членов университетов, а на тех смиренных христиан, реликвии служения Уиклифа, которым реформаторское движение среди ученых вдохнуло новую жизнь. Пробуждение четырнадцатого века вот-вот должно было смениться пробуждением шестнадцатого, и последние отблески уходящего дня почти терялись в первых лучах того, что начиналось. Молодые доктора Оксфорда и Кембриджа привлекли внимание встревоженной иерархии и привлекли их внимание к скромным Лоллардам, которые кое-где еще вспоминали дни Уиклифа.

МУЧЕНИКИ КОВЕНТРИ.

Ремесленник по имени Томас Мэн, которого иногда называют Доктором Мэном из-за его знания Священного Писания, был заключен за свою веру в приорат Фридсвайд в Оксфорде (1511 г. н.э.). Мучимый воспоминаниями об отречении, которое у него вымогали, он сбежал из этого монастыря и бежал в восточные районы Англии, где проповедовал Слово Божье, удовлетворяя свои повседневные потребности трудом своих рук. [328] Впоследствии этот "поборник Бога"

приблизился к столице и с помощью своей жены, новой Присциллы из этой новой Аквилы, провозгласил учение Христа толпе, собравшейся вокруг него в каком-нибудь "верхнем зале" Лондона, или на каком-нибудь уединенном лугу, орошаемом Темзой, или под старыми дубами Виндзорского леса. Он думал вместе с древним Златоустом, что "не все священники святые, но все святые - священники". [329] "Тот, кто принимает слово Божье, - сказал он, - принимает самого Бога, это истинное *реальное присутствие*. Продавцы месс - не первосвященники этой тайны; [330] но люди, которых Бог *помазал Своим Духом* быть царями и священниками". От шестисот до семисот человек были обращены его проповедью. [331]

Монахи, которые пока не осмеливались нападать на университеты, решили напасть на тех проповедников, которые построили свой храм на берегах Темзы или в каком-нибудь отдаленном уголке города. Человек был схвачен, осужден и сожжен заживо 29 марта 1519 года.

И это было еще не все. В Ковентри жила небольшая группа серьезных христиан — четыре сапожника, перчаточник, чулочница и вдова по фамилии Смит, — которые дали своим детям благочестивое образование. Францисканцы были раздражены тем, что *миряне* и даже *женщина* осмеливаются вмешиваться в религиозное обучение. В Пепельную среду (1519) Саймон Мортон, самнер епископа, арестовал их всех - мужчин, женщин и детей. В следующую пятницу родителей отвезли в аббатство Максток, примерно в шести милях от Ковентри, а детей - в монастырь Серого монаха. "Давайте посмотрим, какой ереси вас учили?" - обратился брат Стаффорд к перепуганным малышам. Бедные дети признались, что их учили на английском молитве "Отче Наш", апостольскому символу веры и десяти заповедям. Услышав это, Стаффорд сердито сказал им: "Я запрещаю вам (если только вы не хотите быть сожженными, как будут сожжены ваши родители) иметь какое-либо отношение к *Отцу*, *кредо* или десяти заповедям на английском".

Через пять недель после этого мужчин приговорили к сожжению заживо, но судьи сжалились над вдовой из-за ее молодой семьи (поскольку она была их единственной опорой) и отпустили ее. Была ночь; Мортон предложил проводить даму Смит домой; она взяла его под руку, и они зашагали по темным и узким улочкам Ковентри. "Э-э-э!" - внезапно сказал призрак. "Что у нас здесь?" Он действительно услышал звук трения бумаги обо что-то. "Что у вас там?" он продолжил, отпустив ее руку и запустив руку ей в рукав, откуда вытащил пергамент. Подойдя к окну, из которого пробивались слабые лучи лампы, он рассмотрел таинственный свиток и обнаружил, что в нем содержатся молитва Господня, апостольский символ веры и десять заповедей *на английском языке*. "О, о! сэр! - сказал он. - Пойдемте. Сейчас так же хорошо, как в другой раз!" [332] Затем, схватив бедную вдову за руку, он потащил ее к епископу. Ей был немедленно вынесен смертный приговор, и 4 апреля дама Смит, Роберт Хэтчетс, Арчер, Хокинс, Томас Бонд, Ригшем и Лэндсдейл были сожжены заживо в Ковентри в Литл-парке за преступление, заключавшееся в обучении своих детей молитве Господней, апостольскому символу веры и заповедям Божиим.

СТЭНДИШ В СОБОРЕ СВЯТОГО ПАВЛА.

Но что помогло заставить замолчать эти безвестные уста, пока "Завещание Эразма" могло говорить? Заговор Ли должен быть возрожден. Стэндиш, епископ Сент-Асафа, был человеком ограниченного склада ума, довольно фанатичным, но, вероятно, искренним, отличавшимся большим мужеством и не лишенным некоторой степени благочестия. Этот прелат, преисполненный решимости проповедовать крестовый поход против Нового Завета, начал его в

Лондоне, в соборе Святого Павла, перед мэром и корпорацией. "Долой эти новые переводы, - сказал он, - иначе религии Иисуса Христа грозит полное крушение". [333] Но Стэндишу не хватало такта, и вместо того, чтобы ограничиться общими заявлениями, как большинство членов его партии, он попытался показать, насколько Эразм искажил Евангелие, и продолжил плаксивым голосом: "Должен ли я, который столько лет был знатоком Священного Писания и который всегда читал в моей Библии: *In principio erat VERBUM*, — должен ли я теперь быть вынужден прочитать: *In principio erat SERMO*", ибо так Эразм перевел начальные слова Евангелия от святого Иоанна. *Risum teneatis*, - шептали друг другу, услышав это ребяческое обвинение: "Милорд, - продолжал епископ, обращаясь к мэру, - магистраты города и все горожане, спешите на помощь религии!" Стэндиш продолжал свои патетические призывы, но все его красноречие было напрасно; одни стояли неподвижно, другие пожимали плечами, третьи теряли терпение. Жители Лондона, казалось, были полны решимости поддерживать свободу и Библию.

ОБСУЖДЕНИЕ.

Стэндиш, видя провал своей атаки в сити, вздыхал, стонал, молился и отслужил мессу по столь страшной книге. Но он также решил сделать больше. Однажды, во время придворных торжеств по поводу обручения двухлетней принцессы Марии с только что родившимся французским принцем, святой Асаф, поглощенный и отсутствующий среди веселой толпы, обдумал смелый шаг. Внезапно он пробрался сквозь толпу и бросился к ногам короля и королевы. Все были как громом поражены и спрашивали друг друга, что мог иметь в виду старый епископ. "Великий король, - сказал он, - твои предки, правившие этим островом, и твои, о великая королева, правившие Арагоном, всегда отличались своим рвением к церкви. Покажите себя достойными ваших предков. Надвигаются времена, полные опасностей, [334] только что появилась книга, которая также была опубликована Erasmus! Это такая книга, что, если вы не закроете от нее свое царство, с религией Христа среди нас будет покончено".

Епископ умолк, и воцарилась мертвая тишина. Набожный Стэндиш, опасаясь, как бы хорошо известная любовь Генриха к учености не стала препятствием для его молитвы, поднял глаза и руки к небу и, преклонив колени посреди придворного собрания, печально воскликнул: "О Христос! О Сын Божий! спаси свою супругу! ... ибо ни один мужчина не придет к ней на помощь". [335]

Сказав это, прелат, мужество которого было достойно лучшего дела, встал и стал ждать. Все старались угадать мысли короля. При этом присутствовал сэр Томас Мор, и он не мог оставить своего друга Эразма. "Какие ереси, вероятно, породит эта книга?" он поинтересовался. После возвышенного пришло смешное. Указательным пальцем правой руки, последовательно касаясь пальцев левой, [336] Стэндиш ответил: "Во-первых, эта книга уничтожает *воскресение*; во-вторых, она аннулирует *таинство брака*; в-третьих, она отменяет *мессу*". Затем, подняв большой и двуручный пальцы, он с торжествующим видом показал их собравшимся. Фанатичная Екатерина содрогнулась, увидев три пальца Стэндиша — знаки трех ересей Эразма; и сам Генрих, поклонник Фомы Аквинского, был смущен. Это был критический момент: греческое завещание было на грани изгнания из Англии. "Доказательство, доказательство", - воскликнули друзья литературы. "Я дам это", - ответил импульсивный Стэндиш, а затем еще раз дотронулся до своего левого большого пальца: "Во-первых, - сказал он, ... Но он приводил такие глупые доводы, что даже женщины и необразованные люди стыдились их. Чем больше он

старался обосновать свои утверждения, тем больше запутывался: среди прочего он утверждал, что Послания святого Павла были написаны на *иврите*. "Нет ни одного школьника, который не знал бы, что послания Павла были написаны на *греческом языке*", - сказал доктор богословия, преклонив колени перед королем. Генри, краснея за епископа, перевел разговор, и Стэндиш, пристыженный тем, что заставил грека писать грекам на иврите, незаметно удалился бы. "Жук не должен нападать на орла", - [337] ему прошептали на ухо. Так "Книга Божья" оставалась в Англии знаменем верного отряда, который нашел на своих страницах девиз, узурпированный Римской церковью: *Истина только во мне*.

ЧЕСТОЛЮБИЕ ВУЛСИ.

Более грозный противник, чем Стэндиш, стремился бороться с Реформацией не только в Англии, но и на всем Западе. Один из тех честолюбивых замыслов, которые легко зарождаются в человеческом сердце, развился в душе главного министра Генриха VIII; и в случае успеха этого проекта он обещал навсегда закрепить империю папства на берегах Темзы, а возможно, и во всем христианском мире.

Вулси, как канцлер и легат, управлял как государством, так и церковью и мог, не солгав, изречь свое знаменитое *Ego et rex meus*. Достигнув такой огромной высоты, он возжелал воспарить еще выше. Фаворит Генриха VIII, почти его повелитель, к которому император, король Франции и другие коронованные особы относились как к брату, облеченный титулом Величества, особым свойством суверенов, [338] кардинал, искренний в своей вере в папство, стремился занять трон понтификов и таким образом стать *Deus в папской империи. terris*. Он думал, что если Бог позволил Лютеру появиться в мире, то это потому, что у него был Вулси, который мог ему противостоять.

Было бы трудно точно установить момент, когда это неумеренное желание пришло ему в голову: примерно в конце 1518 года оно начало проявляться. Епископ Элийский, посол при дворе Франциска I, беседуя с этим принцем 18 декабря того же года, таинственно сказал ему: "У кардинала в голове есть идея ... о которой он никому не может рассказать ... разве что для вашего величества. Франциск понял его.

ЧЕСТОЛЮБИЕ ФРАНЦИСКА I.

Произошло событие, которое облегчило планы кардинала. Если Вулси хотел стать первым священником, Генрих хотел быть первым королем. Императорской короны, освободившейся после смерти Максимилиана, добивались два принца: Карл Австрийский, холодный и расчетливый человек, мало заботящийся об удовольствиях и даже о пышности власти, но вынашивающий великие замыслы и знающий, как энергично их осуществлять; и Франциск I, человек с менее пронизательным взглядом и менее неутомимой активностью, но более смелый и порывистый. Генрих VIII, уступавший обоим, страстный, капризный и эгоистичный, считал себя достаточно сильным, чтобы противостоять таким могущественным конкурентам, и втайне стремился завоевать "монархию всего христианского мира". [339] Вулси льстил себе мыслью, что, скрываясь под покровом амбиций своего хозяина, он может удовлетворить свои собственные. Если бы он добыл корону цезарей для Генриха, он мог бы легко получить тиару пап для себя; если бы он потерпел неудачу, наименьшее, что можно было бы сделать, чтобы компенсировать Англии потерю империи, - это передать суверенитет церкви ее премьер-министру.

Генрих впервые озвучил имя короля Франции. Сэр Томас Болейн появился за день до Франциска I, когда последний возвращался с мессы. Король, желая предвосхитить доверие, которое могло бы поставить в неловкое положение, отвел посла в сторону, к окну, и прошептал ему: "Некоторые из выборщиков предложили мне империю; я надеюсь, ваш господин будет благосклонен ко мне". Сэр Томас в замешательстве дал какой-то неопределенный ответ, и рыцарский король, следуя его идее, крепко взял посла за одну руку, а другую положил ему на грудь, [340] воскликнул: "Клянусь моей верой, если я стану императором, через три года я буду в Константинополе или умру по дороге!" Это было не то, чего хотел Генрих; но, скрывая свои желания, он позаботился сообщить Франциску, что поддержит его кандидатуру. Услышав это, Франциск приподнял шляпу и воскликнул: "Я желаю увидеть короля Англии; я увижу его, уверяю вас, даже если поеду в Лондон всего с одним пажом и одним лакеем".

Франциск прекрасно понимал, что если он угрожает амбициям короля, то должен льстить амбициям министра, и, вспомнив намек епископа Элийского, однажды сказал Болейн: "Мне кажется, что мой брат из Англии и я могли бы сделать, даже должны сделать ... что-то для кардинала. Он был подготовлен Богом для блага христианского мира ... один из величайших людей в церкви ... и по слову короля, если он согласится, я сделаю это". Через несколько минут он продолжил: "Напиши и скажи кардиналу, что если он стремится стать главой церкви, и если что-нибудь случится с правящим папой, я обещаю ему четырнадцать кардиналов со своей стороны. [341] Давайте действовать согласованно, ваш господин и я, и я обещаю вам, господин посол, что ни папа, ни император не будут созданы в Европе без нашего согласия".

ПРАКТИКА КАРДИНАЛА.

Но Генрих действовал не заодно с королем Франции. По наущению Вулси он поддержал сразу трех кандидатов: в Париже он был за Франциска I, в Мадриде - за Карла V, а во Франкфурте - за себя. Короли Франции и Англии потерпели неудачу, и 10 августа Пейс, посланник Генриха во Франкфурте, вернувшись в Англию, пожелал утешить короля, упомянув о денежных суммах, которые потратил Карл. "Клянусь массой!" [342] воскликнул король, поздравляя себя с тем, что корона не досталась столь дорогой ценой. Вулси предложил спеть *Te Deum* в соборе Святого Павла, и в городе зажгли костры.

Радость кардинала не была напрасной. Едва Карл взошел на императорский трон, несмотря на короля Франции, как эти два принца поклялись в вечной ненависти друг к другу, и каждый стремился привлечь на свою сторону Генриха VIII. Одно время Карл, под предлогом встречи со своими дядей и тетей, посетил Англию; в другое время Франциск имел беседу с королем в окрестностях Кале. Кардинал разделял лестное внимание двух монархов. "Королю Испании, ставшему главой империи, легко возвести кого ему заблагорассудится на высший понтификат", - сказал ему молодой император; и при этих словах честолобивый кардинал сдался преемнику Максимилиана. Но вскоре Франциск I, в свою очередь, польстил ему, и Вулси также ответил на его ухаживания. Король Франции устраивал Генриху турниры и банкеты азиатской роскоши; и Вулси, на лице которого все еще виднелись следы той грациозной улыбки, с которой он прощался с Карлом, улыбнулся также Франциску и отслужил мессу в его честь. Он обручил руку принцессы Марии дофини Франции и Карлу V, оставив заботу о раскрытии этого дела на будущее. Затем, гордый своими искусными приемами, он вернулся в Лондон, полный надежд. Идя по лжи, он надеялся получить тиару; и если это было все еще слишком высоко для него, в

Англии были некоторые *евангелисты*, которые могли бы послужить лестницей, чтобы достичь ее. Убийство может послужить дополнением к мошенничеству.

ГЛАВА IV.

Тиндейл—Содбери Холл—Сэр Джон и леди Уолш—Застольная беседа—Священное Писание—Изображения—Якорь веры—Римский лагерь—Проповедь веры и дел—Священники обвиняют Тиндейла —Они вырывают то, что он посадил—Тиндейл решает перевести Библию—Его первый триумф—Священники в тавернах—Тиндейла вызывают к канцлеру Вустера—Пожилой врач утешает—На него нападает школяр —Его тайна становится известной —Он покидает Содбери Холл.

ТИНДЕЙЛ.

В то время как этот амбициозный прелат не думал ни о чем, кроме своей собственной славы и славы римского понтификата, в сердце одного из скромных "евангелистов" Англии зародилось великое желание, но совсем иного характера. Если Вулси устремил свой взор на трон папства, чтобы воссесть на нем самому, то Тиндейл думал о возведении истинного трона церкви путем восстановления законного суверенитета слова Божьего. Греческое завещание Эразма было одним шагом вперед; и теперь стало необходимым поставить перед простым то, что царь школ дал ученым. Эта идея, которая повсюду преследовала молодого оксфордского доктора, должна была стать могучей движущей силой английской реформации.

На склоне Содбери-хилл стоял простой, но большой особняк, откуда открывался обширный вид на прекрасную долину Северн, где родился Тиндейл. В нем жила семья благородного происхождения: сэр Джон Уолш блистал на придворных турнирах и таким образом снискал расположение своего принца. Он держал стол открытым, и джентльмены, деканы, аббаты, архидьяконы, доктора богословия и тучные ректоры, очарованные сердечным приемом сэра Джона и его вкусными обедами, всегда бывали в его доме. Бывший собрат по оружию Генриха VIII испытывал интерес к вопросам, которые тогда обсуждались во всем христианском мире. Сама леди Уолш, разумная и великодушная женщина, не упустила ни слова из оживленной беседы своих гостей и осторожно попыталась склонить чашу весов в сторону правды. [343]

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА В СОДБЕРИ.

Тиндейл после окончания Оксфорда и Кембриджа вернулся в дом своих отцов. Сэр Джон попросил его дать образование его детям, и он согласился. Уильям был тогда в расцвете сил (ему было около тридцати шести), хорошо осведомлен в Священных Писаниях и полон желания явить свет, который дал ему Бог. Недостатка в возможностях не было. Сидя за столом со всеми врачами, которых приветствовал сэр Джон, [344] Тиндейл вступил с ними в разговор. Они много говорили об ученых людях того времени — об Эразме и иногда о Лютере, который начинал удивлять Англию. [345] Они обсудили несколько вопросов, касающихся Священного Писания, и различные аспекты теологии. Тиндейл выражал свои убеждения с восхитительной ясностью, подкреплял их большой ученостью и отстаивал свою позицию вопреки всему с несгибаемым мужеством. Эти оживленные беседы в долине Северн являются одной из существенных черт

картины, представленной Реформацией в этой стране. Историки древности выдумывали речи, которые они вкладывали в уста своих героев. В наше время история, не выдумывая, должна знакомить нас с чувствами людей, о которых она рассказывает. Достаточно прочитать работы Тиндейла, чтобы составить некоторое представление об этих беседах. Именно из его работ было взято следующее обсуждение.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ.

В столовой старого зала за гостеприимным столом собралась разношерстная компания. Там были сэр Джон и леди Уолш, несколько джентльменов по соседству, а также несколько аббатов, деканов, монахов и докторов, одетых соответственно. Тиндейл занимал самое скромное место и обычно держал Новый Завет Эразма под рукой, чтобы доказать то, что он выдвинул. [346] Многочисленные слуги сновали по комнате, прислуживая гостям; и наконец разговор, немного побродив, принял более точное направление. Священники пришли в нетерпение, когда увидели появление ужасной книги. "Ваши Священные Писания служат только для того, чтобы создавать еретиков", - воскликнули они. "Напротив, — возразил Тиндейл, - источником всех ересей является *гордыня*; теперь слово Божье лишает человека всего и оставляет его таким же голым, как Иов". [347] - "*Слово Божье!* почему даже *мы* не понимаем вашего слова, как может *вульгарный* человек понять его?" — "Вы этого не понимаете, - возразил Тиндейл, - потому что вы обращаетесь к нему только ради глупых вопросов, как к *Заутрене Богоматери* или *пророчествам Мерлина*". [348] Теперь Священные Писания — это ключ, которому мы должны следовать, не сворачивая в сторону, пока не придем ко Христу; [349] ибо Христос — это конец". - "И я говорю вам, - выкрикнул священник, - что Священные Писания - это дедалианский лабиринт, а не подсказка Ариадны - волшебная книга, в которой каждый находит то, что хочет". — Увы! - ответил Тиндейл. - Вы читали их без Иисуса Христа; вот почему они для вас непонятная книга. Что я могу сказать? терновое логово, где ты спасаешься от шиповника только для того, чтобы быть пойманным ежевикой. [350] "Нет!" — воскликнул другой клерк, не желая противоречить своему коллеге, - "Для нас нет ничего неясного; это мы даем Священные Писания и объясняем их вам". - "Вы потеряете и свое время, и свои проблемы", - сказал Тиндейл. - "Знаете ли вы, кто научил орлов находить свою добычу? [351] Что ж, тот же самый Бог учит своих голодных детей находить своего Отца в его слове. Вы далеки от того, чтобы дать нам Священные Писания, это вы скрыли их от нас; это вы сжигаете тех, кто им учит, и если бы вы могли, вы бы сожгли сами Священные Писания".

Тиндейл не удовлетворялся простым изложением великих принципов веры: он всегда стремился к тому, что он называет "сладкой сердцевинкой внутри"; но к божественному помазанию он добавлял немало юмора и безжалостно высмеивал суеверия своих противников. "Вы ставите свечи перед образами, - сказал он им. - и поскольку вы даете им *свет*, почему бы вам не дать им *еды*. Почему бы вам не сделать их животы полыми и не положить внутрь еду и питье. [352] Служить Богу с помощью таких ряженых - значит обращаться с ним как с избалованным ребенком, которого успокаивают игрушкой или лошадкой, сделанной из палки". [353]

Но образованный христианин вскоре вернулся к более серьезным мыслям; и когда его противники превозносили папство как силу, которая спасет церковь во время бури, он ответил: "Давайте возьмем на борт якорь веры, только окунув его в кровь Христа", [354] и когда на нас обрушится буря, давайте смело бросим якорь в море. море; тогда вы можете быть уверены, что

корабль останется в безопасности на великих водах. И, в конце концов, если его оппоненты отвергали какую-либо доктрину истины, Тиндейл (говорит хронист), открывая свое Завещание, указывал пальцем на стих, опровергающий римскую ошибку, и восклицал: "Посмотри и прочти". [355]

ПРОПОВЕДИ В ЦЕРКВИ СВЯТОЙ АДЕЛИНЫ.

Истоки английской реформации следует искать, как мы видели, не в материальной еkkлезиастике, получившей название *английского католицизма*: они по сути своей духовны. Божественное Слово, создатель новой жизни в человеке, также является основателем и реформатором церкви. Реформатские церкви, и особенно реформатские церкви Великобритании, принадлежат к евангелизму.

Размышления о делах Божьих освежили Тиндейла после бесед, которые ему приходилось вести за столом своего патрона. Он часто забирался на вершину Содбери-хилл и там отдыхал среди развалин древнего римского лагеря, венчавшего вершину. Именно здесь остановилась королева Маргарита Анжуйская; и здесь же отдыхал Эдуард IV, который преследовал ее перед роковой битвой при Тьюксбери, в результате которой эта принцесса попала в руки Белой Розы. Среди этих руин, памятников римского нашествия и гражданских раздоров в Англии, Тиндейл размышлял о других битвах, которые должны были восстановить свободу и истину в христианском мире. Затем, придя в себя, он спускался с холма и мужественно возвращался к своей работе.

Позади особняка стояла маленькая церковь, осененная двумя большими тисовыми деревьями и посвященная святой Аделине. По воскресеньям Тиндейл обычно проповедовал там, сэр Джон и леди Уолш со старшим из детей занимали почетную скамью. Это скромное святилище было заполнено их домочадцами и арендаторами, внимательно слушавшими слова своего учителя, которые срывались с его губ подобно *тихо текущим водам Шилоаха*. Тиндейл был очень оживлен в беседе; но, по словам хрониста, он объяснял Священное Писание с таким утешением, "что его слушателям показалось, что они слышат самого святого Иоанна". Если он походил на Иоанна мягкостью своего языка, то на Павла - силой своего учения. "Согласно папе, - сказал он, - мы должны сначала быть добрыми в соответствии с его учением и заставить Бога снова быть добрым ради нашей доброты. Нет, воистину, Божья благодать - это корень всякой благодати. Антихрист переворачивает древо спасения вверх дном: [356] он сажает ветви и пускает корни вверх. Мы должны сформулировать это так: straight.....As муж женится на жене, прежде чем он сможет иметь от нее законных детей; точно так же вера оправдывает нас, делая нас плодотворными в добрых делах. [357] Но ни то, ни другое не должно оставаться пустым. Вера - это святая свеча, которой мы должны благословить себя в последний час; без нее ты заблудишься в долине смертной тени, хотя у твоего ложа была зажжена тысяча свечей". [358]

ТИНДЕЙЛУ ПОМЕШАЛИ СВЯЩЕННИКИ.

Священники, раздраженные такими замечаниями, решили разорить Тиндейла, и некоторые из них пригласили сэра Джона и его супругу на прием, на котором он не присутствовал. Во время ужина они так оскорбляли молодого доктора и его Новый Завет, что его покровители удалились, сильно раздосадованные тем, что их наставник нажил себе так много врагов. Они рассказали ему все, что слышали, и Тиндейл успешно опроверг аргументы своих противников. "Что? - воскликнула леди Уолш. - Некоторые из этих врачей стоят сто, некоторые двести, а некоторые и

триста фунтов" [359] ... и как вы думаете, мастер Уильям, были ли у нас основания поверить вам раньше, чем им? Тиндейл, открывая Новый Завет, ответил: "Нет! это не мне вы должны верить. Это то, что сказали вам священники; но послушайте, святой Петр, святой Павел и сам Господь говорят совершенно обратное". [360] Слово Божье было там, положительное и высшее: меч духа преодолел трудности.

Вскоре поместье и церковь Святой Аделины стали слишком тесными для рвения Тиндейла. Он проповедовал каждое воскресенье, иногда в деревне, иногда в городе. Жители Бристоля собрались послушать его на большом лугу, называемом Сент-Остинз-Грин. [361] Но как только он начал проповедовать в каком-либо месте, священники поспешили туда, вырвали то, что он посадил, [362] назвал его еретиком и пригрозил изгнать из церкви каждого, кто осмеливался слушать его. Когда Тиндейл вернулся, он обнаружил, что поле опустошено врагом; и, печально глядя на это, как земледелец, который видит, что его кукуруза побита градом, а богатые борозды превращены в бесплодную пустошь, он воскликнул: "Что же делать? Пока я сею в одном месте, враг опустошает поле, которое я только что покинул. Я не могу быть везде. О! если бы у христиан было Священное Писание на их родном языке, они сами могли бы противостоять этим софистам. Без Библии невозможно утвердить мирян в истине". [363]

СВЯЩЕННИКИ В ПИВНЫХ.

Тогда в сердце Тиндейла возникла великая идея: "Именно на языке Израиля, - сказал он, - пели Псалмы в храме Иеговы; и разве Евангелие не должно звучать среди нас на английском языке?... Должно ли в церкви быть меньше света в полдень, чем на рассвете?... Христиане должны читать Новый Завет на своем родном языке". Тиндейл считал, что эта идея исходит от Бога. Новое солнце привело бы к открытию нового мира, а непогрешимое правление заставило бы все человеческое разнообразие уступить место божественному единству. - Один придерживается этого доктора, другой того, - сказал Тиндейл, - один следует за Дунсом Скотом, другой за Святым Фомой, третий за Бонавентурой, Александром Хейлзом, Раймондом Пенафордским, Лирой, Горрэмом, Хью де Санкто Викторе и многими другими.... Итак, каждый из этих авторов противоречит другому. Как же тогда мы можем отличить того, кто говорит правильно, от того, кто говорит неправильно?... Как?... Воистину, по слову Божьему". [364] Тиндейл больше не колебался.... В то время как Вулси стремился заполучить папскую тиару, скромный наставник Содбери взялся вознести небесный факел среди своих соотечественников. Перевод Библии должен стать делом всей его жизни.

Первым триумфом слова была революция в поместье. По мере того, как сэр Джон и леди Уолш приобретали вкус к Евангелию, они испытывали отвращение к священникам. Духовенство не так часто приглашали в Содбери, и оно не встречало такого же приема. [365] Вскоре они прекратили свои визиты и не думали ни о чем, кроме того, как бы изгнать Тиндейла из особняка и из епархии.

Не желая компрометировать себя в этой войне, они послали вперед часть тех легких войск, которые церковь всегда имеет в своем распоряжении. Нищенствующие монахи и бедные викарии, которые с трудом понимали свой молитвенник и самые образованные из которых *изучали* *Albertus de secretis mulierum*, набросились на Тиндейла, как свора голодных гончих. Они толпой направились к пивным, [366] и, заказав кувшин пива, заняли свои места, один за одним, другой за другим. Они пригласили крестьян выпить с ними и, вступив с ними в беседу, осыпали дерзкого реформатора тысячью проклятий: "Он лицемер", - сказал один; "Он еретик", -

сказал другой. Самый искусный из них забирался на табурет и, превратив таверну в храм, впервые в жизни произносил импровизированную речь. Они сообщили о словах, которые Тиндейл никогда не произносил, и действиях, которых он никогда не совершал. [367] Набросившись на бедного наставника (как он сам сообщает нам) "подобно нечистым свиньям, которые следуют своим плотским похотям", [368] они разорвали его доброе имя в клочья, и разделили добычу между ними, в то время как зрители, возбужденные их клеветой и разгоряченные пивом, расходились, переполненные яростью и ненавистью к еретику из Содбери.

ТИНДЕЙЛ ЦИТИРОВАЛСЯ ПЕРЕД КАНЦЛЕРОМ.

Вслед за монахами пришли высокопоставленные лица. Деканы и настоятели, бывшие гости сэра Джона, обвинили Тиндейла перед канцлером епархии, [369] и буря, начавшаяся в таверне, разразилась в епископском дворце.

Титулярным епископом Вустера (удела итальянских прелатов) был Джулио де Медичи, ученый человек, великий политик и искусный священник, который уже управлял папством, не будучи папой. [370] Вулси, который управлял епархией вместо своего отсутствующего коллеги, назначил канцлером Томаса Паркера, человека, преданного Римской церкви. Именно к нему церковники обратились со своей жалобой. Судебное расследование имело свои трудности; товарищ короля по оружию был покровителем мнимого еретика, а сэр Энтони Пойнтц, брат леди Уолш, был шерифом графства. Поэтому канцлер удовлетворился созывом генеральной конференции духовенства. Тиндейл подчинился призыву, но, предвидя, что его ожидает, он сердечно взывал к Богу, продолжая свой путь вверх по берегам Северна, "чтобы он дал ему силы твердо стоять в истине своего слова". [371]

Когда они собрались, настоятели, деканы и другие священнослужители епархии с надменными головами и угрожающими взглядами столпились вокруг скромного, но негибкого Тиндейла. Когда подошла его очередь, он выступил вперед, и канцлер сделал ему строгий выговор, на который он спокойно ответил. Это так разозлило канцлера, что, поддавшись своей страсти, он обошелся с Тиндейлом, как с собакой. [372] "Где ваши свидетели?" потребовал последний. "Пусть они выйдут вперед, и я отвечу им". Ни один из них не осмелился поддержать обвинение — они смотрели в другую сторону. Канцлер ждал, по крайней мере, один свидетель у него должен был быть, но он не мог его заполучить. [373] Раздраженный этим дезертирством священников, представитель Медичи стал более справедливым и снял обвинение. Тиндейл спокойно вернулся в Содбери, благословляя Бога, который спас его от жестоких рук его противников, [374] и не проявляя к ним ничего, кроме нежнейшего милосердия. "Заберите мое добро, - сказал он им однажды, - заберите мое доброе имя! и все же, пока Христос пребывает в моем сердце, я не стану любить тебя ни на йоту меньше". [375] Вот действительно Святой Иоанн, с которым сравнивали Тиндейла.

ТИНДЕЙЛ И ШКОЛЯР.

Однако в этой жестокой войне он не мог не получить несколько тяжелых ударов; и где он мог найти утешение? Фрит и Билни были далеко от него. Тиндейл вспомнил *пожилого врача*, который жил недалеко от Содбери и проявлял к нему большую привязанность. Он пошел навестить его и открыл ему свое сердце. [376] Старик некоторое время смотрел на него, как

будто не решался раскрыть какую-то великую тайну. "Разве вы не знаете, - сказал он, понизив голос, - что *папа - тот самый антихрист*, о котором говорится в Писании?... Но будь осторожен в своих словах.... Это знание может стоить тебе жизни". [377] Эта доктрина Антихриста, которую Лютер в тот момент так смело провозглашал, поразила Тиндейла. Укрепленный этим, как и саксонский реформатор, он почувствовал прилив новых сил в своем сердце, и престарелый доктор был для него тем же, чем престарелый монах был для Лютера.

Когда священники увидели, что их заговор провалился, они поручили знаменитому священнослужителю предпринять его обращение. Реформатор ответил на аргументы схоласта своим греческим заветом. Богослов потерял дар речи; наконец он воскликнул: "Ну что ж! лучше было бы остаться без Божьих законов, чем без законов папы". [378] Тиндейл, не ожидавший столь откровенного и богохульного признания, ответил: "И я бросаю вызов папе и всем его законам!" а затем, словно не в силах сохранить свою тайну, добавил: "Если Бог сохранит мне жизнь, я позабочусь о том, чтобы мальчик-пахарь знал о Священном Писании больше, чем ты". [379]

Все его мысли были теперь направлены на то, как осуществить свои планы; и, желая избежать разговоров, которые могли бы их скомпрометировать, он с тех пор проводил большую часть времени в библиотеке. [380] Он молился, он читал, он начал свой перевод Библии и, по всей вероятности, передал отрывки из нее сэру Джону и леди Уолш.

ТИНДЕЙЛ ПОКИДАЕТ СОДБЕРИ.

Все его предосторожности были бесполезны: богослов-схоласт предал его, а священники поклялись помешать ему перевести Библию. Однажды он столкнулся с отрядом монахов и викариев, которые самым грубым образом надругались над ним. "Вы так гордитесь благосклонностью местной знати, - говорили они, - но, несмотря на ваших покровителей, о вас скоро пойдут разговоры, и к тому же в приятной манере!... Ты не всегда будешь жить в поместье -доме! "Сошлите меня в самый глухой уголок Англии, - ответил Тиндейл, - - при условии, что вы позволите мне учить детей и проповедовать Евангелие и будете давать мне десять фунтов в год на мое содержание. [381]... Я буду доволен!" Священники оставили его, но с намерением уготовить ему совсем иную судьбу.

Тиндейл больше не предавался приятным мечтам. Он понял, что его вот-вот арестуют, осудят и помешают его великой работе. Он должен искать уединения, где он мог бы спокойно выполнять задачу, возложенную на него Богом. "Вы не можете спасти меня от рук священников, - сказал он сэру Джону, - и одному Богу известно, каким неприятностям вы подвергнете себя, оставив меня в своей семье. Позвольте мне покинуть вас". Сказав это, он собрал свои бумаги, взял Завещание, пожал руки своим благодетелям, поцеловал детей, а затем спустился с холма, попрощался с улыбающимися берегами Северна и ушел один - наедине со своей верой. Что ему делать? Что с ним будет? Куда он пойдет? Он пошел вперед, как Авраам, и только одно занимало его ум: Священное Писание будет переведено на вульгарный язык, и он передаст Божьи изречения своим соотечественникам.

ГЛАВА V.

Труды Лютера в Англии—Совещание епископов—Булла Льва X, опубликованная в Англии—Сожженные книги Лютера—Письмо Генриха VIII—Он берется писать против Лютера—Крик тревоги—Традиция и сакраментализм—Благоразумие сэра Т. Мора—Книга, подаренная Папе—*Защитник веры*—Ликование короля.

ТРУДЫ ЛЮТЕРА В АНГЛИИ.

В то время как простой министр начинал Реформацию в тихой долине на западе Англии, к берегам Кента высадилось мощное подкрепление. Труды и действия Лютера вызвали живую сенсацию в Великобритании. Его выступление перед Вормсским сеймом было обычной темой для разговоров. Корабли из гаваней Нидерландов привозили его книги в Лондон, [382] и немецкие печатники дали ответ нунцию Алеандру, который запрещал лютеранские произведения в империи: "Очень хорошо! мы отправим их в Англию! Можно почти сказать, что Англии было суждено стать убежищем истины. И действительно, *Тезисы* 1517 года, *Объяснение Молитвы Отче Наш*, книги *против Эмсера*, *против римского папства*, *против буллы Антихриста*, *Послание к Галатам*, *Обращение к немецкой знати* и, прежде всего, "*Вавилонское пленение Церкви*"— все это пересекло море, было переведено и распространено по всему королевству. [383] Поскольку немецкая и английская нации имели общее происхождение и в то время были достаточно похожи по характеру и цивилизации, произведения, предназначенные для одной, могли быть с пользой прочитаны другой. Монах в своей келье, сельский житель в своем холле, врач в своем колледже, торговец в своей лавке и даже епископ в своем дворце изучали эти необыкновенные труды. В частности, миряне, подготовленные Уиклиффом и испытывающие отвращение к скупости и беспорядочной жизни священников, с энтузиазмом читали красноречивые страницы "Саксонского монаха". Они укрепили все сердца.

ПУБЛИКАЦИЯ ПАПСКОЙ БУЛЛЫ.

Папство не бездействовало при всех этих усилиях. Правда, времена Григория VII и Иннокентия III миновали, и былая энергия и активность римского понтификата сменились слабостью и нерешительностью. Духовная власть уступила господство в Европе светским властям, и было сомнительно, можно ли найти веру в папство в самом папстве. И все же немец (доктор Экк) путем самых неутomимых усилий вырвал быка у нечестивого Льва X, [384] и этот бык только что достиг Англии. Сам папа направил его Генриху, призывая его искоренить лютеранскую ересь. [385] Король вручил его Вулси, а тот передал епископам, которые, прочитав *книги еретика*, собрались вместе, чтобы обсудить этот вопрос. [386] В Лондоне было больше римской веры, чем в Ватикане. "Этот фальшивый монах, - воскликнул Вулси, — нападает на подчинение духовенству - этому источнику всех добродетелей". Больше всего были раздосадованы прелаты-гуманисты; путь, по которому они пошли, обрывался в пропасть, и они в тревоге отпрянули назад. Тонстолл, друг Эразма, впоследствии епископа Лондонского, который только что вернулся из своего посольства в Германию, где Лютер был нарисован ему в самых мрачных красках, был особенно вспыльчив: "Этот монах - *Протей*.... Я имею в виду *атеиста*. [387] Если вы позволите разрастаться ересям, которые он рассеивает обеими руками, они задушат веру, и церковь погибнет. [388] Если бы у нас было недостаточно уиклиффитов — вот новые легионы того же рода!... Сегодня Лютер призывает к отмене мессы; завтра он будет просить об отмене Иисуса Христа. [389] Он отвергает все и ничего не ставит на свое место. Что? если варвары

разграбят наши границы, мы накажем их... и будем ли мы терпеть еретиков, которые разграбляют наши алтари?... Нет! Я умоляю вас смертной агонией, которую перенес Христос.... Что я говорю? вся церковь закликает вас сразиться с этим всепожирающим *драконом*.... наказать этого *адского пса*, заставить замолчать его зловеющий вой и с позором загнать обратно в его логово. [390] Так говорил красноречивый Тонстолл, и Вулси не отставал от него далеко. Единственной сколько-нибудь уважаемой привязанностью в этом человеке была та, которую он питал к церкви; возможно, ее можно назвать уважаемой, поскольку это была единственная привязанность, которая не относилась исключительно к нему самому. 14 мая 1521 года этот английский папа, в подражание итальянскому, издал свою буллу против Лютера.

САРКАЗМЫ ЛЮДЕЙ.

Его читали (вероятно, в первое воскресенье июня) во всех церквях во время большой мессы, когда прихожан было больше всего. [391] Священник воскликнул: "За каждую книгу Мартина Лютера, найденную в вашем распоряжении в течение пятнадцати дней после этого судебного запрета, вы подвергнетесь еще большему отлучению от церкви". Затем государственный нотариус, держа в руке папскую буллу с описанием *извращенных взглядов* Лютера, направился к главному входу в церковь и скрепил документ. [392] Люди собрались вокруг него; самый компетентный человек прочитал его вслух, пока остальные слушали; и ниже приведены некоторые из предложений, которые по приказу папы прозвучали на папертях всех соборов, монастырских, коллегиальных и приходских церквей каждого графства Англии: [393]

"11. Грехи никому не прощаются, если только священник, отпускающий их, не верит, что они отпущены ему.

13. Если по причине какой-либо невозможности *кающийся* не исповедуется, или священник отпускает ему грехи не всерьез, а в шутку; и все же, если он верит, что он отпущен, он действительно отпущен.

"14. В таинстве *покаяния* и прощения вины папа или епископ делает не больше, чем самый низкий священник; да, там, где нет священника, подойдет любой христианин; да, если бы это была женщина или ребенок.

"26. Папа римский, преемник Петра, не является наместником Христа.

"28. Ни церковь, ни папа римский вовсе не в силах устанавливать символы веры, нет, равно как и законы нравов или добрых дел".

Кардинал-легат в сопровождении нунция, посла Карла V и нескольких епископов с большой помпой проследовал в собор Святого Павла, где проповедовал епископ Рочестерский, а Вулси сжег книги Лютера. [394] Но едва они превратились в пепел, как со всех сторон послышались сарказмы и шутки. "*Огонь* - это не теологический аргумент", - сказал один из них. "Паписты, которые обвиняют Мартина Лютера убивать и убивать христиан", - добавил другой, "как вор-карманник, который кричал *Держите вора*, как только он увидел себя в опасности быть пойманным." "Епископ Рочестерский, - сказал третий, - приходит к выводу, что, поскольку Лютер бросил в огонь декреты папы римского, он бросил бы в огонь и самого папу римского.... Отсюда мы можем вывести другой силлогизм, столь же здравый: папы сожгли Новый Завет, следовательно, если бы они могли, они сожгли бы самого Христа". [395] Эти шутки быстро передавались из уст в уста. Недостаточно было того, что труды Лютера были в Англии,

они должны были быть известны, и священники взяли на себя обязательство рекламировать их. Реформация продвигалась вперед, и Рим сам подталкивал машину.

ГЕНРИ ПИШЕТ ПРОТИВ ЛЮТЕРА.

Кардинал понял, что требуется нечто большее, чем эти бумажные *самовыдвижения*, и активность, которую он проявил, может указывать на то, что он сделал бы в Европе, если бы когда-нибудь занял папское кресло. "Дух сатаны не давал ему покоя", - говорит папист Сандерс. [396] Необходимы некоторые действия, выходящие за рамки обычного, подумал Вулси. Короли до сих пор были врагами пап: теперь король возьмет на себя их защиту. Принцы не очень заботятся об учебе, принц должен опубликовать книгу!... "Сир, - сказал он королю, чтобы разговорить Генриха, - вам следует написать князьям Германии по поводу этой ереси". Он так и сделал. В письме эрцгерцогу Палатинскому он сказал: "Этот пожар, разожженный Лютером и раздуваемый искусствами дьявола, бушует повсюду. Если Лютер не раскается, предайте его и его дерзкие трактаты огню. Я предлагаю вам свое королевское содействие и даже, если необходимо, свою жизнь". [397] Это был первый раз, когда Генрих проявил ту жестокую жажду, которую впоследствии предстояло утолить кровью его жен и друзей.

Король сделал первый шаг, и Вулси не составило труда склонить его к следующему. Защищать честь Фомы Аквинского, выступать в качестве защитника церкви и получить от папы титул, эквивалентный титулу *Христианиссимуса*, самого христианского короля, было более чем достаточными мотивами, чтобы побудить Генриха преломить копье с Лютером. "Я буду сражаться пером с этим Цербером, вышедшим из глубин ада", [398] сказал он, "и если он откажется отступить, огонь поглотит еретика и его ересь вместе". [399]

Король заперся в своей библиотеке: все схоластические вкусы, которыми была пропитана его юность, возродились; он работал так, словно был архиепископом Кентерберийским, а не королем Англии; с разрешения папы он прочитал труды Лютера; он перерыл труды Фомы Аквинского; с бесконечным трудом выковал стрелы, которыми надеялся пронзить еретика; призвал на помощь нескольких ученых людей и наконец опубликовал свою книгу. Его первыми словами был крик тревоги. "Остерегайтесь следов этого змея, - говорил он своим читателям-христианам; - ходите на цыпочках; бойтесь зарослей и пещер, в которых он прячется и откуда изольет на вас свой яд. Если он лижет тебя, будь осторожен! хитрая гадюка ласкает только для того, чтобы потом укусить!" [400] После этого Генри озвучил обвинение: "Не унывайте! Исполненный той же доблести, которую ты проявил бы против турок, сарацин и других неверных, выступи сейчас против этого *маленького монаха*— человека, на вид слабого, но более грозного благодаря духу, который его одушевляет, чем все неверные, сарацины и турки, вместе взятые ". [401] Так Генрих VIII, *Петр Отшельник* шестнадцатого века, проповедовал крестовый поход против Лютера, чтобы спасти папство.

БОЛЬШЕ БЛАГОРАЗУМИЯ.

Он умело выбрал почву для сражения: сакраментализм и традиция на самом деле являются двумя существенными чертами папской религии; точно так же, как живая вера и Священное Писание относятся к религии Евангелия. Генрих оказал услугу Реформации, указав на принципы, с которыми ей в основном придется бороться; и, предоставив Лютеру возможность утвердить авторитет Библии, он побудил его сделать самый важный шаг на пути реформы. "Если учение противоречит Писанию, - сказал Реформатор, - каким бы ни было его происхождение —

традициями, обычаями, королями, томистами, софистами, сатаной или даже ангелом с небес, — все, от кого оно исходит, должны быть прокляты. *Ничто не может существовать вопреки Писанию*, и все должно существовать ради него".

Поскольку книга Генриха была прекращена с помощью епископа Рочестерского, король показал ее сэру Томасу Мору, который умолял его высказаться менее решительно в пользу папского превосходства. "Я не изменю ни слова", - ответил король, полный раболепной преданности папству. "Кроме того, у меня есть свои причины", - и он прошептал их на ухо Мору.

Доктору Кларку, послу Англии при римском дворе, было поручено преподнести папе римскому экземпляр работы короля в великолепном переплете. "Слава Англии, - сказал он, - в том, чтобы быть в первом ряду среди наций, повинующихся папству". [402] К счастью, Британия вскоре познала славу совсем другого рода. Посол добавил, что его учитель, после того как с помощью *пера* опроверг ошибки Лютера, был готов сразиться со своими приверженцами мечом. [403] Папа, тронутый этим предложением, подставил ему свою ногу, а затем щеку для поцелуя и сказал ему: "Я сделаю для книги вашего Учителя столько же, сколько церковь сделала для трудов святого Иеронима и св. Августин".

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ.

Ослабевшее папство не обладало ни силой разума, ни даже фанатизмом. Он все еще сохранял свои претензии и помпезность, но напоминал трупы могущественных людей земли, которые покоятся в торжественной обстановке, облаченные в свои самые великолепные одежды: великолепие наверху, смерть и разложение внизу. Когда гром Гильдебранда перестал оказывать свое действие, Рим с благодарностью принял защиту мирян, таких как Генрих VIII и сэр Томас Мор, не пренебрегая их судебными приговорами и эшафотами. "Мы должны чтить этих благородных поборников, - сказал папа своим кардиналам, - которые проявляют готовность отсесть мечом прогнившие члены Иисуса Христа. [404] Какой титул мы дадим добродетельному королю Англии?" — *Защитник римской церкви*, предложил один; *Апостольский король*, сказал другой; и, наконец, но не без некоторого противодействия, Генрих VIII был провозглашен *Защитником веры*. В то же время папа пообещал десятилетнюю индульгенцию всем читателям "книги короля". Это была приманка по моде средневековья, которая никогда не подводила. Духовенство сравнивало ее автора с мудрейшим из королей; и книга, которая была напечатана многими тысячами экземпляров, наполнила христианский мир (по словам Коклюша) восхищением.

Ничто не могло сравниться с радостью Генри. "Его величество, - сказал кройдонский викарий, - не променял бы это имя на весь Лондон и на двадцать миль вокруг". [405] Королевский шут, войдя в комнату как раз в тот момент, когда его хозяин получил быка, спросил его о причине его волнения. "Папа римский только что назвал меня *Защитником Веры*!" — "Хо! хо! добрый Гарри, - ответил шут, - позволь нам с тобой защищать друг друга, но ... поверь мне на слово ... *предоставь вере самой защищать себя*. [406] В этих словах была найдена целая современная система. Посреди всеобщего опьянения дурак был единственным разумным человеком. Но Генри ничего не мог слушать. Восседавая на возвышении, с кардиналом по правую руку от себя, он приказал публично зачитать письмо папы. Зазвучали трубы: Вулси отслужил мессу; король и его двор заняли свои места вокруг роскошного стола, и герольды при оружии провозгласили: *Генрик Деи грация, король Англии и Франции, Защитник Фидеев и Доминус Гибернии!*

Таким образом, король Англии был более чем когда-либо связан с папой: тот, кто принесет Священное Писание в его королевство, встретится там с этим материальным мечом, железом и материальным гладиумом, которым так восхищалось папство.

ГЛАВА VI.

Махинации Вулси с целью получения тиары—Он завоевывает Карла V—Союз между Генрихом и Карлом V—Вулси предлагает командовать войсками—Брюггский мирный договор—Генрих считает себя королем Франции—Победы Франциска I—Смерть Льва X.

ВУЛСИ ЖАЖДЕТ ЗАПОЛУЧИТЬ ДИАДЕМУ.

Хотелось только одного - более уверенно проверить продвижение Евангелия: восшествия Вулси на папский престол. Охваченный желанием достичь "вершины священного единства", [407] для достижения этой цели он разработал один из самых коварных планов, которые когда-либо порождали амбиции. Он думал вместе с другими: "Цель оправдывает средства".

Кардинал мог стать папой только через императора или короля Франции; ибо тогда, как и сейчас, именно светские власти действительно избирали главу католичества. Тщательно взвесив влияние этих двух принцев, Вулси обнаружил, что чаша весов склонилась в сторону Чарльза, и его выбор был сделан. Давняя близость связывала его с Франциском I, но это мало что значило; он должен был предать своего друга, чтобы заполучить соперника своего друга.

Но это было нелегко. Генрих был недоволен Карлом Пятым. [408] Поэтому Вулси был вынужден использовать все мыслимые тонкости в своих маневрах. Сначала он отправил сэра Ричарда Вингфилда к императору; затем написал лестное письмо от имени Генриха принцессе-регентше Нидерландов. Трудность заключалась в том, чтобы заставить короля подписать его. - Будьте добры назвать свое имя, - сказал Вулси, - даже если это вызовет недовольство вашего высочества.... Вы прекрасно знаете ... что женщинам нравится, когда им доставляют удовольствие. [409] Этот аргумент возоблада над королем, который все еще обладал духом галантности. Наконец, Вулси, назначенный арбитром между Карлом и Франциском, решил отправиться в Кале, очевидно, для того, чтобы выслушать жалобы двух принцев, но на самом деле для того, чтобы предать одного из них. Вулси получал такое же удовольствие от подобных приемов, как Фрэнсис от сражения.

ОБЕЩАНИЯ ИМПЕРАТОРА.

Король Франции отверг его решение: у него был острый глаз, а у его матери - еще острее. "Твой господин не любит меня, - сказал он послу Карла, - и я больше не люблю его и решил стать его врагом". [410] Было невозможно говорить более ясно. Отнюдь не подражая этой откровенности, политичный Чарльз пытался расположить к себе Вулси, и Вулси, которому не терпелось продать себя, ловко намекнул, за какую цену его можно купить. "Если король Англии встанет на мою сторону, - сообщил Чарльз кардиналу, - вы будете избраны папой после смерти Льва X" [411] Франциск, преданный Уолси, покинутый папой и находящийся под угрозой императора, решил, наконец, принять посредничество Генриха.

Но Карл сейчас думал совсем о другом. Вместо посредничества он потребовал от короля Англии 4000 своих знаменитых лучников. Генрих улыбнулся, прочитав депешу, и, посмотрев на Пейса, своего секретаря, и Марни, капитана своей стражи, сказал: "*Будьте спокойны и неразумны!*", тем самым запрещая им понимать и, прежде всего, распространять эту странную просьбу. Было решено увеличить число лучников до 6000 человек, и кардинал, постоянно имея перед глазами тиару, отбыл в Кале разыгрывать отвратительную комедию лицемерного третейского суда. Будучи задержан в Дувре встречным ветром, посредник воспользовался этой задержкой, чтобы составить список из 6000 лучников и их капитанов, не забыв включить в него "некоего упрямого оленя", как сказал Генрих, "которого необходимо выследить". [412] Это были некоторые джентльмены, от которых король желал избавиться.

В то время как послы короля Франции были приняты в Кале 4 августа с большими почестями лордом-верховным камергером Англии, кардинал подписал соглашение с министрами Карла о том, что Генрих должен отказаться от своего обещания руки принцессы Марии дофину и передать ее императору. В то же время он отдал приказ уничтожить французский военно-морской флот и вторгнуться во Францию. [413] И, наконец, он добился, чтобы в порядке компенсации Англии пенсии в размере 16 000 фунтов стерлингов, до сих пор получаемой от Сен-Жерменского двора, император впредь выплачивал ежегодную сумму в 40 000 марок. Без готовых денег сделка не была бы удачной.

БРЮГГСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

Это было еще не все. Пока Вулси ждал избрания папой римским, у него возникла идея стать солдатом. Требовался командир для 6000 лучников, которых Генрих посылал против короля Франции; и почему бы ему не быть самому кардиналом? Он немедленно заинтриговал тех дворян, которые были предложены в качестве главнокомандующих, отставить в сторону. "Шрусбери, - сказал он королю, - нужен Шотландии - Вустер своим опытом достоин этого ... вам следует держать его при себе. Что касается Дорсета ... он будет очень дорог". Затем священник добавил: "Сир, если во время моего пребывания по ту сторону моря у вас будет веская причина послать своих лучников.... Спешу сообщить вам, что всякий раз, когда император примет командование своими солдатами, я готов, хотя и священнослужитель, [414] встать во главе ваших". Какая преданность! Вулси приказал бы, чтобы его крест кардинала *a latere* несли перед ним (по его словам); и ни Фрэнсис, ни Байярд не смогли бы ему противостоять. Командовать одновременно государством, церковью и армией в ожидании тиары, окружить свою голову лаврами — таково было честолюбие этого человека. К несчастью для него, при дворе такого мнения не придерживались. Король назначил графа Эссекса главнокомандующим.

Поскольку Вулси не мог быть генералом, он обратился к дипломатии. Он поспешил в Брюгге; и когда он вошел туда рядом с императором, над толпой послышался голос, восклицавший: *Спаси, король туи в королевстве суи!* [415]— звук, наиболее приятный для его ушей. В Брюгге люди были очень удивлены близостью, существующей между кардиналом и императором. "За всем этим кроется какая-то тайна", - говорили они. [416] Вулси желал возложить корону Франции на голову Генриха, а тиару - на свою собственную. Такова была тайна, которая стоила нескольких любезностей могущественному Карлу V. Союз был заключен, и договаривающиеся стороны согласились "отомстить за оскорбления, нанесенные престолу Иисуса Христа", или, другими словами, папскому престолу.

ПРАКТИКА ВУЛСИ.

Вулси, чтобы втянуть Генриха в интриги, которые должны были заполучить для него тиару, напомнил ему, что он *король Франции*, и за это предложение охотно ухватились. В полночь 7 августа король продиктовал своему секретарю письмо для Вулси, содержащее следующее странное выражение: *Si ibitis parare regi locum in regno ejus hereditario, Majestas ejus quum tempus erit opportunum, sequetur*. [417] Теолог, который исправил знаменитую латинскую книгу короля против Лютера, наверняка не исправлял эту фразу. По словам Генриха, Франция была его наследственным королевством, и Вулси собирался подготовить для него трон.... Король не мог сдержать своей радости при одной только мысли об этом, и он уже превзошел в воображении и Эдуарда III, и Черного принца. "Я вот-вот достигну славы, превосходящей ту, которую мои предки завоевали в стольких войнах и сражениях". [418] Вулси проследил для него дорогу к своему дворцу на берегу Сены: "Мезьер вот-вот падет; после этого останется только Реймс, который не является сильным городом; и таким образом, ваша светлость очень легко доберется до Парижа". [419] Генрих проследил на карте маршрут, которым ему предстояло следовать: "Дела идут хорошо, - написал кардинал, - хвала Господу". Для него этот христианский язык был простой официальной формальностью.

Вулси ошибался: дела шли из рук вон плохо. 20 октября 1522 года Франциск I, которого не смогло обмануть такое вероломство, — Франциск, честолубивый и буйный, но честный по крайней мере в этом вопросе и верящий в силу своего оружия, внезапно появился между Камбре и Валансьеном. Император в тревоге бежал во Фландрию, а Вулси, вместо того чтобы встать во главе армии, прикрылся плащом арбитра. В письме Генриху, который за две недели до этого по его совету побудил Карла напасть на Францию, он писал: "Я уверен, что ваше *добродетельное посредничество* значительно повысит вашу репутацию и честь во всем христианском мире". [420] Фрэнсис отклонил предложения Вулси, но цель последнего была достигнута. Переговоры выиграли время для Чарльза, и плохая погода вскоре остановила французскую армию. Вулси вернулся довольный в Лондон примерно в середине декабря. Это правда, что триумфальный въезд Генриха в Париж был очень трудным делом; но кардинал был уверен в благосклонности императора, а через нее (как он воображал) и в тиаре. Следовательно, Вулси добился того, чего хотел. Едва он прибыл в Англию, как пришло известие, которое вознесло его на вершину счастья: Лев X умер. Его радость превзошла то, что испытал Генрих при мысли о своем *наследственном королевстве*. Под покровительством могущественного Карла V, которому он пожертвовал всем, английский кардинал был, наконец, близок к получению папской короны, которая позволила бы ему сокрушить ересь и которая, в его глазах, была справедливой наградой за столь многие позорные деяния.

ГЛАВА VII.

Справедливые люди Линкольншира — Их собрания и преподавание — Агнес и Морден — Передвижные библиотеки — Полемические беседы — Сарказм — Королевский указ и террор — Показания и осуждения — Четыре мученика — Конклав — Чарльз утешает Вулси.

СПРАВЕДЛИВЫЕ ЛЮДИ ЛИНКОЛЬНШИРА.

Вулси не задерживался до тех пор, пока не стал папой, прежде чем начать преследовать последователей слова Божьего. Желая выполнить условия конвенции в Брюгге, он выступил против "подданных короля, которые нарушали покой апостольского престола". Генрих должен

был отстоять титул, присвоенный ему папой; кардинал должен был получить папство; и оба могли удовлетворить свои желания, возведя несколько эшафотов.

АГНЕС И МОРДЕН.

В графстве Линкольн на берегу Северного моря, вдоль плодородных берегов Хамбера, Трента и Уитема, а также на склонах улыбающихся холмов жило много мирных христиан — рабочих, ремесленников и пастухов, — которые проводили свои дни в тяжелом труде, содержании своих стад, добрых делах и чтении Библии. [421] Чем больше распространялся свет Евангелия в Англии, тем больше увеличивалось число этих детей мира. [422] Эти "праведные люди", как их называли, были лишены человеческих знаний, но они жаждали познания Бога. Думая, что только они были истинными учениками Господа, они вступали в брак только между собой. [423] Они иногда появлялись в церкви; но вместо того, чтобы повторять свои молитвы, как остальные, они сидели, по словам их врагов, "молча, как звери". [424] По воскресеньям и праздникам они собирались в домах друг у друга и иногда проводили целую ночь за чтением отрывка из Священного Писания. Если среди них оказывалось мало книг, один из братьев, выучивший наизусть Послание святого Иакова, начало Евангелия от святого Луки, нагорную проповедь или послание святого Павла, громким и спокойным голосом декламировал несколько стихов; затем все благочестиво беседовали о святых истинах веры и увещевали друг друга применять их на практике. Но если бы к их собраниям присоединился кто-нибудь, кто не принадлежал к их телу, все они хранили бы молчание. [425] Много разговаривая друг с другом, они теряли дар речи перед пришельцами извне: страх перед священниками и педиками сделал их немыми. Не было семейной радости без Священных Писаний. На свадьбе дочери престарелого Дердана, одного из их патриархов, свадебная компания тайно собралась в амбаре и полностью прочитала одно из посланий святого Павла. Браки редко празднуются с такими развлечениями, как это!

Хотя они были немые перед врагами или подозреваемыми лицами, эти бедняки не хранили молчания в присутствии простых людей: пламенный прозелитизм был характерен для всех них. "Приходи ко мне домой, - сказала благочестивая Агнес Эшфорд Джеймсу Мордену, - и я научу тебя нескольким стихам из Священного Писания". Агнес была образованной женщиной; она умела читать; пришел Морден, и комната бедной женщины была преобразована в богословскую школу. Агнес начала: "Вы - соль земли", а затем продекламировала следующие стихи. [426] Пять раз Морден возвращался к Агнес, прежде чем услышал эту прекрасную речь. "Мы рассыпаны, как соль, по разным частям королевства, - сказала эта христианка неопиту, - для того, чтобы мы могли сдерживать распространение суеверий нашим учением и нашей жизнью. Но, - добавила она в тревоге, - храни эту тайну в своем сердце, как мужчина держал бы вора в тюрьме". [427]

САРКАЗМ.

Поскольку книги были редкостью, эти благочестивые христиане основали нечто вроде передвижной библиотеки, и некто Джон Сквивнер постоянно перевозил драгоценные тома от одного к другому. [428] Но время от времени, когда он шел вдоль берега реки или по лесным полянам, он замечал, что за ним следят. Он ускорял шаг и забегал в какой-нибудь сарай, где дружелюбные крестьяне тут же прятали его под соломой или, подобно израильским шпионам, под стеблями льна. [429] Ищейки прибывали, искали и ничего не находили; и не раз те, кто так великодушно укрывал этих евангелистов, жестоко искупали преступление милосердия.

Едва разочарованные офицеры покинули окрестности, как эти друзья слова Божьего вышли из своего укрытия и воспользовались моментом свободы, чтобы собрать братьев. Преследования, которым они подвергались, раздражали их против священников. Они поклонялись Богу, читали и пели вполголоса; но когда разговор стал общим, они дали волю своему негодованию. - Не могли бы вы знать, как пользоваться папским помилованием? один из них сказал: "Они предназначены для того, чтобы ослеплять глаза и опустошать кошельки". — "Истинное паломничество, — сказал портной Джеффри из Аксбриджа, — состоит в посещении бедных и больных — босиком, если вам так угодно, - ибо именно эти малыши являются истинным образом Бога". - "Деньги, потраченные на паломничество, - добавил третий, - служат только на содержание воров и блудниц". [430] Женщины часто были самыми оживленными в полемике. "Зачем нам обращаться к *ногам*, - сказала Агнес Уорд, которая не верила в святых, - когда мы можем обратиться к *голове*?" [431]— "духовенство в старые добрые времена, - сказала жена Дэвида Льюиса, - вело людей, как курица ведет своих цыплят; [432] но теперь, если наши священники ведут свои стада куда угодно, это, несомненно, к дьяволу".

Вскоре в этом округе началась всеобщая паника. Королевский духовник Джон Лонгленд был епископом Линкольнским. Этот священник-фанатик, креатура Вулси, воспользовался своим положением, чтобы ходатайствовать перед Генрихом о суровом преследовании: так в Англии, Франции и других местах обычно обращались к исповедникам государей. К несчастью, среди этих благочестивых учеников слова время от времени встречались люди циничного склада, чей едкий сарказм переходил все границы. Вулси и Лонгленд знали, как использовать эти выражения, чтобы вызвать гнев короля. "Когда один из этих парней, - сказали они, - был занят сбиванием зерна в своем амбаре, мимо случайно проходил мужчина. "Доброе утро, сосед" (сказал последний), "ты усерден в этом!" — "Да, - ответил старый еретик, думая о пресуществлении, - "Я обмолачиваю зерно, из которого священники делают Бога Всемогущим". " [433] Генри больше не колебался.

ЕПИСКОПСКИЙ ТРИБУНАЛ.

20 октября 1521 года, через девять дней после подписания в Риме буллы о *защитнике веры*, король, находившийся в Виндзоре, вызвал своего секретаря и продиктовал приказ, повелевающий всем своим подданным помогать епископу Линкольнскому в борьбе с еретиками. "Вы будете подчиняться ему, рискуя своей жизнью", - добавил он. Приказ был передан в Лонгленд, и епископ немедленно издал свои ордера, а его офицеры сеяли ужас повсюду. Увидев их, эти мирные, но робкие христиане встревожились. Изабелла Бартлет, услышав, как они приближаются к ее коттеджу, закричала своему мужу: "Ты пропащий человек! а я - мертвая женщина!" [434] Этот крик эхом отозвался во всех коттеджах Линкольншира. Епископ на своем судилище искусно сыграл на этих бедных несчастных существах, чтобы заставить их обвинять друг друга. Увы! согласно древнему пророчеству: "брат предал брата смерти". Роберт Бартлет подал иск против своего брата Ричарда и его собственной жены; Джейн Бернارد обвинила своего собственного отца, а Тредуэй - свою мать. Только после самых жестоких страданий эти бедные создания были доведены до таких ужасных крайностей; но епископ и смерть повергли их в ужас: лишь небольшое число людей осталось непоколебимыми. Что касается героизма, Реформация Уиклифа оказала лишь слабую помощь Реформации шестнадцатого века; тем не менее, если она и не дала много героев, то подготовила английский

народ к тому, чтобы превыше всего любить слово Божье. Из этих смиренных людей некоторые были приговорены к покаянию в разных монастырях; другие были приговорены трижды пронести на плечах вязанку хвороста вокруг рыночной площади, а затем некоторое время стоять на виду у насмешек толпы; третьи были привязаны к столбу, в то время как палач клеймил им щеки раскаленным железом. У них также были свои мученики. Возрождение Уиклифа никогда не обходилось без них. Четверо из этих братьев были избраны для казни, и среди них благочестивый евангелический *кольпортер* Скривнер. Сжигая его дотла, духовенство желало убедиться, что он больше не будет распространять слово Божье; и с ужасающей изощренной жестокостью его дети были вынуждены поджечь костер, которому суждено было поглотить их отца. [435] Они протянули вперед свои дрожащие руки, зажатые в крепкой хватке палачей.... Бедные дети!... Но легче сжечь конечности христиан, чем угасить Небесный Дух. Эти жестокие пожары не смогли уничтожить в крестьянстве Линкольншира ту любовь к Библии, которая во все века была силой Англии, гораздо большей, чем мудрость ее сенаторов или храбрость ее генералов.

ВУЛСИ ТЕРЯЕТ ТИАРУ.

Получив благодаря этим подвигам неоспоримые права на тиару, Вулси обратил свои усилия в сторону Рима. Лев X, как мы видели, только что умер (1522). Кардинал отправил Пейса в Рим, поручив ему "Представить кардиналам, что, выбрав сторонника Карла или Франциска, они навлекут на себя вражду того или другого из этих князей, и что если они выберут какого-нибудь слабого итальянского священника, апостольский престол должен стать добычей сильнейшего. Мятеж Лютера и амбиции императора ставят под угрозу папство. Есть только одно средство предотвратить грозящую опасность.... Это выбрать меня.... Теперь иди и напряги все силы". [436] Конклав открылся в Риме 27 декабря, и был предложен Уолси; но кардиналы в целом не были благосклонны к его избранию. "Он слишком молод", - сказал один; "Слишком тверд", - сказал другой. "Он установит папский престол в Англии, а не в Риме", - убеждали многие. Он не получил и двадцати голосов. "Кардиналы, - писал английский посол, - ворчали и ссорились друг с другом, и их недобросовестность и ненависть возрастали с каждым днем". На шестой день им прислали только одно блюдо; и тогда в отчаянии они выбрали Адриана, который был наставником императора, и поднялся крик: *Папам хабемус!*

Все это время Вулси находился в Лондоне, снедаемый честолюбием и считая дни и часы. Наконец он получил депешу из Гента, датированную 22 января, с такими словами: "9 января был избран кардинал Тортозы!"... Вулси был почти сбит с толку. Чтобы заполучить Карла, он пожертвовал союзом Франциска I; не было такой хитрости, к которой бы он не прибегнул, и все же Карл, несмотря на свои обязательства, добился избрания своего наставника!... Император знал, каков должен быть гнев кардинала, и попытался его унять: "Новый папа, - писал он, - стар и немощен; [437] он не сможет долго занимать свой пост.... Умоляй кардинала Йоркского ради меня как следует заботиться о его здоровье.

Карл сделал больше, чем это: он лично посетил Лондон под предлогом своей помолвки с Марией Английской, и в составленный тогда договор он согласился включить статью, в силу которой Генрих VIII и могущественный император обязывались, если кто-либо из них нарушит договор, предстать перед Вулси и подчиниться его решениям. [438] Кардинал, польщенный такой снисходительностью, успокоился; и в то же время его тешили самые лестные надежды. "Слабоумный наставник Карла, - сказали они ему, - прибыл в Ватикан в сопровождении только

своей кухарки; вскоре ты войдешь туда, окруженный всем своим величием". Чтобы быть уверенным в своей игре, Вулси тайно сблизился с Франциском I, а затем дождался смерти папы римского. [439]

ГЛАВА VIII.

Характер Тиндейла—Он прибывает в Лондон—Он проповедует—Облачение и Церковь—Епископ Лондона дает аудиенцию Тиндейлу—Его увольняют—Лондонский христианский торговец—Дух любви в Реформации—Тиндейл в доме Монмута—Фрит помогает ему переводить Новый Завет—Назойливость епископа Линкольнского—Преследования в Лондоне—Решение Тиндейла—Он уходит—Его возмущение против прелатов—Его Надежды.

ХАРАКТЕР ТИНДЕЙЛА.

В то время как кардинал интриговал для достижения своих эгоистичных целей, Тиндейл смиренно осуществлял великую идею передачи Священных Писаний Божьих Англии.

ОН ПРОПОВЕДУЕТ СПАСЕНИЕ ЧЕРЕЗ ХРИСТА.

Печально попрощавшись с поместьем Содбери, ученый наставник отбыл в Лондон. Это произошло примерно в конце 1522 или начале 1523 года. Он бросил университет, покинул дом своего покровителя; его странствующая карьера вот-вот должна была начаться, но густая завеса скрывала от него все ее горести. Тиндейл, человек простой в своих привычках, трезвый, смелый и великодушный, не боящийся ни усталости, ни опасности, непреклонный в своем долге, помазанный Духом Божьим, преисполненный любви к своим братьям, свободный от человеческих традиций, слуга одного Бога и не любящий ничего, кроме Иисуса Христа, обладающий богатым воображением, острым умом и трогательным красноречием, — такой человек мог бы блистать в первых рядах; но он предпочел уединенную жизнь в каком-нибудь бедном уголке, при условии, что сможет дать своим соотечественникам Священные Писания Божьи. Где он мог найти это спокойное убежище? этот вопрос он задавал себе, пока в одиночестве добирался до Лондона. Митрополичий престол тогда занимал Катберт Тонстолл, который был скорее государственным деятелем и ученым, чем церковником, "первым из англичан в греческой и латинской литературе", - сказал Эразм. Этот панегирик ученому голландцу всплыл в памяти Тиндейла. [440] "Именно греческий Завет Эразма привел меня ко Христу, - сказал он себе. - Почему бы в доме друга Эразма не приютить меня, чтобы я мог перевести его?"... Наконец он добрался до Лондона и, чужой в этом многолюдном городе, побрел по улицам, поочередно терзаемый надеждой и страхом.

Будучи рекомендован сэром Джоном Уолшем сэру Гарри Гилдфорду, королевскому контролеру, а от него нескольким священникам, Тиндейл почти сразу же начал проповедовать, особенно в церкви Святого Дунстана, и донес до сердца столицы истину, которая была изгнана с берегов Северна. Слово Божье было для него основой спасения, а *благодать* Божья - его сутью. Его изобретательный ум представлял истины, которые он провозглашал, поразительным образом. Однажды он сказал: "Это кровь Христа открывает врата небес, а не твои дела. Я ошибаюсь.... Да, если ты захочешь, чтобы это было так, то твоими добрыми делами ты будешь спасен.—И все же, пойми меня хорошо, не теми, которые ты сделал, а теми, которые Христос сделал для тебя.

Христос в тебе, и ты в нем, неразрывно связанные друг с другом. Ты не можешь быть проклят, если Христос не будет проклят с тобою; и Христос не может быть спасен, если ты не будешь спасен с ним". [441] Этот ясный взгляд на оправдание верой относит Тиндейла к реформаторам. Он не занял своего места на епископском троне и не надел шелковую мантию; но он взошел на эшафот и был облачен в огненное одеяние. В служении распятому Спасителю это последнее отличие выше первого.

Однако перевод был его главным занятием; он говорил об этом своим знакомым, и некоторые из них выступили против его проекта. "Только учения врачей, - говорили некоторые городские торговцы, - могут помочь нам понять Священное Писание". - То есть, - ответил Тиндейл, - я должен отмерить *ярд ткани*. [442] Посмотрите сюда, - продолжил он, используя практический аргумент, - вот в вашем магазине двадцать штук материи разной длины.... Вы измеряете ярд этими частями или куски ярдом?... Универсальный стандарт - это Священное Писание." Это сравнение легко закрепилось в сознании мелких торговцев столицы.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ УБРАТЬ В ХОЛОДИЛЬНИК.

Желая осуществить свой проект, Тиндейл стремился стать капелланом епископа; [443] его амбиции были скромнее, чем у Вулси. Эллинист обладал качествами, которые не могли не понравиться самым сведущим в греческой литературе англичанам: Тонстолл и Тиндейл любили и читали одних и тех же авторов. Бывший наставник решил отстаивать свое дело через эlegantного и гармоничного ученика Радика и Горгия: "Вот одна из речей Исократ, которую я перевел на латынь, - сказал он сэру Гарри Гилдфорду. - Я был бы рад стать капелланом его светлости епископа Лондонского; не могли бы вы попросить его принять этот пустяк? Исократ должен быть отличной рекомендацией для ученого; не будете ли вы так добры добавить свою." Гилфорд заговорил с епископом, вложил перевод ему в руки, и Тонстолл ответил с той благожелательностью, которую он проявлял ко всем. "Ваши дела идут честно, - сказал контролер Тиндейлу. - напишите письмо его светлости и доставьте его сами". [444]

Теперь надежды Тиндейла начали сбываться. Он написал свое письмо наилучшим образом, а затем, вверив себя Богу, отправился в епископский дворец. К счастью, он знал одного из чиновников епископа, Уильяма Хебилтуэйта, которому и передал письмо. Хебилтуэйт отнес его его светлости, пока Тиндейл ждал. Его сердце сжималось от тревоги: найдет ли он наконец долгожданное убежище? Ответ епископа мог решить весь ход его жизни. Если дверь открыта, если переводчик Священного Писания должен поселиться в епископальном дворце, почему бы его лондонскому покровителю не принять истину так же, как его покровитель в Содбери? и в таком случае, какое будущее ждет церковь и королевство!... Реформация стучалась в дверь иерархии Англии, и последняя была готова сказать свое "да" или "нет". Через несколько минут Хебилтуэйт вернулся: "Я провожу вас к его светлости". Тиндейл вообразил, что добился своего.

ОТВЕТ ЕПИСКОПА.

Епископ был слишком добросердечен, чтобы отказать в аудиенции человеку, обратившемуся к нему с тройной рекомендацией Исократ, контролера и старого товарища царя по оружию. Он принял Тиндейла с добротой, немного смягченной, однако, холодностью, как будто тот был человеком, знакомство с которым могло скомпрометировать его. Когда Тиндейл сообщил о своих пожеланиях, епископ поспешил ответить: "Увы! мой дом полон. [445] Сейчас у меня больше людей, чем я могу нанять". Тиндейл был смущен этим ответом. Епископ Лондонский

был ученым человеком, но ему не хватало смелости и последовательности; он протянул правую руку друзьям-литераторам и Евангелистам, а левую - друзьям-священникам; а затем попытался ходить с обоими. Но когда ему пришлось выбирать между двумя партиями, клерикальные интересы возобладали. Вокруг него не было недостатка в епископах, священниках и мирянах, которые запугивали его своими криками. Сделав несколько шагов вперед, он внезапно отпрянул. Тиндейл все же рискнул вставить слово, но прелат был по-прежнему холоден. Гуманисты, которые смеялись над невежеством монахов, не решались прикоснуться к церковной системе, которая щедро предоставляла им такие богатые синекуры. Они приняли новые идеи в теории, но не на практике. Они охотно обсуждали их за столом, но не провозглашали с кафедры; и, осыпая аплодисментами греческий Завет, они разорвали его на куски, когда перевели на вульгарный язык. "Если вы хорошенько осмотритесь в Лондоне, - холодно сказал Тонстолл бедному священнику, - то не преминете найти какое-нибудь подходящее занятие". Это было все, чего смог добиться Тиндейл. Хебилтуэйт проводил его до двери, и эллинист удалился печальный и подавленный.

Его ожидания были обмануты. Изгнанный с берегов Северна, без дома в столице, что стало бы с переводом Священных Писаний? "Увы! - сказал он. - Я был обманут... [446] у епископов искать нечего.... Христа ударили по щеке на глазах у епископа, Павла ударили на глазах у епископа [447] ... и епископ только что прогнал меня". Его уныние длилось недолго: в его душе было эластичное начало. "Я жажду слова Божьего, - сказал он, - я переведу его, что бы они ни говорили или ни делали. Бог не допустит, чтобы я погиб. Он никогда не создавал рта, но он создавал для него пищу, ни тела, но он также создавал одежду". [448]

ЛОНДОНСКИЙ КУПЕЦ.

Эта доверчивость не была неуместной. Мирянин имел привилегию давать то, в чем отказал епископ. Среди слушателей Тиндейла в церкви Святого Дунстана был богатый купец по имени Хамфри Монмут, который посетил Рим и которому (как и его спутникам) папа был так добр, что подарил некоторые римские диковинки, такие как индульгенции, *culpâ et a pœnâ*. Корабли, груженные его изделиями, каждый год отправлялись из Лондона в другие страны. Ранее он посещал проповедь Колета в соборе Святого Павла, а с 1515 года знал слово Божье. [449] Он был одним из самых добрых и услужливых людей в Англии; он держал дом открытым для друзей учения и Евангелия, а его библиотека содержала новейшие публикации. Облекаясь в Иисуса Христа, Монмут особенно старался проявить свой характер; он щедро помогал своим кошельком как священникам, так и литераторам; он дал сорок фунтов стерлингов капеллану епископа Лондонского, столько же королевскому, провинциальному ордену августинцев и другим, кроме него. Латимер, который иногда обедал с ним, однажды рассказал с кафедры анекдот, характерный для друзей Реформации в Англии. Среди постоянных гостей за столом Монмута был один из его беднейших соседей, ревностный католик, которому щедрый хозяин часто ссужал деньги. Однажды, когда набожный торговец восхвалял Священное Писание и обвинял папство, его сосед побледнел, встал из-за стола и вышел из комнаты. "Нога моя больше никогда не ступит в его дом, - сказал он своим друзьям, - и я никогда не одолжу у него ни шиллинга". [450] Затем он пошел к епископу и выложил информацию против своего благодетеля. Монмут простил его и попытался вернуть, но сосед постоянно сворачивал с его пути. Однако однажды они встретились на такой узкой улочке, что он не смог убежать. "Я пройду мимо, не взглянув на него", - сказал романист, отворачивая голову. Но Монмут направился прямо к нему, взял его за руку и ласково спросил: "Сосед, что плохого я тебе сделал?" - и

продолжал говорить с ним с такой любовью, что бедняга упал на колени, разрыдался и попросил у него прощения. [451] Таков был дух, который с самого начала вдохновлял работу Реформации в Англии: это было угодно Богу и нашло благосклонность у людей.

Монмут, вдохновленный проповедями Тиндейла, поинтересовался его средствами к существованию. "У меня их нет", - [452] ответил он, - "но я надеюсь поступить на епископскую службу". Это было до его визита в Тонстолл. Когда Тиндейл увидел, что все его надежды рухнули, он отправился к Монмуту и все ему рассказал. "Приезжай и живи со мной, - сказал богатый торговец, - и там трудись". Бог поступил с Тиндейлом согласно его вере. Простой, бережливый, преданный работе, он учился день и ночь; [453] и, желая уберечь свой разум от "чрезмерного переизбытка", он отказался от деликатесов со стола своего патрона и не брал ничего, кроме размокшего мяса и слабого пива. [454] Может даже показаться, что он зашел слишком далеко в простоте одежды. [455] Своими разговорами и делами он проливал на дом своего покровителя мягкий свет христианских добродетелей, и Монмут с каждым днем любил его все больше.

ФРИТ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ТИНДЕЙЛУ.

Тиндейл продвигался в своей работе, когда Джон Фрит, математик из Королевского колледжа Кембриджа, прибыл в Лондон. Вполне вероятно, что Тиндейл, почувствовав нехватку единомышленника, пригласил его. Объединенные, как Лютер и Меланхтон, два друга провели вместе много ценных бесед. "Я полностью посвящу свою жизнь церкви Иисуса Христа", - сказал Фрит. [456] "Чтобы быть хорошим человеком, ты должен отдать большую часть себя своим родителям, большую часть своей стране; но больше всего - церкви Господней". "Люди должны знать слово Божье", [457] они сказали и то, и другое. "Толкования Евангелия без вмешательства соборов или пап достаточно, чтобы зародить в сердце спасительную веру". Они заперлись в маленькой комнате в доме Монмута и переводили главу за главой с греческого на простой английский. Епископ Лондонский ничего не знал о работе, происходившей в нескольких ярдах от него, и все шло по плану Тиндейла, когда ее прервало непредвиденное обстоятельство.

ОБУЧЕНИЕ И ЭШАФОТ.

Лонгленд, гонитель линкольнширских христиан, не ограничивал свою деятельность пределами своей епархии; он осаждал короля, кардинала и королеву своими жестокими приставаниями, используя влияние Вулси на Генриха и Генриха на Вулси. "Его величество, - писал он кардиналу, - проявляет в этом священном споре столько же доброты, сколько и рвения ... и все же, будьте любезны призвать его свергнуть врагов Божьих". А затем, повернувшись к королю, исповедник сказал, чтобы подстегнуть его: "Кардинал собирается наложить еще большее отлучение от церкви на всех, кто владеет трудами Лютера или придерживается его взглядов, и заставить книготорговцев подписать перед магистратами обязательство не продавать *еретические* книги". "Замечательно!" - с усмешкой ответил Генри. "Я думаю, они будут бояться судебных уз больше, чем *церковного* отлучения от церкви". И все же последствия "клерикального" отлучения от церкви должны были быть весьма позитивными; всякий, кто упорствовал в своем преступлении, должен был преследоваться законом *ad ignem*, даже на костре. [458] Наконец исповедник обратился к королеве: "Мы не можем быть уверены в сдерживании прессы", - сказал он ей. "Эти несчастные книги приходят к нам из Германии, Франции и Нидерландов и даже печатаются в самой нашей среде. Мадам, мы должны обучать и готовить умелых людей, способных обсуждать спорные моменты, чтобы миряне, пораженные, с одной стороны, хорошо разработанными аргументами, а с другой - напуганные страхом наказания, могли оставаться в

повиновении". [459] В системе епископа "огонь" должен был дополнять римское обучение. Основная идея иезуитизма уже видна в концепции исповедника Генриха Восьмого. Эта система является естественным развитием романизма.

Тонстолл, подталкиваемый Лонглендом и желающий показать себя таким же святым церковником, каким он когда-то был искусным государственным деятелем и элегантным ученым, — Тонстолл, друг Эразма, начал преследование. Он бы побоялся проливать кровь, как Лонгленд; но есть меры, которые мучают разум, а не тело, и к которым самые умеренные люди боятся не прибегать. Джон Хиггинс, Генри Чемберс, Томас Иглстоун, священник по имени Эдмунд Спилман и некоторые другие христиане в Лондоне часто встречались и читали отрывки из Библии на английском языке и даже публично утверждали, что "в мизинце Лютера было больше учености, чем у всех врачей Англии". [460] Епископ приказал арестовать этих мятежников: он льстил им и встревожил, угрожая жестокой смертью (которую он вряд ли бы им причинил), и этими искусными действиями заставил их замолчать.

Тиндейл, ставший свидетелем этого преследования, опасался, как бы кол не помешал его трудам. Если тем, кто прочитает несколько фрагментов Священного Писания, грозит смерть, чего только не придется вынести тому, кто переводит все Писание целиком? Его друзья умоляли его отказаться от преследования епископа. "Увы! - воскликнул он. - неужели нет места, где я мог бы перевести Библию?... Не только дом епископа закрыт для меня, но и вся Англия". [461]

ЕГО НЕГОДОВАНИЕ ПРОТИВ ПРЕЛАТОВ.

Затем он принес великую жертву. Поскольку в его собственной стране нет места, где он мог бы перевести слово Божье, он отправится искать его среди народов континента. Это правда, что люди ему неизвестны; у него нет ресурсов; возможно, там его ждут преследования и даже смерть.... Это не имеет значения! должно пройти некоторое время, прежде чем станет известно, чем он занимается, и, возможно, ему удастся перевести Библию. Он перевел взгляд в сторону Германии. "Бог не предназначает нас для спокойной жизни здесь, внизу", - сказал он. [462] "Если Он призывает нас к миру со стороны Иисуса Христа, то он призывает нас к войне со стороны всего мира".

В тот момент в Темзе стояло судно, загружавшееся для Гамбурга. Монмут дал Тиндейлу десять фунтов стерлингов на его путешествие, и другие друзья внесли такую же сумму. Он оставил половину этой суммы в руках своего благодетеля, чтобы обеспечить свои будущие нужды, и приготовился покинуть Лондон, где провел год. Отвергнутый своими соотечественниками, преследуемый духовенством и взяв с собой только свой Новый Завет и свои десять фунтов стерлингов, он взошел на борт корабля, отряхнув пыль со своих ног, согласно завету своего Учителя, и эта пыль упала обратно на священников Англии. Он был возмущен (говорит хронист) этими грубыми монахами, алчными священниками и напыщенными прелатами, [463] которые вели нечестивую войну против Бога. "Что за ремесло у священников!" - сказал он в одном из своих более поздних сочинений. "Им нужны деньги на все: деньги на крещение, деньги на церкви, на свадьбы, на погребения, на изображения, братства, епитимьи, заупокойные мессы, колокола, органы, чаши, ризы, стихари, кувшины, кадильницы и всевозможные украшения. Бедная овечка! Пастор стрижет, викарий бреет, приходской священник опрашивает, монах скребет, продавец индульгенций парирует ... все, чего ты хочешь, - это чтобы мясник содрал с тебя шкуру. [464] Он не оставит вас надолго. Почему ваши прелаты одеты в красное? Потому что они готовы пролить кровь любого, кто ищет слова Божьего. [465] Бич государств, опустошители

королевств, священники отнимают не только Священное Писание, но также процветание и мир; но в их советах нет мирян; царствуя над всеми, они никому не подчиняются; и заставляя всех соглашаться с их собственным величием, они устраивают заговоры против каждого королевства". [466]

Ни одно королевство не было более знакомо, чем Англия, с заговорами папства, о которых говорил Тиндейл; и все же ни одно не освободилось более бесповоротно от власти Рима.

Однако Тиндейл покидал берега своей родной земли, и когда он обратил свой взор к новым странам, в его сердце возродилась надежда. Он собирался стать свободным, и он использовал бы свою свободу, чтобы донести слово Божье, которое так долго держал в плену. "Священники, - сказал он однажды, - когда они убили Христа, поставили секиры, чтобы удержать его в гробнице, чтобы он не воскрес снова, точно так же наши священники похоронили завет Божий, и все их усилия направлены на то, чтобы сохранить его в тайне, чтобы оно не воскресло снова. [467] Но час Господень настал, и ничто не может помешать слову Божьему, как ничто не могло помешать древнему Иисусу Христу восстать из гроба". Действительно, этот бедняга, плывший тогда в Германию, должен был отправить своим соотечественникам вечное Евангелие даже с берегов Эльбы.

ГЛАВА IX.

Билни в Кембридже—Обращения—Университетский крестоносец-Фермер из Лестершира—Группа студентов—Суеверные обычаи—Упрямый папист—Софисты—Латимер нападает на Стаффорда—Решение Билни—Латимер слышит признание Билни—Обращенный Исповедник—Новая жизнь в Латимере—Билни проповедует Благодать—Природа служения—Характер Латимера и его учение—Дела милосердия—Три класса противников —Кларк и Далабер.

БИЛНИ В КЕМБРИДЖЕ.

Этот корабль не унес с собой всех надежд Англии. В Кембридже было сформировано общество христиан, центром которого был Билни. Теперь он не знал никакого другого канонического права, кроме Священного Писания, и нашел нового учителя, "Святого Духа Христова", - говорит историк. Хотя он был от природы робок и часто страдал от истощения, вызванного постами и бдениями, в его речи чувствовались жизнь, свобода и сила, разительно контрастировавшие с его болезненной внешностью. Он желал привлечь к познанию Бога, [468] всех, кто приближался к нему; и постепенно лучи евангельского солнца, которое тогда восходило на небосводе христианского мира, проникли сквозь древние окна колледжей и осветили уединенные покои некоторых учителей и стипендиатов. Мастер Артур, мастер Тисл из Пембрук-Холла и мастер Стаффорд были одними из первых, кто присоединился к Билни. Джордж Стаффорд, профессор богословия, был человеком глубокой образованности и святой жизни, ясным и точным в своем учении. Все в Кембридже восхищались им, так что его обращение, как и обращение его друзей, вызвало тревогу среди приверженцев схоластики. Но обращению, еще более поразительному, чем это, было суждено дать английской реформации поборника более прославленного, чем Стаффорд или Билни.

ФЕРМЕР ИЗ ЛЕСТЕРШИРА.

В то время в Кембридже жил священник, печально известный своим ярким фанатизмом. В процессиях, среди помпезности, молитв и песнопений поезда, никто не мог не заметить магистра искусств, лет тридцати, который, высоко подняв голову, гордо нес университетский крест. Хью Латимер, ибо таково было его имя, сочетал едкий юмор со стремительным нравом и неутолимой рвением и очень быстро высмеивал недостатки своих противников. В его фанатизме было больше остроумия и насмешки, чем часто можно найти в подобных персонажах. Он следовал за друзьями слова Божьего по колледжам и домам, где они обычно встречались, спорил с ними и настаивал на том, чтобы они отказались от своей веры. Он был вторым Савлом и вскоре стал походить на апостола язычников еще в одном отношении.

Впервые он увидел свет в 1491 году в графстве Лестер. Отец Хью был честным йоменом; и в сопровождении одной из своих шести сестер маленький мальчик часто пас на пастбищах двадцать пять овец, принадлежавших ферме, или приводил домой к своей матери тридцать коров, доить которых было ее обязанностью. [469] В 1497 году корнуолльские повстанцы под предводительством лорда Одли разбили лагерь в Блэкхите, наш фермер облачился в свои ржавые доспехи и, сев на коня, откликнулся на призыв короны. Хью, которому тогда было всего шесть лет, присутствовал при его отъезде и, словно желая принять свое маленькое участие в битве, застегнул ремни отцовских доспехов. [470] Пятьдесят два года спустя он напомнил об этом обстоятельстве в проповеди, произнесенной перед королем Эдуардом. Дом его отца всегда был открыт для соседей, и ни один бедняк никогда не уходил от двери, не получив подаяния. Старик воспитал свою семью в любви к людям и в страхе Божьем и, с радостью отметив не по годам развитый разум своего сына, отдал его на обучение в сельские школы, а затем в возрасте четырнадцати лет отправил в Кембридж. Это было в 1505 году, как раз когда Лютер поступал в монастырь августинцев.

УПРЯМЫЙ ПАПИСТ.

Сын лестерширского йомена был оживленным человеком, любил развлечения и веселую беседу и часто участвовал в развлечениях своих товарищей по учебе. Однажды, когда они обедали вместе, один из гостей воскликнул: *Nil melius quam lætari et facere bene!* — "Нет ничего лучше, чем веселиться и преуспевать". [471] — "Месть этому *бене!*" - ответил монах с наглым видом. "Я хотел бы, чтобы это было за морем; [472] это марс - все остальное". Молодой Латимер был очень удивлен этим замечанием: "Теперь я понимаю, - сказал он, - это будет большим подспорьем для этих монахов, когда им придется отчитываться перед Богом за свою жизнь".

Латимер, став более серьезным, всей душой посвятил себя суевериям, и очень фанатичный старый кузен взялся обучать его им. Однажды, когда один из их родственников лежал мертвый, она сказала ему: "Теперь мы должны изгнать дьявола. Возьми эту святую свечу, дитя мое, и проведи ею по телу, сначала вдоль, а затем поперек, как всегда, осеняя себя крестным знамением".

Но ученый совершал этот обряд экзорцизма очень неловко, его престарелый кузен выхватил свечу у него из рук, сердито воскликнув: "Очень жаль, что твой отец тратит столько денег на твою учебу: он никогда ничего из тебя не добьется". [473]

Это пророчество не исполнилось. В 1509 году он стал членом Клэр-Холла, а в 1514 году получил степень магистра. Закончив изучение классической литературы, он начал изучать богословие. Его любимыми авторами были Дунс Скот, Фома Аквинский и Гуго де Санкто Победоносец.

Практическая сторона вещей, однако, занимала его больше, чем умозрительная; и в Кембридже он больше отличался своим аскетизмом и энтузиазмом, чем своей ученостью, он придавал значение самым незначительным мелочам. Поскольку молитвенник предписывает смешивать воду с вином для причастия, часто во время мессы его мучила совесть из-за страха, что он не налил *достаточно воды*. [474] Это раскаяние ни на минуту не оставляло его спокойным во время службы. У него, как и у многих других, привязанность к детским обрядам занимала в его сердце место веры в великие истины. Для него дело церкви было делом Божиим, и он уважал Томаса Бекета по крайней мере так же сильно, как святого Павла. "Я был тогда, - сказал он, - таким же упрямым папистом, как и любой другой в Англии". [475] Лютер говорил то же самое о себе.

СТАФФОРД И СОФИСТЫ.

Пылкий Латимер вскоре заметил, что все вокруг него не были столь же ревностны по отношению к церковным церемониям. Он с удивлением наблюдал за некоторыми молодыми сотрудниками университета, которые, оставив школьных докторов, ежедневно встречались, чтобы читать Священное Писание и исследовать его. Люди насмеялись над ними в Кембридже: "Это всего лишь *софисты*", - таков был крик; но Латимеру было недостаточно насмешек. Однажды он вошел в комнату, где собрались эти *софисты*, и умолял их прекратить изучение Библии. Все его мольбы были бесполезны. Можем ли мы этому удивляться? сказал себе Латимер. Разве мы не видим, что даже наставники подают пример этим заблудшим овцам? Вот мастер Стаффорд, самый прославленный профессор английских университетов, посвящающий свое время *Библии*, подобно Лютеру в Виттемберге, и объясняющий Священные Писания в соответствии с еврейскими и греческими текстами! и восхищенные студенты воспевают доктора плохими стихами,

Qui Paulum explicuit rite et evangelium. [476]

То, что молодые люди должны заниматься этими новыми доктринами, было возможно, но чтобы этим занимался доктор богословия — какой позор! Поэтому Латимер решил напасть на Стаффорда. Он оскорбил его [477]; он умолял молодежь Кембриджа отказаться от профессора и его еретического учения; он посещал зал, в котором преподавал доктор, проявлял признаки нетерпения во время урока и придирался к нему после ухода из школы. Он даже публично проповедовал против ученого доктора. Но ему казалось, что Кембридж и Англия были ослеплены: правда, духовенство одобряло действия Латимера — более того, хвалило их; и все же они ничего не предприняли. Однако, чтобы утешить его, он был назначен крестоносцем университета, и мы уже видели, как он исполнял эту обязанность.

Латимер хотел показать, что достоин такой чести. Он оставил студентов, чтобы атаковать Стаффорда; и теперь он оставил Стаффорда ради более прославленного противника. Но эта атака привела его к кому-то, кто *был сильнее его*. По случаю получения степени бакалавра богословия он должен был выступить с лекцией на латыни в присутствии университета; Латимер выбрал в качестве своего предмета *Филиппа Меланхтона и его доктрины*. Разве этот дерзкий еретик не осмелился совсем недавно сказать, что отцы церкви изменили смысл Священного Писания? Разве он не утверждал, что, подобно тем камням, различные цвета которых передаются присасывающемуся к ним полипу, [478], так и врачи церкви высказывают каждый свое собственное мнение в отрывках, которые они объясняют? И, наконец, разве он не открыл

новый *пробный камень* (именно так он называет Священное Писание), с помощью которого мы должны проверять предложения даже святого Фомы?

ЛАТИМЕР СЛЫШИТ ПРИЗНАНИЕ БИЛНИ.

Выступление Латимера произвело большое впечатление. Наконец-то (говорили его слушатели) Англия, нет, Кембридж, предоставит церкви защитника, который выступит против виттембергских докторов и спасет сосуд нашего Господа. Но результат должен был быть совсем другим. Среди слушателей был один человек, которого почти не было видно из-за его небольшого роста: это был Билни. В течение некоторого времени он наблюдал за движениями Латимера, и его заинтересовало его рвение, хотя это было рвение без знания. Его энергия была невелика, но он обладал тонким тактом, искусной проницательностью характера, которые позволяли ему распознавать ошибки и выбирать наиболее подходящий метод борьбы с ними. Соответственно, хронист называет его "триером сатанинских хитростей, назначенным Богом для обнаружения фальшивых денег, которые враг распространял по церкви". [479] Билни легко распознал софизмы Латимера, но в то же время любил его как личность и задумал привлечь его к Евангелию. Но как с этим справиться? Предубежденный Латимер даже не захотел слушать евангелиста Билни. Последний размышлял, молился и, наконец, спланировал очень откровенный и очень странный заговор, который привел к одному из самых удивительных обращений, зафиксированных в истории.

ИСПОВЕДНИК ОБРАТИЛСЯ В ВЕРУ.

Он поступил в колледж, где жил Латимер. "Ради всего Святого, - сказал он ему, - будь рад услышать мою исповедь". [480] *Еретик* молился, чтобы исповедаться *католику*: какой странный факт! "Моя речь против Меланхтона, без сомнения, обратила его в свою веру", - сказал себе Латимер. Разве Билни когда-то не принадлежал к числу самых благочестивых фанатиков? Его бледное лицо, изможденное телосложение и смиренный вид - явные признаки того, что он должен принадлежать к аскетам католицизма. Если он повернет назад, все повернется вместе с ним, и реакция в Кембридже будет полной. Пылкий Латимер с готовностью уступил просьбе Билни, и последний, преклонив колени перед крестоносцем, с трогательной простотой рассказал ему о муках, которые он когда-то испытывал в своей душе, об усилиях, которые он прилагал, чтобы избавиться от них; об их бесполезности, пока он твердо решил следовать заповедям церкви, и, наконец, о мире, который он испытывал, когда верил, что Иисус Христос есть *Агнец Божий, который берет на себя грехи мира*. Он описал Латимеру дух усыновления, который он получил, и то счастье, которое он испытал, получив возможность теперь называть Бога своим отцом.... Латимер, ожидавший услышать признание, выслушал без малейшего недоверия. Его сердце было открыто, и голос благочестивого Билни беспрепятственно проникал в него. Время от времени исповедник отгонял новые мысли, которые теснились в его груди, но кающийся продолжал. Его язык, одновременно такой простой и такой живой, действовал как обоюдоострый меч. Билни не остался без помощи в своей работе. Новый, странный свидетель — Святой Дух, [481]— заговорил в душе Латимера. Он научился у Бога познавать Бога: он получил новое сердце. Наконец благодать восторжествовала: кающийся поднялся, но Латимер остался сидеть, погруженный в свои мысли. Сильный крестоносец тщетно сопротивлялся словам слабого Билни. Подобно Савлу на пути в Дамаск, он был побежден, и его обращение, как и обращение апостола, было мгновенным. Он пробормотал несколько слов; Билни с любовью приблизился к нему, и Бог рассеял тьму, которая все еще

омрачала его разум. Он видел в Иисусе Христе единственного Спасителя, данного человеку: он созерцал его и боготворил. "Я узнал из этого признания больше, - сказал он впоследствии, - чем из большого чтения и за много лет до этого" [482].... Теперь я вкусил слово Божье, [483] и оставил школьных врачей и все их глупости". [484] Отпущение грехов получал не кающийся, а исповедник. Латимер с ужасом смотрел на упорную войну, которую он вел против Бога; он горько плакал; но Билни утешал его. "Брат, - сказал он, - хотя твои грехи будут как багрянец, они будут белы, как снег". Этим двум молодым людям, запертым тогда в своей одиночной камере в Кембридже, предстояло однажды взойти на эшафот ради того божественного Учителя, дух которого учил их. Но один из них, прежде чем отправиться на костер, первым сел на епископский престол.

Латимер изменился. Энергия его характера была умерена божественным помазанием. Став верующим, он перестал быть суеверным. Вместо того чтобы преследовать Иисуса Христа, он стал ревностным искателем его. [485] Вместо придирок и брани он показал себя кротким и нежным; [486] вместо того, чтобы часто бывать в компании, он искал уединения, изучал Священные Писания и продвигался вперед. в истинном богословии. Он сбросил с себя старого человека и надел нового. Он посетил Стаффорда, попросил прощения за нанесенное ему оскорбление, а затем регулярно посещал его лекции, будучи покорен больше ангельской беседой этого доктора [487], чем его ученостью. Но это было общество Билни, которое Латимер культивировал больше всего. Они ежедневно беседовали друг с другом, часто совершали совместные прогулки за город и иногда отдыхали в месте, издавна известном как "холм еретиков". [488]

БИЛНИ ПРОПОВЕДУЕТ БЛАГОДАТЬ.

Столь поразительное обращение придало новую силу евангельскому движению. До сих пор Билни и Латимер были самыми ревностными поборниками двух противоположных целей; одного презирали, другого почитали; слабый человек побеждал сильного. Это действие Духа Божьего не осталось незамеченным в Кембридже. Обращение Латимера, как в древности чудеса апостолов, поразило умы людей; и разве это не было на самом деле чудом? Вся университетская молодежь сбегалась послушать проповедь Билни. Он провозгласил "Иисуса Христа Тем, Кто, вкусив смерть, избавил свой народ от наказания за грех". [489] В то время как доктора школы (даже самые благочестивые из них) больше всего подчеркивали *роль* человека в деле искупления, Билни, напротив, подчеркивал другой термин, а именно, роль *Бога*. Это учение о благодати, говорили его противники, отменяет таинства и противоречит возрождению при крещении. Эгоизм, составляющий сущность падшего человечества, отвергал евангельское учение и чувствовал, что принять его - значит погибнуть. "Многие слушали *левым ухом*", по выражению Билни, "подобно Малху, которому отрезали *правое ухо*"; и они заполнили университет своими жалобами.

Но Билни не позволил себя остановить. Идея вечности овладела его разумом, и, возможно, в нем все еще сохранились какие-то слабые остатки преувеличенного аскетизма. Он осуждал любой вид отдыха, даже невинный. Музыка в церквях казалась ему насмешкой над Богом; [490] и когда Терлби, который впоследствии стал епископом и жил в Кембридже в комнате этажом ниже, обычно начинал играть на магнитофоне, Билни падал на колени и изливал душу в молитве: для него молитва была самой сладкой мелодией. Он молился о том, чтобы живая вера

детей Божьих во всей Англии заменила тщеславие и гордыню священников. Он верил — он молился — он ждал. Его ожидание не было напрасным.

ПРИРОДА СЛУЖЕНИЯ.

Латимер шел по его стопам: преобразование его души продолжалось; и чем больше фанатизма он проявлял по отношению к жреческой системе, которая вверяет спасение в руки священника, тем больше рвения он теперь проявлял по отношению к евангельской системе, которая передала ее в руки Христа. Он увидел, что, если Церкви необходимо, чтобы у министров, это не потому, что они требуют человеческого посредничества, но от необходимости регулярной проповеди Евангелия и устойчивый направлении стада; и поэтому он хотел бы, чтобы вызвать слугу Господа *министра* (ὑπηρέτης или διάκονος τοῦ λόγι σου), и не *священник*, [491] (ἱερεὺς или *дополнительная*.) По его мнению, благодать давалась не наложением рук епископом, а благодатью, которая санкционировала наложение рук. Он считал активность одной из существенных черт евангельского служения. "Хотите ли вы знать, - сказал он, - почему Господь избрал *рыбаков* своими апостолами?... Посмотрите, как они день и ночь следят за своими сетями, чтобы поймать всю рыбу, которая попадется им на пути.... Поэтому все наши епископы, викарии и викариатки должны быть столь же болезненны, забрасывая свои сети, то есть проповедуя слово Божье". [492] Он считал всякую уверенность в человеческих силах пережитком язычества. "Давайте не будем поступать, - сказал он, - как надменный Аякс, который сказал своему отцу, отправляясь на битву: "Без помощи Божьей я способен сражаться, и я добьюсь победы своими силами". [493]

Реформация приобрела в лице Латимера человека, совершенно не похожего на Билни. Возможно, он не обладал такой проницательностью и благоразумием, но у него было больше энергии и красноречия. Тем, чем Тиндейл должен был стать для Англии своими трудами, Латимер должен был стать своими речами. Нежность его совести, теплота его рвения и живость его понимания были зачислены на службу Иисусу Христу; и если временами живость его остроумия заходила слишком далеко, это только показывает, что реформаторы были не *святыми*, а освященными людьми. "Он был одним из первых, - говорит историк, - кто во времена короля Генриха VIII поставил перед собой задачу проповедовать Евангелие в его истинности и простоте". [494] Он проповедовал на латыни *ad clerum* и на английском *ad populum*. Он смело представил своим слушателям закон с его проклятиями, а затем призвал их бежать к Спасителю мира. [495] С тем же рвением, с которым он служил мессу, он теперь проповедовал истинную жертву Христа. Однажды он сказал: "Если бы один человек совершил все грехи со времен Адама, вы можете быть уверены, что он был бы наказан таким же ужасом смерти, каким должны были бы страдать все люди в мире.... Такова была боль, которую перенес Христос.... Если бы наш Спаситель совершил все грехи мира; все, что я, со своей стороны, сделал, все, что вы, со своей стороны, сделали, и все, что сделал любой другой человек; если бы он сделал все это сам, его агония, которую он перенес, была бы не больше и не тяжелей, чем была.... Верьте в Иисуса Христа, и вы победите смерть.... Но, увы! - сказал он в другой раз. - Дьявол с помощью этого итальянского епископа, своего капеллана, всеми силами старался помешать смерти Христа и достоинствам его страстей". [496]

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА.

Так началась в британском христианском мире проповедь Креста. Реформация не была заменой средневекового папства католицизмом первых веков: это было возрождение проповеди святого

Павла, и поэтому, услышав Латимера, все с восторгом восклицали: "Из *Савла* Бог сделал его очень похожим на *Павла*. [497]

К внутренней силе веры кембриджские евангелисты добавили внешнюю силу жизни. Савл стал Павлом, сильный, пылкий Латимер нуждался в действии; а Билни, слабый и смиренный Билни, обладавший хрупким здоровьем, соблюдавший строгую диету, принимавший обычно только один прием пищи в день и никогда не спавший более четырех часов, поглощенный молитвой и изучением слова Божьего, проявил в то время всю энергию милосердия. Эти два друга посвятили себя не только легким трудам христианского милосердия; но, мало заботясь о том формальном христианстве, которое так часто встречается среди простых людей, они исследовали мрачные камеры сумасшедшего дома, чтобы донести сладкий и тонкий голос Евангелия до разъяренных маньяков. Они посетили убогий лазарет за городом, в котором жили несколько бедных прокаженных; они заботливо ухаживали за ними, заворачивали их в чистые простыни и уговаривали обратиться ко Христу. [498] Ворота тюрьмы в Кембридже были открыты для них, [499] и они объявили бедным заключенным то слово, которое дает свободу. Некоторые были обращены ею и с нетерпением ждали дня своей казни. [500] Латимер, впоследствии епископ Вустерский, был одним из самых красивых представителей Реформации в Англии.

СУЕТНОСТЬ И ЖЕСТОКОСТЬ.

Ему противостояли многочисленные противники. В первых рядах были священники, которые не жалели сил, чтобы сохранить души. "Берегитесь, - сказал Латимер новообращенным, - чтобы вас не настигли грабители и не ввергли в папскую тюрьму чистилище". [501] После них пришли сыновья и любимцы аристократии, мирские и легкомысленные студенты, которые не испытывали особого желания слушать Евангелие. "Сыновьями йомена вера Христова поддерживается в основном в церкви", - [502] сказал Латимер. "Этому царству учат сыновья богатых людей? Нет, нет; почитайте хроники; когда-нибудь вы найдете сыновей знатных людей, которые были необучающимися епископами и прелатами, но вы не найдете ни одного из них образованным человеком". Он желал бы такого способа избрания, при котором за христианскую кафедру становились бы не самые богатые и модные люди, а самые способные и набожные. Эта важная реформа была отложена до других дней. Наконец, евангелисты Кембриджа столкнулись с *жестокостью* многих, по выражению самого Латимера. "Зачем нам университеты и школы?" - спросили ученики этого класса. Святой Дух "всегда подскажет нам, что сказать". — "Мы должны доверять Святому Духу, - ответил Латимер, - но не полагаться на него. Если вы не будете поддерживать университеты, у вас будет *жестокость*. [503] Таким образом, Реформация вернула Кембриджу серьезность и знания, а также истину и милосердие.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО.

Однако Билни и Латимер часто обращали свои взоры в сторону Оксфорда и задавались вопросом, как туда сможет проникать свет. Вулси предусмотрел это. Магистр искусств Кембриджа Джон Кларк, добросовестный человек с нежным сердцем, большим благоразумием и безграничной преданностью своему долгу, был просвещен словом Божиим. Вулси, который с 1523 года повсюду искал выдающихся ученых для украшения своего нового колледжа, пригласил Кларка одним из первых. Этот доктор, желая донести до Оксфорда свет, который Бог дал Кембриджу, немедленно начал читать курс лекций по богословию, проводить конференции и проповедовать в своей красноречивой манере. Он учил каждый день. [504] Среди выпускников и студентов, следовавших за ним, был Энтони Далабер, молодой человек с

простыми, но глубокими чувствами, который, слушая его, ощутил в своем сердце возрождающую силу Евангелия. Переполненный счастьем, которое принесло ему знание об Иисусе Христе, он отправился в кардинальский колледж, постучал в дверь Кларка и сказал: "Отец, позволь мне больше никогда не покидать тебя!" Учитель, видя энтузиазм молодого ученика, полюбил его, но счел своим долгом испытать его: "Энтони, - сказал он, - ты не знаешь, о чем просишь. Мое учение сейчас вам приятно, но придет время, когда Бог возложит на вас крест гонений; вы предстанете перед епископами; ваше имя будет покрыто позором в мире, и у всех, кто любит вас, будут разбиты сердца из-за вас.... Тогда, мой друг, ты пожалеешь, что когда-либо знал меня.

Антоний, считая себя отвергнутым и не в силах вынести мысли о возвращении к бесплодным наставлениям священников, упал на колени и, горько рыдая, [505] воскликнул: "Ради нежной милости Божьей, не отвергай меня". Тронутый его горем, Кларк заключил его в объятия, поцеловал и со слезами на глазах воскликнул: "Господь дает тебе то, о чем ты просишь!... Прими меня за своего отца, я приму тебя за своего сына". С того часа Энтони, воплощенная радость, был подобен Тимофею у ног Павла. Он соединил быстрое понимание с нежной привязанностью. Когда кто-либо из студентов не посещал конференции Кларка, учитель поручал своему ученику посетить их, разобраться в их сомнениях и передать им свои наставления. "Это упражнение принесло мне много пользы, - сказал Далабер, - и я добился большого прогресса в знании Священных Писаний".

Таким образом, царство Божье, заключающееся не в формах, а в силе Духа, было установлено в Кембридже и Оксфорде. Встревоженные схоласты, видя, что их самые благочестивые ученики один за другим ускользают от их учения, призвали на помощь епископов, и последние решили послать агентов в Кембридж, средоточие ереси, для поимки лидеров. Это произошло в 1523 году или в начале 1524 года. Прибыли епископальные чиновники и приступили к делу. Самые робкие начали испытывать тревогу, но Латимер был полон мужества; как вдруг представителям духовенства было запрещено продолжать, и этот запрет, как ни странно, исходил от Вулси; "на каком основании я не могу себе представить", - говорит Бернет. [506] В Риме происходили определенные события, оказывающие большое влияние на жреческие советы, и которые, возможно, могут объяснить то, чего Бернет не мог понять.

ГЛАВА X.

Вулси ищет Тиару—Избран Климент VII—притворство Вулси—Чарльз предлагает Францию Генри—Миссия Пейса по этому вопросу—Вулси реформирует Монастыри—Его тайные союзы—Договор между Францией и Англией—Налогообложение и восстание—Ложные обвинения против реформаторов—Защита Латимера—Тентерден Шпиль.

ЧЕСТОЛЮБИЕ ВУЛСИ.

Адриан VI умер 14 сентября 1523 года, не дожив до конца второго года своего понтификата. Вулси считал себя папой. В конце концов он стал бы уже не только фаворитом, но и вершителем судеб королей земли; и его гений, для которого Англия была слишком узка, вышел бы на сцену в Европе и во всем мире. Уже прокручивая в уме гигантские проекты, будущий папа мечтал об

уничтожении ереси на западе, а на востоке - о прекращении греческого раскола и новых крестовых походах с целью водрузить крест на стенах Константинополя. Нет ничего такого, на что Уолси не отважился бы, когда однажды воссел на католический трон, и понтификаты Григория VII и Иннокентия III затмил бы понтификат сына ипсвичского мясника. Кардинал напомнил Генриху о его обещании, и уже на следующий день король подписал письмо, адресованное Карлу Пятому.

Полагая, что уверен в императоре, Вулси обратил все свои усилия на сторону Рима. "Английский легат, - сказали послы Генриха кардиналам, - это тот самый человек, который нужен в настоящее время. Он единственный, кто досконально знаком с интересами и нуждами христианского мира и достаточно силен, чтобы обеспечить их. Он воплощенная доброта и разделит свои достоинства и богатство со всеми прелатами, которые его поддерживают".

Но сам Джулио Медичи стремился к папству, и поскольку восемнадцать кардиналов были ему преданы, выборы не могли состояться без его поддержки. "Вместо того, чтобы сдаться, - сказал он на конклаве, - я бы умер в этой тюрьме". Прошел месяц, а ничего не было сделано. Затем были пущены в ход новые интриги: заговорщики были за Вулси, заговорщики были за Медичи. Кардиналы были осаждены:

В их среду многими тайными путями проникает хитрая интрига. [507]

ПРИТВОРСТВО ВУЛСИ.

Наконец, 19 ноября 1523 года люди собрались под их окнами, крича: "Нет иностранному папе". После сорока девяти дней дебатов Хулио был избран и, по его собственному выражению, "склонил голову под ярмом апостольского служения". [508] Он принял имя Климент VII.

Вулси был раздражен. Напрасно он представлялся перед кафедрой Святого Петра при каждой вакансии: более активный или удачливый соперник всегда занимал ее раньше него. Повелитель Англии и самый влиятельный из европейских дипломатов, он предпочитал ему людей, которые были ниже его по положению. Эти выборы стали событием для Реформации. Вулси как папа римский, говоря по-человечески, затянул бы веревки, которые и так тесно связывали Англию с Римом; но Вулси, отвергнутый, вряд ли мог не вступить на извилистый путь, который, возможно, способствовал бы освобождению Церкви. Он стал хитрее, чем когда-либо; объявил Генриху, что новые выборы вполне соответствовали его желаниям, [509] и поспешил поздравить нового папу. Он писал своим агентам в Риме: "Эти выборы, я уверяю вас, доставляют королю и мне столько радости, утешения и ликования, сколько только можно придумать или вообразить.... Вы должны показать его святейшеству, какая радость и утешение и для королевского высочества, и для меня осознать, что однажды в нашей жизни Богу по его великой благодати было угодно предоставить его церкви такого пастыря, которого мы с его преосвященством давно желали в глубине души; которого за его добродетель, мудрость и другие высокие и примечательные качества мы всегда считали самым способным и достойным человеком, удостоенным этого сана ". [510] Но папа, предвидя досаду своего конкурента, послал королю золотую розу и кольцо Вулси. "Мне очень жаль, - сказал он, снимая его с пальца, - что я не могу вручить его его высокопреосвященству лично". Более того, Климент присвоил ему звание легата *пожизненно*- должность— которая до сих пор была лишь временной. Таким

образом, папство и Англия обнялись, и ничто не казалось более отдаленным, чем христианская революция, которой было суждено очень скоро освободить Британию от опеки Ватикана.

ПОСОЛЬСТВО ПАСЕ.

Разочарованные амбиции Вулси заставили его приостановить деятельность духовенства в Кембридже. В его сердце была месть, и он не стремился преследовать своих соотечественников только в угоду своему сопернику; и, кроме того, как и некоторые папы, он питал определенную любовь к учености. Отправить нескольких лоллардов в тюрьму не составило труда; но ученые врачи ... это требовало более тщательного обследования. Таким образом, он дал Риму знак независимости. И все же он начал вынашивать злое замыслы не только против папы римского: Клименту повезло больше, чем ему самому; но это не было причиной, по которой он должен был сердиться на него.... Карл V был преступником, и Вулси поклялся в смертельной ненависти к нему. Решившись нанести удар, он искал только то место, где мог нанести самый сильный удар. Чтобы добиться своей цели, он решил скрыть свою страсть и капля за каплей вбить в сознание Генриха ту смертельную ненависть к Карлу, которая придала новую энергию его деятельности.

ВУЛСИ РЕФОРМИРУЕТ МОНАСТЫРИ.

Карл обнаружил негодование, скрывавшееся за кажущейся мягкостью Вулси, и, желая сохранить союз с Генрихом, стал более настойчиво заигрывать с королем. Лишив министра диадемы, он решил предложить корону королю: это была поистине благородная компенсация! "Вы король Франции, - сказал император, - и я обязуюсь завоевать для вас ваше королевство. [511] Отправлять посла в Италию только для ведения переговоров по этому вопросу ". Вулси, который с трудом сдерживал свое раздражение, был вынужден согласиться, по крайней мере внешне, с мнением императора. Король, действительно, казалось, не думал ни о чем, кроме своего прибытия в Сен-Жермен, и поручил Пейсу посетить Италию по этому важному делу. Вулси надеялся, что ему не удастся выполнить свое поручение; пересечь Альпы было невозможно, так как французские войска блокировали все проходы. Но Пейс, который был одним из тех предприимчивых персонажей, которых ничто не может остановить, подстегнутый мыслью, что его послал сам король, решил пересечь *Коль ди Тенда*. 27 июля он вошел в горы, пересек крутые перевалы, иногда взбираясь на них на четвереньках, [512] и часто падал во время спуска. В некоторых местах он мог ездить верхом; "но на большей их части я не осмеливался ни повернуть свою лошадь поперек (писал он королю) из-за всех мирских богатств, ни посмотреть по левую руку, из-за простора и глубины долины". После этого путешествия, длившегося шесть дней, Пейс прибыл в Италию измученный усталостью. "Если король Англии немедленно войдет во Францию через Нормандию, - сказал ему констебль Бурбона, - я разрешу ему вырвать мне оба глаза" [513] если он не станет хозяином Парижа перед лицом Всех Святых; а когда Париж будет взят, он станет хозяином всего королевства". Но Вулси, которому посол передал эти замечания, пренебрег ими, задержал предоставление субсидий и потребовал определенных условий, которые были рассчитаны на то, чтобы сорвать проект. Пейс, который был пылким и всегда неосмотрительным, но простым и прямолинейным, забылся и в минуту досады написал Вулси: "Откровенно говоря, если вы не уделите внимания этим вещам, я вменю вашей светлости потерю короны Франции". Эти слова разрушили репутацию посланника Генриха в сознании кардинала. Неужели этот человек, который был обязан ему всем, пытался вытеснить его?... Пейс тщетно уверял Вулси, что ему не следует принимать

всерьез то, что он сказал, но удар был нанесен. Пейс был связан с Чарльзом жестокой враждой министра, и однажды ему предстояло ощутить ее ужасные последствия. Прошло совсем немного времени, прежде чем Уолси смог убедиться, что услуга, которую Карл желал оказать королю Англии, была выше сил императора.

Не успел Вулси успокоиться с одной стороны, как оказался атакованным с другой. Этот человек, самый могущественный среди фаворитов королей, почувствовал в это время, как на него повеяло первым дуновением немилости. На папском престоле он, без сомнения, попытался бы провести реформу по примеру Сикста Пятого; и, желая репетировать на сцене меньшего размера и возродить на свой лад католическую церковь в Англии, он подверг монастыри строгой инквизиции, покровительствовал обучению молодежи и был первым, кто подал великий пример, упразднив некоторые религиозные дома, доходы от которых он направлял в свой колледж в Оксфорде. Томас Кромвель, его поверенный, проявил большое мастерство и трудолюбие в этом бизнесе, [514] и, таким образом, по приказу кардинала Римской церкви предпринял свою первую кампанию в войне, главным командованием которой он впоследствии стал. Вулси и Кромвель своими реформами навлекли на себя ненависть некоторых монахов, священников и дворян, которые всегда были очень смиренными слугами клерикальной партии. Последний обвинил кардинала в том, что он не оценил монастыри по их справедливой стоимости и в некоторых случаях посягал на королевскую юрисдикцию. Генрих, которого потеря короны Франции повергла в дурное расположение духа, впервые решил не щадить своего министра: "По всему королевству раздается громкий ропот, - сказал он ему. - Утверждают, что ваш новый колледж в Оксфорде - всего лишь удобный плащ для сокрытия ваших злоупотреблений". [515] "Боже упаси, - ответил кардинал, - чтобы это добродетельное учреждение в Оксфорде, созданное ради блага моей бедной души, было возведено *насильно!*" Но, прежде всего, не дай Бог, чтобы я когда-либо посягнул на вашу королевскую власть". Затем он хитро намекнул, что по своему завещанию он оставил все свое имущество королю. Генри был доволен: у него была доля в бизнесе.

События совершенно иной важности привлекли внимание короля к другой стороне. Две армии, империи и Франции, стояли перед Павией. Вулси, который открыто протянул правую руку Карлу V, а тайно левую Франциску, повторил своему хозяину: "Если император одержит победу, разве вы не его союзник? а если Фрэнсис, то разве я не поддерживаю с ним тайную связь?" [516] "Таким образом, - добавил кардинал, - что бы ни случилось, у вашего Высочества будет великая причина возблагодарить Всемогущего Бога".

СОЮЗ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ.

24 февраля 1525 года произошла битва при Павии, и империалисты обнаружили в палатке французского короля несколько писем Вулси, а в его военной шкатулке и в карманах его солдат фальшивое золото кардинала. Этот союз был заключен Джованни Джоаккино, генуэзцем, хозяином дома Луизы, регентши Франции, который выдавал себя за болонского купца и скрывался в Блэкфрайарз. Карл теперь видел, на что он мог положиться; но едва весть о битве при Павии достигла Англии, как верный до вероломства Вулси выразил притворную радость. Люди тоже радовались, но они были не на шутку. На улицах Лондона были зажжены костры, из фонтанов полилось вино, а лорд-мэр в сопровождении олдерменов проехал верхом по городу под звуки трубы.

Радость кардинала была не совсем фальшивой. Он был бы рад поражению своего врага, но его победа, возможно, была для него еще полезнее.

Он сказал Генриху: "Император - лжец, не соблюдающий ни веры, ни обещаний: эрцгерцогиня Маргарита - женщина порочной жизни; [517] Дон Фердинанд - ребенок, а Бурбон - предатель. Сир, у вас есть другие дела со своими деньгами, кроме как тратить их на этих четырех человек. Карл стремится к всемирной монархии; Павия - первая ступень к этому трону, и если Англия не выступит против него, он достигнет ее ". Иоахим тайно прибыл в Лондон, Вулси убедил Генриха заключить между Англией и Францией "*неразрывный мир на суше и на море*". [518] Наконец-то он смог доказать Чарльзу, что противостоять честолюбию священника опасно.

НОВЫЕ НАЛОГИ И ВОССТАНИЕ.

Это было не единственное преимущество, которое Вулси извлек из триумфа своего врага. Жители Лондона воображали, что король Англии через несколько недель будет в Париже; Вулси, злобный и алчный, решил заставить их дорого заплатить за их энтузиазм. "Вы хотите завоевать Францию, - сказал он, - вы правы. Тогда отдайте мне для этой цели шестую часть вашего имущества; это мелочь для удовлетворения столь благородной склонности". Англия так не считала; это незаконное требование вызвало всеобщее недовольство. "Мы англичане, а не французы, свободные люди, а не рабы", [519] был всеобщий клич. Генрих мог тиранить свой двор, но не накладывать руки на собственность своих подданных.

Восточные графства подняли восстание: четыре тысячи человек в одно мгновение оказались под ружьем, а Генриха в его собственном дворце охраняли всего несколько слуг. Необходимо было разрушить мосты, чтобы остановить повстанцев. [520] Придворные пожаловались королю; король возложил вину на кардинала; кардинал возложил ее на духовенство, которое побудило его ввести этот налог, приведя ему в пример Иосифа, требовавшего от египтян пятой части их имущества; а духовенство, в свою очередь, приписало восстание евангелистам, которые (сказали, что они) разжигали крестьянскую войну в Англии, как они это сделали в Германии. Реформация порождает революцию: это любимый текст последователей папы Римского. На еретиков должны быть наложены жестокие руки. *Non pluit Deus, duc ad christianos*. [521]

ТЕНТЕРДЕНСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

Обвинение священников было абсурдным; но народ слеп, когда дело касается Евангелия, а иногда слепы и правители. Чтобы опровергнуть это измышление, не требовалось серьезных рассуждений. "Вот, кстати, я расскажу вам веселую игрушку", - сказал Латимер однажды с кафедры. "Однажды мастера Мора послали с поручением в Кент, чтобы помочь выяснить, возможно ли это, что послужило причиной появления Гудвин Сэндс и шельфа, которые закрыли Сэндвич-хейвен. Он называет страну перед собой, тех, кто считался опытными людьми, и среди прочих прибыл старик с седой головой, которому, как считалось, было немногим меньше ста лет. Итак, мастер Мор подозвал к себе пожилого старика и сказал: Отец, скажи мне, если можешь, в чем причина этого великого поднятия песков и отмелей поблизости, которые закрывают Сандвич-хейвен? Воистину, сэр, (сказал он) я старик, ибо мне почти сто лет, и я думаю, что Тентерден стипл - причина возникновения Гудвинских песков. Потому что я старый человек, сэр, и, возможно, помню строительство Тентерден-стипл, а до того, как построили этот шпиль, здесь не было ни равнин, ни песков. Рассказав этот анекдот, Латимер лукаво добавил:

"Даже в этом случае для моей цели проповедь слова Божьего является причиной восстания, подобно тому как Тентерден стипл был причиной упадка Сэндвич-хейвена". [522]

Преследований не было: нужно было сделать что-то еще. Вулси, будучи уверен, что Карл воспрепятствовал его вступлению на папский престол, думал только о том, каким образом он мог бы отомстить. Но в это время Тиндейл также преследовал свою цель; и 1525 году, памятной битвой при Павии, было суждено стать не менее успешным на британских островах благодаря еще более важной победе.

ГЛАВА XI.

Тиндейл в Гамбурге—Первые два Евангелия—Конфуз—Тиндейл в Виттемберге—В Кельне—Новый Завет в типографии—Внезапный перерыв—Кохлюс в Кельне—Рукописи Руперта—Обнаружение Кохлюса—Его запросы—Его тревога—Ринке и запрет Сената—Ужас и решение Тиндейла—Кохлюс пишет в Англию—Тиндейл поднимается по Рейну—Печатает два издания в Вормсе—Молитва Тиндейла.

ТИНДЕЙЛ В ГАМБУРГЕ.

Корабль, на борту которого находились Тиндейл и его рукописи, бросил якорь в Гамбурге, где с 1521 года Евангелие имело множество друзей. Воодушевленный присутствием своих собратьев, оксфордский студент снял тихое жилье на одной из узких извилистых улочек этого старого города и немедленно возобновил свою работу. Секретарь, которого он называет своим "верным спутником", [523] помогал ему в сопоставлении текстов; но прошло незадолго до того, как этот брат, чье имя нам неизвестно, считая себя призванным проповедовать Христа в местах, где Он еще никогда не был провозглашен, покинул Тиндейла. Бывший монах-наблюдатель ордена францисканцев в Гринвиче, покинув монастырь и будучи в то время без средств, предложил свои услуги эллинисту. Уильям Рой был одним из тех людей (а их всегда довольно много), которых нетерпение ярма отталкивает от Рима без того, чтобы они были привлечены Духом Божиим ко Христу. Проницательный, вкрадчивый, лукавый и в то же время обладающий приятными манерами, он очаровывал всех, кто имел с ним лишь случайные отношения. Тиндейл, изгнанный на далекие берега Эльбы, окруженный странными обычаями и слышавший только иностранный язык, часто думал об Англии и с нетерпением ждал, когда его страна насладится плодами его трудов: он принял помощь Руа. Евангелия от Матфея и Марка, переведенные и напечатанные в Гамбурге, стали, по-видимому, первыми плодами его великой задачи в Англии.

Но вскоре Тиндейла охватило раздражение. Рой, который был довольно покладистым, пока у него не было денег, стал несговорчивым теперь, когда его кошелек был не так пуст. [524] Что нужно было сделать? Реформатор, истратив десять фунтов, которые он привез из Англии, не смог удовлетворить требования своего помощника, оплатить собственные долги и переехать в другой город. Он стал еще более бережливым и экономным. Вартбург, в котором Лютер переводил Новый Завет, был дворцом по сравнению с жилищем, в котором реформатор богатой Англии терпел голод и холод, трудясь день и ночь, чтобы донести Евангелие до английских христиан.

Примерно в конце 1524 года Тиндейл отправил два Евангелия в Монмут; и купец по имени Джон Колленбек, передав ему десять фунтов, которые он оставил на руках у своего старого покровителя, приготовился немедленно уехать.

ТИНДЕЙЛ В КЕЛЬНЕ.

Куда ему следует отправиться? Не в Англию; прежде всего он должен выполнить свою задачу. Мог ли он находиться по соседству с Лютером и не желать его видеть? Он не нуждался в саксонском реформаторе ни для того, чтобы найти истину, которую он уже знал в Оксфорде, ни для того, чтобы взяться за перевод Священного Писания, который он уже начал в долине Северна. Но разве не все иностранцы-евангелисты стекались в Виттемберг? Чтобы устранить все сомнения относительно интервью реформаторов, было бы желательно, возможно, найти какой-нибудь след в Виттемберге [525] либо в университетских реестрах, либо в трудах саксонских реформаторов. Тем не менее, несколько свидетельств того времени, по-видимому, придают этой конференции достаточную степень вероятности. Фокс рассказывает нам: "У него была беседа с Лютером и другими учеными людьми той страны". [526] Должно быть, это было весной 1525 года.

Тиндаль, желая приблизиться к своей родной стране, обратил свой взор к Рейну. В Кельне было несколько знаменитых печатников, хорошо известных в Англии, и среди прочих Квентел и Биркманы. Фрэнсис Биркман имел склады на кладбище церкви Святого Павла в Лондоне — обстоятельство, которое могло бы облегчить распространение и продажу Завещания, напечатанного на берегах Рейна. Это providенциальное обстоятельство решило судьбу Тиндейла в пользу Кельна, и он отправился туда вместе с Ройе и его рукописями. Оказавшись на мрачных улицах города Агриппина, он осмотрел его бесчисленные церкви и, прежде всего, древний собор, в котором эхом отдавались голоса каноников, и его охватила печаль при виде священников, монахов, нищенствующих монахов и паломников, которые со всех концов Европы стекались сюда, чтобы поклониться мнимым мощам *трех мудрецов и одиннадцати тысяч дев*. И тогда Тиндейл спросил себя, действительно ли в этом суеверном городе Новый Завет будет напечатан на английском языке. Это было еще не все. Реформаторское движение, действовавшее в то время в Германии, вспыхнуло в Кельне во время праздника Троицы, и архиепископ только что запретил все евангельские богослужения. И все же Тиндейл проявил настойчивость и, соблюдая самые тщательные меры предосторожности, чтобы не поставить под угрозу свою работу, снял уединенное жилище, где тщательно скрывался.

Однако вскоре, уповая на Бога, он обратился к типографу, вручил ему свои рукописи, заказал шесть тысяч экземпляров, а затем, поразмыслив, снизил цену до трех тысяч, опасаясь припадка. [527] Печатание продолжалось; один лист следовал за другим; постепенно Евангелие раскрывало свои тайны на английском языке, и Тиндейл не мог сдерживать радости. [528] Он мысленным взором увидел триумф Священного Писания над всем королевством и восторженно воскликнул: "Хочет того король или нет, вскоре весь народ Англии, просвещенный Новым Заветом, будет повиноваться Евангелию". [529]

Но внезапно солнце, первые лучи которого он приветствовал радостными песнями, скрылось за густыми облаками. Однажды, когда десятый лист был отброшен, печатник поспешил к Тиндейлу и сообщил ему, что сенат Кельна запретил ему продолжать работу. Тогда все открылось. Несомненно, Генрих VIII, который сжег книги Лютера, желает сжечь и Новый Завет, уничтожить рукописи Тиндейла и предать его смерти. Кто его предал? Он терялся в бесплодных догадках, и

только одно казалось несомненным: увы! его судно, которое двигалось вперед на всех парусах, налетело на риф! Ниже приводится объяснение этого неожиданного инцидента.

УЛЕЙ В КЕЛЬНЕ.

Человек, с которым мы часто встречались в ходе этой истории, [530] один из самых яростных врагов Реформации — мы имеем в виду Кохлеуса - прибыл в Кельн. Волна народного волнения, охватившая этот город во время праздников Троицы, ранее захлестнула Франкфурт во время празднования Пасхи; и настоятель собора Парижской Богоматери, воспользовавшись моментом, когда ворота города были открыты, сбежал за несколько минут до того, как бюргеры вошли в его дом, чтобы арестовать его. Прибыв в Кельн, где он надеялся жить в тени могущественного курфюрста, он поселился у Джорджа Лауэра, каноника апостольской церкви.

По странной судьбе два самых непохожих человека, Тиндейл и Коклей, скрывались в одном городе; они не могли долго оставаться там, не вступая в столкновения.

РУКОПИСИ РУПЕРТА.

На правом берегу Рейна, напротив Кельна, стоял монастырь Дейц, один из настоятелей которого, Руперт, живший в двенадцатом веке, сказал: "Не знать Священного Писания - значит не знать Иисуса Христа. Это *Священное писание народов!* [531] Эту книгу Бога, которая не напыщенна словами и бедна смыслом, как Платон, следует поставить перед каждым народом, и громко провозгласить всему миру спасение всех". Однажды, когда Кохлей и его хозяин беседовали о Руперте, каноник сообщил декану, что *еретик* Осиандер из Нюрнберга заключил договор с аббатом Дейца о публикации трудов этого древнего врача. Кохлей предположил, что Осиандер хотел привлечь современника святого Бернара в качестве свидетеля в защиту Реформации. Поспешив в монастырь, он встревожил настоятеля: "Доверьте мне рукописи вашего знаменитого предшественника, - сказал он. - я возьмусь напечатать их и докажу, что он был одним из нас". Монахи передали их ему в руки, предусмотрев скорейшую публикацию, от которой они ожидали немалой известности. [532] Кохлей немедленно отправился к Питеру Квентелу и Арнольду Биркману, чтобы принять необходимые меры. Это были типографии Тиндейла.

Там Кохлей сделал более важное открытие, чем рукописи Руперта. Однажды Биркман и Квентел пригласили его встретиться с несколькими своими коллегами за ужином, и печатник, несколько взбодренный вином, заявил в своих чашах (позаимствовав слова Кохлеуса): [533] "Хотя того король и кардинал Йоркский или нет, вся Англия скоро станет лютеранской". [534] Кохлей прислушался и встревожился; он навел справки и был проинформирован, что *два англичанина*, люди образованные и сведущие в языках, скрывались в Кельне. [535] Но все его попытки узнать больше оказались тщетными.

ТАЙНА РАСКРЫТА.

Франкфуртскому декану больше не было покоя; его воображение разыгралось, разум встревожился. "Неужели, - сказал он, - Англия, эта верная служанка папства, будет извращена, как Германия? Должны ли англичане, самые религиозные люди христианского мира, [536] и чей король однажды облагородил себя, написав письмо против Лютера, — должны ли они быть охвачены ересью?... Неужели могущественный кардинал-легат Йорка будет вынужден бежать из своего дворца, как я бежал из Франкфурта? Кохлей продолжал свои поиски; он часто

навещал печатников, разговаривал с ними дружеским тоном, льстил им, приглашал их навестить его у каноника; но пока он не решался задать важный вопрос; на данный момент было достаточно снискать расположение хранителей тайны. Вскоре он предпринял новый шаг; он был осторожен, чтобы не допрашивать их друг перед другом; но он добился частной беседы с одним из них, [537] и обильно угощал его рейнским вином: — он сам является нашим информатором. [538] Хитрые вопросы смутили неосторожного печатника, и наконец секрет был раскрыт. "Новый Завет, - узнал Кохлей, - переведен на английский; три тысячи экземпляров находятся в типографии; восемьдесят страниц in quarto готовы; расходы полностью покрывают английские торговцы, которые должны тайно доставить произведение, когда оно будет напечатано, и широко распространить его по всей Англии, прежде чем король или кардинал смогут обнаружить или запретить его. [539]... Таким образом, Британия будет обращена к взглядам Лютера". [540]

Удивление Кохлеуса превзошло его тревогу; [541] он притворялся; однако он хотел узнать, где скрываются два англичанина; но все его усилия оказались безрезультатными, и он вернулся к себе домой, переполненный эмоциями. Опасность была очень велика. Чужак и изгнанник, что он может сделать, чтобы воспротивиться этому нечестивому начинанию? Где он найдет друга Англии, готового продемонстрировать свое рвение в отражении угрожающего удара?... Он был сбит с толку.

Внезапно вспышка света рассеяла темноту. Довольно влиятельный человек в Кельне, Герман Ринке, патриций и имперский советник, был послан императором Максимилианом по важному делу к Генриху VII, и с тех пор он всегда проявлял большую привязанность к Англии. Кохлей решил открыть ему роковую тайну; но, все еще встревоженный сценами во Франкфурте, он побоялся открыто строить заговор против Реформации. Он оставил дома престарелую мать и маленькую племянницу и не желал делать ничего, что могло бы их скомпрометировать. Поэтому он незаметно подкрался к дому Ринке (как он сам нам рассказывает), [542] тайно проскользнул внутрь и изложил ему все дело. Ринке не мог поверить, что Новый Завет на английском языке печатают в Кельне; однако он послал доверенное лицо навести справки, которое сообщило ему, что информация Кохлеуса верна и что он нашел в типографии большой запас бумаги, предназначенной для издания. [543] Патриций немедленно отправился в сенат и заговорил о Вулси, о Генрихе VIII и о сохранении римской церкви в Англии; и этот орган, который под влиянием архиепископа давно забыл о правах свободы, запретил печатнику продолжать работу. Таким образом, для Англии не должно было быть никаких Новых Заветов! Умелая рука отразила удар, направленный против Римского католицизма; Тиндейл, возможно, будет брошен в тюрьму, а Кохлей насладится полным триумфом.

ТИНДЕЙЛ СПАСАЕТ СВОЮ РАБОТУ.

Сначала Тиндейл был сбит с толку. Значит, столько лет тяжелого труда потеряны навсегда? Испытание казалось ему непосильным. [544] "Они хищные волки, - воскликнул он, - они проповедуют другим: "Не кради", и все же они лишили душу человека хлеба жизни и накормили ее сланцами [ракушками?] и символ надежды на их заслуги и уверенности в их добрых делах". [545] Однако Тиндейл недолго оставался поверженным; ибо его вера была такого рода, что могла бы свернуть горы. Разве не слово Божье находится под угрозой? Если он не откажется от себя, Бог не оставит его. Он должен опередить кельнский сенат. Смелый и стремительный во

всех своих движениях, Тиндейл приказал Ройе следовать за ним, поспешил в типографию, собрал листы, прыгнул в лодку и быстро поплыл вверх по реке, унося с собой надежду Англии. [546]

Когда Кохлей и Ринке в сопровождении чиновников сената добрались до типографии, они были безмерно удивлены. Отступник заполучил отвратительные бумаги!... Их враг вырвался, как птица из сетей птицелова. Где его теперь искать? Он, без сомнения, отправился бы и отдался под защиту какого-нибудь *лютеранского* князя, где Кохлей позаботился бы о том, чтобы не преследовать его; но оставался один выход. Эти английские книги не причинят вреда в Германии; их нельзя допустить в Лондон. Он написал Генриху VIII, Вулси и епископу Рочестерскому. "Два англичанина, - сказал он царю, - подобно двум евнухам, которые хотели наложить руки на Артаксеркса, замышляют злодейство против мира в вашем царстве; но я, подобно верному Мардохею, [547] открою вам их замыслы. Они хотят послать вашему народу Новый Завет на английском языке. Отдайте приказы во всех морских портах предотвратить ввоз этого самого пагубного товара". [548] Так называл слово Божье этот ревностный последователь папы Римского. Неожиданный союзник вскоре восстановил мир в душе Кохлеуса. Знаменитый доктор Экк, поборник папизма, гораздо более грозный, чем он сам, прибыл в Кельн по пути в Лондон и взялся вызвать гнев епископов и короля. [549] Взоры величайших противников Реформации, казалось, теперь были прикованы к Англии. Экк, который хвастался тем, что одержал самые заметные победы над Лютером, легко одержал бы верх над скромным наставником и его Новым Заветом.

ТИНДЕЙЛ ПРИБЫВАЕТ В ВОРМС.

В это время Тиндейл, охраняя свои драгоценные тюки, поднимался вверх по быстрой реке так быстро, как только мог. Он проезжал мимо старинных городов и улыбающихся деревень, разбросанных по берегам Рейна среди живописных пейзажей. Горы, ущелья и скалы, темные леса, разрушенные крепости, готические церкви, лодки, которые проплывали мимо друг друга, хищные птицы, которые парили над его головой, как будто несли миссию от Кохлеуса — ничто не могло отвести его глаз от сокровища, которое он нес с собой. Наконец, после пяти- или шестидневного путешествия он достиг Вормса, где четыре года назад Лютер воскликнул: "Вот я стою, я не могу поступить иначе; да поможет мне Бог!" [550] Эти слова немецкого реформатора, так хорошо известные Тиндейлу, были звездой, которая привела его в Вормс. Он знал, что в этом древнем городе проповедовалось Евангелие. "Граждане подвержены приступам лютеранства", - сказал Кохлей. [551] Тиндейл прибыл туда не так, как Лютер, окруженный огромной толпой, но неизвестный и воображающий, что его преследуют мирмидоняне Карла и Генриха. Сойдя с лодки, он с тревогой огляделся вокруг и положил свою драгоценную ношу на берег реки.

МОЛИТВА ТИНДЕЙЛА.

У него было время поразмыслить об опасностях, которые угрожали его работе. Поскольку его враги поместили бы издание, поскольку несколько листов из него попали к ним в руки, он предпринял шаги, чтобы ввести в заблуждение инквизиторов, и начал новое издание, вычеркнув пролог и примечания и заменив более переносную форму *октаво* вместо оригинальной *кварто*. Питер Шеффер, внук Фуста, одного из изобретателей книгопечатания, одолжил свои станки для этой важной работы. Оба издания были тихо завершены примерно в конце 1525 года. [552]

Таким образом, нечестивые были обмануты: они хотели лишить английский народ Божьих оракулов, и *два* издания были теперь готовы к поступлению в Англию. "Приложите усердие, - сказал Тиндейл своим соотечественникам, отправляя из Вормса только что переведенный им Завет, - к словам вечной жизни, благодаря которым, если мы покаемся и поверим им, мы родимся заново, сотворены заново и наслаждаемся плодами крови Христовой". [553] В начале 1526 года эти книги пересекли море через Антверпен или Роттердам. Тиндейл был счастлив; но он знал, что только помазание Святым Духом может помочь народу Англии понять эти священные страницы; и поэтому он день и ночь следовал за ними в своих молитвах. "Книжники и фарисеи, - сказал он, - вложили меч слова Божьего в блестящие ножны и крепко связали его в них, так что он не мог ни вонзиться, ни порезать. [554] Теперь, о Боже, извлеки этот острый меч из ножен. Рази, рани, разруби на части душу и плоть, чтобы человек, разделенный надвое и находящийся в противоречии с самим собой, мог пребывать в мире с тобой всю вечность!"

ГЛАВА XII.

Вормс и Кембридж—Воскрешение Святого Павла—Проповедь Латимера—Никогда человек не говорил так, как этот Человек—Радость и досада в Кембридже—Проповедь приора Бекингема—Ирония судьбы—Ответ Латимера Бекингеми—Студенты угрожали—Латимер проповедует перед епископом—Ему запрещено проповедовать—Самый ревностный из епископов—Барнс, Реставратор писем—Билни беретса обратить его—Барнс предлагает Латимеру свою кафедру—Жажда Бога Фрита—Сочельник 1525 года—Буря против Барнса—Брожение в колледжах—Германия в Кембридже—Встречи в Оксфорде—Общее ожидание.

СВЯТОЙ ПАВЕЛ ВОСКРЕС.

Пока эти работы завершались в Кельне и Вормсе, другие продолжались в Кембридже и Оксфорде. На берегах Рейна они готовили семя; в Англии они прокладывали борозды, чтобы принять его. Евангелие вызвало большое волнение в Кембридже. Билни, которого мы можем назвать отцом английской реформации, поскольку, будучи первым обращенным по Новому Завету, он привел к познанию Бога энергичного Латимера и стольких других свидетелей истины, — Билни в то время не выставлял себя напоказ, как многие из тех, кто его слушал: его призванием была молитва. Робкий перед людьми, он был полон дерзновения перед Богом и день и ночь взывал к нему о спасении душ. Но пока он стоял на коленях в своей камере, в мире работали другие. Среди них особенно выделялся Стаффорд. "Павел воскрес из мертвых", - говорили многие, когда слышали его. И на самом деле Стаффорд с такой живостью объяснил истинное значение слов апостола и четырех евангелистов, [555] что эти святые мужи, чьи лица были так долго скрыты под плотными традициями школ, [556] вновь предстал перед молодежью университета таким, каким их видели в апостольские времена. Но дело было не только в их *личностях* (ибо это было бы пустяком), Стаффорд излагал своим слушателям их *доктрину*. В то время как кембриджские школяры провозглашали своим ученикам примирение, которое еще не достигнуто, и говорили им, что прощение должно быть куплено делами, предписанными церковью, Стаффорд учил, что искупление *совершилось*, что удовлетворение, предложенное Иисусом Христом, было *совершенным*; и он добавил, что папство возродило *царство закона*, Бог посредством Реформации теперь возрождает *царство благодати*. Студенты Кембриджа, очарованные учением своего учителя, приветствовали его аплодисментами и, немного переборщив со своим энтузиазмом, спросили друг друга, покидая аудиторию: "Кто из вас

больше всего обязан другому? Стаффорд - Павлу, который оставил ему святыя послания; или Павел - Стаффорду, который воскресил этого апостола и его святыя доктрины, которые были затемнены средневековьем?"

ПРОПОВЕДЬ ЛАТИМЕРА.

Выше Билни и Стаффорда возвышался Латимер, который силой Святого Духа передавал в сердца других усвоенные уроки своего учителя. [557] Будучи проинформированным о работе, которую готовил Тиндейл, он утверждал с кафедры в Кембридже, что Библию следует читать на вульгарном языке. [558] "Автор Священного Писания, - сказал он, - могущественный, Вечный ... *Сам Бог!*... и это Место Писания обладает могуществом и вечностью своего автора. Нет ни короля, ни императора, которые не были бы обязаны повиноваться ему. Давайте остерегаться этих обходных путей человеческих традиций, усеянных камнями, ежевикой и вырванными с корнем деревьями. Давайте следовать прямым путем слова. Нас касается не то, что сделали Отцы, а то, что они должны были сделать". [559]

Многочисленная паства собралась на проповедь Латимера, и слушатели приникли к его губам. Один особенно привлек внимание. Это был шестнадцатилетний юноша из Норфолка, черты лица которого были озарены пониманием и благочестием. Этот бедный ученый с готовностью воспринял истину, провозглашенную бывшим крестоносцем. Он не пропустил ни одной из своих проповедей; с листом бумаги на коленях и карандашом в руке он записал часть речи, доверив остальное своей памяти. [560] Это был Томас Бекон, впоследствии капеллан Кранмера, архиепископа Кентерберийского. "Если я обладаю знанием Бога, - сказал он, - то я обязан им (перед Богом) Латимеру".

У Латимера были самые разные слушатели. Рядом с теми, кто дал волю своему энтузиазму, стояли люди, "раздувшиеся, надутые, как лягушки Эзопа, от зависти и злобы к нему", - сказал Бекон; [561] это были сторонники традиционного католицизма, которых привлекло любопытство, или которых их друзья-евангелисты затащили в церковь. Но по мере того, как Латимер говорил, в них происходила чудесная трансформация; постепенно их сердитые черты разгладились, свирепые взгляды смягчились; и если по возвращении домой этих друзей священников спрашивали, что они думают о проповеднике-еретике, они отвечали, преувеличивая свое удивление и восторг: "*Nunquam sic locutus est homo, sicut hic homo!*" (Иоанн vii. 46.)

РАДОСТЬ И ГНЕВ В КЕМБРИДЖЕ.

Сойдя с кафедры, Латимер поспешил применить на практике то, чему он учил. Он посещал тесные покои бедных ученых и темные комнаты рабочего класса: "он поливал добрыми делами все, что раньше насаждал благочестивыми словами", [562] сказал студент, собравший его лекции. Ученики беседовали друг с другом с радостью и простотой сердца; повсюду чувствовалось дыхание новой жизни; еще не было произведено никаких внешних реформ, и все же духовная церковь Евангелия и Реформации уже была там. И таким образом, воспоминание об этих счастливых временах надолго запечатлелось в пословице:

Когда мастер Стаффорд читал,
А мастер Латимер проповедовал,
Тогда Кембридж был благословлен. [563]

Священники не могли оставаться бездейтельными: они слышали разговоры о благодати и свободе и не хотели иметь ничего общего ни с тем, ни с другим. Если терпимо относиться к *благодати*, не отнимет ли это из рук духовенства манипулирование спасением, индульгенциями, епитимьями и всеми рубриками канонического права? Если будет признана *свобода*, не поколеблется ли иерархия со всеми ее степенями, помпезностью, насилием и эшафотами? Рим не желает никакой другой свободы, кроме свободы воли, которая, возвышая естественную силу падшего человека, иссушает в отношении человечества источники божественной жизни, иссушает христианство и превращает эту небесную религию в человеческий морализм и соблюдение законов.

ПРОПОВЕДЬ ПРИОРА.

Поэтому друзья папства собрали свои силы, чтобы выступить против новой религии. "Сатана, который никогда не спит, - говорит простой хронист, - призвал своих знакомых духов и послал их против реформаторов". Собрания проводились в монастырях, но особенно в том, что принадлежал Грейфрайарз. Они собрали все свои силы. *Око за око и зуб за зуб*, сказали они. Латимер превозносит в своих проповедях *благословения* Священного Писания; мы должны также произнести проповедь, чтобы показать ее *опасности*. Но где найти оратора, который мог бы справиться с ним? Это был очень неловкий вопрос для клерикальной партии. Среди Грейфрайеров был надменный монах, ловкий и искусный в мелочах, полный одновременно невежества и гордыни: это был приор Бекингем. Никто не проявлял большей ненависти к евангельским христианам, и, по правде говоря, никто не был более чужд Евангелию. Именно этому человеку было поручено рассказать об опасностях слова Божьего. Он ни в коем случае не был знаком с Новым Заветом; однако он открыл его, выбрал несколько отрывков тут и там, которые, казалось, свидетельствовали в пользу его тезиса; а затем, облаченный в свои самые дорогие одежды, с высоко поднятой головой и торжественной походкой, уже уверенный в победе, он взошел на кафедру, сразился с еретиком и напыщенным голосом выступил против чтения Библии; [564] в его глазах это был источник всех ересей и несчастий. "Если эта ересь восторжествует, - воскликнул он, - то всему полезному среди нас придет конец. Пахарь, читающий в Евангелии, что *никто, взявшись за плуг, не должен оглядываться назад*, вскоре отложит свой труд.... Булочник, прочитавший, что *небольшое количество закваски разрыхлит весь кусок*, в будущем будет печь для нас не что иное, как очень пресный хлеб; а простой человек, узнавший, что ему приказали *вырвать правый глаз и выбросить его у тебя*, Англия, через несколько лет будет представлять собой ужасающее зрелище; это будет немногим лучше, чем нация слепых и одноглазых людей, печально выпрашивающих свой хлеб от двери к двери". [565]

Эта речь тронула ту часть аудитории, для которой она была предназначена. "Еретик замолчал", - сказали монахи и клерки; но разумные люди улыбнулись, и Латимер был рад, что они дали ему такого противника. Будучи человеком живого нрава и склонным к иронии, он решил отшлепать банальности напыщенного монаха. "Есть некоторые нелепости, - подумал он, - которые можно опровергнуть, только показав, насколько они глупы". Разве даже серьезный Тертуллиан не говорит о вещах, над которыми можно только посмеяться, опасаясь придать им важность серьезным опровержением? [566] "В следующее воскресенье я отвечу ему", - сказал Латимер.

ОТВЕТ ЛАТИМЕРА.

Церковь была переполнена, когда Бекингом, с капюшоном святого Франциска на плечах и с напускно-величественным видом, торжественно занял свое место перед проповедником. Латимер начал с того, что перечислил наименее слабые аргументы своего оппонента; затем, рассматривая их один за другим, он переворачивал их снова и снова и указывал на всю их абсурдность с таким остроумием, что бедный приор погрузился в собственную бессмыслицу. Затем, повернувшись к слушающей толпе, он с жаром воскликнул: "Вот как ваши искусные наставники злоупотребляют вашим пониманием. Они смотрят на вас как на детей, которых вечно нужно держать на поводке. Теперь настал час вашего совершеннолетия; смело исследуйте Священные Писания, и вы легко обнаружите абсурдность учения ваших врачей". И затем, желая, как и Соломон, *ответить глупцу по его глупости*, он добавил: "Что касается сравнений, взятых из *плуга, закваски и глаза*, которые преподобный приор так необычно использовал, нужно ли оправдывать эти отрывки из Священного Писания? Должен ли я сказать вам, какой *плуг*, какая *закваска*, какой *глаз* здесь имеется в виду? Разве учение нашего Господа не отличается теми выражениями, которые под популярной формой скрывают духовный и глубокий смысл? Разве мы не знаем, что на всех языках и во всех речах мы должны обращать свой взор не на *изображение*, а на *вещь*, которую представляет это изображение?... Например, - продолжил он и, произнося эти слова, бросил пронзительный взгляд на приора, - если мы видим лису, нарисованную проповедующей в монашеском капюшоне, никто не догадывается, что речь идет о лисе, но описываются коварство и лицемерие, которые так часто встречаются замаскированными под это одеяние". [567] При этих словах бедный приор, на которого были обращены взоры всех прихожан, встал, поспешно покинул церковь и убежал в свой монастырь, чтобы скрыть свой гнев и смятение среди братьев. Монахи и их приспешники громко кричали против Латимера. По их словам, было непростительно проявлять такое пренебрежение к капюшону святого Франциска. Но его друзья ответили: "Разве мы не бьем детей? а тот, кто обращается со Священным Писанием хуже, чем с ребенком, разве он не заслуживает хорошей порки?"

Римская партия не считала себя побежденной. Главы колледжей и священники часто проводили совещания. От профессоров требовалось тщательно присматривать за своими учениками и возвращать их к учению церкви лестью и угрозами. "Мы откладываем наше копье в сторону, - сказали они студентам. - Если вы станете евангелистами, вашему продвижению придет конец". Но этим великодушным юношам с открытым сердцем больше нравилось быть бедными со Христом, чем богатыми со священниками. Стаффорд продолжал учить, Латимер - проповедовать, а Билни - посещать бедных: учение Христа не переставало распространяться повсюду и обращать души.

Схоластам оставалось только одно оружие: преследование, любимое оружие Рима. "Наше предприятие не увенчалось успехом, - говорили они, - Бекингом глупец. Лучший способ ответить этим *евангелистам* - помешать им говорить". Доктор Уэст, епископ Элийский, был ординарием Кембриджа; они призвали его вмешаться, и он приказал одному из врачей сообщить ему, когда Латимер будет проповедовать в следующий раз; "но, - добавил он, - никому не говорите ни слова. Я хочу прийти так, чтобы меня никто не ждал.

ЛАТИМЕР ПРОПОВЕДУЕТ ПЕРЕД ЕПИСКОПОМ.

Однажды, когда Латимер проповедовал на латыни *ad clerum*, епископ внезапно вошел в университетскую церковь в сопровождении нескольких священников. Латимер остановился,

почтительно ожидая, пока Уэст и его сопровождающие займут свои места. "Новая публика, - подумал он, - и, кроме того, публика, достойная больших почестей, требует новой темы. Поэтому, оставляя тему, которую я предложил, я перейду к той, которая относится к епископским обязанностям, и буду проповедовать на основе этих слов: *Христос существует, Понтифик будущий, бонорум*". (Евреям ix. 11.) Затем, описывая Иисуса Христа, Латимер представил его как "истинный и совершенный образец для всех других епископов". [568] В божественном епископе не было отмечено ни одной добродетели, которая не соответствовала бы какому-либо недостатку римских епископов. Едкое остроумие Латимера относилось к ним непринужденно, но в его выходках было столько серьезности, а в его описаниях - такого живого христианства, что каждый, должно быть, воспринял их скорее как вопли христианской совести, чем сарказм злонамеренного характера. Никогда еще ни один из его священников не учил бишопа так, как этот человек. "Увы! - говорили многие. - Наши епископы не из этой породы: они произошли от Анны и Каиафы". Уэст чувствовал себя не более непринужденно, чем Бекингом раньше. Однако он подавил свой гнев и после проповеди сказал Латимеру с любезным акцентом: "У вас превосходные таланты, и если бы вы сделали что-нибудь, я был бы готов целовать вам ноги". [569]... Какое смирение в епископе!... "Проповедуйте в этой же церкви, - продолжал Уэст, - проповедь ... против Мартина Лютера. Это лучший способ пресечь ересь". Латимер понял, что имел в виду прелат, и спокойно ответил: "Если Лютер проповедует слово Божье, я не могу противостоять ему. Но если он учит обратному, я готов напасть на него". — "Ну, ну, мастер Латимер, - воскликнул епископ, - я чувствую, что от вас немного пахнет сковородой. [570]... Рано или поздно ты расквасишься в этом товаре".

Уэст покинул Кембридж в сильном раздражении на этого мятежного клерка, поспешил созвать свой капитул и запретил Латимеру проповедовать ни в университете, ни в епархии. "Все, кто хочет жить благочестиво, подвергнутся гонениям", - сказал святой Павел; теперь Латимер на собственном опыте убедился в истинности этого изречения. Недостаточно было того, что священники и их друзья называли его еретиком, и того, что прохожие оскорбляли его на улицах... дело Божье было жестоко пресечено. "Смотрите же, - воскликнул он с горьким вздохом, - как используется епископская должность... препятствовать проповеди Иисуса Христа!" Несколькоми годами позже он со своей обычной едкой иронией набросал портрет некоего епископа, о котором Лютер также часто говорил: "Знаете ли вы, - сказал Латимер, -, кто самый усердный епископ и прелат во всей Англии?... Я вижу, вы слушаете и вняли тому, что я должен назвать его.... Я скажу вам.... Это дьявол. Он никогда не покидает своей епархии; вы никогда не застанете его в стороне; зовите его, когда захотите, он всегда дома. Он всегда за своим плугом. Вы никогда не застанете его праздным, я вам гарантирую. Где обитает дьявол — там долой книги и долой свечи; долой библии и долой четки; долой свет Евангелия и долой свет свечей, да, в полдень; долой крест Христов, долой карманных краж из чистилища; долой одежду нагих, бедных и бессильных, долой разукрашивание образов и веселое украшение подушками и камнями; долой Божьи традиции и его пресвятое слово О! что наши прелаты будут так же усердно сеять зерна доброго учения, как сатана сеет ракушки и штопку!" [571] Истинно можно сказать: "В Англии никогда не было такого проповедника, как он". [572]

Реформатор не удовлетворялся простыми словами: он действовал. "Ни грозные слова его противников, ни их жестокие заключения", - говорит один из его современников, [573] "не могли помешать ему провозглашать Божью истину". Ему запретили проповедовать в церквях, и он ходил из дома в дом. Однако он жаждал кафедры, и он ее получил. Надменный прелат напрасно запретил ему проповедовать; Иисус Христос, который выше всех епископов, способен, когда

одна дверь закрыта, открыть другую. Вместо одного великого проповедника вскоре в Кембридже стало два.

РОБЕРТ БАРНС.

Монах-августинец по имени Роберт Барнс, уроженец графства Норфолк и великий ученый, отправился в Лувен, чтобы продолжить свои исследования. Здесь он получил степень доктора богословия и, вернувшись в Кембридж, в 1523 году был назначен настоятелем своего монастыря. Ему посчастливилось примирить ученость и Евангелие в университете; но, слишком полагаясь на ученость, он уменьшил силу слова Божьего. Каждый день в монастыре августинцев собиралась огромная толпа, чтобы послушать его лекции о Теренции и, в частности, о Цицероне. Многих из тех, кого оскорбило простое христианство Билни и Латимера, привлёк этот реформатор другого толка. Коулмен, Ковердейл, Филд, Кембридж, Барли и многие другие молодые люди университета собрались вокруг Барнса и провозгласили его "реставратором литературы". [574]

ЕГО ЛЕКЦИИ.

Но классика была лишь подготовительным курсом. "Шедевры античности" помогли Барнсу расчистить почву, и он раскрыл перед классом послания святого Павла. Он не понимал их божественной глубины, как Стаффорд; он не был, подобно ему, помазан Святым Духом; он расходился с ним по нескольким доктринам апостола, об оправдании верой и о новом творении; но Барнс был просвещенным и либеральным человеком, не лишенным некоторой степени благочестия и желавшим, как Стаффорд, заменить бесплодные споры школы учением Священного Писания. Но вскоре они столкнулись, и в Кембридже надолго запомнили ту знаменитую дискуссию, в которой Барнс и Стаффорд так славно поспорили, не используя никакого другого оружия, кроме слова Божьего, к великому изумлению слепых врачей и великой радости ясновидящих, говорит хронист. [575]

Барнс еще не был полностью просвещен, и друзья Евангелия были поражены тем, что человек, чуждый истины, наносит такие тяжелые удары заблуждению. Билни, с которым мы постоянно встречаемся, когда готовится какая-либо тайная работа, работа непреодолимого милосердия, — Билни, обративший Латимера, взялся обратить Барнса; а Стаффорд, Артур, Тистел из Пембрука и Фук из Venet's искренне молили Бога ниспослать его помощь. Эксперимент был трудным: Барнс достиг той *справедливой среды*, той "золотой середины" гуманистов, того опьянения ученостью и славой, которые затрудняют обращение. Кроме того, мог ли такой человек, как Билни, действительно осмелиться давать указания реставратору древности? Но скромный бакалавр гуманитарных наук, такой простой с виду, знал, подобно древнему Давиду, тайную силу, с помощью которой можно было победить университетского Голиафа. Он проводил дни и ночи в молитве, а затем призвал Барнса открыто выражать свои убеждения, не боясь упреков мира. После долгих бесед и молитв Барнс обратился к Евангелию Иисуса Христа. [576] Тем не менее, приор сохранил что-то нерешительное в своем характере и лишь наполовину отказался от того среднего состояния, с которого он начинал. Например, он, по-видимому, всегда верил в эффективность священнического посвящения для превращения хлеба и вина в тело и кровь Христа. Его взгляд не был однозначен, и его ум часто был

взволнован и метался туда-сюда от противоположных мыслей: "Увы! - сказал однажды этот раздвоенный персонаж. - Признаюсь, моим размышлениям нет числа". [577]

Барнс, узнав правду, немедленно проявил рвение, которое было несколько неосмотрительным. Люди с наименее решительным характером, и даже те, кому суждено совершить знаменательное падение, часто являются теми, кто начинает свой путь с величайшим рвением. В то время Барнс, казалось, был готов противостоять всей Англии. Будучи теперь связан с Латимером нежной христианской привязанностью, он был возмущен тем, что мощный голос его друга был потерян для церкви. "Епископ запретил тебе проповедовать, - сказал он ему, - но мой монастырь не находится под юрисдикцией епископа. Ты можешь проповедовать там". Латимер взошел на кафедру в церкви Августина, и церковь не смогла сдержать толпу, которая устремила к ней. В Кембридже, как и в Виттемберге, часовня монахов-августинцев использовалась для первых проповедей Евангелия. Именно здесь Латимер произнес несколько своих лучших проповедей.

ДЖОН ФРИТ.

Влияние среди английских реформаторов с каждым днем росло человека, сильно отличавшегося от Латимера и особенно от Барнса: это был Фрит. Никто не был более скромным, чем он, и именно по этой причине никто не был сильнее. Он был менее блестящим, чем Барнс, но более солидным. Он мог бы проникнуть в высшие области науки, но его увлекли глубокие тайны слова Божьего; зов совести возобладал над разумом. [578] Он не посвящал энергию своей души трудным вопросам; он жаждал Бога, его истины и его любви. Вместо того чтобы распространять свои особые мнения и сеять раздоры, он цеплялся только за спасающую веру и продвигал власть истинного единства. Это признак великого слуги Божьего. Смиранный перед Господом, кроткий перед людьми и даже внешне несколько робкий, Фрит перед лицом опасности проявил неустрашимое мужество. "Мои познания невелики, - сказал он, - но то небольшое, что у меня есть, я полон решимости отдать Иисусу Христу на строительство его храма". [579]

Проповеди Латимера, пыл Барнса и твердость Фрита пробудили в Кембридже новое рвение. Они знали, что происходит в Германии и Швейцарии; неужели англичане, всегда бывшие впереди, теперь останутся в тылу? Разве Латимер, Билни, Стаффорд, Барнс и Фрит не должны делать то, что делают слуги Божьи в других местах?

КАНУН РОЖДЕСТВА 1525 ГОДА.

Тайное брожение возвещало о приближающемся кризисе: все ожидали каких-то перемен к лучшему или к худшему. Евангелисты, уверенные в истине и думая, что они уверены в победе, решили обрушиться на врага одновременно с нескольких точек. Воскресенье перед Рождеством 1525 года было выбрано для этой великой атаки. В то время как Латимер должен был обратиться к толпе, которая продолжала заполнять часовню Августина, а другие проповедовали в других местах, Барнс должен был произнести проповедь в одной из церквей города. Но ничто так не компрометирует Евангелие, как расположение, обращенное к внешним вещам. Бог, дарующий свое благословение только неразделенным сердцам, допустил, чтобы это всеобщее наступление, героем которого должен был стать Барнс, ознаменовалось поражением. Приор, поднимаясь за кафедру, думал только о Вулси. Как представитель папства

в Англии, кардинал был большим препятствием на пути Реформации. Барнс проповедовал из послания на этот день: *Радуйтесь в Господе всегда*. [580] Но вместо того, чтобы возвещать Христа и радость христианина, он неосторожно выступил с речью против роскоши, гордыни и развлечений церковников, и все поняли, что он нацелился на кардинала. Он описал эти великолепные дворцы, эту блестящую свиту, эти алые одежды, и жемчуга, и золото, и драгоценные камни, и всю показуху прелата, так мало соответствующую (по его словам) вифлеемским конюшням. Два члена Королевского колледжа, Роберт Ридли и Уолтер Престон, родственники Тонстолла, епископа Лондонского, которые намеренно находились среди прихожан, записали в своих табличках неосторожные выражения приора.

БРОЖЕНИЕ В КОЛЛЕДЖАХ.

Едва закончилась проповедь, как разразилась буря. "Эти люди не довольствуются распространением чудовищной ереси, - восклицали их враги, - но они должны придираться к власти имущим. Сегодня они нападают на кардинала, завтра они нападут на короля!" Ридли и Престон обвинили Барнса перед вице-канцлером. Весь Кембридж был в волнении. Что! Барнс, приор Августина, реставратор писем, обвиняемый как Лоллард!... Евангелию угрожала опасность более грозная, чем тюрьма или эшафот. Друзья священников, зная слабость Барнса и даже его тщеславие, надеялись добиться от него отречения, которое покрыло бы позором евангелическую партию. "Что? - говорили ему эти опасные советчики. - Перед тобой была открыта самая благородная карьера, и ты закрыл бы ее?... Прошу тебя, объясни свою проповедь". Они встревожили, они польстили ему, и бедный приор был близок к тому, чтобы уступить их просьбам. "В следующее воскресенье вы прочтете это заявление", - сказали они ему. Барнс пробежал глазами бумагу, которую ему сунули в руки, и не увидел в ней большого вреда. Однако он хотел показать ее Билни и Стаффорду. "Остерегайтесь такой слабости", - говорили эти верующие люди. Затем Барнс вспомнил о своем обещании, и на какое-то время враги Евангелия замолчали.

Его друзья работали с удвоенной энергией. Падение, от которого так чудом спасся один из их товарищей, придало им нового рвения. Чем больше нерешительности и слабости проявлял Барнс, тем больше его собратья обращались к Богу за мужеством и твердостью. Более того, сообщалось, что могущественный союзник переправляется через море и что Священное Писание, переведенное на вульгарный язык, наконец-то будет передано народу. Где бы ни проповедовалось слово, там собрание было самым многочисленным. Это было время зарождения церкви; все были заняты на полях, подготавливая почву и прокладывая борозды. По крайней мере, семь колледжей были в полном брожении: Пембрук, Сент-Джонс, Куинс, Кингс, Кайус, Бенет и Питерхаус. Евангелие проповедовалось в церкви Августина, в церкви Святой Марии (Университетская церковь) и в других местах, и когда колокола звонили к молитве, улицы были полны студентов, выходящих из колледжей и спешащих на проповедь. [581]

В Кембридже был дом под названием "Белая лошадь", расположенный так, что самые робкие члены Королевского, Королевского и Сент-Джонского колледжей могли войти сзади, оставаясь незамеченными. Во все века у Никодима были последователи. Здесь обычно собирались те, кто хотел почитать Библию и труды немецких реформаторов. Священники, рассматривая Виттемберг как средоточие Реформации, называли этот дом Германией: у народа всегда будут свои поговорки. Сначала завсегдатаев "Белой лошади" называли софистами; и теперь всякий раз, когда видели группу "товарищей", идущих в этом направлении, раздавался

крик: "Вон германцы идут в Германию". — "Мы не германцы", - был ответ, - "и не римляне". Новый Завет на греческом сделал их христианами. Евангелические собрания никогда не были более пылкими. Некоторые посещали их, чтобы рассказать о новой жизни, которой они обладали; другие, чтобы получить то, что Бог дал более продвинутым братьям. Святой Дух объединил их всех, и таким образом, благодаря общению святых были созданы настоящие церкви. Для этих молодых христиан слово Божье было источником такого большого света, что они воображали себя перенесенными в тот небесный град, о котором говорится в Священных Писаниях, *который не нуждался в солнце, ибо слава Божья освещала его*. "Так часто, как я бывал в обществе этих братьев, - сказал юный ученик церкви Святого Иоанна, - я думал, что меня спокойно поместили в новый славный Иерусалим". [582]

ВСТРЕЧИ В ОКСФОРДЕ.

Похожие вещи происходили и в Оксфорде. В 1524 и 1525 годах Вулси последовательно приглашал туда нескольких кембриджских стипендиатов, и хотя он искал только самых способных, он обнаружил, что взял нескольких самых набожных. Помимо Джона Кларка, там были Ричард Кокс, Джон Фрайер, Годфри Харман, У. Беттс, Генри Самнер, У. Бейли, Майкл Драмм, Т. Лоуни и, наконец, превосходный Джон Фрит. Эти христиане, общаясь с Кларком, с его верным Далабером и с другими евангелистами Оксфорда, проводили собрания, подобно своим кембриджским братьям, на которых Бог проявлял свое присутствие. Епископы объявили войну Евангелию; король поддерживал их всей своей властью; но слово одержало победу; сомнений больше не было. В Англии церковь возродилась.

Великое движение шестнадцатого века началось, в частности, среди молодых врачей и студентов Оксфорда и Кембриджа. От них требовалось, чтобы она была распространена среди людей, и с этой целью Новый Завет, до сих пор читавшийся на латыни и греческом, должен был быть распространен на английском. Голоса этих молодых евангелистов действительно были слышны в Лондоне и в провинции; но их увещеваний было бы недостаточно, если бы могучая рука, направляющая все сущее, не соединила эту христианскую деятельность с тем святым делом, для которого она выделила Тиндейл. В то время как в Англии царило всеобщее волнение, океанские волны несли с континента к берегам Темзы те Священные Писания Божьи, которые три столетия спустя, умноженные в тысячи и миллионы раз и переведенные на сто пятьдесят языков, должны были быть разнесены от тех же берегов до краев света. Если бы в пятнадцатом веке или даже в начале шестнадцатого английский Новый Завет был привезен в Лондон, он попал бы в руки всего нескольких Лоллардов. Теперь повсюду, в домах священников, университетах и дворцах, а также в хижинах земледельцев и лавках торговцев, было горячее желание обладать Священным Писанием. *Fiat lux* вот-вот должен был быть произнесен над хаосом церкви, и свет должен был быть отделен от тьмы словом Божьим.

КНИГА XIX.

АНГЛИЙСКИЙ НОВЫЙ ЗАВЕТ И РИМСКИЙ СУД.

ГЛАВА I.

Церковь и государство существенно различны — Их фундаментальные принципы — Что возвращает жизнь Церкви — Необходимо отделение от Рима — Реформа и свобода — Новый Завет пересекает море — Спрятан в Лондоне — Проповедь и рвение Гаррета — Распространение Священного Писания — Что люди находят в нем — Эффект, который оно производит — Объяснения Тиндейла — Ропер, зять Мора-Гаррет везет Завещание Тиндейла в Оксфорд-Генри и его камердинер — Мольба нищих — Два вида нищих — Зло, причиняемое священниками — Мольбы Мора о помощи Души в Чистилище.

Церковь и государство существенно различны. Они оба получают свою задачу от Бога, но эта задача у каждого разная. Задача церкви - вести людей к Богу; задача государства - обеспечить земное развитие народа в соответствии с его особым характером. Существуют определенные границы, очерченные особым духом каждой нации, в пределах которых государство должно ограничивать себя; в то время как церковь, границы которой столь же обширны, как и человеческая раса, обладает универсальным характером, который возвышает ее над всеми национальными различиями. Эти две отличительные черты должны быть сохранены. Государство, стремящееся к универсальности, теряет себя; церковь, чей разум и цели сектантские, отпадает. Тем не менее церковь и государство, два полюса общественной жизни, хотя и во многом противоположны друг другу, далеки от того, чтобы полностью исключать друг друга. Церковь нуждается в той справедливости, порядке и свободе, которые государство обязано поддерживать; но государство особенно нуждается в церкви. Если Иисус может обойтись без королей, чтобы установить свое царство, то короли не могут обойтись без Иисуса, если они хотят, чтобы их царства процветали. Справедливость, которая является фундаментальным принципом государства, постоянно сдерживается в своем развитии внутренней силой греха; и поскольку сила ничего не может сделать против этой власти, государству требуется Евангелие, чтобы победить ее. Та страна, где церковь является самой евангелической, всегда будет самой процветающей. Поскольку эти два сообщества, таким образом, нуждаются друг в друге, мы должны быть готовы всякий раз, когда в мире происходит великое религиозное проявление, стать свидетелями появления на сцене не только малых, но и великих государств. Поэтому мы не должны удивляться, встретившись с Генрихом VIII, но давайте постараемся точно оценить роль, которую он сыграл.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Если Реформация, особенно в Англии, неизбежно была связана с государством, даже с миром, то она возникла ни в государстве, ни в мире. В эпоху Генриха VIII было много мирской суеверности, страстей, насилия, празднеств, судебных процессов, разводов; и некоторые историки называют это *историей Реформации в Англии*. Мы не будем обходить молчанием эти проявления мирской жизни; какими бы противоположными они ни были христианской жизни, они остались в истории, и не наше дело вырывать их. Но совершенно очевидно, что это не Реформация. Совсем из другой стороны исходил божественный свет, который затем взошел на человечество.

Сказать, что Генрих VIII был реформатором своего народа, значит выдать наше невежество в отношении него. Королевская власть в Англии по очереди выступала против реформы церкви и одобряла ее; но она выступала раньше, чем одобряла, и гораздо больше, чем одобряла. Это великое преобразование было начато и продолжено его собственной силой, Духом свыше.

Когда церковь утратила присущую ей жизнь, она должна снова установить связь со своим творческим принципом, то есть со словом Божиим. Точно так же, как ведра колеса, используемого для орошения лугов, не успели выпустить свою живительную воду, как они снова погружаются в ручей для повторного наполнения, так и каждое поколение, лишенное Духа Христова, должно возвращаться к божественному источнику, чтобы снова наполниться. Первоначальные слова, которые создали церковь, были сохранены для нас в Евангелиях, Деяниях и Посланиях; и смиренное чтение этих божественных писаний создаст в каждом веке общение святых. Отцом Реформации был Бог, а не Генрих VIII. Видимый мир, который тогда сверкал с такой яркостью; эти принцы и спортивные состязания, эти дворяне, судебные процессы и законы, далекие от осуществления реформы, были рассчитаны на то, чтобы задушить ее. Но свет и тепло пришли с небес, и новое творение было завершено.

ОТДЕЛЕНИЕ ОТ РИМА НЕОБХОДИМО.

В правление Генриха VIII огромное количество горожан, священников и дворян обладало той степенью образованности, которая благоприятствует действию священных книг. Этого божественного семени было достаточно разбросать по хорошо подготовленной почве, чтобы работа по прорастанию была завершена.

Приближалось также не менее важное время, когда деятельность папства должна была завершиться. Час еще не пробил. Бог сначала создавал внутри себя своим словом духовную церковь, прежде чем своим устройством разорвал внешние узы, которые так долго привязывали Англию к власти Рима. Ему доставляло большое удовольствие сначала давать истину и жизнь, а затем свободу. Было сказано, что если бы папа согласился на реформу злоупотреблений и доктрин при условии сохранения им своего положения, религиозная революция не была бы удовлетворена такой ценой, и что после требования *реформы* следующим требованием была бы *свобода*. Единственный упрек, который можно сделать этому утверждению, заключается в том, что оно в высшей степени верно. Свобода была неотъемлемой частью Реформации, и одним из настоятельно необходимых изменений было лишение папы религиозной власти и восстановление ее в соответствии со словом Божиим. В шестнадцатом веке произошел великий всплеск христианской жизни во Франции, Италии и Испании; это засвидетельствовано бесчисленными мучениками, и история показывает, что для преобразования этих трех великих наций все, чего требовало Евангелие, - это свобода. [583] "Если бы мы приступили к работе двумя месяцами позже, - сказал великий инквизитор Испании, обагривший себя кровью святых, - было бы слишком поздно: Испания была бы потеряна для римской церкви". Поэтому мы можем верить, что если бы у Италии, Франции и Испании был какой-нибудь великодушный король, который сдерживал бы мирмидонов папы римского, эти три страны, движимые обновляющей силой Евангелия, вступили бы в эру свободы и веры.

Борьба Англии с папством началась вскоре после распространения английского Нового Завета Тиндейлом. Эпоха, в которую мы попали, соответственно, представляет нашим глазам в едином виде как Завещание Иисуса Христа, так и римский двор. Таким образом, мы можем изучить людей (реформаторов и романистов) и произведенные ими работы и прийти к справедливой оценке двух великих принципов, которые оспаривают обладание властью в церкви.

ПРИХОД НОВОГО ЗАВЕТА.

Это было примерно в конце 1525 года; английский Новый Завет пересекал море; пятеро благочестивых ганзейских купцов взяли на себя хранение книг. Очарованные Священным Писанием, они взяли их на борт своих кораблей, спрятали среди своих товаров, а затем отплыли из Антверпена в Лондон.

Таким образом, эти драгоценные страницы приближались к Англии, которым предстояло стать ее светом и источником ее величия. Торговцы, чье рвение, к несчастью, дорого им обошлось, были встревожены. Разве Кохлей не приказал разослать приказы во все порты, чтобы воспрепятствовать ввозу драгоценного груза, который они везли в Англию? Они прибыли и бросили якорь; они спустили лодку, чтобы добраться до берега; кого они могли там встретить? Агенты Тонстолла, без сомнения, и Вулси, и Генри готовы забрать свои Новые Заветы! Они высадились и вскоре снова вернулись на корабль; лодки сновали туда-сюда, и судно разгружалось. Враг не появлялся, и никто, казалось, не предполагал, что на этих кораблях хранятся такие огромные сокровища.

Как раз в то время, когда этот бесценный груз поднимался по реке, невидимая рука разогнала превентивную охрану. Тонстолл, епископ Лондонский, был отправлен в Испанию; Вулси был занят политическими заговорами с Шотландией, Францией и империей; Генрих VIII, изгнанный из своей столицы нездоровой зимой, проводил рождественские каникулы в Элтеме; и даже суды, встревоженные необычайной смертностью, приостановили свои заседания. Бог, если можно так выразиться, послал своего ангела убрать стражу.

Не видя ничего, что могло бы их остановить, пятеро торговцев, чье предприятие находилось на Сталелитейном заводе на Темз-стрит, поспешили спрятать свой драгоценный груз на своих складах. Но кто их получит? Кто возьмется распространять эти Священные Писания в Лондоне, Оксфорде, Кембридже и по всей Англии? Неважно, что они пересекли море. Главным инструментом, который Бог собирался использовать для их распространения, был смиренный слуга Христа.

ТОМАС ГАРРЕТ.

На Хани-лейн, узкой улочке, примыкающей к Чипсайду, стояла старая церковь Всех Святых, настоятелем которой был Роберт Форман. Его викарий был простым человеком с живым воображением, тонкой совестью и робким нравом, но ободрился благодаря своей вере, за которую ему предстояло стать мучеником. Томас Гаррет, ибо таково было его имя, уверовав в Евангелие, искренне призывал своих слушателей к покаянию; [584] он убеждал их, что дела, какими бы хорошими они ни были внешне, никоим образом не способны оправдать грешника, и что только вера может спасти его. [585] Он утверждал, что каждый человек имеет право проповедовать слово Божье; [586] и назвал тех епископов фарисеями, которые преследовали христиан. Речи Гаррета, одновременно такие оживленные и такие мягкие, привлекали огромные толпы; и для многих его слушателей улица, на которой он проповедовал, была по праву названа Хани-лейн, потому что там они находили *мед из камня*. [587] Но Гаррет собирался совершить проступок, в глазах священников еще более отвратительный, чем проповедь веры. Ганзейские купцы искали какое-нибудь надежное место, где они могли бы хранить Новый Завет и другие книги, присланные из Германии; священник предложил им свой дом, тайком перевез туда священные сокровища, спрятал их в самых потаенных уголках и преданно охранял эту

священную библиотеку. [588] Он этим не ограничился. День и ночь он изучал священные книги; он проводил евангельские собрания, читал слово Божье и объяснял его доктрины жителям Лондона. В конце концов, не удовлетворившись тем, что был одновременно студентом, библиотекарем и проповедником, он стал торговцем и продавал Новый Завет мирянам и даже священникам и монахам, так что Священное Писание было рассеяно по всему королевству. [589] Этот скромный и робкий священник в то время в одиночку совершал библейскую работу в Англии.

ЧТО ЛЮДИ НАХОДИЛИ В СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЯХ.

И таким образом, слово Божье, представленное Эразмом ученым в 1517 году, было передано людям Тиндейлом в 1526 году. В домах священников и монастырских кельях, но особенно в магазинах и коттеджах, толпы людей изучали Новый Завет. Ясность Священного Писания поражала каждого читателя. Там нельзя было найти ни одной из систематических или афористических форм школы: это был язык человеческой жизни, который они открыли в этих божественных писаниях: здесь беседа, там рассуждение; здесь повествование, а там сравнение; здесь повеление, а там аргумент; здесь притча, а там молитва. Это была не вся доктрина и не вся история, но эти два элемента, смешанные вместе, составляли замечательное целое. Прежде всего, жизнь нашего Спасителя, такая божественная и такая человеческая, обладала невыразимым очарованием, которое пленяло простых людей. Одно дело Иисуса Христа объясняло другое, и великие факты искупления, рождения, смерти и воскресения Сына Божьего и ниспослания Святого Духа следовали друг за другом и дополняли друг друга. Авторитет учения Христа, столь сильно контрастирующий с сомнениями школ, увеличивал ясность его рассуждений для его читателей; ибо чем несомненнее истина, тем отчетливее она поражает ум. Этим дворянам, фермерам и горожанам академические объяснения были не нужны. "Эта книга говорит со мной, для меня и обо мне", - сказал каждый из них. Именно меня касаются все эти обещания и учения. Это *падение* и это *восстановление* ... они мои. Эта старая *смерть* и эта новая *жизнь*.... Я прошел через них. Эта *плоть* и этот *дух*.... Я знаю их. Этот *закон* и эта *благодать*, эта *вера*, эти *дела*, это *рабство*, эта *слава*, этот *Христос* и этот *Велуал* ... все они мне знакомы. В этой книге я нахожу свою собственную историю. Таким образом, с помощью Святого Духа каждый из нас на собственном опыте получил ключ к тайнам Библии. Чтобы понять определенных авторов и философов, интеллектуальная жизнь читателя должна быть в гармонии с их собственной; точно так же должно быть глубокое родство со священными книгами, чтобы проникнуть в их тайны. "Человек, не имеющий Духа Божьего, - сказал один реформатор, - не понимает ни йоты из Священного Писания". [590] Теперь, когда это условие было выполнено, Дух Божий сошел с поверхности вод.

Такова в тот период была герменевтика Англии. Тиндейл сам подал пример, объяснив многие слова, которые могли бы остановить читателя. "*Новый Завет!*" - мы можем предположить, что какой-нибудь фермер скажет, взяв книгу. "Что это за *Завет*?" "Христос, - писал Тиндейл в своем прологе, - перед смертью повелел своим ученикам обнародовать по всему миру *свою последнюю волю*, которая заключается в том, чтобы раздать все свое имущество всем кающимся и верующим. [591] Он завещает им свою праведность, чтобы изгладить их грехи, — свое спасение, чтобы преодолеть их осуждение; и вот почему этот документ называется *Завещанием Иисуса Христа*".

"Закон и Евангелие", - сказал житель Лондона в своем магазине. - "Что это?" "Это два ключа", - ответил Тиндейл. "Закон - это ключ, который закрывает всех людей от осуждения, а Евангелие - это ключ, который открывает дверь и выпускает их наружу. Или, если вам так больше нравится, это две мази. Закон, суровый и язвительный, изгоняет болезнь и убивает ее; в то время как Евангелие, успокаивающее и мягкое, смягчает рану и приносит жизнь". [592] Все понимали и читали, или, скорее, поглощали вдохновенные страницы; и сердца избранных (используя слова Тиндейла), согретые любовью Иисуса Христа, начали таять, как воск. [593]

ЗЯТЬМОРА.

Было замечено, что это преобразование происходит даже в самых католических семьях. Ропер, зять Мора, прочитав Новый Завет, познал истину. "Я больше не нуждаюсь, - сказал он, - ни в исповеди перед сном, ни в бдениях, ни в обращении к святым. Уши Бога всегда открыты, чтобы услышать нас. Для спасения необходима только вера. Я верю... и я спасен.... Ничто не может лишить меня Божьей милости". [594]

Любезный и усердный молодой человек желал сделать больше. "Отец, - сказал он однажды сэру Томасу, - добудь для меня у короля, который очень любит тебя, разрешение проповедовать. Бог послал меня наставлять мир". Мор был встревожен. Должно ли это новое учение, которое он ненавидит, распространиться даже на его детей? Он использовал всю свою власть, чтобы разрушить работу, начатую в сердце Роупера. "Что, - сказал он с улыбкой, - разве недостаточно, чтобы мы, твои друзья, знали, что ты дурак, но ты бы объявил о своем безумии всему миру? Придержи язык: я больше не буду с тобой спорить". Воображение молодого человека было поражено, но сердце его не изменилось. Дискуссии прекратились, авторитет отца был восстановлен, Ропер стал менее пылким в своей вере и постепенно вернулся к папизму, ревностным поборником которого впоследствии стал.

Скромный священник церкви Всех Святых, продав Новый Завет людям, живущим в Лондоне и его окрестностях, а также многим благочестивым людям, которые хотели донести его до самых отдаленных уголков Англии, принял решение внедрить его в Оксфордский университет, эту цитадель традиционного католицизма. Именно там он учился и испытывал к этой школе ту привязанность, которую сын испытывает к своей матери: он отправился в путь со своими книгами. [595] Временами его охватывал ужас, ибо он знал, что у слова Божьего в Оксфорде много смертельных врагов; но его неиссякаемое рвение преодолевало робость. Совместно с Далабером он тайком выставил таинственную книгу на продажу; многие студенты купили ее, и Гаррет тщательно занес их имена в свой реестр. Это было в январе 1526 года; один инцидент нарушил эту христианскую деятельность.

ГЕНРИХ VIII И ЕГО КАМЕРДИНЕР.

Однажды утром, когда Эдмунд Моддис, один из камердинеров Генриха, находился при своем хозяине, принц, который был к нему очень привязан, заговорил с ним о новых книгах, пришедших из-за моря. "Если ваша светлость, - сказал Моддис, - пообещает простить меня и некоторых людей, я бы подарил вам замечательную книгу, посвященную вашему величеству". [596] "Кто автор?" - Юрист "Грейз Инн" по имени Саймон Фиш, в настоящее время находится на континенте. - Что он там делает? - Около трех лет назад мистер Роу, сокурсник по Грейз-Инн, сочинил для частного театра драму против милорда кардинала. Король улыбнулся; когда на его министра напали, его собственное ярмо показалось ему легче. - Поскольку никто не пожелал

представлять персонажа, нанятого для того, чтобы преподать кардиналу урок, - продолжал камердинер, - мастер Фиш смело согласился на это. Пьеса произвела большой эффект, и милорд, узнав об этой дерзости, однажды ночью послал полицию арестовать Фиша. Последнему удалось бежать, он пересек море, присоединился к некоему Тиндейлу, автору нескольких книг, о которых так много говорят; и, увлеченный примером своего друга, он сочинил книгу, о которой я говорил вашей светлости". "Как это называется?" - спросил я. "*Мольба нищих*." — "Где вы это видели?" — "У двух ваших торговцев, Джорджа Элиота и Джорджа Робинсона; [597] если ваша светлость пожелает, они принесут это вам". Король назначил день и час.

Книга была написана для короля, и ее читали все, кроме самого короля. В назначенный день Моддис появился вместе с Элиотом и Робинсоном, которые не совсем были лишены страха, поскольку их могли обвинить в прозелитизме даже в королевском дворце. Король принял их в своих личных покоях. [598] "Чего вы хотите", - сказал он им. "Сэр, - ответил один из торговцев, - мы пришли по поводу необычной книги, которая адресована вам". "Может ли кто—нибудь из вас прочесть ее мне?" - "Да, если вашей светлости будет угодно", - ответил Элиот. "Вы можете повторить содержание по памяти", - возразил король ... "но нет, прочтите все; так будет лучше. Я готов". Элиот начал:

"Мольба нищих".

КАК РАЗРУШАЕТСЯ ГОСУДАРСТВО.

"Королю, нашему суверенному господину, —

"Наиболее прискорбно жалуются на свои прискорбные страдания вашему высочеству ваши бедные поденщики, жалкие чудовища убежища, на которых едва ли от ужаса кто-либо осмеливается взглянуть; отвратительный несчастный род прокаженных и других больных людей, нуждающихся, бессильных, слепых, хромых и больных, которые живут только подаванием; как с каждым днем увеличивается их число, что всех подаяний всех благонамеренных людей этого вашего королевства не хватает и наполовину, чтобы прокормить их, но что из-за сильного стеснения они умирают". от голода.

"И это самое пагубное зло постигло упомянутых вами бедных обитателей постели по той причине, что во времена ваших благородных предшественников в это ваше царство хитро прокрался другой сорт, не бессильных, а сильных, могущественных и притворно-святых и праздных нищих и бродяг, которых благодаря хитрости сатаны теперь увеличилось не только огромное число, но и целое королевство".

Генри был очень внимателен, Элиот продолжил:

"Это не пастухи, а хищные волки, ходящие в пастушеских одеждах и пожирающие стадо: епископы, аббаты, приоры, дьяконы, архидиаконы, суфражистки, священники, монахи, каноники, монахини, помилователи и самнеры.... Самые хорошие лордства, поместья, земли и территории принадлежат им. Кроме того, у них есть десятая часть всей кукурузы, лугов, пастбищ, травы, дров, жеребят, телят, ягнят, свиней, гусей и цыплят. Сверх того, десятая часть жалованья каждого слуги, десятая часть шерсти, молока, меда, воска, сыра и масла. Бедные жены должны отчитываться перед ними за каждое десятое яйцо, иначе она не получит своих прав [т.е. отпущения грехов] на Пасху.... Наконец, что они получают через год? Общая сумма:

430 333 фунта стерлингов, 6,8 дирхамов стерлингов, из которых четыреста лет назад у них не было ни пенни....

"Какие подданные смогут помочь своему принцу, если их будут опрашивать подобным образом ежегодно?" Какие добрые христиане могут помочь нам, бедным прокаженным, слепым, больным и хромым, которые ежегодно подвергаются таким притеснениям?... Древние римляне никогда не смогли бы подчинить себе весь мир, если бы у них дома были такие праздные бакланы".

Нельзя было найти предмета, более способного привлечь внимание короля. "И что делает весь этот алчный род крепких праздных святых воров с их ежегодными поборами, которые они берут с людей? Поистине, ничего, кроме как передать им все правление, силу, господство, власть, послушание и достоинство от твоей милости. Ничего, кроме того, чтобы все твои подданные впали в непослушание и бунтарство.... Священники и голуби создают грязные дома; и если вы хотите разрушить государство, установите в нем папу римского с его монахами и духовенством.... Пошлите этих крепких мужланов за границу, чтобы они взяли себе собственных жен и зарабатывали себе на жизнь своим трудом в поте лица.... Тогда ваше достояние увеличится в богатстве; тогда супружество будет гораздо лучше соблюдаться; тогда ваш меч, власть, корона, достоинство и послушание вашего народа не будут отняты у вас".

Когда Элиот закончил чтение, король замолчал, погрузившись в раздумья. Истинная причина разорения государства была раскрыта перед ним, но разум Генриха еще не созрел для осознания этих важных истин. Наконец он сказал с беспокойством: "Если человек, желающий снести старую стену, начинает снизу, я боюсь, что верхняя часть может случайно упасть ему на голову". [599] Таким образом, в глазах короля Рыба, нападая на священников, нарушала устои религии и общества. После этого королевского вердикта Генрих встал, взял книгу, запер ее в своем письменном столе и запретил двум купцам кому-либо рассказывать о том, что они ему ее читали.

Вскоре после того, как король получил этот экземпляр, в среду, 2 февраля, в праздник Сретения Господня, несколько человек, включая самого короля, должны были принять участие в процессии с восковыми свечами в руках. Ночью это знаменитое ругательство было разбросано по всем улицам, по которым должна была пройти процессия. Кардинал приказал изъять брошюру и немедленно явился к королю. Последний сунул руку под рясу и с улыбкой достал оттуда столь страшную работу, а затем, словно удовлетворенный этим доказательством независимости, передал ее кардиналу.

МОЛЬБЫ ДУШ В ЧИСТИЛИЩЕ.

В то время как Вулси ответил на вылов рыбы конфискацией, сэр Томас Мор с большей щедростью, желая, чтобы пресса отвечала прессе, опубликовал *"Мольбы душ в Чистилище"*. "Отмените, - говорили они, - выплаты монахам за благочестие, и тогда появится Евангелие Лютера, будет зачитано завещание Тиндейла, будет проповедоваться ересь, постами будут пренебрегать, святыми будут хулить, Бог будет оскорблен, над добродетелью будут насмехаться, порок разгуляется, и Англия населится нищими и ворами". [600] Души в Чистилище затем называют автора "Мольбы нищих" "гусем, ослом, бешеной собакой". Так суеверие унизило благородный гений Мора. Несмотря на издевательства над душами в чистилище, Новый Завет с каждым днем читался в Англии все больше и больше.

ГЛАВА II.

Два представителя власти—Начало поисков—Гаррет в Оксфорде—Его бегство—Его возвращение и заключение—Сбегает и находит убежище у Далабера—Гаррет и Далабер на молитве—*Магнификат*—Удивление врачей—Совет Кларка—Братская любовь в Оксфорде—Тревога Далабера—Его арест и обследование—Его пытаются—Гаррет и двадцать товарищей заключены в тюрьму—Подвал—Осуждение и унижение.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР.

Вулси не остановился на книге Фиша. Необходимо было разыскать не только эту "жалкую брошюру"; новый Завет на английском языке попал в королевство врасплох; в этом заключалась опасность. Евангелисты, которые осмелились освободить человека от священников и поставить его в абсолютную зависимость от Бога, сделали прямо противоположное тому, чего требует Рим. [601] Кардинал поспешил собрать епископов, и они (особенно Уорхэм и Тонстолл, которым давно нравились шутки, направленные против суеверий) отнеслись к делу серьезно, когда им показали, что Новый Завет распространяется по всей Англии. Эти священники, как и Уолси, верили, что авторитет папы римского и духовенства является догмой, которой подчинены все остальные. Они видели в реформе восстание человеческого разума, желание думать самостоятельно, свободно судить о доктринах и институтах, которые народы до сих пор смиренно принимали из рук священников. Новые врачи оправдывали свою попытку предоставления избирательных прав заменой старого авторитета новым. Именно Новый Завет поставил под угрозу абсолютную власть Рима. Он должен быть изъят и уничтожен, заявили епископы. Лондон, Оксфорд и, прежде всего, Кембридж, эти три прибежища ереси, должны быть тщательно обысканы. Окончательный приказ был отдан в субботу, 3 февраля 1526 года, и работа началась немедленно.

БЕГСТВО ГАРРЕТА.

Первым визитом инквизиторов был Медовый переулок, в дом священника Всех Святых. Они не нашли Гаррета; они искали его у Монмута и по всему городу, но встретиться с ним не смогли. [602] "Он отправился в Оксфорд продавать свои отвратительные товары", - сообщили инквизиторам, и они немедленно отправились за ним, решив сжечь евангелиста и его книги; "настолько жгучей, - говорит историк, - была благотворительность этих святых отцов". [603]

Во вторник, 6 февраля, Гаррет спокойно продавал свои книги в Оксфорде и тщательно записывал свои продажи в кассу, когда двое его друзей подбежали к нему с криком: "Лети! иначе вас отведут к кардиналу, а оттуда... в Тауэр. Бедный викарий был очень взволнован. "От кого вы это узнали?" — "От мастера Коула, секретаря ассамблеи, который пользуется большим расположением кардинала". Гаррет, сразу понявший, что дело серьезное, поспешил к Энтони Далаберу, у которого был запас Священного Писания в Оксфорде; другие последовали за ним; новость быстро распространилась, и те, кто купил книгу, были охвачены тревогой, поскольку из истории Лоллардов они знали, на что способно римское духовенство. Они вместе посоветовались. Братья, "ибо так мы не только называли друг друга, но и действительно были друг для друга", - говорит Далабер, [604] решили, что Гаррету следует сменить имя; что Далабер

должен дать ему письмо для своего брата, настоятеля Сталбриджа в Дорсетшире, которому не хватало викария; и что, оказавшись в этом приходе, он должен воспользоваться первой возможностью, о том, чтобы пересечь море. Ректор действительно был "безумным папистом" (по выражению Далабера), но это не изменило их решения. Они не знали другого выхода. Энтони поспешно написал ему, и утром 7 февраля Гаррет незаметно покинул Оксфорд.

Позаботившись о безопасности Гаррета, Далабер затем подумал о своей собственной. Он тщательно спрятал в тайнике своей комнаты в Сент-Олбанс-холле "Завещание" Тиндейла и труды Лютера, Николампадия и других, посвященные слову Божьему. Затем, испытав отвращение к схоластическим софизмам, которые он слышал в этом колледже, он взял с собой Новый Завет и Комментарий к Евангелию от святого Луки Ламберта Авиньонского, второе издание которого только что вышло в Страсбурге, [605] и отправился в Глостерский колледж, где намеревался изучать гражданское право, не желая иметь больше никаких дел. поступай с церковью.

ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМУ.

В это время бедняга Гаррет пробирался в Дорсетшир. Его совесть не могла вынести мысли о том, что он будет, пусть и ненадолго, помощником фанатичного священника, — о том, что он будет скрывать свою веру, свои желания и даже свое имя. Находясь на свободе, он чувствовал себя более несчастным, чем мог бы чувствовать себя в тюрьмах Вулси. "Лучше, - сказал он про себя, - исповедовать Христа перед судилищем, чем делать вид, что одобряю суеверные обычаи, которые я ненавижу". Он прошел немного вперед, затем остановился — и затем продолжил свой путь. Между его страхами и совестью шла ожесточенная борьба. Наконец, после полутора дней, проведенных в сомнениях, его совесть возобладала; не в силах больше выносить мучения, которые он испытывал, он повернул вспять, вернулся в Оксфорд, куда поступил в пятницу вечером, и спокойно лег в свою постель. Едва перевалило за полночь, когда прибыли агенты Вулси, получившие информацию о его возвращении, и вытащили его из постели, [606] и доставили его доктору Коттисфорду, комиссару университета. Последний запер его в одной из своих комнат, в то время как Лондон и Хигдон, декан Фридесвайда, "два архипаписта" (как называет их хронист), объявили кардиналу об этом важном захвате. Они думали, что папство спасено, потому что был похищен бедный викарий.

ГАРРЕТ И ДАЛАБЕР МОЛЯТСЯ.

Далабер, занятый подготовкой своей новой комнаты в Глостерском колледже, не заметил всей этой суматохи. [607] В субботу, в полдень, закончив свои приготовления, он дважды запер свою дверь и начал читать Евангелие от святого Луки. Внезапно он слышит стук. Далабер не ответил; это, без сомнения, офицеры комиссара. Раздался более громкий стук, но он по-прежнему молчал. Сразу после этого раздался третий стук, как будто в дверь собирались выбить. "Возможно, я кому-то нужен", - подумал Далабер. Он отложил книгу, открыл дверь и, к своему великому удивлению, увидел Гаррета, который с тревогой во всем лице воскликнул: "Я пропавший человек! Они поймали меня!" Далабер, который думал, что его друг находится с его братом в Столбридже, не мог скрыть своего удивления и в то же время бросил тревожный взгляд на незнакомца, сопровождавшего Гаррета. Это был один из служащих колледжа, который привел беглого викария в новую комнату Далабера. Как только этот человек ушел, Гаррет все рассказал Энтони: "Заметив, что доктор Коттисфорд и его домочадцы отправились молиться, я пальцем отодвинул засов ... и вот я здесь... - Увы! Мастер Гаррет, - ответил Далабер, -

неосторожность, которую вы совершили, заговорив со мной перед этим молодым человеком, погубила нас обоих! При этих словах Гаррет, который возобновил свой страх перед священниками, теперь, когда его совесть была удовлетворена, воскликнул голосом, прерывающимся от вздохов и слез: [608] "Ради всего святого, помогите мне! Спаси меня!" Не дожидаясь ответа, он сбросил плащ и капюшон, попросил Энтони дать ему пальто с рукавами и, переодевшись таким образом, сказал: "Я сбегу в Уэльс, а оттуда, если возможно, в Германию к Лютеру".

Гаррет одернул себя; нужно было кое-что сделать до того, как он уйдет. Двое друзей упали на колени и вместе помолились; они призвали Бога отвести своего слугу в безопасное убежище. Покончив с этим, они обнялись, их лица были залиты слезами, и они не могли вымолвить ни слова. [609]

Молча стоя на пороге своей двери, Далабер глазами и ушами следил за удаляющимися шагами своего друга. Услышав, как он спустился по лестнице, он вернулся в свою комнату, запер дверь, достал свой Новый Завет и, положив его перед собой, прочел на коленях десятую главу Евангелия от Матфея, часто и тяжело вздыхая: *Вы предстанете перед правителями и царями ради меня... но не бойтесь их; даже волосы на вашей голове сочтены.* Это чтение придало ему мужества, и Энтони, все еще стоя на коленях, горячо помолился за беглеца и за всех его братьев: "О Боже, твоим Святым Духом надели небесной силой это нежное и новорожденное маленькое стадо в Оксфорде. [610] Тяжелый крест Христа вот-вот будет возложен на слабые плечи твоей бедной овечки. Даруй им перенести это с благочестивым терпением и непоколебимым рвением!"

Поднявшись с колен, Далабер отложил книгу, сложил капюшон и сюртук Гаррета, положил их среди своей одежды, запер дверь своей комнаты и направился в Кардинальский колледж (ныне Крайст-Черч), чтобы рассказать Кларку и другим братьям о случившемся. [611] Они были в часовне: вечерняя служба началась; декан и каноники в парадных костюмах пели на клиросе. Далабер остановился в дверях, прислушиваясь к величественным звукам органа, которым руководил Тавернер, и гармоничным переливам хористов. Они пели *Магнификат*: "*Величит душа Моя Господа*".... *Он удержал раба своего Израиля.* Далаберу показалось, что они поют об освобождении Гаррета. Но его голос не мог присоединиться к их хвалебной песне. "Увы! - воскликнул он. - все мое пение и музыка превратились во вздохи и размышления". [612]

ЯРОСТЬ ТРЕХ ДОКТОРОВ.

Пока он слушал, прислонившись к входу на хоры, торопливой походкой вошел доктор Коттисфорд, университетский комиссар, "с непокрытой головой и бледный, как пепел". Он прошел мимо Энтони, не заметив его, и направился прямо к декану, казалось, чтобы сообщить какую-то важную и неприятную новость. "Я хорошо знаю причину его печали", - подумал Далабер, наблюдая за каждым его жестом. Едва комиссар закончил свой отчет, как встал декан, и оба покинули хор в нескрываемом замешательстве. Они добрались только до середины антикапиталии, когда вбежал доктор Лондон, пытая, потирая ноги и притопывая, "как голодный и жадный лев, ищущий свою добычу". [613] Все трое остановились, расспрашивали друг друга и сожалели о своем несчастье. Их быстрые и энергичные движения свидетельствовали о сильнейшем волнении; Лондон прежде всего не мог сдержаться. Он набросился на комиссара

и обвинил его в небрежности, так что Коттисфорд в конце концов разрыдался. "Дела, а не слезы", - сказал фанатичный Лондон; и немедленно они разослали офицеров и шпионов по всем дорогам.

Энтони, покинув часовню, поспешил к Кларку, чтобы рассказать ему о побеге своего друга. "Мы идем среди волков и тигров, - ответил Кларк. - приготовьтесь к преследованию. *Нашим девизом должно быть Prudentia serpentina et simplicitas columbina* (мудрость змей и безвредность голубей). О Боже, дай нам мужества, которого требуют эти злые времена ". Все в маленькой пастве были в восторге от освобождения Гаррета. Вошедшие Самнер и Беттс побежали рассказывать об этом другим братьям в Колледже, [614] и Далабер поспешили в Корпус-Кристи. Все эти благочестивые молодые люди чувствовали себя солдатами одной армии, путешественниками в одной компании, братьями в одной семье. Братская любовь нигде не сияла так ярко во времена Реформации, как среди христиан Великобритании. Это особенность, достойная внимания.

Фицджереймс, Юдел и Дит встретились вместе в кабинете последнего в колледже Корпус-Кристи, когда прибыл Далабер. Они ели свою скромную трапезу с опущенными глазами и прерывающимися голосами, беседуя об Оксфорде, об Англии и об опасностях, нависших над ними. [615] Затем, встав из-за стола, они упали на колени, призвали Бога на помощь и разошлись, Фицджереймс забрал Далабера с собой в церковь Св. Олбанс-холл. Они боялись, что слуга Глостерского колледжа предал его.

ТРЕВОГА ДАЛАБЕРА.

Ученики Евангелия в Оксфорде провели ночь в большом беспокойстве. Бегство Гаррета, ярость священников, опасности, грозящие восставшей церкви, рев бури, наполнившей воздух и эхом разнесшейся по длинным галереям, — все это внушало им ужас. В воскресенье, 11 февраля, Далабер, который проснулся в пять утра, отправился в свою комнату в Глостер-колледже. Обнаружив, что ворота заперты, он прошелся взад и вперед под стенами по грязи, потому что всю ночь шел дождь. Пока он расхаживал взад и вперед по пустынной улице в предрассветных сумерках, тысячи мыслей тревожили его разум. Всем известно, сказал он себе, что он принимал участие в побеге Гаррета; его арестуют, и побег его друга будет ему отомщен. [616] Он был подавлен горем и тревогой; он тяжело вздохнул; [617] ему показалось, что он видит, как комиссары Вулси требуют имена его сообщников и делают вид, что составляют протокол. список проскрипций под его диктовку; он вспомнил, что не раз жестокие священники вымогали у Лоллардов имена их братьев, и, ужаснувшись возможности такого преступления, он воскликнул: "О Боже, я клянусь тебе, что я никого не обвиню"... Я не расскажу ничего, кроме того, что прекрасно известно". [618]

Наконец, после часа мучений, он смог поступить в колледж. Он поспешил внутрь, но когда попытался открыть дверь, то обнаружил, что замок взломан. Дверь поддалась от сильного толчка, и что за зрелище предстало его глазам! его кровать перевернута, одеяла разбросаны по полу, одежда в беспорядке разбросана в шкафу, в кабинет вломились и оставили открытым. Он не сомневался, что платье Гаррета выдало его; и он с тревогой взирал на это печальное зрелище, когда пришел монах, занимавший соседние комнаты, и рассказал ему, что произошло: "Комиссар и два проктора, вооруженные мечами и банкнотами, взломали вашу дверь посреди ночи. Они прокололи солому на вашей кровати насквозь, чтобы убедиться, что там не спрятан Гаррет; [619] они тщательно обыскали каждый уголок, но не смогли обнаружить

никаких следов беглеца ". При этих словах Далабер снова перевел дыхание ... но монах не закончил. "У меня приказ, - добавил он, - отправить вас к приору". Энтони Данстан, приор, был фанатичным и скупым монахом; и смятение, в которое повергло Далабера это сообщение, было настолько велико, что он в чем был, весь забрызганный грязью, отправился в покои своего настоятеля.

ДОПРАШИВАЛ ДАЛАБЕР.

Приор, стоявший лицом к двери, оглядел Далабера с головы до ног, когда тот вошел. - Где вы провели ночь? - спросил я. - Спросил он. - В Сент-Олбанс-холле. - С Фицджерейсом. Приор с недоверчивым жестом продолжил: "Разве мастер Гаррет вчера не был с вами?" — "Да". — "Где он сейчас?" - "Я не знаю". Во время этого осмотра приор заметил на пальце Энтони большое двойное позолоченное серебряное кольцо с инициалами A. D. [620] "Покажите мне это", - сказал приор. Далабер подарил ему кольцо, и приор, полагая, что оно из чистого золота, надел его себе на палец, добавив с хитрой ухмылкой: "Это кольцо мое: на нем написано мое имя. Буква "А" означает *Энтони*, а "Д" означает *Данстана*. "Молю Бога, - подумал Далабер, - чтобы я был избавлен от его общества так же хорошо, как я уверен, что буду избавлен от своего кольца".

В этот момент вошел старший бидл с двумя или тремя людьми комиссара и проводил Далабера в часовню Линкольн-колледжа, где у алтаря стояли три зловещие фигуры: Коттисфорд, Лондон и Хигдон. "Где Гаррет?" - спросил Лондон и, указав на его измятую одежду, продолжил: "Ваши ботинки и одежда, покрытые грязью, доказывают, что вы провели с ним всю ночь. Если вы не скажете, куда вы его отвезли, вас отправят в Тауэр". — "Да, - добавил Хигдон, - в *Литтл-эйз* [одно из самых ужасных подземелий тюрьмы], и вас подвергнут пыткам, вы слышите?" Затем три врача потратили два часа, пытаясь встряхнуть молодого человека лестными обещаниями и страшными угрозами, но все было бесполезно. Затем комиссар подал знак, офицеры вышли вперед, и судьи поднялись по узкой лестнице, ведущей в большую комнату, расположенную над помещением комиссара. Здесь Далабера лишили кошелька и пояса, а ноги его заковали в колодки, так что ступни были почти на уровне головы. [621] Когда это было сделано, три доктора благочестиво отправились к мессе.

Бедный Энтони, оставшись один в этом ужасном положении, вспомнил предупреждение, которое Кларк дал ему два года назад. Он тяжело застонал и воззвал к Богу: [622] "О Отец! чтобы мои страдания были во славу твою и для утешения моих братьев! Что бы ни случилось, я никогда не обвиню ни одного из них". После этого благородного протеста Энтони почувствовал, как в его сердце воцарился мир; но для него была припасена новая печаль.

ГАРРЕТ И ДРУГИЕ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ТЮРЬМУ.

Гаррет, который направился на запад с намерением отправиться в Уэльс, был пойман в Хинкси, недалеко от Оксфорда. Его привели обратно и бросили в темницу, в которую поместили Далабера после пыток. Их мрачные предчувствия должны были более чем оправдаться.

На самом деле Вулси был глубоко раздосадован, увидев, что колледж [Крайст-Черч], который, по его замыслу, должен был стать "самым славным в мире", превратился в пристанище ереси, а молодые люди, которых он так тщательно отбирал, стали распространителями Нового Завета. Отдавая предпочтение литературе, он имел в виду торжество духовенства, а литература,

напротив, способствовала торжеству Евангелия. Он без промедления отдал свои приказы, и университет наполнился ужасом. Джон Кларк, Джон Фрит, Генри Самнер, Уильям Беттс, Ричард Тавернер, Ричард Кокс, Майкл Драмм, Годфри Харман, Томас Лоуни, Рэдли и другие из Кардинальского колледжа; Удал, Дит и другие из Корпус-Кристи; Иден и несколько его друзей из Магдалины; Гудман, Уильям Бейли, Роберт Феррар, Джон Солсбери из колледжей Глостера, Барнарда и Святой Марии; были схвачены и брошены в тюрьму. Вулси обещал им славу; он поместил их в темницу, надеясь таким образом сохранить власть священников и подавить то пробуждение истины и свободы, которое распространялось с континента на Англию.

Под Кардинальским колледжем был глубокий погреб, вырытый в земле, в котором дворецкий хранил соленую рыбу. В эту яму были брошены эти молодые люди, избранники Англии. Сырость этой пещеры, испорченный воздух, которым они дышали, ужасный запах рыбы серьезно повлияли на заключенных, и без того ослабленных учебой. Их сердца разрывались от стонов, их вера была поколеблена, и самые скорбные сцены следовали одна за другой в этом грязном подземелье. Несчастные пленники смотрели друг на друга, плакали и молились. Этому испытанию было суждено стать для них спасительным: "Увы! - сказал Фрит впоследствии. - Я вижу, что, помимо слова Божьего, действительно существует второе чистилище... но это не то, что придумал Рим; это крест скорби, к которому Бог пригвоздил нас". [623]

ОСУЖДЕНИЕ И УНИЖЕНИЕ.

Наконец заключенных выводили одного за другим и приводили к судьям; отпущены были только двое. Первым был Беттс, впоследствии капеллан Анны Болейн: они не смогли найти в его комнате никаких запрещенных книг, и он очень талантливо отстаивал свое дело. Другим был Тавернер; он спрятал книги Кларка под полом своей классной комнаты, где их и обнаружили; но его любовь к искусству спасла его: "Тьфу! он всего лишь музыкант, - сказал кардинал.

Все остальные были осуждены. На вершине рыночной площади был разожжен большой костер; [624] выстроилась длинная процессия, и этих несчастных вывели, каждый нес хворост. Когда они подошли к огню, их заставили бросить в него еретические книги, которые были найдены в их комнатах, после чего их отвели обратно в их зловонную тюрьму. Казалось, было какое-то варварское удовольствие в том, чтобы так подло обращаться с этими молодыми и великодушными людьми. В других странах Рим также готовился задушить в огне благороднейших гениев Франции, Испании и Италии. Таково было отношение папства к письмам и Евангелию в шестнадцатом веке.

Каждое Божье растение должно быть побито ветром, даже с риском быть вырванным с корнем; если оно получает только ласковые лучи солнца, есть основания опасаться, что оно засохнет прежде, чем принесет плоды. *Если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, оно пребудет одно.* В один прекрасный день в Англии должна была возникнуть настоящая церковь, ибо начались гонения.

Мы должны обдумать дальнейшие испытания.

ГЛАВА III.

Преследование в Кембридже—Барнс арестован— Грандиозный обыск—Барнс во дворце Вулси—Допрошен кардиналом—Разговор между Вулси и Барнсом—Барнсу угрожают костром—Его падение и публичное покаяние—Ричард Бейфилд—Его вера и тюремное заключение—Посещает Кембридж—Присоединяется к Тиндейлу—Исповедники в подвале Оксфорда—Четверо из них умирают—Остальные освобождены.

ПРЕВОСХОДСТВО ЛИЧНОСТИ В РОМАНИЗМЕ.

Кембридж, давший жизнь Латимеру, Билни, Стаффорду и Барнсу, поначалу, казалось, занимал первое место в английской реформации. Оксфорд, приняв венец преследований, казалось, теперь опередил университет-побратим. И все же Кембриджу предстояло испытать свою долю страданий. Расследование началось в Оксфорде в понедельник, 5 февраля, и в тот же день двое приспешников Вулси, доктор Капон, один из его капелланов, и Гибсон, сержант по вооружению, печально известный своим высокомерием, уехали из Лондона в Кембридж. Подчинение было ключевым словом папства. "Да, подчинение", - ответили со всех концов христианского мира люди искреннего благочестия и глубокого понимания; "подчинение законной власти, против которой восстал римско-католицизм". Согласно их взглядам, традиционализм и пелагианство римской церкви противопоставляли верховенство падшего разума божественному верховенству слова и благодати. Внешнее и кажущееся самопожертвование, которое навязывает Римско-католицизм, — послушание духовнику или папе римскому, произвольное покаяние, аскетические практики и безбрачие, — только способствовало созданию, а значит, укреплению и увековечиванию иллюзии относительно эгоистического сохранения греховной личности. Когда Реформация провозгласила свободу в том, что касается постановлений, созданных человеком, это было сделано с целью подчинения сердца и жизни человека их реальному Суверену. Начиналось царствование Бога; царствованию священников должен был прийти конец. Ни один человек не может служить двум господам. Таковы были важные истины, которые постепенно доходили до мира и которые стало необходимо без промедления уничтожить.

ИЩИТЕ ЕРЕТИЧЕСКИЕ КНИГИ.

На следующий день после их прибытия в Кембридж, во вторник, 6 февраля, Капон и Гибсон отправились в дом собраний, где несколько врачей беседовали друг с другом. Их появление вызвало некоторое беспокойство у зрителей, которые смотрели на незнакомцев с недоверием. Внезапно Гибсон шагнул вперед, положил руку на плечо Барнса и арестовал его в присутствии его друзей. [625] Последние были напуганы, и это было то, чего хотел сержант. "Что? - воскликнули они. - Приор августинцев, реставратор писем в Кембридже, арестован сержантом!" Это было еще не все. Агенты Вулси должны были изъять книги, привезенные из Германии, и их владельцев; Билни, Латимер, Стаффорд, Артур и их друзья должны были быть заключены в тюрьму за то, что у них был Новый Завет. В качестве подозреваемых были указаны тридцать сотрудников университета, а несколько жалких негодяев, подкупленных инквизиторами, предложили показать место в каждой комнате, где были спрятаны запрещенные книги. Но пока делались необходимые приготовления к этому обыску, Билни, Латимер и их коллеги, будучи вовремя предупреждены, забрали книги; их уносили не только через двери, но и через окна,

даже через крыши, и было проведено тщательное расследование в поисках надежных мест, где их можно было спрятать.

Едва эта работа была закончена, как вице-канцлер университета, сержант по вооружению, капеллан Вулси, прокторы и осведомители начали свой обход. Они открыли первую комнату, вошли, обыскали и ничего не нашли. Они перешли ко второй, там ничего не было. Сержант был поражен и рассердился. Добравшись до третьей комнаты, он побежал прямо к указанному месту, но там по—прежнему ничего не было. Везде происходило одно и то же; никогда инквизитор не был так подавлен. Он не осмеливался поднимать руки на докторов-евангелистов; в его приказе говорилось, что он должен захватить книги и *их владельцев*. Но поскольку книг найдено не было, заключенных быть не могло. К счастью, был один человек (приор августинцев), против которого были выдвинуты особые обвинения. Сержант пообещал компенсировать за счет Барнса свои бесполезные труды.

На следующий день Гибсон и Капон вместе с Барнсом отправились в Лондон. Во время этого скорбного путешествия приор, находясь в сильном волнении, то решал бросить вызов всей Англии, то дрожал как осиновый лист. Наконец их путешествие подошло к концу; капеллан оставил своего пленника в доме Парнелла, недалеко от колодок. [626] Трое учеников (Ковердейл, Гудвин и Филд) последовали за своим учителем, чтобы подбодрить его своей нежной привязанностью.

РАЗГОВОР МЕЖДУ ВУЛСИ И БАРНСОМ.

В четверг (8 февраля) сержант проводил Барнса во дворец кардинала в Вестминстере; несчастный приор, чей энтузиазм уступил место возражениям, прождал весь день, прежде чем его впустили. Что за день! Неужели никто не придет к нему на помощь? Доктор Гардинер, секретарь Вулси, и Фокс, его управляющий, оба старые друзья Барнса, проходили вечером через галерею и подошли к заключенному, который умолял их добиться для него аудиенции у кардинала. Когда наступила ночь, эти офицеры ввели настоятеля в комнату, где сидел их хозяин, и Барнс, по обычаю, упал перед ним на колени. "Это тот самый доктор Барнс, которого обвиняют в ереси?" - надменным тоном спросил Вулси Фокса и Гардинера. Они ответили утвердительно. Затем кардинал, повернувшись к Барнсу, который все еще стоял на коленях, сказал ему с иронией и не без причины: "Что, господин доктор, неужели у вас недостаточно знаний Священного Писания, чтобы учить людей; но мои золотые башмаки, мои секиры, мои колонны, мои золотые подушки, мои кресты так сильно оскорбили вас, что вы должны выставить нас на посмешище, *ridiculum caput*, среди людей? В тот день мы были веселы, над нами смеялись до упаду. Поистине, это была проповедь, более подходящая для произнесения на сцене, чем с кафедры; ибо в конце вы сказали, что на мне была пара *красных* перчаток — я бы сказал, *окровавленных* (как вы сказали).... Эх! что вы думаете, господин доктор?" Барнс, желая избежать этих неловких вопросов, ответил туманно: "Я не говорил ничего, кроме истины из Священного Писания, согласно моей совести и согласно старым докторам". Затем он представил кардиналу изложение своего учения.

Вулси с улыбкой принял бумаги: "О-хо-хо! - сказал он, пересчитав шесть листов. - Я вижу, вы намерены придерживаться своих статей и продемонстрировать свою ученость". "С Божьей милостью", - сказал Барнс. Затем Вулси начал читать их и остановился на шестой статье, которая гласила: "Я никогда не поверю, что один человек может, по закону Божьему, быть епископом двух или трех городов, да, целой страны, ибо это противоречит святому Павлу,

который говорит: *Я оставил тебя позади, чтобы ты поставил в каждом городе епископа*". Барнс процитировал неправильно, поскольку апостол говорит: *"рукополагать старейшин в каждом городе"*. [627] Вулси был недоволен этим тезисом: "Ах! это трогает меня", - сказал он: "Считаете ли вы неправильным (видя постановление церкви), что один епископ должен иметь под своим началом так много городов?" "Я не знаю ни о каком постановлении церкви, - ответил Барнс, - относительно этого, но Павел только говорит".

Хотя этот спор заинтересовал кардинала, личные нападки, на которые ему пришлось пожаловаться, задели его еще острее. - Хорошо, - сказал Вулси; а затем со снисходительностью, которую вряд ли можно было ожидать от столь гордого человека, он соизволил почти оправдаться. "Вы обвиняете меня в демонстрации королевской пышности; но неужели вы не понимаете, что, будучи призванным представлять его величество, я должен стремиться этими средствами вселять ужас в нечестивых?" — "Не ваша пышность и не ваши секиры, - мужественно ответил Барнс, - спасут особу короля.... Бог спасет того, кто сказал: *За мной царствует*". Барнс, вместо того чтобы воспользоваться добротой кардинала и смиренно оправдаться, как декан Колет ранее поступил с Генрихом VIII, осмелился произнести ему вторую проповедь прямо в лицо. Вулси почувствовал, как краска приливает к его щекам. - Ну, джентльмены, - сказал он, поворачиваясь к Фоксу и Гардинеру, - вы слышали его! Это тот мудрый и образованный человек, о котором ты мне говорил?

ВОДОПАД БАРНС.

При этих словах и управляющий, и секретарь упали на колени, говоря: "Милорд, простите его ради всего святого". — "Можете ли вы найти десять или даже шесть докторов богословия, готовых поклясться, что вы свободны от ереси?" - спросил Вулси. Барнс предложил двадцать честных людей, таких же образованных, как он сам, или даже больше. "Мне нужны доктора богословия, люди такого же возраста, как вы". — "Это невозможно", - сказал приор. - В таком случае вы должны быть сожжены, - продолжал кардинал. - Пусть его отведут в Тауэр. Гардинер и Фокс предложили стать его поручителями, и Вулси разрешил ему провести ночь у Парнелла.

- Сейчас не время думать о сне, - сказал Барнс, входя в дом, - мы должны писать. Эти резкие и ужасные слова *"ты должен сгореть"* постоянно звучали в его ушах. Всю ночь он диктовал трем своим молодым друзьям текст защиты своих статей.

На следующий день он предстал перед капитулом, на котором присутствовали Кларк, епископ Бата, Стэндиш и другие врачи. Судьи положили перед ним длинное заявление и сказали ему: "Обещай прочесть этот документ публично, не опустив и не добавив ни единого слова". Затем ему зачитали его. "Я бы умер первым", - был его ответ. "Вы отречетесь от престола или будете сожжены заживо?" Сказали его судьи: "Выбирайте сами". Альтернатива была ужасной. Бедняга Барнс, охваченный глубочайшей агонией, съежился при мысли о костре; затем внезапно к нему вернулось мужество, и он воскликнул: "Я предпочел бы быть сожженным, чем отречься от престола". Гардинер и Фокс сделали все, что могли, чтобы убедить его. "Прислушайтесь к голосу разума", - хитро сказали они. "Ваши статьи правдивы; вопрос не в этом. Мы хотим знать, позволишь ли ты своей смертью ошибке восторжествовать или предпочтешь остаться защищать истину, когда, возможно, наступят лучшие дни".

Они умоляли его; они выдвигали самые правдоподобные мотивы; время от времени они произносили ужасные слова: *сожжен заживо!* Кровь застыла у него в жилах; он не сознавал,

что говорит или делает ... они положили перед ним бумагу — они вложили ему в руку ручку — его голова была озадачена, он подписал свое имя с глубоким вздохом. Этому несчастному человеку было суждено впоследствии стать верным мучеником Иисуса Христа; но он еще не научился "сопротивляться даже до крови". Барнс пал.

ЕГО ПУБЛИЧНОЕ ПОКАЯНИЕ.

На следующее утро (воскресенье, 11 февраля) в соборе Святого Павла готовилось торжественное представление. Еще до рассвета все были на ногах в тюрьме бедного приора, а в восемь часов рыцарь-маршал со своими помощниками и начальник тюрьмы Флит со своими билетерами проводили Барнса в собор Святого Павла вместе с четырьмя ганзейскими купцами, которые первыми привезли в Лондон Новый Завет Иисуса Христа на английском языке. Пятый из этих благочестивых купцов держал в руках огромную свечу. В результате настойчивых поисков выяснилось, что именно этим людям Англия была обязана за столь страшную книгу; их склады были окружены, а лица арестованы. На вершине ступеней собора Святого Павла был помост, а на помосте трон, а на троне кардинал, одетый в алое — как "кровавый антихрист", - говорит хронист. На голове у него блестела шляпа, о которой Барнс так плохо отзывался; вокруг него стояли тридцать шесть епископов, аббатов, приоров и всех его врачей, одетых в дамаст и атлас; огромный собор был полон. Епископ Рочестерский взошел на кафедру, расположенную наверху лестницы, Барнс и торговцы, каждый с хворостом в руках, были вынуждены преклонить колени и слушать проповедь, призванную излечить этих бедных созданий от той тяги к восстанию против папизма, которая начинала распространяться во всех кварталах. Проповедь закончилась, кардинал вскочил на своего мула, занял свое место под великолепным балдахинном и уехал. После этого Барнс и пятеро его спутников трижды обошли вокруг костра, зажженного перед крестом у северных ворот собора. Удрученный приор, опустив голову, скорее тащился, чем шел. После третьей очереди заключенные бросили в огонь свой хворост; туда же были брошены и некоторые "еретические" книги; и епископ Рочестерский, отпустив грехи шести кающимся, отвел их обратно в тюрьму, где они будут содержаться до тех пор, пока господину кардиналу будет угодно. Теперь Барнс не мог плакать; мысль о своем рецидиве и о том, какие последствия может произвести столь гнусный пример, лишила его всякой моральной энергии. В августе месяце его вывели из тюрьмы и заключили в монастырь августинцев.

МОНАХ ИЗ БЕРИ.

Барнс был не единственным человеком в Кембридже, на которого обрушился этот удар. С 1520 года монах по имени Ричард Бейфилд был насельником аббатства Бери-Сент-Эдмундс. Его приветливость восхищала каждого путешественника. Однажды, когда камергер принимал Барнса, приехавшего навестить доктора Руффама, своего сокурсника по Лувену, в монастырь вошли двое мужчин. Они были набожными людьми и пользовались большим уважением в Лондоне, где продолжали заниматься изготовлением кирпича и дослужились до руководителей своей гильдии. Их звали Максвелл и Стейси, люди, "хорошо усвоившие учение о Христе", - говорит историк, которые привели многих к Спасителю своими беседами и образцовой жизнью. Привыкшие раз в год путешествовать по графствам, чтобы навестить своих братьев и расширить знания о Евангелии, они селились, согласно обычаям того времени, в женских монастырях и аббатствах. Вскоре между Барнсом, Стейси и Максвеллом завязался разговор, который поразил непрофессионала. Барнс, заметивший его внимание, дал ему, когда он выходил из монастыря, Новый Завет на латыни, а двое кирпичников добавили Новый Завет на английском, с

Нечестивой Маммоной и послушанием христианина. Брат-мирянин убежал и спрятал книги в своей келье, и в течение двух лет постоянно читал их. Наконец его обнаружили и сделали выговор; но он смело исповедал свою веру. После этого монахи бросили его в тюрьму, заковали в колодки, вставили ему в рот кляп и жестоко выпороли, чтобы он не говорил о благодати. [628] Несчастный Бейфилд оставался в таком состоянии девять месяцев.

Когда Барнс повторил свой визит в Бери позже, он не застал любезного камергера у ворот аббатства. После расспросов он узнал о своем состоянии и немедленно предпринял шаги, чтобы добиться его освобождения. доктор Раффам пришел ему на помощь: "Отдайте его мне, - сказал Барнс, - я отвезу его в Кембридж". Приор августинцев в то время пользовался большим уважением; его просьба была удовлетворена в надежде, что он вернет Бейфилда к доктринам церкви. Но произошло обратное: общение с кембриджскими братьями укрепило веру молодого монаха. Внезапно его счастье исчезло. Барнса, его друга и благодетеля, перевезли в Лондон, и монахи Бери-Сент-Эдмундс, встревоженные шумом, который подняло это дело, призвали его вернуться в аббатство. Но Бейфилд, решив больше не подчиняться их игу, отправился в Лондон и спрятался у Максвелла и Стейси. Однажды, выйдя из своего укрытия, он переходил Ломбард-стрит, когда встретил священника по имени Пирсон и двух других монахов его ордена, с которыми завязал разговор, который сильно их шокировал. "Вы должны немедленно уехать", - сказали ему Максвелл и Стейси, когда он вернулся. Бейфилд получил от них небольшую сумму денег, сел на корабль и, как только достиг континента, поспешил найти Тиндейла. В это время в Оксфорде происходили сцены, совершенно отличные от тех, что происходили в Кембридже, но не менее душераздирающие.

ИСПОВЕДНИКИ В ОКСФОРДСКОМ ПОДВАЛЕ.

Буря преследований бушевала там с большей жестокостью, чем в Кембридже. Кларк и другие исповедники имени Христова все еще были заключены в свою подземную тюрьму. Воздух, которым они дышали, пища, которую они принимали (а они не ели ничего, кроме соленой рыбы [629]), вызванная этим жгучая жажда, мысли, которыми они были взволнованы, - все это вместе взятое сокрушило этих благородных людей. Их тела истощались день ото дня; они бродили, как призраки, взад и вперед по своему мрачному подвалу. Те оживленные дискуссии, в ходе которых так красноречиво обсуждались глубокие вопросы, сотрясавшие тогда христианский мир, подошли к концу; они были подобны встрече тени с тенью. Их ввалившиеся глаза бросили друг на друга рассеянный и изможденный взгляд, и, посмотрев с минуту друг на друга, они прошли дальше, не сказав ни слова. Кларк, Самнер, Бейли и Гудман, охваченные лихорадкой, слабо ползли вперед, прислоняясь к стенам своей темницы. Первый, который был также и самым старшим, не мог ходить без поддержки одного из своих товарищей по заключению. Вскоре он уже совсем не мог двигаться и лежал, растянувшись на сыром полу. Братья собрались вокруг него, пытаясь понять по его чертам, не собирается ли смерть оборвать дни того, кто привел многих из них к познанию Христа. Они медленно повторили ему слова Священного Писания, а затем опустили на колени рядом с ним и произнесли горячую молитву.

Кларк, чувствуя приближение своего конца, попросил причастия. Тюремщики передали его просьбу своему хозяину; вскоре послышался скрежет засовов, и тюремщик, шагнув в середину безутешной толпы, произнес жестокое "нет!" [630] Услышав это, Кларк поднял глаза к небесам и воскликнул вместе с отцом церкви: *Верь и мандукасти*, верь, и ты вкусишь. [631] Он был

погружен в размышления: он созерцал распятого Сына Божьего; верой он ел и пил плоть и кровь Христа и переживал в своей внутренней жизни укрепляющее действие Исккупителя. Люди могли отказать ему в воинстве, но Иисус отдал ему свое тело; и с того часа он почувствовал себя укрепленным живым союзом с Царем небесным.

СМЕРТЬ ЧЕТЫРЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Кларк спустился в тенистую долину не один: Самнер, Бейли и Гудман быстро погружались. Смерть, мрачный обитатель этой грязной тюрьмы, овладела этими четверьмя друзьями. [632] Их братья обратились с новыми просьбами к кардиналу, в то время вплотную занятому переговорами с Францией, Римом и Венецией. [633] Однако он нашел способ уделить минутку оксфордским мученикам; и как раз в тот момент, когда эти христиане молились над своими четверьмя умирающими товарищами, пришел комиссар и сообщил им, что "его светлость по своей великой доброте разрешил перенести больных в их собственные палаты". Принесли носилки, на которые уложили умирающих и отнесли в их комнаты; [634] двери снова закрылись за теми, на чьи жизни это ужасное подземелье еще не покушалось.

Была середина августа. Несчастные, прошедшие шесть месяцев в подвале, были напрасно доставлены в свои комнаты и в свои постели; несколько членов университета безуспешно пытались своими заботами и нежным милосердием вернуть их к жизни. Было слишком поздно. Суровость папства убила этих благородных свидетелей. Приближение смерти вскоре выдало себя; их кровь похолодела, конечности одеревенели, а затуманенные глаза искали только Иисуса Христа, их вечную надежду. Кларк, Самнер и Бейли умерли на одной неделе. Гудман последовал за ними по пятам. [635]

Эта неожиданная катастрофа смягчила Вулси. Он был жесток только в той мере, в какой этого требовали его интересы и безопасность церкви. Он боялся, что смерть стольких молодых людей настроит общественное мнение против него или что эти катастрофы нанесут ущерб его колледжу; возможно, даже какое-то чувство человечности тронуло его сердце. "Остальных отпустите на свободу, - писал он своим агентам, - но при условии, что они не будут удаляться от Оксфорда дальше чем на десять миль". Университет видел, как эти молодые люди вышли из своей живой могилы бледными, истощенными, слабыми и с запинаящимися шагами. В то время они не были выдающимися людьми; сердца зрителей тронула их молодость; но впоследствии все они заняли важное место в церкви. Это были Кокс, который стал епископом Эли и наставником королевского принца Эдуарда; Драмм, который при Кранмере стал одним из шести проповедников в Кентербери; Юдал, впоследствии магистр Вестминстерской и Итонской школ; Солсбери, декан Норвича, а затем епископ Содора и Мэна, который при всем своем богатстве и величии часто вспоминал свою ужасную тюрьму в Оксфорде как почетное звание; Феррар, впоследствии капеллан Кранмера, епископ Сент-Дэвидс, и мученик вплоть до смерти, после тридцатилетнего перерыва; Фрит, друг Тиндейла, для которого это избавление оказалось лишь отсрочкой; и несколько других. Когда они вышли из своей ужасной темницы, их друзья подбежали к ним, поддерживали их неуверенные шаги и обняли их, заливаясь слезами. Вскоре после этого Фрит бросил университет и уехал во Фландрию. [636] Так была остановлена буря, которая так страшно опустошила Оксфорд. Но затишье длилось недолго; неожиданное обстоятельство стало опасным для дела Реформации.

ГЛАВА IV.

Письмо Лютера королю—Гнев Генриха—Его ответ—Резолюция Лютера—Преследования—Побег Барнса—Прокламации против Нового Завета—У. Рой Каиафе—Третье издание Нового Завета—Торжество закона и свободы—Хэкет нападает на печатника—Жалобы Хэкета—Припадок—1526 год в Англии.

ПИСЬМО ЛЮТЕРА КОРОЛЮ.

Генрих все еще находился под впечатлением от знаменитой *Мольбы нищих*, когда вмешательство Лютера усилило его гнев. Письмо, которое этот реформатор по совету Кристиерна, короля Дании, написал ему в сентябре 1525 года, не увенчалось успехом. Виттембергский врач, ничего не слышавший об этом, смело напечатал его и послал копию королю. "Мне сообщили, - сказал Лютер, - что ваше Величество начинает отдавать предпочтение Евангелию, [637] и испытывать отвращение к порочной расе, которая борется против него в вашем благородном королевстве.... Это правда, что, согласно Писанию, *цари земные совещаются друг с другом против Господа*, и, следовательно, мы не можем ожидать, что они будут благосклонны к истине. Как горячо я желаю, чтобы это чудо свершилось в лице вашего Величества". [638]

ОТВЕТ ГЕНРИ.

Мы можем представить себе гнев Генри, когда он прочитал это письмо. "Как! - воскликнул он. - неужели этот монах-отступник осмеливается напечатать письмо, адресованное нам, даже не отправив его или, по крайней мере, не зная, получали ли мы его когда-либо?... И как будто этого было недостаточно, он намекает, что мы среди его приверженцев.... Он привлекает также одного или двух негодяев, родившихся в нашем королевстве, и нанимает их перевести Новый Завет на английский, добавив к нему определенные предисловия и ядовитые пояснения". Так говорил Генрих. От мысли, что его имя должно быть связано с именем виттембергского монаха, вся кровь бросилась ему в лицо. Он ответит по-королевски на такую бесстыдную дерзость. Он немедленно вызвал Вулси. "Вот!" - сказал он, указывая на отрывок, касающийся прелата. "вот! прочтите, что сказано о вас!" And then he read aloud: "*Illud monstrum et publicum odium Dei et hominum, cardinalis Eboracensis, pestis illa regni tui*. Видите ли, милорд, вы чудовище, объект *ненависти* как к Богу, так и к людям, *бич* моего королевства!" До сих пор король позволял епископам поступать, как им заблагорассудится, и соблюдал своего рода нейтралитет. Теперь он решил отложить это в сторону и начать крестовый поход против Евангелия Иисуса Христа, но сначала он должен ответить на это дерзкое письмо. Он посоветовался с сэром Томасом Мором, заперся в своем кабинете и продиктовал своему секретарю ответ реформатору: "Вы стыдитесь книги, которую написали против меня, - сказал он. - Я бы посоветовал вам устыдиться всего, что вы написали. Они полны отвратительных ошибок и неистовых ересей и поддерживаются самым дерзким упрямством. Ваше ядовитое перо насмехается над церковью, оскорбляет отцов, поносит святых, презирает апостолов, бесчестит святую Деву и хулит Бога, делая его творцом зла.... И после всего этого вы утверждаете, что являетесь автором, подобного которому нет в мире!" [639]

"Вы предлагаете опубликовать книгу, восхваляющую меня.... Я благодарю вас!... Вы превознесете меня больше всего, оскорбляя меня; вы опозорите меня сверх всякой меры, если

будете восхвалять меня. I say with Seneca: *Tam turpe tibi sit laudari a turpibus, quam si lauderis ob turpia.*" [640]

Это письмо, написанное *королем Англии королю еретиков*, [641] было немедленно распространено по всей Англии вместе с посланием Лютера. Генри, опубликовав его, призвал своих подданных остерегаться *неверных* переводов Нового Завета, которые, кроме того, собирались повсюду сжечь. "Виноград кажется прекрасным, - сказал он, - но остерегайся смачивать губы вином, приготовленным из него, ибо враг подмешал в него яд".

ТВЕРДОСТЬ ЛЮТЕРА.

Лютер, взволнованный этим грубым уроком, попытался оправдаться. "Я сказал себе, *в сутках всего двенадцать часов*. Кто знает? возможно, мне выпадет счастливый час заполучить короля Англии. Поэтому я положил свое смиренное послание к его ногам; но увы! свиньи разорвали его. Я желаю молчать ... но что касается моего учения, я не могу заставить его замолчать. Оно должно громко кричать, оно должно кусаться. Если какой-нибудь король воображает, что может заставить меня отречься от моей веры, он мечтатель. Пока в моем теле остается хоть капля крови, я скажу "нет". Императоры, короли, дьявол и даже вся вселенная не могут напугать меня, когда речь идет о вере. Я утверждаю, что горд, очень горд, чрезвычайно горд. Если бы у моего учения не было других врагов, кроме короля Англии, герцога Георга, папы римского и их союзников, всех этих мыльных пузырей... одна маленькая молитва давно бы уничтожила их всех. Где сейчас Пилат, Ирод и Каиафа? Где Нерон, Домициан и Максимилиан? Где Арий, Пелагий и Манес?—Где они?... Где скоро будут все наши книжники и все наши тираны.—Но Христос? Христос всегда один и тот же.

"Уже тысячу лет Священное Писание не сияло в мире с такой яркостью, как сейчас. [642] Я спокойно жду своего последнего часа; я сделал, что мог. О принцы, мои руки чисты от вашей крови; она падет на ваши собственные головы".

Склоняясь перед верховной властью Иисуса Христа, Лютер так смело говорил королю Генриху, который оспаривал права слова Божьего.

Епископам было недостаточно письма, написанного против реформатора. Пользуясь раной, которую Лютер нанес самолюбию Генриха, они убеждали его подавить этот бунт человеческого разума, который угрожал (как они утверждали) как папству, так и монархии. Они начали преследование. Латимер был вызван к Вулси, но его ученость и присутствие духа обеспечили его увольнение. Билни также, которому было приказано отправиться в Лондон, получил предписание не проповедовать *доктрины Лютера*. "Я не буду проповедовать доктрины Лютера, если в них есть что-то особенное для него, - сказал он, - но я могу и должен проповедовать доктрину Иисуса Христа, хотя Лютер тоже должен проповедовать ее". И, наконец, Гаррет, приведенный в присутствие своих судей, был охвачен ужасом и пал перед жестокими угрозами епископа. Когда его вернули на свободу, он переезжал с места на место, [643] пытаясь скрыть свое горе и спастись от деспотизма священников, ожидая момента, когда он должен будет отдать свою жизнь за Иисуса Христа.

БАРНС СБЕГАЕТ.

Противники Реформации все еще не были удовлетворены. Новый Завет продолжал распространяться, и в нескольких монастырях были созданы хранилища. Барнс, узник

Августинского монастыря в Лондоне, вновь обрел мужество и все больше и больше любил свою Библию. Однажды, примерно в конце сентября, когда трое или четверо друзей читали в его комнате, вошли двое простых крестьян, Джон Тибалл и Томас Хиллз, уроженцы Бампстеда в Эссексе. "Как вы пришли к познанию истины?" - спросил Барнс. Они вытащили из карманов несколько старых томов, содержащих Евангелия, и несколько Посланий на английском. Барнс вернул их с улыбкой. "Они ничто, - сказал он им, - по сравнению с новым изданием Нового Завета", [644] экземпляр которого два крестьянина купили за три шиллинга и два пенса. "Спрячь это хорошенько", - сказал Барнс. Когда это дошло до ушей духовенства, Барнса перевезли в Нортгемптон, чтобы сжечь на костре; но ему удалось бежать; его друзья сообщили, что он утонул; и пока его в течение целой недели искали вдоль морского побережья, он тайно поднялся на борт корабля и был перевезен в Германию. "Кардинал поймает его даже сейчас, - сказал епископ Лондонский, - какой бы суммы денег это ему ни стоило". Когда Барнсу рассказали об этом, он заметил: "Я бедный, простой негодяй, не стоящий и десятой доли пенни, которую они за меня дадут. Кроме того, если они сожгут меня, что они от этого выиграют?... Солнце и луна, огонь и вода, звезды и стихии — да, а также камни защитят это дело от них, скорее истина погибнет". Вера вернулась в слабое сердце Барнса.

Его побег подлил масла в огонь гнева духовенства. Они провозгласили по всей Англии, что Священное Писание содержит *инфекционный яд*, [645] и приказали провести всеобщий поиск слова Божьего. 24 октября 1526 года епископ Лондона приказал своим архидиаконам изъять все переводы Нового Завета на английский язык с пояснениями или без них; а несколько дней спустя архиепископ Кентерберийский издал запрет на все книги, которые должны содержать "какую-либо частицу Нового Завета". [646] Примат вспомнил, что для разжигания большого костра достаточно искры.

САТИРА РОЯ.

Услышав об этом приказе, Уильям Рой, писатель-саркаст, опубликовал жестокую сатиру, в которой фигурировали *Иуда* (Стэндиш), *Пилат* (Вулси) и *Каиафа* (Тонстолл). Автор энергично воскликнул:

Бог по своей доброте не пожелал умирать,
чтобы избавить Человека от смертельного проклятия;
Воля его в том, чтобы мы в совершенстве знали,
Что он здесь сделал для нашего спасения.
О жестокий Каиафа! полный коварного заговора,
Как ты смеешь судить их ложно
, Чтобы сжечь слово Божье — Святой Завет. [647]

Усилия Каиафы и его коллег действительно были бесполезны: священники выполняли работу, превышающую их силы. Если бы в результате какой-нибудь ужасной революции в мире были уничтожены все социальные формы, живая церковь избранных, божественное учреждение среди человеческих институтов, все еще существовала бы силой Божьей, подобно скале посреди бури, и передала бы будущим поколениям семена христианской жизни и цивилизации. То же самое и со словом, созидательным принципом церкви. Оно не может погибнуть здесь, на земле. Священникам Англии было чему поучиться по этому вопросу.

В то время как агенты духовенства выполняли архиепископский мандат и повсюду велись безжалостные поиски Нового Завета из Вормса, было обнаружено новое издание, только что вышедшее из печати, меньшего размера, более портативное и, следовательно, более опасное. Она была напечатана Кристофером Эйндховеном из Антверпена, который передал ее своим корреспондентам в Лондоне. Раздражение священников было чрезвычайным, и Хакетт, агент Генриха VIII в Нидерландах, немедленно получил приказ наказать этого человека. "Мы не можем вынести решение, не проведя расследования по этому вопросу, - заявили лорды Антверпена. - Поэтому мы переведем книгу на фламандский". "Боже упаси, - в тревоге воскликнул Хэкетт, - что! не могли бы вы также по вашу сторону океана перевести эту книгу на язык народа?" "Что ж, - сказал один из судей, менее добросовестный, чем его коллеги, - пусть король Англии пришлет нам по экземпляру каждой из сожженных им книг, и мы сожжем их точно так же". Хакетт написал за них Вулси, и как только они прибыли, суд собрался снова. Адвокат Эйндховена призвал прокурора указать на *ереси*, содержащиеся в этом томе. Маркграф (чиновник имперского правительства) уклонился от выполнения этой задачи и сказал Хэкетту: "Я отказываюсь от этого дела!" Обвинение против Эйндховена было отклонено.

ЗАКОН И СВОБОДА.

Так Реформация пробудила в Европе дремлющий дух закона и свободы. Освободив мысль от ига папизма, оно подготовило путь для других свобод; а восстановив авторитет слова Божьего, оно вернуло господство закона среди народов, долгое время являвшихся добычей бурных страстей и произвола власти. Затем, как и во все времена, религиозное общество опередило гражданское общество и дало ему те два великих принципа порядка и свободы, которые папство компрометирует или отменяет. Не напрасно магистраты одного фламандского города, просвещенные первой зарей Реформации, подали такой благородный пример; англичане, которых было очень много в ганзейских городах, таким образом, еще раз убедились в ценности той гражданской и религиозной свободы, которая является освященным веками правом Англии, и из которой они впоследствии преподавали другим народам столь необходимые уроки.

"Ну что ж, - сказал Хэкетт, которого раздражало, что они ставят закон выше воли его господина, - я пойду и куплю все эти книги и отправлю их кардиналу, чтобы он сжег их". С этими словами он покинул двор. Но его гнев испарился, [648] он отправился в Малинс, чтобы пожаловаться регентше и ее совету на решение Антверпена. "Как? - воскликнул он. — Вы наказываете тех, кто распространяет фальшивые деньги, и не накажете ли вы еще строже человека, который их чеканит? - в данном случае это печатник". "Но это как раз предмет спора, - ответили они. - Мы не уверены, что деньги *фальшивые*". — "Как может быть иначе, - ответил агент Генриха, - если епископы Англии заявили об этом?" Имперское правительство, которое было не очень благосклонно настроено по отношению к Англии, утвердило оправдательный приговор Эйндховену, но разрешило Хакетту сжечь все экземпляры Нового Завета, которые он смог захватить. Он поспешил воспользоваться этой уступкой и начал охоту за Священным Писанием, в то время как священники охотно пришли ему на помощь. По их мнению, так же как и по мнению их английских коллег, высшее решение в вопросах веры принималось не словом Божьим, а папой римским; и лучшим средством обеспечить понтифику эту привилегию было превратить Библию в пепел.

Несмотря на эти испытания, 1526 год был незабываемым для Англии. Английский Новый Завет был распространен от берегов Ла-Манша до границ Шотландии, и по слову Божьему на этом

острове началась Реформация. Возрождение шестнадцатого века ни в какой другой стране, как и в Англии, не было проявлением королевского мандата. Но Бог, который распространил Священные Писания по всей Британии вопреки правителям страны, был готов использовать их страсти, чтобы устранить трудности, которые препятствовали окончательному торжеству его планов. Здесь мы вступаем в новую фазу в истории Реформации; и, изучив работу Бога в вере малых, мы переходим к размышлению о работе человека в интригах великих мира сего.

ГЛАВА V.

Вулси желает отомстить —Предположение о разводе—Чувства Генриха к королеве—
Первые шаги Уолси—Судебное разбирательство в Лонгленде—Отказ Маргариты Валуа—
Возражение епископа Тарбского—Беспокойство Генриха—Тревога Екатерины—Миссия в
Испанию.

ВУЛСИ ЖЕЛАЕТ, ЧТОБЫ ЕМУ ОТОМСТИЛИ.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РАЗВОД.

Вулси, огорченный тем, что не смог получить папский трон, к которому он так пылко стремился, и будучи особенно раздраженным недоброжелательностью Карла V, обдумал план, который, о чем он совершенно не подозревал, должен был привести к освобождению Англии от папского ига. "Они смеются надо мной и отодвигают меня на второй план", - воскликнул он. "Да будет так! Я создам в мире такую неразбериху, какой не видели уже целую вечность.... Я сделаю это, даже если буря поглотит Англию!" [649] Желая возбудить непреходящую ненависть между Генрихом VIII и Карлом V, он предпринял попытку разорвать брак, которым Генрих VII и Фердинанд Католик планировали навсегда объединить свои семьи и свои короны. Ненависть к Чарльзу была не единственным его мотивом. Кэтрин упрекнула его в распутной жизни, [650] и он поклялся отомстить. Не может быть никаких сомнений в причастности Вулси к этому делу. "Первые условия развода были выдвинуты мной", - сказал он французскому послу. "Я сделал это, - добавил он, - чтобы вызвать длительное разделение между английским и бургундским домами". [651] Наиболее информированные писатели шестнадцатого века, люди самых противоположных партий, Поул, Полидор, Вирджил, Тиндейл, Метерен, Паллавичини, Сандерс и Ропер, зять Мора, все согласны в указании на Вулси как на зачинщика этого развода, который стал таким известным. [652] Он хотел пойти еще дальше, и после того, как убедил короля убрать свою королеву, он надеялся убедить папу сместить императора. [653] Это была не его страсть к Анне Болейн, как повторяли многие римские баснописцы, а страсть кардинала к тройной короне, которая послужила сигналом к освобождению Англии. Оскорбленная гордость - один из самых активных принципов человеческой натуры.

Замысел Вулси был странным и сложным в исполнении, но не невозможным. Генрих, по-видимому, жил в наилучших отношениях с Екатериной; Эразм не раз говорил о королевской семье Англии как о образце семейных добродетелей. Но самое горячее из желаний Генриха не было удовлетворено; у него не было сына; те, кого родила ему королева, умерли в младенчестве, и в живых осталась только Мария. Смерть этих маленьких детей, во все времена столь душераздирающая, была особенно страшной в Гринвичском дворце. Екатерине показалось, что тень последнего Плантагенета, принесенного в жертву на ее брачном алтаре, вышла вперед,

чтобы схватить одного за другим наследников английского престола, которых она даровала, и унести их в свою могилу. Королева почти беспрестанно плакала и молила всевышнего о милосердии, в то время как король проклинал свою несчастливую судьбу. Народ, казалось, разделял королевскую скорбь; и люди образованные и благочестивые (Лонгленд был в их числе) [654] заявлено о недействительности брака. Они сказали, что "папские постановления не имели силы, когда противоречили закону Божьему". Однако до сих пор Генрих отвергал любую идею развода. [655]

С 1509 года времена изменились. Король любил Екатерину: ее сдержанность, мягкость и достоинство очаровали его. Жадный до удовольствий и аплодисментов, он был рад видеть, что его жена довольна тем, что является тихой свидетельницей его радостей и триумфов. Но постепенно королева стала старше, ее испанская серьезность возросла, ее набожность умножилась, а ее недуги, ставшие более частыми, не оставили королю надежды иметь сына. С этого часа, даже продолжая восхвалять ее добродетели, Генрих охладел к ней, и его любовь постепенно сменилась отвращением. И тогда он подумал, что смерть его детей может быть знаком Божьего гнева. Эта идея овладела им и побудила занять апартаменты отдельно от апартаментов королевы. [656]

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВУЛСИ.

Вулси счел момент благоприятным для начала атаки. Это было в последние месяцы 1526 года, когда, вызвав к себе Лонгленда, королевского духовника, и скрыв свой главный мотив, он сказал: "Вы знаете страдания его величества. Стабильность его короны и его вечное спасение, похоже, одинаково поставлены под угрозу. Перед кем я могу открыться, если не перед вами, кто должен знать сокровенные тайны его души?" Два епископа решили рассказать Генриху об опасностях, навлекаемых его союзом с Екатериной; [657] но Лонгленд настоял, чтобы Вулси предпринял первые шаги.

Кардинал посетил короля и напомнил ему о его сомнениях перед помолвкой; он преувеличил те, которые испытывала нация, и, говоря с необычной теплотой, умолял короля больше не подвергаться такой опасности: [658] "На карту поставлены святость вашей жизни и законность вашего престолонаследия". "Мой дорогой отец", - сказал Генрих, - вам не мешало бы подумать о весе камня, который вы взяли сдвинуть. [659] Королева - женщина с такой образцовой жизнью, что у меня нет причин расставаться с ней".

Кардинал не считал себя побежденным; три дня спустя он предстал перед королем в сопровождении епископа Линкольнского. - Могущественнейший принц, - сказал исповедник, у которого хватило смелости заговорить вслед за кардиналом, - ты не можешь, подобно Ироду, получить жену своего брата. [660] Я призываю и заклинаю вас, как заботящихся о своей душе, [661] передать дело компетентным судьям ". Генри согласился, и, возможно, не без желания.

ВУЛСИ ДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ МАРГАРЕТ.

Вулси было недостаточно разлучить Генриха с императором; он должен был, для большей безопасности, объединить его с Франциском I. Король Англии должен отречься от тети Карла V, а затем жениться на сестре французского короля. Гордый успехом, которого он добился в первой части своего плана, Вулси приступил ко второй. "Есть принцесса, - сказал он королю, -

чие происхождение, грация и таланты очаровывают всю Европу. Маргарита Валуа, сестра короля Франциска, превосходит всех представительниц своего пола, и нет никого более достойного вашего союза. [662] Генри ответил, что это серьезный вопрос, требующий тщательного изучения. Уолси, однако, передал в руки короля портрет Маргарет, и было высказано предположение, что он даже тайно высказал ее чувства. Как бы то ни было, сестра Франциска I, узнав, что на нее указали как на будущую королеву Англии, взбунтовалась при мысли отнять у невинной женщины корону, которую она так благородно носила. "Сестра французского короля слишком много знает о Христе, чтобы согласиться на такое злодейство", - сказал Тиндейл. [663] Маргарита Валуа ответила: "Пусть я больше не слышу о браке, который может быть заключен только за счет счастья и жизни Екатерины Арагонской". [664] Женщина, которой было суждено в последующие годы занять трон Англии, в то время проживала при дворе Маргариты. Вскоре после этого, 24 января 1527 года, сестра Франциска I вышла замуж за Генриха д'Альбре, короля Наварры.

Генрих VIII, желая получить информацию относительно предложения своего фаворита, поручил Фоксу, своему благодетелю, Пейсу, декану собора Святого Павла, и Уэйкфилду, профессору иврита в Оксфорде, изучить отрывки из Левита и Второзакония, которые касались брака с женой брата. Уэйкфилд, не желавший связывать себя обязательствами, спросил, был ли Генри за или *against* развода. [665] Пейс ответил этому раболепному гебраисту, что королю не нужно ничего, кроме правды.

Но кто мог сделать первый публичный шаг в столь рискованном предприятии? Все отшатнулись; грозный император встревожил их всех. На этот шаг отважился французский епископ; епископы встречаются нам на каждом шагу в этом деле о разводе, в котором епископы так яростно упрекали Реформацию. Генрих, желая оправдать Вулси, впоследствии притворился, что возражения французского прелата предшествовали возражениям Лонгленда и кардинала. В феврале 1527 года Франциск I направил посольство в Лондон, во главе которого стоял Габриэль де Граммон, епископ Тарбский, с намерением добиться руки Марии Английской. Министры Генриха спросили, не противоречит ли помолвка Франциска с вдовствующей королевой Португалии поручению, которое было поручено французскому епископу, последний ответил: "В свою очередь, я спрошу вас, что было сделано для устранения препятствий, которые препятствовали браку принцессы Марии". [666] Они представили послу разрешение Юлия II, которое он вернул, сказав, что буллы было *недостаточно*, поскольку такой брак был запрещен *законом божьим*, [667] и он добавил: "Есть ли у вас на английском языке Евангелие, отличное от нашего?" [668]

БЕСПОКОЙСТВО ГЕНРИ.

Король, услышав эти слова (как он сам сообщает нам), преисполнился страха. [669] Трое самых уважаемых епископов христианского мира объединились, чтобы обвинить его в инцесте! Он начал говорить об этом определенным людям: "Угрызения моей совести ужасно усилились (сказал он) с тех пор, как епископ высказался по этому вопросу перед моим советом в чрезвычайно ясных словах". [670] Нет оснований полагать, что эти ужасные проблемы, о которых говорит король, были просто выдумкой с его стороны. Спорный вопрос о престолонаследии может снова ввергнуть Англию в гражданскую войну. Даже если претендентов не появится, разве они не увидят, что соперничающий дом, например, французский принц, женатый на дочери Генриха, будет править Англией? Король в тревоге

обратился к своему любимому писателю, Фоме Аквинскому, и этот *ангел школ* объявил его брак незаконным. Затем Генри открыл Библию и нашел такую угрозу в адрес человека, который увел жену его брата: "Он будет *бездетным!*" Донос усилил его беспокойство, поскольку у него не было наследника. Посреди этого мрака перед ним открылась новая перспектива. Его совесть могла бы быть свободна; его желание иметь жену помоложе могло бы быть удовлетворено; у него мог бы родиться сын!... Король решил передать этот вопрос на рассмотрение комиссии юристов, и эта комиссия вскоре написала тома. [671]

ТРЕВОГА КЭТРИН.

Все это время Кэтрин, не подозревая ничего дурного, была занята своими молитвами. Ее сердце, израненное смертью детей и холодностью короля, искало утешения в молитве как в частном порядке, так и в королевской часовне. Она вставала в полночь и преклоняла колени на холодных камнях и никогда не пропускала ни одной канонической службы. Но однажды (вероятно, в мае или июне 1527 года) какой-то официальный человек сообщил ей о слухах, циркулирующих в городе и при дворе. Охваченная гневом и тревогой, вся в слезах, она поспешила к королю и обратилась к нему с самыми горькими жалобами. [672] Генрих удовлетворился тем, что успокоил ее туманными заверениями; но бесчувственный Вулси, беспокоившийся о чувствах Екатерины еще меньше, чем его хозяин, с улыбкой назвал это "короткой трагедией".

Оскорбленная жена не теряла времени даром: необходимо было быстро, уверенно и точно проинформировать императора об этом беспрецедентном оскорблении. Письма было бы недостаточно, даже если бы оно не было перехвачено. Поэтому Екатерина решила послать к своему племяннику своего слугу Фрэнсиса Филиппа, испанца; и, чтобы скрыть цель его путешествия, они после *трагедии* разыграли *комедию* в испанском стиле. - Моя мать больна и хочет меня видеть, - сказал Филип. Екатерина умоляла короля отклонить просьбу ее слуги, и Генрих, разгадав хитрость, решил применить хитрость против хитрости. [673] "Просьба Филиппа очень уместна", - ответил он; и Кэтрин, *из уважения к своему мужу*, согласилась на его отъезд. Генрих тем временем отдал приказ, что, "несмотря на любые меры предосторожности, упомянутый Филипп должен быть арестован и содержаться под стражей в Кале, однако таким образом, чтобы никто не знал, откуда произошла остановка".

Напрасно королева позволяла себе преступное лицемерие; отравленная стрела пронзила ее сердце, и ее слова, ее манеры, ее жалобы, ее слезы, многочисленные послания, которые она посылала то одному, то другому, выдавали тайну, которую король все еще хотел скрыть. [674] Ее друзья винили ее в этой огласке; люди гадали, что сказал бы Чарльз, когда услышал о бедственном положении своей тети; они опасались, что мир будет нарушен; но Кэтрин, чье сердце было "разорвано надвое", не поддавалась влиянию дипломатических соображений. Ее горе не остановило Генри; к двум мотивам, заставлявшим его стремиться к разводу — угрызениям совести и желанию иметь наследника, — теперь добавился третий, еще более сильный. Женщине предстояло сыграть важную роль в судьбах Англии.

ГЛАВА VI.

Анна Болейн назначена фрейлиной Екатерины—Лорд Перси привязывается к ней—Уолси разлучает их—Анна входит в дом Маргариты—Осада Рима; Кромвель—Заступничество Уолси за Папство—Он требует руки Рене Французской для Генриха—Неудача—Анна вновь появляется при дворе—Отвергает ухаживания короля—Письмо Генриха—Он решает ускорить развод—Два мотива, которые побуждают Анну отказаться от короны—Противодействие Вулси.

АННА БОЛЕЙН И ЛОРД ПЕРСИ.

Анна Болейн, которую ее отец пристроил ко двору Франции, вернулась в Англию с сэром Томасом, тогдашним послом в Париже, в то время, когда английская армия совершила вторжение в Нормандию (1522 г.). Похоже, что примерно в этот период она была представлена королеве и назначена одной из фрейлин Екатерины. Следующий год запомнился ей первым горем.

Среди молодых дворян в окружении кардинала был лорд Перси, старший сын графа Нортумберленда. Пока Вулси уединялся с королем, Перси имел обыкновение бывать в покоях королевы, где проводил время в обществе ее фрейлин. Вскоре он почувствовал искреннюю страсть к Анне, и юная фрейлина, которая была холодна к обращениям джентльменов при дворе Франциска, ответила на чувства наследника Нортумберленда. Двое молодых людей уже предавались мечтам о тихой, элегантной и счастливой жизни в своих благородных северных замках, но этим мечтам было суждено продлиться недолго.

ВУЛСИ РАЗЛУЧАЕТ МОЛОДЫХ ВЛЮБЛЕННЫХ.

Вулси ненавидел Норфолков, а следовательно, и Болейнов. Именно для того, чтобы уравновесить их влияние, его впервые представили ко двору. Поэтому он рассердился, когда увидел, что один из его домочадцев добивается руки дочери и племянницы его врагов. Кроме того, некоторые сторонники духовенства обвинили Анну в дружеских отношениях к Реформации. [675]... Принято считать, что уже в этот период Вулси обнаружил, что глаза Генри самодовольно устремлены на юную фрейлину, и что это побудило его воспрепятствовать любви Перси; но это кажется невероятным. Из всех женщин в Англии Анна была единственной, чьего влияния Вулси имел бы больше всего оснований опасаться, и он действительно боялся этого; и он был бы слишком счастлив увидеть ее замужем за Перси. Утверждалось, что Генрих убедил кардинала помешать любви двух молодых людей; но в таком случае доверял ли он Вулси истинным мотивам своего противодействия? Вынашивал ли последний преступные намерения? Согласился ли он уступить, чтобы обесчестить дочь и племянницу своих политических противников? Это было бы ужасно, но это возможно и даже может быть выведено из повествования Кавендиша; и все же мы будем надеяться, что это было не так. Если бы это было так, добродетель Анны успешно сорвала печально известный заговор.

Но как бы то ни было, однажды, когда Перси находился при кардинале, последний грубо обратился к нему: "Я поражаюсь твоей глупости, что ты пытаешься заключить контракт с этой девушкой без согласия твоего отца или короля. Я приказываю тебе порвать с ней. Перси разразился слезами и умолял кардинала вступить за него. "Я приказываю вам больше не находиться в ее обществе", - последовал холодный ответ Вулси, [676] после чего он встал и вышел из комнаты. В то же время Анна получила приказ покинуть двор. Гордая и дерзкая,

приписывая свое несчастье ненависти Вулси, она воскликнула, покидая дворец: "Я буду отомщена за это оскорбление". Но едва она поселилась в готических залах замка Хевер, как ее ошеломили новости еще более печальные. Перси был женат на леди Мэри Талбот. Она долго и горько плакала и поклялась относиться к молодому дворянину, бросившему ее, с презрением, равным ее ненависти к кардиналу. Анне была уготована более блестящая, но и более несчастливая судьба.

Это событие неизбежно сделало ее пребывание в этой стране далеко не привлекательным для Анны Болейн. "Она недолго пробыла в Англии, - говорит Бернет, следуя за Камденом. - она служила французской королеве Клод до самой ее смерти, а после этого ее взяла на службу сестра короля Франциска". Анна Болейн, фрейлина Маргариты Валуа, наконец-то утешилась. Она предавалась веселью со всей живостью своего возраста и блистала среди самых молодых и красивых на всех придворных празднествах.

В доме Маргарет она познакомилась с самыми просвещенными мужчинами того времени, и ее понимание и сердце развивались одновременно с грацией. Она начала читать, не вполне понимая, священную книгу, в которой ее госпожа (как сообщает нам Брантом) находила утешение и покой, и направлять несколько светлых и мимолетных мыслей к тому "кроткому Эммануилу", которому Маргарет адресовала такие прекрасные стихи.

ВЗЯТИЕ РИМА — КРОМВЕЛЬ.

Наконец Анна окончательно вернулась в Англию. Утверждалось, что королева-регентша, опасаясь, что Генрих после битвы при Павии вторгнется во Францию, послала Анну в Лондон, чтобы отговорить его от этого. Но это был более сильный голос, чем у нее, который остановил короля Англии. "Сохраняйте спокойствие, - писал ему Карл V. - Олень попался в мои сети, и нам остается только думать о том, как разделить добычу". Маргарита Валуа вышла замуж за короля Наварры в конце января 1527 года и покинула Париж и двор своего брата, предполагается, что сэр Томас Болейн, который не желал, чтобы его дочь поселялась в Пиренеях, отозвал ее в Англию, вероятно, зимой или весной того же года. "Нет ни малейших свидетельств того, что она пришла к этому раньше", - говорит современный автор. [677] Она снова появилась при дворе, и племянница герцога Норфолкского вскоре затмила своих спутников "своими превосходными жестами и поведением", [678] как мы узнаем из современник, недружелюбный к Болейнам. Весь двор был поражен правильностью ее черт, выражением глаз, мягкостью манер и величественностью осанки. [679] "Она была прекрасным созданием, - говорит старый историк, - хорошо сложенной, вежливой, дружелюбной, очень приятной и искусной музыкантшей". [680]

В то время как при дворе Генриха VIII развлечения следовали одно за другим, странный слух наполнил удивлением всю Англию. Сообщалось, что империалистические солдаты взяли Рим штурмом и что несколько англичан были среди тех, кто пробил брешь. Некто Томас Кромвель был специально назван [681]— человек, который почти двадцать лет назад получил определенные послабления от Юлия II, предложив ему несколько банок английских кондитерских изделий. Этот солдат носил с собой Новый Завет Эразма, и говорят, что во время кампании он выучил его наизусть. Будучи веселым, храбрым и умным, он, прочитав Евангелие и увидев Рим, проникся большим отвращением к политике, суевериям и беспорядкам папства. День 7 мая 1527 года определил направление его жизни. Его главной идеей стало уничтожение папской власти. По возвращении в Англию он вошел в дом кардинала.

Однако папа и кардиналы, находящиеся в плену, писали письма, "наполненные слезами и стонами". [682] Полный рвения к папству, Вулси объявил публичный пост. "Император никогда не освободит папу, если его не вынудить", - сказал он королю. "Сэр, Бог поставил вас *защитником веры*; спасите церковь и ее главу!" — "Милорд, - с улыбкой ответил король, - уверяю вас, что эта война между императором и папой ведется не за веру, а за мирские владения".

ПОСОЛЬСТВО УОЛСИ Во ФРАНЦИИ.

Но Вулси не унывал; и 3 июля он проехал по улицам Лондона верхом на муле в богатой попоне, поставив ноги в позолоченные стремяна, в то время как тысяча двести джентльменов сопровождали его верхом. Он собирался умолять Франциска помочь его учителю в спасении Климента VII. Ему не составило труда уговорить Генриха; Карл говорил о том, чтобы перевезти папу в Испанию и навсегда учредить апостольский престол в этой стране. [683] Итак, как они могли получить развод от *испанского* папы римского? Во время процессии Вулси казался подавленным горем и даже проливал слезы; [684] но вскоре он поднял голову и воскликнул: "Мое сердце воспламенено, и я хочу, чтобы это можно было сказать о папе римском *per secula sempiterna*,

"Rediit Henrici octavi virtute serena."

Желая создать тесный союз между Францией и Англией для осуществления своих замыслов, он положил глаз на принцессу Рене, дочь Людовика XII и невестку Франциска I, как на будущую жену Генриха VIII. Соответственно, союзный договор между двумя коронами был подписан в Амьене 18 августа (1527 г.), Франциск со своей матерью и кардиналом отправился в Компьень, и там Вулси, назвав Карла самым упрямым защитником лютеранства, [685] пообещав "вечный союз с одной стороны [между Францией и Англией], и вечное *разъединение* с другим". [между Англией и Германией], [686] потребовал руки Рене для короля Генриха. Стаффилио, декан Рота, подтвердил, что папа смог разрешить брак Генриха и Екатерины только из-за ошибки с ключами Святого Петра. [687] Это признание, столь примечательное со стороны настоятеля одной из первых юрисдикций Рима, побудило мать Франциска благосклонно выслушать требование кардинала. Но то ли это предложение не понравилось Рене, которой было суждено в будущем исповедовать чистую веру Евангелия с большей серьезностью, чем Маргарите Валуа, то ли Франциск не слишком стремился к союзу, который дал бы Генриху права на герцогство Бретань, она была обещана сыну герцога Феррарского. Для кардинала это была проверка, но по возвращении в Англию ему не повезло получить еще более серьезную.

УСПЕХ АННЫ БОЛЕЙН.

Дочь сэра Томаса Болейна (который был назначен виконтом Рочфордом в 1525 году) постоянно находилась при дворе, "где пользовалась большим уважением", - говорит Кавендиш, "всегда испытывая личное негодование против кардинала за разрыв предварительного контракта, заключенного между ней и лордом Перси", не подозревая, что Генрих имел к этому какое-то отношение. [688] Ее красота, грациозная осанка, черные волосы, овальное лицо и ясные глаза, ее нежный певческий голос, ее мастерство и достоинство в танце, ее желание понравиться, не лишенное кокетства, ее жизнерадостность, готовность к остротам и, прежде всего, дружелюбие ее характера покорили сердца всех. Она привезла в Гринвич и Лондон изысканные манеры

двора Франциска I. Каждый день (как сообщалось) она изобретала новый фасон одежды и устанавливала моду в Англии. Но ко всем этим качествам она добавила скромность и даже навязала ее другим своим примером. Придворные дамы, которые до сих пор придерживались другой моды (говорит ее злейший враг), прикрывали шею и грудь, как это делала она; [689] и злонамеренные, неспособные оценить мотивы Анны, приписали эту скромность со стороны молодой леди желанию скрыть тайное уродство. [690] Многочисленные поклонники снова столпились вокруг Анны Болейн, и среди прочих - один из самых выдающихся дворян и поэтов Англии, сэр Томас Уайатт, последователь Уиклифа. Однако он не был тем человеком, которому суждено было заменить сына Перси.

АННА ОТВЕРГАЕТ КОРОЛЯ.

Генрих, поглощенный тревогой по поводу своего развода с Екатериной, впал в уныние и меланхолию. Смех, песни, остроты и красота Анны Болейн поразили и пленили его, и вскоре его взгляд самодовольно остановился на юной фрейлине. Кэтрин было больше сорока лет, и вряд ли можно было ожидать, что такой впечатлительный человек, как Генри, заключил, как говорит Джоб, *завет со своими глазами не думать о служанке*. Желая выразить свое восхищение, он подарил Анне, согласно обычаю, дорогое украшение; она приняла и надела его, продолжая танцевать, смеяться и болтать, как и прежде, не придавая особого значения королевскому подарку. Внимание Генриха стало более настойчивым, и он воспользовался моментом, когда застал Анну одну, чтобы высказать ей свои чувства. Со смешанным чувством и тревогой молодая леди, дрожа, упала к ногам короля и воскликнула, заливаясь слезами: "Я думаю, благороднейший и достойнейший король, ваше величество произносит эти слова в шутку, чтобы доказать мне это.... Я скорее потеряю свою жизнь, чем свою добродетель". [691] Генри изящно ответил, что он должен, по крайней мере, продолжать надеяться. Но Анна, встав, гордо ответила: "Я не понимаю, могущественнейший король, как ты можешь сохранять подобную надежду; твоей женой я быть не могу, как из-за моего собственного недостойнства, так и потому, что у тебя уже есть королева. Твоей любовницей я не буду." Энн сдержала свое слово. Она продолжала выказывать королю, даже после этой встречи, все подходящее ему уважение; но несколько раз она гордо, даже яростно отвергала его ухаживания. [692] В наш век галантности мы видим, как она почти шесть лет сопротивлялась всем соблазнам, которыми Генрих окружал ее. Такой пример не часто встретишь в истории дворов. Книги, которые она прочитала во дворце Маргариты, придали ей тайную силу. Все смотрели на нее с уважением; и даже королева относилась к ней вежливо. Однако Екатерина показала, что заметила предпочтение короля. Однажды, когда она играла в карты со своей фрейлиной, в то время как Генрих был в комнате, а Анна часто держала на руках короля, она сказала: "Миледи Анна, у вас есть все шансы остановиться на короле; но вы не такая, как другие, у вас будет все или ничего". Анна покраснела: с этого момента внимание Генриха приобрело еще большее значение; она решила отказаться от него и покинула двор вместе с леди Рочфорд.

ПИСЬМО ГЕНРИХА АННЕ.

Король, не привыкший к сопротивлению, был чрезвычайно опечален и, узнав, что Анна не вернется ко двору ни с матерью, ни без нее, отправил курьера в Хевер с посланием для нее. Если мы вспомним нравы эпохи Генриха VIII и то, насколько мужчины в своих отношениях с прекрасным полом были чужды той сдержанности, которую общество навязывает им сейчас, мы не можем не быть поражены почтительным тоном короля: он пишет так по—французски:

"Поскольку мне кажется, что прошло очень много времени с тех пор, как я получал известия от вас или о вашем здоровье, великая любовь, которую я испытываю к вам, побудила меня послать этого посыльного, чтобы лучше узнать о вашем здоровье и удовольствиях; в частности, потому, что со времени моего последнего расставания с вами мне сказали, что вы полностью изменили решение, в котором я вас оставил, и что вы не собираетесь ни ко двору со своей матерью, ни каким-либо другим способом; этому сообщению, если оно правдиво, я не могу в достаточной степени удивляться, будучи убежден в том, что я никогда не совершал против вас никакого преступления; и это кажется трудным, потому что в обмен на великую любовь, которую я питаю к тебе, держись на расстоянии от человека и присутствия женщины в мире, которую я ценю больше всего. И если вы любите меня с такой же нежностью, на которую я надеюсь, я уверена, что дистанция между нашими двумя людьми была бы для вас столь же неприятной, хотя это относится не столько к хозяйке, сколько к служанке.

- Подумай хорошенько, моя госпожа, как сильно меня огорчает твое отсутствие. Я надеюсь, что в вашей воле нет, чтобы это было так; но если бы я точно услышал, что вы сами этого желали, я мог бы только оплакивать свое несчастье и стараться постепенно избавиться от своего великого безумия.

"Итак, из-за нехватки времени я заканчиваю это грубое письмо, умоляя вас поверить отправителю всего, что он скажет вам от меня. Написано рукой всего вашего слуги,

"Н. R." [\[693\]](#)

Слово *слуга* (*serviteur*), используемое в этом письме, объясняет смысл, в котором Генри использовал слово *госпожа*. На языке рыцарства последний термин обозначал человека, которому влюбленный отдал свое сердце.

Похоже, что ответ Анны на это письмо был таким же, какой она давала королю с самого начала; и кардинал Поул не раз упоминает о ее упорном отказе от супружеской неверности. [\[694\]](#) Наконец Генрих понял добродетель Анны, но он был далек от того, чтобы *отказаться от своего великого безумия*, как он обещал. Тоттиранический эгоизм, который принц часто проявлял в своей жизни, особенно проявлялся в его любовных похождениях. Видя, что он не может достичь своей цели незаконными средствами, он решил как можно скорее разорвать узы, соединявшие его с королевой. Добродетель Анны была третьей причиной развода Генриха.

ОППОЗИЦИЯ ВУЛСИ.

Раз его решение принято, оно должно быть обязательно приведено в исполнение. Генриху удалось вернуть Анну ко двору, он добился личной беседы с ней, предложил ей свою корону и, схватив ее за руку, снял одно из ее колец. Но Анна, которая не хотела быть любовницей короля, отказалась также стать его женой. Слава короны не могла ослепить ее, сказал Уайатт, и два мотива, в частности, уравнивали все перспективы величия, которые открывались перед ее глазами. Первым было ее уважение к королеве: "Как я могла причинить вред принцессе такой великой добродетели?" она воскликнула. [\[695\]](#) Вторым был страх, что союз с "тем, кто был ее господином и королем", не даст ей той свободы сердца и той вольности, которой она могла бы наслаждаться, выйдя замуж за мужчину того же ранга, что и она сама. [\[696\]](#)

Тем не менее дворяне и дамы при дворе Генриха шептались друг другу, что Анна непременно станет королевой Англии. Некоторых мучила ревность; другие, ее друзья, были в восторге от перспективы быстрого продвижения по службе. Враги Вулси, в частности, были очарованы мыслью о гибели фаворита. Именно в тот момент, когда все эти эмоции столь по-разному волновали двор, кардинал, возвращаясь из своего посольства к Франциску, вновь появился в Лондоне, где его постиг неожиданный удар.

Вулси выражал Генриху свое сожаление по поводу того, что ему не удалось заполучить ни Маргариту, ни Рене, когда король прервал его: "Утешьтесь, я женюсь на Анне Болейн". Кардинал на мгновение лишился дара речи. Что бы с ним стало, если бы король возложил корону Англии на голову дочери и племянницы его злейших врагов? Что стало бы с церковью, если бы на трон возшла вторая Анна Богемская? Вулси бросился к ногам своего хозяина и умолял его отказаться от столь пагубного замысла. [697] Тогда, без сомнения, он оставался (как он впоследствии сказал) *час или два* на коленях перед королем в его личных покоях, [698], но не убедил Генриха отказаться от своего замысла. Вулси, убежденный, что если он продолжит открыто противодействовать воле Генриха, то навсегда потеряет его доверие, скрывал свою досаду, выжидая удобного случая избавиться от этого неудачливого соперника с помощью какой-нибудь интриги. Он начал с письма папе римскому, сообщив ему, что молодая леди, воспитанная королевой Наварры и, следовательно, запятнанная лютеранской ересью, пленила сердце короля; [699] и с этого часа Анна Болейн стала объектом ненависти и клеветы Рима. Но в то же время, чтобы скрыть свои намерения, Вулси принимал Генриха на ряде великолепных приемов, на которых Анна затмевала всех придворных дам.

ГЛАВА VII.

Проповедь Билни —Его арест—Проповедь и тюремное заключение Артура—Допрос Билни—Спор между судьей и заключенным—Слабость и падение Билни—Его страхи—Два желания—Появление четвертого издания Нового Завета—Радость среди верующих.

ПРОПОВЕДЬ БИЛНИ.

В то время как эти страсти бушевали во дворце Генриха, самые трогательные сцены, вызванные христианской верой, будоражили нацию. Билни, воодушевленный тем мужеством, которое Бог иногда дает самым слабым людям, казалось, утратил свою природную робость и некоторое время проповедовал с энергией, вполне апостольской. Он учил, что все люди должны сначала признать свои грехи и осудить их, а затем алкать и жаждать той праведности, которую дает Иисус Христос. [700] К этому свидетельству, подтверждающему истину, он добавил свое свидетельство против ошибки. "За эти пятьсот лет, - добавил он, - не было ни одного хорошего папы; и за все прошедшие времена мы можем найти только пятьдесят: ибо они не проповедовали, не жили хорошо и не соответствовали своему сану; а потому по сей день они носят ключи от симонии". [701]

БИЛНИ АРЕСТОВАН.

Как только этот благочестивый ученый сошел с кафедры, он вместе со своим другом Артуром посетил соседние города и деревни. "Евреи и сарацины давным-давно стали бы верующими, - сказал он однажды в Уилсдауне, - если бы не идолопоклонство христиан, когда они приносят

свечи, воск и деньги в жертву колодам и камням". Однажды, посетив Ипсуич, где находился францисканский монастырь, он воскликнул: "Капюшон святого Франциска, обернутый вокруг мертвого тела, не имеет силы смыть грехи.... *Ecce agnus Dei qui tollit peccata mundi.*" (Иоанна i, 29.) Бедные монахи, которые были мало сведущи в Священном Писании, обратились к *Альманаху*, чтобы обличить *Библию* в ошибке". Св. Павел справедливо утверждал, — сказал брат Джон Брузьерд, — что есть только один посредник между Богом и человеком, потому что до сих пор не было *святого*, канонизированного или внесенного в календарь". - "Давайте попросим Отца во имя Сына, - возразил Билни, - и он даст нам". - "Вы всегда говорите об Отце и никогда о *святых*, - ответил монах. - вы похожи на человека, который так долго смотрел на солнце, что не может видеть ничего другого". [702] Когда монах произносил эти слова, казалось, его распирали гнев. "Если бы я не знал, что святые совершают над тобой вечную месть, я бы наверняка этими своими гвоздями прикончил тебя". [703] Фактически два монаха дважды стаскивали его с кафедры. Он был арестован и доставлен в Лондон.

Артур, вместо того чтобы бежать, начал навещать стада, которые обратил в свою веру его друг. "Добрые люди, - сказал он, - если я подвергнусь преследованиям за проповедь Евангелия, найдутся еще семь тысяч, которые будут проповедовать его так же, как я сейчас. Поэтому, добрые люди! добрые люди!" (и он несколько раз повторил эти слова печальным голосом) "не думайте, что если эти тираны и преследователи предадут человека смерти, то проповедь Евангелия должна быть прекращена. Каждый христианин, да и каждый мирянин, является священником. Пусть наши противники проповедуют авторитетом кардинала, другие - авторитетом университета, третьи - авторитетом папы римского; мы будем проповедовать авторитетом Бога. Душу спасает не тот человек, который приносит слово, а то слово, которое приносит этот человек. Ни епископы, ни папы не имеют права запрещать кому-либо проповедовать Евангелие; [704] и если они убьют его, он не еретик, а мученик". [705] Священники были в ужасе от таких доктрин. По их мнению, вне их церкви не было Бога, а в их жертвах не было спасения. Артура бросили в ту же тюрьму, что и Билни.

БИЛНИ И АРТУР ПЕРЕД ЕПИСКОПОМ.

27 ноября 1527 года кардинал и архиепископ Кентерберийский в сопровождении большого числа епископов, богословов и юристов встретились в Вестминстерском капитуле, когда перед ними предстали Билни и Артур. Но премьер-министр короля считал ниже своего достоинства тратить время на жалких еретиков. Едва Вулси приступил к допросу, как встал и сказал: "Дела королевства призывают меня удалиться; всех, кто будет признан виновным, вы заставите отречься от престола, а тех, кто взбунтуется, вы передадите светской власти". После нескольких вопросов, предложенных епископом Лондона, двух обвиняемых отвели обратно в тюрьму.

БОРЬБА БИЛНИ.

Отречение от престола или смерть — таков был приказ Вулси. Но ведение судебного процесса было доверено Тонстоллу; Билни питал некоторую надежду. [706] "Возможно ли, - сказал он себе, - что епископ Лондонский, друг Эразма, удовлетворит монахов?... Я должен сказать ему, что именно греческий Завет его ученого учителя привел меня к вере". После чего скромный евангелист, раздобыв бумагу и чернила, принялся писать епископу из своей мрачной тюрьмы те замечательные письма, которые были переданы потомкам. Тонстолл, который не был жестоким человеком, был глубоко тронут, и затем произошла странная борьба: судья хотел спасти заключенного, заключенный хотел расстаться со своей жизнью. Тонстолл, оправдывая Билни,

не имел ни малейшего желания компрометировать себя. "Подчинись церкви, - сказал епископ, - ибо Бог говорит только через нее". Но Билни, который знал, что Бог говорит в Священном Писании, оставался непреклонным. "Тогда очень хорошо, - сказал Тонстолл, беря в руки красноречивые письма подсудимого, - во спасение своей совести я передам эти письма в суд". Возможно, он надеялся, что они коснутся его коллег, но был обманут. Поэтому он решил предпринять новую попытку. 4 декабря Билни снова предстал перед судом. "Отрекитесь от своих ошибок", - сказал Тонстолл. Отрицательно покачав головой, епископ продолжил: "Удадитесь в соседнюю комнату и поразмыслите". Билни удалился, и вскоре, вернувшись с сияющими от радости глазами, Тонстолл подумал, что одержал победу. - Значит, вы вернетесь в церковь? - спросил он.... Врач спокойно ответил: "*Постановление суда in nomine Domini*". [707] "Поторопитесь, - продолжал епископ, - это последний момент, и вы будете осуждены". "*Hæc est dies quam fecit Dominus,*" answered Bilney, "*exultemus et lætemur in ea!*" (Псалом cxviii, 24). После этого Священник снял свою шапку и сказал: "*In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti.... Exsurgat Deus et dissipentur inimici ejus!*" (Ps. lxxviii, 1). Затем, осенив себя крестным знаменем на лбу и груди, он вынес приговор: "Томас Билни, объявляю тебя виновным в ереси". Он собирался назвать наказание... последняя надежда удержала его; он остановился: "Что касается остальной части предложения, мы отложим рассмотрение до завтра". Так продолжалась борьба между двумя мужчинами, один из которых желал дойти до костра, а другой, так сказать, преградить путь своим собственным телом.

"Вернетесь ли вы к единству церкви?" - спросил Тонстолл на следующий день. "Надеюсь, меня никогда не отделяли от церкви", - ответил Билни. "Пойдите и посоветуйтесь с кем-нибудь из ваших друзей", - сказал епископ, который был полон решимости спасти свою жизнь. "Я даю вам время до часу дня". После полудня Билни дал тот же ответ. "Я даю вам две ночи отсрочки на обдумывание, - сказал епископ. - в субботу в девять часов утра суд будет ожидать четкого окончательного ответа". Тонстолл рассчитывал, что эта ночь с ее снами, ее муками и ужасами приведет к отречению Билни.

ПАДЕНИЕ БИЛНИ.

Эта необычайная борьба занимала многие умы как при дворе, так и в сити. Анна Болейн и Генрих VIII с интересом наблюдали за различными этапами этой трагической истории. Что произойдет? это был общий вопрос. Уступит ли он? Увидим ли мы его живым или умрет? Оставался еще один день и две ночи; было предпринято все, чтобы поколебать кембриджского доктора. Его друзья столпились в его тюрьме; он был переполнен доводами и примерами; но внутренняя борьба, гораздо более страшная, чем внешняя, волновала благочестивого Билни. "Кто хочет спасти свою душу, тот потеряет ее", - сказал Христос. Та эгоистичная любовь его души, которая есть даже у продвинутого христианина, — то "я", которое после его обращения было не поглощено, а подавлено Духом Божьим, постепенно восстановило силу в его сердце перед лицом позора и смерти. Его друзья, которые хотели спасти его, не понимая, что павший Билни больше не будет Билни, со слезами умоляли его сжалиться над самим собой; и таким образом его твердость была преодолена. Епископ надавил на него, и Билни спросил себя: "Может ли такой молодой солдат, как я, знать правила войны лучше, чем такой старый солдат, как Тонстолл? Или бедная глупая овечка может знать дорогу в стадо лучше, чем главный пастор Лондона?" [708] Его друзья не покидали его ни днем, ни ночью, и, опутанный их роковой привязанностью, он наконец поверил, что нашел компромисс, который успокоит его совесть. "Я сохраню свою жизнь, - сказал он, - чтобы посвятить ее Господу". Едва это заблуждение

овладело его разумом, как его взгляды смутились, вера пошатнулась, Святой Дух покинул его, Бог предал его плотским мыслям, и под предлогом того, что Билни много лет был полезен Иисусу Христу, в настоящий момент Билни ослушался его. Когда его привели к епископам утром в субботу, 7 декабря, в девять часов, он упал ... (Артур пал перед ним), и в то время как ложные друзья, которые ввели его в заблуждение, едва осмеливались поднять глаза, живая церковь Христа в Англии издала крик боли. "Если когда-нибудь вам грозит опасность, - сказал Латимер, - из-за Божьей ссоры, я бы посоветовал вам, прежде всего, отречься от всех своих друзей; не оставляйте ни одного незатронутым. Это они погубят вас, а не ваши враги. Именно его друзья привели Билни к этому". [709]

На следующий день (воскресенье, 8 декабря) Билни был поставлен во главе процессии, а падший ученик с непокрытой головой и хворостом за плечами стоял перед крестом Святого Павла, в то время как священник с кафедры призывал его к покаянию; после чего его отвели обратно в тюрьму.

Какое одиночество для несчастного человека! В какой-то момент холодная темнота его камеры показалась ему пылающим огнем; в другой раз ему показалось, что он слышит обвиняющие голоса, взывающие к нему в ночной тишине. Смерть, тот самый враг, которого он хотел избежать, устремил на него свой ледяной взгляд и наполнила его страхом. Он пытался убежать от ужасного призрака, но тщетно. Тогда друзья, которые затащили его в эту пропасть, столпились вокруг и попытались утешить его; но если они произносили какие-либо из кротких обещаний Христа, Билни в ужасе отшатывался и забивался в самую дальнюю часть темницы с криком, "как будто человек пронзил ему сердце мечом". [710] Отвергнув слово Божье, он больше не мог терпеть его слушать. Проклятие Апокалипсиса: *Вы, горы, укройте меня от гнева Агнца!* это был единственный отрывок из Священного Писания, который соответствовал его душе. Его разум помутился, кровь застыла в жилах, он погрузился в свои ужасы; он потерял всякий рассудок и почти жизнь и неподвижно лежал в объятиях своих изумленных друзей. "Боже, - восклицали те несчастные, которые были причиной его падения, - Бог справедливым судом предаст бурям их совести всех, кто отрицает его истину".

БЕЙФИЛД АРЕСТОВАН.

Это была не единственная печаль церкви. Как только Ричард Бейфилд, покойный камергер Бери, присоединился к Тиндейлу и Фриту, он сказал им: "Я в вашем распоряжении; вы будете моей головой, а я буду вашей рукой; я буду продавать ваши книги и книги немецких реформаторов в Нидерландах, Франции и Англии". Прошло совсем немного времени, прежде чем он вернулся в Лондон. Но Пирсон, священник, которого он ранее встретил на Ломбард-стрит, снова нашел его и обвинил перед епископом. Несчастный предстал перед Тонсталлом. "Вы обвиняетесь, - сказал прелат, - в том, что утверждали, что хвала подобает только Богу, а не святым или созданиям". [711] Бейфилд признал обвинение правдивым. "Вы обвиняетесь в утверждении, что каждый священник может проповедовать слово Божье авторитетом Евангелия без разрешения папы римского или кардиналов". Это также признал Бейфилд. На него была наложена епитимья, а затем он был отправлен обратно в свой монастырь с приказом явиться туда 25 апреля. Но он еще раз пересек море и поспешил присоединиться к Тиндейлу.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ НОВОГО ЗАВЕТА.

Однако Новые Заветы, проданные им и другими, остались в Англии. В то время епископы подписались под запретом Священных Писаний, как с тех пор поступили многие люди, распространявшие их; и, соответственно, было распространено большое количество экземпляров, привезенных Бейфилдом и его друзьями. [712] К нехватке слова Божьего вскоре добавилась нехватка продовольствия; поскольку кардинал пытался разжечь войну между Генрихом и императором, фламандские корабли перестали заходить в английские порты. Именно вследствие этого лорд-мэр и олдермены Лондона поспешили высказать Вулси свои опасения почти до того, как он оправился от утомительного возвращения из Франции. "Ничего не бойтесь, - сказал он им. - король Франции заверил меня, что если у него будет три бушеля пшеницы, то у Англии их будет два". Но никто не прибыл, и люди были готовы прибегнуть к насилию, когда в устье Темзы внезапно появилась флотилия кораблей. Это были немецкие и фламандские суда, груженные зерном, в которых достойные жители Нидерландов также спрятали Новый Завет. Книготорговец из Антверпена по имени Джон Раймонд или Руремонд, родом из его родины, напечатал четвертое издание, более красивое, чем предыдущие. Она была дополнена ссылками и гравюрами на дереве, а каждая страница была окаймлена красными линиями. Сам Раймонд поднялся на борт одного из кораблей с пятьюстами экземплярами своего Нового Завета. [713] Около Рождества 1527 года в Англии была распространена книга Божья вместе с хлебом, который питает тело. Но некоторые священники и монахи, обнаружив Священное Писание среди мешков с зерном, отнесли несколько экземпляров епископу Лондона, который бросил Раймонда в тюрьму. Однако большая часть нового издания ускользнула от него. Новый Завет читали повсюду, и даже придворные не избежали заражения. Анна Болейн, несмотря на улыбающееся лицо, часто уединялась в своем кабинете в Гринвиче или Хэмптон-Корте, чтобы изучать Евангелие. Откровенная, мужественная и гордая, она не скрывала удовольствия, которое получала от такого чтения; ее смелость поражала придворных и приводила в ярость духовенство. В городе дела пошли еще дальше: Новый Завет объяснялся на частых собраниях, особенно в доме некоего Рассела, и велика была радость среди верующих. "Достаточно только въехать в Лондон, - говорили священники, - чтобы стать еретиком!" Реформация пустила корни в народе еще до того, как достигла высших классов.

ГЛАВА VIII.

Папство перехватывает Евангелие—Король консультируется с сэром Томасом Мором—Церковные конференции по поводу развода—Университеты—Кларк—Монахиня из Кента—Вулси решает исполнить Волю короля—Миссия к Папе—Четыре документа—Смущение Карла V—Франциск Филипп в Мадриде—Отчаяние и решимость Карла—Он отворачивается от Реформации—Конференция в замке Святого Ангела—Найт прибывает в Италию—Его бегство—Договор между Папой и императором—Побег Папы—Замешательство Генриха VIII—Приказы Вулси—Его мольбы.

ПАПСТВО ПЕРЕХВАТЫВАЕТ ЕВАНГЕЛИЕ.

Солнца слова Божьего, которое с каждым днем становилось все ярче на небе шестнадцатого века, было достаточно, чтобы рассеять всю тьму в Англии; но папство, подобно огромной стене, преграждало путь его лучам. Едва Британия получила Священные Писания на греческом и латыни, а затем и на английском, как священники начали воевать с ними с неутомимым

рвением. Было необходимо разрушить стену, чтобы солнце могло свободно проникать к англосаксонскому народу. И в Англии назревали новые события, которым суждено было пробить брешь в папстве. Переговоры Генриха VIII с Климентом VII сыграли важную роль в Реформации. Явившись ко двору Рима, они уничтожили уважение, которое испытывал к нему народ; они отняли ту *власть и подкрепление*, как говорит Писание, которые дала ему монархия; и трон папы римского, однажды павший в Англии, Иисус Христос возвысил и укрепил своим собственным.

Генрих, страстно желавший иметь наследника и думавший, что нашел женщину, которая обеспечит его собственное счастье и счастье Англии, задумал разорвать узы, соединявшие его с королевой, и с этой целью проконсультировался по поводу развода со своими самыми любимыми советниками. Был один человек, одобрения которого он особенно жаждал: это был сэр Томас Мор. Однажды, когда друг Эразма прогуливался со своим хозяином по прекрасной галерее в Хэмптон-Корте, рассказывая ему о миссии, которую он только что выполнил на континенте, король внезапно прервал его: "Мой брак с королевой, - сказал он, - противоречит законам Бога, церкви и природы". Затем он взял Библию и указал на отрывки в свою пользу. [714] "Я не богослов, - сказал Мор, несколько смутившись. - Вашему величеству следует проконсультироваться с консилиумом врачей".

Соответственно, по приказу Генриха Уорхэм собрал самых образованных канонистов в Хэмптон-Корте; но прошли недели, прежде чем они смогли прийти к согласию. [715] Большинство из них цитировали в пользу царя те отрывки из книги Левит (xviii, 16; xx, 21), которые запрещают мужчине брать *жену своего брата*. [716] Но Фишер, епископ Рочестерский, и другие противники развода ответили, что, согласно Второзаконию (xxv, 5), когда женщина остается вдовой без детей, ее шурины должны взять ее в жены, чтобы увековечить имя своего брата в Израиле. "Этот закон касался только евреев", - ответили сторонники развода; они добавили, что его целью было "сохранить наследование раздельным, а генеалогии нетронутыми до пришествия Христа. Иудейское устройство прошло, но закон Книги Левит, который является нравственным законом, обязателен для всех людей во все века".

Чтобы выйти из затруднительного положения, епископы потребовали, чтобы были проведены консультации с самыми выдающимися университетами; и уполномоченные были немедленно отправлены в Оксфорд, Кембридж, Париж, Орлеан, Тулузу, Лувен, Падую и Болонью, снабженные деньгами, чтобы вознаградить иностранных врачей за время и хлопоты, которых им стоил этот вопрос. Это вызвало небольшую задержку, и теперь следовало испытать все средства, чтобы отвлечь короля от его цели.

ВОЗРАЖЕНИЕ КЛАРКА.

Вулси, который первым высказал мысль о разводе, теперь был не на шутку встревожен. Ему казалось, что кивок дочери Болейнов сместит его с поста, который он с таким трудом завоевал, и это заставляло его вымещать свое дурное настроение на всех окружающих, в одно время угрожая Уорхэму, а в другое - преследуя его. Но, опасаясь открыто выступить против Генриха, он вызвал из Парижа Кларка, епископа Бата и Уэллса, в то время посла при французском дворе. Последний разделил его взгляды и, тщательно подготовив почву, осмелился сказать королю: "Расследование будет продвигаться так медленно, ваше величество, что потребуются более семи лет, чтобы довести его до конца!" — "Поскольку моего терпения уже хватило на *восемнадцать* лет, - холодно ответил король, - я готов подождать еще *четыре или пять*". [717]

ОТ ПАПЫ ТРЕБУЕТСЯ ЧЕТЫРЕ ДОКУМЕНТА.

Поскольку политическая партия потерпела неудачу, клерикальная партия привела в действие схему другого рода. Молодая женщина Элизабет Бартон, известная как *святая дева Кентская*, с детства была подвержена эпилептическим припадкам. Священник ее прихода по имени Мастерс убедил ее, что она вдохновлена Богом, и, вступив в союз с неким Бокингом, монахом из Кентербери, он обратил слабость пророчицы в свою пользу. Елизавета бродила по стране, переходя от дома к дому и от монастыря к монастырю; внезапно ее конечности одеревеневали, черты лица искажались; сильные конвульсии сотрясали ее тело, и с ее губ срывались странные неразборчивые звуки, которые изумленные зрители принимали за откровения от Девы Марии и святых. Фишер, епископ Рочестерский, Абель, церковный агент королевы, и даже сэр Томас Мор были среди сторонников Елизаветы. Слухи о разводе достигли *ушей* святой, и ангел повелел ей предстать перед кардиналом. Как только она предстала перед ним, краска отхлынула от ее щек, ее конечности задрожали, и, впад в экстаз, она воскликнула: "Кардинал Йоркский, Бог вложил в вашу руку три меча: духовный меч, чтобы поставить церковь под власть папы; гражданский меч, чтобы управлять королевством; и меч правосудия, чтобы предотвратить развод короля.... Если ты не будешь верно владеть этими тремя мечами, Бог жестоко расправится с твоими подопечными". [718] После этих слов пророчица удалилась.

Но другие факторы тогда раздирали сердце Вулси: ненависть, которая побудила его выступить против развода, и честолубие, которое предвещало его гибель в этом противостоянии. Наконец честолубие взяло верх, и он решил силой своего рвения забыть о своих возражениях.

ПАПА РИМСКИЙ НЕ МОЖЕТ ОШИБАТЬСЯ.

Генри поспешил воспользоваться этой переменой. "Объявите о разводе сами, - сказал он Вулси, - разве папа не назначил вас своим генеральным викарием". [719] Кардинал не стремился подняться так высоко. "Если бы я решал это дело, - сказал он, - королева обратилась бы к папе; поэтому мы должны либо обратиться к святейшему отцу за особыми полномочиями, либо убедить королеву удалиться в женский монастырь. И если мы потерпим неудачу в любом из этих способов, мы подчинимся голосу совести, даже несмотря на папу Римского". [720] Было решено начать с более обычной попытки, и Грегори Да Казале, секретарь Найт, и протонотарий Гамбара были назначены на чрезвычайную миссию при папском дворе. Казале был человеком Вулси, а Найт - Генри. Вулси сказал послам: "Вы потребуете от папы, *во-*, a *commission* authorizing me to inquire into this matter; *2ndly*, his promise to pronounce the nullity of Catherine's marriage with Henry, if we should find that her marriage with Arthur was consummated; and *3rdly*, a разрешения, которое бы, в конце концов, разрешило королю жениться снова". Таким образом Вулси надеялся добиться развода, не нанося ущерба папской власти. Утверждалось, что ложные сведения относительно заключения первого брака были отправлены из Англии Юлию II, что побудило понтифика разрешить второй брак. Поскольку папа был введен в заблуждение относительно *факта*, его непогрешимость осталась нетронутой. Вулси желал чего-то большего; зная, что нельзя доверять доброй воле понтифика, он потребовал четвертый документ, которым папа обязался бы *никогда не отзываться три других* документа; он только забыл принять меры предосторожности на случай, если Климент отзовет *четвертый*. "С помощью этих четырех ловушек, искусно составленных, - сказал кардинал, - я поймаю зайца; если он ускользнет из одной, то попадет в другую". Придворные ожидали скорейшего завершения дела. Разве император не был объявлен врагом понтифика? Разве Генрих, напротив, не сделал себя

защитником лиги клементинок? Мог ли Климент колебаться, когда его призвали, выбирая между своим тюремщиком и своим благодетелем?

Действительно, Карл V в этот момент находился в очень неловком положении. Это правда, его стража была выставлена у ворот замка Святого Ангела, где Климент был узником, и люди в Риме с улыбкой говорили друг другу: "Вот теперь это действительно правда, *Papa non potest errare*". [721] Но держать папу в плену в Риме было невозможно; и что тогда с ним делать? Вице-король Неаполя предложил Алеркону, губернатору Сант-Анджело, перевезти Климента в Гету, но перепуганный полковник воскликнул: "Боже упаси меня тащить за собой само тело Божье!" Одно время Карл подумывал перевезти понтифика в Испанию; но не мог ли вражеский флот увезти его по дороге? Папа римский в тюрьме смущал Чарльза гораздо больше, чем папа римский на свободе.

КОНФЕРЕНЦИЯ В СЕНТ-АНДЖЕЛО.

Именно в это критическое время Франциск Филипп, слуга королевы Екатерины, избежав ловушек, расставленных Генрихом VIII и Вулси, прибыл в Мадрид, где провел целый день в переговорах с Карлом V. Этот принц сначала был поражен, даже шокирован замыслами короля Англии. Казалось, проклятие Божье нависло над его домом. Его мать была сумасшедшей; его сестра из Дании была изгнана из своих владений; его сестра из Венгрии овдовела в битве при Мохаче; турки вторглись на его территории; Лотрек одержал победу в Италии, а католики, раздраженные пленением папы, возненавидели его честолубие. Этого было недостаточно. Генрих VIII стремился развестись со своей тетей, и папа, естественно, поддержал бы этот преступный замысел. Карлу предстояло выбирать между понтификом и королем. Дружба короля Англии могла бы помочь ему разорвать союз, созданный для его изгнания из Италии, и, пожертвовав Екатериной, он наверняка заручился бы его поддержкой; но, поставленный между государственными соображениями и честью своей тети, император не колебался; он даже отказался от некоторых проектов реформ, которые вынашивал в глубине души. Он внезапно принял решение за папу римского и с того самого часа пошел новым курсом.

Чарльз, обладавший большой проницательностью, понимал свою эпоху; он видел, что движение человеческого разума требует уступок, и хотел бы осуществить переход от средневековья к современности путем тщательно организованного перехода. Следовательно, он потребовал созыва собора для реформирования церкви и ослабления римского владычества в Европе. Но результат был совсем другим. Если Карл отворачивался от Генриха, он был вынужден обратиться к Клименту; и после того, как глава церкви был заключен в тюрьму, необходимо было снова посадить его на трон. Карл V принес интересы христианского общества в жертву интересам своей собственной семьи. Этот развод, который в Англии рассматривался как гибель папства, был тем, что спасло его в континентальной Европе.

РЫЦАРЬ СПЕШИТ ИЗ РИМА.

Но как император мог завоевать сердце понтифика, наполненное горечью и гневом? Он выбрал для этой трудной миссии очень способного монаха Де Анджелиса, генерала испанского ордена, и приказал ему проследовать в замок Святого Анджело под предлогом переговоров об освобождении святого отца. Кордельера отвели в самую надежную часть крепости, называемую Скалой, где поселили Климента; и два священника применили все свое искусство друг против друга. Монах с помощью хитрого Монкада ловко соединил воедино освобождение

папы римского и замужество Екатерины. Он подтвердил, что император хотел открыть ворота тюрьмы понтифика и уже отдал приказ; [722] и затем он сразу добавил: "Император полон решимости сохранить права своей тети и никогда не даст согласия на развод". [723] — "Если ты для меня *добрый пастырь*, - собственноручно написал Карл папе 22 ноября, - я буду для тебя *хорошей овцой*". Климент улыбнулся, прочитав эти слова; он понимал свое положение; император нуждался в священнике, Карл был у ног своего пленника; Климент был спасен! Развод был веревкой, упавшей с небес, которая не могла не вытащить его из ямы; ему нужно было только тихо цепляться за нее, чтобы вновь взойти на свой трон. Соответственно, с этого часа Климент, казалось, меньше стремился покинуть замок, чем Карл освободить его. "Пока дело о разводе откладывается, - думал хитрый Медичи, - у меня есть два больших друга; но как только я вступлюсь за одного, в лице другого у меня появится смертельный враг". Он пообещал монаху не принимать никаких решений по этому вопросу, не поставив в известность императора.

Тем временем Найт, посланник нетерпеливого монарха, узнав, переходя Альпы, что папа на свободе, поспешил в Парму, где встретился с Гамбарой: "Он еще не свободен, - ответил протонотарий, - но генерал францисканцев надеется покончить со своим пленением через несколько дней. [724] Продолжайте свой путь", - добавил он. Найт не мог сделать этого без большой опасности. В Фолиньо, в шестидесяти милях от столицы, ему сказали, что без охранной грамоты он не сможет добраться до Рима, не подвергая свою жизнь опасности; Найт остановился. Как раз в этот момент гонец от Генриха принес ему депеши более срочные, чем когда-либо; Найт снова отправился в путь с одним слугой и проводником. В Монте-Ротондо он был чуть не убит жителями; но на следующий день (25 ноября), защищенный сильным штормом с ветром и дождем, [725] Посланник Генриха незамеченным въехал в Рим в десять часов и скрылся.

Поговорить с Климентом было невозможно, поскольку приказ императора был положительным. Найт, таким образом, начал *практиковаться* в обращении с кардиналами; он завоевал расположение кардинала Пизанского, с помощью которого его депеши были представлены понтифику. Климент, прочитав их, отложил в сторону с удовлетворенной улыбкой. [726] "Хорошо!" - сказал он. - "Вот *другой* идет ко мне сейчас!" Но едва наступила ночь, как секретарь кардинала Пизанского поспешил к Найту и сказал ему: "Дону Алеркону доложили о вашем прибытии, и папа умоляет вас немедленно уехать". Едва этот офицер покинул его, как прибыл протонотарий Гамбара в сильном волнении: "Его святейшество настаивает, чтобы вы ушли; как только он будет на свободе, он выполнит просьбу вашего хозяина". Через два часа после этого прибыли двести испанских солдат, окружили дом, в котором скрывался Найт, и обыскали его сверху донизу, но безрезультатно; английский агент сбежал. [727]

РАСКАЯНИЕ КОРОЛЯ.

Безопасность Найта не была истинным мотивом, побудившим Клемента настаивать на его отъезде. В тот самый день, когда папа получил послание от короля Англии, он подписал мирный договор с Карлом V, восстанавливающий ему, при определенных условиях, обе его власти. В то же время понтифик, для большей безопасности, настаивал на том, чтобы французский генерал Лотрек ускорил свой поход на Рим, чтобы спасти его из рук императора. Климент, ученик Макиавелли, таким образом, подал правую руку Карлу, а левую - Франциску; и поскольку другой

руки для Генриха у него не было, он дал ему самые положительные обещания. Каждый из трех принцев мог рассчитывать на дружбу папы римского, причем на тех же основаниях.

10 декабря (1527 г.) должно было закончиться тюремное заключение Климента; но он предпочел получить свободу благодаря интригам, а не великодушию императора. Поэтому он раздобыл одежду торговца и вечером накануне дня, назначенного для его освобождения, когда его подопечный уже сильно расслабился, сбежал из замка и, сопровождаемый только Людовиком Гонзаго, направился в Орвието.

В то время как Клемент испытывал всю радость человека, только что сбежавшего из тюрьмы, Генрих был охвачен сильнейшим волнением. Разлюбив Кэтрин, он убедил себя, что стал жертвой честолюбия своего отца, мучеником долга и поборником супружеской святости. Сама его походка выдавала его досаду, и даже среди веселых разговоров придворных из его груди вырывались глубокие вздохи. Он часто беседовал с Вулси. "Превыше всего я считаю безопасность своей души", - [728] сказал он; "но я также беспокоюсь о мире в моем королевстве. Долгое время непрекращающиеся угрызения совести терзали мою совесть, [729] и мои мысли с невыразимой печалью сосредоточены на моем браке. [730] Бог в своем гневе забрал моих сыновей, и если я буду упорствовать в этом незаконном союзе, он посетит меня еще более ужасными карами. [731] Моя единственная надежда - на святого отца". Вулси ответил низким поклоном: "С позволения вашего величества, я занят этим делом, как будто это мое единственное средство завоевать небеса".

И действительно, он удвоил свои усилия. 5 декабря (1527 г.) он написал сэру Грегори Да Казале: "Вы добьетесь аудиенции у папы любой ценой. Замаскируйся, предстань перед ним как слуга какого-нибудь дворянина, [732] или как посланец герцога Феррарского. Щедро разбрасывайте деньги; пожертвуйте всем, при условии, что добьетесь тайной встречи с его святейшеством; десять тысяч дукатов в вашем распоряжении. Ты объяснишь Клементу угрызения совести короля и необходимость обеспечить продолжение существования его дома и мир в его королевстве. Ты скажешь ему, что для того, чтобы вернуть ему свободу, король готов объявить войну императору и таким образом показать себя всему миру истинным сыном церкви.

АЛЬТЕРНАТИВА ВУЛСИ.

Вулси ясно видел, что важно представить развод Клименту VII как средство, способное обеспечить безопасность папства. Поэтому кардинал снова написал Да Казале 6 декабря: "День и ночь я прокручиваю в голове действительное состояние церкви, [733] и ищу средства, наиболее подходящие для того, чтобы вытащить папу из пропасти, в которую он попал. Пока я прокручивал эти мысли в уме бессонной ночью... внезапно мне в голову пришел один способ. Я сказал себе, что нужно убедить короля взять на себя защиту святого отца. Это было нелегко, поскольку его величество сильно привязан к императору; [734] однако я приступил к своей задаче. Я сказал королю, что его святейшество готов удовлетворить его; я поставил на карту свою честь; мне это удалось.... Чтобы спасти папу, мой господин пожертвует своими сокровищами, подданными, королевством и даже своей жизнью. [735]... Поэтому я умоляю его святейшество удовлетворить наше справедливое требование".

Никогда прежде к папе не обращались с такими настоятельными просьбами.

ГЛАВА IX.

Английские послы в Орвието — Их обращение к Папе — Климент выигрывает время — Посланники и Святая святых кардинала — Хитрость папы — Найт обнаруживает это и возвращается — Превращения Антихриста — Англичане получают новый документ — Новая хитрость — Требование второго кардинала-легата — Новый план папы — Конец кампании.

АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛЫ В ОРВИЕТО.

Посланцы короля Англии предстали в образе спасителей Рима. Это, несомненно, не было хитростью; и Вулси, вероятно, расценил эту мысль как пришедшую с небес, посетившую его во время утомительной бессонной ночи. Рвение его агентов возросло. Едва папу выпустили на свободу, как Найт и Да Казале появились у подножия отвесной скалы, на которой построен Орвието, и потребовали, чтобы их представили Клименту VII. Ничто не могло быть более компрометирующим понтифика, чем такой визит. Как он мог казаться в хороших отношениях с Англией, когда Рим и все его государства все еще находились в руках племянника Екатерины? Разум папы был совершенно сбит с толку требованием двух посланников. Однако он оправился; отвергнуть могущественную руку, протянутую ему Англией, было небезопасно; и поскольку он хорошо знал, как довести трудные переговоры до успешного завершения, Климент вновь обрел уверенность в своем мастерстве и отдал приказ представить послов Генриха.

Их речь была не лишена красноречия: "Никогда церковь не находилась в более критическом положении", - сказали они. "Безмерные амбиции королей, которые заявляют, что распоряжаются духовными делами по своему усмотрению (это было направлено против Карла V), удерживают апостольскую церковь подвешенной над пропастью. Единственная гавань, открытая для этого во время бури, - это благосклонность августейшего принца, которого мы представляем и который всегда был щитом веры. Но, увы! этот монарх, неприступный оплот вашего святейшества, сам стал жертвой невзгод, почти равных вашим собственным. Его совесть терзали угрызения совести, его корона осталась без наследника, его королевство без безопасности, его народ снова подвергся постоянным беспорядкам.... Более того, весь христианский мир предался жесточайшему раздору. [736]... Таковы последствия рокового союза, который Бог отметил своим неудовольствием.... Есть также, - добавили они, понизив голос, - некоторые вещи, о которых его величество не может говорить в своем письме ... некоторые неизлечимые расстройства, от которых страдает королева, которые никогда не позволят королю снова смотреть на нее как на свою жену. [737] Если ваше святейшество положит конец такому убожеству, аннулировав его незаконный брак, вы свяжете его величество неразрывными узами. Помощь, богатство, армии, корона и даже жизнь — король, наш повелитель, готов использовать все это на службе Риму. Он протягивает вам свою руку, святейший отец... Протяните ему свою; благодаря вашему союзу церковь будет спасена, а вместе с ней и Европа".

СМУЩЕНИЕ КЛЕМЕНТА.

Климент был жестоко смущен. Его политика заключалась в поддержании равновесия между двумя принцами, и теперь ему предстояло принять решение в пользу одного из них. Он начал жалеть, что вообще принимал послов Генриха. "Обдумайте мое положение, - сказал он им, - и умоляйте короля подождать, пока более благоприятные события не позволят мне действовать".

— "Что? - гордо ответил Найт. - Разве ваше святейшество не обещали рассмотреть молитву его величества? Если ты не исполнишь свое обещание сейчас, как я могу убедить короля, что ты сдержишь его когда-нибудь в будущем? [738] Да Казале решил, что пришло время нанести решающий удар. "Какое зло, - воскликнул он, - какие неизбежные несчастья принесет ваш отказ!... Император думает только о том, чтобы лишить церковь ее власти, и только король Англии поклялся поддерживать ее". Затем, говоря тише, медленнее и останавливаясь на каждом слове, он продолжил: "Мы опасаемся, что его величество, доведенный до таких крайностей ... из двух зол выберет *наименьшее*, [739] и поддерживаемый чистотой своих намерений, будет делать *по собственному усмотрению* ... чего он сейчас так почтительно требует.... Что же мы тогда увидим?... Я содрогаюсь при этой мысли.... Пусть ваше святейшество не тешит себя ложной уверенностью, которая неизбежно затянет вас в пропасть.... Прочитать все ... отмечайте все ... божественное все... принимайте к сведению все. [740]... Святейший отец, это вопрос жизни и смерти". И тон Да Казале сказал больше, чем его слова.

Климент понимал, что положительный отказ грозит ему потерей Англии. Оказавшись между Генрихом и Карлом, как между молотом и кузницей, он решил выиграть время. "Что ж, - сказал он Найту и Да Казале, - я сделаю то, о чем вы просите; но я не знаком с *формами*, которых требуют эти разрешения.... Я проконсультируюсь по этому вопросу с кардиналом в *Святилище Кватуор* ... а затем проинформирую вас.

РАЗРЕШЕНИЕ ПОЛУЧЕНО.

Найт и Да Казале, желая опередить Климента VII, поспешили к Лоренцо Пуччи, кардиналу Святой четверки, и намекнули ему, что их господин знает, как быть благодарными. Кардинал заверил депутатов в своей привязанности к Генриху VIII, и они, в полноте своей благодарности, положили перед ним четыре документа, которые им очень хотелось оформить. Но кардинал едва взглянул на первое — предложение о том, чтобы Вулси решил вопрос о разводе в Англии, - как воскликнул: "Невозможно! ... булла в таких выражениях покрыла бы вечным позором не только его святейшество и короля, но даже самого кардинала Йоркского. Депутаты были сбиты с толку, поскольку Вулси приказал им не просить у папы ничего, кроме его подписи. [741] Придя в себя, они заявили: "Все, что нам требуется, - это *компетентная* комиссия". Со своей стороны, папа написал Генриху письмо, в котором ему удалось ничего не сказать. [742]

Из четырех требуемых документов Найт и Да Казале настаивали на немедленной отправке двух: это было *поручение* объявить о разводе и *разрешение* на заключение второго брака. *Разрешение без поручения* не имело никакой ценности; это папа хорошо знал; соответственно, он решил дать только *разрешение*. Это выглядело так, как если бы Карл, находясь в тюрьме, разрешил Клименту навещать своих кардиналов, но отказал ему в свободе покидать замок Святого Анджело. Именно таким образом религиозная система, преобразованная в политическую, прибегает, когда она лишена власти, к военной хитрости. "*Поручение*, - сказал хитрый Медичи Найту, - должно быть исправлено в соответствии со стилем нашего двора; но вот *разрешение*". Найт взял документ; он был адресован Генриху VIII и гласил так: "Мы предоставляем вам, в случае, если ваш брак с Екатериной будет признан недействительным, [743] свободу взять другую жену, при условии, что она не была женой вашего брата" Англичанин был обманут итальянцем. "По моему недальновидности, - сказал он, - этот документ нам пригодится". После этого Климент, казалось, заботился исключительно о здоровье Найта и внезапно проявил к нему величайший интерес. "Вполне уместно, что вы поторопились с

отъездом, - сказал он, - поскольку необходимо, чтобы вы путешествовали *непринужденно*. Гамбара последует за вами на почту и привезет заказ ". Найт, озадаченный таким образом, попрощался с папой, который аналогичным образом избавился от Да Казале и Гамбары. Затем он снова начал дышать. В Европе не было дипломатии, которую Рим, даже при его величайшей слабости, не смог бы легко обмануть.

РЫЦАРЬ, ОБМАНУТЫЙ ПАПОЙ РИМСКИМ.

Теперь стало необходимо ускользнуть от комиссии. В то время как королевские посланники отбывали в хорошем настроении, рассчитывая на документ, который должен был последовать за ними, генеральный испанского обряда повторил понтифику всеми тонами: "Будьте осторожны, не выдавайте никаких документов, разрешающих развод, и, прежде всего, не допускайте, чтобы это дело рассматривалось в штатах Генриха". Кардиналы составили этот документ под влиянием Де Анджелиса и превратили его в шедевр незначительности. Если хорошее богословие облагораживает сердце, то плохое богословие, столь богатое тонкостями, наделяет ум навыком, отнюдь не обычным; и поэтому самые знаменитые дипломаты часто были церковниками. Составив таким образом акт, папа отправил три копии Найту, Да Казале и Гамбаре. Найт был недалеко от Болоньи, когда его нагнал курьер. Он был ошеломлен и, взяв почтовых лошадей, со всей поспешностью вернулся в Орвието. [744] Гамбара проследовал через Францию в Англию с бесполезным *разрешением*, дарованным папой.

ПАПА ДАЕТ ПОРУЧЕНИЕ.

Найт думал, что при дворе папы будет больше добрых людей, чем при королях, и его перехитрили. Что сказали бы Уолси и Генри о его безрассудстве? Его уязвленное самолюбие начало заставлять его верить всему, что Тиндейл и Лютер говорили о папстве. Первый только что опубликовал "*Послушание христианина*" и "*Притчу о нечестивой Маммоне*", в которой он представлял Рим как одно из воплощений Антихриста. "Антихрист, - сказал он в последнем трактате, - это не человек, который должен внезапно появиться с чудесами; это духовное существо, которое было в Ветхом Завете, а также во времена Христа и апостолов, и есть сейчас, и будет (я не сомневаюсь) существовать до конца света. Его природа такова (когда он побежден Словом Божьим), что он на время выходит из игры и переодевается, а затем снова появляется с новым именем и в новой одежде. Книжники и фарисеи в Евангелии были настоящими антихристами; папы, кардиналы и епископы получили свои новые имена, но суть все равно одна. Даже сейчас, когда мы произнесли [обнаружили] его, *он еще раз изменит себя* и превратится в ангела света. Уже зверь, видя, что его теперь ищут, рычит и ищет новые норы, чтобы спрятаться, и меняет себя на тысячу видов". [745] Эта идея, поначалу парадоксальная, постепенно проникла в умы людей. Римляне своей практикой приучили англичан к несколько грубоватым описаниям реформаторов. Англии предстояло получить много таких уроков и, таким образом, постепенно научиться отставлять Рим в сторону ради своей собственной славы и процветания.

Найт и Да Казале прибыли в Орвието примерно в одно и то же время. Климент со вздохом ответил: "Увы! Я пленник императора. Империалисты каждый день грабят города и замки по соседству с нами. [746]... Какой же я негодяй! У меня нет друга, кроме короля, твоего повелителя, а он далеко.... Если я сейчас сделаю что-нибудь, что вызовет неудовольствие Карла, я пропащий человек.... Подписать это поручение означало бы подписать вечный разрыв с ним ". Но Найт и Да Казале так убедительно умоляли кардинала Sanctorum Quatuor и так

настаивали на Клименте, что понтифик без ведома испанца Де Анджелиса выдал им более удовлетворительный документ, но не такой, как требовал Вулси. "Давая вам это поручение, - сказал папа, - я отдаю свою свободу и, возможно, свою жизнь. Я прислушиваюсь не к голосу благоразумия, а только к голосу любви. Я полагаюсь на великодушие короля Англии, он хозяин моей судьбы". Затем он начал плакать, [747] и, казалось, был готов упасть в обморок. Рыцарь, забыв о своей досаде, пообещал Клименту, что король сделает все, чтобы спасти его. "Ах!" — сказал папа. "Есть одно действенное средство". "Что это?" — спросили агенты Генриха. "М. Лотреку, который каждый день говорит, что приедет, но никогда этого не делает, - ответил Клеман, - нужно только как можно скорее привести французскую армию к воротам Орвието; тогда я мог бы извиниться, сказав, что он вынудил меня подписать это поручение". [748]— "Нет ничего проще, - ответили посланники, - мы пойдем и ускорим его прибытие".

ГЕНРИХ ТРЕБУЕТ ДРУГОГО ЛЕГАТА.

Климент и сейчас чувствовал себя не в своей тарелке. Безопасность римской церкви беспокоила его не меньше, чем его собственная ... Карл мог раскрыть уловку и заставить папство пострадать за это. Опасность подстерегала со всех сторон. Если англичане говорили о *независимости*, разве император не угрожал *реформой*?... Католические князья, заявили папские советники, способны, возможно, без единого исключения, поддержать дело Лютера для удовлетворения преступных амбиций. [749] Папа поразмыслил и, взяв свое слово, пообещал дать поручение, когда Лотрек будет под стенами Орвието; но английские агенты настояли на том, чтобы получить его немедленно. Чтобы примирить всех, было решено, что папа должен немедленно предоставить требуемый документ, но как только прибудет французская армия, он должен прислать еще одну копию с датой того дня, когда он видел Лотрека. "Умоляя короля сохранить в тайне поручение, которое я тебе даю", - [750] сказал Климент VII Найту; "Если он начнет процесс немедленно, он его получит, я погиб навсегда". [751] Таким образом, папа римский разрешил действовать при условии, что он не будет действовать вообще. Найт взял отпуск 1 января 1528 года; он пообещал все, что пожелал понтифик, а затем, словно опасаясь каких-то новых трудностей, отбыл в тот же день. Да Казале, со своей стороны, после того, как предложил кардиналу Sanctorum Quatuor подарок в 4000 крон, от которого тот отказался, отправился к Лотреку, чтобы умолять его *заставить* папу подписать документ, который уже находился на пути в Англию.

Но в то время как в Риме дела, казалось, налаживались, в Лондоне становилось все сложнее. О проекте короля узнали, и Екатерина предалась глубочайшему огорчению. - Я протестую, - сказала она, - против поручения, данного кардиналу Йоркскому. Разве он не подданный короля, не подлый льстец его удовольствиям? Екатерина сопротивлялась не одна; народ, ненавидевший кардинала, не мог с удовольствием видеть, как он облечен такой властью. Чтобы устранить это неудобство, Генрих решил попросить папу назначить другого кардинала, который был бы уполномочен прекратить дело в Лондоне с Вулси или без него.

Последний согласился на эту меру; возможно даже, что он был первым, кто предложил ее, поскольку боялся в одиночку нести ответственность за столь отвратительное расследование. Соответственно, 27 декабря он написал королевским агентам в Риме: "Обеспечьте посланнику легата, и особенно способного, *управляемого* легата... желая заслужить благосклонность короля, [752], например, Кампеджио. Вы убедительно попросите кардинала, который может

быть выбран, путешествовать со всем усердием и заверите его, что король будет вести себя либерально по отношению к нему". [753]

НОВЫЙ ПЛАН ПАПЫ римского.

Найт добрался до Асти 10 января, где нашел письма со свежими приказами. Это была еще одна проверка: в одно время именно папа римский принуждал его к ретроградству, в другое - король. Незадачливый валансуазианский секретарь Генри, человек, очень подверженный переутомлению, и без того измотанный десятью мучительными путешествиями, был в очень плохом настроении. Он решил разрешить Гамбаре перевезти два документа в Англию; поручить Да Казале, который не покидал окрестностей папы, добиться отправки легата; а самому отправиться и ждать дальнейших распоряжений в Турине: "Если королевское высочество сочтет благом, чтобы я вернулся в Орвието, я сделаю все, что *сможет вынести мое бедное тело*". [754]

Когда Да Казале добрался до Болоньи, он настоял на том, чтобы Лотрек поехал и заставил понтифика подписать акт, который Гамбара уже вез в Англию. Получив новые депеши, он со всей поспешностью вернулся в Орвието, и папа был очень встревожен, когда услышал о его прибытии. Он побоялся выдать простую бумагу, которой суждено было остаться *тайной*, а теперь от него требуют прислать князя церкви! Неужели Генри никогда не будет удовлетворен? "Миссия, о которой вы мечтаете, была бы полна опасностей, - ответил он, - но мы нашли другое средство, единственное, способное довести это дело до конца. Имейте в виду, вы не говорите, что я указал вам на это, - таинственным тоном добавил папа, - но что это было предложено кардиналом Санкторум Кватуор и Симонеттой. Да Казале был весь внимание. "В мире нет врача, который мог бы лучше решить этот вопрос и его самые частные обстоятельства, чем сам король. [755] Поэтому, если он искренне верит, что Кэтрин действительно стала женой его брата, пусть он уполномочит кардинала Йоркского объявить о разводе и позволит ему взять другую жену без каких-либо дальнейших церемоний; [756] затем он может потребовать подтверждения консисторией. Раз дело завершилось таким образом, остальное я беру на себя." — "Но, - сказал Да Казале, несколько недовольный этой новой интригой, - я должен выполнить свою миссию, а король требует легата". — "И кого же мне послать", - спросил Климент. "Da Monte? он не может пошевелиться. De Cæsis? он сейчас в Неаполе. Ara Coeli? у него подагра. Piccolomini? он из императорской партии.... Кампеджио подошел бы лучше всего, но он в Риме, где замещает меня, и не может уехать без риска для церкви".... И затем с некоторым волнением добавил: "Я бросаюсь в объятия его величества. Император никогда не простит того, что я делаю. Если он услышит об этом, он вызовет меня на *свой совет*; у меня не будет покоя, пока он не лишит меня трона и жизни. [757]

Да Казале поспешил переслать в Лондон результаты конференции. Климент, будучи не в состоянии развязать узел, попросил Генриха разрубить его. Будет ли этот принц колебаться, прибегая к столь простому средству, поскольку папа (Климент сам заявил об этом) готов ратифицировать все?

На этом заканчивается первая кампания Генриха на территориях папства. Сейчас мы увидим результаты стольких усилий.

ГЛАВА X.

Разочарование в Англии—Война, объявленная Карлу V—Уолси желает добиться его низложения Папой Римским—Новый план—Посольство Фокса и Гардинера—Их прибытие в Орвието—Их первое интервью с Климентом—Папа читает трактат Генри—Угрозы Гардинера и обещание Климента—Современный Фабий—Новое интервью и угрозы—У папы нет *ключа*—Предложение Гардинера—Трудности и задержки кардиналов—Последние удары Гардинера—Неудачи Карла V в Италии—Террор Папы и уступки — Предложение Гардинера *Поручение* выполнено —Вулси требует *Участия*— Лазейка — Отчаяние папы.

РАЗОЧАРОВАНИЕ В АНГЛИИ.

Никогда еще разочарование не было более полным, чем то, которое испытали Генрих и Вулси после прибытия Гамбары с поручением; король был разгневан, кардинал раздосадован. То, что Климент назвал *жертвоприношением своей жизни*, на самом деле было всего лишь листом бумаги, годным только для того, чтобы его бросили в огонь. "Это поручение не имеет никакой ценности", - [758] сказал Вулси.— "И даже для того, чтобы привести его в исполнение, - добавил Генри, - мы должны подождать, пока империалисты покинут Италию! Папа откладывает нас до греческих календарей". — "Его святейшество, — заметил кардинал, — не связывает себя объявлением о разводе; поэтому королева обжалует наше решение". - "И даже если бы папа связал себя, - добавил король, - императору было бы достаточно улыбнуться ему, чтобы заставить его отказаться от своего обещания". - "Все это обман и насмешка", - заключили король и министр.

КАРЛУ ОБЪЯВЛЕНА ВОЙНА.

Что делать дальше? Единственный способ сделать Клемента нашим, подумал Вулси, - это избавиться от Чарльза; пришло время смирить его гордыню. Соответственно, 21 января 1528 года Франция и Англия объявили военные действия против императора. Когда Карл услышал об этом, он воскликнул: "Я знаю руку, которая забросила факел войны в центр Европы. Мое преступление в том, что я не сажал кардинала Йоркского на трон Святого Петра".

Простого объявления войны Вулси было недостаточно; епископ Байоннский, посол Франции, увидев его однажды несколько взволнованным, [759] прошептал ему на ухо: "В прежние времена папы низлагали императоров за меньшие проступки". Низложение Карла избавило бы короля Франции от опасного соперника, но Дю Белле, опасаясь проявлять инициативу в столь смелом предприятии, предложил эту идею кардиналу. Вулси задумался: такая мысль никогда раньше не приходила ему в голову. По словам Дю Белле, отведя посла в сторону, к окну, он там *твердо* поклялся, что будет рад использовать все свое влияние, чтобы добиться низложения Карла папой. "Никто так не склонен, как вы, - ответил епископ, - склонить Климента к этому". — "Я воспользуюсь всем своим доверием", - ответил Вулси, и оба священника разошлись. Кардинал никогда не забывал об этой блестящей идее. Карл отнял у него тиару; он отомстит, лишив Карла короны. *Око за око и зуб за зуб*. Стаффилео, декан Рота, находился тогда в Лондоне и, все еще пылая негодованием против автора "Разграбления Рима", благосклонно воспринял предложения Вулси, сделанные ему; и, наконец, посланник Джона Запольи, избранного короля Венгрии, поддержал проект. Но королей Франции и Англии не так-то легко

было убедить предоставить королевские троны в распоряжение священников. Однако, по-видимому, папу выслушали по этому поводу; и если бы император потерпел поражение в Италии, вполне вероятно, что булла была бы направлена против него. Его меч сохранил его корону, и заговор двух епископов провалился.

Королевские советники начали искать менее героические средства. "Мы должны расследовать это дело в *Риме*", — говорили одни. "Нет, — говорили другие, — в *Англии*. Папа слишком боится императора, чтобы лично объявить о разводе". — "Если папа боится императора больше, чем короля Англии, — воскликнул гордый Тюдор, — мы найдем какой-нибудь другой способ успокоить его". [760] Таким образом, при первом же противоречии Генрих положил руку на меч и пригрозил разорвать узы, которые связывали его королевство с тронном итальянского понтифика.

НОВЫЙ ПРОЕКТ ВУЛСИ.

- Я попал в точку! - сказал наконец Вулси. - Мы должны объединить два клана — судить дело в Лондоне и в то же время связать понтифика в Риме. И тогда способный кардинал предложил проект буллы, которой папа, делегируя свои полномочия двум легатам, должен был заявить, что акты этого делегирования должны иметь бессрочную силу, несмотря на любые противоречащие им указы, которые впоследствии могут исходить от его непогрешимого авторитета. [761] Для реализации этого смелого проекта была определена новая миссия.

Вулси, раздраженный безрассудством Найта и его коллег, желал мужчин другого склада. Поэтому он обратил свой взор на своего собственного секретаря Стивена Гардинера, человека деятельного, умного, гибкого и хитроумного, образованного канониста, желавшего благосклонности короля и, прежде всего, хорошего романиста, что в Риме было не лишено своих преимуществ. Гардинер в малом был живым воплощением своего учителя, и поэтому кардинал иногда называл его *половинкой самого себя*. [762] К нему присоединился главный раздавший милостыни Эдвард Фокс - умеренный, влиятельный человек, близкий друг Генри и ревностный сторонник развода. Фокс был назначен первым в комиссии, но было решено, что настоящим главой посольства должен быть Гардинер. "Непрестанно повторяйте, - сказал им Вулси, - что его величество не может поступить иначе, как отделиться от королевы. Атакуйте каждого с его слабой стороны. Объявите папе, что король обещает защищать его от императора, а кардиналам - что их услуги будут благородно вознаграждены. [763] Если этого недостаточно, пусть энергия ваших слов будет такой, чтобы возбудить в понтифике здоровый страх".

Фокс и Гардинер после любезного приема Франциска I в Париже (23 февраля) прибыли в Орвието 20 марта, после многих опасностей, и в таком беспорядке, что никто не мог принять их за послов Генриха VIII. "Что за город! - восклицали они, проходя по его улицам. - Какие руины, какая нищета! Он действительно называется Орвието (*urbs vetus*)!" Состояние города не давало им представления о состоянии папства, и они вообразили, что при столь плохом положении понтифика их переговоры не могли быть иначе как легкими. "Я отдаю вам свой дом", - сказал Да Казале, к которому они направились, "свою комнату и свою кровать"; и поскольку они высказали некоторые возражения, он добавил: "Поселить вас в другом месте невозможно; я даже был вынужден одолжить все необходимое, чтобы принять вас". [764] Да Казале, настаивая на том, чтобы они сменили одежду, с которой все еще капало (у них было мокрое белье). только что переправились через реку на своих мулах), они ответили, что, будучи вынуждены

путешествовать с почтой, не смогли захватить с собой смену одежды. - Увы! - воскликнул Казале. - что же делать? в Орвието мало кто имеет больше одной одежды; [765] даже у владельцев магазинов нет одежды для продажи; этот город - настоящая тюрьма. Люди говорят, что папа римский здесь на свободе. Действительно, прекрасная свобода! Нужда, нечистый воздух, убогое жилье и тысяча других неудобств удерживают святого отца ближе, чем когда он был в замке Святого Анджело. Соответственно, сказал он мне на днях, лучше быть в плену в Риме, чем на свободе здесь". [766]

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ У ПАПЫ РИМСКОГО.

Однако за два дня им удалось раздобыть немного новой одежды; и, поскольку теперь они были в состоянии показать себя, агенты Генриха были допущены на аудиенцию после обеда в понедельник, 22 марта (1528 г.).

Да Казале провел их к старому зданию, лежащему в руинах. "Здесь живет его святейшество", - сказал он. Они с удивлением посмотрели друг на друга и, переступив через валявшийся повсюду мусор, прошли через три комнаты, потолки которых обвалились, на окнах не было занавесок, и в которых тридцать человек "сброда" стояли у голых стен для украшения". [767] Это был папский двор.

Наконец послы добрались до комнаты понтифика и вложили ему в руки письма Генриха. "Ваше святейшество, - сказал Гардинер, - посылая королю разрешение, было приятно добавить, что, если этого документа недостаточно, вы охотно предоставили бы лучший. Это та милость, которой король сейчас жаждет". Папа со смущением попытался смягчить свой отказ. "Мне сообщили, - сказал он, - что король руководствуется в этом деле тайной склонностью и что леди, которую он любит, далеко не достойна его". Гардинер твердо ответил: "Король действительно заслуживает того, чтобы жениться снова после развода, чтобы у него мог быть наследник короны; но женщина, на которой он собирается жениться, движима самыми благородными чувствами; кардинал Йоркский и вся Англия преклоняются перед ее добродетелями". [768] Папа выглядел убежденным. "Кроме того, - продолжал Гардинер, - король написал книгу о мотивах своего развода". — "Хорошо! приходи и прочти мне это завтра, - ответил Клемент.

ВТОРАЯ АУДИЕНЦИЯ.

На следующий день, едва появились английские послы, Клемент взял книгу Генриха, пробежал по ней глазами, расхаживая взад и вперед по комнате, а затем, усевшись на длинную скамью, покрытую старым ковром, "не стоившим и двадцати пенсов", - говорит летописец, - он прочитал книгу вслух. Он подсчитывал количество аргументов, выдвигал возражения так, как будто Генри присутствовал при этом, и громоздил их одно на другое, не дожидаясь ответа. "Браки, запрещенные в Книге Левит, - сказал он коротко и отрывисто, - разрешены во Второзаконии; теперь, когда Второзаконие следует за Левитом, мы связаны последним. На карту поставлена честь Екатерины и императора, и развод приведет к ужасной войне". [769] Папа продолжал говорить, и всякий раз, когда англичане пытались ответить, он приказывал им замолчать и продолжал читать. "Это превосходная книга, - сказал он, однако, вежливым тоном, когда закончил. - Я оставляю ее себе, чтобы перечитать еще раз на досуге". Затем Гардинер представил проект поручения, которого требовал Генрих, Климент ответил: "Сейчас уже слишком поздно смотреть на это; предоставьте это мне". — "Но мы спешим", — добавил

Гардинер. - "Да, да, я знаю это", - сказал папа. Все его усилия были направлены на то, чтобы затянуть дело.

28 марта послов провели в комнату, в которой спал папа; тогда с ним находились кардиналы Санкторум Кватуор и Де Монте, а также член совета Роты Симонетта. Стулья были расставлены полукругом. - Садитесь, - сказал Клемент, стоявший посередине. [770] "Мастер Гардинер, теперь скажите мне, чего вы хотите". — "Между нами нет вопроса, кроме вопроса о *времени*. Вы обещали утвердить развод, как только он будет объявлен; и мы требуем, чтобы вы сделали *до* того, что вы обязуетесь сделать *после*. То, что правильно в один день, должно быть правильным и в другой". Затем, повысив голос, англичанин добавил: "Если его величество поймет, что ему оказывают не больше уважения, чем простому человеку, [771] он прибегнет к *средству*, которое я не буду называть, но которое не подведет в своем действии".

ВРЕМЕНЩИК.

Папа и его советники молча посмотрели друг на друга; [772] они поняли его. Властный Гардинер, отметив произведенный им эффект, затем добавил непререкаемым тоном: "У нас есть инструкции, и мы полны решимости придерживаться их". — "Я готов сделать все, что совместимо с моей честью", — в тревоге воскликнул Клемент. - "То, что ваша честь не позволила бы вам предоставить, - сказал гордый посол, - честь короля, моего повелителя, не позволила бы ему просить". Речь Гардинера с каждой минутой становилась все более повелительной. "Что ж, тогда, - сказал Климент, доведенный до крайности, - я сделаю то, что требует король, и если император разгневан, я ничего не могу с этим поделать". Беседа, начавшаяся со шторма, закончилась при свете солнца.

Этот яркий проблеск вскоре исчез: Климент, который воображал, что видит в Генрихе Ганнибала, воюющего с Римом, захотел сыграть роль посредника, *Фабия Кунктатора*. "*Bis dat qui cito dat*", [773] резко сказал Гардинер, заметивший этот маневр. "Это вопрос права, - ответил папа, - и поскольку я очень невежествен в этих вопросах, я должен дать докторам канонического права необходимое время, чтобы все прояснить". — "Своими промедлениями Фабий Максим спас Рим, - возразил Гардинер, - вы же своими погубите его". [774]— "Увы! - воскликнул папа, - если я скажу, что король прав, мне придется вернуться в тюрьму". [775]— "Когда речь идет об истине, - сказал посол, - какое значение имеют мнения людей?" Гардинер говорил непринужденно, но Клемент обнаружил, что замок Святого Ангела не лишен веса на чаше весов. "Вы можете быть уверены, что я сделаю все к лучшему", - ответил современный Фабиус. На этих словах совещание закончилось.

ПАПА РИМСКИЙ БЕЗ КЛЮЧА.

Такова была борьба Англии с папством — борьба, которая должна была закончиться окончательным разрывом. Гардинер знал, что ему предстоит иметь дело с искусным противником; слишком хитрый, чтобы позволить себе раздражаться, он хладнокровно решил напугать понтифика: это было в его инструкциях. В пятницу перед Вербным воскресеньем его провели в кабинет папы; там он застал Климента в сопровождении Де Монте, Санкторум Кватуор, Симонетты, Стаффилео, Павла, аудитора Роты, и Гамбары. "Невозможно, - заявили кардиналы, - предоставить декретное поручение, в котором папа *де-юре* высказывается за развод с обещанием подтверждения *де-факто*". Гардинер настаивал; но никакие уговоры, "ни дульси, ни пойнанте", [776] не смогли сдвинуть понтифика с места. Посланник решил, что

настал момент разрядить свой самый сильный аккумулятор. "О порочный народ, - сказал он министрам понтифика, - вместо того чтобы быть безобидными, как голуби, вы полны лицемерия и злобы, как змеи; обещаете все, но ничего не выполняете. [777] Англия будет вынуждена поверить, что Бог забрал у вас ключ к знанию и что законы пап, неоднозначные для самих пап, годятся только для того, чтобы быть брошенными в огонь. [778] Король до сих пор сдерживал свой народ, нетерпеливый к римскому игу; но теперь он передаст им бразды правления ". Последовало долгое и мрачное молчание. Затем англичанин, внезапно изменив тон, тихо подошел к Клементу, который встал со своего места, и тихим голосом попросил его хорошенько обдумать, чего от него требует правосудие. "Увы! - ответил Климент. - Повторяю вам еще раз, я невежествен в этих вопросах. Согласно принципам канонического права, *папа хранит все законы на скрижалях своего сердца*, [779] но, к сожалению, Бог никогда не давал мне *ключа*, который открывает их". Поскольку он не мог отделаться молчанием, Климент отступил под прикрытием шуток и опрометчиво произнес осуждение папства. Если бы он никогда не получал знаменитого *ключа*, не было бы причин, по которым им должны были обладать другие понтифики. На следующий день он нашел другую лазейку; ибо, когда послы сказали ему, что король продолжит это дело без него, он вздохнул, достал свой носовой платок и сказал, вытирая глаза: [780] "Молю Бога, чтобы я умер!" Климент использовал слезы в качестве политического двигателя.

"Мы не получим *декретной* комиссии" (той, которая объявила о разводе), - сказали Фокс и Гардинер после этого, - "и в этом нет особой необходимости. Давайте потребуем *генеральной* комиссии (уполномочивающей легатов произносить это) и потребуем обещания, которое заменит действие, в котором нам отказано ". Климент, который был готов дать все обещания в мире, поклялся утвердить приговор легатов без промедления. Затем Фокс и Гардинер представили Симонетте проект требуемого акта. Декан, прочитав это, вернул его посланникам, сказав: "Я думаю, это очень хорошо, за исключением *конца*; [781] покажите это Sanctorum Quatuor". На следующее утро они отнесли рецепт этому кардиналу: "Как давно для пациента стало правилом выписывать рецепт? Я всегда думал, что это дело врача". — "Никто не знает болезнь так хорошо, как пациент, - ответил Гардинер. - и эта болезнь может быть такой природы, что врач не может назначить лекарство, не посоветовавшись с пациентом". Sanctorum Quatuor прочитал рецепт, а затем вернул его, сказав: "Это неплохо, за исключением *начала*. [782] Отнесите черновик Де Монте и другим членам совета". Последнему не понравились ни начало, ни середина, ни конец. - Мы пришли за вами сегодня вечером, - сказал Де Монте.

НОВАЯ ТРАГЕДИЯ.

По прошествии трех или четырех дней посланцы Генриха снова нанесли визит папе, который показал им проект, подготовленный его советниками. Гардинер, отметив в нем дополнения, сокращения и исправления, презрительно отшвырнул его от себя и холодно сказал: "Ваше святейшество обманывает нас; вы выбрали этих людей в качестве инструментов вашего двуличия". Климент, встревоженный, послал за Симонеттой; и после жаркого обсуждения, [783] послы, более недовольные, чем когда-либо, покинули папу в час ночи.

Ночь приносит мудрость. "Я хотел бы сказать еще только два маленьких слова в комиссии", - сказал Гардинер на следующий день Клементу и Симонетте. Папа попросил Симонетту немедленно явиться к кардиналам; последние сообщили, что они на обеде, и отложили дело до завтра.

Когда Гардинер услышал об этом эпикурейском послании, он подумал, что пришло время нанести решающий удар. Началась новая трагедия. [784] "Мы обмануты, - воскликнул он, - вы смеетесь над нами. Это не тот способ завоевать благосклонность принцев. Вода, смешанная с вином, портит его; [785] ваши исправления аннулируют наш документ. Эти невежественные и подозрительные священники заколдовали наш проект так, как будто под каждым словом скрывался скорпион. [786]— Вы заставили нас приехать в Италию, - сказал он Стаффилио и Гамбаре, - подобно ястребам, которых охотник приманивает, протягивая им кусок мяса; [787] и теперь, когда мы здесь, приманка исчезла, и вместо того, чтобы дать нам то, что мы искали, ты притворяешься, что убаюкиваешь нас сладким воем сирен. [788] Затем, повернувшись к Клименту, английский посланник добавил: "Вашему святейшеству придется ответить за это". Папа вздохнул и вытер слезы. "Богу было угодно, - продолжал Гардинер, тон которого с каждой минутой становился все более угрожающим, - чтобы мы увидели собственными глазами, каково настроение здешних людей. Пришло время покончить с этим. Генрих не обычный принц, — имейте в виду, что вы оскорбляете *защитника веры*.... Вы потеряете благосклонность единственного монарха, который защищает вас, и апостольская кафедра, и без того шатающаяся, рассыплется в прах и полностью исчезнет под аплодисменты всего христианского мира".

УЖАС ПАПЫ римского.

Гардинер сделал паузу. Папа был тронут. Состояние Италии, казалось, подтверждало, но слишком сильно, зловещие предсказания посланника Генриха VIII. Императорские войска, напуганные и преследуемые Лотреком, оставили Рим и отступили к Неаполю. Французский генерал преследовал эту жалкую армию Карла V, опустошенную эпидемией и развратом; Дориа во главе своих галер уничтожил испанский флот; империалистам остались только Гаэта и Неаполь; и Лотрек, осаждавший последнее место, написал Генриху 26 августа, что все скоро будет кончено. Робкий Климент VII внимательно наблюдал за всеми этими катастрофами. Соответственно, едва Гардинер сообщил об опасности, угрожавшей папскому престолу, как он побледнел от страха, вскочил со своего места, в ужасе простер руки, как будто хотел отразить нападение какого-то чудовища, готового его сожрать, и воскликнул: "Пишите, пишите! Вставляйте любые слова, какие вам заблагорассудится. Говоря это, он ходил взад и вперед по комнате, воздевая руки к небу и глубоко вздыхая, в то время как Фокс и Гардинер, стоя неподвижно, молча наблюдали за происходящим. Бурный ветер, казалось, волновал глубины бездны; послы ждали, пока буря утихнет. Наконец Климент пришел в себя, [789] привел несколько тривиальных оправданий и отправил в отставку министров Генриха. Был час после полуночи.

Ни мораль, ни религия, ни даже законы церкви не побудили Климента отказаться от развода; честолюбие и страх были его единственными мотивами. Он бы пожелал, чтобы Генрих сначала заставил императора вернуть ему его территории. Но король Англии, который чувствовал себя неспособным защитить папу от Карла, потребовал, однако, чтобы этот несчастный понтифик вызвал гнев императора. Климент пожинал плоды той роковой системы, которая превратила церковь Иисуса Христа в жалкое сочетание политики и хитрости.

ПОМОЛВКА РАСТОРГНУТА.

На следующий день, когда буря полностью утихла, [790] Sanctorum Quatuor исправил комиссию. Оно было подписано свинцовой печатью, прикрепленной к куску бечевки, и затем

передано Гардинеру, который прочитал его. Булла была адресована Вулси и "уполномочивала его, в случае, если он признает брак Генриха недействительным, вынести судебный приговор о разводе, но без шума или демонстрации осуждения; [791] для этой цели он мог бы взять любого английского епископа своим коллегой". — "Все, что мы можем сделать, можете сделать и вы", - сказал папа. "Мы очень сомневаемся, - сказал назойливый Гардинер после прочтения буллы, - удовлетворит ли его величество это поручение, без пунктов о *конфирмации* и *аннулировании*, но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы заставить его принять его". — "Прежде всего, не говорите о наших разногласиях", - сказал папа. Гардинер, как осторожный дипломат, не постеснялся зашифровать каждую деталь в письмах, откуда почерпнуты эти сведения. "Скажите королю, - продолжал понтифик, - что это поручение с моей стороны является объявлением войны императору и что отныне я отдаю себя под защиту его величества". Главный благотворитель Англии отбыл в Лондон с драгоценным документом.

Но одна буря следовала одна за другой. Фокс вскоре покинул Орвието, когда от Вулси пришли новые письма с требованием принять четвертый из ранее запрошенных актов, а именно *обязательство* ратифицировать в Риме все, что уполномоченные могут решить в Англии. Гардинер должен был взяться за это *вовремя и не вовремя*; устное обещание папы ничего не значило; этот документ должен быть у него, независимо от того, болен ли папа, умирает ли он. [792] "Я и Король мой, его величество и я приказываем вам", - сказал Вулси. "этот развод имеет для нас большее значение, чем двадцать пап". [793] Английский посланник повторил их требование. "Поскольку вы отказываетесь от декрета, - сказал он, - есть более веская причина, по которой вам не следует отказываться от *помолвки*". Это заявление вызвало новую дискуссию и новые слезы. Климент снова уступил; но итальянцы, более хитрые, чем Гардинер, оставили в документе лазейку, через которую понтифик мог сбежать. Посыльный Фаддей доставил его в Лондон, и Гардинер уехал из Орвието в Рим, чтобы посоветоваться с Кампеджио.

Климент был человеком проницательного ума, и хотя он не хуже любого другого умел произнести умную речь, он был нерешительным и робким; и, соответственно, вскоре после того, как было отправлено поручение, он раскаялся..... Полный отчаяния, он расхаживал по разрушенным покоям своего старого дворца и воображал, что видит нависший над его головой страшный меч Карла Пятого, острие которого он уже ощутил. "Я несчастен, - сказал он, - но меня окружают жестокие волки; они разевают пасть, чтобы проглотить меня.... Я не вижу вокруг себя никого, кроме врагов. Во главе их император.... Что он будет делать? Увы! Я согласился на это роковое поручение, от которого генерал испанского ордена повелел мне отказаться. За Карлом идут венецианцы, флорентийцы, герцог Феррарский.... Они бросили жребий на мое одеяние. [794]... Следующим идет король Франции, который ничего не обещает, но наблюдает, скрестив руки на груди; или, скорее, какое вероломство! призывает меня в этот критический момент лишить Карла V его короны.... И последнее, но не менее важное: Генрих VIII, *защитник веры*, позволяет себе ужасные угрозы в мой адрес.... Император желает сохранить королеву на троне Англии; последняя - низложить ее.... Молил бы Бог, чтобы Екатерина была в могиле! Но, увы! она жива... быть яблоком раздора, разделяющим две величайшие монархии, и неизбежной причиной гибели папства.... Жалкий я человек! как жестока моя растерянность, и вокруг себя я не вижу ничего, кроме ужасного замешательства". [795]

ГЛАВА XI.

Отчет Фокса Генри и Анне—Впечатление Вулси—Он требует Декреталии—Один из мелких маневров кардинала—Он успокаивает свою совесть—Гардинер терпит неудачу в Риме—Новое вероломство Вулси—Гнев короля против Папы—Сэр Т. Мор предсказывает свободу вероисповедания—Безнравственность ультрамонтанского социализма—Приглашен Эразм—Последнее бегство Вулси—Энергичные усилия в Риме—Климент дарует всем—Триумфы Вулси—Союз Рима и Англии.

ОТЧЕТ ФОКСА ГЕНРИ И АННЕ.

В это время Фокс направлялся в Англию. 27 апреля он достиг Парижа; 2 мая он высадился в Сандвиче и поспешил в Гринвич, куда прибыл на следующий день в пять часов вечера, как раз когда Вулси уехал в Лондон. Прибытие Фокса было событием огромной важности. "Пусть он идет в апартаменты леди Анны, - сказал король, - и ждет меня там". Фокс рассказал Анне Болейн о своих усилиях и Гардинере и об успехе их миссии, чем она выразила свое огромное удовлетворение. Действительно, с момента ее возвращения в Англию прошло больше года, и она больше не сопротивлялась проекту Генриха. "Госпожа Анна всегда называла меня мастер Стивен, - писал Фокс Гардинеру, - ее мысли были так заняты вами". Появился король, и Анна удалилась.

ФОКС ДОКЛАДЫВАЕТ КОРОЛЮ.

- Расскажите мне как можно короче, что вы сделали, - попросил Генри. Фокс вложил в руки короля незначительное письмо папы римского, которое тот велел прочесть своему подателю милостыни; затем письмо от Стаффилео, которое было отложено в сторону; и, наконец, письмо Гардинера, которое Генрих поспешно взял и прочел сам. "Папа обещал нам, - сказал Фокс, заканчивая свой доклад, - утвердить решение о разводе, как только оно будет вынесено уполномоченными". — "Превосходно!" - воскликнул Генрих; а затем он приказал позвать Анну. "Повторите перед этой дамой, - сказал он Фоксу, - то, что вы только что рассказали мне". Раздающий милостыню так и сделал. "Папа убежден в справедливости вашего дела, — сказал он в заключение, - и письмо кардинала убедило его, что миледи достойна английского трона". - "Доложите Вулси сегодня же вечером", - сказал король.

Было десять часов, когда главный раздащик милостыни добрался до кардинальского дворца; он лег спать, но был немедленно отдан приказ отвести Фокса в его комнату. Будучи церковником, Вулси мог понять уловки папы лучше, чем Генри; соответственно, как только он узнал, что Фокс принес только поручение, он встревожился возложенной на него задачей. "Какое несчастье!" он воскликнул: "Ваше поручение ничуть не лучше, чем у Гамбары.... Однако идите и отдохните; я просмотрю эти бумаги завтра". Фокс в замешательстве удалился. "Это неплохо, - сказал Вулси на следующий день, - но все дело по-прежнему ложится на меня одного!— Неважно, я должен выглядеть довольным, иначе..." Днем он вызвал в свой кабинет Фокса, доктора Белла и виконта Рочфорда: "Мастер Гардинер превзошел самого себя, - сказал хитрый гибкий кардинал. - Что за человек! какое бесценное сокровище! какая драгоценность в нашем королевстве!" [796]

МОШЕННИЧЕСТВО ВУЛСИ.

Он не имел в виду ни слова из того, что говорил. Вулси был недоволен всем — и отказом от *постановления*, и составлением *комиссии*, а также *контрактом* (который вскоре прибыл в хорошем состоянии, если судить по внешнему виду). Но дурное расположение духа короля неизбежно отразилось бы на Вулси; поэтому, сделав хорошую мину при плохом раскладе, он втайне размышлял о способах получения того, в чем ему было отказано. "Напиши Гардинеру, — сказал он Фоксу, — что все заставляет меня желать *декреталии* папы римского — необходимость облегчить свою совесть, возможность ответить клеветникам, которые будут критиковать мое суждение", [797] и мысль о несчастных случаях, которым подвергается человеческая жизнь. В таком случае пусть его святейшество сам объявит о разводе; мы, со своей стороны, обязуемся хранить его решение в секрете. Но прикажи мастеру Стивену применить все виды убеждения, какие только может вообразить его *риторика*. На случай, если папа римский положительно откажется от декретирования, Вулси потребовал, чтобы по крайней мере Кампеджио разделил с ним ответственность за развод.

Это было еще не все: читая соглашение, Вулси обнаружил лазейку, ускользнувшую от Гардинера, и вот что он придумал: "*Соглашение* которое прислал нам папа, — писал он Гардинеру, — составлено на таких условиях, что он может отозвать его по своему усмотрению; поэтому мы должны найти какой-нибудь *хороший способ* получить другое. Вы можете сделать это под таким предлогом. Вы предстанете перед его святейшеством с удрученным видом и скажете ему, что курьер, которому была доверена доставка упомянутого письма, упал в воду со своими депешами, так что рескрипты были полностью испорчены и неразборчивы; что я не осмелился передать его в руки короля, и если его святейшество не предоставит вам дубликат, вам будет вменена серьезная вина за то, что вы не проявили большей осторожности при его передаче. И далее, вы продолжите: я помню выражения из предыдущего документа и, чтобы избавить ваше святейшество от хлопот, продиктую их вашему секретарю. Затем, — добавил Вулси, — пока секретарь пишет, вы найдете способ незаметно для окружающих произнести как можно больше *жирных, многозначительных* доступных слов, чтобы связать папу и расширить мои полномочия, политическое управление которыми королевское высочество и я оставляем на ваше усмотрение". [798]

Таков был прием, изобретенный Вулси. Папский секретарь, воображая, что он делает свежую копию оригинального документа (который, кстати, был в идеальном состоянии), под диктовку посла составил другой документ другого содержания. "Политическое обращение" кардинала-легата, которое мало чем отличалось от подделки, бросает позорный свет на политику шестнадцатого века.

ЛИЦЕМЕРИЕ ВУЛСИ.

Вулси прочитал это письмо главному раздающему милостыню; а затем, чтобы успокоить свою совесть, он благочестиво добавил: "В деле такой высокой важности, от которого зависит слава или гибель королевства, моя честь или мой позор, осуждение моей души или мои вечные заслуги — я буду прислушиваться исключительно к голосу моей совести, [799] и я буду действовать таким образом, чтобы иметь возможность без страха отчитаться перед Богом".

Вулси сделал больше; похоже, смелость его заявлений убедила его в низменности своих работ. Находясь в Гринвиче в следующее воскресенье, он сказал королю в присутствии Фокса, Белла,

Вольмана и Тьюка: "Я связан с вашей королевской персоной больше, чем любой подданный когда-либо был связан со своим принцем. Я готов пожертвовать своим имуществом, своей кровью, своей жизнью ради вас.... Но мои обязательства перед Богом еще больше. По этой причине, вместо того чтобы действовать против его воли, я бы вынес самые страшные бедствия. [800] Я готов вынести ваше королевское негодование и, если необходимо, передать свое тело палачам, чтобы они разрубили его на куски ". Какой же дух тогда двигал Вулси? Было ли это слепотой или наглостью? Возможно, он был искренен в словах, обращенных к Генриху; в глубине своего сердца он, возможно, желал поставить папу выше короля, а Римскую церковь - выше английского королевства; и это желание, возможно, казалось ему возвышенной добродетелью, способной скрыть множество грехов. То, что общественное сознание назвало бы государственной изменой, для римского священника было героизмом. Это рвение к папству иногда сочетается с самой вопиющей безнравственностью. Если Вулси и обманул папу, то только для того, чтобы спасти папство в королевстве Англии. Фокс, Белл, Вольман и Тьюк слушали его с удивлением. [801] Генрих, который думал, что знает своего человека, воспринял эти святые заявления без тревоги, и кардинал, успокоив таким образом свою совесть, смело приступил к своим беззакониям. Похоже, однако, что внутренние упреки, о которых он умалчивал публично, отомстили ему втайне. Вскоре после этого один из его офицеров, войдя в его кабинет, вручил ему на подпись письмо, адресованное Кампеджио. Оно заканчивалось так: "Я надеюсь, что все будет сделано согласно воле Божьей, желанию короля, спокойствию королевства и к нашей чести с *чистой совестью*". Кардинал, прочитав письмо, вычеркнул последние четыре слова. [802] У совести есть жало, от которого не может спастись никто, даже Вулси.

Однако Гардинер не терял времени даром в Италии. Когда он встретил Кампеджио (которому Генрих VIII подарил дворец в Риме и епископство в Англии), он умолял его поехать в Лондон и объявить о разводе. Этот прелат, который в 1530 году должен был получить полномочия сокрушить протестантизм в Германии, казалось, был обязан взять на себя миссию, которая спасет романизм в Британии. Но, гордясь своим положением в Риме, где он действовал как представитель папы, он не заботился об обвинении, которое, несомненно, навлекло бы на него либо ненависть Генриха, либо гнев императора. Он просил извинения. Папа римский говорил в том же тоне. Когда ему сообщили об этом, ужасный Тюдор, начиная верить, что Клемент хотел запутать его, как охотник запутывает льва в своих сетях, дал волю своему гневу на Тьюка, Фокса и Гардинера, но особенно на Вулси. Не было и недостатка в причинах для этого взрыва. Кардинал, понимая, что его ненависть к Карлу завела его слишком далеко, притворился, что Кларенсье, подкупленный Францией, без его приказа объединился с французским послом, чтобы объявить войну императору; и добавил, что он прикажет казнить английского короля по оружию, когда тот будет проезжать через Кале. Это было безошибочное средство предотвращения неприятных разоблачений. Но герольд, которого предупредили заранее, переправился через Булонь и без ведома кардинала добился встречи с Генрихом, перед которым изложил *приказы*, полученные им от Вулси в *трех* последовательных письмах. Король, пораженный дерзостью своего министра, нецензурно воскликнул: "О Господь Иисус, человек, которому я больше всего доверял, сказал мне совершенно обратное". Затем он вызвал Вулси к себе и сурово упрекнул его за ложь. Несчастный дрожал как осиновый лист. Генрих, казалось, простил его, но время его благосклонности прошло. С тех пор он хранил кардинала как один из тех инструментов, которыми мы пользуемся какое-то время, а затем выбрасываем, когда они нам больше не нужны.

ОН НАЧИНАЕТ ДРОЖАТЬ.

Гнев короля против папы намного превзошел гнев против Вулси; он задрожал с головы до ног, поднялся со своего места, затем снова сел и излил свой гнев в самых яростных выражениях: "Что? - воскликнул он. - Я исчерпаю свои политические комбинации, опустошу свою казну, начну войну с моими друзьями, истощу свои силы... и для кого?.... для бессердечного священника, который, не считаясь ни с требованиями моей чести, ни с миром моей совести, ни с процветанием моего королевства, ни с многочисленными благами, которые я ему даровал, отказывает мне в услуге, которую он должен, как общий отец верующих, оказать даже врагу.... Лицемер!... Вы прикрываетесь покровом дружбы, вы льстите нам хитрыми приемами, [803] но вы даете нам только незаконный документ и говорите, как Пилат: для меня мало имеет значения, погибнет ли этот царь и все его царство вместе с ним; возьмите его и судите по вашему закону!... Я понимаю тебя ... вы хотите запутать нас в колючках, [804] чтобы поймать нас в ловушку, заманить в ловушку.... Но мы обнаружили ловушку; мы вырвемся из вашей засады и бросим вызов вашей силе".

ПРОРОЧЕСТВО СЭРА Т. МОРА.

Таков был язык, который тогда звучал при английском дворе, говорит историк. [805] Монахи и священники начали беспокоиться, в то время как наиболее просвещенные умы уже видели вдалеке первые проблески религиозной свободы. Однажды, в то время, когда Генрих проявлял себя ревностным последователем римских доктрин, сэр Томас Мор сидел в кругу своей семьи, когда его зять Ропер, ставший теперь горячим папистом, воскликнул: "Счастлиное королевство Англия, где ни один еретик не смеет показаться на глаза!" - "Это правда, сын Ропер, - сказал Мор. — Мы, кажется, сидим сейчас в горах, топча еретиков ногами, как муравьев; но я молю Бога, чтобы некоторые из нас не дожили до того дня, когда мы будем уничтожены. я бы с радостью пожелал быть в союзе с ними, позволить им спокойно распоряжаться своими церквями в одиночестве, чтобы они были довольны тем, что позволят нам мирно распоряжаться нашими церквями в одиночестве ". Ропер сердито ответил: [806] "Честное слово, сэр, это сказано с большим отчаянием!" Мор, однако, был прав: гений иногда бывает великим прорицателем. Реформация была близка к тому, чтобы провозгласить религиозную свободу и тем самым поставить гражданскую свободу на незыблемый фундамент.

РОМАНИЗМ И СОВЕСТЬ.

Сам Генри постепенно становился мудрее. Он начал сомневаться в римской иерархии и спрашивать себя, может ли царь-священник, запутавшийся во всех политических сложностях Европы, быть главой церкви Иисуса Христа. Благочестивые люди в его царстве признавали в Писании и в сознании закон, стоящий выше римского закона, и отказывались пожертвовать по велению церкви своими моральными убеждениями, санкционированным откровением Божьим. Иерархическая система, претендующая на поглощение человека папством, веками угнетала совесть христиан. Когда Римская церковь потребовала от таких людей, как Беренгарий, Ян Гус, Савонарола, Джон Везель и Лютер, отречения от своей совести, просвещенной словом, то есть голосом Божьим, это наиболее ясно показало, насколько велика безнравственность ультрамонтанского социализма. "Если христианин соглашается с этим огромным требованием иерархии, - говорили наиболее просвещенные люди, - если он отказывается от своих собственных представлений о добре и зле в пользу духовенства; если он не оставляет за собой права повиноваться Богу, который говорит с ним в Библии, а не людям,

даже если бы их согласие было всеобщим; если, например, Генрих VIII заставит замолчать свою совесть, которая осуждает его союз со вдовой брата, и повиноваться голосу духовенства, который это одобряет; тем самым он отрекается от истины, долга и даже от самого Бога". Но мы должны добавить, что если в Англии и начинали понимать права совести, то папа и Генрих спорили не о таких святых вопросах, как эти. Они оба были интриганам — оба неудовлетворенные, один жаждал любви, другой власти.

Как бы то ни было, чувство отвращения к Риму тогда пустило корни в сердце короля, и впоследствии ничто не могло его искоренить. Он немедленно приложил все усилия, чтобы привлечь Эразма в Лондон. Действительно, если Генрих отделился от папы, его старые друзья, гуманисты, должны быть его помощниками, а не врачи-еретики. Но Эразм в письме от 1 июня ссылаясь на слабое состояние своего здоровья, грабителей, наводнивших дороги, войны и распространявшиеся тогда слухи о войнах. "Наша судьба ведет нас, - сказал он, - давайте уступим ей". [807] Англии повезло, что Эразм не был ее реформатором.

Вулси заметил это движение своего хозяина и решил приложить все усилия, чтобы примирить Климента и Генри; на карту была поставлена его собственная безопасность. Он написал папе римскому, в Кампеджио, в Да Казале, во всю Италию. Он заявил, что если он будет разорен, папство тоже будет разорено, по крайней мере, в том, что касается Англии: "Я бы добыл декретную буллу своей собственной кровью, если это возможно", [808] добавил он. "Заверьте святейшего отца моей жизнью, что ни один смертный не увидит этого". Наконец, он приказал главному благотворителю написать Гардинеру: "Если Кампеджио не приедет, *вы никогда не вернетесь в Англию*"; [809] безошибочное средство стимулировать рвение секретаря.

КЛИМЕНТ ОДОБРЯЕТ ВСЕ БУЛЛЫ.

Это была последняя попытка Генриха VIII. Годом ранее Бурбоны и принц Оранский не проявляли большего рвения при штурме стен Рима. Огонь Вулси распалил его агентов; они спорили, умоляли, бушевали и угрожали. Встревоженные кардиналы и богословы, собравшиеся по призыву папы, обсуждали этот вопрос, смешивая политические интересы с делами церкви. [810] Наконец-то они поняли, что сообщил им Вулси. "Генри - самый энергичный защитник веры", - сказали они. "Только подчинившись его требованию, мы сможем сохранить английское королевство за папой римским. Армия Карла обращена в бегство, а армия Франциска торжествует". Последний из этих аргументов решил вопрос; папа внезапно проникся большой симпатией к Вулси и к Английской церкви; император потерпел поражение; следовательно, он был неправ. Климент даровал все.

Сначала Кампеджио хотели отправить в Лондон. Понтифик знал, что может рассчитывать на его интеллект и непреклонную приверженность интересам иерархии; даже подагра кардинала была полезна, поскольку могла способствовать бесчисленным задержкам. Затем, 8 июня, папа римский, находившийся тогда в Витербо, дал новое поручение, которым он наделил Вулси и Кампеджио полномочиями объявить недействительным брак между Генрихом и Екатериной, предоставив королю и королеве свободу устанавливать новые супружеские узы. [811] Несколько дней спустя он подписал знаменитый *декрет*, которым он сам аннулировал брак между Генрихом и Екатериной; но вместо того, чтобы доверить его Гардинеру, он передал его Кампеджио с приказом не выпускать его из рук. Климент не был уверен в развитии событий:

если Карл окончательно утратит свою власть, булла будет опубликована перед лицом христианского мира; если он вернет ее, булла будет сожжена. [812] Фактически пламя действительно поглотило некоторое время спустя этот указ, который Климент омочил своими слезами, подписывая его своим именем. Наконец, 23 июля папа подписал действительное *обязательство*, в котором он заранее заявил, что любой отказ от этих действий должен быть *недействительным*. [813] Кампеджио и Гардинер отбыли. Поражение Карла в Риме было столь же полным, как и в Неаполе; справедливость его дела исчезла вместе с его армией.

РАДОСТЬ В АНГЛИИ.

Таким образом, ничто не противоречило желаниям Генри. У него был Кампеджио, комиссия, декретная булла о разводе, подписанная папой римским, и помолвка, придающая всем этим действиям непреложную ценность. Вулси был победителем, победителем Клемента!... Ему часто хотелось вскочить на норовистого скакуна папства и направлять его по своей воле, но каждый раз непокорный скакун выбрасывал его из седла. Теперь он твердо сидел в седле и держал лошадь в руках. Благодаря неудачам Карла он был хозяином положения в Риме. Папа римский, был он доволен или нет, должен был пойти по пути, который он избрал и перед которым он так долго отступал. Радости короля не было предела, и она могла сравниться только с радостью Вулси. Кардинал, от всего сердца желая выразить свою благодарность чиновникам римского двора, подарил им ковры, лошадей и золотые сосуды. [814] Все, кто был рядом с Генри, почувствовали эффект его хорошего настроения. Анна улыбнулась; двор предавался развлечениям; *великое дело* было вот-вот завершено; Новый Завет предавался огню. Союз между Англией и папством, казалось, был утвержден навсегда, и победа, которую Рим, казалось, вот-вот одержит на британских островах, могла обеспечить его триумф на западе. Напрасные предзнаменования! совершенно иными были события в утробе будущего.

КНИГА XX.

ДВА РАЗВОДА.

ГЛАВА I.

Ход реформации—Два развода—Мольбы к Анне Болейн—Письма в Ватикан—Генрих к Анне—Второе письмо Генриха—Третье—Четвертое—Тревога Вулси—Его бесплодные разбирательства—Он поворачивается—Потливость—Страхи Генриха—Новые письма Анне—Анна заболевает; ее покой—Генрих пишет ей—Ужас Вулси—Кампеджио не приезжает —Все притворяются при дворе.

В то время как Англия, казалось, привязывала себя к римскому двору, общий курс церкви и мира с каждым днем все сильнее свидетельствовал о приближающемся освобождении христианского мира. Уважение, которое в течение стольких веков поддерживалось к римскому первосвященнику, было повсюду поколеблено; реформа, уже прочно утвердившаяся в нескольких землях Германии и Швейцарии, распространялась на Францию, Нидерланды и Венгрию и начиналась в Швеции, Дании и Шотландии. Юг Европы действительно казался

покорным римской церкви; но Испанию в глубине души мало заботила папская непогрешимость; и даже Италия начала задаваться вопросом, не является ли папское владычество препятствием для ее процветания. Англия, вопреки внешнему виду, также собиралась сбросить иго епископов Тибра, и уже можно было услышать много верующих голосов, требующих, чтобы слово Божье было признано высшим авторитетом в церкви.

ДВА ВИДА ОБУЧЕНИЯ.

Завоевание христианской Британии папством заняло, как мы видели, весь седьмой век. Шестнадцатый был аналогом седьмого. Борьба, которую Англии тогда пришлось выдержать, чтобы освободиться от власти, порабощавшей ее в течение девяти столетий, была полна внезапных перемен, подобных тем, что происходили во времена Августина и Освиэля. Эта борьба действительно имела место в каждой из стран, где церковь была реформирована; но нигде ее нельзя проследить во всех различных фазах так отчетливо, как в Великобритании. Позитивная работа Реформации — та, что заключалась в восстановлении истины и жизни, столь давно утраченных, — была почти одинаковой повсюду; но что касается негативной работы — борьбы с папством, — мы могли бы почти сказать, что другие нации поручили Англии задачу, которая должна была принести пользу всем им. Непросвещенный набожный человек, возможно, сочтет отношения лондонского двора с римским в период Реформации не представляющими интереса для веры; но история будет думать иначе. Слишком часто забывалось, что главным моментом в этом конкурсе был не развод (который был лишь поводом), а сам конкурс и его важные последствия. Развод Генриха Тюдора и Екатерины Арагонской — событие второстепенное; но развод Англии и папства — событие первичное, одна из величайших эволюций истории, творческий акт (так сказать), который все еще оказывает нормальное влияние на судьбы человечества. И, соответственно, все, что с этим связано, полно наставлений для нас. Уже большое число благочестивых людей подчинились власти Божьей; но король, а вместе с ним и та часть нации, которая была чужда евангелической вере, цеплялись за Рим, который Генрих так доблестно защищал. Слово Божье духовно отделило Англию от папства; *великое дело* отделило ее материально. Между этими двумя разводами существует тесная связь, которая придает чрезвычайную важность процессу между Генрихом и Екатериной. Когда в недрах народа должна совершиться великая революция (особенно мы имеем в виду Реформацию), Бог наставляет меньшинство с помощью Священного Писания, а большинство — с помощью устроений божественного правления. Факты стремятся продвинуть вперед тех, кого более духовный голос слова оставляет позади. Англия, пользуясь этим великим учением о фактах, с тех пор считала своим долгом избегать любых контактов с властью, которая обманула ее; она думала, что папство не может властвовать над народом, не посягая на его жизнеспособность, и что только освободившись от этой священнической диктатуры, современные нации смогут безопасно продвигаться по путям свободы, порядка и величия.

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ ЭНН.

Более года, как свидетельствуют жалобы Генриха, Анна оставалась глуха к его почтению. Отчаявшийся король понял, что должен пустить в ход другие пружины, и, отведя лорда Рочфорда в сторону, раскрыл ему свои планы. Честолюбивый отец пообещал сделать все, что в его силах, чтобы повлиять на свою дочь. "Развод — дело решенное, — сказал он ей. — ты его не контролируешь. Единственный вопрос в том, кто родит наследника короны — вы или кто-то другой. Имейте в виду, что Англии грозят ужасные революции, если у короля не будет сына".

Таким образом, все вместе ослабляло решимость Анны. Голос ее отца, интересы ее страны, любовь короля и, несомненно, какие-то тайные амбиции заставили ее взять предложенный скипетр. Эти мысли преследовали ее в обществе, в одиночестве и даже во сне. В одно время она представляла себя на троне, раздающей народу свои милостыни и слово Божье; в другое - в каком-нибудь безвестном изгнании, ведущей бесполезную жизнь, в слезах и позоре. Когда в порыве ее воображения перед ней предстала сверкающая английская корона, она сначала отвергла ее; но впоследствии это царственное украшение показалось ей таким прекрасным, а власть, которую оно давало, такой завидной, что она отвергла его менее энергично. Однако Анна по-прежнему отказывалась дать столь горячо требуемое согласие.

Генри, раздосадованный ее колебаниями, часто писал ей, и почти всегда по-французски. Поскольку римский суд использует эти письма, хранящиеся в Ватикане, для оскорбления Реформации, мы считаем своим долгом процитировать их. Кража, совершенная кардиналом, сохранила их для нас; и мы увидим, что они далеки от того, чтобы поддерживать клевету, которая была распространена за границей, напротив, они стремятся опровергнуть ее. Мы далеки от того, чтобы одобрять их содержание в целом, но мы не можем отказать молодой леди, которой они адресованы, в благородных и великодушных чувствах.

Генрих, не в силах вынести страданий, вызванных отказом Анны, написал ей, как обычно предполагается, в мае 1528 года: [\[815\]](#)

"Прокручивая в уме содержание твоих последних писем, я подверг себя большим мучениям, не зная, как интерпретировать их, то ли в ущерб себе, поскольку я понимаю некоторые отрывки, то ли нет, поскольку я делаю выводы из других. Я искренне умоляю вас сообщить мне, что вы на самом деле думаете о любви между нами двумя. Мне необходимо получить от вас этот ответ, поскольку я целый год был ранен стрелой любви и все еще не уверен, удастся ли мне найти место в вашем сердце и привязанности. Эта неопределенность в последнее время мешала мне объявить вас своей любовницей, чтобы это не доказывало, что вы питаете ко мне лишь обычное уважение. Но если ты согласишься исполнить долг настоящей и преданной хозяйки, я обещаю тебе, что тебе будет дано не только это имя, но и то, что я возьму тебя своей любовницей, отбросив всех остальных, которые соперничают с тобой, из моих мыслей и привязанности, и буду служить только тебе. Я умоляю вас дать полный ответ на это мое грубое письмо, чтобы я мог знать, от чего и насколько я могу зависеть. Но если вам не угодно ответить мне письменно, дайте мне знать какое-нибудь место, где я смогу передать это из уст в уста, и я отправлюсь туда от всего сердца. Больше не боюсь утомить тебя. Написано рукой того, кто охотно остался бы твоим,

"Х. Рекс".

ВТОРОЕ ПИСЬМО ГЕНРИ.

Таковы были нежные слова, и мы можем добавить (если вспомним то время и того человека) уважительные выражения, использованные Генрихом в письме Анне Болейн. Последняя, не давая никаких обещаний, проявила некоторую привязанность к королю и добавила к своему ответу эмблематический драгоценный камень, изображающий "одинокую девушку в лодке,

подброшенной бурей", желая таким образом дать принцу понять, каким опасностям подвергала ее его любовь. Генри был восхищен и немедленно ответил: —

"За подарок столь ценный, что большего и быть не может (учитывая все это), я выражаю вам свою самую сердечную благодарность, не только за дорогой бриллиант и корабль, на котором болтается одинокая девица, но главным образом за прекрасное толкование и слишком смиренное подчинение, которое ваша доброта оказала мне. Я всегда буду стремиться сохранить вашу благосклонность, и в этом мое твердое намерение и надежда, в зависимости от ситуации, *aut illic aut nullibi*.

"Проявления вашей привязанности таковы, прекрасные мысли вашего письма так сердечно выражены, что они навсегда обязывают меня чтить, любить и искренне служить вам. Я умоляю вас продолжать следовать той же твердой и неизменной цели и заверяю вас, что со своей стороны я не только обеспечу вам достойное вознаграждение, но и превзойду вас, настолько велика преданность сердца, которое желает доставить вам удовольствие. Я также желаю, чтобы, если когда-либо до этого я каким-либо образом оскорбил вас, вы дали бы мне то же отпущение грехов, о котором просите, заверив вас, что отныне мое сердце будет посвящено только вам. Я бы хотел, чтобы и моя персона была такой же. Бог может сделать это, если ему угодно, *которому я молюсь об этом раз в день* в надежде, что в конце концов *мои молитвы будут услышаны*. Я бы хотел, чтобы времени было в обрез, но я буду долго думать, пока мы не увидимся. Написано рукой того секретаря, который сердцем, телом и волей является

"Вашему верному и преданнейшему слуге,
"Н. Т. Rex". [\[816\]](#)

ТРЕТЬЕ И ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМА ГЕНРИ.

Генрих был страстным любовником, и история не обязана оправдывать этого жестокого принца; но в предыдущем письме мы не можем уловить язык соблазнителя. Невозможно представить себе короля, молящегося Богу *раз в день* чем угодно, только не о законном союзе. Эти ежедневные молитвы, по-видимому, представляют дело в ином свете, чем тот, который представляли себе писатели-романисты.

Генрих считал себя более продвинутым, чем был на самом деле. Затем Анна отпрянула; смущенная положением, которое занимала при дворе, она умоляла о менее высоком положении. Король подчинился, хотя поначалу был очень раздосадован:

"Несмотря на то, что джентльмену не подобает, - писал он ей, - ставить свою *любовницу* в положение *служанки*, все же, следуя вашим пожеланиям, я охотно уступлю это, если таким образом вам будет менее неудобно в том месте, которое вы выберете, чем в том, куда вас поместил я. Я сердечно благодарю вас за то, что вы все еще рады помнить обо мне.

"Х. Т."

Когда Анна в мае удалилась в замок Хевер, резиденцию своего отца, король написал ей следующее:—

"Моя Любовница и мой Друг,

"Мое сердце и я предаем себя в ваши руки и молим о том, чтобы быть вверенными вашему благоволению и чтобы из-за отсутствия ваша привязанность к нам не уменьшилась. Ибо это усилило бы нашу боль, что было бы очень жаль, поскольку отсутствие дает достаточно, и больше, чем я когда-либо думал, можно почувствовать. Это наводит меня на мысль об астрономическом факте, который заключается в том, что чем длиннее дни, тем дальше находится солнце, и все же тем более палящим является его жар. Так обстоит дело и с нашей любовью; разлука установила дистанцию между нами, тем не менее пыл возрастает, по крайней мере, с моей стороны. Я надеюсь на то же самое и от вас, заверяя вас, что в моем случае мука разлуки настолько велика, что была бы невыносимой, если бы не моя твердая надежда на вашу нерасторжимую привязанность ко мне. Чтобы напомнить вам об этом, и поскольку я не могу лично присутствовать в вашем присутствии, я посылаю вам то, что ближе всего к тому, что возможно, то есть мою фотографию и все устройство, о котором вы уже знаете, [817] в браслетах; желаю оказаться на их месте, когда вам будет угодно. Это от руки "Вашего слуги и друга,

"Х. Т. Рекс".

АННА ДАЕТ СВОЕ СОГЛАСИЕ.

Под давлением отца, дядей и Генри твердость Анны пошатнулась. Корона, отвергнутая Рене и Маргаритой, ослепила молодую англичанку; с каждым днем она находила в ней какое-то новое очарование; и, постепенно знакомясь со своим новым будущим, она наконец сказала: "Если король станет свободным, я буду готова выйти за него замуж". Это было большой ошибкой; но Генрих был на вершине радости.

ВУЛСИ ПЫТАЕТСЯ ОТГОВОРИТЬ ГЕНРИ.

Придворные внимательно наблюдали за развитием привязанности короля и уже готовились выразить ему свое почтение, которое они намеревались возложить к ногам Анны Болейн. Но при дворе был один человек, которого решение Генриха опечалило; это был Вулси. Он был первым, кто предложил королю развестись с Екатериной, но если Анна хочет стать ее преемницей, развода быть не должно. Сначала он оттолкнул партию Кэтрин; теперь он собирался вызвать раздражение у Болейнов; соответственно, он начал опасаться, что, чем бы ни закончилось это дело, оно приведет его к краху. Он часто совершал прогулки по своему парку в Хэмптон-Корте в сопровождении французского посла, поверенного в его горестях: "Я бы охотно лишился одного из своих пальцев, - сказал он, - если бы только мог два часа побеседовать с королем Франции". В другой раз, воображая, что вся Англия преследует его, он с тревогой сказал: "Король, мой повелитель, и все его подданные будут призывать меня к убийству; они нападут на меня более яростно, чем на турка, и весь христианский мир восстанет против меня!" На следующий день Вулси, чтобы расположить к себе французского посла, подробно рассказал ему о том, что он сделал для Франции *вопреки воле всей Англии*: "Мне нужна большая ловкость в моих делах, - добавил он, - и я должен использовать ужасную *алхимию*". [818] Но алхимия не смогла спасти его. Редко за таким величием скрывалось столько страданий. Дю Белле проникся жалостью при виде страданий несчастного человека. "Когда он сдается, - писал он Монморанси, - это длится целый день; он постоянно вздыхает.— Вы никогда не видели человека в таком душевном смятении". [819]

По правде говоря, рассудок Вулси пошатнулся. Эта роковая мысль о разводе была причиной всех его горестей, и за то, чтобы иметь возможность вспомнить об этом, он отдал бы не только *палец*, но и руку, а может быть, и больше. Было слишком поздно; Генри начал спускаться с крутизны, и тот, кто попытался бы остановить его, был бы раздавлен колесами. Однако кардинал пытался чего-то добиться. Франциск I перехватил письмо Карла V, в котором император говорил о разводе как о способе поднять английскую нацию на восстание. Вулси приказал зачитать это письмо королю в надежде, что оно возбудит в нем серьезные опасения; но Генрих только *нахмурился*, а Дю Белле, которому монарх приписал сообщение об этих неприятностях, предсказанных Карлом, получил "мягкую взбучку". [820] Это был единственный результат маневра.

Теперь Уолси решил затронуть эту важную тему прямолинейно. Этот шаг мог привести к его гибели; но в случае успеха он был спасен, а вместе с ним и папство. Соответственно, однажды (незадолго до того, как началась потливость, говорит Дю Белле, вероятно, в июне 1528 года) Вулси открыто умолял короля отказаться от своего замысла; его собственная репутация, сказал он ему, процветание Англии, мир в Европе, безопасность церкви — все требовало этого; к тому же папа никогда бы не дал развод. Пока кардинал говорил, лицо Генриха потемнело; и прежде чем он закончил, гнев короля вырвался наружу. "Король употребил ужасные слова", - сказал Дю Белле. Он отдал бы тысячу Вулси за одну Анну Болейн. "Никто, кроме Бога, не заберет ее у меня", - таково было его самое твердое решение.

Вулси, теперь уже не сомневавшийся в своем позоре, начал принимать соответствующие меры. Он начал строить в нескольких местах, чтобы завоевать расположение простых людей; он очень заботился о своих епископствах, чтобы они могли обеспечить ему легкое отступление; он был приветлив с придворными; и таким образом покрывал землю цветами, чтобы смягчить его падение. Тогда он вздыхал, как будто ему претили почести, и воспевал прелести одиночества. [821] Он сделал больше, чем это. Ясно видя, что лучший способ вернуть расположение короля - это умиротворить Анну Болейн, он сделал ей самые красивые подарки, [822] и заверил ее, что теперь все его усилия будут направлены на то, чтобы возвести ее на английский трон. Анна, поверив этим заявлениям, ответила, что, в свою очередь, будет помогать ему, "Пока в ее теле есть хоть капля дыхания". [823] Даже Генрих не сомневался, что кардинал извлек пользу из своего урока.

ПОТЛИВОСТЬ.

Таким образом, все партии были беспокойны - Генрих хотел жениться на леди Анне, придворные хотели избавиться от Вулси, а последний остаться у власти, — когда произошло серьезное событие, которое привело каждого в согласие с его соседом. Примерно в середине июня в Англии вспыхнула ужасная потница (*английский суд*). Жители Лондона, "толстые, как мухи", сказал Дю Белле, [824] внезапно почувствовав боли в голове и сердце, они бросились с улиц или магазинов в свои комнаты, начали потеть и легли в постели. Болезнь прогрессировала ужасно и быстро, жгучий жар охватывал их конечности; если они случайно обнажали себя, потоотделение прекращалось, начинался бред, и через четыре часа жертва была мертва и "окоченела, как стена", [825] говорит французский посол. Каждая семья была в трауре. Сэр Томас Мор, опустившись на колени у постели своей дочери, разрыдался и призвал Бога спасти его любимую Маргарет. [826] Вулси, находившийся в Хэмптон-Корте, не подозревая ничего дурного, прибыл в Лондон, как обычно, чтобы председательствовать в канцлерском суде; но он

приказал немедленно снова оседлать своих лошадей и усакал обратно. За четыре дня в Лондоне погибло 2000 человек.

УЖАС ГЕНРИ.

Поначалу двор был в безопасности от заразы, но на четвертый день на одну из фрейлин Анны Болейн было совершено нападение; это было так, словно на дворец обрушился удар грома. Король удалился со всей поспешностью и остановился в месте, расположенном в двенадцати милях отсюда, ибо он не был готов умереть. Он приказал Анне вернуться к отцу, пригласил королеву присоединиться к нему и поселился в Уолтеме. Его настоящая совесть проснулась только в присутствии смерти. Четверо его приближенных и монах, духовник Анны, как оказалось, [827] заболев, король отбыл в Хансдон. Он пробыл там всего два дня, когда Поуиса, Кэрю, Картон и других придворных увели за два или три часа. Генри встретил врага, которого не смог победить. Он покинул место, пораженное болезнью; он переехал в другой квартал; и когда болезнь настигла кого-либо из его сопровождающих в его новом убежище, он снова покинул его ради нового убежища. Ужас заморозил его кровь; он бродил, преследуемый этой ужасной косой, взмах которой, возможно, мог настигнуть его; он прервал всякую связь, даже со своими слугами; заперся в комнате на самом верху изолированной башни; ел в полном одиночестве и не хотел видеть никого, кроме своего врача; [828] он молился, постился, исповедовался, примирился с королевой; принял душ. причастие каждое воскресенье и праздничный день; получил *своего Создателя*, [829], используя слова джентльмена из его палаты; и королева и Вулси сделали то же самое. И это было еще не все: его советник сэра Брайан Тьюк заболел в Эссексе; но это не имело значения; король приказал ему приехать к нему, даже в носилках; и 20 июня Генрих, отслушав три мессы (раньше он никогда не отслужил так много за один день), сказал Тьюку: "Я хочу, чтобы ты написал *мое завещание*". Он был не единственным, кто принял эту предосторожность. "Было сделано *сто тысяч*", - говорит Дю Белле.

В это время Анна, уединяясь в Хевере, была спокойной и собранной; она много молилась, особенно за короля и за Вулси. [830] Но Генри, гораздо менее покорный, был очень встревожен. "Беспокойство, вызванное моими сомнениями относительно вашего здоровья, - писал он ей, - чрезвычайно встревожило и напугало меня; но теперь, поскольку вы пока ничего не почувствовали, я надеюсь, что с вами все так же, как и с нами.... Я умоляю тебя, моя всецело любимая, не пугайся и не слишком тревожься из-за нашего отсутствия, ибо, где бы я ни была, я твоя. И все же иногда мы должны смиряться со своими несчастьями, ибо тот, кто будет бороться против судьбы, как правило, лишь намного дальше от достижения своей цели. А потому утешься, наберись мужества и облегчи себе это несчастье, насколько сможешь". [831]

Поскольку он не получал никаких известий, беспокойство Генриха возросло; он отправил Анне гонца с письмом: "Чтобы исполнить долг верного слуги, я посылаю вам это письмо, умоляя вас сообщить мне о вашем благополучии, которое, я молюсь, может продолжаться до тех пор, пока я желаю своего".

УЖАСЫ ВУЛСИ.

Опасения Генриха были вполне обоснованны; болезнь становилась все тяжелее; за четыре часа в доме архиепископа Кентерберийского умерло восемнадцать человек; сама Анна Болейн и ее брат также подхватили инфекцию. Король был чрезвычайно взволнован; одна Анна казалась

спокойной; сила ее характера возвышала ее над преувеличенными страхами; но ее враги приписывали ее спокойствие другим мотивам. "Ее амбиции сильнее смерти", - сказали они. "Король, королева и кардинал дрожат за свои жизни, но она ... она умерла бы довольной, если бы умерла королевой". Генрих еще раз сменил место жительства. Все джентльмены, находившиеся в его личных покоях, подверглись нападению, за одним исключением; "он оставался один, держался особняком", - говорит Дю Белле, и исповедовался каждый день. Он снова написал Энн, отправив ее своему врачу, доктору Баттсу: [832] "Самые неприятные новости, которые могли произойти, пришли ко мне внезапно ночью. Я должен оплакивать это по трем причинам. Первая - услышать о болезни моей возлюбленной, которую я ценю больше всего на свете и здоровья которой желаю, как своего собственного. Я бы охотно перенес половину твоих страданий, чтобы вылечить тебя. Во-вторых, из страха, что мне придется гораздо дольше терпеть свое утомительное отсутствие, которое до сих пор доставляло мне все возможные огорчения; и когда мрачные мысли наполняют мой разум, тогда я молю Бога, чтобы он удалил от меня эти беспокойные и мятежные мысли. Третье, потому что мой врач, которому я больше всего доверяю, отсутствует. И все же, за неимением его, я посылаю вам моего второго врача и надеюсь, что он скоро сделает вас здоровым. Тогда я буду любить его больше, чем когда-либо. Я умоляю вас руководствоваться его советом в вашей болезни. Сделав это, я надеюсь вскоре увидеть вас снова, что будет для меня большим утешением, чем все драгоценные камни в мире".

Вскоре мор разразился вокруг Генриха с еще большей яростью; он в тревоге бежал в Хэтфилд, взяв с собой только джентльмена из своей комнаты; затем он покинул это место и отправился в Титтенхэнгер, дом, принадлежащий Вулси, откуда командовал всеобщими шествиями по всему королевству, чтобы предотвратить это бедствие Божье. [833] В то же время он писал Вулси: "Как только кто-нибудь заболеет в том месте, где вы находитесь, летите в другое; и переходите таким образом с места на место". Бедный кардинал был встревожен еще больше Генриха. Стоило ему почувствовать малейшую испарину, как он воображал себя мертвецом. "Я умоляю ваше высочество, - с трепетом писал он королю 5 июля, - проявить сострадание к моей душе; это, возможно, последние слова, с которыми я обращаюсь к вам ... весь мир увидит из моего последнего завещания, что вы не оказали своей милости неблагодарному человеку". Король, заметив, что рассудок Вулси был затронут, велел ему "отбросить страх и фантазии", [834] и сохранять бодрое настроение посреди смерти.

ЛИЦЕМЕРИЕ ПРИ ДВОРЕ.

Наконец недомогание начало ослабевать, и в груди Генриха сразу же возродилось желание увидеть Анну. 18 августа она вновь появилась при дворе, и теперь все мысли короля были заняты разводом.

Но это дело, казалось, развивалось в обратном соответствии с его желаниями. О Кампеджио не было никаких известий; потерялся ли он в Альпах или в море? Задержала ли его подагра в какой-нибудь деревне, или объявление о его отъезде было всего лишь уловкой? Самой Анне Болейн было не по себе, поскольку она придавала большое значение приезду Кампеджио. Если бы церковь аннулировала первый брак короля, Анна, видя, что главное препятствие устранено, подумала, что могла бы принять руку Генриха. Поэтому она написала Вулси: "Я с нетерпением жду от вас новостей о легате, ибо я надеюсь (и они придут от вас), что они будут очень хорошими". Король добавил в постскриптуме: "Отсутствие известий о прибытии легата во

Францию наводит нас на некоторые размышления. Несмотря на это, мы надеемся, что благодаря вашему усердию и бдительности (с помощью Всемогущего Бога) эта беда вскоре разрешится". [835]

Но новостей по-прежнему не было. В ожидании давно желанного посла каждый при английском дворе играл свою роль так хорошо, как только мог. Анна, то ли из совести, то ли из благоразумия, то ли из скромности, отказалась от почестей, которыми король осыпал бы ее, и никогда не обращалась к Екатерине иначе, как со знаками глубокого уважения. У Вулси был такой вид, будто он желал развода, в то время как на самом деле он боялся его, поскольку ему было суждено привести к краху его самого и папства. Генрих старался скрыть мотивы, побудившие его расстаться с королевой; епископам он говорил о своей *совести*, о благородстве *наследника* и обо всех печальных обязательствах, которые вынудили его расстаться со столь справедливо любимой принцессой. Тем временем, судя по словам Дю Белле, он, казалось, жил с ней в наилучших отношениях. [836] Но Екатерина была той, кто лучше всех скрывала свои чувства; она жила с королем, как в их самые счастливые дни, относилась к Анне со всей добротой, носила элегантный костюм, поощряла музыку и танцы в своих покоях, часто появлялась на публике и, казалось, желала своими милостивыми улыбками завоевать расположение Англии. Это была скорбная комедия, которой суждено было закончиться трагедией, полной слез и агонии.

ГЛАВА II.

Ковердейл и вдохновение —Он берется переводить Священные Писания—Его радость и духовные песни—Тайболл и миряне—Ковердейл проповедует в Бампстеде—Возрождение в Колчестере—Неполные общества и Новый Завет—Преследования—Монмут арестован и освобожден.

КОВЕРДЕЙЛ И ВДОХНОВЕНИЕ.

Пока эти сцены разыгрывались в королевских дворцах, в народе шли самые разные дискуссии. Поразмыслив некоторое время о волнениях двора, мы с радостью возвращаемся к смиренным ученикам божественного слова. Реформация в Англии (и это ее характерная черта) поочередно представляет нам короля на его троне и трудолюбивого ремесленника в его скромной хижине; и между этими двумя крайностями мы встречаемся с доктором в его колледже и священником за его кафедрой.

МАЙЛЗ КОВЕРДЕЙЛ.

Среди молодых людей, обучавшихся в Кембридже под руководством Барнса и помогавших ему во время судебного процесса, был Майлз Ковердейл, впоследствии епископ Эксетерский, человек, отличавшийся своим рвением к Евангелию Иисуса Христа. Через некоторое время после падения приора, в канун Пасхи 1527 года, Ковердейл и Кромвель встретились в доме сэра Томаса Мора, когда первый увещевал студента Кембриджа посвятить себя изучению священного писания. [837] Ошибка его несчастного хозяина встревожила Ковердейла, и он почувствовал необходимость отказаться от той внешней деятельности, которая оказалась столь

фатальной для Барнса. Поэтому он обратился к Священному Писанию, перечитывал его снова и снова и понял, подобно Тиндейлу, что реформация церкви должна быть осуществлена словом Божиим. Вдохновение этого слова, единственной основы его суверенного авторитета, поразило Ковердейла. "Где бы ни было известно Писание, оно все преобразует. И почему? Потому что это дано *по вдохновению Бога*. [838] Этот фундаментальный принцип Реформации в Англии в любую эпоху должен быть принципом церкви.

Ковердейл нашел счастье в своих занятиях: "Теперь, - сказал он, - я начинаю понимать Священное Писание! Теперь, слава Богу! Я настроен на самый сладкий запах священных писаний". [839] Он на этом не остановился, но счел своим долгом попытаться в Англии провести работу, которую Тиндейл проводил в Германии. Библия была настолько важна в глазах этих христиан, что были предприняты два перевода одновременно. "Почему другие народы, - сказал Ковердейл, - должны быть более полно обеспечены Священными Писаниями на их родном языке, чем мы?" [840]— "Остерегайтесь перевода Библии!" - восклицали сторонники схоластов. "Ваш труд только внесет раскол в веру и в народ Божий". [841]— "Бог теперь дал своей церкви, - ответил Ковердейл, - дары перевода и книгопечатания; мы должны совершенствовать их". И если кто-нибудь из друзей говорил о переводе Тиндейла, он отвечал: "Разве вы не знаете, что, когда многие начинают вместе, каждый делает все возможное, чтобы быть на высоте?" [842]— "Но Священное Писание должно существовать только на латыни", — возразили священники. - "Нет, - снова ответил Ковердейл, - Святой Дух в такой же степени является автором его на иврите, греческом, французском, голландском и английском языках, как и на латыни.... Слово Божье одинаково авторитетно, на каком бы языке ни говорил Святой Дух". [843] Это не означает, что переводы Священного Писания богодухновенны, но что слово Божье, точно переведенное, всегда обладает божественным авторитетом.

Поэтому Ковердейл решил перевести Библию и, чтобы раздобыть необходимые книги, написал Кромвелю, который во время своих путешествий собрал коллекцию этих драгоценных произведений. "Ничего в мире я не желаю, кроме книг, - писал он. - подобно Иакову, ты испил росы небесной.... Я прошу испить твоих вод". [844] Кромвель не отказал Ковердейлу в его сокровищах. "Поскольку Святой Дух побуждает вас взять на себя расходы по этой работе, - воскликнул последний, - Бог дает мне смелость трудиться над тем же". [845] Он начал без промедления, сказав: "Всякий, кто не верит Писанию, не верит Христу; а кто отвергает его, отвергает и Бога". [846] Таковы были основы реформатской церкви в Англии.

Ковердейл не брался за перевод Священных Писаний как за простую литературную задачу: Дух, вдохновлявший его, говорил с его сердцем; и, вкусив их животворящие обещания, он выразил свое счастье в благочестивых песнях:

Радуйтесь же теперь, все вы, христиане,
И давайте радоваться неподдельно.
Доброту невозможно описать словами,
Которую мы получили от Божьей милости;
Чья любовь к нам никогда не иссякала:
Он сделал для нас по-дружески;
Теперь давайте от всего сердца поблагодарим его.

Эти нежные слова, которые он сказал мне.
Я спасу твою душу от пейна;
Я презираю себя за то, что делаю для тебя,
И позволяю тебе вернуться.
Ты будешь со мной, потому что ты - моя;
И я с тобой, потому что я - твоя;
Такова моя любовь, я не могу смириться.

Они прольют мою драгоценную кровь,
И заберут также мою жизнь;
Которую я перенесу ради твоего блага:
Верь в это, куда бы ты ни пошел.
Ибо я все же воскрешу агайну;
Твоим сыном я являюсь, хотя бы и пейном,
Чтобы обезопасить тебя и освободить от горя.

ТАЙБОЛЛ В БАМПСТЕДЕ.

Ковердейл недолго оставался в уединении, которого он желал. Изучение Библии, которое привлекло его к ней, вскоре отвлекло от нее. В Эссексе шло пробуждение; Джон Тибалл, житель Бампстеда, научившись находить в Иисусе Христе *истинный хлеб с небес*, на этом не остановился. Однажды, когда он читал первое послание к Коринфянам, эти слова: "ешьте от этого хлеба" и "пейте из этой чаши", повторенные четыре раза в течение нескольких стихов, убедили его, что пресуществления не было. "Священник не властен создавать тело Господне, - сказал он, - Христос действительно присутствует в Евхаристии, но он присутствует только *для того, кто верит*, и только духовным присутствием и действием". Тибалл, испытывавший отвращение к римскому духовенству и богослужению и убежденный, что христиане призваны к всеобщему священству, вскоре подумал, что люди могут обойтись без особого служения, и, не отрицая должности, упомянутые в Священном Писании, как это делали с тех пор некоторые христиане, он не придавал им значения. "Священство не обязательно, [847]" он сказал: "каждый мирянин может совершать таинства так же хорошо, как и священник". Священник из Бампстеда, некто Ричард Фокс, а затем грейфрайер из Колчестера по имени Мидоу, были последовательно обращены энергичной проповедью Тайболла.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОПЛИ И ПАЙКАСА.

Ковердейл, живший недалеко от этих мест, услышав разговоры об этом религиозном возрождении, приехал в Бампстед и взошел за кафедру весной 1528 года, чтобы провозгласить сокровища, содержащиеся в Священном Писании. Среди его слушателей был монах-августинец по имени Топли, который замещал Фокса во время его отсутствия. Этот монах, остановившись в доме священника, нашел экземпляр "*Калитки*" Уиклифа, который он жадно прочитал. Это уязвило его совесть, и все вокруг, казалось, пошатнулось. [848] Он пошел в церковь, полный сомнений, и после богослужения подошел к проповеднику, восклицая: "О мои грехи, мои грехи!" - Исповедуйся Богу, - сказал Ковердейл, - а не священнику. Бог принимает исповедание, исходящее от сердца, и стирает все ваши грехи". [849] Монах уверовал в прощение Божье и стал ревностным евангелистом для окружающей страны.

Едва божественное слово зажгло один факел, как тот зажег другой. В Колчестере, в том же графстве, достойный человек по имени Пайкас получил от своей матери копию Посланий святого Павла со следующим советом: "Сын мой, живи согласно этим писаниям, а не согласно учению духовенства". Некоторое время спустя Пайкас купил Новый Завет и "внимательно прочитал его много раз", [850] в нем произошла полная перемена. "Мы должны быть крещены Святым Духом", - сказал он, и эти слова, как дыхание жизни, пронесли над его простодушными слушателями. Однажды Пайкас, узнав, что Билни, первый из кембриджских докторов, познавший силу слова Божьего, проповедует в Ипсвиче, отправился туда, ибо он никогда не отказывался выслушать священника, когда тот провозглашал истину. "О, какая проповедь! как полна Святого Духа!" - воскликнул Пайкас.

С этого периода число собраний братьев во Христе (ибо так они назывались) увеличилось. Они читали Новый Завет, и каждый делился с другими тем, что он получил, в назидание всем. Однажды, когда была прочитана двадцать четвертая глава Евангелия от Матфея, Пайкас, который иногда ошибался в духовном толковании Священного Писания, заметил: "Когда Господь заявляет, что *от храма не останется камня на камне*, он говорит о тех надменных священниках, которые преследуют тех, кого они называют еретиками, и которые притворяются храмом Божьим. Бог уничтожит их всех". После протеста против священника он протестовал против хозяина: "Истинное тело Иисуса Христа находится в Слове", - сказал он; "Бог находится в Слове, Слово находится в Боге. [851] Бог и Слово не могут быть разделены. Христос - это живое Слово, которое питает душу". Число этих скромных проповедников увеличилось. Даже женщины знали Послания и Евангелия наизусть; Марион Мэтью, Дороти Лонг, Кэтрин Суэйн, Элис Гардинер и, прежде всего, жена Джерлинга, которая служила у священника, недавно сожженного за ересь, принимали участие в этих евангельских собраниях. И тогда радостная весть была провозглашена не только в коттеджах; Бауэр-холл, резиденция сквайров Бампстеда, был открыт для Фокса, Топли и Тибалла, которые часто читали Священное Писание в большом зале особняка в присутствии хозяина и всех своих домочадцев: скромная Реформация, более реальная, чем та, которую осуществил Генрих VIII.

ДВЕ ФОРМЫ ЦЕРКВИ.

Однако среди этих братьев существовало некоторое расхождение во мнениях. "Все, кто начал верить, - сказали Тибалл, Пайкас и другие, - должны собраться вместе, чтобы услышать слово и укрепиться в вере. Мы молимся вместе ... и это составляет церковь". Ковердейл, Билни и Латимер охотно признавали эти неполные общества, в которых члены встречались просто как *ученики*; они считали их необходимыми в период формирования церкви. Эти общества (по мнению реформаторов) доказали, что организация не имеет приоритета в христианской церкви, как утверждает Рим, и что этот приоритет принадлежит вере и жизни. Но и эту несовершенную форму они рассматривали как временную. Чтобы предотвратить многочисленные опасности, было необходимо, чтобы на смену этому обществу пришло другое, церковь Нового Завета, с ее старейшинами, или епископами, и дьяконами. Слово, по их мнению, делало необходимым служение словом; и для его надлежащего применения требовалось не только благочестие, но и знание священных языков, дар красноречия, его упражнение и совершенствование. Однако среди этих христиан не было разделения по второстепенным вопросам.

Некоторое время епископ Лондонский с беспокойством наблюдал за этим движением. Он приказал арестовать Хакера, который в течение последних шести лет ходил по домам, читая Библию в Лондоне и Эссексе; допрашивал его и угрожал ему, тщательно расспрашивал об именах тех, кто оказал ему гостеприимство; и бедняга в тревоге выдал около сорока своих братьев. Себастьян Харрис, священник из Кенсингтона, Форман, настоятель церкви Всех Святых, Джон и Уильям Пайкас и многие другие были вызваны к епископу. Их забирали в тюрьму; их приводили к судьям; их сажали в колодки; их мучили тысячью способов. Их умы пришли в замешательство, мысли разбредлись, и многие сделали признания, которых требовали их преследователи.

МОНМУТ АРЕСТОВАН.

Противники Евангелия, гордые этим успехом, теперь желали более славной победы. Если они не смогли добраться до Тиндейла, разве у них не было в Лондоне покровителя его работы Монмута, самого влиятельного из купцов и последователя истинной веры? Духовенство сделало религию своим делом, и Реформация вернула ее народу. Ничто так не оскорбляло священников, как то, что миряне заявляли о праве верить без их вмешательства и даже распространять веру. Сэр Томас Мор, один из самых дружелюбных людей шестнадцатого века, разделял их ненависть. Он писал Кохлеусу: "Германия теперь ежедневно порождает чудовищ, более смертоносных, чем те, что обычно творила Африка; [852] но, увы! она не одинока. Множество англичан, которые несколько лет назад даже не слышали бы упоминания имени Лютера, теперь восхваляют его! Англия сейчас подобна морю, которое вздувается перед сильным штормом без какого-либо движения ветра". [853] Мор испытывал особое раздражение, потому что смелость евангелистов сменила робость Лоллардов. "Еретики, - сказал он, - отбросили лицемерие и облеклись в наглость". Поэтому он решил взяться за дело.

14 мая 1529 года Монмут находился в своей лавке, когда пришел швейцар и вызвал его предстать перед сэром Дж. Донсисом, одним из членов тайного совета. Благочестивый купец повиновался, стараясь убедить себя, что его вызвали по какому-то делу; но в этом он был обманут, как вскоре выяснилось. "Какие письма и книги вы в последнее время получали из-за границы?" [854] - с некоторой суровостью спросил сэр Томас Мор, который вместе с сэром Уильямом Кингстоном был коллегой сэра Джона. "Ни одного", - ответил Монмут. "Какую помощь вы оказали кому—либо из людей, живущих на континенте?" - "Ни одного за последние три года. Уильям Тиндейл прожил у меня шесть месяцев, - продолжал он, - и его жизнь была такой, какой и должна быть у хорошего священника. Я дал ему десять фунтов перед его отъездом, но с тех пор ничего. Кроме того, он не единственный, кому я помог; капеллан лондонского епископа, например, получил от меня более 50 фунтов стерлингов". — "Какие книги у вас есть?" Торговец назвал Новый Завет и некоторые другие произведения. "Все эти книги пролежали на моем столе более двух лет, и я никогда не слышал, чтобы священники, монахи или миряне извлекали из них уроки каких-либо серьезных ошибок". [855] Мор покачал головой. "Нелегко, - говаривал он, - подложить сухую ветку в огонь, чтобы она не сгорела, или взрастить змею на своей груди и не быть ужаленным ею. [856]— Этого достаточно, - продолжил он, - мы пойдем и обыщем ваш дом". Ни одна бумага не ускользнула от их любопытства, но они не нашли ничего, что могло бы скомпрометировать Монмута; однако его отправили в Тауэр.

ЕГО ДОПРАШИВАЮТ ДРУГИЕ.

Через некоторое время купец снова предстал перед своими судьями. "Вы обвиняетесь, - сказал Мор, - в том, что купили трактаты Мартина Лютера; в содержании тех, кто переводит Священные Писания на английский; в подписке на издание Нового Завета на английском языке с пояснениями или без них; в импорте его в королевство; и, наконец, в том, что вы сказали, что одной веры достаточно для спасения человека". [857]

Этого вещества было достаточно, чтобы сжечь нескольких человек. Монмут, будучи убежден, что только Вулси способен освободить его, решил обратиться к нему. "Что станет с моими бедными рабочими в Лондоне и в деревне во время моего заключения?" он написал кардиналу. "Они должны получать свои деньги каждую неделю; кто им их даст?... Кроме того, я осуществляю значительные продажи в зарубежных странах, которые приносят таможене его величества большую прибыль. [858] Если я останусь в тюрьме, эта торговля будет прекращена, и, конечно, все доходы пойдут в казну". Вулси, который был в такой же степени государственным деятелем, как и церковником, начал таять; кроме того, накануне борьбы с папой и императором он боялся вызвать недовольство народа. Монмут был освобожден из тюрьмы. Как олдермен, а затем как шериф Лондона, он был верен до самой смерти и в своем последнем завещании распорядился, чтобы самые евангелические служители Англии прочитали тридцать проповедей, "чтобы возвещать святое слово Иисуса Христа". — "Это лучше, - подумал он, - чем учредительные мессы". Реформация показала в шестнадцатом веке, что большая активность в торговле может быть связана с большим благочестием.

ГЛАВА III.

Политические изменения —Свежие инструкции папы Кампеджио—Его задержки—Он раскрывается перед Франциском—Предсказание—Прибытие Кампеджио—Беспокойство Вулси—Удовлетворение Генриха—Проект кардинала—Прием Кампеджио—Первое интервью с королевой и с королем—Бесполезные попытки заставить Кампеджио расстаться с Декретом—Совесть Нунция—Общественное мнение—Меры, принятые королем—Его речь перед лордами и олдерменами—Празднества—Вулси ищет поддержки Франции—Противоречие.

ПАПА МЕНЯЕТСЯ.

Пока эти преследования будоражили поля и столицу Англии, все изменилось в церковном мире, потому что все изменилось в политическом. Папа римский, надавленный Генрихом VIII и запуганный армиями Франциска I, утвердил декреталию и отправил Кампеджио в отставку. Но внезапно произошла новая эволюция; смена событий повлекла за собой смену советов. Дориа перешел на сторону императора; его флот вернул Неаполю изобилие; армия Франциска I, разоренная голодом и чумой, капитулировала, а Карл V, одержавший победу в Италии, гордо сказал папе: "Мы полны решимости защищать королеву Англии от несправедливости короля Генриха". [859]

Карл восстановил свое превосходство, и испуганный папа открыл глаза на справедливость дела Екатерины. "Отправьте четырех гонцов за Кампеджио, - сказал он своим офицерам, - и пусть каждый выберет другую дорогу; прикажите им ехать как можно быстрее и доставить ему наши

депеша". [860] Они догнали легата, который вскрывал письма папы. "Во-первых, - сказал ему Климент VII, - продлите свое путешествие. Во-вторых, когда вы прибудете в Англию, приложите все усилия, чтобы примирить короля и королеву. В-третьих, если вам это не удастся, убедите королеву принять постриг. И, наконец, если она откажется, не выносите никакого приговора, благоприятствующего разводу, без нового и недвусмысленного приказа от меня. Это существенно важно: *Итоговый и максимальный мандат*. У посла суверенного понтифика была миссия ничего не делать. Иногда эта инструкция не менее эффективна, чем любая другая.

Кампеджио, самый молодой из кардиналов, был самым умным и самым медлительным; и эта медлительность стала причиной его избрания папой. Он понимал своего хозяина. Если Уолси был шпорой Генри, подстегивающей Кампеджио, то последний был уздечкой Клемента, сдерживающей Вулси. [861] Один из судей при разводе собирался двинуться вперед, другой назад; таким образом, у дела был шанс вообще не продвинуться вперед, чего как раз и требовал папа.

Легат, очень желавший сбавить скорость, потратил три месяца на свое путешествие из Италии в Англию. Он должен был отплыть во Францию 23 июля, но приближался конец августа, и никто в этой стране не знал, что с ним стало. [862] Наконец они узнали, что он прибыл в Лион 22 августа. Английский посол во Франции прислал ему лошадей, экипажи, столовую утварь и деньги, чтобы ускорить его продвижение; легат жаловался на *подагру*, и Гардинеру было очень трудно заставить его двигаться. Генрих каждый день писал Анне Болейн, жалуясь на медленное продвижение нунция. "Он прибыл в Париж в прошлое воскресенье или понедельник, - говорит он в начале сентября. - В следующий понедельник мы узнаем о его прибытии в Кале, и тогда я получу то, чего так жаждал, к благоволению Бога и нашему обоюдному удовольствию". [863]

ПИСЬМО ЭНН ВУЛСИ.

В то же время этот нетерпеливый принц посылал послание за посланием, чтобы ускорить передвижение легата.

Анна начала мечтать о будущем, которое превзошло все, что рисовало ее юношеское воображение, и ее взволнованное сердце наполнилось дыханием надежды. Она написала Вулси:

"Это должно быть сделано для того, чтобы выразить вашей светлости, поскольку я более всего связан, мою смиренную благодарность за великую боль и труды, которые ваша светлость переносит, изучая, благодаря вашей мудрости и великому усердию, как достойно достичь величайшего богатства [благополучия], которое возможно обрести любому живущему существу; и в особенности памятуя, насколько я жалок и недостоин по сравнению с его высочеством.... Теперь, милостивый государь, ваше благоразумие может пока оценить, как мало в моей власти вознаградить вас, но исключительно [только] по моей доброй воле; уверяю вас, посмотрите, что я могу вообразить в этом мире, чтобы доставить вам удовольствие, вы найдете меня самой счастливой женщиной в мире, которая сделает это". [864]

ЖЕСТОКОЕ ПРОРОЧЕСТВО.

Но нетерпение короля Англии и Анны, казалось, никогда не будет удовлетворено. Кампеджио, проезжая через Париж, сказал Франциску I, что развод никогда не состоится и что ему вскоре

следует отправиться в *Испанию*, чтобы повидаться с Карлом V.... Это было многозначительно. "Король Англии должен знать, - сказал возмущенный Франциск герцогу Саффолкскому, - что Кампеджио в душе *империалист* и что его миссия в Англии будет простой насмешкой". [865]

По правде говоря, испанская и римская фракции испробовали все уловки, чтобы помешать союзу, который они ненавидели. Анна Болейн, королева Англии, означала не только униженную Екатерину, но и оскорбленного Карла; клерикальная партия пробудилась, возможно, была уничтожена, а евангелическая партия поставлена на свое место. Римская фракция нашла сообщников даже в собственной семье Анны. Жена ее брата Джорджа, гордая и страстная женщина и строгая католичка, поклялась в непримиримой ненависти к своей младшей сестре. Таким образом, даже в домашнем святилище могли быть нанесены раны, которые не были бы менее глубокими оттого, что они были делом рук ее собственных родственников. Однажды нам рассказывают, что Анна нашла в своей комнате книгу мнимых пророчеств, в которой была картинка, изображающая короля, королеву, проливающих слезы, и у их ног юную леди без головы. Энн с отвращением отвела глаза. Однако она пожелала узнать, что означает эта эмблема, и услужливые друзья привели к ней одного из тех мнимых мудрецов, которых так много во все времена, которые злоупотребляют доверчивостью невежд, заявляя, что толкуют подобные тайны. "Эта пророческая картина, - сказал он, - представляет историю короля и его жены". Анна не была легковверной, но она поняла, на что хотели намекнуть ее враги, и отпустила притворную переводчицу, не выказав никаких признаков страха; затем, повернувшись к своей любимой служанке, Энн Сэвилл: "Подойди сюда, Нэн, — сказала она, — посмотри на эту книгу пророчеств; это король, это королева, заламывающая руки и скорбящая, а это (указывая пальцем на кровоточащее тело) *яс отрубленной головой*". - Молодая леди ответила с содроганием: "Если бы я думала, что это правда, я бы не стала". он был бы моим, будь он императором". - "Но, Нэн, - ответила Анна Болейн с милой улыбкой, - я считаю эту книгу безделушкой и полна решимости заполучить его, чтобы мое потомство было королевским, что бы со мной ни случилось". [866] Эта история основана на достоверных источниках, и было так много предсказаний такого рода, что это невозможно. очень возможно, что одно из них могло сбыться; впоследствии люди вспоминали только пророчества, подтвержденные событиями. Но, как бы то ни было, эта юная леди, столь сурово наказанная впоследствии, нашла в своем Боге обильное утешение.

ПРИБЫТИЕ В КАМПЕДЖИО.

Наконец, Кампеджио отплыл в Кале 29 сентября, и, к несчастью для него, ему удалось отлично пересечь ла-Манш. Шторм, который мог бы отбросить его обратно к берегам Франции, подошел бы ему как нельзя лучше. Но 1 октября он был в Кентербери, откуда объявил о своем прибытии королю. При этом известии Генри забыл обо всех задержках, которые так раздражали его. "Его величество никогда не сможет быть достаточно благодарен вашему святейшеству за столь великую милость, - писал Вулси папе, - но он воспользуется своим богатством, своим королевством, даже своей жизнью и заслужит имя *Восстановителя Церкви* так же справедливо, как он заслужил звание *Защитника Веры*". Это рвение встревожило Кампеджио, поскольку папа написал ему, что любое действие, которое может вызвать раздражение Карла, неизбежно приведет к разрушению церкви. [867] Нунций стал медлительнее, чем когда-либо, и хотя он прибыл в Кентербери 1 октября, в Дартфорд он прибыл только 5-го, таким образом, ему потребовалось четыре дня на путешествие протяженностью около тридцати миль. [868]

Тем временем шли приготовления к его приему в Лондоне. Вулси, испытывая презрение к бедности римских кардиналов и очень обеспокоенный экипажем, в котором его коллега, вероятно, въедет в столицу, прислал несколько роскошных сундуков, богатые ковры, носилки, завешанные драпировкой, и запряженных мулов. С другой стороны, Кампеджио, чья секретная миссия состояла в том, чтобы держаться в тени и, прежде всего, ничего не предпринимать, боялся этих знамен, атрибутики и всего парада триумфального въезда. Сославшись поэтому на приступ подагры, чтобы избежать пышности, которую приготовил для него его коллега, он спокойно сел в лодку и таким образом добрался до дворца епископа Бата, где ему предстояло поселиться.

Пока нунций таким образом незамеченным поднимался вверх по Темзе, экипажи, посланные Вулси, въехали в Лондон сквозь толпу, разинувшую рты, которая смотрела на них с любопытством, как будто они прибыли с берегов Тибра. Однако некоторые из мулов испугались и убежали, сундуки упали и лопнули, когда все бросились посмотреть на их содержимое; но, к всеобщему удивлению, они были пусты. Это была отличная шутка для жителей Лондона. "Прекрасно снаружи, пусто внутри; справедливая эмблема папства, его посольства и дурацкой помпезности, - говорили они. - фальшивый легат, процессия масок, и все это фарс!"

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ ЭНН ПРИШЕЛ КОНЕЦ.

Наконец-то наступил черед Кампеджио, и теперь больше всего он боялся публики. "Я не могу двигаться, - сказал он, - или выносить движение носилок". [869] Никогда приступ подагры не был более своевременным. Вулси, часто навещавший его, вскоре убедился, что он не уступает ему в хитрости. Напрасно он обращался с ним со всеми знаками уважения, пожимая ему руку и высоко оценивая его; [870] труд был потерян, римский нунций ничего не хотел говорить, и Вулси начал отчаиваться. Король, напротив, был полон надежд и воображал, что у него уже есть акт о разводе в портфеле, потому что в его королевстве был нунций.

Самым большим эффектом прибытия нунция стало то, что он положил конец нерешительности Анны Болейн. У нее было несколько рецидивов: испытания, которые она предвидела, и горе, которое неизбежно должна была испытать Кэтрин, взбудоражили ее воображение и помутили рассудок. Но когда она увидела, что церковь и ее собственные враги готовы объявить о разводе короля, ее сомнения рассеялись, и она сочла законным предложенное ей положение. Король, страдавший от ее щепетильности, был в восторге от такой перемены. "Я хочу сообщить вам, - писал он ей по-английски, - какую радость для меня доставляет понимание вашего соответствия разуму и подавления ваших бесполезных мыслей и фантазий уздой разума. Уверю вас, все величие этого мира не могло бы уравновесить для моего удовлетворения знание и уверенность в этом.... Неподдельная болезнь этого благонамеренного легата несколько затрудняет его доступ к вашей персоне. [871] Следовательно, именно решимость папы римского заставила Анну Болейн принять руку Генриха; это важный урок, за который мы обязаны *письмам Ватикана*. Мы должны быть благодарны папству за то, что оно так бережно сохранило их.

ИНТЕРВЬЮ КАМПЕДЖИО С КОРОЛЕВОЙ.

Но чем больше Генрих радовался, тем больше отчаивался Вулси; он хотел бы проникнуть в мысли Климента, но не смог этого сделать. Вообразив, что Де Анжелис, генерал Испанской полиции, знает все секреты папы и императора, он задумал похитить его. "Если он отправится в Испанию морем, - сказал он Дю Белле, - то одна-две хорошие бригадины справятся с этим

делом; а если по суше, то это будет еще проще". Дю Белле не преминул (как он сам сообщает нам) "прямо сказать ему, что в результате такого разбирательства он полностью утратил бы добрую волю папы". — "Какое это имеет значение?" Вулси ответил: "Мне нечего терять". Когда он сказал это, на его глазах выступили слезы. [872] Наконец он решил оставаться в неведении о планах понтифика и вытер глаза, ожидая, не без страха, беседы между Генри и Кампеджио.

22 октября, через месяц после его прибытия, нунция в паланкине из красного бархата доставили ко двору. Его посадили справа от трона, и его секретарь от его имени произнес высокопарную речь, приветствуя Генриха именем Спасителя Рима, *Освободителя урбиса*. "Его величество, - ответил Фокс от имени короля, - всего лишь выполнил обязанности, возложенные на христианского принца, и он надеется, что святой престол будет помнить о них". — "Хорошо атакован, хорошо защищен", - сказал Дю Белле. На данный момент несколько латинских декламаций вывели папского нунция из затруднительного положения.

Кампеджио не обманывал себя: в случае отказа в разводе он предвидел реформацию Англии. И все же он все еще надеялся, поскольку был уверен, что Екатерина подчинится суду церкви; и, будучи полностью убежден, что королева ни в чем не откажет святому отцу, нунций начал "свои подходы", как называет их Дю Белле. 27 октября оба кардинала нанесли визит Екатерине и в лестных выражениях намекнули, что она могла бы предотвратить грозящий ей удар, добровольно уйдя в монастырь. И затем, чтобы покончить со всякой нерешительностью королевы, Кампеджио напустил на себя суровый вид и воскликнул: "Как же так, мадам, объясните нам эту тайну? С того момента, как святой отец поручил нам рассмотреть вопрос о вашем разводе, вас видели не только при дворе, но и на публике в самых великолепных украшениях, с видом веселья и удовлетворения участвующей в увеселениях и празднествах, которых вы никогда раньше не терпели.... Церковь находится в самом жестоком замешательстве по отношению к вам; король, ваш муж, находится в величайшем замешательстве; принцесса, ваша дочь, отнята у вас ... и вместо того, чтобы проливать слезы, вы предаетесь тщеславию. Отрекитесь от мира, мадам; войдите в монастырь. Сам наш святой отец требует этого от вас". [873]

ОТВЕТ КЭТРИН.

Взволнованная королева была почти в обмороке; однако, сдерживая волнение, она сказала мягко, но твердо: "Увы! милорды, стоит ли сейчас спрашивать, являюсь ли я законной женой короля или нет, когда я замужем за ним почти двадцать лет и до этого не было никаких возражений?... Еще живы различные прелаты и лорды, которые тогда признали наш брак добрым и законным, — и теперь говорить об этом отвратительно! для меня это большое чудо, особенно если учесть, каким мудрым принцем был отец короля, а также естественную любовь и привязанность, которую мой отец, король Фердинанд, питал ко мне. Я думаю, что ни один из этих прославленных принцев не заставил бы меня заключить незаконный союз. При этих словах волнение Кэтрин заставило ее остановиться. "Если я и плачу, милорды, - почти сразу же продолжила она, - то не из-за себя, а из-за человека, который мне дороже моей жизни. Что? Я должен согласиться на поступок, который лишает мою дочь короны? Нет, я не пожертвую своим ребенком. Я знаю, какие опасности угрожают мне. Я всего лишь слабая женщина, чужая, без образования, советчиков и друзей... а мои враги искусны, сведущи в законах и желают заслужить благосклонность своего господина ... и более того, даже мои судьи - мои враги. Могу ли я принять как таковая, - сказала она, глядя на Кампеджио, - человека, которого вымогали у

папы римского путем явной лжи?... А что касается вас, - добавила она, надменно поворачиваясь к Вулси, - то, потерпев неудачу в завладении тиарой, вы поклялись отомстить моему племяннику императору ... и вы сдержали данное ему обещание; за все свои войны и досады он может только поблагодарить вас. Одной жертвы вам было недостаточно. Выдвигая отвратительные предположения, вы хотите ввергнуть его тетю в ужасную пропасть.... Но мое дело правое, и я доверяю его руке Господа. После этого дерзкого высказывания несчастная Екатерина удалилась в свои покои. Надвигающаяся опасность произвела в ней спасительный переворот; она сняла свои блестящие украшения, надела скромную одежду, в которой ее обычно изображают, и проводила дни и ночи в трауре и слезах. [874]

Таким образом, Кампеджио понял, что его надежды обмануты; он думал найти монахиню, а встретил королеву и мать.... Теперь он пустил в ход все мыслимые пружины; поскольку Екатерина не хотела отречься от Генриха, он должен попытаться убедить Генриха отказаться от своей идеи расстаться с королевой. Поэтому римский легат сменил позиции и обратил их против короля.

БЕСЕДА ГЕНРИХА С НУНЦИЕМ.

Генри, всегда нетерпеливый, однажды без предупреждения явился в дом Кампеджио в сопровождении только Вулси: [875] "Поскольку у нас нет свидетелей, - сказал он, фамильярно занимая свое место между двумя кардиналами, - давайте свободно поговорим о наших делах. [876]— Как вы поступите дальше?" Но, к его великому удивлению и огорчению, [877] нунций со всей мыслимой деликатностью умолял его отказаться от развода. [878] При этих словах вспыльчивый Тюдор взорвался: "Неужели папа так держит свое слово? Он посылает ко мне посла, чтобы аннулировать мой брак, но на самом деле подтвердить его". Он сделал паузу. Кампеджио не знал, что сказать. Генрих и Екатерина были одинаково убеждены в справедливости своего дела, и нунций оказался перед дилеммой. Сам Вулси принял мученическую смерть. [879] Гнев короля усилился; он думал, что легат поспешит отказаться от неосторожного выражения, но Кампеджио был нем. - Я вижу, вы выбрали свою роль, - сказал Генрих нунцию. - Вы можете быть уверены, что скоро возьмут и мою. Пусть папа только будет упорствовать в своих действиях, и апостольский престол, покрытый вечным позором, постигнут ужасные разрушения". [880] Лев сбросил шкуру ягненка, которую он на мгновение надел. Кампеджио почувствовал, что должен умиротворить монарха. "Хитрить и медлить" - таков был его приказ из Рима, и с этой целью папа снабдил его необходимым оружием. Он поспешил представить знаменитое *постановление*, которым был объявлен развод. "Святой отец, - сказал он королю, - горячо желает, чтобы это дело завершилось счастливым примирением между вами и королевой; но если это невозможно, вы сами должны судить, сможет ли его святейшество сдержать свои обещания". Затем он прочитал буллу и даже показал ее Генри, не выпуская, однако, из рук. Это представление произвело желаемый эффект: Генри успокоился. "Теперь я снова спокоен, - сказал он. - этот чудесный талисман оживляет все мое мужество. Это постановление - эффективное средство, которое вернет мир моей угнетенной совести и радость моему израненному сердцу. [881] Напиши его святейшеству, что это огромное благо так тесно связывает меня с ним, что он может ожидать от меня большего, чем может представить его воображение".

И все же вскоре после этого в сознании короля сгустились тучи.

Кампеджио, показав быка, поспешил снова запереть его. Осмелится ли он держать его в своих руках? Генри и Вулси не оставят без применения никаких средств, чтобы завладеть им; это очко завоевано, и победа за ними.

ВУЛСИ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ДЕКРЕТА.

Вулси вернулся к нунцию и попросил у него декрет с таким видом, словно это была самая естественная вещь в мире. По его словам, он хотел показать его тайным советникам короля. "Папа, - ответил Кампеджио, - разрешил эту буллу не для использования, а для сохранения в секрете; [882] он просто хотел показать королю добрые чувства, которые его воодушевляли". Потерпев неудачу с Уолси, Генрих попробовал свое мастерство. "Будьте добры, передайте мне быка, которого вы мне показывали", - сказал он. Нунций почтительно отказался. "На минутку", - сказал он. Кампеджио по-прежнему отказывался. Надменный Тюдор удалился, подавив свой гнев. Тогда Вулси предпринял еще одну попытку и обосновал свое требование справедливостью. "Как и вы, я уполномочен его святейшеством решить это дело, - сказал он, - и я желаю изучить важный документ, который должен регулировать наши действия". На это последовал новый отказ. "Как! - воскликнул министр Генриха VIII. - Разве я, как и вы, не кардинал?... как и вы, судья? ваш коллега?" Это не имело значения, нунций ни в коем случае не позволил бы декреталу уйти. [883] Климент не обманулся в выборе Кампеджио; посол был достоин своего хозяина.

Было очевидно, что папа, даруя буллу, играл определенную роль: эта уловка возмутила короля. Он чувствовал уже не гнев, а отвращение. Вулси знал, что презрения Генриха следовало опасаться больше, чем его гнева. Он встревожился и нанес нунцию еще один визит. "Общей комиссии, - сказал он, - недостаточно, только *декретная* комиссия может быть полезна, а вы не разрешаете нам прочитать ни слова из этого. [884]... Король и я возлагаем величайшее доверие на добрые намерения его святейшества, и все же мы обнаруживаем, что наши ожидания не оправдались. [885] Где та отеческая привязанность, которой мы тешили себя? С каким принцем когда-либо играли так, как сейчас с королем Англии? Если *Защитник Веры* будет вознагражден таким образом, христианский мир узнает, чего должны ожидать от него те, кто служит Риму, и каждая держава откажется от своей поддержки. Не обманывайте себя: фундамент, на котором стоит святой престол, настолько ненадежен, что малейшего движения будет достаточно, чтобы привести его к вечному разрушению. [886] Какое печальное будущее!... какая невыразимая попытка!... бодрствую я или сплю, мрачные мысли постоянно преследуют меня, как страшный кошмар". [887] На этот раз Вулси сказал правду.

НУНЦИЙ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВСЕГО.

Но все его красноречие было бесполезно; Кампеджио отказался отдать столь желанного быка. Отправляя его, Роум сказал ему: "Прежде всего, не добивайся успеха!" Это означает, что после неудачи у Вулси оставался еще один способ добиться развода. "Что ж, тогда, — сказал он Кампеджио, — давайте произнесем это сами". - "Это далеко от нас, - ответил нунций. - гнев императора будет так велик, что мир в Европе будет нарушен навсегда". - "Я знаю, как все это устроить, - ответил английский кардинал. - в политических вопросах вы можете доверять мне". [888] Затем нунций сменил тон и, гордо завернувшись в свою мораль, сказал: "Я последую голосу своей совести; если я увижу, что развод возможен, я прыгну в канаву; если нет, я этого не сделаю". — "Ваша совесть! это может быть легко удовлетворено, - возразил Вулси. "Священное Писание запрещает мужчине жениться на вдове своего брата; теперь ни один папа не может

разрешить то, что запрещено законом Божиим". — "Да сохранит нас Господь от такого принципа", - воскликнул римский прелат. - "Власть папы безгранична". Едва нунций высказал свою совесть, как она споткнулась; это привязывало его к Риму, а не к небесам. Но, если уж на то пошло, ни общественное мнение, ни друзья Кампеджио не имели большого представления о его морали; они думали, что для того, чтобы заставить его *прыгнуть в канаву*, достаточно знать цену, за которую его можно купить. Епископ Байоннский написал Монморанси: "Приложите в конце письма, которым я могу показать Кампеджио, кое-что *обещающее*, что он получит *пособия*.... Это ничего вам не будет стоить и может помочь в вопросе женитьбы, ибо я знаю, что он жаждет чего-то в этом роде". — "Что же тогда делать?" - спросил наконец Вулси, удивленный тем, что столкнулся с непривычным для него сопротивлением. "Я сообщу папе о том, что я видел и слышал, - ответил Кампеджио, - и буду ждать его указаний". Генрих был вынужден согласиться на этот новый курс, поскольку нунций намекнул, что, если бы ему воспротивились, он лично отправился бы в Рим, чтобы испросить приказаний у понтифика, и никогда бы не вернулся. Таким образом было выиграно несколько месяцев.

НАРОД ПОДДЕРЖИВАЕТ КЭТРИН.

В это время умы мужчин были встревожены. Перспектива развода между королем и королевой взбудоражила нацию; и большинство, особенно среди женщин, выступили против короля. "Что бы ни было сделано, - смело заявляли люди, - тот, кто женится на принцессе Марии, будет королем Англии". [889] Шпионы Вулси сообщили ему, что у Екатерины и Карла V было много преданных сторонников даже при дворе. Он хотел убедиться в этом. "Все делают вид, - сказал он однажды безразличным тоном, - что император хвастался, что он добьется изгнания короля из его владений, и это сделали собственные подданные его величества.... Что вы думаете об этом, милорды?" — "Трудно противостоять натиску", - говорит Дю Белле, но лорды молчат. Наконец, однако, один из них, более неосторожный, чем остальные, воскликнул: "Из-за такого бахвальства император потеряет более ста тысяч англичан". Вулси этого было достаточно. "Чтобы *потерять* их, - подумал он, - Чарльз должен *обладать* ими". Если бы Екатерина задумала развязать войну против своего мужа, следуя примеру бывших королей Англии, у нее была бы партия, готовая поддержать ее; это становилось опасным.

Король и кардинал немедленно приняли свои меры. Более 15 000 подданных Карла получили приказ покинуть Лондон; у горожан было изъято оружие, "чтобы у них не было худшего оружия, чем язык". [890] Фламандские советники, назначенные Екатерине, были уволены после того, как их выслушали король и Кампеджио, "поскольку им не было поручено разговаривать с *другим* [Вулси]" - и, наконец, они "пристально и постоянно следили" за страной. Люди опасались вторжения в Англию, а Генрих был не в настроении подчинять свое королевство папе.

РЕЧЬ ГЕНРИ.

Этого было недостаточно; встревоженный король счел своим долгом объяснить со своим народом; и, созвав лордов духовных и светских, судей, членов тайного совета, мэра и олдерменов города, а также многих представителей дворянства для встречи с ним в его дворце Брайдуэлл 13 ноября, [891] он сказал им: с очень снисходительным видом: "Вы знаете, милорды и джентльмены, что за последние двадцать лет божественное Провидение даровало нашей стране такое процветание, какого она никогда прежде не знала. Но посреди всей славы, которая меня окружает, мне часто приходит в голову мысль о моем последнем часе, [892] и я боюсь, что если я умру, не оставив наследника, моя смерть причинит больше вреда моему

народу, чем моя жизнь принесла им пользы. Не дай Бог, чтобы из-за отсутствия законного короля Англия снова погрузилась в ужасы гражданской войны!" Затем, вспомнив о незаконности, делающей недействительным его брак с Екатериной, король продолжил: "Эти мысли наполнили мой разум тревогой и постоянно терзают мою совесть. Это единственный мотив, и Бог мне свидетель, [893], который заставил меня обратиться с этим вопросом к понтифику. Что касается королевы, то она женщина, несравненная по мягкости, смирению и полноте, в чем я убедился за эти двадцать лет; так что, если бы мне пришлось жениться снова, если бы брак был удачным, я бы наверняка выбрал ее из всех других женщин. Но если судом будет установлено, что наш брак был против закона Божьего и, несомненно, недействителен, тогда я буду не только скорбеть о расставании с такой хорошей женщиной и любящей спутницей жизни, но гораздо больше оплакивать свой несчастный случай, что я так долго жил в прелюбодеянии, к великому неудовольствию Бога, и у меня нет истинного наследника моего тела, который унаследовал бы это царство.... Поэтому я требую от всех вас помолиться вместе с нами, чтобы была известна сама истина, для успокоения нашей совести и спасения нашей души". [894] Эти слова, хотя и лишенные искренности, были хорошо рассчитаны на то, чтобы успокоить умы людей. К сожалению, похоже, что после этой *речи короны*, официальная копия которой сохранилась, Генрих добавил несколько собственных слов. "Однако, - сказал он, по словам Дю Белле, бросив вокруг угрожающий взгляд, - если найдется хоть один человек, который будет говорить о своем принце не в подходящих выражениях, я покажу ему, что я хозяин, и нет такой высоко поднятой головы, которую я не свернул бы с его плеч". [895] Это была речь в стиле Генриха; но мы не можем полностью доверять утверждениям Дю Белле, поскольку этот дипломат, как и другие представители его класса, очень любил "приправлять" свои депеши. Но каким бы ни был факт в отношении постскриптума, речь о разводе произвела эффект. С тех пор шуток больше не было, даже со стороны врагов Болейнов. Одни поддерживали короля, другие втайне жалели королеву; большинство готовилось воспользоваться придворным переворотом, который все предвидели. "Король *так ясно* дал им понять, что ему это приятно, - говорит французский посол, - что они говорят более трезво, чем до сих пор".

ДЮ БЕЛЛЕ НАСТАИВАЕТ НА ПРОВЕДЕНИИ КАМПЕДЖИО.

Генрих, желая утихомирить крики народа и развеять опасения, испытываемые высшими классами, устроил несколько великолепных приемов: сначала в Лондоне, потом в Гринвиче, теперь в Хэмптон-Корте, а затем в Ричмонде. Королева сопровождала его, но Анна обычно оставалась "в очень красивом жилище, которое Генрих обставил для нее", - говорит Дю Белле. Кардинал, следуя примеру своего хозяина, с большим великолепием давал представления французских пьес. Вся его надежда была на Францию. "Я не желаю в Англии ничего, ни словом, ни делом, что не было бы французским", [896] сказал он епископу Байонны. Наконец Анна Болейн приняла блестящее положение, от которого поначалу отказалась, и каждый день ее величественный особняк (Саффолк—хаус) наполнялся многочисленным двором — "больше, чем когда-либо толпилось у королевы". - "Да, да", - сказал Дю Белле, увидев, что толпа поворачивается к *восходящему солнцу*, - "они хотят этими *маленькими* вещами приучить народ терпеть ее, чтобы, когда будут покушаться на *великие* дела, они не казались такими странными".

ИСТИННАЯ КАТОЛИЧНОСТЬ.

В разгар этих празднеств грандиозный бизнес не дремал. Когда французский посол запросил субсидию, предназначенную для выкупа сыновей Франциска I, кардинал потребовал от него взамен бумагу, подтверждающую, что брак никогда не был действительным. Дю Белле извинился, сославшись на свой возраст и недостаток образования; но, получив понять, что без этого он не мог бы получить субсидию, он написал мемуары за один день. Восхищенные кардинал и король умоляли его поговорить с Кампеджио. [897] Посол согласился, и успех превзошел все ожидания. Нунций, прекрасно понимая, что слишком сильно согнутый лук сломается, заставил Генриха поочередно становиться предметом надежды и страха. "Будьте осторожны, утверждая, что папа не имел права даровать разрешение королю, - сказал он французскому епископу, - это означало бы отрицание *его безграничной власти*. Но, - добавил он таинственным тоном, - я укажу путь, который безошибочно приведет вас к цели. Покажите, что святой отец был введен в заблуждение ложной информацией. *Настойчиво настаивайте на этом*, - продолжил он, - чтобы заставить меня заявить, что разрешение было предоставлено на ошибочных основаниях". [898] Таким образом, легат сам открыл брешь, через которую крепость могла быть застигнута врасплох. - Победа! - воскликнул Генрих, входя в покои Анны, весь сияя от радости.

Но эта уверенность со стороны Кампеджио была всего лишь новым трюком. "При дворе ходят слухи, - писал вскоре после этого Дю Белле, - что император и король Франции собираются объединиться и оставить Генриха в покое, так что все ляжет на его плечи". [899] Вулси, обнаружив, что дипломатические интриги провалились, счел своим долгом пустить в ход новые пружины, "и всеми хорошими и честными средствами добиться расположения папы". [900] Кроме того, к своему великому сожалению, он видел, как в то время в мире формировалось новое католичество, которое теснейшими узами объединяло христиан Англии с христианами континента. Расправа с одним из лидеров этого евангелического движения могла бы склонить римский двор в пользу Генриха. Следовательно, кардинал предпринял преследование Тиндейла; и теперь эта резолюция перенесет нас в Германию.

ГЛАВА IV.

Истинная католицизм—Уолси—Дело Хармана—Уэста отправляют в Кельн—Подвиги Тиндейла и Фрит—Ринке во Франкфурте—Он делает открытие—Тиндейл в Марбурге—Уэст возвращается в Англию—Его пытки в монастыре.

Пребывание Тиндейла и его друзей за границей и установившиеся там связи с благочестивыми христианами свидетельствуют о братском духе, который затем восстановила в церкви Реформация. Именно в протестантизме можно найти истинную католицизм. Римская церковь не является католической церковью. Отделенная от церквей востока, которые являются старейшими в христианском мире, и от реформатских церквей, которые являются самыми чистыми, она является не чем иным, как сектой, притом выродившейся. Церковь, которая заявляла бы, что верит в епископальное единство, но которая держалась бы отдельно от епископства Рима и Востока, а также от евангелических церквей, больше не была бы католической церковью; это была бы секта, еще более сектантская, чем ватиканская, фрагмент фрагмента. Церковь Спасителя нуждается в более истинном, более божественном единстве, чем единство священников, которые осуждают друг друга. Именно реформаторы, и в частности

Тиндейл, [901] провозгласили во всем христианском мире существование *тела Христова*, членами которого являются все дети Божьи. Последователи Реформации - истинные католики.

КАТОЛИЦИЗМ УОЛСИ.

Это была католицизм другого рода, который Уолси хотел поддерживать. Он не отвергал некоторых реформ в церкви, особенно таких, которые приносили ему какую-либо выгоду; но, прежде всего, он хотел сохранить для иерархии их привилегии и единообразие. Римская церковь в Англии тогда олицетворялась в нем, и если бы он пал, ее гибель была бы близка. Его политические таланты и разросшиеся связи с континентом заставили его яснее, чем других, осознавать опасности, угрожавшие папству. Публикация Священных Писаний Божьих на английском языке казалась некоторым незначительной тучей, которая вскоре исчезнет с горизонта; но дальновидному взгляду Вулси это предвещало сильную бурю. Кроме того, ему не нравились братские отношения, которые тогда складывались между евангельскими христианами Великобритании и других народов. Раздраженный этим духовным католицизмом, он решил добиться ареста Тиндейла, который был его главным органом.

Хакетт, посланник Генриха в Нидерландах, уже был причиной тюремного заключения Хармана, антверпенского купца, одного из главных сторонников английского реформатора. Но Хакетт напрасно просил у Вулси документы, которые изобличили бы его в *государственной измене* (поскольку любви к Библии было недостаточно для осуждения Хармана в Брабанте); посланник остался без писем из Англии, и по истечении последнего установленного законом срока Харман и его жена были освобождены после семимесячного заключения.

И все же Вулси не бездействовал. Кардинал надеялся найти в другом месте сотрудничество, в котором Маргарита Австрийская отказала. Ему нужен был Тиндейл, и все, казалось, указывало на то, что в то время он прятался в Кельне или в его окрестностях. Вулси, вспомнив сенатора Ринке и те услуги, которые он уже оказал, решил послать к нему некоего Джона Уэста, монаха францисканского монастыря в Гринвиче. Уэст, несколько ограниченный, но энергичный человек, очень хотел отличиться, и он уже приобрел некоторую известность в Англии среди противников Реформации. Польщенный своей миссией, этот тщеславный монах немедленно отправился в Антверпен в сопровождении другого монаха, чтобы схватить Тиндейла и даже Роя, некогда его коллегу по Гринвичу, с которым он там безуспешно боролся.

Пока эти люди замыслили его разорение, Тиндейл сочинил несколько произведений, напечатал их и отправил в Англию, а также день и ночь молился Богу о просвещении своих соотечественников. "Зачем ты доставляешь себе столько хлопот", - сказали некоторые из его друзей. "Они сожгут твои книги, как сожгли Евангелие". "Они сделают только то, чего я ожидаю, - ответил он, - если сожгут и меня". Он уже увидел вдалеке свой собственный горящий костер; но это зрелище только усилило его рвение. Спрятанный, подобно Лютеру в Вартбурге, однако не в замке, а в скромном жилище, Тиндейл, подобно саксонскому реформатору, проводил дни и ночи за переводом Библии. Но, не имея курфюрста Саксонии, который мог бы защитить его, он был вынужден время от времени менять место жительства.

ПЕРЕВЕДЕНА КНИГА БЫТИЯ И ВТОРОЗАКОНИЕ.

В это время Фрит, сбежавший из оксфордских тюрем, вернулся в Тиндейл, и сладость дружбы смягчила горечь их изгнания. Тиндейл закончил Новый Завет и начал перевод Ветхого, и ученый Фрит был ему очень полезен. Чем больше они изучали слово Божье, тем больше им восхищались. В начале 1529 года они опубликовали книги Бытия и Второзакония и, обращаясь к своим соотечественникам, сказали: "Читая, думай, что каждый слог относится к тебе самому, и высасывай суть Писания". [902] Затем, отрицая, что видимые знаки естественным образом передают благодать, как утверждали схоласты, Тиндейл утверждал, что таинства действительны только тогда, когда Святой Дух изливает на них свое влияние. "Церемонии Закона, - писал он, - заняли у израильтян то же место, что и таинства у нас. Мы спасены не силой жертвы или самого поступка, но в силу веры в обетование, символом или знамением которого была жертва или церемония. Святой Дух - это не бессловесный Бог, не Бог, который бормочет. Где бы ни провозглашалось слово, это внутреннее свидетельство действует. Если крещение проповедует мне омовение кровью Христа, то и Святой Дух сопровождает его; и это дело проповеди через веру устраняет мои грехи. Ноев ковчег спас их в воде благодаря вере". [903]

ТИНДЕЙЛА ИСКАЛИ ВО ФРАНКФУРТЕ.

Человек, осмелившийся обратиться к Англии на языке, столь противоречащем средневековым учениям, должен быть заключен в тюрьму. Джон Уэст, посланный с этой целью, прибыл в Антверпен; Хакетт нанял для него в качестве переводчика монаха английского происхождения, заставил его надеть светское платье и дал ему "три фунта" на счет кардинала; чем меньше внимания привлечет посольство, тем больше шансов на успех. Но велика была досада Веста, когда, добравшись до Кельна, он узнал, что Ринке находится во Франкфурте. Но это не имело значения; гринвичский монах мог искать Тиндейла в Кельне и желать, чтобы Ринке сделал то же самое во Франкфурте; таким образом, было бы два поиска вместо одного. Уэст нанял "быстрого" посыльного (он тоже был монахом) и передал ему письмо, которое Вулси адресовал Ринке.

Во Франкфурте была ярмарка, и город был полон торговцев и их товаров. Как только Ринке закончил читать письмо Вулси, он поспешил к бургомистрам и потребовал от них конфисковать английские переводы Священного Писания и, прежде всего, арестовать "еретика, который беспокоил Англию, как Лютер беспокоил Германию". "Тиндейл и его друзья не появлялись на наших ярмарках с марта 1528 года, - ответили судьи, - и мы не знаем, живы они или мертвы".

Ринке не был обескуражен. Джон Шут из Страсбурга, который, как говорили, печатал книги Тиндейла и которого меньше заботили опубликованные им произведения, чем деньги, которые он получал от них, случайно оказался во Франкфурте. "Где находится Тиндейл?" Ринке спросил его. "Я не знаю", - ответил печатник; но он признался, что напечатал тысячу томов по просьбе Тиндейла и Роя. "Принесите их мне, — продолжал сенатор от Кельна, - если мне заплатят справедливую цену, я отдам их вам". Ринке заплатил все, что требовали.

Теперь Вулси был бы доволен, поскольку Новый Завет раздражал его почти так же сильно, как развод; эта книга, столь опасная в его глазах, казалось, вот-вот разожжет пожар, который безошибочно поглотит здание римского традиционализма. Ринке, разделявший опасения своего покровителя, нетерпеливо открыл переданные ему тома; но произошла печальная ошибка: это был не Новый Завет и даже не работа Тиндейла, а книга, написанная Уильямом Роем, переменчивым и вспыльчивым человеком, которого реформатор некоторое время нанимал в Гамбурге и который последовал за ним в Кельн, но к которому он вскоре испытал отвращение. "Я попрощался с ним на наши две жизни, - сказал Тиндейл, - и еще на день".

Выйдя из "реформатора", Рой отправился в Страсбург, где хвастался своими отношениями с ним, и в этом городе была напечатана сатира против Вулси и монашеских орденов, озаглавленная "*Погребение мессы*": эту книгу доставили Ринке. Саркастический настрой монаха перешел законные границы полемики, и сенатор, соответственно, не осмелился отправить эти тома в Англию. Однако он не прекратил своих расспросов, а обыскал все места, где, по его мнению, мог найти Новый Завет, и, захватив все подозрительные тома, отправился в Кельн. [904]

ТИНДЕЙЛ В МАРБУРГЕ.

И все же он не был удовлетворен. Ему нужен был Тиндейл, и он обошел всех, спрашивая, не знают ли они, где его найти. Но реформатор, которого он искал во многих местах, и особенно во Франкфурте и Кельне, случайно оказался проживающим примерно на равном расстоянии от этих двух городов, так что Ринке, путешествуя из одного в другой, мог встретиться с ним лицом к лицу, как посланец Ахава встретился с Илией. [905] Тиндейл находился в Марбурге, куда его влекли несколько мотивов. Принц Филипп Гессенский был великим защитником евангельских доктрин. Университет привлек внимание к Реформе парадоксами Ламберта Авиньонского. Здесь незадолго до этого учился молодой шотландец по имени Гамильтон, впоследствии прославившийся как мученик, и здесь же у знаменитого печатника Джона Лафта были свои станки. В этом городе Тиндейл и Фрит поселились в сентябре 1528 года и, укрывшись на тихих берегах Лана, занимались переводом Ветхого Завета. Если бы Ринке обыскал это место, он не мог бы не обнаружить их. Но либо он не подумал об этом, либо испугался ужасного ландграфа. Он последовал прямой дорогой вдоль Рейна, и Тиндейл спасся.

Прибыв в Кельн, Ринке немедленно побеседовал с Вестом. Поскольку их расследование провалилось, им пришлось прибегнуть к более решительным мерам. Поэтому сенатор отправил монаха обратно в Англию в сопровождении его сына Германа, поручив им сказать Вулси: "Чтобы захватить Тиндейл, нам требуются более широкие полномочия, утвержденные императором. В империи не терпят предателей, замышляющих покушение на жизнь короля Англии, не говоря уже о Тиндейле и всех тех, кто замышляет что-либо против христианского мира. Он должен быть предан смерти; ничто, кроме какого-нибудь яркого примера, не может остановить лютеранскую ересь....А что касается нас самих, — им было велено добавить, — то, возможно, по милости Божьей у его королевского высочества и вашей светлости появится возможность вознаградить нас". [906] Ринке не забыл о субсидии в десять тысяч фунтов стерлингов, которую он получил от Генриха VII на турецкую войну, когда он отправился в Лондон в качестве посланника Максимилиана.

РАЗДРАЖЕНИЕ УЭСТА.

Уэст вернулся в Англию, крайне раздосадованный тем, что потерпел неудачу в своей миссии. Что скажут при дворе и в его монастыре? Его ждало новое унижение. Рой, которого Уэст отправился разыскивать на берегах Рейна, навестил свою мать на берегах Темзы; и в довершение всего новые доктрины проникли в его собственный монастырь. Начальник тюрьмы, отец Робинсон, обнял их, и день и ночь гринвичские монахи читали Новый Завет, который Уэст собирался сжечь в Кельне. Антверпенский монах, сопровождавший его в путешествии, был единственным человеком, которому он мог доверить свои горести; но францисканцы отправили его обратно на континент, а затем развлекались за счет бедняги Уэста. Если он хотел рассказать о своих приключениях на берегах Рейна, над ним смеялись; если он хвастался именами Вулси и

Генриха VIII, они насмеялись над ним еще больше. Он хотел поговорить с матерью Роя, надеясь получить от нее какую-нибудь полезную информацию; монахи воспрепятствовали этому. "Это входит в мои обязанности", - сказал он. Они высмеивали его все больше и больше. Робинсон, поняв, что поручение заставило Уэста напустить на себя неподобающий вид независимости, попросил Вулси отозвать его; и Уэст, вообразив, что его вот-вот бросят в тюрьму, в тревоге воскликнул: "Я устал от своей жизни!" и призвал друга, которого он имел при дворе, обеспечить ему перед Рождеством *послушание* под рукой и печатью его светлости, что позволило ему покинуть монастырь; "То, что вы заплатите ему за это, - добавил он, - я прослежу, чтобы вам возместили". Так Уэст искупил фанатичное рвение, побудившее его заняться переводчиком Божьих оракулов. Что с ним стало, мы не знаем: о нем больше ничего не слышно.

В то время у Вулси были другие дела, кроме этого "послушания". В то время как жалобы Уэста направлялись в Лондон, жалобы короля направлялись в Рим. Великим делом в глазах кардинала было поддержание гармонии между Генрихом и церковью. В Германии больше не думали о расследованиях, и на какое-то время Тиндейл был спасен.

ГЛАВА V.

Необходимость реформации—Серьезность Вулси по отношению к Да Казале—Аудиенция у Климента VII—Жесткая позиция папы Римского—Поцелуй Иуды—Новое дело—Брайана и Вана отправляют в Рим—Генри и Дю Белле—Доводы Вулси против дела—Волнение в Лондоне—Метаморфоза—Упадок Вулси—Его страдания.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМАЦИИ.

Король и часть его народа все еще придерживались папства, и до тех пор, пока эти узы не были разорваны, слово Божье не могло иметь свободного распространения. Но для того, чтобы побудить Англию отречься от Рима, действительно должны были быть веские мотивы, а их было немало.

Вулси никогда не отдавал таких срочных приказов никому из послов Генриха: "Король, - писал он Да Казале 1 ноября 1528 года, - поручает это дело вашему благоразумию, ловкости и верности; и я заклинаю вас использовать все силы вашего гения и даже превзойти их. Будь совершенно уверен, что ты не сделал и не можешь сделать ничего такого, что было бы более приятно королю, более желанно для меня, более полезно и прославлено для тебя и твоей семьи". [907]

ПРИМИРЕНИЕ Между КАРЛОМ И ГЕНРИХОМ.

Да Казале обладал упорством, оправдывавшим доверие кардинала, и активным, возбудимым умом: дрожа при мысли о том, что Рим потеряет Англию, он немедленно попросил аудиенции у Климента VII. "Как? - сказал он папе. - Как раз в тот момент, когда было предложено продолжить процедуру развода, ваш нунций пытается отговорить короля!... Нет никакой надежды на то, что Екатерина Арагонская когда-либо подарит наследника короны. Святой отец, этому должен быть положен конец. Прикажите Кампеджио передать *декрет* в руки его величества". — "Что вы скажете?" - воскликнул папа. "Я бы с радостью потерял один из своих пальцев, чтобы снова его

обрести, а вы просите меня обнародовать это ... это было бы моей гибелью". [908] Да Казале настаивал: "У нас есть долг, который мы должны выполнить", сказал он; "мы напоминаем вам в этот последний час об опасностях, угрожающих отношениям, которые объединяют Рим и Англию. Кризис близок. Мы стучимся в вашу дверь, мы взываем, мы призываем, мы умоляем, мы рассказываем вам о настоящих и будущих опасностях, которые угрожают папству. [909]... Мир узнает, что король, по крайней мере, выполнил долг преданного сына церкви. Если ваше святейшество желает сохранить Англию в лоно Святого Петра, я повторяю... сейчас самое время... сейчас самое время". [910] При этих словах Да Казале, не в силах сдержать своих эмоций, пал к ногам папы римского и умолял его спасти церковь в Великобритании. Папа был тронут. "Встаньте", - сказал он с признаками непривычной печали, [911] "Я предоставляю вам все, что в моих силах; я готов подтвердить решение, которое легаты, возможно, сочтут своим долгом вынести; но я снимаю с себя всякую ответственность за неисчислимое зло, которое это дело может принести с собой.... Если король, защитив веру и церковь, пожелает разрушить и то, и другое, то только на нем будет лежать ответственность за столь великое бедствие". Климент ничего не даровал. Да Казале удалился обескураженный и убежденный, что понтифик собирается вести переговоры с Карлом V.

Вулси желал спасти папство; но папство сопротивлялось. Климент VII был близок к потере острова, который Григорий Великий завоевал с таким трудом. Папа оказался в самом жестоком положении. Едва английский посланник покинул дворец, как вошел посол императора, дыша угрозами. Несчастный понтифик избежал нападок Генриха только для того, чтобы подвергнуться нападкам Карла; его швыряло взад и вперед, как мяч. "Я соберу генеральный совет, - сказал император через своего посла, - и если будет установлено, что вы нарушили каноны церкви в каком-либо пункте, к вам будут применены самые строгие меры. Не забывайте, - тихо добавил его агент, - что ваше рождение *незаконной*, следовательно, исключает вас из понтификата. Робкий Клемент, вообразив, что видит, как диадема падает с его головы, поклялся отказывать Генриху во всем. "Увы! - сказал он одному из своих самых близких доверенных лиц. - Я раскаиваюсь в прахе и пепле, что когда-либо даровал эту декретную буллу. Если король Англии так искренне желает, чтобы оно было передано ему, то, конечно, это не может быть просто для того, чтобы узнать его содержание. Он слишком хорошо с ними знаком. Это только для того, чтобы связать мне руки в деле о разводе; я предпочел бы умереть тысячью смертей. Климент, чтобы унять его волнение, послал одного из своих самых способных придворных, Франциска Кампану, очевидно, накормить короля новыми обещаниями, но на самом деле перерезать единственную ниточку, на которой еще держались надежды Генриха. "Мы обнимаем ваше величество, - написал папа в письме, переданном Кампане, - с отеческой любовью, которой заслуживают ваши многочисленные заслуги". [912] Теперь Кампану отправили в Англию тайно сжечь знаменитый декрет; [913] Климент скрывал свои удары объятиями. Рим разрешал множество разводов, не столь обоснованных, как при Генрихе VIII; но здесь речь шла совсем не о разводе; папа, желая восстановить в Италии свою пошатнувшуюся власть, собирался принести в жертву Тюдоров и подготовить триумф Реформации. Рим отделялся от Англии.

СЕКРЕТНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ЮЛИЯ II.

Все, чего опасался Климент, было то, что Кампана прибудет слишком поздно, чтобы сжечь быка; вскоре он успокоился; мертвый штиль помешал продвижению *великого дела*. Кампеджио, который старался не торопиться с выполнением своей миссии, отдался, подобно искусному

дипломату, своим мирским вкусам; а когда он не мог, при должном уважении к состоянию своих ног, предаться охоте, которую он очень любил, он проводил время в азартных играх, к которым у него было большое пристрастие. Уважаемые историки утверждают, что он предавался еще более недозволенным удовольствиям. [914] Но это не могло продолжаться вечно, и нунций искал какие-то новые способы отсрочки, которые представились самым неожиданным образом. Однажды офицер королевы представил римскому легату *сводку* Юлия II, датированную той же датой, что и *булла* об освобождении, тоже подписанная подобным образом секретарем Сигизмунда и в которой папа выражался таким образом, что возражения Генриха отпали сами собой. "Император, - сказал посланник Екатерины, - обнаружил это письмо среди бумаг Пуэблы, испанского посла в Англии, находившегося на момент заключения брака". — "Продолжать невозможно, - сказал Кампеджио Вулси. - Все ваши рассуждения теперь ускользают от вас. *Мы должны ждать новых инструкций*. Таков был вывод кардинала при каждом новом инциденте, а поскольку путешествие из Лондона в Ватикан было очень долгим (не считая расторопности римлян), решение было безошибочным.

Таким образом, существовали два акта одного и того же папы, подписанные в один и тот же день — один тайный, другой публичный, противоречащие друг другу. Генрих решил направить новую миссию в Рим. Анна предложила для этого посольства одного из самых образованных джентльменов двора, своего кузена сэра Фрэнсиса Брайана. К нему присоединился итальянец Питер Ваннес, секретарь Генри по латыни. "Вы просмотрите все реестры времен Юлия II, - сказал им Вулси. - Вы изучите почерк секретаря Сигизмунда и внимательно изучите кольцо рыбака, которым пользовался этот понтифик. [915]—Более того, вы проинформируете папу римского, что предлагается назначить на его место некоего грейфрайара по имени Де Анджелис, которому Карл передал бы *духовную* власть, оставив за собой *временную*. Вы сделаете так, чтобы Клемент встревожился из-за проекта, а затем предложите ему охрану из 2000 человек для его защиты. Вы спросите, может ли в случае, если королева пожелает посвятить себя религиозной жизни, при условии, что король сделает то же самое, и Генрих уступит этому желанию, [916] он мог бы быть уверен, что папа впоследствии освободит его от пострига. И, наконец, вы спросите, разрешил бы папа королю иметь *двух жен*, как мы видим в Ветхом Завете, в случае, если королева откажется уйти в монастырь". [917] Идея, которая навлекла столько нареканий на ландграфа Гессенского, не была новой; честь ее принадлежит кардиналу и легату Рима, что бы ни говорил Боссюэ. "Наконец, - продолжал Вулси, - поскольку папа римский робкого нрава, вы не преминете приправить свои увещевания угрозами. Ты, Питер, отведешь его в сторонку и скажешь ему, что, как итальянец, больше, чем кто-либо другой, желающий славы святого престола, твой долг предупредить его, что, если он будет упорствовать, король, его королевство и многие другие князья навсегда отделятся от папства".

СОВЕЩАНИЕ ГЕНРИХА С ДЮ БЕЛЛЕ.

Необходимость действовать была на уме не только у папы; слух о том, что император и король Франции лечат вместе, встревожил Генриха. Вулси тщетно пытался переубедить Дю Белле; эти два священника испробовали хитрость против хитрости. Кроме того, француз не всегда своевременно получал информацию от своего двора, и на доставку писем из Парижа в Лондон уходило *десять дней*. [918] Генри решил провести конференцию с послом. Он начал с того, что рассказал ему о *своем деле*, говорит Дю Белле: "и я обещаю вам, - добавил он, - что ему не нужен адвокат, он так хорошо понимает все дело". Затем Генрих коснулся *прегрешений* Франциска I, "припомнив так много вещей, что посланник не знал, что сказать". — "Я прошу вас,

господин посол, - сказал Генрих в заключение, - просить короля, моего брата, немного отказаться от своих развлечений в течение года только для скорейшего улаживания его дел". Предупреди тех, кого это касается". Подстегнув короля Франции, Генрих обратил свои мысли к Риму.

НЕДОСТОВЕРНОСТЬ БРИФА.

По правде говоря, роковое сообщение из Испании мучило его день и ночь, и кардинал мучил свой разум, пытаясь найти доказательства его недостоверности; если бы он мог это сделать, он снял бы с папства обвинение в двуличии и обвинил императора в подлоге. Наконец он решил, что добился успеха. "Во-первых, - сказал он королю, - на записке стоит та же дата, что и на булле. Теперь, если бы ошибки в последнем были обнаружены в день его составления, было бы более естественно внести другой, чем добавлять краткое указание на ошибки. Что! один и тот же папа римский, в один и тот же день, по ходатайству одних и тех же лиц, издает два рескрипта с одним эффектом, [919], один из которых противоречит другому! Либо бык был хорошим, и тогда зачем краткое изложение? или бык был плохим, и тогда зачем обманывать принцев никчемным быком? Многие имена в кратком изложении написаны неправильно, и это ошибки, которые папский секретарь, точность которых так хорошо известна, не мог допустить. [920] Наконец, никто в Англии никогда не слышал упоминания об этом брифинге; и все же именно здесь его следует найти ". Генрих поручил Найту, своему главному секретарю, как можно скорее присоединиться к другим посланникам, чтобы доказать папе предполагаемый характер документа.

ПРОБЛЕМА ВУЛСИ.

Этот важный документ возродил раздражение, испытываемое в Англии против Карла V, и было решено пойти на крайние меры. Все недовольные Австрией нашли убежище в Лондоне, особенно венгры. Посол Венгрии предложил Вулси передать императорскую корону Германии курфюрсту Саксонии или ландграфу Гессенскому, двум лидерам протестантизма. [921] Уолси в тревоге воскликнул: "Это доставит неудобства христианскому миру, *они такие лютеране*". Но венгерский посол настолько удовлетворил его, что в конце концов он не счел этот вопрос таким уж неудобным. Эти планы процветали в Лондоне, когда внезапно на глазах у Дю Белле произошла новая метаморфоза. Король, кардинал и министры пришли в странное замешательство. Винсент да Казале только что прибыл из Рима с письмом от своего двоюродного брата протонатория, сообщавшего Генриху, что папа, видя триумф Карла V, нерешительность Франциска I, изоляцию короля Англии и отчаяние своего кардинала, бросился в объятия императора. В Риме они зашли так далеко, что подшучивали над Вулси и говорили, что, поскольку он не может быть святым Петром, они сделают его святым Павлом.

Пока они высмеивали Вулси в Риме, в Сен-Жерменском соборе, они шутили и над Генрихом. "Я заставлю его избавиться от тех представлений, которые у него в голове", - сказал Фрэнсис; и фламандцы, которых снова выслали из страны, сказали, покидая Лондон, "что в этом году они будут вести войну так энергично, что это действительно будет зрелище, на которое стоит посмотреть".

Помимо этих общественных огорчений, у Вулси были и свои личные. Анна Болейн, которая уже начала использовать свое влияние в интересах жертв деспотичного кардинала, не давала себе покоя до тех пор, пока Чейни, придворный, опозоренный Уолси, не был восстановлен в

благосклонности короля. Анна даже высказала несколько едких сарказмов в адрес кардинала, а герцог Норфолк и его окружение начали "громко выражаться", говорит Дю Белле. В тот момент, когда папа, напуганный Карлом V, отделялся от Англии, сам Вулси колебался. Кто поддержит папство?... После Вулси никто! Рим был на грани потери власти, которой он пользовался в течение девяти столетий в лоне этой прославленной нации. Страдания кардинала невозможно описать; его постоянно преследовали мрачные образы, он видел Анну на троне, ставшую причиной триумфа Реформации: этот кошмар душил его. "Его светлость легат в большой беде", - писал епископ Байонны. "Однако ... он хитрее их". [922]

Чтобы утихомирить бурю, у Вулси оставалось только одно средство: сделать так, чтобы Климент благосклонно отнесся к замыслам своего хозяина. Хитрый Кампана, который сжег декреталию, заклинал его не верить всем сообщениям, передаваемым ему о Риме. "Чтобы удовлетворить короля, - сказал он кардиналу, - святой отец, если потребуется, сойдет с папского престола". [923] Поэтому Вулси решил послать в Рим более энергичного агента, чем Ванн, Брайан или Найт, и обратил свой взор на Гардинера. Его мужество начало возрождаться, когда неожиданное событие вновь раздуло его самые высокие надежды.

ГЛАВА VI.

Болезнь папы Римского—Желание Вулси—Совещание по поводу членов Конклава—Инструкции Вулси—Папа выздоравливает—Речь английских посланников к Папе Римскому—Климент готов покинуть Англию—Англичане требуют от папы отказа от Заключения—Тревога Вулси—Интриги—Проницательность Брайана—Угрозы Генри—Новые усилия Вулси—Он призывает обратиться к Риму и отказывается —Вулси и Дю Белле в Ричмонде—Корабль государства.

БОЛЕЗНЬ ПАПЫ римского.

6 января 1529 года, в праздник Богоявления, как раз в тот момент, когда папа совершал мессу, на него напала внезапная болезнь; его отнесли в его комнату, очевидно, в предсмертном состоянии. Когда эта весть достигла Лондона, кардинал решил поспешить покинуть Англию, где почва дрожала у него под ногами, и смело взойти на трон понтификов. Брайан и Ванн, находившиеся тогда во Флоренции, поспешили в Рим по дорогам, кишасшим грабителями. В Орвието им сообщили, что папе стало лучше; в Витербо никто не знал, жив он или мертв; в Рончильоне их заверили, что он скончался; и, наконец, когда они добрались до метрополии папства, они узнали, что Климент не мог выжить и что империалисты, поддерживаемые Колоннами, добивались избрания папы, преданного Карлу V. [924]

ВЕЧЕРИНКИ СРЕДИ КАРДИНАЛОВ.

Но каким бы сильным ни было волнение в Риме, в Уайтхолле оно было еще сильнее. Если Бог заставил Медичи сойти с папского престола, то, думал Вулси, это могло быть сделано только для того, чтобы заставить его взойти на него. "Целесообразно иметь такого папу, который может спасти королевство", - сказал он Гардинеру. "И хотя мне не может не быть неудобно в моем преклонном возрасте быть общим отцом, все же, если хорошенько все обдумать, хорошо

взвесить качества всех кардиналов, я единственный, без всякого хвастовства, кто может и будет исправить тайное дело короля. И если бы не восстановление государства церкви, и особенно не избавление короля и его королевства от постигших их бедствий, все богатства и почести мира не заставили бы меня принять упомянутый сан. Тем не менее я приспособляюсь к требованиям времени. А потому, мастер Стивен, чтобы это дело увенчалось успехом, я молю вас применить всю вашу изобретательность, не жалея ни денег, ни труда. Я даю тебе величайшие полномочия, без каких-либо ограничений". [925] Гардинер отправился завоевывать для своего хозяина желанную диадему.

Генрих VIII и Вулси, которые с трудом сдерживали свое нетерпение, вскоре услышали о смерти понтифика из разных источников. [926] "Император лишил жизни Климента", [927] сказал Вулси, ослепленный ненавистью. "Карл, - возразил король, - попытается силой или обманом назначить папу в соответствии со своими желаниями". "Да, сделать его своим капелланом, - ответил Вулси, - и постепенно положить конец как папе, так и папскому престолу". [928] "Мы должны броситься на защиту церкви, — продолжил Генрих, - и с этой целью, милорд, решите стать папой". - "Только это, - ответил кардинал, - может привести к счастливому завершению важного дела вашего величества, и, спасая вас, мы спасем церковь... и я тоже", — подумал он про себя. - "Посмотрим, подсчитаем избирателей".

Затем Генрих и его министр записали на полоске пергамента имена всех кардиналов, отметив буквой *A* тех, кто был на стороне королей Англии и Франции, и буквой *B* всех, кто благоволил императору. "Не было буквы, - саркастически замечает хронист, - которая обозначала бы что-либо на *стороне* Христа". Буква *N* обозначала нейтралов. "Присутствующих кардиналов, - сказал Вулси, - не более тридцати девяти, а у нас должно быть две трети, то есть двадцать шесть. Теперь есть двадцать человек, на которых мы можем рассчитывать; следовательно, мы должны любой ценой заполнить шестерых нейтралов".

ОЗНАЧАЕТ ПОЛУЧИТЬ ДИАДЕМУ.

Вулси, глубоко осознававший важность выборов, которые должны были решить, реформироваться Англии или нет, тщательно составил инструкции, которые Генрих подписал и которые должны войти в историю. "Мы желаем и предписываем, - сообщалось в них послам, - чтобы вы обеспечили избрание кардинала Йоркского; не забывая, что, кроме спасения собственной души, король ничего не желает более искренне.

"Чтобы одержать верх над нейтральными кардиналами, вы, в частности, будете использовать два метода. Во-первых, в присутствии кардиналов, имея перед собой Бога и Святого Духа, вы должны напомнить им, что только кардинал Йоркский может спасти христианский мир.

Во-вторых, поскольку человеческая хрупкость не позволяет все обдумать и взвесить на справедливых весах, в вопросах столь высокой важности для утешения и облегчения всего христианского мира необходимо оказывать помощь немощам, которые могут возникнуть случайно ... не для коррупции, вы поймете ... а скорее для того, чтобы помочь устранить недостатки человеческой природы. И, следовательно, будет целесообразно, если вы пообещаете духовные должности, почести, денежное вознаграждение или другие вещи, которые покажутся вам соответствующими цели.

"Тогда ты должен с хорошей ловкостью объединить и связать те, что благоприятствуют нам, в идеальный прочный и нерасторжимый узел. И чтобы они могли быть более воодушевлены,

чтобы завершить выборы по желанию короля, вы должны предоставить им охрану в 2000 или 3000 человек от королей Англии и Франции, от виконта Туринского и Венецианской республики.

Если, несмотря на все ваши усилия, выборы провалятся, тогда королевские кардиналы отправятся в какое-нибудь надежное место и там приступят к таким выборам, которые будут угодны Богу.

- И чтобы завоевать больше друзей для короля, вы должны пообещать, с одной стороны, кардиналу Медичи и его партии наше особое расположение; а флорентийцев, с другой стороны, вы должны утешить исключением упомянутой семьи Медичи. Точно так же вы вселите в кардиналов полную надежду вернуть церковное достояние; и вы внушите венецианцам доверие к разумному способу вернуть Червию и Равенну (которые составляли часть этого достояния) к их удовлетворению ". [929]

Таковы были средства, с помощью которых кардинал надеялся завоевать папский престол. Справа он сказал *да*, слева - *нет*. Какое значение имело бы то, что это вероломство однажды было обнаружено, при условии, что это произошло после выборов. Христианский мир мог бы быть совершенно уверен, что выбор будущего понтифика будет делом Святого Духа. Александр VI был отравителем; Юлий II дал волю честолюбию, гневу и пороку; либерал Лев X провел свою жизнь в мирских поисках; несчастный Климент VII жил хитростями и ложью; Вулси будет их достойным преемником:

"Все семь смертных грехов носили тройную корону". [930]

ТРЕБОВАЛИ РАЗВОДА.

Вулси находил себе оправдание в мысли, что в случае успеха развод будет обеспечен, а Англия навсегда порабощена римским двором.

Успех поначалу казался вероятным. Многие кардиналы открыто высказывались в пользу английского прелата; один из них попросил подробного отчета о его жизни, чтобы представить его в качестве образца для церкви; другой поклонялся ему (по его словам) как божеству.... Среди богов и пап, которых обожали в Риме, были и такие, кто был не лучше его. Но вскоре тревожные вести достигли Англии. Какое горе! папе становилось лучше. "Скройте свои инструкции, - писал кардинал, - и поберегите их *на всякий случай*".

Поскольку Вулси не получил тиару, необходимо было хотя бы добиться развода. "Бог возвещает, - сказали английские послы папе римскому, - что, *если Господь не построит дом, напрасно трудятся те, кто его строит*. [931] Поэтому король, полагаясь на одного только Бога в качестве своего проводника, просит вас, во—первых, о помолвке, о расторжении брака в течение трех месяцев, а во—вторых, о возвращении в Рим". - "Сначала обещание, а только потом призвание", - сказал Уолси; "ибо я боюсь, что если папа начнет с призыва, он никогда не сможет объявить о разводе". объявите о разводе". - "Кроме того, - добавили послы, - второй брак короля не допускает отказа, какие бы буллы или записки там ни были. [932] Единственным вопросом в этом вопросе является развод; развод тем или иным способом должен быть обеспечен."

Вулси проинструктировал своих посланников произносить эти слова с некоторой фамильярностью и в то же время с серьезностью, рассчитанной на то, чтобы произвести эффект. [933] Его ожидания были обмануты: Клемент был холоден как никогда. Он решил покинуть Англию, чтобы обезопасить Церковные государства, хозяином которых в то время был Карл, пожертвовав таким образом духовным ради мирского. "Папа не сделает ни малейшей вещи для вашего величества, - писал Брайан королю. - Ваше дело вполне может относиться к его *Отеческому отцу*, но уж точно не к его *Кредо*". [934] "Усиление назойливости", - ответил король. "Кардиналу Вероны следует оставаться при папе и уравнивать влияние Де Анджелиса и архиепископа Капуи. Я скорее потеряю свои две короны, чем буду избит этими двумя монахами".

УСТУПКИ ПАПЫ РИМСКОГО.

Таким образом, борьба вот-вот должна была стать острее, чем когда-либо, когда рецидив болезни Климента вновь поставил под сомнение все. Он всегда находился между жизнью и смертью, и это постоянное чередование всячески раздражало короля и нетерпеливого кардинала. Последний считал, что папа нуждался в *заслугах*, чтобы войти в царство небесное. "Добейтесь встречи с папой римским, - писал он посланникам, - даже если он находится в предсмертной агонии; [935] и объясните ему, что ничто не может с большей вероятностью *спасти его душу*, чем билль о разводе". Уполномоченные Генриха не были допущены; но ближе к концу марта депутаты появились в органе, [936] папа пообещал изучить письмо из Испании. Ванн начал опасаться этого документа; он утверждал, что те, кто его сфабриковал, смогли бы придать ему видимость подлинности. "Лучше сразу заявите, что это не краткое изложение", - сказал он папе. "Король Англии, который является сыном вашего святейшества, не так уж похож на остальной мир. Мы не можем надеть одну и ту же обувь на каждую ногу". [937] Этот довольно вульгарный аргумент не тронул Клемента. "Если для того, чтобы удовлетворить вашего хозяина в этом деле, - сказал он, - я не могу использовать свою голову, то, по крайней мере, я использую свой палец". [938] — "Будьте любезны объясниться", — ответил Ванн, который счел, что *палец* не имеет большого значения. - "Я имею в виду, - продолжил понтифик, - что я использую все средства, при условии, что они *благородны*." Ванн удалился обескураженный.

Он немедленно посоветовался со своими коллегами, и все вместе, встревоженные мыслью о гневе Генриха, вернулись к понтифику; они оттолкнули лакеев, пытавшихся их остановить, и направились в его спальню. Климент противостоял им с той инертностью, с помощью которой папство одерживало свои величайшие победы: *силуит*, он хранил молчание. Какое значение для понтифика имели Тюдор, его остров и его церковь, когда Карл Австрийский угрожал ему своими армиями? Климент, менее гордый, чем Хильдебранд, охотно подчинился власти императора при условии, что император защитит его. "Я предпочел бы, - сказал он, - быть слугой цезаря не только в храме, но и в конюшне, если необходимо, чем подвергаться оскорблениям мятежников и бродяг". [939] В то же время он написал Кампеджио: "Не раздражайте короля, но раскручивайте это дело как можно шире; [940] Испанское резюме дает нам средства".

ХИТРОСТИ И ПРОВОЛОЧКИ.

Фактически, Карл V дважды показывал Ли оригинал документа, и Вулси после доклада этого посла начал верить, что не Карл подделал сводку, а папа Юлий II действительно предоставил два противоречащих друг другу документа в один и тот же день. Соответственно, кардинал теперь боялся увидеть это письмо в руках понтифика. "Сделайте все возможное, чтобы

отговорить папу от поисков оригинала в Испании, - писал он одному из своих послов. - Это может вызвать раздражение императора". Мы знаем, насколько осторожен был кардинал по отношению к Карлу. В ту эпоху интриги достигли высшей точки, и англичане и римляне столкнулись хитростью с хитростью. "На таких щекотливых переговорах, - говорит Бернет (у которого был небольшой опыт в дипломатии), - министры должны говорить и не говорить в соответствии с инструкциями, что, естественно, является частью их бизнеса". [941] Посланцы Генриха к папе перехватили письма, отправленные из Рима, и арестовали Кампеджио. [942] Со своей стороны папа позволил себе льстивые улыбки и вероломные двусмысленности. Брайан писал Генриху VIII: "Ваша светлость всегда помогали ему делами, и он вознаграждал вас справедливыми *словами* и справедливыми *сочинениями*, в которых, я думаю, ваша светлость не будет ни в чем недостатка; но что касается *дел*, я никогда не верю, что увижу их, и особенно в это время". [943] Брайан понимал римский двор, возможно, лучше, чем многие политики. Наконец, сам Климент, желая подготовить короля к удару, который он собирался нанести, написал ему: "Мы не смогли найти ничего, что удовлетворило бы ваших послов". [944]

Генри думал, что знает, что означает это сообщение: что он ничего не нашел и ничего не найдет; и соответственно этот принц, который, если верить Вулси, до сих пор проявлял невероятное терпение и мягкость, [945] дал волю всей своей ярости. "Тогда очень хорошо, - сказал он. - мои лорды и я хорошо знаем, как выйти из-под власти римского престола". Вулси побледнел и заклинал своего повелителя не бросаться в эту страшную пропасть; [946] Кампеджио тоже пытался возродить надежды короля. Но все это было бесполезно. Генрих отозвал своих послов.

Генри, правда, еще не достиг того возраста, когда вспыльчивые натуры становятся негибкими из-за привитой ими привычки уступать своим страстям. Но кардинал, знавший своего господина, знал также, что его непреклонность не зависела от количества прожитых лет; он думал, что власть Рима в Англии утрачена, и, оказавшись между Генрихом и Климентом, он воскликнул: "Как мне избежать Сциллы и не попасть в Харибду?" [947] Он умолял короля предпринять последнее усилие и отправить доктора Беннета к папе с приказом поддержать призыв в Рим, и тот передал ему письмо, в котором продемонстрировал все ресурсы своего красноречия. "Как можно представить, - писал он, - что здравый смысл побуждает короля разорвать союз, в котором с такой чистотой прошли пылкие годы его юности? [948]... Дело совсем в другом. Я на месте, я знаю состояние умов людей.... Молю, поверьте мне.... Развод - второстепенный вопрос; главный - это *верность этого королевства* папскому престолу. Знать, джентри и горожане - все они восклицают с негодованием: неужели наше состояние и даже наши жизни должны зависеть от кивка иностранца? Мы должны упразднить или, по крайней мере, принизить авторитет римского понтифика. [949]... Святейший отец, мы не можем упоминать о таких вещах без содрогания"... Эта новая попытка также оказалась безуспешной. Папа спросил Генриха, как он может сомневаться в его доброй воле, учитывая, что король Англии так много сделал для апостольского престола. [950] Тюдору это показалось жестокой иронией; король просил папу об одолжении, и папа в ответ напомнил о тех, которые папство получило из его рук. "Неужели это тот способ, - спрашивали люди в Англии, - которым Рим платит свои долги?"

СЕРЬЕЗНОСТЬ ВУЛСИ.

Вулси еще не достиг предела своих несчастий. Гардинер и Брайан только что вернулись в Лондон: они заявили, что требовать направления в Рим - значит проиграть свое дело. Соответственно, Вулси, который поворачивался ко всем ветрам, приказал Да Казале, на случай, если Климент объявит о своем призвании, обратиться от папы, фальшивого главы церкви, к *истинному наместнику Иисуса Христа*. [951] Это было почти в стиле Лютера. Кем был этот настоящий викарий? Вероятно, папой римским, назначенным под влиянием Англии.

ГОРЕ ВУЛСИ.

Но это не успокоило кардинала: он терял рассудительность. Незадолго до этого Дю Белле, только что вернувшийся из Парижа, куда он отправился, чтобы удержать Францию на стороне Англии, был приглашен Вулси в Ричмонд. Когда оба прелата прогуливались по парку, расположенному на том холме, откуда открывается вид на плодородные и холмистые поля, по которым извилистая Темза разливает свои спокойные воды, несчастный кардинал сказал епископу: "Моя беда - самая большая, которая когда-либо была!... Я возбудил и развел этот вопрос о разводе, чтобы расторгнуть союз между двумя домами Испании и Англии, посеяв недоразумение между ними, как будто я не имел к этому никакого отношения. [952] Вы знаете, что это было в интересах Франции; поэтому я умоляю короля, вашего повелителя, и ее величество сделать все, чтобы ускорить процесс развода. Я буду ценить такую милость больше, чем если бы они сделали меня папой; но если они откажут мне, моя гибель неизбежна". И затем, поддавшись отчаянию, он воскликнул: "Увы! если бы меня похоронили завтра!"

Несчастный испивал горькую чашу, уготованную ему его вероломством. Казалось, все сговорились против Генри, и вскоре Беннета отозвали. При дворе и в городе говорили: "Поскольку папа приносит нас в жертву императору, давайте принесем в жертву папу". Климент VII, запуганный угрозами Карла V и пошатнувшийся на своем троне, в бешенстве оттолкнул ногой кору Англии. Европа была вся во внимании и начала думать, что гордое судно Альбиона, перерезав канат, который связывал его с понтификами, смело развеет свое полотно по ветру и с тех пор будет плавать по морю в одиночестве, подгоняемое бризом, который приходит с небес.

Влияние Рима на Европу в значительной степени политическое. Он теряет королевство из-за королевской ссоры и может таким же образом потерять десять.

ГЛАВА VII.

Дискуссия между евангелистами и католиками—Союз образования и жизни—Миряне—Тьюксбери—Его появление перед епископским судом—Его пытаются—Два класса противников—Теологический поединок—Священное Писание и Церковь—Освобождение разума—Миссия в Нидерланды—Смущение Тиндейла—Тонстолл хочет купить Книги—Уловка Пакингтона—Тиндейл отправляется в Антверпен—Его кораблекрушение—Прибытие в Гамбург—Знакомится с Ковердейлом.

ЕВАНГЕЛИСТЫ И КАТОЛИКИ.

Другие обстоятельства изо дня в день делали эмансипацию церкви все более необходимой. Если бы за этими политическими спорами не стоял христианский народ, решивший никогда не допускать ошибок, вполне вероятно, что Англия после нескольких лет независимости вернулась

бы в лоно Рима. Дело о разводе было не единственным, будоражившим умы мужчин; религиозные споры, которые в течение нескольких лет охватывали континент, всегда были более оживленными в Оксфорде и Кембридже. *Евангелисты* и *католики* (на самом деле не очень католики) горячо обсуждали важные вопросы, которые развитие событий поставило перед миром. Первый утверждал, что первоначальная церковь апостолов и действительная церковь папства не были идентичны; второй, напротив, утверждал идентичность папства и апостольского христианства. Другие римские врачи более поздних времен, находя эту позицию несколько неловкой, утверждали, что католицизм существовал только в *зародыше* в апостольской церкви и впоследствии развился сам по себе. Но тысячи злоупотреблений, тысячи ошибок могут проникнуть в церковь под прикрытием этой теории. Растение прорастает из семени и растет в соответствии с непреложными законами, в то время как доктрина не может быть преобразована в сознании человека, не подпав под влияние греха. Это правда, что последователи папизма предполагали постоянное действие Божественного Духа в католической церкви, которое исключает всякое влияние заблуждения. Чтобы придать развитию церкви характер истины, они наложили на саму церковь печать непогрешимости; *quod erat demonstrandum*. Их рассуждения - это просто напрашивающийся вопрос. Чтобы узнать, совпадает ли развитие Рима с Евангелием, мы должны исследовать это с помощью Священного Писания.

Не только университетские мужи занимались христианской истиной. Разделения, которое в прежние времена отмечалось между мнениями народа и ученых, теперь не существовало. То, чему учили врачи, горожане практиковали; Оксфорд и Лондон обнимали друг друга. Теологи знали, что обучение необходимо для жизни, а граждане верили, что жизнь нуждается в том обучении, которое черпает доктрину из источников Священных Писаний Бога. Именно гармония между этими двумя элементами, одним богословским, другим практическим, составляла силу английской реформации.

ТЬЮКСБЕРИ ПЕРЕД ЕПИСКОПАМИ.

Евангелическая жизнь в столице встревожила духовенство больше, чем евангелическая доктрина в колледжах. Поскольку Монмут сбежал, они должны нанести удар по другому. Среди лондонских купцов был Джон Тьюксбери, один из старейших друзей Священного Писания в Англии. Еще в 1512 году он стал обладателем рукописного экземпляра Библии и внимательно изучил его; когда появился Новый Завет Тиндейла, он прочитал его с жадностью; и, наконец, *Нечестивый Маммона* завершил работу по его обращению. Будучи человеком сердечным и понимающим, умным во всем, за что бы он ни брался, готовым и беглым оратором, любящим во всем докопаться до сути, Тьюксбери, как и Монмут, стал очень влиятельным в городе и одним из самых сведущих в Священном Писании среди всех евангелистов. Эти великодушные христиане, преисполненные решимости посвятить Богу все хорошее, что они получили от него, были первыми среди того длинного ряда мирян, которым было суждено принести истине больше пользы, чем многим служителям и епископам. Они находили время интересоваться самыми незначительными подробностями царства Божьего, и в истории Реформации в Британии их имена должны быть вписаны рядом с именами Латимера и Тиндейла.

Деятельность этих мирян не могла ускользнуть от внимания кардинала. Климент VII покидал Англию: английским епископам было необходимо, сокрушив еретиков, показать, что они не откажутся от папства. Мы можем понять рвение этих прелатов, и, не оправдывая их

преследования, мы склонны смягчить их преступление. Епископы решили разрушить Тьюксбери. Однажды в апреле 1529 года, когда он возился со своими шкурами, офицеры проникли на его склад, арестовали его и отвели в часовню епископа Лондонского, где, помимо ординарца (Тонстолла), на скамье подсудимых находились епископы Эли, Святого Асафа, Бата и Линкольна, а также аббат Вестминстера. Состав этого трибунала указывал на важность его дела. Освобождение мирян, по мнению этих судей, является, возможно, более опасной ересью, чем оправдание верой.

НАПАДЕНИЕ МОРА НА ТИНДЕЙЛА.

"Джон Тьюксбери, - сказал епископ Лондонский, - я призываю вас меньше полагаться на свой собственный ум и ученость, а больше на доктрину святой матери церкви". Тьюксбери ответил, что, по его мнению, он не придерживается никакой другой доктрины, кроме доктрины церкви Христа. Затем Тонстол выдвинул главное обвинение в том, что он читал "Нечестивую Маммону", и, процитировав несколько отрывков, воскликнул: "Откажитесь от этих ошибок". — "Я не нахожу в книге никаких недостатков", - ответил Тьюксбери. "Это просветило мою совесть и утешило мое сердце. Но это не мое Евангелие. Я изучал Священное Писание эти семнадцать лет, и как человек видит пятна на своем лице в зеркале, так и я, читая их, узнал недостатки своей души. [953] Если между вами и Новым Заветом есть разногласия, приведите себя в соответствие с ним, а не стремитесь привести это в соответствие с вами ". Епископы были удивлены, что кожевник так хорошо говорит и с таким удовольствием цитирует Священное Писание, что не смогли устоять перед ним. [954] Раздраженные тем, что их катехизировал мирянин, епископы Бата, Сент-Асафа и Линкольна думали, что им легче победить его дыбой, чем своими аргументами. Его отвели в Тауэр, где приказали подвергнуть его пыткам. Его конечности были раздроблены, что противоречило законам Англии, и жестокость дыбы вырвала у него крик агонии, на который священники ответили криком ликования. Непреклонный торговец пообещал, наконец, отказаться от Порочной Мамоны Тиндейла. Тьюксбери покинул Тауэр "почти калекой", [955] и вернулся в свой дом, чтобы оплакать роковое слово, которое вырвал у него вопрос, и приготовиться в молчании веры исповедать в горящей куче драгоценное имя Иисуса Христа.

Мы должны, однако, признать, что "вопрос" был не единственным аргументом Рима. В шестнадцатом веке, как и в первые века существования церкви, у Евангелия было два класса противников. Одни нападали на это с помощью пыток, другие - со своими сочинениями. Сэр Томас Мор несколько лет спустя должен был прибегнуть к первому из этих аргументов; но на данный момент он взялся за перо. Сначала он изучал труды Отцов церкви и реформаторов, но скорее как защитник, чем как богослов; а затем, вооруженный по всем пунктам, он ринулся на арену полемики и в своих нападениях использовал те "технические убеждения и ту злонамеренную тонкость", - говорит один из его величайших поклонников, [956] ", из которой следует, что самые честные люди его профессии не свободны". Шутки и сарказмы слетали с его пера в дискуссии с Тиндейлом, как и в его полемике с Лютером. Вскоре после дела Тьюксбери (в июне 1529 г.) появился *Диалог сэра Томаса Мора, Кнт., касающийся пагубной секты Лютера и Тиндейла, один из которых был основан в Саксонии, а другой с трудом перенесен в Англию.* [957]

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК.

Вскоре Тиндейлу стало известно о публикации Мора, и между этими двумя представителями двух доктрин, которым было суждено разделить христианский мир, разгорелась замечательная

битва — Тиндейлом, защитником Священного Писания, и Мором, защитником церкви. Мор назвал свою книгу *диалогом*, Тиндейл принял эту форму в своем ответе, [958] и двое сражающихся доблестно скрестили свои мечи, хотя между ними лежали широкие моря. Эта теологическая дуэль не лишена значения в истории Реформации. Борьбы дипломатии, жречества и королевской власти было недостаточно; должна была быть борьба доктрин. Рим поставил иерархию выше веры; Реформация должна была вернуть вере ее место над иерархией.

Еще. Христос не сказал, что Святой Дух будет *писать*, но будет *учить*. Что бы ни говорила церковь, это слово Божье, хотя его и нет в Священном Писании.

Тиндейл. Что? Христос и апостолы не упоминали о *Священных Писаниях*!... *Сие написано*, говорит святой Иоанн, *чтобы вы веровали и через веру имели жизнь*. (1 Иоанна ii, 1; Рим. xv, 4; Матфея xxii, 29.) [959]

АПОСТОЛЫ И РЕФОРМАТОРЫ.

Еще. *Устами* апостолы учили многим вещам, которых они не *записывали*, потому что они не должны были попасть в руки язычников для насмешек.

Тиндейл. Я прошу вас, чему еще могут учить язычники, достойные насмешек, кроме воскресения; и что Христос был Богом и человеком и умер между двумя разбойниками? И все же все это *написали* апостолы. И опять же, чистилище, покаяние и удовлетворение за грехи, а также молитвы святым удивительно приятны для суеверий языческого народа, так что им нет необходимости воздерживаться от написания о них из страха, что язычники высмеяли бы их. [960]

Еще. Мы не должны исследовать учение церкви по Писанию, но понимать Писание посредством того, что говорит церковь.

Тиндейл. Что! Воздух дает свет солнцу или солнце воздуху? Церковь важнее Евангелия или Евангелие важнее церкви? Разве отец не старше сына? *Бог породил нас своей собственной волей, словом истины*, говорит Святой Иаков (i, 18). Если тот, кто рождает, находится перед тем, кто рожден, то *слово* находится перед *церковью*, или, правильнее говоря, перед *собранием*.

Еще. Почему вы говорите "*собрание*" а не "*церковь*"?

Тиндейл. Потому что под этим словом *церковь* вы понимаете не что иное, как множество стриженных и умощенных, которых мы теперь называем духовенством или клириками; в то время как слово праведности является общим для всего собрания верующих во Христа. [961]

Еще. Церковь - это папа римский, а его секта - последователи.

Тиндейл. Папа учит нас доверять святым делам для спасения, таким как покаяние, заслуги святых и монашеские одежды. [962] Итак, тот, кто не имеет веры в спасение через Христа, не принадлежит к церкви Христа. [963]

Еще. Римская церковь, из которой вышли лютеране, была до них и, следовательно, является правильной.

Тиндейл. Точно так же вы можете сказать, что церковь фарисеев, из которой вышли Христос и его апостолы, была до них и, следовательно, была правильной церковью, а следовательно, Христос и его ученики - еретики.

Еще. Нет: апостолы вышли из церкви фарисеев, потому что они не нашли там Христа; но ваши священники в Германии и других местах вышли из нашей церкви, потому что им нужны были жены.

Тиндейл. Неверно: ... эти священники сначала были привязаны к тому, что вы называете *ересями*, а затем они взяли жен; но ваши сначала были привязаны к *святой* доктрине папы римского, а затем они взяли блудниц. [964]

Еще. Книги Лютера будьте открыты, если вы нам не верите.

Тиндейл. Нет, вы заперли их и даже сожгли. [965]...

Еще. Я удивляюсь, что вы отрицаете *чистилище*, сэр Уильям, если не считать того, что вам совершенно ясно, что вы отправляетесь напрямиком в ад. [966]

Тиндейл. Я не знаю другого очищения, кроме веры в крест Христов; в то время как вы за грош или шесть пенсов покупаете какие-то секретные пилюли [индульгенции], которые принимаете, чтобы очиститься от своих грехов. [967]

Еще. Итак, вера — это ваше чистилище, говорите вы; следовательно, нет необходимости в делах - самая безнравственная доктрина!

Тиндейл. Нас спасает *только* вера, но не *голая вера*. Когда на лошади есть седло и человек на нем, мы вполне можем сказать, что только на лошади есть седло, но мы не имеем в виду пустое седло и отсутствие человека на нем. [968]

Таким образом католик и евангелист продолжили дискуссию. Согласно Тиндейлу, то, что составляет истинную церковь, - это работа Святого Духа внутри; согласно Мору, устройство папства снаружи. Таким образом, духовный характер Евангелия противопоставляется формалистическому характеру Римской церкви. Реформация вернула нашей вере прочное основание слова Божьего; песок она заменила камнем. В дискуссии, к которой мы только что прислушивались, преимущество осталось не за католиками. Эразмус, друг Мора, смущенный поведением последнего, написал Тонстоллу: "Я не могу от всей души поздравить Мора". [969]

Генрих прервал участие знаменитого рыцаря в этих состязаниях, чтобы отправить его в Камбре, где шли переговоры о мире между Францией и империей. Вулси был бы рад поехать сам, но его враги предположили королю, "что это было только для того, чтобы он не ускорил процесс развода". Поэтому Генри отправил Мора, Найта и Тонстолла; но Вулси устроил так много задержек, что прибыл только после заключения *Дамского мира* (август 1529 г.). Досада короля была крайней. Дю Белле напрасно помог ему провести *хороший подготовительный июль* чтобы заставить его *проглотить дозу*. [970] Генри был зол на Вулси, Вулси свалил вину на посла, а посол защищался, по его словам, "зубами и ногтями". [971]

ДОГОВОР ПРОТИВ ЛЮТЕРАНСКИХ КНИГ.

В качестве компенсации английские послы заключили с императором договор, запрещающий обеим сторонам печатание и продажу "любых лютеранских книг". [972] Некоторые из них могли бы пожелать хорошего преследования, возможно, нескольких горящих куч. Представилась исключительная возможность. Весной 1529 года Тиндейл и Фрит выехали из Марбурга в Антверпен и, таким образом, оказались поблизости от английских посланников. Считалось, что то, чего Уэст не смог добиться, не могли не совершить два самых умных человека в Британии. "Тиндейл должен быть схвачен", — сказали Мор и Тонстолл. - "Вы не знаете, в какой стране находитесь", - ответил Хакетт. "Поверите ли вы, что 7 апреля Харман арестовал меня в Антверпене за ущерб, причиненный его тюремным заключением? "Если вы можете выдвинуть какие-либо обвинения против меня как частного лица, - сказал я офицеру, - я готов отвечать за себя; но если вы арестуете меня как посла, я не знаю другого судьи, кроме императора". На что прокуратор имел наглость ответить, что я был арестован *как посол*; и лорды Антверпена отпустили меня на свободу только при условии, что я явлюсь снова по первому вызову. [973] Эти торговцы так гордятся своими привилегиями, что устояли бы даже перед самим Чарльзом". Этот анекдот вовсе не был рассчитан на то, чтобы воодушевить его на большее; и, не заботясь о преследовании, которое обещало принести мало пользы, он вернулся в Англию. Но епископ Лондонский, который остался позади, настаивал на своем проекте и отправился в Антверпен, чтобы привести его в исполнение.

ОПАСНОСТЬ ТИНДЕЙЛА.

Тиндейл был в то время в большом затруднении; значительные долги, возникшие у его типографии, вынудили его приостановить свою работу. И это было еще не все: прелат, который так резко отверг его в Лондоне, только что прибыл в тот самый город, где он скрывался.... Что с ним будет?... Купец по имени Огастин Пакингтон, умный человек, но несколько склонный к лицемерию, оказавшийся в Антверпене по делам, поспешил засвидетельствовать свое почтение епископу. Последний заметил в ходе беседы: "Я хотел бы раздобыть книги, которыми отравлена Англия". "Возможно, я смогу помочь вам в этом вопросе", - ответил торговец. "Я знаю фламандцев, которые купили книги Тиндейла; так что, если вашей светлости будет угодно заплатить за них, я позабочусь о том, чтобы вы получили их все". — "О, о!" - подумал епископ, "Теперь, как гласит пословица, я буду держать Бога за пятку. [974] Любезный мастер Пакингтон, - добавил он льстивым тоном, - я заплачу за них столько, сколько они вам обойдутся. Я намерен сжечь их на кресте Святого Павла. Епископ, уже положивший руку на Заветы Тиндейла, вообразил, что вот-вот схватит самого Тиндейла.

Пакингтон, будучи одним из тех людей, которые любят примирять все стороны, побежал к Тиндейлу, с которым был близок, и сказал: "Уильям, я знаю, что ты бедный человек, и у тебя есть куча Новых Заветов и книг, на которые ты разорился; и теперь я нашел торговца, который купит их все, и к тому же за наличные деньги". — "Кто этот торговец?" — спросил Тиндейл. - "Епископ Лондонский". — "Тонстолл?"... Если он и покупает мои книги, то только для того, чтобы сжечь их". — "Без сомнения, - ответил Пакингтон, - но что он от этого выиграет? Весь мир возопит против священника, который сжигает слово Божье, и у многих откроются глаза. Ну же, решайся, Уильям; епископ получит книги, ты - деньги, а я - благодарность... Тиндейл воспротивился этому предложению; Пакингтон стал настаивать еще больше. "Возникает вопрос, - сказал он, - заплатит ли епископ за книги или нет? ибо, решайте сами ... он получит их". — "Я согласен, - сказал наконец Реформатор. - Я заплачу свои долги и издам новое и более правильное издание Завета". Сделка была заключена.

ТИНДЕЙЛ ПОТЕРПЕЛ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

Вскоре опасность сгустилась вокруг Тиндейла. Плакаты, расклеенные в Антверпене и по всей провинции, возвещали, что император в соответствии с Камбрейским мирным договором собирается выступить против реформаторов и их трудов. На улице не появилось ни одного представителя правосудия, но друзья Тиндейла дрожали за его свободу. Как при таких обстоятельствах он мог напечатать свой перевод Книги Бытия и Второзакония? Примерно в конце августа он принял решение отправиться в Гамбург и сесть на судно, загружающееся в этом порту. Погрузившись на корабль со своими книгами, рукописями и остатками денег, он поплыл вниз по Шельде и вскоре оказался на плаву в германском океане.

Но одна опасность неотвратимо следовала за другой. Едва он миновал устье Мааса, как на него обрушилась буря, и его корабль, подобный древнему кораблю, на котором плыл святой Павел, был почти поглощен волнами. "Сатана, завидуя счастливому течению и успеху Евангелия, — говорит хронист, — изо всех сил старался помешать благословенным трудам этого человека".

[975] Моряки трудились, Тиндейл молился, вся надежда была потеряна. Только реформатор был полон мужества, не сомневаясь в том, что Бог сохранит его для завершения его работы. Все усилия экипажа оказались бесполезными; судно выбросило на берег, и пассажиры спаслись. Тиндейл с грустью взирал на этот океан, который поглотил его любимые книги и драгоценные рукописи и лишил его всех ресурсов. [976] Какие труды, какие опасности! изгнание, бедность, жажда, оскорбления, слезка, преследования, тюремное заключение, костер!... Как и Пол, он подвергался опасности со стороны своих соотечественников, среди незнакомых людей, в городе, на море. Однако, воспрянув духом, он сел на другой корабль, вошел в Эльбу и наконец добрался до Гамбурга.

В этом городе его ждала великая радость. Ковердейл, как сообщает нам Фокс, ждал его там, чтобы посоветоваться с ним и помочь ему в его трудах. [977] Предполагалось, что Ковердейл отправился в Гамбург, чтобы пригласить Тиндейла от имени Кромвеля вернуться в Англию; [978] но это всего лишь предположение, и оно требует подтверждения. Еще в 1527 году Ковердейл сообщил Кромвелю о своем желании перевести Священное Писание. [979] Было естественно, что, столкнувшись с трудностями в этом предприятии, он пожелал побеседовать с Тиндейлом. Двое друзей поселились у набожной женщины по имени Маргарет ван Эммерсен и провели вместе некоторое время осенью 1529 года, не беспокоясь о потливости, которая сеяла такой жестокий хаос вокруг них. Вскоре после этого Ковердейл вернулся в Англию; два реформатора, без сомнения, обнаружили, что каждому из них лучше переводить Священные Писания по отдельности.

Перед возвращением Ковердейла Тонстолл вернулся в Лондон, радуясь тому, что увез с собой книги, которые он так дорого купил. Но когда он добрался до столицы, то подумал, что лучше отложить задуманное *аутодафе* до какого-нибудь поразительного события, которое придаст ему еще большее значение. И, кроме того, как раз в тот момент внимание общественности на берегах Темзы привлекали совсем другие дела, и самые живые эмоции будоражили умы каждого.

ГЛАВА VIII.

Королевская сессия—Заседание 18 июня; Протест королевы—Заседание 21 июня—Вызов к королю и королеве—Речь Екатерины—Она уходит—Впечатление, произведенное на аудиторию—Декларация короля—Протест Вулси—Ссора между епископами—Новое заседание—Явление Кентской деве—Уолси раздражен Генрихом—Граф Уилтшир у Вулси—Частная беседа Екатерины с двумя легатами.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕССИЯ.

За время отсутствия Тонстолла дела в Англии изменились, и даже больше; и еще до их отъезда произошли события определенной важности. Генрих, обнаружив, что больше не на что надеяться от Рима, обратился к Вулси и Кампеджио. Римскому нунцию удалось обмануть короля. "Кампеджио сильно отличается от того, что о нем сообщают, - сказал Генрих своим друзьям. - Он не за императора, как мне сказали; я сказал ему кое-что, что изменило его мнение". [980] Без сомнения, он дал какое-то блестящее обещание.

КОМИССИЯ ОТКРЫЛАСЬ.

Поэтому Генрих, полагая, что уверен в двух своих легатах, пожелал, чтобы они без промедления приступили к делу о разводе. Нельзя было терять времени, поскольку королю сообщили, что папа собирается отозвать полномочия, данные двум кардиналам; и уже 19 марта Сальвиати, дядя папы и государственный секретарь, написал об этом в Кампеджио. [981] Процесс Генриха, попав в суд папской канцелярии, должен был пройти много времени, прежде чем он снова получил огласку. Соответственно, 31 мая король ордером, скрепленным большой печатью, дал легатам *разрешение* выполнить их поручение, "не обращая никакого внимания на свою персону и имея перед глазами только страх Божий". [982] Сами легаты предложили королю эту формулу.

В тот же день комиссия была открыта; но начать процесс - еще не значило закончить его. Каждое письмо, которое получал нунций, самым решительным образом запрещало ему это. "Продвигайся медленно и никогда не заканчивай", - таковы были инструкции Климента. [983] Судебный процесс должен был стать фарсом, разыгранным папой римским и двумя кардиналами.

Церковный суд заседал в большом зале Блэкфрайарз, обычно называемом "палатой парламента". Два легата, последовательно взяв в свои руки поручение, благочестиво заявили, что они полны решимости выполнить его (им следовало бы сказать, уклониться от него), принесли требуемые клятвы и приказали королю и королеве явиться 18 июня в девять утра. Кампеджио стремился продвигаться *медленно*; заседание было отложено на три недели. Цитата вызвала большой ажиотаж среди людей. "Как! - воскликнули они. - король и королева вынуждены появляться в своих собственных владениях перед своими подданными". Папство подало пример, которому в последующие годы должны были строго следовать как в Англии, так и во Франции.

КОРОЛЕВСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

18 июня Екатерина предстала перед комиссией в зале парламента и, с достоинством выйдя вперед, твердым голосом заявила: "Я протестую против легатов как некомпетентных судей и обращаюсь к папе". [984] Этот поступок королевы, ее гордость и твердость встревожили ее

врагов, и в своей досаде они все больше озлоблялись против нее. "Вместо того чтобы молить Бога о том, чтобы довести это дело до благополучного завершения, - говорили они, - она пытается отвратить расположение народа от короля. Вместо того чтобы показать Генри любовь молодой жены, она держится от него подальше день и ночь. Есть даже основания опасаться, - добавили они, - что она заодно с определенными личностями, которые разработали ужасный план убийства короля и кардинала". [985] Но люди с великодушным сердцем, видя только королеву, жену и мать, пострадавшую в своих самых дорогих чувствах, проявили к ней полное сочувствие.

21 июня, в день, когда заседание суда было отложено, оба легата вошли в зал парламента со всей помпой, подобающей их положению, и заняли свои места на возвышении. Рядом с ними сидели епископы Бата и Линкольна, настоятель Вестминстера, и доктор Тейлор, заведующий Реестром, которого они добавили к своим обязанностям. Ниже них располагались секретари, среди которых умелый Стивен Гардинер занимал первое место. Справа висело парадное полотнище, на котором восседал король в окружении своих офицеров, а слева, чуть ниже, была королева в сопровождении своих фрейлин. Архиепископ Кентерберийский и епископы сидели между легатами и Генрихом VIII, а по обе стороны от трона расположились советники короля и королевы. Последними были Фишер, епископ Рочестерский, Стэндиш из Сент-Асафа, к западу от Эли, и доктор Ридли. Люди, когда они увидели, как эта процессия дефилирует перед ними, были далеки от того, чтобы быть ослепленными пышностью. "Меньше показухи и больше добродетели, - говорили они, - лучше бы нам стать такими судьями".

ОБРАЩЕНИЕ КОРОЛЕВЫ К КОРОЛЮ.

После оглашения папской комиссии легаты заявили, что они будут судить без страха и благосклонности и не допустят ни отвода, ни апелляции. [986] Затем судебный пристав крикнул: "Генрих, король Англии, явись в суд". Король, вынужденный в своей столице принять в качестве судей двух священников, своих подданных, подавил биение своего гордого сердца и ответил в надежде, что этот странный судебный процесс завершится благоприятно: "Я здесь". Судебный пристав продолжил: "Екатерина, королева Англии, явитесь в суд". Королева вручила кардиналам бумагу, в которой она протестовала против законности суда, поскольку судьи были подданными ее оппонента, [987] и подала апелляцию в Рим. Кардиналы заявили, что не могут признать этот документ, и поэтому Екатерину снова вызвали в суд. Услышав этот второй призыв, она встала, набожно перекрестилась, обошла двор туда, где сидел король, с достоинством склонившись перед легатами, и упала на колени перед своим мужем. Все взгляды были устремлены на нее. Затем, заговорив по-английски, но с испанским акцентом, который, напоминая о том, как далеко она находилась от своего родного дома, красноречиво свидетельствовал в ее пользу, Кэтрин сказала со слезами на глазах, тоном одновременно достойным и страстным:

"Сэр, я умоляю вас, ради всей любви, которая была между нами, и ради любви к Богу, позвольте мне проявить справедливость; сжальтесь надо мной, ибо я бедная женщина и чужестранка, родившаяся вне ваших владений. У меня здесь нет надежного друга, не говоря уже о беспристрастном советчике, и я обращаюсь к вам как к главе правосудия в этом королевстве. Увы! Сэр, чем я оскорбил вас или какой повод вызвал ваше неудовольствие, что вы захотели отдалить меня от себя? Я беру Бога и весь мир в свидетели, что я была для тебя настоящей, скромной и послушной женой, всегда сообразующейся с твоей волей и желанием. Никогда я не

говорил и не делал ничего противоречащего этому, будучи всегда вполне довольным всем, что доставляло вам удовольствие; и я никогда не роптал ни словом, ни выражением лица, ни искрой недовольства. Я любил всех тех, кого ты любил, только ради тебя. Эти двадцать лет я была твоей настоящей женой, и от меня у тебя было несколько детей, хотя Богу было угодно призвать их из этого мира, что, тем не менее, не было для меня недостатком".

КОРОЛЕВА УДАЛЯЕТСЯ.

Судьи и даже самые подобоострастные из придворных были тронуты, услышав эти простые и красноречивые слова, и скорбь королевы тронула их почти до слез. Кэтрин продолжила: —

"Сэр, когда вы женились на мне в первый раз, я полагаю, Бог мне судья, я была настоящей девушкой; и, правда это или нет, я оставляю это на вашей совести.... Если есть какая-нибудь справедливая причина, на которую вы можете сослаться против меня, я готов покинуть ваше королевство, хотя и к моему великому стыду и бесчестию; а если таковой не найдется, то позвольте мне оставаться в моем прежнем имении до самой смерти. Кто объединил нас? Король, твой отец, которого называли вторым Соломоном; и мой отец, Фердинанд, который считался одним из мудрейших принцев, много лет назад правивших в Испании. Следовательно, не подлежит сомнению, что брак между тобой и мной хорош и законен. Кто мои судьи? Разве это не тот человек, который поставил печаль между тобой и мной? [988]... судья, которого я отвергаю и ненавижу!—Кто назначенные мне советники? Разве они не офицеры короны, которые присягнули вам в вашем собственном совете?... Сэр, я заклинаю вас не вызывать меня в суд, сформированный таким образом. И все же, если вы откажете мне в этой услуге... да будет воля ваша.... Я буду молчать, я подавлю эмоции своей души и передам свое правое дело в руки Бога".

Так говорила Екатерина сквозь слезы; [989] смиренно склонившись, она, казалось, обняла колени Генриха. Она встала и низко поклонилась королю. Ожидалось, что она вернется на свое место; но, опираясь на руку Гриффитса, своего главного приемщика, она направилась к двери. Король, заметив это, приказал отозвать ее; и пристав, следовавший за ней, трижды громко крикнул: "Екатерина, королева Англии, явитесь в суд". — "Мадам, - сказал Гриффитс, - вас вызывают обратно". — "Я слышу это достаточно хорошо", - ответила королева, - "но продолжайте, потому что это не суд, где я могу добиться справедливости; давайте продолжим". Екатерина вернулась во дворец и больше никогда не появлялась при дворе ни по доверенности, ни лично. [990]

Она добилась своего в умах многих. Достоинство ее особы, необычная простота ее речи, пристойность, с которой, полагаясь на свою невинность, она говорила о самых деликатных предметах, и слезы, выдававшие ее волнение, произвели глубокое впечатление. Но "жало в ее речи", как говорит историк, [991] было ее обращением к совести короля и к суду Всемогущего Бога по главному пункту дела. "Как могла такая скромная, столь трезво выражающаяся особа, - говорили многие, - осмелиться произнести подобную ложь? Кроме того, король не стал ей противоречить".

ГЕНРИ ОПРАВДЫВАЕТ СЕБЯ.

Генрих был сильно смущен: слова Екатерины тронули его. Защита Екатерины, одна из самых трогательных в истории, одержала верх над самим обвинителем. Поэтому он почувствовал себя вынужденным дать такие показания обвиняемому: "Поскольку королева удалилась, я в ее

отсутствие объявлю всем присутствующим, что она была мне такой верной и послушной женой, какой я только мог пожелать. У нее есть все добродетели и положительные качества, которые присущи женщине. Она столь же благородна по характеру, как и по рождению".

Но Вулси был смущен больше всех. Когда королева сказала, не называя его имени, что один из ее судей был причиной всех ее несчастий, на него посмотрели с негодованием. [992] Он не желал оставаться под тяжестью этого обвинения. Как только король закончил говорить, он сказал: "Сэр, я смиренно прошу ваше величество объявить перед этой аудиторией, был ли я первым или главным инициатором в этом деле". Вулси ранее хвастался Дю Белле, "что первый проект развода был осуществлен им самим, чтобы создать вечное разделение между домами Англии и Испании"; [993] но теперь ему было удобно утверждать обратное. Король, нуждавшийся в его услугах, постарался не противоречить ему. "Милорд кардинал, - сказал он, - я вполне могу извинить вас за это. Женитесь, вы были так далеки от того, чтобы быть движущей силой, вы были скорее против того, чтобы я пытался это сделать. Именно епископ Тарбский, французский посол, зародил первые угрызения совести в моей душе своими сомнениями в легитимности принцессы Марии". Это было неверно. Епископа Тарбского не было в Англии до 1527 года, и у нас есть доказательства того, что король обдумывал развод в 1526 году. [994] "С того часа, - продолжал он, - я был сильно обеспокоен и думал, что мне угрожает сильное недовольство Бога, который, желая наказать мой кровосмесительный брак, забрал всех сыновей, которых родила мне моя жена. Я изложил вам свое горе, милорд Линкольнский, который в то время был моим призрачным отцом; и по вашему совету я обратился за советом к остальным епископам, и вы все сообщили мне за своими печатями, что разделяете мои сомнения". "Это правда", — сказал архиепископ Кентерберийский. - "Нет, сэр, не так, с поправкой", - сказал епископ Рочестерский, - "У вас нет моей руки и печати". "Нет?" — воскликнул король, показывая ему бумагу, которую держал в руке. "Разве это не ваша рука и печать?" — "Нет, конечно", - ответил он. Удивление Генриха возросло, и, нахмурившись, он повернулся к архиепископу Кентерберийскому и спросил его: "Что вы на это скажете?" "Сэр, это его рука и печать", — ответил Уорхэм. - "Это не так", - возразил Рочестер. - "Я говорил вам, что никогда не соглашусь ни на какой подобный поступок". "Вы говорите правду, - ответил архиепископ, - "но в конце концов вы твердо решили, что я подпишусь вашим именем и поставлю вашу печать". "Все это неправда", - в гневе добавил Рочестер. Епископ был не очень почтителен к своему предстоятелю. "Хорошо, хорошо, - сказал король, желая положить конец спору, - мы не будем вступать с тобой в спор, потому что ты всего лишь один человек". [995] Заседание суда было закрыто. День сложился лучше для Екатерины, чем для прелатов.

Насколько первое заседание было жалким, настолько и дискуссии на втором между юристами и епископами были рассчитаны на то, чтобы возмутить тонкий ум. Сторонники обеих партий бурно спорили "за" и "против" заключения брака Артура с Кэтрин. "Это очень трудный вопрос, - сказал один из адвокатов. - никто не может знать правды". — "Но я это знаю", - ответил епископ Рочестерский. "Что вы имеете в виду?" — спросил Вулси. — "Милорд, — ответил он, - истинную Правду сказал тот, кто сказал: *"То, что Бог соединил воедино, да не разлучит человек"*. Для меня этого достаточно". - "Так все думают", - возразил Вулси. - "Но был ли Бог тем, кто соединил Генриха Английского и Екатерину Арагонскую, в повторном пробандуме, это еще предстоит доказать. Королевский совет решает, что брак незаконен, и, следовательно, не *Бог соединил их вместе*". Затем два епископа обменялись несколькими словами, менее поучительными, чем в предыдущий день. Некоторые из слушателей выразили чувство отвращения. "Это позор для суда, - сказал доктор Ридли с немалым негодованием, - что вы осмеливаетесь обсуждать

вопросы, которые приводят в ужас каждого здравомыслящего человека". Этот резкий выговор положил конец дебатам.

ПОСЛАНИЕ КЕНТСКОЙ ДЕВЫ.

Волнения двора распространились и на монастыри; священники, монахи и монахини были повсюду в смятении. Вскоре по монастырям начали распространяться удивительные откровения. Тогда еще не было разговоров о старинном портрете Пресвятой Девы, который подмигивал глазами; но были изобретены другие чудеса. "Ангел, - ходили слухи, - явился Элизабет Бартон, кентской деве, как некогда явился Адаму, патриархам и Иисусу Христу". В эпохи творения и искупления, а также во времена, ведущие от одной к другой, чудеса естественны; Тогда явился Бог, и его пришествие без каких-либо признаков силы было бы таким же удивительным, как восход солнца без его лучей света. Но Римская церковь на этом не останавливается; в каждую эпоху она претендует на то, чтобы ее святые обладали чудесной силой, и чудеса умножаются пропорционально невежеству людей. И соответственно ангел сказал страдающей эпилепсией деве из Кента: "Иди к неверному королю Англии и скажи ему, что есть три вещи, которых он желает, которые я запрещаю сейчас и навсегда. Первое - это власть папы римского; второе - новая доктрина; третье - Анна Болейн. Если он возьмет ее в жены, Бог посетит его". Видевшая видения служанка передала послание королю, [996] которого теперь ничто не могло остановить.

ЖАРКИЙ ДЕНЕК.

Напротив, он начал понимать, что Вулси действует слишком медленно, и иногда ему приходила в голову мысль, что этот министр его предал. В одно прекрасное летнее утро Генрих, как только встал, вызвал кардинала к себе в Брайдуэлл. Вулси поспешил туда и оставался наедине с королем с одиннадцати до двенадцати. Последний дал выход всей ярости своей страсти и неистовству своего деспотизма. "Мы должны покончить с этим делом как можно скорее, - сказал он, - мы должны решительно". Вулси ушел очень встревоженный и вернулся по Темзе в Вестминстер. Солнце отбрасывало свои яркие лучи на воду. Епископ Карлайлский, сидевший рядом с кардиналом, заметил, вытирая лоб: "Очень теплый день, милорд". — "Да, - ответил несчастный Вулси, - если бы вы *терлись* в течение часа, как я, вы бы сказали, что это был жаркий день". Добравшись до своего дворца, кардинал лег на кровать в поисках покоя; он недолго молчал.

Екатерина выросла в глазах Генриха, равно как и в глазах нации. Король боялся осуждения; он даже начал сомневаться в своем успехе. Он желал, чтобы королева согласилась на развод. Эта идея пришла ему в голову после отъезда Вулси, и кардинал едва успел сомкнуть глаза, как ему доложили о прибытии графа Уилтширского (отца Анны Болейн) с посланием от короля. "Его величеству угодно, - сказал Уилтшир, - чтобы вы представили королеве позор, который постигнет ее в результате судебного приговора, и убедили ее довериться его мудрости". Вулси, которому поручили выполнить задачу, которая, как он знал, была невыполнимой, воскликнул: "Зачем вы вбиваете такие фантазии в голову короля?" - и затем он заговорил с таким упреком, что Уилтшир со слезами на глазах упал на колени у постели кардинала. [997] Болейн, желавший увидеть свою дочь королевой Англии, возможно, опасался, что избрал неверный курс. "Это хорошо, - сказал кардинал, вспомнив, что послание пришло от Генриха VIII. - Я готов сделать

все, чтобы угодить его величеству". Он встал, пошел в Баню за Кампеджио, и они вместе прислуживали королеве.

ЛЕГАТЫ НАВЕЩАЮТ КОРОЛЕВУ.

Оба легата застали Екатерину за работой со своими фрейлинами. Вулси обратился к королеве на латыни: "Нет, милорд, — сказала она, — говорите со мной по-английски; я хочу, чтобы весь мир мог слышать вас". - "Мы желаем, мадам, донести до вас *одной* наш совет и мнение". - "Милорд, - сказала королева, - вы пришли говорить о вещах, выходящих за рамки моих возможностей". а затем, с благородной простотой показав моток красного шелка, висящий у нее на шее, она продолжила: "Это мои занятия и все, на что я способна. Я бедная женщина, у меня нет друзей в этой чужой стране, и мне не хватает ума ответить таким мудрым людям, как вы; и все же, милорды, чтобы доставить вам удовольствие, давайте пройдем в мою гостиную.

При этих словах королева встала, и Вулси подал ей руку. Екатерина искренне отстаивала свои права женщины и королевы. "Мы, находившиеся во внешней комнате, - говорит Кавендиш, - время от времени слышали, как королева говорила очень громко, но не могли разобрать, что она говорила". Екатерина, вместо того чтобы оправдываться, смело обвинила своего судью. "Я знаю, господин кардинал, - сказала она с благородной прямоотой, - я знаю, кто дал королю совет, которому он следует: это вы. Я не потакал вашей гордыне, я осуждал ваше поведение, я жаловался на вашу тиранию, а мой племянник император не сделал вас папой.... Отсюда все мои несчастья. Чтобы отомстить за себя, вы разожгли войну в Европе и возбудили против меня это самое злое дело. Бог будет моим судьей ... и вашим!" Вулси хотел ответить, но Кэтрин надменно отказалась его слушать и, обращаясь с Кампеджио с большой вежливостью, заявила, что не признает ни одного из них своим судьей. Кардиналы удалились, Вулси был полон досады, а Кампеджио сиял от радости, поскольку дело становилось все сложнее. Всякая надежда на примирение была потеряна: теперь ничего не оставалось, кроме как действовать в судебном порядке.

ГЛАВА IX.

Суд возобновлен—Вызвана Екатерина—Двенадцать статей—Показания свидетелей—Артур и Екатерина действительно поженились—Кампеджио возражает против аргумента Божественного Права—Другие аргументы—Легаты, необходимые для вынесения решения—Их уступки—Перемены в сознании людей—Заключительное заседание—Всеобщее ожидание—Перерыв во время сбора урожая—Кампеджио оправдывает эту дерзость—Возмущение короля—Насилие Саффолка—Ответ Вулси—Он разорен—Общие обвинения—Кардинал возвращается к епископальной жизни.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВОЗОБНОВИЛСЯ.

Судебное разбирательство было возобновлено. Епископ Бата и Уэллса посетил королеву в Гринвиче и безапелляционно вызвал ее в зал заседаний парламента. [998] В назначенный день Екатерина ограничилась отправкой обращения папе римскому. Она была объявлена непокорной, и легаты приступили к делу.

Было подготовлено двенадцать статей, которые должны были послужить для допроса свидетелей и суть которых сводилась к тому, что брак Генриха с Екатериной, запрещенный как законом Божьим, так и церковью, является недействительным. [999]

Началось заслушивание свидетелей, и доктор Тейлор, архидьякон Букингемский, провел допрос. Их свидетельства, которые теперь принимались бы только за закрытыми дверями, можно найти в "Истории Генриха VIII" лорда Герберта Шерберского. Герцог Норфолк, верховный казначей Англии, герцог Саффолк, Морис Сент-Джон, дворянин-резчик при принце Артуре, виконт Фитцуолтер и Энтони Уиллоуби, его виночерпии, засвидетельствовали, что присутствовали на следующий день после свадьбы на завтраке принца, будучи в то время в добром здравии, и сообщили о состоявшемся разговоре. [1000] Старая герцогиня Норфолк, граф Шрусбери и маркиз Дорсет подтвердили эти заявления, которые доказывали, что Артур и Кэтрин действительно были женаты. Также было принято во внимание, что на момент смерти Артура Генриху не было разрешено принять титул принца Уэльского, потому что Екатерина надеялась родить наследника английской короны. [1001]

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ АРГУМЕНТЫ.

"Если Артур и Екатерина действительно были женаты, - сказали королевские советники после этих экстраординарных показаний, - брак этой принцессы с Генрихом, братом Артура, был запрещен божественным законом, прямым повелением Бога, содержащимся в Книге Левит, и никакое устроение не могло разрешить того, что запретил Бог". Кампеджио никогда бы не согласился с этим аргументом, который ограничивал права пап; поэтому было необходимо отказаться от *божественного права* (которое на самом деле означало проигрыш дела) и искать в булле Юлия II и в его знаменитом брифинге недостатки, которые сделали бы недействительными их обоих; [1002] и это сделал королевский совет, хотя они и не скрыли причину. слабость их позиции. "Мотивом, заявленным в указе, - сказали они, - является необходимость сохранения сердечных отношений между Испанией и Англией; теперь ничто не угрожало их гармонии. Более того, в этом документе говорится, что папа дарует это по молитве Генриха, принца Уэльского. Поскольку этому принцу было всего тринадцать лет, он не достиг того возраста, чтобы обращаться с такой просьбой. Что касается записки, то ее нет ни в Англии, ни в Риме; поэтому мы не можем признать ее подлинность". Другим Кэтрин не составило труда опровергнуть эти возражения. "Кроме того, - добавили они, - союз, просуществовавший двадцать лет, в достаточной степени устанавливает свою собственную законность. И вы объявите принцессу Марию незаконнорожденной, к великому ущербу этого королевства?

Затем сторонники короля изменили свой курс. Разве римский легат не был снабжен декретом о разводе на случай, если будет доказано, что брак Артура действительно был заключен? Теперь этот факт был подтвержден показаниями свидетелей. "Настал момент для вынесения приговора", - сказали Генрих и его советники Кампеджио. "Опубликуйте декрет папы". Но папа боялся меча Карла V, который в то время висел над его головой; и соответственно, всякий раз, когда король делал один шаг вперед, римский прелат делал несколько шагов в противоположном направлении. "Я вынесу решение через *пять* дней", - сказал он; и когда эти пять дней истекли, он обязался вынести его через шесть. "Восстановите мир в моей беспокойной совести", - воскликнул Генрих. Легат ответил вежливыми фразами; он получил отсрочку на несколько дней, и это было все, чего он желал.

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ.

Такое поведение римского легата произвело неблагоприятный эффект в Англии, и в общественном сознании произошли изменения. Первая часть была для Екатерины, вторая - для Генриха. Бесконечные проволочки Климента и уловки Кампеджио привели нацию в ярость. Аргумент короля был прост и популярен: "Папа не может обойтись без законов Божьих", в то время как королева, апеллируя к авторитету римского понтифика, вызвала недовольство как высших, так и низших. "Никакой прецедент, - заявили юристы, - не может оправдать брак короля с вдовой его брата".

Были, однако, некоторые евангельские христиане, которые считали, что Генриха "беспокоили" больше его страсти, чем совесть; и они спрашивали, как случилось, что принц, который утверждал, что его так беспокоит возможное нарушение закона сомнительного толкования, мог спустя двадцать лет пожелать нарушить непреложный закон, запрещающий развод?... 21 июля, в назначенный день *ad concludendum*, рассмотрение дела было отложено до следующей пятницы, и никто не сомневался, что тогда дело будет прекращено.

Все подготовлено к этому важному дню. Король приказал герцогам Норфолку и Саффолку присутствовать на заседании суда; и, поскольку ему самому не терпелось услышать столь желанное решение, он прокрался на галерею зала заседаний парламента лицом к судьям.

ДОВОДЫ ЛЕГАТА.

Когда легаты святого престола заняли свои места, генеральный прокурор сообщил им, "что все необходимое для вразумления их совести было представлено им в судебном порядке, и этот день был назначен для завершения судебного процесса". Наступила пауза; все, чувствуя важность этого решения, ждали его с нетерпением. "Либо папство объявит о моем разводе с Екатериной, - сказал король, - либо я сам разведусь с папством". Именно так Генрих поставил вопрос. Все взгляды, и особенно короля, были обращены на судей; Кампеджио не мог отступить; теперь он должен был сказать *да* или *нет*. Некоторое время он молчал. Он точно знал, что обращение королевы было принято Климентом VII и что последний заключил союз с императором. Удовлетворить просьбу короля было уже не в его власти. Ясно предвидя, что "*нет*", возможно, приведет к утрате власти Рима в Англии, в то время как "*да*" может положить конец планам религиозной эмансипации, которые так сильно его тревожили, он не мог решиться сказать ни "*да*" or ""Нет"".

Наконец нунций медленно поднялся со своего кресла, и все собрание с волнением выслушало пророческое решение, которого в течение стольких лет могущественный король Англии добивался от римского первосвященника. "В связи с ежегодными каникулами сбора урожая, - сказал он, - которые римский суд отмечает каждый год, начиная с завтрашнего дня, 24 июля, с начала "собачьих дней", мы переносим рассмотрение этих судебных разбирательств на какой-нибудь будущий период". [\[1003\]](#)

Аудиторы были поражены как громом. "Что! поскольку *малярия* делает воздух Рима опасным в конце июля и вынуждает римлян закрывать свои суды, должен ли быть прерван судебный процесс на берегах Темзы, когда его завершения ждут с таким нетерпением?" Люди надеялись на судебный приговор, а им отвечали шуткой; таким образом, Рим потешался над христианским миром. Кампеджио, чтобы обезоружить гнев Генриха, высказал несколько благородных чувств; но вся линия его поведения вызывает законные сомнения в его искренности. "Королева, - сказал он, - отрицает компетентность двора; поэтому я должен доложить обо всем папе,

который является источником жизни и чести, и ждать его суверенных приказов. Я зашел так далеко не для того, чтобы угодить кому-либо, будь то король или подданный. Я старый человек, немощный и болезненный, и не боюсь никого, кроме Верховного Судьи, перед которым мне вскоре предстоит предстать. Поэтому я объявляю перерыв в заседании суда до 1 октября".

Было очевидно, что этот перерыв был всего лишь формальностью, призванной обозначить окончательное отклонение требования Генриха. Тот же обычай преобладает и в британском законодательном органе.

Король, который из своего укрытия слышал речь Кампеджио, едва мог сдержать свое негодование. Он хотел правильного судебного решения; он цеплялся за формы; он желал, чтобы его дело успешно прошло через все хитросплетения церковной процедуры, и все же здесь оно потерпело крушение во время каникул римского двора. Генри, однако, промолчал, то ли из благоразумия, то ли потому, что удивление лишило его дара речи, и он поспешно покинул галерею.

ЖЕСТОКОСТЬ САФФОЛКА.

Норфолк, Саффолк и другие придворные не последовали за ним. Король и его министры, пэры, народ и даже духовенство были почти единодушны, и все же папа наложил свое *вето*. Он унизил Защитника Веры, чтобы польстить автору разграбления Рима. Это было уже слишком. Порывистый Саффолк вскочил со своего места, яростно ударил рукой по столу перед собой, бросил угрожающий взгляд на судей и воскликнул: "Сегодня, во время мессы, подтверждается старая поговорка, что ни один кардинал никогда не приносил Англии добра". [1004]— "Сэр, из всех людей в этом королевстве, - ответил Вулси, - у вас меньше всего причин пренебрегать кардиналами, потому что, если бы меня, бедного кардинала, не было, у вас не было бы головы на плечах". [1005] Похоже, что Уолси успокоил Генриха во время бракосочетания герцога с принцессой Марией. "Я не могу выносить приговор, - продолжал Уолси, - не зная благоволения его святейшества". Два герцога и другие вельможи в гневе покинули зал и поспешили во дворец. [1006] Легаты, оставшиеся со своими офицерами, несколько мгновений смотрели друг на друга. Наконец Кампеджио, который один сохранял спокойствие во время этой сцены насилия, встал, и публика разошлась.

Генри не позволил этому удару сокрушить себя. Рим своими странными действиями пробудил в нем тот подозрительный и деспотический дух, о котором он так трагически свидетельствовал в последующие годы. Папство потешалось над ним. Клемент и Вулси перебрасывали его развод от одного к другому, как мяч, которому, казалось, было суждено вечно висеть в воздухе то в Риме, то в Лондоне. Король решил, что достаточно долго был игрушкой его святейшества и коварного кардинала; его терпение лопнуло, и он решил показать своим противникам, что Генрих VIII более чем достойный соперник для этих епископов. Мы увидим, как он воспользуется этой благоприятной возможностью и предложит неожиданное решение вопроса.

ВУЛСИ ОБВИНЯЕТСЯ ВСЕМИ.

Вулси печально опустил голову; вступившись за нунция и папу римского, он подписал ордер на собственное уничтожение. Пока у Генриха оставался хоть один луч надежды, он считал уместным по-прежнему лицемерить перед Климентом VII; но он мог выместить весь свой гнев на Вулси. Со времен *Римских каникул* кардинал был разрушен в сознании своего хозяина. Враги Вулси, видя, что его благосклонность ослабевает, поспешили напасть на него. В частности,

Саффолк и Норфолк, которым не терпелось избавиться от наглого священника, который так долго тешил их гордость, сказали Генри, что Вулси постоянно лукавил; они месяц за месяцем, день за днем анализировали все его переговоры и сделали из них самые ошеломляющие выводы. Сэр Уильям Кингстон и лорд Мэннерс положили перед королем одно из писем кардинала, которое сэр Фрэнсис Брайан получил из папских архивов. В нем кардинал просил Климента проработать вопрос о разводе и, наконец, выступить против него, видя (добавил он), что если Генриха разлучат с Екатериной, то друг реформаторов станет королевой Англии. [1007] Это письмо ясно выражало сокровенные мысли Вулси: Рим любой ценой ... и скорее погибнут Англия и Генрих, чем папство! Мы можем представить гнев короля.

Друзья Анны Болейн работали не в одиночку. При дворе не было ни одного человека, которого не оскорбляли бы надменность и тирания Вулси; не было никого в королевском совете, у кого его постоянные интриги не вызывали серьезных подозрений. Он (по их словам) предал во Франции дело Англии; поддерживал во время мира и войны тайную разведку с мадам, матерью Франциска I; получал от нее большие подарки; [1008] угнетал нацию и попираал законы королевства. Народ называл его *французом* и *предателем*, и вся Англия, казалось, соревновалась в том, чтобы бросать горящие головы в великолепное здание, которое с таким трудом воздвигла гордость этого прелата. [1009]

Уолси был слишком проницателен, чтобы не заметить признаков своего приближающегося падения. "И восходящее, и заходящее солнце (ибо так историк называет Анну Болейн и Екатерину Арагонскую) смотрели на него неодобрительно", [1010] и небо, темнеющее вокруг него, предвещало бурю, которая должна была сокрушить его. Если *дело* потерпит неудачу, Вулси навлечет на себя месть короля; если оно увенчается успехом, он будет предан мести Болейнов, не говоря уже о мести Екатерины, императора и папы римского. Счастливого Кампеджио! подумал кардинал, ему нечего бояться. Если у него отнимут благосклонность Генриха, Карл и Климент выплатят ему компенсацию. Но Вулси потерял все, когда утратил благосклонность короля. Ненавидимый своими согражданами, презираемый и ненавидимый всей Европой, он, в какую бы сторону ни повернулся, не видел ничего, кроме справедливой награды за свою алчность и лживость. Как и в других случаях, он тщетно пытался опереться на посла Франции; Дю Белле был привлечен с другой стороны. "Я подвергаюсь здесь такому сильному и непрерывному обстрелу, что наполовину мертв", - воскликнул епископ Байонны; [1011] и кардинал встретил необычную сдержанность в своем бывшем доверенном лице.

Однако кризис приближался. Подобно опытному, но напуганному лоцману, Вулси огляделся вокруг в поисках порта, в котором он мог бы укрыться. Он не мог найти никого, кроме своего города Йорк. Поэтому он снова начал жаловаться на тяготы власти, на утомительность дипломатической карьеры и превозносить сладость епископской жизни. Внезапно он почувствовал большой интерес к пастве, о которой никогда раньше не думал. Окружающие покачали головами, прекрасно понимая, что такое отступление было бы для Вулси самым горьким позором. Его поддерживала одна-единственная мысль: если он падет, то только потому, что больше цеплялся за папу, чем за короля: он станет мучеником за свою веру.— Какая вера, какой мученик!

ГЛАВА X.

Анна Болейн в Хевере —Она читает "Послушание христианина"—вызвана ко двору—Мисс Гейнсфорд и Джордж Зух—Книга Тиндейла обращает Зух—Зух в Королевской часовне—Книгу изъяли—Анна обращается к Генриху—Король читает Книгу—Предполагаемое влияние Книги на Генриха—Суд в Вудстоке—Парк и его гоблины—Уважение Генриха к Анне.

АННА БОЛЕЙН В ХЕВЕРЕ.

Пока происходили эти события, Анна жила в замке Хевер в уединении и печали. Угрызения совести время от времени все еще тревожили ее. Это правда, король неустанно доказывал ей, что его спасение и безопасность его народа требуют расторжения союза, осужденного божественным законом, и что то, о чем он просил нескольких пап, было удовлетворено. Разве Александр VI не аннулировал спустя десять лет брак Ладислава и Беатрисы Неаполитанской? Разве Людовик XII, отец своего народа, не был разведен с Жанной Французской? По его словам, нет ничего более обыденного, чем видеть развод принца, санкционированный папой римским; безопасность государства должна быть обеспечена прежде всего. Увлеченная этими доводами и ослепленная великолепием трона, Анна Болейн согласилась занять рядом с Генрихом место, принадлежащее другому. И все же, если она была неосмотрительна и честолюбива, она была чувствительной и великодушной, и несчастья королевы, которую она уважала, вскоре заставили ее с ужасом отвергнуть идею занять ее место. Плодородные пастбища Кента и готические залы замка Хевер по очереди становились свидетелями душевных конфликтов, которые переживала эта юная леди. Страх, который она испытывала перед повторной встречей с королевой, и мысль о том, что два кардинала, ее враги, замышляют ее погубить, заставили ее принять решение не возвращаться ко двору, и она заперлась в своей уединенной комнате.

АННУ ОТОЗВАЛИ КО ДВОРУ.

Анна не обладала ни глубоким благочестием Билни, ни несколько расплывчатой и мистической духовностью, наблюдаемой у Маргариты Валуа; в ее религии преобладали не чувства, а знание и ужас перед суевериями и фарисейством. Ее ум требовал света и активности, и в то время она искала в чтении утешения, столь необходимого в ее положении. Однажды она открыла одну из запрещенных в Англии книг, которую ей дал друг реформации: *"Послушание христианина"*. Его автором был Уильям Тиндейл, тот самый человек-невидимка, за которым агенты Вулси охотились в Брабанте и Германии, и это была рекомендация Анне. "Если ты веришь обетованиям, - прочла она, - тогда Божья истина оправдывает тебя, то есть прощает твои грехи и запечатывает тебя Своим Святым Духом. Если у тебя есть истинная вера, и ты видишь безграничную любовь и милосердие, которые Бог даром явил тебе во Христе: тогда ты, должно быть, снова нуждаешься в любви, а любовь не может не побуждать тебя к труду. Если, когда тираны выступают против тебя, у тебя есть сила признаться, тогда ты уверен, что ты в безопасности. [1012] Если ты сошел с пути истины, приди на него снова, и ты в безопасности. Да, Христос спасет тебя, и ангелы небесные возрадуются твоему пришествию". [1013] Эти слова не изменили сердца Анны, но она, по своему обыкновению, отметила ногтем [1014] другие отрывки, которые поразили ее больше и на которые она хотела указать королю, если, как она надеялась, что когда-нибудь снова встретит его. Она верила, что истина существует, и проявляла живой интерес к тем, кого в то время преследовали Уолси, Генри и папа римский.

Вскоре Энн оторвали от этих благочестивых уроков и отправили в гущу мира, полного опасностей. Генрих, убежденный, что отныне ему нечего ожидать от Кампеджио, пренебрег теми приличиями, которые он до сих пор соблюдал, и сразу после перерыва приказал Анне Болейн вернуться ко двору; он вернул ее на место, которое она занимала раньше, и даже окружил еще большим великолепием. Все видели, что Анна в представлении короля была королевой Англии; и вокруг нее образовалась могущественная партия, которая намеревалась окончательно погубить кардинала.

МИСС ГЕЙНСФОРД И ДЖОРДЖ ЗАУЧ.

После возвращения ко двору Анна гораздо реже читала *"Послушание христианина"* и *Завет Иисуса Христа*. Почтение Генриха, интриги ее друзей и водоворот празднеств вполне могли заглушить мысли, которые одиночество пробудило в ее сердце. Однажды, оставив книгу Тиндейла на витрине, мисс Гейнсфорд, прекрасная молодая леди [1015], прикрепленная к ней лично, взяла ее и прочла. Джентльмен с приятной внешностью, веселым нравом и чрезвычайной мягкостью по имени Джордж Зух, также принадлежавший к семейству Анны и помолвленный с мисс Гейнсфорд, пользуясь свободой, которую давало ему его положение, иногда позволял себе "любовные проделки". [1016] Однажды, когда Джордж захотел немного побеседовать с ней, он был раздосадован, обнаружив, что она поглощена книгой, о содержании которой он ничего не знал; и, воспользовавшись моментом, когда молодая леди отвернулась, он со смехом выхватил ее у нее. Мисс Гейнсфорд побежала за Зухом, чтобы забрать свою книгу, но как раз в этот момент она услышала, что хозяйка зовет ее, и оставила Джорджа, грозя ему пальцем.

Поскольку она вернулась не сразу, Джордж удалился в свою комнату и раскрыл книгу; это было *"Послушание христианина"*. Он пробежал глазами несколько строк, затем несколько страниц и, наконец, перечитал книгу от начала до конца. Ему казалось, что он слышит голос Бога. "Я чувствую Дух Божий, - сказал он, - говорящий в моем сердце, как он говорил в сердце того, кто написал эту книгу". [1017] Слова, которые лишь временно произвели впечатление на озабоченный разум Анны Болейн, проникли в сердце ее конюшего и обратили его. Мисс Гейнсфорд, опасаясь, что Энн попросит вернуть ей книгу, умоляла Джорджа вернуть ее ей; но он решительно отказался, и даже слезы молодой леди не смогли заставить его расстаться с томом, в котором он нашел жизнь своей души. Став более серьезным, он больше не шутил, как прежде; и когда мисс Гейнсфорд безапелляционно потребовала книгу, он, по словам хрониста, "сам был готов расплакаться".

Зух, находя в этом томе назидание, которого не могли дать пустые формы и церемонии, обычно носил его с собой в королевскую часовню. Д-р Сэмпсон, настоятель, обычно совершал богослужение; и пока хор пел службу, Джордж был поглощен своей книгой, где читал: "Если, когда ты видишь совершение таинства Вечери Господней, ты веришь в это обещание Христа: *Сие есть тело Мое, сокрушаемое за тебя*, и если ты твердо хранишь это обещание в своем сердце, ты спасен". и этим оправдан; ты ешь его тело и пьешь его кровь. Если нет, то тебе это не поможет, даже если ты прослушаешь тысячу месс в день: не больше, чем помогло бы тебе в смертельной жажде увидеть куст у дверей таверны, если бы ты не знал при этом, что внутри есть вино для продажи". [1018] Молодой человек остановился на этих словах: верой он съел тело и выпил кровь Сына Божьего. Именно это происходило во дворцах Генриха VIII; в доме цезаря были святые.

АННА БОЛЕЙН ПЕРЕД КОРОЛЕМ.

Вулси, желая устранить от двора все, что могло бы способствовать Реформации, рекомендовал доктору Сэмпсону проявлять крайнюю бдительность, чтобы предотвратить распространение новаторских книг. Соответственно, однажды, когда Джордж был в часовне, поглощенный своей книгой, декан, который даже во время богослужения не терял молодого человека из виду, подозвал его к себе после службы и, грубо вырвав книгу у него из рук, потребовал: "Как тебя зовут и у кого ты служишь?" Ответив Зуху, декан удалился с очень сердитым видом и отнес свою добычу кардиналу.

Когда мисс Гейнсфорд услышала об этом несчастье, ее горе было безмерным; она трепетала при мысли, что *Послушание христианина* находится в руках Вулси. Вскоре после этого, когда Энн попросила у нее книгу, молодая леди упала на колени, призналась во всем и умоляла простить ее. [1019] Анна не произнесла ни слова упрека; ее острый ум сразу понял, какую выгоду она могла бы извлечь из этого дела. "Что ж, - сказала она, - для них это будет самая дорогая книга, которую когда-либо забирали декан или кардинал".

"Благородная леди", как называет ее хронист, немедленно потребовала свидания с королем, и, добравшись до него, упала к его ногам, [1020] и умоляла его о помощи. "В чем дело, Анна?" - спросил изумленный монарх. Она рассказала ему, что произошло, и Генри пообещал, что книга не должна остаться в руках Вулси.

КОРОЛЬ ЧИТАЕТ КНИГУ ТИНДЕЙЛА.

Едва Анна покинула королевские апартаменты, как появился кардинал со знаменитым томом с намерением пожаловаться Генриху на некоторые отрывки, которые, как он знал, не могли не вызвать у него раздражения, и воспользоваться этим даже для того, чтобы напасть на Анну, если король обидится. [1021] Ледяной прием Генриха заставил его замолчать; король ограничился тем, что взял книгу и поклонился кардиналу. Это было именно то, на что надеялась Анна. Она умоляла короля прочитать книгу, что он и пообещал сделать.

И Генри соответственно заперся в своей каморке и прочел "*Послушание христианина*". Было мало работ, более способных просветить его, и ни одна, после Библии, не оказала большего влияния на Реформацию в Англии. Тиндейл говорил о *послушании*, "существенном принципе", как он его называет, "каждого политического или религиозного сообщества". Он выступал с речью против незаконной власти пап, которые узурпировали законную власть Христа и его Слова. Он исповедовал политические доктрины, несомненно, слишком благоприятные для абсолютной власти, но рассчитанные на то, чтобы показать, что реформаторы не были, как утверждалось, подстрекателями к восстанию. Генри прочел следующее:—

"Король находится в комнате Бога в этом мире. Тот, кто сопротивляется королю, сопротивляется Богу; тот, кто судит короля, судит Бога. Он - слуга Бога, защищающий тебя от тысячи неудобств; хотя он и величайший тиран в мире, все же он является для тебя великим благодеянием Божьим; ибо лучше заплатить десятую часть, чем потерять все, и пострадать от несправедливости одного человека, чем от всех остальных ". [1022]

Странные учения для мятежников, подумал король; и он продолжил: —

"Пусть короли, если у них есть рычаг, [предпочитающие] быть христианами на деле, чем так называться, всецело отдадут себя богатству [благополучию] своих королевств по образцу Иисуса Христа; помня, что народ принадлежит Богу, а не им; да, это наследие Христа, купленное его кровью. Самый презируемый человек в его царстве (если он христианин) равен ему в царстве Бога и Христа. Пусть король отбросит всякую гордыню и станет братом беднейшему из своих подданных". [1023]

УЧЕНИЕ ТИНДЕЙЛА О КОРОЛЯХ.

Вероятно, эти слова не удовлетворили короля. Он продолжал читать:—

"Императоры и короли ныне ничто, но даже палачи для папы и епископов, чтобы убивать всякого, кого они осудят, как Пилат был для книжников, фарисеев и первосвященников, чтобы повесить Христа". [1024]

Это показалось Генри довольно резким выражением.

"Папа не получил от Христа никакой другой власти, кроме как проповедовать слово Божье. Теперь должно править только это слово, а не указы епископов или соизволение папы. *In præsentia majoris cessat potestas minoris* в присутствии большего меньшее не имеет силы. [1025] Папа вопреки всему учению Христа, которое гласит: *Царство Мое не от мира сего*, узурпировал права императора. Короли должны отчитываться в своих деяниях только перед Богом. [1026] Ни один человек не может быть освобожден от этого постановления Божьего; также не может быть освобождена профессия монахов или чего-либо, что папы или епископы могут возложить на себя, кроме них самих, от меча императора или короля, если они нарушат законы. Ибо написано (Рим. хiii.) "Да покорится всякая душа власти высших сил". [1027]

- Какое превосходное чтение! - воскликнул Генрих, закончив. - Это поистине книга, которую стоит прочесть всем королям, и мне в особенности. [1028]

Очарованный работой Тиндейла, король начал беседовать с Анной о церкви и папе римском; и она, видевшая, как Маргарита Валуа скромно пытается наставлять Франциска I, стремилась таким же образом просветить Генриха VIII. Она не обладала тем влиянием на него, которого желала; этот несчастный принц до самого конца своей жизни был противником евангелической реформации; протестанты и католики одинаково ошибались, когда считали, что он благосклонен к ней. "За короткое время, - говорит летописец, цитируемый Страйпом в конце его повествования, - у короля с помощью этой добродетельной дамы открылись глаза на истину. Он научился искать эту истину, продвигать религию и славу Бога, ненавидеть доктрину папы, его ложь, его помпезность и гордыню и избавлять своих подданных от египетской тьмы и вавилонских уз, в которые папа заключил его и его подданных. Презируя мятежи своих подданных и ярость стольких могущественных властителей за границей, он начал религиозную реформацию, которая, начавшись с головы в тройной короне, распространилась на всех членов иерархии". История редко выносила более ошибочное суждение. Глаза Генриха никогда не открывались на правду, и не он был инициатором Реформации. Это было совершено прежде всего Священным Писанием, а затем служением простых и верных людей, крещенных Святым Духом.

СУД В ВУДСТОКЕ.

Однако книга Тиндейла и поведение легатов породили в уме короля новые мысли, которым он требовал времени для созревания. Он также хотел скрыть свой гнев от Вулси и Кампеджио и рассеять свой *сплин*, говорит историк Колльер; поэтому он отдал приказ перенести двор во дворец Вудсток. Великолепный парк, пристроенный к этой королевской резиденции, в котором находилась знаменитая беседка, построенная (как говорят) Генрихом II для укрытия прекрасной Розамонд, предлагал все прелести прогулки, охоты и уединения. [1029] Следовательно, он мог легко добраться до Лэнгли, Графтона и других загородных местечек. Это было незадолго до того, как начались развлечения, скачки и другие сельские виды спорта. Мир с его удовольствиями и величием в глубине души был кумиром сердца Анны Болейн; но все же она чувствовала определенное влечение к новому учению, которое в ее сознании смешивалось с великой причиной всякого знания, возможно, даже с ее собственным. Более просвещенная, чем большинство женщин, она отличалась превосходством своего разума не только над представителями своего пола, но даже над многими придворными джентльменами. В то время как Екатерина, член третьего ордена Святого Франциска, предавалась пустяковым занятиям, более умная, если не более набожная Анна, мало заботилась об амулетах, которые благословили монахи, о видениях ангелов. Вудсток предоставил ей возможность излечить Генриха VIII от естественных для него суеверных представлений. В лесу было место, которое, как говорили, населяли злые духи; ни священник, ни придворный не осмеливались приблизиться к нему. По преданию, если король отваживался пересечь границу, он падал замертво. Анна решила отвезти туда Генри. Соответственно, однажды утром она направилась к месту, где эти таинственные силы проявили свое присутствие (как было сказано) посредством странных видений; они вошли в лес; они прибыли в столь страшное место; все заколебались; но спокойствие Энн успокоило ее спутников; они двинулись вперед; они не нашли ... ничего, кроме деревьев и дерна, и, смеясь над своими прежними ужасами, исследовали каждый уголок этого таинственного прибежища злых духов. Анна вернулась во дворец, поздравляя себя с победой Генриха над его воображаемыми страхами. [1030] Этот принц, который еще мог мириться с превосходством других, был поражен превосходством Анны Болейн.

Она никогда не бывает ни слишком веселой, ни слишком меланхоличной,
у нее небесный ум, подобный святым ангелам.

Никто более чистый никогда не парил над небом.

О могущественное Чудо, так пусть каждый глаз

Увидит, каким странным чудовищем являюсь я, скромная рабыня;

воистину Чудовищем, ибо в ее божественном облике

сочетаются женский облик, мужское сердце и голова ангела. [1031]

Эти стихи Клемана Маро, написанные в честь Маргариты Валуа, точно выражают то, что Генрих тогда чувствовал к Анне, которая была вместе с Маро в доме этой принцессы. Возможно, любовь Генриха ввела его в заблуждение относительно достоинств Анны.

ГЛАВА XI.

Смущение папы—Триумфы Карла решают его судьбу—Он переносит Дело в Рим—Уныние Вулси—Гнев Генриха—Его страхи—Уолси получает утешение—Прибытие двух легатов в Графтон—Прием Уолси Генрихом—Уолси и Норфолк за обедом—Генрих с Анной—

Совещание короля и кардинала—Радость и горе Уолси—Ужин в Юстоне—Прощальная аудиенция Кампеджио—Позор Уолси—Кампеджио в Дувре—Придворные обвиняют его — Покидает Англию — Вулси предвидит свое собственное Падение и падение папства.

СМУЩЕНИЕ ПАПЫ РИМСКОГО.

В то время как двор, таким образом, получал удовольствие в Вудстоке, Вулси оставался в Лондоне, терзаемый сильнейшими муками. "Это призвание в Рим, - писал он Грегори Де Казале, - не только полностью отдалит короля и его королевство от апостольского престола, но и окончательно погубит меня". [1032] Едва это послание дошло до папы, как императорские послы передали ему протест королевы и добавили очень многозначительным тоном: "Если ваше святейшество не обратится к вам с этим вопросом, император, который полон решимости положить ему конец, прибегнет к *другим аргументам*". Клемента всегда терзало одно и то же недоумение: кем из двоих следует пожертвовать - Генрихом или Карлом? Энтони де Лейва, командовавший имперскими войсками, разгромил французскую армию, и папа больше не сомневался, что Карл был избранником Небес. Не только Европа признала власть этого принца; новый мир только что сложил к его ногам свою мощь и свое золото. Грозный царь-жрец ацтеков не смог противостоять Кортесу; мог ли царь-жрец Рима противостоять Карлу V? Кортес вернулся из Мексики, привезя с собой мексиканских вождей во всем их варварском великолепии, с тысячами *лесо*, с золотом, серебром и изумрудами необычайной величины, с великолепными тканями и птицами с блестящим оперением. Он сопровождал Карла, который в то время направлялся в Италию, к месту посадки и послал Клименту VII дорогие подарки из драгоценных металлов, драгоценных камней и отряд мексиканских танцоров, шутов и жонглеров, которые больше всего на свете очаровали папу и кардинала. [1033]

МИР МЕЖДУ КЛИМЕНТОМ И КАРЛОМ.

Климент, даже отвергнув просьбу Генриха, еще не удовлетворил просьбу императора. Он подумал, что теперь уже не может сопротивляться звезде монарха, победившего над двумя мирами, и поспешил вступить с ним в переговоры. Внезапные страхи все еще время от времени охватывали его: "Мой отказ, - сказал он себе, - возможно, приведет к тому, что я потеряю Англию". Но Карл, держа его в своих мощных объятиях, заставил его подчиниться. Прошлое Генриха весьма обнадеживало понтифика. Как он мог вообразить, что принц, который единственный из всех монархов Европы когда-то боролся с великим реформатором, теперь отделится от папства? 6 июля Климент объявил английским послам, что он *уклонился от поездки в Рим* из-за спора между Генрихом VIII и Екатериной Арагонской. Другими словами, это был отказ от развода. "В этом деле двадцать три пункта, - сказали придворные, - и дебаты по первому из них длились целый год; до окончания судебного процесса королю не только не жениться, но и не жить". [1034]

Узнав, что нанесен смертельный удар, Беннетт с грустью воскликнул: "Увы! святейший отец, этим актом Церковь в Англии будет полностью уничтожена; король объявил мне об этом со слезами на глазах". [1035]— "Почему мне посчастливилось жить в такие злые дни?" ответил папа, который, в свою очередь, заплакал; [1036] "но я окружен войсками императора, и если бы я хотел угодить королю, я навлек бы ужасные разрушения на себя и на церковь.... Бог будет моим судьей".

ГНЕВ ГЕНРИ.

15 июля Да Казале отправил роковую весть английскому министру. Король предстал перед папой римским и в случае отказа был приговорен к штрафу в 10 000 дукатов. 18 июля в Риме был провозглашен мир между понтификом и императором, а на следующий день (эти даты важны) Климент, желая все же предпринять еще одну попытку отразить удар, которым угрожало папство, написал кардиналу Вулси: "Мой дорогой сын, как я могу описать вам свое горе? Прояви в этом вопросе благоразумие, которое так отличает тебя, и сохрани короля в тех добрых чувствах, которые он когда-либо проявлял ко мне". [1037] Бесплезная попытка! Далекий от спасения папства, Вулси должен был погибнуть вместе с ним.

Вулси был поражен как громом. В то самое время, когда он уверял Генриха в привязанности Климента и Франциска, оба покидали его. "Политическое управление", которое кардинал считал таким искусным и которое было таким мучительным, провалилось. Теперь у Генриха на европейском континенте не было никого, кроме врагов, и Реформация с каждым днем распространялась по его королевству. Страдания Вулси невозможно описать. Его власть, его величие, его дворцы были под угрозой; кто мог сказать, сохранит ли он вообще свою свободу и свою жизнь. — Справедливая награда за такое двуличие.

ГЕНРИ СКРЫВАЕТ СВОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ.

Но гнев короля должен был превзойти даже тревогу министра. Его перепуганные слуги гадали, как им объявить о решении понтифика. Гардинер, который после возвращения из Рима был назначен государственным секретарем, отправился в Лэнгли 3 августа, чтобы сообщить ему об этом. Какие новости для гордого Тюдора! Решение о разводе было запрещено в Англии; дело было перенесено в Рим, где было похоронено и несправедливо утрачено; Франциск I вел переговоры с императором; Карл и Климент собирались обменяться в Болонье самыми яркими знаками своего неизменного союза; услуги, оказанные королем папскому престолу, были вознаграждены чернейшей неблагодарностью; его надежда родить наследника короны позорно разбита; и последнее, но не менее важное: Генрих VIII, самый гордый монарх христианского мира, вызван в Рим, чтобы предстать перед церковным трибуналом ... для Генри это было уже слишком. Его гнев, мгновение сдерживаемый, вырвался наружу подобно раскату грома, [1038] и все задрожали вокруг него. "Неужели они осмеливаются, - воскликнул он, - судить меня где-либо еще, кроме как в моих собственных владениях? Я, король Англии, предстаю перед итальянским трибуналом!... Да,... Я отправлюсь в Рим, но это будет с такой могучей армией, что папа, его священники и вся Италия будут охвачены ужасом. [1039]— Я запрещаю приводить в исполнение письма с цитатами, - продолжил он; - Я запрещаю комиссии считать свои функции завершенными". Генриху хотелось бы сорвать с Кампеджио пурпурные одежды и бросить этого князя римской церкви в тюрьму, чтобы напугать Климента; но сама тяжесть оскорбления заставила его сдержаться. Больше всего на свете он боялся показаться униженным в глазах Англии и надеялся, проявив умеренность, скрыть нанесенное ему оскорбление. "Пусть будет сделано все, - сказал он Гардинеру, - чтобы скрыть от моих подданных эти рекомендательные письма, которые так вредят моей славе. Напиши Вулси, что я полностью уверен в его ловкости и что он должен, при хорошем обращении, привлечь на свою сторону Кампеджио [1040] и советников королевы, и, прежде всего, любой ценой убедить их не направлять мне эти рекомендательные письма ". Но едва Генрих отдал свои распоряжения, как оскорбление, которому он подвергся, всплыло в его воображении; мысль о Клименте

преследовала его днем и ночью, и он поклялся понтифику жестоко отомстить. Рим не желает больше иметь ничего общего с Англией.... Англия, в свою очередь, отвергнет Рим. Генрих пожертвует Вулси, Климентом и церковью; ничто не остановит его ярость. Хитрый понтифик скрыл свою игру, король обыграет его открыто; и из века в век папство будет проливать слезы над опрометчивой глупостью медики.

НЕМИЛОСТЬ ВУЛСИ.

Таким образом, после невыносимых задержек, измотавших нацию, на Англию обрушился удар грома. Двор, духовенство и народ, от которых невозможно было скрыть эти великие события, были глубоко взволнованы, и все королевство пришло в смятение. Вулси, все еще надеявшийся предотвратить гибель, нависшую как над ним, так и над папством, немедленно пустил в ход всю ту ловкость, о которой говорил Генрих; он настолько преуспел, что королю не были вручены цитатные письма, а только краткое письмо, адресованное Вулси Климентом VII. [1041] Кардинал, весь сияющий от этого тривиального успеха и желающий воспользоваться им для повышения своего авторитета, решил сопровождать Кампеджио, который направлялся в Графтон проститься с королем. Когда при дворе стало известно о приезде двух легатов, волнение было очень велико. Герцоги Норфолк и Саффолк расценили это действие как последнюю попытку их врага и умоляли Генриха не принимать его. "Король примет его", - говорили некоторые. "Король не примет его", - отвечали другие. Наконец, однажды воскресным утром было объявлено, что прелаты стоят у ворот особняка. Вулси тревожно огляделся в поисках высокопоставленных офицеров, которые имели обыкновение представлять его. Они появились и попросили Кампеджио следовать за ними. Когда легата отвели в его апартаменты, Вулси дождался своей очереди; но велик был его ужас, когда ему сообщили, что во дворце для него не отведено покоев. Сэр Генри Норрис, конюх палантина, предложил Вулси воспользоваться его собственной комнатой, и кардинал последовал за ним, почти падая духом от унижения, которому он подвергся. [1042] Он приготовился предстать перед королем и, собравшись с духом, направился в приемную.

Лорды совета выстроились в ряд в соответствии со своим рангом; Вулси, сняв шляпу, прошел мимо, отдавая честь каждому из них с наигранной вежливостью. Прибыло множество придворных, которым не терпелось увидеть, как Генрих примет своего старого фаворита; и большинство из них уже ликовали по поводу поразительного позора, свидетелями которого они надеялись стать. Наконец объявили о короле.

Генрих стоял под парадным одеянием; Вулси подошел и опустился перед ним на колени. В зале воцарилась глубокая тишина.... Ко всеобщему удивлению, Генри наклонился и поднял его обеими руками.... Затем с приятной улыбкой он подвел Вулси к окну, попросил его надеть шляпу и фамильярно заговорил с ним. "Тогда, - говорит Кавендиш, джентльмен-привратник кардинала, - вы бы улыбнулись, увидев лица тех, кто держал пари, что король не станет с ним разговаривать".

Но это был последний луч вечернего солнца, который затем осветил мрачную судьбу Вулси: звезда его благосклонности была близка к закату навсегда.... Молчание продолжалось, так как каждому хотелось уловить несколько слов из разговора. Король, казалось, обвинял Вулси, а Вулси оправдывался. Внезапно Генрих вытащил из-за пазухи письмо и, показав его кардиналу, громко сказал: "Как это может быть? разве это не ваша рука?" Несомненно, это было то самое письмо, которое перехватил Брайан. Вулси ответил сдержанным тоном и, казалось, успокоил

своего хозяина. Наступил час обеда, король покинул комнату, сказав Вулси, что не преминет увидеться с ним снова; придворным не терпелось выразить кардиналу свое глубочайшее почтение, но он надменно пересек зал, и герцоги поспешили сообщить Анне Болейн новость об этом удивительном приеме.

Вулси, Кампеджио и лорды совета сели ужинать. Кардинал, прекрасно понимавший, что ужасное письмо приведет его к полному краху и что благосклонность Генриха не имела иной цели, кроме как подготовить его падение, начал намекать на его отставку. "Поистине, - сказал он с благочестивым видом, - королю следовало бы отправить своих епископов и капелланов домой к их исцелению и бенефициям". Присутствующие с удивлением переглянулись. "Да, жениться", — сказал герцог Норфолк несколько грубо, — "и вам следовало бы поступить так же". — "Я был бы вполне доволен этим, - ответил Вулси, - если бы королю было угодно разрешить мне отправиться к моему кюре в Винчестер". - "Нет, к вашей милости в Йорк, где для вас самая большая честь и обязанность", - ответил Норфолк, который не желал, чтобы Вулси жил так близко от Генриха. - "Даже если это будет угодно королю", - добавил Вулси, и сменил тему разговора.

ГЕНРИХ И АННА БОЛЕЙН.

Генрих распорядился, чтобы о нем доложили Анне Болейн, которая, по словам Кавендиша, "вела себя в Графтоне скорее как королева, чем простая служанка". Обладая чрезвычайной чувствительностью и пылким воображением, Анна, которая всем своим женским сердцем чувствовала малейшее оскорбление, была очень недовольна королем после доклада герцогов. Соответственно, не обращая внимания на присутствие слуг, она сказала ему: "Сэр, разве это не чудесно - видеть, какой великой опасности кардинал подвергает вас со всеми вашими подданными?" — "Как же так, дорогой?" - спросил Генри. Анна продолжала: "Неужели вы не знаете о ненависти, которую навлекли на вас его требования? Во всем вашем королевстве Англии нет человека, стоящего сто фунтов, но он сделал вас своим должником". Анна здесь намекала на заем, который король собрал среди своих подданных. "Ну-ну, — сказал Генри, которому эти замечания не понравились, - я знаю это лучше вас". - "Если бы милорд Норфолк, милорд Саффолк, мой дядя или мой отец сделали гораздо меньше, чем кардинал, - продолжала Анна, - они бы уже давно потеряли головы". "Тогда я понимаю, - сказал Генри, - что вы не принадлежите к числу его друзей". — "Нет, сэр, у меня нет причин любить вас", - ответила она. Обед закончился; король, ничуть не тронутый, проследовал в приемную, где его ожидал Вулси.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ВУЛСИ.

После долгого разговора, который велся вполголоса, король взял Вулси за руку и повел в свои личные покои. Придворные с нетерпением ожидали окончания свидания, которое могло решить судьбу Англии; они ходили взад и вперед по галерее, часто останавливаясь перед дверью кабинета, в надежде уловить по взглядам Вулси, когда он откроет ее, результат этого тайного совещания; но четверть часа сменяли друг друга, они превратились в часы, а кардинал все не появлялся. Генрих, решив, что этот разговор должен быть последним, без сомнения, собирал у своего министра всю необходимую ему информацию. Но придворные вообразили, что он возвращается в распоряжение своего повелителя; Норфолк, Саффолк, Уилтшир и другие враги премьер-министра встревожились и поспешили к Анне Болейн, которая была их последней надеждой.

Была ночь, когда король и Вулси вышли из королевского кабинета; первый выглядел милостивым, второй довольным; в обычае Генриха всегда было улыбаться тем, кого он намеревался принести в жертву. "Увидимся утром", - дружелюбно сказал он кардиналу. Вулси отвесил низкий поклон и, повернувшись к придворным, увидел, что на их лицах отражается улыбка короля. Уилтшир, Тьюк и даже Саффолк были полны вежливости. "Что ж, - подумал он, - движение таких флюгеров показывает мне, с какой стороны дует благоприятный ветер". [1043]

Но через мгновение ветер начал меняться. Люди с факелами ждали кардинала у ворот дворца, чтобы проводить его туда, где ему предстояло провести ночь. Таким образом, он не должен был спать под одной крышей с Генри. Он должен был лечь в Юстоне, одном из домов Эмпсона, примерно в трех милях отсюда. Вулси, подавив досаду, сел на лошадь, лакеи со своими связями последовали за ним, и после часа езды по очень плохим дорогам он добрался до назначенного ему жилья.

ПРОЩАНИЕ КОРОЛЯ С ВУЛСИ.

Он сел ужинать, на который были приглашены некоторые из его самых близких друзей, как вдруг доложили о появлении Гардинера. Гардинер всем был обязан кардиналу, и все же он не появлялся перед ним с тех пор, как вернулся из Рима. "Он, без сомнения, пришел поиграть в лицемера и шпиона", - подумал Вулси. Но как только секретарь вошел, Вулси встал, сделал ему изящный комплимент и попросил присесть. "Господин секретарь, — спросил он, - где вы были с тех пор, как вернулись из Рима?" - "Я следовал за двором с места на место". — "Значит, вы охотились? У вас есть собаки?" - спросил премьер-министр, который очень хорошо знал, что Гардинер делал в королевском кабинете. "Несколько", - ответил Гардинер. Вулси считал, что даже секретарь был ищейкой, идущей по его следу. И все же после ужина он отвел Гардинера в сторону и беседовал с ним до полуночи. Он счел благоразумным не пренебрегать ничем, что могло бы прояснить его позицию; и Вулси высказался Гардинеру точно так же, как незадолго до этого Генри высказался о нем самом.

В тот же вечер в Графтоне король дал Кампеджио прощальную аудиенцию и обошелся с ним очень любезно, "преподнеся ему подарки и другие вещи", - говорит Дю Белле. Затем Генрих вернулся к Анне Болейн. Герцоги указали ей на важность настоящего момента; поэтому она попросила Генриха и без особого труда добилась от него обещания никогда больше не разговаривать со своим министром. [1044] Оскорбления папства вывели из себя короля Англии, и поскольку он не мог наказать Климента, он отомстил кардиналу.

На следующее утро Вулси, которому не терпелось побеседовать, как обещал Генри, рано вернулся в Графтон. Но когда он приблизился, ему встретился многочисленный кортеж слуг и вьючных лошадей; и вскоре после этого подъехал Генрих с Анной Болейн и многими придворными лордами и леди. "Что все это значит?" - в смятении подумал кардинал. "Милорд, - сказал король, подходя ближе, - я не могу сейчас оставаться с вами. Ты вернешься в Лондон с кардиналом Кампеджио. Затем, вонзив шпоры в своего коня, Генрих ускакал, дружески поприветствовав его. Вслед за ним проехала Анна Болейн, которая проехала мимо Вулси с высоко поднятой головой и бросив на него гордый взгляд. Двор проследовал в Хартвелл-парк, где Анна решила задержать короля на весь день. Вулси был сбит с толку. Не было места сомнениям; его позор был неизбежен. У него закружилась голова, он мгновение оставался неподвижным, а затем пришел в себя; но полученный им удар не остался незамеченным придворными, и падение кардинала стало общей темой разговоров.

После обеда легаты отбыли и на второй день добрались до Мур-парка, особняка, построенного архиепископом Невиллом, одним из предшественников Вулси, который за государственную измену был сначала заключен в тюрьму в Кале, а затем в Хэме. Эти воспоминания ни в коей мере не были приятны Вулси. На следующее утро, когда два кардинала расстались, Кампеджио отправился в Дувр, а Вулси - в Лондон.

КАМПЕДЖИО ОБЫСКАЛИ В ДУВРЕ.

Кампеджио не терпелось поскорее убраться из Англии, и велика была его досада, когда, добравшись до Дувра, он обнаружил, что ветер дует противный. Но еще большая досада была в запасе. Едва он прилег отдохнуть, как дверь отворилась и в комнату вошел отряд сержантов. Кардинал, который знал, что означают подобные сцены в Италии, подумал, что он покойник, [1045] и, дрожа, упал к ногам своего капеллана, умоляя об отпущении грехов. Тем временем полицейские открыли его багаж, взломали сундуки, разбросали его имущество по полу и даже вытряхнули его одежду. [1046]

Спокойствие Генри длилось недолго. "Кампеджио доставляет письма от Вулси в Рим", - шептались некоторые из придворных. - "Кто знает, может быть, они содержат изменнические материалы?" "Среди его бумаг также есть знаменитое *постановление* о разводе, - сказал один из них. - Если бы у нас был только этот документ, это положило бы конец делу". Другой утверждал, что Кампеджио "имел при себе большие сокровища милорда (Вулси), которые должны были быть доставлены в больших емкостях в Рим", [1047] предполагалось, что кардинал Йоркский сбежит, чтобы насладиться плодами своей измены. "Несомненно, - добавил третий, - что Кампеджио с помощью Вулси смог раздобыть переписку вашего величества с Анной Болейн и увозит ее с собой". Поэтому Генрих отправил гонца за нунцием с приказом тщательно обыскать его багаж.

Ничего не было найдено: ни писем, ни булл, ни сокровищ. Булла была уничтожена; сокровища, которые Вулси никогда не думал доверить своему коллеге; письма Анны и Генриха Кампеджио еще раньше отправил своему сыну Родольфу, и папа протягивал руки, чтобы принять их, гордый, как и его преемники, ограблением, совершенным двумя его легатами.

Кампеджио, успокоенный и видевший, что его не собираются ни убивать, ни грабить, поднял большой шум при виде этого акта насилия и оскорбительных замечаний, которые послужили поводом к нему. "Я не покину Англию, - сообщил он Генриху, - пока не получу удовлетворения". "Милорд забывает, что он больше не легат, - ответил король, - с тех пор как папа отменил свою власть; кроме того, он забывает, что как епископ Салис-Бьюри он мой подданный; что же касается замечаний в адрес него и кардинала Йоркского, то это вольность, к которой народ Англии привык и от которой я не могу отказаться". Кампеджио, стремившийся попасть во Францию, был удовлетворен этими доводами и вскоре забыл все свои горести за роскошным столом кардинала Дюпра.

ОТЧАЯНИЕ ВУЛСИ.

Вулси повезло меньше. Он видел, как уходил Кампеджио, и остался похож на потерпевшего крушение моряка, выброшенного на необитаемый остров, который увидел, как уходят единственные друзья, способные оказать ему хоть какую-то помощь. Его некромантия предупредила его, что этот год будет роковым. [1048] Ангел Кентской девы сказал: "Иди к кардиналу и объяви о его падении, потому что он не сделал того, что ты ему приказал". [1049]

Другие голоса, кроме ее слова были услышаны: ненависть нации, презрение Европы и, прежде всего, гнев Генриха сказали ему, что его час пробил. Это правда, что папа сказал, что сделает все, что в его силах, чтобы спасти его; [1050] но добрые услуги Климента только ускорили бы его гибель. Дю Белле, которого люди считали сообщником кардинала, стал свидетелем перемены, произошедшей в умах людей. Когда он шел пешком по улицам столицы в сопровождении двух камердинеров, "его уши были так полны грубых шуток, - сказал он, - что он не знал, в какую сторону повернуть". [1051] "Кардинал полностью уничтожен, - написал он, - и я не вижу, как он может спастись". Время от времени Вулси приходила в голову мысль самому объявить о разводе, но было слишком поздно. Ему даже сказали, что его жизнь в опасности. Фортуна, слепая и лысая, поставив ногу на колесо, быстро ускользала от него, и он был не в силах остановить ее. И это было еще не все: после него (как он думал) не было никого, кто мог бы поддержать церковь понтификов в Англии. Римский корабль плыл по штормовому морю среди скал и отмелей; Вулси, стоявший у руля, тщетно искал гавань убежища; судно давало течь со всех сторон; оно быстро тонуло, и кардинал издал крик отчаяния. Увы! он желал спасти Рим, но Рим этого не допустил.

ГЛАВА XII.

Встреча в Уолтеме—Юность Томаса Кранмера—Его раннее образование—Изучает Священное Писание в течение трех лет—Его функции экзаменатора—Ужин в Уолтеме—Новый взгляд на развод—Фокс сообщает об этом Генри—К Досаде Кранмера—Встреча с королем—Кранмером у Болейнов.

ТОМАС КРАНМЕР.

В то время как звезда Вулси исчезала на Западе среди грозowych облаков, на Востоке возшла другая, чтобы указать путь к спасению Британии. Люди, подобно звездам, появляются на горизонте по повелению Бога.

По возвращении из Вудстока в Гринвич Генри, полный беспокойства, остановился в Уолтеме в Эссексе. Его слуги разместились в домах по соседству. Фокс, раздававший милостыню, и секретарь Гардинер были размещены у джентльмена по имени Кресси в Уолтемском аббатстве. Когда объявили об ужине, Гардинер и Фокс были удивлены, увидев, что в комнату вошел старый друг. Это был Томас Кранмер, кембриджский врач. "Что? это ты? - спросили они. - и как ты сюда попал?" "Жена нашего хозяина - моя родственница, - ответил Кранмер, - и поскольку в Кембридже свирепствует эпидемия, я привез домой сыновей моего друга, которые находятся под моим присмотром". Поскольку этому новому персонажу суждено сыграть важную роль в истории Реформации, возможно, стоит прервать наше повествование и рассказать о нем подробнее.

ПЕРВЫЙ БРАК КРАНМЕРА.

Кранмер происходил из древнего рода, пришедшего в Англию, как принято считать, с Завоевателем. Он родился в Аслактоне в Ноттингемшире 2 июля 1489 года, через шесть лет после Лютера. Его ранним образованием очень пренебрегали; его наставник, невежественный

и суровый священник, научил его немногому другому, кроме как терпеливо переносить суровые наказания — знанию, которому суждено было очень пригодиться ему в дальнейшей жизни. Его отец был честным сельским джентльменом, которого мало что интересовало, кроме охоты, скачек и военных видов спорта. В этой школе сын научился ездить верхом, обращаться с луком и мечом, ловить рыбу и ястребиную охоту; и он никогда полностью не пренебрегал этими упражнениями, которые считал необходимыми для своего здоровья. Томас Кранмер любил прогулки, очарование природы и уединенные размышления; и часто показывали холм неподалеку от особняка его отца, на котором он обычно сидел, созерцая плодородную землю у своих ног, устремляя взгляд на далекие шпили, с меланхолическим удовольствием прислушиваясь к перезвону колоколов и предаваясь сладостным размышлениям. Около 1504 года его отправили в Кембридж, где "все еще царило варварство", - говорит историк. [1052] Его простой, благородный и скромный вид снискал расположение многих, и в 1510 году он был избран членом Колледжа Иисуса. Обладая нежным сердцем, он привязался в возрасте двадцати трех лет к молодой особе хорошего происхождения (говорит Фокс) или более низкого ранга, как утверждают другие авторы. Кранмер не желал подражать беспорядочной жизни своих сокурсников, и хотя женитьба неизбежно положила бы конец карьере отличника, он женился на молодой леди, оставил свою стипендию (в соответствии с правилами) и снял скромное жилье в "Дельфине". Затем он начал усердно изучать самые замечательные произведения того времени, оттачивая, как было сказано, свою старую резкость в отношении произведений Эразма, Лефевра Этапльского и других великих авторов; каждый день его грубое понимание обретало новый блеск. [1053] Затем он начал преподавать в Букингемском (впоследствии Магдалинийском) колледже и таким образом обеспечивал свои потребности.

КРАНМЕР О РАЗВОДЕ.

Его уроки вызывали восхищение просвещенных людей и гнев малоизвестных, которые презрительно называли его (из-за гостиницы, в которой он остановился) *конюхом*. "Это имя ему очень шло, - сказал Фуллер, - потому что на своих уроках он грубо тер спины монахам и, как известно, выделял шкуры ленивых священников". Его жена умерла через год после женитьбы, Кранмер был переизбран членом своего старого колледжа, и, когда появилось первое сочинение Лютера, он сказал: "Я должен знать, на чьей стороне правда. Есть только один непогрешимый источник - Священное Писание; в них я буду искать Божью истину". [1054] И в течение трех лет он постоянно изучал священные книги, [1055] без комментариев, без человеческого богословия, и, следовательно, он получил имя *Писателя*. Наконец его глаза открылись; он увидел таинственную связь, объединяющую все библейские откровения, и понял полноту Божьего замысла. Затем, не оставляя Священных Писаний, он изучил самых разных авторов. [1056] Он был медлительным читателем, но внимательным наблюдателем; [1057] он никогда не открывал книгу, не взяв в руки ручки.. [1058] Он не примыкал к какой-либо определенной партии или возрасту; но, обладая свободным и философским складом ума, он взвешивал все мнения на весах своего суждения, [1059] взяв Библию за основу. стандартный.

Вскоре его осенили почести; он последовательно становился доктором богословия, профессором, университетским проповедником и экзаменатором. Он обычно говорил кандидатам на служение: "Христос направляет своих слушателей к Священному Писанию, а не к церкви". [1060]— "Но, - возразили монахи, - они такие трудные".— "Объясняйте неясные отрывки теми, которые понятны, - возразил профессор, - Писание за Писанием. Ищите, молитесь, *и тот, у кого есть ключ Давида*, откроет их вам". Монахи, напуганные этим

заданием, удалились, пылая гневом, и вскоре имя Кранмера внушало страх в каждом монастыре. Некоторые, однако, подчинились этому труду, и один из них, доктор Баррет, благословил Бога за то, что экзаменатор вернул его обратно; "ибо, - сказал он, - я нашел знание о Боге в священной книге, которую он заставил меня изучать". Кранмер работал на той же работе, что и Латимер, Стаффорд и Билни.

ХАРАКТЕР КРАНМЕРА.

Фокс и Гардинер возобновили знакомство со своим старым другом по Уолтемскому аббатству, сели за стол, и раздающий милостыню и секретарь спросили доктора, что он думает о разводе. Это была обычная тема для разговоров, и незадолго до этого Кранмер был назначен членом комиссии, назначенной для того, чтобы высказать свое мнение по этому делу. "Вы не на правильном пути, - сказал Кранмер своим друзьям. - вам не следует цепляться за решения церкви. Есть более надежный и короткий путь, который один может успокоить совесть короля". — "Что это?" - спросили они оба. "Истинный вопрос заключается в следующем, - ответил Кранмер. - *Что говорит Слово Божье?* Если Бог объявил такой брак *плохим*, папа не может сделать его *хорошим*. Прекратите эти бесконечные римские переговоры. Когда Бог говорит, человек должен повиноваться". — "Но как нам узнать, что сказал Бог?" — "Проконсультируйтесь с университетами; они поймут это вернее, чем Рим".

Это был новый взгляд. Идея консультирование в университетах было сделано раньше, но тогда их собственное мнение, только уже требовали; вот, вопрос был в том, чтобы просто знать, *что Бог говорит в своем слове*. "Слово Божье выше церкви" - таков был принцип, заложенный Кранмером, и в этом принципе заключалась вся Реформация. Беседе за ужином в Уолтеме было суждено стать одной из тех тайных пружин, которые невидимая Рука приводит в движение для осуществления его великих замыслов. Кембриджский доктор, внезапно перенесенный из своего кабинета к подножию трона, был близок к тому, чтобы стать одним из главных инструментов Божественной мудрости.

На следующий день после этого разговора Фокс и Гардинер прибыли в Гринвич, и король вызвал их к себе тем же вечером. "Ну, джентльмены, - сказал он им, - наши каникулы закончились; что же нам теперь делать? Если мы все еще обратимся к Риму, Бог знает, когда мы увидим конец этому делу". [1061] — "Нет необходимости совершать такое долгое путешествие", - сказал Фокс. — "Мы знаем более короткий и надежный путь". - "В чем дело?" — нетерпеливо спросил кинг. - "Доктор Кранмер, которого мы встретили вчера в Уолтеме, считает, что Библия должна быть единственным судьей в вашем деле". Гардинер, раздосадованный откровенностью своего коллеги, пожелал присвоить себе всю честь осуществления этой блестящей идеи, но Генри его не слушал. - Где доктор Кранмер? - спросил я. - сказал он, сильно растроганный. [1062] "Отправьте и немедленно приведите его. Матерь Божья! (это была его обычная клятва) этот человек держит свинью за ухо. [1063] Если бы это было предложено мне всего два года назад, каких затрат и хлопот я был бы избавлен."

Кранмер уехал в Ноттингемшир; посыльный последовал за ним и привез его обратно. "Зачем вы впутали меня в это дело?" - обратился он к Фоксу и Гардинеру. "Прошу вас, принесите мои извинения королю". Гардинер, который не желал ничего лучшего, пообещал сделать все, что в его силах, но это было бесполезно. "Я не потерплю оправданий", - сказал Генри. Хитрый придворный был вынужден решиться представить простодушного и честного человека,

которому в один прекрасный день должно было принадлежать то положение, которого он сам так жаждал. Кранмер и Гардинер отправились в Гринвич, оба одинаково недовольные.

ИНТЕРВЬЮ КРАНМЕРА С ГЕНРИ.

Кранмеру было тогда сорок лет, у него были приятные черты лица и кроткие, обаятельные глаза, в которых, казалось, отражалась чистота его души. Чувствительный как к боли, так и к сердечным удовольствиям, он был обречен больше других людей подвергаться тревогам и падениям; мирная жизнь в каком-нибудь отдаленном приходском доме пришлась бы ему больше по вкусу, чем при дворе Генриха VIII. Наделенный великодушным умом, он, к несчастью, не обладал твердостью, необходимой общественному человеку; маленького камешка было достаточно, чтобы заставить его споткнуться. Его превосходное понимание указывало ему лучший путь; но его великая робость заставляла его бояться более опасного. Он слишком любил полагаться на силу людей и слишком легко шел им на неприятные уступки. Если бы король спросил его, он никогда бы не осмелился посоветовать столь смелый поступок, на который указал; совет вырвался у него за столом во время интимной дружеской беседы. Тем не менее, он был искренен и, сделав все, чтобы избежать последствий своей откровенности, был готов придерживаться высказанного мнения.

Генрих, заметив робость Кранмера, любезно приблизился к нему. - Как вас зовут? - спросил король, пытаясь успокоить его. "Разве вы не встречались с моим секретарем и раздающим милостыню в Уолтеме?" И затем он добавил: "Разве вы не говорили с ними о моем великом деле?" — Повторяя слова, приписываемые Кранмеру. Последний не мог отступить: "Сэр, это правда, я действительно так сказал". — "Я вижу, - с воодушевлением ответил король, - что вы нашли брешь, через которую мы должны штурмовать крепость. Теперь, сэр доктор, я прошу вас, и поскольку вы мой подданный, я приказываю вам отложить в сторону все другие занятия и довести мое дело до конца в соответствии с выдвинутыми вами идеями. Все, что я хочу знать, - это противоречит ли мой брак законам Божьим или нет. Приложите все свое мастерство к расследованию этого дела и таким образом утешьте мою совесть, а также совесть королевы".

[1064]

Кранмер был сбит с толку; он отказался от мысли решать дело, от которого, возможно, зависели судьбы нации, и вздыхал, вспоминая пустынные поля Аслактона. Но, схваченный энергичной рукой Генриха, он был вынужден двинуться вперед. "Сэр, - сказал он, - прошу вас, доверьте это дело врачам более образованным, чем я". "Я очень хочу, - ответил король, - но я хочу, чтобы вы также изложили мне свое мнение в письменном виде". А затем, вызвав к себе графа Уилтшира, он сказал ему: "Милорд, вы примете доктора Кранмера в своем доме на Дарем-плейс и предоставьте ему все необходимое для составления отчета, о котором я его просил". После этого точного приказа, не допускавшего отказа, Генри удалился.

КРАНМЕР ЗНАКОМИТСЯ С АННОЙ БОЛЕЙН.

Таким образом король представил Кранмера отцу Анны Болейн, а не, как утверждают некоторые романистические авторы, сэру Томасу Болейну короля. [1065] Уилтшир отвел Кранмера в Дарем-хаус (ныне Адельфи на Стрэнде), и благочестивый доктор, которому Генрих поручил эти покои, вскоре подружился с Анной и ее отцом и воспользовался этим, чтобы научить их ценности Божественного слова как *бесценной жемчужины*. [1066] Генри, пользуясь обращением Вулси и Гардинера, мало обращал внимания на этих людей; но он уважал

Кранмера, даже когда был противоположен ему во мнениях, и до самой своей смерти ставил ученого врача выше всех своих придворных и всех своих клерков. Благочестивый человек часто добивается большего успеха, даже с великими мира сего, чем честолюбивый и интригующий.

ГЛАВА XIII.

Вулси в Канцлерском суде —Обвиняемый герцогами—Отказывается отдать Большую Печать—Его отчаяние—Он отдает Печать—Приказ об отъезде—Его Опись—Тревога—Сцена отъезда—Благоприятное послание от короля—Радость Вулси—Его Дурак—Прибытие в Эшер.

В то время как Кранмер поднимался, несмотря на свое смирение, Вулси падал, несмотря на свои уловки. Кардинал по-прежнему правил королевством, давал указания послам, вел переговоры с принцами и наполнял свои роскошные дворцы своим высокомерием. Король не мог решиться прогнать его; сила привычки, нужда в нем, воспоминание об услугах, которые Генрих получил от него, говорили в его пользу. Уолси без печатей казался почти таким же невыносимым, как король без короны. И все же падение одного из самых могущественных фаворитов в истории неизбежно приближалось, и теперь мы должны описать это.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КАРДИНАЛА.

9 октября, после Михайловских каникул, Вулси, желая показать себя смелым, пошел открывать заседание верховного канцлерского суда со своей обычной помпой; но он с беспокойством заметил, что никто из королевских слуг не прошел перед ним, как они привыкли это делать. Он председательствовал на скамье с невыразимо подавленным настроением, а различные члены суда сидели перед ним с отсутствующим видом; в этом заседании было что-то мрачное и торжественное, как будто все принимали участие в похоронах: ему действительно было суждено стать последним актом власти кардинала. За несколько дней до этого (Фокс говорит, что 1 октября) герцоги Норфолк и Саффолк вместе с другими лордами тайного совета отправились в Виндзор и донесли королю на неконституционные отношения Вулси с папой римским, на его узурпации, "его грабежи и раздоры, посеянные его средствами между христианскими князьями". [1067] Таких мотивов было бы недостаточно; но у Генри были более веские. Уолси не сдержал ни одного из своих обещаний в вопросе развода; похоже, что он даже посоветовал папе отлучить короля от церкви и таким образом поднять против него его народ. [1068] Принц в то время не знал об этой чудовищности; даже вероятно, что это произошло позже. Но Генри знал достаточно и отдал приказ своему генеральному прокурору сэру Кристоферу Хейлзу привлечь Вулси к ответственности.

В то время как убитый горем кардинал в последний раз демонстрировал свою власть в канцлерском суде, генеральный прокурор обвинял его на королевской скамье в получении папских булл, наделяющих его юрисдикцией, которая посягает на королевскую власть; и призывал к применению наказания в виде *премуниверситета*. Оба герцога получили приказ потребовать у Вулси печати; и последний, узнав о том, что произошло, 10-го числа не покидал своего дворца, каждую минуту ожидая прибытия вестников королевского гнева; но никто не появился.

На следующий день прибыли оба герцога: "Королю угодно, - сказали они кардиналу, который продолжал сидеть в своем кресле, - чтобы вы передали нам широкую печать и удалились в Эшер" (загородное поместье недалеко от Хэмптон-Корта). Вулси, чье присутствие духа никогда его не подводило, потребовал встречи с комиссией, в соответствии с которой они действовали. "Мы получили приказ из уст его величества", — сказали они. "Возможно, для вас этого будет достаточно, - ответил кардинал, - но не для меня. Большая печать Англии была вручена мне руками моего государя; я не могу вручить ее по простому слову какого-либо лорда, если вы не предъявите мне свое поручение ". Саффолк пришел в ярость, но Вулси остался спокоен, и оба герцога вернулись в Виндзор. Это был последний триумф кардинала.

ОН ОТДАЕТ ВЕЛИКУЮ ПЕЧАТЬ.

Слух о его опале произвел огромную сенсацию при дворе, в городе и среди иностранных послов. Дю Белле поспешил на Йорк-Плейс (Уайтхолл), чтобы полюбоваться на это великое крушение и утешить своего несчастного друга. Он нашел Вулси с удрученным выражением лица и потускневшими глазами, "уменьшившимся вдвое до своего обычного размера", - писал посол Монморанси, - "величайшим примером удачи, который когда-либо видели". Вулси хотел "изложить ему свое дело", но его мысли путались, язык ломался, "потому что и сердце, и язык совершенно изменили ему"; он разрыдался. Посол посмотрел на него с состраданием: "Увы! - подумал он. - его враги не могут не испытывать к нему жалости". Наконец несчастный кардинал обрел дар речи, но только для того, чтобы впасть в отчаяние. "Я больше не желаю власти, - воскликнул он, - ни папского представительства, ни гербовой печати Англии.... Я готов отказаться от всего, даже от своей рубашки. [1069]... Я могу жить в уединении, при условии, что король не будет держать меня в немилости. Посол "сделал все, что мог, чтобы утешить его", когда Вулси, ухватившись за брошенную ему доску, воскликнул: "О, если бы король Франции и его супруга могли молить короля умерить свой гнев против меня! Но прежде всего, - добавил он с тревогой, - позаботьтесь о том, чтобы король никогда не узнал, что я просил вас об этом". Дю Белле действительно написал во Францию, что только король и мадам могут "отозвать своего любящего слугу от врат ада", и Вулси, узнав об этих депешах, немного оживился. Но этот яркий отблеск длился недолго.

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ ВУЛСИ.

В воскресенье, 17 октября, Норфолк и Саффолк вновь появились в Уайтхолле в сопровождении Фицуильяма, Тейлора и Гардинера, бывшего иждивенца Вулси. Было шесть часов вечера; они нашли кардинала в верхней комнате, рядом с большой галереей, и передали ему приказ короля. Прочитав их, он сказал: "Я счастлив повиноваться приказам его величества"; затем, приказав принести ему большую печать, он достал ее из белого кожаного футляра, в котором хранил, и вручил герцогам, которые поместили ее в шкатулку, обтянутую малиновым бархатом и украшенную гербом Англии, [1070] приказал Гардинеру запечатать ее. покрыл красным воском и отдал Тейлору, чтобы тот передал королю.

Вулси был поражен как громом; ему предстояло испить горькую чашу до дна: ему было приказано немедленно покинуть свой дворец, не взяв с собой ни одежды, ни белья, ни посуды; герцоги опасались, что он увезет свои сокровища. Вулси осознал величие своего горя; однако он нашел в себе силы сказать: "Поскольку королям угодно забрать мой дом и все, что в нем есть, я довольствуюсь тем, что удаляюсь в Эшер". Герцоги покинули его.

Вулси остался один. Этот удивительный человек, поднявшийся из мясной лавки на вершину земного величия, который за одно неугодное ему слово отправил в Тауэр самых верных слуг своего хозяина (например, Пейса) и который правил Англией так, как если бы он был ее монархом, и даже более того, поскольку он правил без парламента, был изгнан и брошен, так сказать, на навозную кучу. Внезапная надежда молнией вспыхнула в его голове; возможно, великолепие добычи успокоит Генриха. Разве Исав не был умиротворен подарком Иакова? Вулси подозревал своих офицеров: "Накройте столы в большой галерее, - сказал он им, - и разложите на них все, что я доверил вашим заботам, чтобы дать мне отчет". Эти приказы были выполнены немедленно. Столы были завалены огромным количеством богатых тканей, шелков и бархата всех цветов, дорогих мехов, богатых риз и других церковных облачений; стены были увешаны золотой и серебряной тканью и паутиной из ценного материала по имени бодыкин, [1071] с ткацких станков Дамаска и гобеленами, изображающими библейские сюжеты или истории из Священного Писания. старые рыцарские романы. Позолоченный зал и зал совета, примыкавшие к галерее, были заставлены посудой, в которой золото и серебро были украшены жемчугом и драгоценными камнями: этих предметов роскоши было так много, что корзины с дорогой посудой, вышедшей из моды, были убраны под столы. На каждом столе был точный список сокровищ, которыми он был уставлен, ибо в доме кардинала царили самый совершенный порядок и регулярность. Вулси с надеждой взглянул на это богатство и приказал своим офицерам доставить все это его величеству.

ВУЛСИ ПОКИДАЕТ УАЙТХОЛЛ.

Затем он приготовился покинуть свой великолепный дворец. Этот момент, такой печальный сам по себе, стал еще печальнее из-за проявленной нежной неосмотрительности. "Ах, милорд, - сказал его казначей сэр Уильям Гаскойн, растроганный даже до слез, - ваша светлость будет отправлена в Тауэр". Это было слишком для Вулси: пойти и присоединиться к своим жертвам!... Он разозлился и воскликнул: "Разве это лучшее утешение, которое ты можешь дать своему хозяину в беде? Я бы хотел, чтобы вы и все подобные богохульствующие репортеры знали, что это неправда".

Необходимо было уходить; он надел себе на шею золотую цепь, с которой свисала мнимая реликвия истинного креста; это было все, что он взял. "Молю Бога, - воскликнул он, надевая его, - чтобы у меня никогда не было другого ребенка". Это он сказал, намекая на крест легата, который раньше несли перед ним с такой помпой. Он спустился по черной лестнице, сопровождаемый своими слугами, одни молчаливые и удрученные, другие горько плачущие, и направился к берегу реки, где его ждала баржа. Но, увы! он был не один. Темза была покрыта бесчисленными лодками, полными мужчин и женщин. Жители Лондона, ожидавшие увидеть, как кардинала поведут в Тауэр, пожелали присутствовать при его унижении и приготовились сопровождать его. Крики радости, приветствующие его падение, раздавались со всех сторон; не было недостатка и в самых жестоких сарказмах. "Собака мясника больше не будет кусаться, - говорили некоторые. - Посмотрите, как она повесила голову". По правде говоря, несчастный человек, огорченный столь новым для него зрелищем, опустил глаза, которые когда-то были такими гордыми, но теперь наполнились горькими слезами. Этот человек, заставивший трепетать всю Англию, был тогда подобен увядшему листу, уносимому потоком. Все его слуги были тронуты; даже его шут Уильям Пэтч рыдал вместе со всеми. "О, колеблющаяся и новомодная публика!" - воскликнул Кавендиш, его джентльмен-билетер. [1072] Надежды

горожан были обмануты; баржа, вместо того чтобы спуститься по реке, двинулась вверх по направлению к Хэмптон-Корту; постепенно крики стихли, и флотилия рассеялась.

ШУТ ВУЛСИ.

Тишина реки позволяла Вулси предаваться менее горьким мыслям; но теперь, когда люди покинули его, казалось, что невидимые фурии преследуют его. Он оставил свою баржу в Патни и, с трудом вскочив на мула, медленно двинулся дальше, опустив глаза. Вскоре после этого, подняв глаза, он увидел всадника, быстро спускавшегося с холма по направлению к ним. "Как вы думаете, кто это может быть?" спросил он своих слуг. "Милорд, - ответил один из них, - я думаю, это сэр Генри Моррис". Вспышка радости пронзила сердце Вулси. Разве не Норрис из всех королевских офицеров оказал ему наибольшее уважение во время его визита в Графтон? Норрис подошел к ним, почтительно поприветствовал его и сказал: "Король просит меня заявить, что он по-прежнему испытывает к вам те же добрые чувства и посылает вам это кольцо в знак своего доверия". Вулси принял его дрожащей рукой: это было то самое письмо, которое король имел обыкновение посылать в важных случаях. Кардинал немедленно слез со своего мула и, опустившись на колени прямо на дороге, воздел руки к небу с выражением неопишуемого счастья. Упавший мужчина хотел было снять свою бархатную нижнюю шапочку, но, не в силах развязать завязки, порвал их и бросил на землю. Он стоял на коленях с непокрытой головой и горячо молился в глубокой тишине. Божье прощение никогда не доставляло Вулси такого удовольствия, как прощение Генри.

Закончив молитву, кардинал надел шапку и снова сел на своего мула. "Благородный Норрис, - сказал он королевскому гонцу, - если бы я был правителем королевства, половины его едва ли хватило бы, чтобы вознаградить тебя за твою радостную весть; но у меня ничего не осталось, кроме одежды на спине". Затем снял золотую цепочку: "Возьми это, - сказал он, - в нем частица истинного креста. В мои более счастливые дни я бы не расстался с ним и за тысячу фунтов". Кардинал и Норрис разделились, но Вулси вскоре остановился, и весь отряд остановился на пустоши. Мысль о том, что ему нечего послать королю, сильно встревожила его; он позвал Норриса обратно и, оглянувшись, увидел верхом на жалкой лошади бедного Уильяма Пэтча, утратившего всю свою веселость после несчастья с его хозяином. "Представьте этого бедного шута королю от меня, - сказал Вулси Норрису. - его шутовство - удовольствие, достойное принца; он стоит тысячу фунтов". Пэтч, оскорбленный таким обращением, пришел в неистовую ярость, его глаза сверкали огнем, у рта шла пена, он пинался, дрался и кусал всех, кто к нему приближался; [1073] но неумолимый Вулси, который смотрел на него просто как на игрушку, приказал шести своим самым высоким йоменам схватить его. Они унесли несчастное существо, которое еще долго продолжало издавать свои пронзительные крики. В тот самый момент, когда его хозяин сжалился над ним, Вулси, подобно слуге из притчи, не пожалел своего бедного товарища по несчастью.

Наконец они добрались до Эшера. Что за резиденция по сравнению с Уайтхоллом!... Там было немногим больше четырех голых стен. Самое необходимое было доставлено из соседних домов, но Вулси не мог приспособиться к этому жестокому контрасту. Кроме того, он знал Генриха VIII; он знал, что однажды тот может послать Норриса с золотым кольцом, а на следующий день - палача с веревкой. Мрачный и удрученный, он остался сидеть в своих одиноких покоях. Внезапно он вставал со своего места, торопливо расхаживал взад и вперед, громко

разговаривал сам с собой, а затем, откинувшись на спинку стула, начинал плакать, как ребенок. Этот человек, который раньше сотрясал королевства, был свергнут в мгновение ока и теперь искупал свое вероломство унижением и ужасом — поразительный пример Божьего суда.

ГЛАВА XIV.

Томас Мор избран канцлером—Светское правительство один из величайших фактов Реформации—Уолси обвиняют в подчинении Англии Папе—Он умоляет короля о помиловании—Его осуждение—Кромвель в Эшере—Его характер—Он отправляется в Лондон—Сэр Кристофер Хейлс рекомендует его королю—Интервью Кромвеля с Генри в парке—Новая теория—Кромвель избран членом парламента—Открыто сэром Томасом Мором—Атака на церковные злоупотребления—Реформы, провозглашенные Собранием—Три законопроекта—Рочестер нападает на них—Сопrotивление церкви Палата общин—Борьба—Генри одобряет три законопроекта—Тревога духовенства и беспорядки.

ЛОРД-КАНЦЛЕР МОР.

Все это время при дворе царило смятение. Норфолк и Саффолк, возглавлявшие совет, сообщили Звездной палате о немилости кардинала. Генрих не знал, как занять его место. Некоторые предлагали архиепископа Кентерберийского; король и слышать о нем не хотел. "Вулси, - говорит французский писатель, - вызывал отвращение у короля и всей Англии из-за подданных двух господ, которые почти всегда продавали друг друга. Они предпочитали министра-непрофессионала". "Я искренне верю, что священники никогда больше не получают его", - писал Дю Белле. Было произнесено имя сэра Томаса Мора. Он был непрофессионалом, и это качество, которое несколько лет назад, возможно, исключило бы его, теперь стало рекомендацией. Дуновение протестантизма донеслось до вершины почитания одного из его злейших врагов. Генрих полагал, что Мор, поставленный между папой и его сувереном, примет решение в пользу интересов трона и независимости Англии. Его выбор был сделан.

ВУЛСИ ПРИГРОЗИЛ ПРЕМУНИРОМ.

Мор знал, что кардинала отстранили от должности из-за того, что он не был достаточно послушным инструментом в вопросе развода. Работа, которую от него требовали, противоречила его убеждениям; но оказанная ему честь была почти беспрецедентной — очень редко печати доверялись простому рыцарю. [1074] Он следовал путем честолубия, а не долга; однако впоследствии он показал, что его честолубие было необычного рода. Возможно даже, что, предвидя опасности, которые угрожали разрушить папскую власть в Англии, Мор пожелал приложить усилия для ее сохранения. Норфолк назначил нового канцлера в Звездной палате. "Его величество, - сказал герцог, - обратил свой взор не на благородство крови, а на достоинство личности. Этим выбором он желает показать, что среди мирян и джентльменов Англии есть люди, достойные занимать высшие должности в королевстве, на которые до сего часа только епископы и дворяне считали, что имеют право". [1075] Реформация, которая вернула религию в общую структуру церкви, в то же время отняла политическую власть у духовенства. Священники лишили людей христианской деятельности, а правительства - власти; Евангелие вернуло обоим то, что узурпировали священники. Этот результат не мог не благоприятствовать интересам религии; чем меньше у королей и их подданных причин

опасаться вторжения власти духовенства в дела мира, тем больше они будут поддаваться живительному влиянию веры.

Мор не терял времени даром; никогда еще лорд-канцлер не проявлял такой активности. Он быстро разобрался с делами, которые были отложены, и, получив место 26 октября, 28 или 29-го обратился к Вулси за помощью. "Корона Англии, - сказал генеральный прокурор, - никогда не признавала никого выше себя, кроме Бога. [1076] Итак, упомянутый Томас Уолси, легат *позднее*, получил от папы определенные буллы, в силу которых он с 28 августа 1523 года пользуется полномочиями, принижающими власть его величества и права его судов. Корона Англии не может быть передана папе; и поэтому мы обвиняем упомянутого легата в том, что он навлек на себя *премуниверситет*.

НАСТОЯЩЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВУЛСИ.

Не может быть сомнений, что у Генриха были другие причины для опалы Вулси, отличные от тех, на которые указал генеральный прокурор; но у Англии были убеждения более высокого порядка, чем у ее суверена. Вулси считался сообщником папы римского, и это было причиной большой суровости со стороны государственного служащего и народа. Кардинала обычно оправдывают утверждением, что и король, и парламент ратифицировали неконституционные полномочия, которыми Рим наделил его; но разве полномочия, предоставленные ему папой, не привели к неоправданным результатам в конституционной монархии? Уолси, как папский легат, управлял Англией без парламента; и, как будто нация вернулась ко временам правления Иоанна, он заменил *де-факто*, если не теоретически, чудовищную систему знаменитой буллы "*Unam Sanctum*" [1077] вместо института *Великой хартии вольностей*. Король и даже лорды и палата общин напрасно потворствовали этим беззакониям; права конституции Англии оставались от этого не менее неприкосновенными, и лучшие представители народа протестовали против их нарушения. И, следовательно, Уолси, сознавая свое преступление, "полностью отдал себя на милость короля", [1078] и его адвокат заявили о его незнании законов, которые, как утверждалось, он нарушил. Мы не можем здесь утверждать, как это делали некоторые, о падении моральных сил Вулси; он мог даже после своего падения энергично ответить Генриху VIII. Когда, например, король послал потребовать корону из своего дворца Уайтхолл, который принадлежал Йоркскому престолу, кардинал ответил: "Передайте от меня его величеству, что я должен пожелать, чтобы он напомнил все милостивейшему, что есть и рай, и ад"; и когда против него были выдвинуты другие обвинения, помимо обвинений в пособничестве папской агрессии, он мужественно защищался, как будет видно впоследствии. Таким образом, если кардинал и не пытался оправдаться за нарушение прав короны, то лишь потому, что его совесть велела ему молчать. Он совершил одну из самых серьезных ошибок, в которых может быть виновен государственный деятель. Те, кто пытался оправдать его, недостаточно учитывали тот факт, что со времен Великой Хартии противодействие римской агрессии всегда было характерно для конституции и правительства Англии. Вулси прекрасно помнил это, и это объяснение для него более благородно, чем то, которое приписывает его молчание слабости или хитрости.

Кардинал был признан виновным, и суд вынес решение, что по статуту *премунира* его имущество конфисковано и что он может предстать перед королем на совете. Англия, пожертвовав церковником, который поставил себя выше королей, подала незабываемый пример своего непреклонного противодействия посягательствам папства. Вулси был сбит с толку, и его беспокойное воображение не рисовало ничего, кроме опасностей со всех сторон.

В то время как Мор поддавался осуждению своего предшественника, другом которого он был, другой мирянин еще более скромного происхождения готовился защитить кардинала и тем самым стать назначенным орудием для разрушения монастырей в Англии и разрушения светских уз, которые соединяли эту страну с римским понтификом.

РЕШЕНИЕ КРОМВЕЛЯ.

1 ноября, через два дня после осуждения Вулси, один из его офицеров с молитвенником в руке стоял, прислонившись к окну в большом зале, очевидно, поглощенный своей молитвой. - Доброе утро, - сказал Кавендиш, проходя мимо него, направляясь к кардиналу по своим обычным утренним делам. Человек, к которому обращались таким образом, покачал головой, и джентльмен-пристав, увидев, что его глаза наполнились слезами, спросил его: "Мастер Кромвель, милорду что—нибудь угрожает?" - "Я думаю, что нет, - ответил Кромвель, - но тяжело в одно мгновение потерять труд всей жизни". В падении своего хозяина Кромвель предвосхитил свое собственное. Кавендиш попытался утешить его. "С Божьей помощью, таково мое решение", - ответил честолюбивый поверенный Вулси.; - Я намерена сегодня днем, как только милорд пообедаст, отправиться верхом в Лондон и таким образом явиться ко двору, где я либо добьюсь успеха, либо выйду замуж, прежде чем вернусь снова. [1079] В этот момент вызвали Кавендиша, и он вошел в покои кардинала.

Кромвель, снедаемый честолубием, цеплялся за мантию Вулси, чтобы достичь власти; но Вулси пал, и поверенный, увлекаемый за собой, пытался другими способами достичь объекта своих желаний. Кромвель был одним из тех серьезных и энергичных людей, которых Бог готовит к критическим временам. Наделенный твердым суждением и бесстрашной твердостью, он обладал качеством, редким во все времена, и особенно при Генрихе VIII, — верностью в несчастье. Способности, которыми он отличался, не всегда были безупречны: успех, по-видимому, был его первой мыслью.

БЕСЕДА КРОМВЕЛЯ С ГЕНРИ.

После ужина Кромвель последовал за Вулси в его личную комнату: "Милорд, позвольте мне отправиться в Лондон, я постараюсь спасти вас". По опечаленному лицу кардинала пробежала тень. "Покиньте комнату", — сказал он своим слугам. Затем у него состоялся долгий частный разговор с Кромвелем, [1080] в конце которого последний сел на коня и отправился в столицу, направляясь на штурм власти с такой же активностью, с какой он шел на штурм Рима. Он не скрывал от самого себя, что добиться доступа к королю будет трудно, поскольку некоторые священнослужители, завидовавшие Вулси, выступали против его поверенного во время секуляризации монастырей, и Генрих терпеть его не мог. Но Кромвель знал, что удача благоволит смелым, и, увлеченный своими честолюбивыми мечтами, поскакал дальше, говоря себе: "Одна нога в стремя, и мое состояние обеспечено!"

Сэр Кристофер Хейлс, ревностный католик, питал к нему искреннюю дружбу, и к этому другу обратился Кромвель. Хейлз немедленно отправился во дворец (2 ноября), где застал многочисленную компанию, обсуждавшую гибель кардинала. "Был один из его офицеров, — сказал Хейлс, — который хорошо служил бы вашему величеству".— "Кто он?" - спросил Генрих.- "Кромвель". - "Не говорите мне об этом человеке, я ненавижу его", - сердито ответил король; [1081] и после этого все придворные присоединились к мнению его величества. Это начало было не очень обнадеживающим; но лорд Рассел, граф Бедфорд, выйдя в середину группы,

окружавшей короля, смело сказал: [1082] "Позвольте мне, сэр, защитить человека, которому я обязан своей жизнью. Когда вы тайно отправили меня в Италию, враги вашего величества, обнаружив меня в Болонье, предали бы меня смерти, если бы Томас Кромвель не спас меня. Сэр, поскольку вы теперь имеете дело с папой римским, то (я думаю) во всей Англии нет человека, который больше подходил бы для вашей цели". — "В самом деле!" - сказал король; и после небольшого раздумья он сказал Хейлзу: "Очень хорошо, тогда пусть ваш клиент встретится со мной в Уайтхолл-гарденс". Придворные и священники удалились в большом замешательстве.

СВОБОДА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕНА В ЦЕРКВИ.

Беседа состоялась в тот же день в условленном месте. "Сэр, - обратился Кромвель к его величеству, - папа отказывает вам в разводе.... Но почему вы спрашиваете его согласия? Каждый англичанин - хозяин в своем собственном доме, и почему бы вам не быть таким в Англии? Должен ли иностранный прелат разделить с вами вашу власть? Это правда, епископы приносят присягу вашему величеству, но сразу же после этого они приносят другую присягу папе римскому, которая освобождает их от первой. Сэр, вы лишь наполовину король, а мы лишь наполовину ваши подданные. [1083] Это королевство - двухголовое чудовище. Будете ли вы и дальше мириться с такой аномалией? Что? разве вы не живете в эпоху, когда Фридрих Мудрый и другие немецкие князья сбросили иго Рима? Поступай так же; снова стань королем; управляй своим королевством в согласии со своими лордами и палатой общин. Отныне пусть только англичанам будет что сказать в Англии; пусть деньги ваших подданных больше не выбрасываются в зияющую пропасть Тибра; вместо того чтобы облагать нацию новыми налогами, обратите на общее благо те сокровища, которые до сих пор служили только для откорма гордых священников и ленивых монахов. Настало время действовать. Положитесь на свой парламент; провозгласите себя главой церкви в Англии. Тогда ты увидишь возрастание славы твоего имени и процветание твоего народа".

Никогда прежде в таком тоне не обращались к королю Англии. Разрыв с Римом был необходим не только из-за развода; по мнению Кромвеля, это было сделано из-за независимости, славы и процветания монархии. Эти соображения казались Генриху более важными, чем те, которые до сих пор выдвигались перед ним; ни один из королей Англии не был в состоянии понять их так хорошо, как он. Когда Тюдор наследовал трон королям саксам, норманнам и Плантагенетам, человек из свободной расы кельтов занял на английском троне место принцев, покорных римским понтификам. Древняя британская церковь, независимая от папства, была близка к тому, чтобы снова восстать с этой новой династией, а кельтская раса после одиннадцати веков унижений восстановила свое древнее наследие. Несомненно, у Генри не было воспоминаний подобного рода; но он действовал в соответствии с особенностями своей расы, не отдавая себе отчета в инстинкте, который заставлял его действовать. Он чувствовал, что суверен, подчиняющийся папе, становится, подобно королю Иоанну, его вассалом; и теперь, после того как он был вторым в своем королевстве, он желал быть первым.

Король размышлял над словами Кромвеля; пораженный и изумленный, он пытался понять новое положение, в котором оказался его смелый советник. "Ваше предложение мне очень нравится, - сказал он, - но можете ли вы доказать то, что утверждаете?" "Конечно, - ответил этот способный политик. - У меня с собой копия присяги, которую епископы приносят римскому понтифику". С этими словами он достал из кармана бумагу и положил клятву перед глазами

короля. Генрих, ревниво относившийся к своей власти вплоть до деспотизма, был полон негодования и чувствовал необходимость низложить ту иностранную власть, которая осмеливалась оспаривать у него власть даже в его собственном королевстве. Он снял свое кольцо и отдал его Кромвелю, заявив, что берет его к себе на службу, а вскоре после этого сделал членом своего тайного совета. Англия, можно сказать, теперь была практически освобождена от папства.

Кромвель заложил первые основы своего величия. Он заметил путь, по которому пошел его учитель и который привел к его гибели, — соучастие папе; и он надеялся преуспеть, пойдя противоположным курсом, а именно, выступив против папства. Он пользовался поддержкой короля, но хотел большего. Обладая ясным и непринужденным стилем красноречия, он понимал, какое влияние даст ему место в большом совете нации. Было несколько поздно, поскольку заседание началось на следующий день (3 ноября), но для Кромвеля не было ничего невозможного. Сын его друга, сэр Томас Раш, был возвращен в парламент, но молодой депутат сложил с себя полномочия, и на его место был избран Кромвель.

ЗАСЕДАНИЕ ПАРЛАМЕНТА.

Парламент не собирался в течение семи лет, поскольку королевством управлял князь римской церкви. Реформация церкви, возрождающее влияние которой уже начинало ощущаться, должна была вот-вот вернуть нации те древние свободы, которых у нее лишил кардинал; и Генрих, находясь на пороге принятия очень важных решений, почувствовал необходимость сблизиться со своим народом. Все свидетельствовало о том, что между парламентом и короной воцарятся добрые чувства и что "священники будут ужасно напуганы". [1084]

В то время как Генрих готовился напасть на римскую церковь в условиях папского господства, палата общин готовилась к войне против многочисленных злоупотреблений, которыми она покрыла Англию. "Некоторые даже думали, - говорит Тиндейл, - что это собрание реформирует церковь и что золотой век снова наступит". [1085] Но Реформации было суждено исходить не из актов парламента, а исключительно из слова Божьего. И все же палата общин, не касаясь доктрины, собиралась мужественно выполнять свой долг во всем, что происходило в провинции, и парламент 1529 года можно рассматривать (по замечанию лорда Герберта Шерберского) как первый протестантский парламент Англии. [1086] "Епископы требуют чрезмерных штрафов за утверждение завещаний", - сказал старый друг Тиндейла, сэр Генри Гилфорд. "Как душеприказчик сэра Уильяма Комптона, я должен был заплатить тысячу марок стерлингов". — "Духовные лица, — сказал другой член церкви, - предпочли бы видеть, как бедные сироты умирают от голода, чем отдать им тощую корову, единственное, что оставил им отец". [1087] - "У священников, - сказал другой, - есть фермы, кожевенные заводы и склады по всему миру". страна. Короче говоря, служители забирают все у своих паств и не только ничего не дают им, но даже отказывают им в слове Божьем".

Духовенство было в крайнем смятении. Казалось, что сила нации пробудилась в этом парламенте с единственной целью - атаковать власть священника. Было важно отразить эти удары. Собрание провинции Кентербери, собравшееся в Вестминстере 5 ноября, сочло своим долгом в целях самообороны пресечь наиболее вопиющие злоупотребления. Поэтому 12 ноября было постановлено, что священники больше не должны держать лавки или таверны, играть в кости или другие запрещенные игры, проводить ночь в подозрительных местах, присутствовать на сомнительных шоу, [1088] разгуливать с охотничьими собаками или с

ястребами, соколами или другими хищными птицами на кулаке; [1089] или, наконец, вступать в подозрительные половые сношения с женщинами. [1090] Были осуждены наказания за эти различные нарушения; они были удвоены в случае супружеской измены; и еще больше увеличены в случае более отвратительных примесей. [1091] Таковы были законы, ставшие необходимыми из-за нравов духовенства.

ТРИ ЗАКОНОПРОЕКТА О РЕФОРМЕ.

Эти меры не удовлетворили палату общин. Были внесены три законопроекта, касающиеся сборов за оформление завещаний, моргов, множественности лиц, отсутствия места жительства и занятия светскими профессиями. "Целью является разрушение церкви, - воскликнул епископ Фишер, когда эти законопроекты были представлены лордам, - и если церковь падет, погибнет слава королевства. Лютеранство делает большой прогресс среди нас, и дикий крик, который уже прозвучал в Богемии, *Долой церковь*, теперь раздается в палате общин.... Как это происходит? Исключительно из-за недостатка веры.—Милорды, спасите вашу страну! спасите церковь!" Сэр Томас Одли, спикер парламента, с депутатией из тридцати членов немедленно отправился в Уайтхолл. "Господин, - сказали они королю, - нас обвиняют в неверии и в том, что мы почти такие же плохие, как *турки*. Мы требуем извинений за столь оскорбительные выражения ". Фишер притворился, что он имел в виду только *богему*; и палата общин, никоим образом не удовлетворенная, рьяно продолжала свои реформы.

Король был полон решимости уступить им; но он решил воспользоваться ими, чтобы представить вексель, возвращающий ему все деньги, взятые займы у его подданных. Джон Пети, один из депутатов от города, смело выступил против этого требования. "Я не в курсе дел других людей, - сказал он, - и я не могу отдать то, что мне не принадлежит. Но что касается меня лично, я отдаю без остатка все, что я одолжил королю ". Королевский билль был принят, и удовлетворенный Генрих дал свое согласие на законопроекты палаты общин. Любое разрешение, исходившее из Рима, которое могло противоречить статутам, было строго запрещено. Епископы восклицали, что палата общин становится раскольнической; некоторые священники устроили беспорядки; но клерикальные агитаторы были наказаны, и люди, услышав об этом, пришли в неопишуемый восторг.

ГЛАВА XV.

Последний час—Фанатизм Мора—Дебаты в Созыве—Королевская прокламация—Епископ Норвича—Приговоры осуждены—Оппозиция Латимера—Сожжен Новый Завет—Начинаются преследования—Хиттон—Бейфилд—Тонстолл и Пакингтон—Бейфилд арестованы—Ректор Патмор—Башня Лоллардов—Тиндейл и Патмор—Музыкант—Художник Фриз—Плакаты и мученическая смерть Беннета—Томас Мор и Джон Пети—Билни.

Момент, когда Генрих нанес свои первые удары по Риму, был также тем моментом, когда он начал проливать кровь учеников Евангелия. Хотя он был готов свергнуть авторитет папы, он не признавал авторитета Христа: послушание Священному Писанию, однако, является самой душой Реформации.

РАДОСТЬ ВЕРУЮЩИХ.

Борьба царя с Римом наполнила друзей Священного Писания надеждой. Ремесленники и торговцы, особенно те, кто жил у моря, были почти полностью привлечены Евангелием. "Король - один из нас, - хвастались они, - он хочет, чтобы его подданные читали Новый Завет. Наша вера, которая является истинной, будет распространяться по королевству, и к следующему Михайлову дню тех, кто верит так же, как мы, будет больше, чем тех, кто придерживается противоположного мнения. Мы готовы, если потребуется, умереть в борьбе". [1092] Это действительно было судьбой многих.

ТРЕВОГА ДУХОВЕНСТВА — ТРЕБОВАНИЕ ЕПИСКОПА.

Подобные высказывания возбудили духовенство: "Настал последний час, - сказал Стоксли, который был возведен в сан лондонского епископа после перевода Тонстолла в Дарем. - Если мы не хотим, чтобы ересь Лютера распространилась по всей Англии, мы должны поспешить выбросить ее в море". Генрих был полностью расположен сделать это; но поскольку он был не в очень хороших отношениях с духовенством, требовался человек, который мог бы служить посредником между ним и епископами. Вскоре он был найден.

Благородное понимание сэра Томаса Мора тогда переходило от аскетических практик к фанатизму, а гуманист превращался в инквизитора. По его мнению, сожжение еретиков было справедливым и необходимым. [1093] Его даже упрекали в том, что он привязывал евангельских христиан к дереву в своем саду, которое он называл "деревом истины", и в том, что он собственноручно порол их. [1094] Мор заявил, что он никогда не наносил "ни нашивки, ни поглаживания, ни даже шлепка по лбу" никому из своих религиозных противников; [1095] и мы охотно верим его отрицанию. Всем должно быть приятно думать, что если автор *Утопии* был суровым судьей, то рука, державшая одно из самых знаменитых перьев шестнадцатого века, никогда не исполняла обязанностей палача.

Епископы возглавили атаку. "Мы должны очистить поле Господне от терний, которые заглушают его", - сказал архиепископ Кентерберийский на Собрании 29 ноября 1529 года; сразу же после этого епископ Бата зачитал своим коллегам список книг, которые он хотел бы осудить. Там было несколько работ Тиндейла, Лютера, Меланхтона, Цвингле, ÆColampadius, Померана, Брентиуса, Буцера, Джонаса, Фрэнсиса Ламберта, Фрита и Фиша. [1096] В частности, была изложена Библия. "Невозможно перевести Священное Писание на английский", - сказал один из прелатов. [1097] — "Мирянам запрещено читать это на своем родном языке", - сказал другой. — "Если вы будете терпимо относиться к Библии, - добавил третий, - вы сделаете всех нас еретиками". — "Распространяя Священное Писание, - воскликнули некоторые, - вы поднимете нацию против короля". Сэр Т. Мор представил петицию епископов королю, и некоторое время спустя Генрих издал прокламационный приказ, согласно которому "никто не должен проповедовать, или писать какую—либо книгу, или содержать какую—либо школу без лицензии епископа; — что никто не должен хранить в своем доме никаких еретических книг; - что епископы должны заключать преступников в тюрьму по своему усмотрению, а затем приступать к казни виновных; - и, наконец, что канцлер, мировые судьи и другие магистраты должны помогать епископам". [1098] Таково было жестокое провозглашение Генриха VIII, "отца английской реформации".

Духовенство все еще не было удовлетворено. Слепой восьмидесятилетний епископ Норвича, будучи более пылким, чем самый молодой из своих священников, возобновил свои жалобы. "В моей епархии *полно* тех, кто читает Библию, - сказал он архиепископу Кентерберийскому, - и нет

ни одного клерка из Кембриджа, кроме *смакующего сковородку*. Если так будет продолжаться и дальше, они уничтожат нас всех. У нас должно быть больше полномочий, чтобы наказать их, чем у нас есть".

Следовательно, 24 мая 1530 года Мор, Уорхэм, Тонстолл и Гардинер, будучи допущены в покои Святого Эдуарда в Вестминстере, чтобы доложить королю о ереси, предложили самым решительным образом запретить Новый Завет и некоторые другие книги, в которых излагались следующие доктрины: "Что Христос пролил свою кровь за наши беззакония в жертву Отцу.— Только вера оправдывает нас.— Вера без добрых дел - это не маленькая или слабая вера, это не вера.— Трудясь добрыми делами, чтобы попасть на небеса, ты позоришь кровь Христа". [1099]

ЛАТИМЕР ИЩЕТ ГОЛОС ХРИСТА.

В то время как почти все в зале для аудиенций поддерживали молитву, изложенную в петиции, было три или четыре врача, которые хранили молчание. Наконец один из них, Латимер, выступил против этого предложения. Друг Билни был более чем когда-либо полон решимости не слушать никакого другого голоса, кроме Божьего. "Овцы Христовы не слышат голоса ни одного человека, кроме Христа", - ответил он доктору Редману, который призвал его подчиниться церкви. "Не отвлекайте меня больше от беседы с Господом, моим Богом". [1100] Церковь, по мнению Латимера, предполагала заявить о себе вместо Христа, а Реформация поступила наоборот; это было его смягчением противоречия. Будучи призванным проповедовать во время рождественского прилива, он осудил своих слушателей за то, что они отмечали этот праздник игрой в карты, как простые миряне, а затем начали раскладывать перед их глазами *карты* Христа, то есть Его законы. [1101] Будучи включен в Кембриджскую комиссию для рассмотрения вопроса о браке короля, он заручился уважением заместителя Генриха, доктора Баттса, придворного врача, который представил его своему хозяину, по приказу которого он проповедовал в Виндзоре.

Поначалу Генри был склонен уступить кое-что Латимеру. "Многие из моих подданных, - сказал он прелатам, собравшимся в зале Святого Эдуарда, - считают, что мой долг - сделать так, чтобы Священное Писание было переведено и передано людям". Между двумя сторонами немедленно началось обсуждение; [1102] и Латимер в заключение попросил, "чтобы Библии было разрешено свободно распространяться на английском языке". [1103]— "Но чем большую часть преодолели, тем лучше", - говорит он нам. [1104] Генри заявил, что учения священников достаточно для народа, и удовлетворился добавлением, "что он даст Библию своим подданным, когда они откажутся от высокомерных притязаний интерпретировать ее в соответствии со своими собственными фантазиями". — "Избегайте этих книг", - кричали священники с кафедры, - "ненавидьте их, не держите их в своих руках, избавьтесь от них". решать вашему начальству. [1105] Или, если вы этого не сделаете, ваш принц, получивший от Бога меч правосудия, воспользуется им, чтобы наказать вас". У Рима были все основания быть довольным Генрихом VIII. Тонстолл, который все еще хранил под замком Заветы, приобретенные в Антверпене с помощью Пакингтона, приказал отнести их на кладбище церкви Святого Павла, где они были публично сожжены. Зрители удалились, качая головами и говоря: "Учение священников и Священное Писание, должно быть, противоречат друг другу, поскольку священники разрушают их". Латимер сделал больше: "Вы обещали нам слово Божье, - мужественно написал он королю, - исполните свое обещание сейчас, а не завтра! Близок день, когда ты дашь отчет о своей службе и о крови, пролитой твоим мечом". [1106] Латимер хорошо знал, что такими

формулировками он рискует своей жизнью; но этим он был готов пожертвовать, как он говорит нам сам. [1107]

НАЧИНАЕТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

Вскоре начались гонения. Как раз в тот момент, когда казалось, что над Реформацией всходит солнце, разразилась буря. "Епископы не оставили камня на камне, - говорит хронист, - ни одного незагрязненного уголка для усердного исполнения королевского воззвания; после чего последовали жестокие преследования и резня верующих". [1108]

Томас Хиттон, бедный и набожный священник из Кента, часто ездил в Антверпен за Новым Заветом. Когда он возвращался из одной из таких экспедиций в 1529 году, епископ Рочестерский приказал арестовать его в Грейвсенде и подвергнуть жесточайшим пыткам, чтобы заставить отречься от своей веры. [1109] Но мученик повторил со святым энтузиазмом: "Спасение приходит через веру, а не через дела, и Христос дает его, кому пожелает". [1110] 20 февраля 1530 года он был привязан к столбу и там сожжен заживо. [1111]

БЕЙФИЛД ИМПОРТИРУЕТ НОВЫЙ ЗАВЕТ.

Едва закончились страдания Хиттона за то, что он привез Священное Писание в Англию, как в Колчестер прибыло судно, груженное Новыми Заветами. Неутомимый Бейфилд, сопровождавший эти книги, продал их в Лондоне, вернулся на континент и в ноябре вернулся в Англию; но на этот раз Священные Писания попали в руки сэра Томаса Мора. Бэйфилд, ничуть не смутившись, снова посетил Нидерланды и вскоре появился снова, привезя с собой Новый Завет и труды почти всех реформаторов. "Как получилось, что так много Новых Заветов привезено из-за границы?" — спросил Тонстолл из Пакингтона. "Вы обещали мне, что купите их все". - "С тех пор они напечатали еще больше, - ответил хитрый торговец. - "И лучше никогда не будет, пока у них есть буквы и штампы. Милорд, вам лучше бы тоже купить марки, и тогда вы будете уверены. [1112]

Вместо марок священники обратились к Бейфилду. Епископ Лондонский терпеть не мог этого благочестивого человека. Однажды Бэйнхэма (который впоследствии принял мученическую смерть) спросили, знает ли он *хоть одного человека*, который со времен апостолов жил бы в соответствии с истинной верой в Иисуса Христа, последний ответил: "Да, я знаю Бейфилда". [1113] Будучи выслеженным с места на место, он сбежал из дома своей благочестивой хозяйки и спрятался у своего переплетчика, где был обнаружен и брошен в башню Лолларда. [1114]

Войдя в тюрьму, Бейфилд заметил священника по имени Патмор, бледного, ослабевшего от страданий и готового утонуть под жестоким обращением своих тюремщиков. Патмор, покоренный набожностью Бейфилда, вскоре открыл ему свое сердце. Будучи настоятелем Хаддама, он нашел истину в трудах Уиклифа. "Они сожгли его кости, - сказал он, - но из его пепла пробьется источник жизни". [1115] Наслаждаясь добрыми делами, он наполнял свои зернохранилища пшеницей, а когда рынки были переполнены, он отправлял им свою кукурузу в таком изобилии, что снижал цены. [1116] "Сжигать еретиков противоречит закону Божьему", - сказал он; и, осмелев, добавил: "Проклятие папы римского волнует меня не больше, чем охапка сена". [1117]

Его викарий Саймон Смит, не желая подражать беспорядочной жизни священников и считая Джоан Беннор, служанку настоятеля, сдержанным и набожным человеком, пожелал жениться

на ней. "Бог, - сказал Патмор, - объявил брак законным для *всех мужчин*; и, соответственно, он разрешен священникам в зарубежных странах". [1118] Ректор упомянул Виттемберг, где он посетил Лютера. После женитьбы Смит и его жена на сезон покинули Англию, и Патмор сопровождал их до Лондона.

Известие об этой женитьбе священника — беспрецедентный факт в Англии - заставило Стоксли бросить Патмора в тауэр Лоллардов, и хотя он был болен, ни огня, ни света, ни какого-либо другого утешения ему не предоставили. Епископ и его главный викарий навестили его наедине в тюрьме и своими угрозами попытались заставить его отречься от своей веры.

БЕЙФИЛД В УГОЛЬНОМ ПОГРЕБЕ.

Именно при таких обстоятельствах Бейфилда поместили в тауэр. Своими христианскими словами он возродил угасающую веру Патмора, [1119] и последний пожаловался королю, что епископ Лондона помешал ему накормить стадо, которое Бог вверил его попечению. Стоксли, поняв, откуда Патмор почерпнул свою новую храбрость, [1120] вывел Бейфилда из башни Лоллардов и запер его в угольном складе, где он был привязан вертикально к стене за шею, живот и ноги. [1121] Несчастный евангелист из Бери проводил свое время в постоянной темноте, никогда не ложась, никогда не сидя, а как бы пригвожденный к стене и никогда не слышавший звука человеческого голоса. Впоследствии мы увидим, как он выйдет из этой ужасной тюрьмы, чтобы умереть на эшафоте.

Патмор был не единственным в своей семье, кто подвергался преследованиям; у него был в Лондоне брат по имени Томас, друг Джона Тиндейла, младшего брата знаменитого реформатора. Томас сказал, что истина Священного Писания наконец-то вновь появилась в мире после того, как была скрыта много веков; [1122] и Джон Тиндейл отправили пять марок своему брату Уильяму и получили от него письма. Более того, двое друзей (которые оба были торговцами) распространили огромное количество Заветов и других произведений. Но их вера не была глубоко укоренившейся, и они уверовали скорее из сочувствия к своим братьям; соответственно, Стоксли так сильно запутал их, что они признались в своем "преступлении". Мор, обрадованный представившейся возможностью покрыть позором имя Тиндейла, не удовлетворился приговором двух друзей к уплате штрафа в размере 100 фунтов стерлингов каждому; он придумал новый позор. Он пришел к их одежде несколько листов Нового Завета, которые они распространили, посадил двух кающихся верхом на лошадей лицом к хвосту и таким образом провел их парадом по улицам Лондона, выставя напоказ под насмешки толпы. В этом Мор преуспел лучше, чем в своем опровержении трудов реформатора.

ЭДВАРД ФРИЗ СХОДИТ С УМА.

С этого времени преследование стало еще более жестоким. Земледельцы, художники, торговцы и даже дворяне ощутили на себе жестокие клыки духовенства и сэра Томаса Мора. Они отправили в тюрьму благочестивого музыканта, который бродил из города в город, распевая под свою арфу гимн в честь Мартина Лютера и Реформации. [1123] Художник по имени Эдвард Фриз, молодой человек с острым умом, нанятый для росписи некоторых гобеленов в доме, написал по краям определенные предложения из Священного Писания. За это он был схвачен и доставлен во дворец епископа лондонского в Фулхэме и там заключен в тюрьму, где его основной пищей был хлеб, приготовленный из опилок. [1124] Его бедная жена, которая была беременна, поехала в Фулхэм, чтобы повидаться со своим мужем; но у епископского

привратника был приказ никого не впускать, и негодяй так сильно пнул ее, что убил ее нерожденного младенца и вскоре стал причиной смерти матери. Несчастный Фриз был доставлен в башню Лоллардов, где его заковали в цепи, оставив свободными только руки. С этими словами он взял кусок угля и написал на стене несколько благочестивых изречений; на это его заковали в кандалы; но запястья его были так сильно сжаты, что плоть вздулась выше оков. Его интеллект пришел в смятение; волосы в диком беспорядке вскоре закрыли его лицо, сквозь которые его глаза смотрели свирепо и изможденно. Недостаток нормальной пищи, плохое обращение, смерть жены и затянувшееся тюремное заключение полностью подорвали его рассудок. Когда его доставили в собор Святого Павла, его три дня продержали без мяса; а когда он предстал перед консисторией, бедный заключенный, молчаливый и едва способный стоять, огляделся вокруг и уставился на зрителей, "как дикий человек". Начался допрос, но на каждый заданный ему вопрос Фриз отвечал одно и то же: "Мой господин - хороший человек". Они не могли добиться от него ничего, кроме этого трогательного ответа. Увы! свет больше не озарял его разум, но любовь Иисуса все еще была в его сердце. Его отправили обратно в аббатство Беарси, где он пробыл недолго, но так и не смог полностью прийти в себя. [1125] Генрих VIII и его священники применяли наказания еще более жестокие, чем костер.

ВОЛНЕНИЯ В ЭКСЕТЕРЕ.

Ужас начал распространяться повсюду. Самые активные евангелисты были вынуждены бежать в чужую страну; некоторые из самых благочестивых оказались в тюрьме; и среди тех, кто занимал высокое положение, было много таких, и, возможно, Латимер был одним из них, кто, казалось, был готов укрыться за преувеличенной умеренностью. Но точно так же, как преследованиям в Лондоне удалось заставить замолчать самых робких, в провинциях раздались другие, более смелые голоса. Город Эксетер был в то время в большом волнении; на воротах собора были обнаружены плакаты, содержащие некоторые принципы "новой доктрины". Пока мэр и его офицеры искали автора этих "богохульств", епископ и все его врачи, "горячие, как угли", - говорит хронист, [1126] проповедовали в самом пламенном стиле. В следующее воскресенье, во время проповеди, двое мужчин, которые больше всех в городе были заняты поисками автора законопроектов, были поражены появлением человека, сидевшего рядом с ними. "Несомненно, этот парень - еретик", - сказали они. Но преданность их соседа, который не отрывал глаз от своей книги, совершенно сбила их с толку; они не поняли, что он читает Новый Завет на латыни.

Этот человек, Томас Беннет, действительно был преступником. Обратившись в Кембридже благодаря проповеди Билни, другом которого он был, он уехал в Торрингтон, опасаясь преследований, а оттуда в Эксетер, а после женитьбы, чтобы избежать распутства (как он говорит), [1127] он стал школьным учителем. Тихий, скромный, вежливый со всеми и несколько робкий, Беннет прожил шесть лет в этом городе, так и не обнаружив своей веры. Наконец, его совесть пробудилась, и он решил прикрепить ночью к воротам собора несколько евангелических плакатов. "Все прочтут написанное, - подумал он, - и никто не узнает автора". Он сделал так, как предложил.

ВЕЛИКОЕ ПРОКЛЯТИЕ.

Вскоре после воскресенья, в которое его едва не обнаружили, священники устроили грандиозное представление и приготовились произнести над неизвестным еретиком великое проклятие "с книгой, колокольчиком и свечой". Собор был переполнен, и сам Беннет был среди зрителей. Посередине стоял большой крест, к которому были прикреплены зажженные свечи, а вокруг него собрались все францисканцы и доминиканцы Эксетера. Один из священников произнес проповедь со словами: *Есть проклятое посреди тебя, о Израиль*, [1128] епископ приблизился к кресту и произнес проклятие в адрес обидчика. Он взял одну из свечей и сказал: "Пусть душа неизвестного еретика, если он уже мертв, угаснет этой ночью в муках адского пламени, как сейчас погасла эта свеча"; и с этими словами он потушил свечу. Затем, сняв вторую свечу, он продолжил: "и давайте помолимся Богу, если он еще жив, чтобы ему выкололи глаза и чтобы все чувства его тела покинули его, как теперь гаснет свет этой свечи"; погасив вторую свечу. После этого один из священников подошел к кресту и ударил по нему, когда шум, который он произвел при падении, эхом отразившись от крыши, так напугал зрителей, что они издали крик ужаса и воздели руки к небу, словно молясь, чтобы божественное проклятие не пало на них. Беннет, свидетель этой комедии, не смог удержаться от улыбки. "Над чем вы смеетесь?" - спросили его соседи. "Вот еретик, вот еретик, держите его крепко". Это вызвало большое замешательство в толпе: одни кричали, другие хлопали в ладоши, третьи бегали взад и вперед; но из-за суматохи Беннету удалось сбежать.

Отлучение от церкви лишь усилило его желание бороться с римскими суевериями; и соответственно, до пяти часов следующего утра (это было в октябре месяце 1530 года) его мальчик-слуга по его приказу снова прикрепил к воротам собора несколько плакатов, похожих на те, что были сорваны. Случилось так, что гражданин, шедший на раннюю мессу, увидел мальчика и, подбежав к нему, схватил его и сорвал бумаги; а затем, таща мальчика за одну руку и с плакатами в другой, он направился к мэру города. Слугу Беннета узнали; его хозяина немедленно арестовали и посадили в колодки, "со всей благосклонностью, на какую способна собака", - говорит Фокс.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ БЕННЕТА.

Эксетер, казалось, был полон решимости стать поборником жречества в Англии. Целую неделю не только епископ, но и все священники и монахи города посещали Беннета днем и ночью. Но они тщетно пытались доказать ему, что римская церковь - истинная. "Бог дал мне благодать принадлежать к лучшей церкви", — сказал он. - "Разве ты не знаешь, что наша церковь построена на святом Петре?" — "Церковь, построенная на человеке, - ответил он, - это церковь дьявола, а не Бога". Келья его постоянно была переполнена посетителями, и, за неимением аргументов, самый невежественный из монахов назвал узника еретиком и плюнул в него. В конце концов они привели к нему ученого доктора богословия, который, как они полагали, безошибочно обратит его в свою веру. "Наши пути - это пути Бога", - серьезно сказал доктор. Но вскоре он обнаружил, что богословы ничего не могут сделать против слова Господня. "Мой путь - это только тот, - ответил Беннет, - кто говорит: *я есмь путь, истина и жизнь*. Его *Путем* я буду идти; —его *истину* я приму; —его *вечную жизнь* я буду искать".

Он был приговорен к сожжению; и Мор, передав приказ о сожжении с предельной быстротой, 15 января 1531 года священники передали Беннета в руки шерифа, который отвел его в пункт выплаты жалованья, поле за городом, где был приготовлен костер. Когда Беннет прибыл на место казни, он кратко увещевал людей, но с таким услаждением, что клерк шерифа, услышав

его, воскликнул: "Воистину, это слуга Божий". Два человека, однако, казались невозмутимыми: это были Томас Кэрью и Джон Барнхаус, оба занимавшие положение джентльменов. Подойдя к мученику, они воскликнули угрожающим голосом: "Скажи, *Предстоятель святой Марии и всех святых*". — "Я не знаю другого защитника, кроме Иисуса Христа", - ответил Беннет. Барнхаус был так разгневан этими словами, что насадил на пикку куст дрока и, поджег его, воткнул в лицо мученика, воскликнув: "Проклятый еретик, молись Пресвятой Богородице, или я заставлю тебя сделать это". — "Увы!" - терпеливо ответил Беннет, - "Не беспокойте меня". А затем, подняв руки, он взмолился: "Отче, прости их!" Палачи немедленно подожгли дерево, и самые фанатичные зрители, как мужчины, так и женщины, охваченные неопишуемой яростью, вырывали колья, кусты и все, что попадалось им под руку, и бросали все это в огонь, чтобы усилить свое насилие. Беннет, подняв глаза к небу, воскликнул: "Господи, прими мой дух". Так погибли в шестнадцатом веке последователи Реформации, принесенные в жертву Генрихом VIII.

ДЖОН ПЕТИ, член ПАРЛАМЕНТА ОТ ЛОНДОНА.

Священники, благодаря королевскому мечу, начали рассчитывать на победу; однако школьных учителей, музыкантов, торговцев и даже священнослужителей им было недостаточно. Им нужны были жертвы более благородные, и их следовало искать в Лондоне. Сам Мор в сопровождении лейтенанта Тауэра обыскал многие подозрительные дома. [1129] Немногие граждане были более уважаемы в Лондоне, чем Джон Пети, тот самый, который в палате общин так благородно сопротивлялся требованию короля о займе. Пети был сведущ в истории и латинской литературе: он говорил красноречиво и в течение двадцати лет достойно представлял город. Всякий раз, когда в парламенте обсуждался какой-либо важный вопрос, король, чувствуя себя неловко, имел обыкновение интересоваться, чью сторону он принимает. Эта политическая независимость, очень редкая в парламентах Генриха, вызвала недовольство принца и его министров. Пети, друг Билни, Фрита и Тиндейла, был одним из первых в Англии, кто вкусил сладость слова Божьего, [1130] и сразу же проявил ту прекрасную черту, благодаря которой вера в Евангелие дает о себе знать, а именно милосердие. Он щедро раздавал милостыню, поддерживал множество бедных проповедников Евангелия в своей стране и за морями; и всякий раз, когда он отмечал эту щедрую помощь в своих книгах, он писал только слова: "Одолжил Христу". [1131] Более того, он запретил своим исполнителям завещания взыскивать эти долги.

Пети безмятежно наслаждался радостями семейной жизни в своем скромном доме в обществе жены и двух дочерей, Бланш и Одри, когда его неожиданно навестили. Однажды, когда он молился в своей камерке, раздался громкий стук в дверь с улицы. Его жена побежала открывать, но, увидев лорда-канцлера, поспешно вернулась к мужу и сказала ему, что его хочет видеть лорд-канцлер. Мор, последовавший за ней, вошел в чулан и пытливым взглядом пробежался по полкам библиотеки, но не смог найти ничего подозрительного. Вскоре он сделал вид, что собирается удалиться, и Пети последовал за ним. Канцлер остановился в дверях и спросил его: "Вы утверждаете, что у вас нет ни одной из этих новых книг?" — "Вы видели мою библиотеку", — ответил Пети. - "Однако мне сообщили, - ответил Мор, - что вы не только читаете их, но и платите за печатание". А затем добавил суровым тоном: "Следуйте за лейтенантом". Несмотря на слезы жены и дочерей, этого независимого члена парламента отвели в Тауэр и заперли в сырой подземелье, где ему не на чем было лежать, кроме соломы. Его жена напрасно ходила туда каждый день, со слезами прося разрешения повидаться с ним или хотя бы прислать ему постель. Тюремщики отказывали ей во всем, и только когда Пети опасно заболел, ему была

оказана последняя милость. Это произошло в 1530 году, приговор был вынесен в 1531 году; [1132] мы снова увидим Пети в его тюрьме. Он действительно покинул его, но только для того, чтобы пасть жертвой жестокого обращения, которому он там подвергся.

БИЛНИ ПРИХОДИТ В СЕБЯ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ.

Так были повержены свидетели истины священниками, сэром Томасом Мором и Генрихом VIII. Новая жертва должна была стать причиной многих слез. Кроткий и смиренный человек, дорогой всем друзьям Евангелия, которого мы можем считать духовным отцом Реформации в Англии, был готов взойти на горящий костер, воздвигнутый его преследователями. Незадолго до появления Пети перед судьями, которое состоялось в 1531 году, в камере над ним послышался необычный шум; это был Томас Билни, которого вели в Тауэр. [1133] Мы оставили его в конце 1528 года, после его падения. Билни вернулся в Кембридж, терзаемый угрызениями совести; его друзья напрасно толпились вокруг него ночью и днем; они не могли утешить его, и даже Священное Писание, казалось, не произносило ничего, кроме осуждения. [1134] Страх заставлял его постоянно дрожать, и он едва мог есть или пить. Наконец небесный и неожиданный свет озарил сердце падшего ученика; свидетель, которому он досаждал, — Святой Дух — снова заговорил в его сердце. Билни пал у подножия креста, проливая потоки слез, и там обрел покой. Но чем больше Бог утешал его, тем больше казалось его преступление. Им владела только одна мысль - отдать свою жизнь за правду. Он отступил от горячей груди; теперь ее пламя должно поглотить его. Ни слабость его тела, которую значительно усилили его долгие страдания, ни жестокость его врагов, ни его природная робость - ничто не могло остановить его: он стремился к мученическому венцу. Однажды в десять часов вечера, когда все в Тринити-холле расходились отдыхать, Билни собрал вокруг себя своих друзей, напомнил им о своем падении и добавил: "Вы меня больше не увидите.... Не задерживай меня: мое решение принято, и я выполню его. Я готов отправиться в Иерусалим". [1135] Билни повторил слова, использованные евангелистом, когда он описывает, как Иисус шел в город, где его должны были предать смерти. Пожав руки своим братьям, этот почтенный человек, первый в истории евангелист Англии, покинул Кембридж под покровом ночи и направился в Норфолк, чтобы утвердить в вере тех, кто уверовал, и призвать невежественную толпу ко Спасителю. Мы не будем следовать за ним в этом последнем и торжественном служении; эти факты и другие подобного рода относятся к более позднему времени. Прежде чем наступил 1531 год, Билни, Бейнхэм, Бейфилд, Тьюксбери и многие другие, пораженные мечом Генриха, скрепили своей кровью данное ими свидетельство о совершенной благодати Христа.

ГЛАВА XVI.

Террор Вулси—Импичмент пэров—Кромвель спасает его—Болезнь кардинала—Честолюбие возвращается к нему—Его практика в Йоркшире—Он арестован Нортумберлендом—Его отъезд—Прибытие констебля Тауэра—Вулси в Лестерском аббатстве—Преследование языка—Он умирает—Три движения: Священное Писание о Превосходстве и Вера.

УЖАС ВУЛСИ.

В то время как многие благочестивые христиане томились в тюрьмах Англии, великий противник Реформации исчезал со сцены этого мира. Мы должны вернуться к Вулси, который все еще находился под стражей в Эшере. [1136]

Кардиналом, низвергнутым с вершины почестей, овладел панический ужас, который обычно испытывают после своего позора те, кто заставил трепетать целую нацию, и ему почудилось, что за каждой дверью притаился убийца. "В эту самую ночь, - однажды написал он Кромвелю, - я был как тот, кто должен был умереть. Если бы я мог, я бы не преминул прийти к вам пешком, иначе мой разговор с вами будет отложен. Если недовольство миледи Анны будет несколько смягчено, о чем я молю Бога, тогда я прошу вас приложить все возможные средства, чтобы добиться ее благосклонности. [1137]

Вследствие этого Кромвель поспешил в Эшер через два или три дня после того, как занял свое место в парламенте, и Вулси, весь дрожа, поделился с ним своими страхами. - Норфолк, Саффолк и, возможно, леди Анна желают моей смерти. [1138] Разве Томас Бекет, архиепископ, подобный мне, не запятнал алтарь своей кровью?"... Кромвель успокоил его и, тронутый страхами старика, попросил Генриха о защите и получил ее.

ЖАЛОБЫ ПЭРОВ НА ВУЛСИ.

Враги Вулси, несомненно, желали его смерти; но они добивались этого по закону трех сословий, а не от кинжала убийцы. Палата пэров уполномочила сэра Томаса Мора, герцогов Норфолк и Саффолк, а также четырнадцать других лордов объявить кардиналу-легату импичмент за государственную измену. Они ничего не забыли: ту высокомерную формулу, *Ego et rex meus*, я и мой король, которую часто употреблял Вулси; его нарушение законов королевства; его монополизация церковных доходов; вопиющую несправедливость, в которой он был повинен, — как, например, в случае с сэром Джоном Стэнли, которого отправили в тюрьму до тех пор, пока он не передал аренду сыну женщины, родившей кардиналу двоих детей; множество семей, разоренных ради удовлетворения его алчности; договоры, заключенные с иностранными державами без приказа короля; его поборы, которые он совершил. разорил Англию; и отвратительные болезни и заразное дыхание, которыми он осквернил присутствие его величества. [1139] Это были некоторые из сорока четырех жалоб, представленных пэрами королю, и которые Генрих отправил в нижнюю палату для рассмотрения.

Сначала считалось, что никто в палате общин не возьмется за защиту Уолси, и в целом ожидалось, что он будет отдан на расправу закону (о чем молился билль об импичменте) или, другими словами, под топор палача. Но один человек поднялся и приготовился, хотя и в одиночку, защищать кардинала: это был Кромвель. Члены клуба спрашивали друг друга, кто этот неизвестный мужчина; вскоре он дал о себе знать. Его знание фактов, знакомство с законами, сила его красноречия и умеренность его языка удивили палату представителей. Едва противники Вулси нанесли удар, как защитник уже парировал его. Если выдвигалось какое-либо обвинение, на которое он не мог ответить, он предлагал отложить заседание до следующего дня, по окончании заседания отправлялся в Эшер, совещался с Вулси, возвращался ночью и на следующее утро появлялся в палате общин со свежим оружием. Кромвель поддержал палату представителей; импичмент провалился, и защитник Вулси занял свое место среди государственных деятелей Англии. Эта победа, один из величайших триумфов парламентского красноречия того периода, удовлетворила как честолюбие, так и

благодарность Кромвеля. Теперь он прочно пользовался благосклонностью короля, пользовался уважением палаты общин и восхищением народа: обстоятельства, которые предоставили ему средства для благоприятного завершения процесса освобождения англиканской церкви.

ПОДАРОК ГЕНРИ ВУЛСИ.

Министерство, состоящее из врагов Вулси, было раздосадовано решением нижней палаты и назначило комиссию для изучения этого вопроса. Когда кардиналу сообщили об этом, он впал в новый ужас. Он потерял всякий аппетит и желание спать, [1140] и на Рождество у него началась лихорадка. "Кардинал умрет через четыре дня, - сказал его врач Генриху, - если в ближайшее время он не получит утешения от вас и леди Анны". — "Я не отпустил бы его и за двадцать тысяч фунтов", - воскликнул король. Он хотел сохранить Вулси на случай, если непревзойденные способности его старого министра окажутся необходимыми, что было отнюдь не маловероятно. Генрих подарил доктору свой портрет в кольце, а Анна, по желанию короля, добавила к нему золотую табличку, которая висела у нее на поясе. Обрадованный кардинал положил подарки на свою кровать и, глядя на них, почувствовал, как к нему возвращаются силы. Его перевели из его жалкого жилища в Эшере в королевский дворец в Ричмонде; и вскоре он смог ходить в парк, где каждый вечер читал свой требник.

Честолюбие и надежда вернулись вместе с жизнью. Если король желал уничтожить папскую власть в Англии, разве гордый кардинал не мог сохранить ее? Разве Томас Уолси не мог бы сделать при Генрихе VIII то, что сделал Томас Бекет при Генрихе II? Его йоркский престол, невежество священников, суеверия народа, недовольство вельмож — все это пошло бы ему на пользу; и действительно, шесть лет спустя 40 000 человек в одно мгновение оказались с оружием в руках в Йоркшире, чтобы защитить дело Рима. Вулси, сильный в Англии благодаря поддержке нации (так, по крайней мере, было его мнение), которому помогали папа римский и континентальные державы, мог бы отдать закон Генриху и сокрушить Реформацию.

Король разрешил ему поехать в Йорк, и Вулси помолился об увеличении своих архиепископских доходов, которые, однако, составили четыре тысячи фунтов стерлингов. [1141] Генрих пожаловал ему тысячу марок, и кардинал незадолго до Пасхи 1530 года отбыл со свитой из 160 человек. Он думал, что это начало его триумфа.

Вулси поселился в замке Кавуд, Йоркшир, одной из своих архиепископских резиденций, и стремился завоевать расположение народа. Этот прелат, некогда "надменнейший из людей", по словам Джорджа Кавендиша, человека, который знал его и служил ему лучше всех, стал образцом приветливости. Он держал стол открытым, раздавал щедрую милостыню у своих ворот, служил мессу в деревенских церквях, обедал с соседней знатью, устраивал великолепные приемы, и написал нескольким князьям, умоляя их о помощи. Нас уверяют, что он даже просил папу отлучить Генриха VIII от церкви. [1142] После всех этих приготовлений он подумал, что может совершить торжественный въезд в Йорк, готовясь к своей интронизации, которая была назначена на понедельник, 5 ноября.

НОРТУМБЕРЛЕНД АРЕСТОВЫВАЕТ ВУЛСИ.

Каждое его движение было известно при дворе; о каждом поступке судачили, и его важность преувеличивалась. "Мы думали, что повергли его, - говорили некоторые, - и вот он снова восстает". Сам Генри был встревожен. "Кардинал своими отвратительными интригами, - сказал

он, - плетет заговор против моей короны, причем заговор как дома, так и за границей"; король даже добавил, где и как. [1143] Решение об уничтожении Вулси было принято.

На следующее утро после дня всех Святых (пятница, 2 ноября) граф Нортумберленд в сопровождении многочисленного эскорта прибыл в Кэвуд, где все еще проживал кардинал. Он был тем самым Перси, чьей привязанности к Анне Болейн помешал Вулси; и, возможно, в выборе Генриха был какой-то умысел. Кардинал нетерпеливо двинулся навстречу неожиданному гостю и, горя желанием узнать цель его миссии, провел его в свою спальню под предлогом переодевания в дорожное платье. [1144] Некоторое время они оба стояли у окна, не произнося ни слова; граф выглядел смущенным и взволнованным, в то время как Вулси пытался подавить свои эмоции. Но наконец, сделав над собой огромное усилие, Нортумберленд положил руку на плечо своего бывшего хозяина и тихо сказал: "Милорд, я арестовываю вас за государственную измену". Кардинал потерял дар речи, словно оглушенный. Его держали пленником в его комнате.

Сомнительно, был ли Вулси виновен в преступлении, в котором его обвинили. Мы можем поверить, что он лелеял мысль о том, что когда-нибудь восторжествует папство в Англии, даже если это приведет к разорению Генриха; но, возможно, это было все. Но идея - это не заговор, хотя он может быстро перерасти в таковой.

ВУЛСИ ПРОПОВЕДУЕТ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

Более трех тысяч человек (привлеченных не ненавистью, как лондонцы, когда Вулси покинул Уайтхолл, а энтузиазмом) собрались на следующий день перед замком, чтобы поприветствовать кардинала. "Боже, храни вашу светлость!" - кричали они со всех сторон, и многочисленная толпа провожала его ночью; некоторые несли в руках факелы, и от их криков воздух оглашался эхом. Несчастливого прелата препроводили в Шеффилд-парк, резиденцию графа Шрусбери. Через несколько дней после его прибытия верный Кавендиш подбежал к нему, восклицая: "Хорошие новости, милорд! Сэр Уильям Кингстон и двадцать четыре человека из гвардии прибыли, чтобы сопроводить вас к его величеству". — "Кингстон!" - воскликнул кардинал, побледнев. "Кингстон!" - А затем, хлопнув себя рукой по бедру, испустил глубокий вздох. Эта новость сокрушила его разум. Однажды гадалка, к которой он обратился за консультацией, сказала ему: *"ты получишь свой конец в Кингстоне"*; и с тех пор кардинал старательно избегал города Кингстон-на-Темзе. Но теперь он думал, что понял пророчество.... Кингстон, констебль Тауэра, собирался стать причиной его смерти. Они покинули Шеффилд-парк; но испуг нанес Вулси смертельный удар. Несколько раз он чуть не падал со своего мула, а на третий день, когда они добрались до Лестерского аббатства, он сказал, входя: "Отец настоятель, я пришел сюда, чтобы оставить свои кости среди вас", - и сразу же лег в постель. Это было в субботу, 26 ноября.

В понедельник утром, терзаемый мрачными предчувствиями, Вулси спросил, который сейчас час дня. - Больше восьми часов, - ответил Кавендиш. — Этого не может быть, - сказал кардинал, - в восемь часов.... Нет! потому что к восьми часам вы потеряете своего хозяина. В шесть часов во вторник, когда Кингстон пришел справиться о его здоровье, Вулси сказал ему: "Я долго не проживу". — "Ободритесь", — ответил комендант Тауэра. - "Увы, мастер Кингстон", - воскликнул кардинал, - "Если бы я служил Богу так же усердно, как королю, он не выдал бы меня на моих седирах!" а затем, опустив голову, добавил: "Это моя справедливая награда". Какой приговор его собственной жизни!

На самом пороге вечности (ибо жить ему оставалось всего несколько минут) кардинал собрал всю свою ненависть к Реформации и предпринял последнее усилие. Преследование шло слишком медленно, чтобы доставить ему удовольствие: "Мастер Кингстон, - сказал он, - исполните мою последнюю просьбу: скажите королю, что я заклинаю его именем Бога уничтожить эту новую пагубную секту лютеран". И затем, с поразительным присутствием духа в этот свой последний час, Вулси описал несчастья, которые, по его мнению, гуситы навлекли на Богемию; а затем, приехав в Англию, он вспомнил времена Уиклифа и сэра Джона Олдкасла. Он оживился; его угасающие глаза все еще метали пламенные взгляды. Он трепетал при мысли, что Генрих VIII, неверный папе, протянет руку реформаторам. "Мастер Кингстон, - сказал он в заключение, - король должен знать, что если он будет терпимо относиться к ереси, Бог лишит его власти, и тогда у нас будет беда за бедой ... бесплодие, скудость и беспорядок приведут к полному уничтожению этого королевства".

ХАРАКТЕР ВУЛСИ.

Вулси был измотан этим усилием. После минутного молчания он продолжил умирающим голосом: "Мастер Кингстон, прощайте! Мое время быстро истекает. Не забывай, что я сказал и в чем тебя обвинял; ибо, когда я умру, ты, может быть, лучше поймешь мои слова". Он с трудом произнес эти слова; его язык начал заплетаться, глаза застыли, зрение подвело его; он испустил последний вздох. В ту же минуту часы пробили *восемь*, и санитары, стоявшие вокруг его постели, испуганно переглянулись. Это было 29 ноября 1530 года.

Так умер человек, которого когда-то так боялись. Власть была его кумиром: чтобы добиться ее в государстве, он пожертвовал свободами Англии; и чтобы завоевать ее или сохранить в церкви, он боролся против Реформации. Если он поощрял дворянство в роскоши и удовольствиях жизни, то только для того, чтобы сделать его более податливым и раболепствующим; если он поддерживал ученость, то только для того, чтобы у него было духовенство, способное держать мирян на поводке. Честолюбивый, интригующий и нечистый на руку, он был столь же ревностен к священническим прерогативам, как и суровый Бекет; и по странному контрасту на теле этого сладострастного человека была обнаружена волосная рубашка. Целью его жизни было поднять папскую власть выше, чем она когда-либо была прежде, в тот самый момент, когда Реформация пыталась низвергнуть ее; и занять свое место на папском троне с большей властью, чем у Гильдебранда. Вулси, как папа, был бы человеком своего времени; и в политическом мире он сделал бы для римского первенства то, что вскоре после этого сделал знаменитый Лойола своим фанатизмом. Вынужденный отказаться от этой идеи, достойной только средневековья, он желал, по крайней мере, спасти папство в своей собственной стране; но и здесь он потерпел неудачу. Лоцман, стоявший в Англии у руля римской церкви, был выброшен за борт, и корабль, предоставленный самому себе, вот-вот должен был пойти ко дну. И все же, даже умирая, он не утратил мужества. Последние удары его сердца звали к жертвам; последние слова, слетевшие с его слабеющих губ, последнее послание своему учителю, его последнее завещание были... Преследование. Это завещание должно было быть исполнено слишком точно.

Эпоха падения и смерти кардинала Вулси, на которой мы останавливаемся, была не только важна, потому что она положила конец жизни человека, вершившего судьбы Англии и пытавшегося захватить скипетр мира, но и имеет особое значение, потому что тогда были совершены три движения, из которых должна была исходить великая трансформация шестнадцатого века. Каждое из этих движений имеет свой характерный результат.

Первый представлен Кромвелем. Верховенство папы римского в Англии вот-вот должно было быть отнято у него, как это было во всех реформатских церквях. Но в Англии был сделан еще один шаг. Это верховенство перешло к личности короля. Вулси в качестве генерального викария пользовался властью, до тех пор неизвестной. Не сумев стать папой в Ватикане, он сделал себя папой в Уайтхолле. Генрих позволил своему министру возвести свой иерархический трон рядом со своим собственным. Но вскоре он обнаружил, что в Англии не должно быть двух тронов или, по крайней мере, двух королей. Он сверг Вулси с престола и, решительно заняв его место, собирался надеть в Уайтхолле тиару, которую амбициозный прелат приготовил для себя. Некоторые люди, когда они увидели это, воскликнули, что если папское превосходство будет отменено, то его следует заменить только верховенством слова Божьего. И действительно, истинную Реформацию нельзя найти в этом первом движении.

Второе, которое было необходимо для обновления церкви, было представлено Кранмером и состояло, в частности, в восстановлении авторитета священного Писания. Уолси пал не в одиночку, и Кранмер поднялся не в одиночку: каждый из этих двух людей нес с собой системы, которые он представлял. Ткань римских традиций рухнула вместе с первым; основы священного Писания были заложены вторым; и все же, хотя мы отдаем всю справедливость искренности кембриджского доктора, мы не должны закрывать глаза на его слабости, его раболепие и даже определенную степень небрежности, которая, позволяя паразитическим растениям прорасти тут и там, позволила им распространиться по живой скале слова Божьего. Таким образом, не в этом движении заключалась Реформация со всей ее энергией и всей ее чистотой.

Третья часть была представлена мучениками. Когда церковь обретает новую жизнь, она оплодотворяется кровью своих исповедников; и, постоянно подвергаясь разложению, она постоянно нуждается в очищении страданиями. [1145] Не во дворцах Генриха VIII и даже не на соборах, где обсуждался вопрос об отмене папского верховенства, мы должны искать истинных детей Реформации; мы должны отправиться в Лондонский Тауэр, в тауэр Святого Павла и Ламбетский тауэр Лоллардов, в другие тюрьмы Англии, в подвалы епископов, к оковам, колодки, дыба и кол. Благочестивые люди, которые взывали к единственному заступничеству Иисуса Христа, единственного главы своего народа, которые скитались взад и вперед, лишенные всего, с кляпом во рту, над которыми насмехались, которых бичевали и пытали, и которые посреди всех своих невзгод сохраняли христианское терпение и обращали, подобно своему Учителю, взоры своей веры к Иерусалиму, — таковы были ученики Реформации в Англии. Самая чистая церковь - это церковь под крестом.

ОТЕЦ НАШ НЕБЕСНЫЙ.

Отцом этой церкви в Англии был не Генрих VIII. Когда король бросал в тюрьму или предавал огню таких людей, как Хиттон, Беннет, Патмор, Пети, Бейфилд, Билни и многих других, он не был "отцом реформации Англии", как некоторые столь ложно утверждали; он был ее палачом.

Англиканской церкви было суждено при ее обновлении стать церковью мучеников; и истинный отец этой церкви - наш Отец Небесный.

КОНЕЦ ТОМА V.

ГЛАЗГО: ДЖЕЙМС КЕЙ, ПЕЧАТНИК.

СНОСКИ:

- [1] Божественное правосудие, народное голосование, консенсус соэпископорума. Epist. 55.
- [2] Духовенство и население, апостольское собрание, великая митрополия по общему согласию, избранный пастором Сибири. Манси, хх, с. 533.
- [3] Акт канонизации S. Pil. V. Romæ, 1720, фолио.
- [4] Смотрите, в частности, *"Католицизм"*, *"Либерализм"*, *"и социализм"* и другие труды Доносо Кортеса, маркиза Вальдегамаса, одного из самых выдающихся членов конституционной партии Испании.
- [5] Журнал дебатов, 18 января 1853г.
- [6] Британнорум в недоступном для римлян месте, принадлежащем Христу веро. (Тертуллиан против Иудеев, lib. vii) Однако части Британии, недоступные римлянам, были подчинены Христу. Это сочинение, поскольку в нем нет следов монтанизма, по-видимому, относится к первой части жизни Тертуллиана. См. также Оригена в книге Лукама, глава первая, гомил. 6.
- [7] Лактанций, de mortibus persecutorum, глава xii.
- [8] мульты экс Brittonibus христанство sævitiam Diocletiani timentes объявление ЭОС coufugerant.....Юта Вита functorum cellæ в Темпла commutarentur. (Бьюкенен, IV в. н. э. xxxv.) Многие христиане из Британии, опасаясь жестокости Диоклетиана, нашли убежище среди шотландцев..... и кельи, в которых они проводили святую жизнь, были превращены в церкви.
- [9] В baptismo haud Patricium последовало родительское изречение. (Уссер. Брит. Еккл. Антик. стр. 428.) При крещении родители называли его не Патриком, а Суккатом.
- [10] Martini Turonum archiepiscopi consanguineam. Там же.
- [11] Куджус поркорум, пастор эрат. Русский. Брит. Еккл. Антик. стр. 431.
- [12] Et ibi Dominus aperuit sensum incredulitatis meæ, ut vel sero remorarem delicta mea, et ut converterer torto corde ad Dominum Deum meum. Патр. Исповедуйся. Пользователь. 431.
- [13] Ut etiam in sylvis et monte manebam, et ante lucem excitabar ad orationem per nivem, per gelu, per pluviam..... quia tunc Spiritus in me fervebat. Патр. Исповедуйся. Уссер, 432.
- [14] Общий итог соглашения и так называемый экспериментальный факт. (Патр. Исповедуйся. Помощник. 433.) Меня сильно кольнуло в сердце, и я проснулся.
- [15] Иоселин, Жизнь в Святом Акте.

[16] Вера Британии в то, что догма является извращенной, благодарит Христа за богохульство и сводит к нулю веллента. Beda. Хист. Angl. lib. i, cap. xvii, et xxi.

[17] Нарушение правил исправления не зависит. Беда, История. Англ. библиотека. i. глава. xvii. et xxi.

[18] Глагол Божий. Пользователь. Antiq, стр. 359.

[19] Я посетил Иону в 1845 году с доктором Патриком Макфарланом и увидел эти руины. Одна часть здания, по-видимому, имеет примитивную архитектуру.

[20] Второе апостольское сообщение аннулировано. (Ноткер.) Нет равных после апостолов.

[21]

Qui de prosapia regali claruit,
Sed morum gratia magis emicuit.
Пользователь. Антик. стр. 360.

Он отличался королевским происхождением, но его характер делал его еще более прославленным.

[22] Свидетельство Священного Писания. (Адомн. 1. i. с. 22.) Демонстрируется свидетельство Священного Писания.

[23] Епископ Мюнтер, Алтарная церковь. Шпилька. und Krit. vi. 745.

[24] Мелиорес, следовательно, не является важной операцией при тощей кишке, врожденный нитидум является причиной смерти сервантеса. (Гильдас в ejusd. Синод. Приложение.) Лучше те, кто, хотя и не особенно постится, усердно хранит перед Богом сердце, чистое внутри.

[25] In Hibernia episcopi et presbyteri unum sunt. (Ekkehardi liber. Arx. Geschichte von S. Gall. i. 267.) В Ирландии епископы и пресвитеры равны.

[26] Отец хабуи Кальпорний диаконский сын, бывший Пресвитерианин Потти. Patricii Confessio. Даже в XII веке мы встречаем женатых ирландских епископов. (Бернард, Vita Malachiae, глава x.) Моим отцом был Кальпурний, сын Поттиция, некогда пресвитер.

[27] В "Игре за доминику" алия тамен куам играла в кости, сделав знаменитость своей. Беда, библиотека iii. глава iv.

[28] Документ Августина нового религиозного.....dum ad unius episcopi romani dominatum omnia revocat. (Buchan. lib. v. cap. xxxvi.) Августин учит *новой* религии... когда он подчинит все только римскому епископу.

[29] Habere autem solet ipsa insula rectorem semper abbatem *presbyterum* cujus juri et omnis provincia et *ipsi etiam episcopi*, ordine inusitato, debeant esse subjecti, juxta exemplum primi doctoris illius qui non episcopus sed *presbyter* exstitit et monachus. (Беда, Хист. Eccl. iii. cap. iv.) Более того, всегда существовал обычай иметь наместником на этом острове аббата, который является пресвитером, чьему руководству подчиняется вся провинция, а также епископы

вопреки обычному методу, по примеру их первого учителя, который был не епископом, а пресвитером и монахом.

[30] Idem est ergo presbyter qui episcopus, et antequam diaboli instinctu studia in religione fierent. ... communi presbyterorum concilio Ecclesiæ gubernabantur. Indifferenter de episcopo quasi de presbytero est loquutus (Paulus) sciant episcopi se, magis consuetudine quam dispositionis dominicæ veritate, presbyteris esse majores. (Иероним ад Титум, i. 5.) Соответственно, пресвитер - это то же самое, что епископ, а до этого по наущению дьявола партийная рознь проникла в религию церквями управлял общий совет пресвитеров. Павел говорил без какого-либо различия между епископами и пресвитерами..... Епископы знают, что своим превосходством пресвитеры обязаны скорее обычаю, чем какому-либо действительному указанию Господа.

[31] Епископ Мунтер делает это замечание в своей диссертации *О древней Британской церкви*, о первоначальной идентичности епископов и священников и епископской хиротонии. *Жеребец. und Krit. an. 1833.*

[32] Natio scotorum quibus consuetudo peregrinandi варит пирог в естественных условиях общения. (Вита С. Галли, раздел 47.) Нация шотландцев, у которых привычка выезжать за границу уже почти стала второй натурой.

[33] Их называли *episcopi regionarii* потому что у них не было постоянной епархии.

[34] Antiquo tempore, doctissimi solebant magistri de Hibernia Britanniam, Galliam, Italiam venire, et multos per ecclesias Christi fecisse profectus. (Алкуин, Еpp. ccxxi.) В древние времена наиболее образованные учителя обычно приезжали из Ирландии в Британию, Галлию и Италию и совершали многочисленные путешествия по церквям Христа.

[35] Тьерри в своей *истории. de la Conquete de l'Angleterre* делает Колумба и Колумбана одним персонажем. Колумба проповедовал Евангелие в Шотландии около 560 года и умер в 597 году; Колумбанус проповедовал среди бургундцев в 600 году и умер в 615 году.

[36] Ignitum igne Domini desiderium. Mabillon, Acta, стр. 9.

[37] Место воскрешения доминика *сингулярная первородная*. (Колумб. Житие, раздел 10.) Исключая в силу своей особой прерогативы место воскресения Господа.

[38] Nefandi nominis Saxoni Deo hominibusque invisi. (Gildas, De excidio Britanniae.) Отвратительное имя саксон, ненавистное Богу и людям.

[39] Он говорит (Еpp. lib. ix, ep. xii.): De Constantinopolitana ecclesia quis eam dubitet apostolicæ sedi esse subjectam? Что касается Константинопольской церкви, то кто сомневается в том, что она подчиняется апостольскому престолу?

[40] Мы знаем историю Таити и других современных миссий Римской церкви.

[41] Тема письма. (Против. Григорий, том. iv. стр. 334.) Твои подданные.

[42] Prona в bonis operibus ... во всемогущем Боге времени. (Там же. Том. ii. стр. 835.) Расположен к добрым делам . . . в страхе перед Богом всемогущим.

[43] Мы находим ту же идею в Уайзмани, Лекция ix, Посвященная основным доктринам и практикам католической церкви. Лондон, 1836 год.

[44] Хепфнер, Первоначальная догматика чистилища. Halle, 1792.

[45] В истории Освальда, короля Нортумберленда.

[46] Банн-кор, хор на крутом холме. Карлайл. Наверх. Диктант. Уэльс.

[47] Ars unicuique dabatur, ut ex opere manuum quotidiano se posset in victu necessario continere. (Preuves de l'hist de Bretagne, ii, 25.) Каждому было дано искусство, чтобы ежедневным трудом своих рук каждый мог обеспечить себя всем необходимым для жизни.

[48] Я послушник многих паразитов, решающих проблемы меня и куика Кристиано континуо Уилкинса, Conc, M. Brit. i. 26.

[49] Дионотус де не одобряемый апуд eos Romanorum auctoritate disputabat. Уилкинс, конц. М. Брит. 24.

[50] Ординация более азиатская, чем у contulisse. Там же. 24.

[51] In communionem admittere vel Romanorum fastum vel Saxonum tyrannidem. Там же, i, 26.

[52] Согласно апостольской заповеди, 1 Кор. 5, 9. 1.

[53] Dagamus ad nos veniens, non solum cibum nobiscum, sed nec in eodem hospitio quo vescebatur, sumere, noluit. (Беда, библия. ii, глава iv.) Дагам, придя к нам, не только отказался есть с нами, но даже взять свою еду в том же доме, где нас принимали.

[54] Ad quendam virum sanctum et prudentiam qui apud eos anachoreticam ducere vitam solebat, consulentes an ad prædicationem Augustini suas deserere traditiones deberent. (Беда, История. Eccl. lib. ii. cap. ii.) Они посоветовались с неким святым и мудрым человеком, который вел среди них жизнь отшельника, не следует ли им после проповеди Августина отказаться от своих собственных традиций.

[55] На самом деле существует вениамин иллис седедет Августинус в селле. Там же.

[56] Si pacem cum fructibus accipere nollent, bellum ab hostibus forent accepturi ... Там же.

[57] Ipsum Augustinum для живота без сознания, седативный и *импульсный* экстенсивный. Уилкинс добавляет, что выражение, встречающееся у Беда относительно смерти Августина, является скобкой, вставленной писателями-романистами и не встречающейся в саксонских рукописях. (Продолжение. Брит. стр. 26.) Сам Августин был не только соучастником этой войны, но даже ее зачинщиком.

[58] Памятный знак, фактически, тощему суставу в тридцатом царстве, а также причина, по которой он был созван. (Беда, ii, глава ii.) На вышеупомянутом мероприятии, после трех дней, проведенных в посте, они встретились вместе с другими для молитвы.

[59] Вымирание в эа пугне ферунт де его ки и орандум венерунт вирусант милле дучентос. Беда, библиотека. ii, глава ii.

[60] Таков завершённый предзнаменование святого понтифика Августина. Там же.

[61] Apparuit ei beatissimus apostolorum princeps, et multo illum tempore secretæ noctis flagellis acrioribus afficiens. Беда, ii. cap. vi.

[62] Cum magna nobilium juventute apud Scotos sive Pictos exulabant, ibique ad doctrinam Scottorum cathechisati et baptismatis gratia sunt recreati. (Беда, iii. глава i.) Они были сосланы к шотландцам или пиктам вместе со многими юношами благородного звания, и там они были обучены доктрине шотландцев и были обращены благодатью крещения.

[63] Супервениенте с парво упражнением, после веры в Христа мунито. Беда, библиотека. iii, глава первая.

[64] Желаю всем преуспеть, сохранить благородство веры христианской с благодарностью. (Там же, глава iii.) Желая, чтобы весь народ, которым он правил, был наполнен благодатью христианской веры.

[65] Aydanus accepto gradu episcopatus, quo tempore eodem monasterio Segenius abbas et presbyter præfuit. (Беда, lib. iii, глава v.) Эйдан получил сан епископа в то время, когда Сегениус, аббат и пресвитер, руководил этим монастырем. Когда Беда говорит нам, что президентом был простой священник, он исключает идею о том, что в собрании были епископы. См. 1 Тимофею, iv, 14.

[66] Евангелизанта антистит, сам по себе законный представитель министерства интерпретации слов, существующих на земле. (Беда, lib. iii, глава iii.) Когда епископ проповедовал, король сам толковал небесное послание своим чиновникам и слугам.

[67] Объединяющий слова для аудиенции у популистов. (Беда, библия. iii, глава iii.) Люди с нетерпением собирались вместе, чтобы услышать слово Божье.

[68] Mox congregati in unum vicani, вербуй жизнь вопреки ожиданиям курабанта. (Беда, библия. iii, глава xxvi.) Вскоре жители деревни собрались вместе, искренне желая услышать от него слово жизни.

[69] Айдан двенадцатиперстной кишки после occisionem regis является причиной смерти, вторичной абляции. (Беда, библия. iii, глава xiv.) Эйдан на двенадцатый день после смерти короля, которого он любил, был взят из мира.

[70] Cum rex pascha dominicum solutis jejuniis faceret, tunc regina cum suis persistens adhuc in jejuniis diem l'almarum celebraret. (Беда, библиотека. iii, глава xxv.) Когда король, закончив пост, праздновал Пасху, королева со своими приближенными, все еще постившимися, праздновала Вербное воскресенье.

[71] Акрис эрат гениев . . . благодарная венера вултус, активные действия. Беда, библиотека v, стр. 135.

[72] Apertum veritatis adversarium reddidit, говорит романист Беда, lib. v. стр. 135. Это сделало его открытым врагом истины.

[73] Эта конференция широко известна как *Pharensis Synodus* (от *Strenæshalh*, синус Фари). "Hodie Whitbie dicitur (White bay), et est villa in Eboracensi littore satis nota" Wilkies, Concii. p. 37, note.

[74] Presbyteri Cedda et Adda et Berti Duina, quorum ultimus natione Scotus, cæteri fuere Angli. (Беда, либ. iii, глава xxi) Этими пресвитерами были Седда, Адда, Берти и Динна, из которых последний по национальности был шотландцем, остальные - англичанами.

[75] Qui accepto gradu episcopatus et majore auctoritate cœptum opus explens, fecit per loca ecclesias, presbyteros et diaconos ordinavit. (Беда, библиотека. iii, глава xxii.) Который, получив епископский сан и продолжая начатую им работу с более широкими полномочиями, строил церкви в различных местах и рукополагал пресвитеров и диаконов.

[76] Ipsum est quod beatus evangelista Johannes, discipulus specialiter Domino dilectus. Беда, библиотека iii. глава xxv.

[77] Pictos dico ac Brittones, cum quibus de duabus ultimis oceani insulis, contra totum orbem stulto labore pugnant. Там же.

[78] Иоанн xx 23; Матф. xviii. 18.

[79] Я не в силах продвинуться вперед в царствии небесном, не могу сидеть сложа руки. Беда. библиотека. ii. глава. xxv.

[80] Иоанн x, 9; Откр. iii, 7.

[81] Horæ Britannicæ, b. ii, стр. 277.

[82] Ipse perplura catholicæ observationis moderamina ecclesiis anglorum sua doctrina contulit. (Беда, lib. iii, глава xxvii) Он своим учением привнес в англиканские церкви множество правил католического соблюдения.

[83] Omnes subjectos suos meditatur die ac nocte ad fidem catholicam atque apostolicam pro suæ animæ redemptione converti. (Беда, библия. iii, глава xxix.) Он учится день и ночь, чтобы все его подданные могли быть обращены в католическую и апостольскую веру ради спасения его собственной души.

[84] Quis enim audiens hæc suavia non lætetur? Там же.

[85] Спряги, ностра духовных филиалов, крест..... (Беда, библиотека iii. глава xxix.) Твоей супруге, нашей духовной дочери, крест.....

[86] Минимальный объемный перерыв в продолжении пути. (Там же.) Из-за длительности путешествия мы не смогли найти...

[87] Ut diligenter attenderet, ne quid ille contrarium veritati, fidei. Græcorum more, in ecclesiam cui præesset introduceret. (Беда, lib. iv. глава i.) Чтобы он постоянно сопровождал его, чтобы, по примеру греков, он не внес чего-либо, противоречащего истинной вере, в церковь, которой он руководил.

[88] Тотальная островковая опухоль, прямая кишка в естественных условиях распространена. (Там же, глава ii.) Он посетил весь остров и учил правильным правилам жизни.

[89] Cum Ceadda Episcopum argueret non fuisse rite consecratum, ipse (Theodorus) ordinationem, ejus denuo catholica ratione consummavit. (Беда, библиотека iv. глава ii.) Когда он обвинил Седду в том, что тот не был регулярно рукоположенным епископом, он (Теодор) сам завершил свое рукоположение на католический манер.

[90] Ut si ab infirmitate salvaretur, etiam Romam venire, ibique ad loca sancta vitam finire. Беда, библиотека iv. глава ii.

[91] Статистический вопрос о каноне вечной библиотеки. (Там же, глава v.), Которому я сразу же подарил ту же самую книгу канонов.

[92] Vi tempestatis в западной части Британии, литорали delatus est. Беда, библиотека v, глава xvi.

[93] Лазурит до сих пор стоит на месте памятника, трещина есть. (Там же, глава XVII.) Камень, который был положен у входа в гробницу, теперь раскололся надвое.

[94] Порезать autem librum тунца Adamnanus Alfrido regi. Там же, глава xvi.

[95] Ne contra universalem ecclesiae morem, cum suis paucissimis et in extremo mundi angulo positus, vivere praesumeret. Беда, библиотека v, глава xvi.

[96] Curavit suos ad eum veritatis calcem producere, nec voluit. Беда, lib. v. глава xvi.

[97] Необходимость в совершенствовании для достижения желаемого. Там же. Обращения, о которых аббат Кеолфрид говорит в гл. xxii. вероятно, это те, что были произведены в Ирландии, поскольку в тот период слово "Шотландия" часто применялось к этой стране.

[98] Architectos sibi mitti petiit qui juxta morem Romanorum ecclesiam facerent. Беда, библиотека против главы xxii.

[99] Et hanc accipere tonsuram, omnes qui in meo regno sunt clericos decerno. Там же.

[100] Что такое mora, вопрос? dixerat regia auctoritate perfecit. Там же.

[101] Во вселенских живописных провинциях.... тондебантур омнес в короне алтаря служения в монахи. (Там же.) Во всех провинциях пиктов... У всех служителей алтаря и монахов была срезана корона.

[102] Sedulis convocationibus закоренелым впраам illam traditionem parentum eorum. (Беда, lib. v. глава xxiii.) Своими частыми увещеваниями он обратил их от этой незыблемой традиции их предков.

[103] Расскажите о его божественном участии, о его многочисленных достижениях. (Там же, глава xxvii.) Он сделал много добра, благочестиво раздавая те дары, которые получил от богатых.

[104] Cum se existimaret esse moriturum, egressus est tempore matutino de cubiculo, et residens solus..... Беда, библиотека iii. глава xxvii.

[105] Precabatur ne adhuc mori deberet priusquam vel praeteritas negligentias perfectim ex tempore castigaret, vel in bonis es operibus abundantius exerceret. Там же.

[106] Quia aratra eorum non recte incedunt; oportet autem eum ad rectum hæc tramitem revocare. Беда, библиотека iii. глава xxvii.

[107] Ad ritum tonsuræ canonicum sub figura coronæ perpetuæ. (Беда, lib. v. глава xxiii.) К каноническому обряду пострижения в виде вечного венца.

[108] Но против бриттонов, закоренелых и клаудикантов, против семитов, против подушевой ферре и претенданта короны. (Беда, библиотека v, глава xxiii.) Точно так же, как, напротив, бритты, закоренелые и останавливающиеся на своем пути, обнажают свои головы без короны.

[109] Изменить решение Клеменса, genere Scotus est. Bonifacii epistola ad Papam, Labbei concilia ad ann. 745.

[110] Церковные каноны отречения от Христа и их опровержения. Там же.

[111] Синодалия jura spernens. Там же.

[112] Трактат и проповеди святого отца, Иероними, Августина, Григорий рекузат. Там же.

[113] Клеменс выступает против католицизма и церкви. Bonifacii epistola ad Papam, Labbei concilia ad ann. 745.

[114] Множество ужасов предначертаний божиих, противоположных утверждению веры католической. Там же.

[115] Священные приваты, восстановленные в неприкосновенности. Concilium Romanum. Bonifacii epistola ad Papam, Labbei concilia ad ann. 745.

[116] Propter ista enim, persecutiones et inimicitias et maledictiones multorum populorum patior. (Там же.) Ибо из-за всего этого я страдаю от преследований, ненависти и проклятий множества людей.

[117] Аргентум и синдонем унам. Gemuli Ep. Там же.

[118] Извращенная доктрина.....quod alius mundus et alii homines sub terra sint. (Zachariæ papæ Ep. ad Bonif. Labbei concilia, vi. стр. 152.) Еретическая доктрина ... о том, что под землей есть другой мир и другие люди.

[119] Исходное решение, подтверждающее его достоверность. Auctoritas ex vera ratione processit, ratio vero nequaquam ex auctoritate. De div. prædestin.

[120] Deum в сводном документе esse. (De divisione naturæ, b. 74.) Что Бог есть во всем.

[121] Часть закона Божьего, переведенную Альфредом, можно найти в Wilkins, Concilia, i. стр. 186 и далее.

[122] Божественное животное, воспламеняющееся пламенем, реги инквит: Мелиор, дай ему мне волю и реддам. Уилкинс, Консилиум, i, 367.

[123] Отвечает король и диктует, что все пасторали Англии прекрасны в мануэле тенере. Шрифт. Английский. Lond. 1652, fol. p. 1327.

[124] Lanfranc ad hæc miratus est, sed propter majores ecclesiæ Christi utilitates, quas sine rege perficere non potuit, ad tempus *siluit*. Там же.

[125] Священнодействует вера в кастеллис велик в условиях, когда люди живут без потерь, не имея смысла и ограничений. Уилкинс, Консилиум, i. стр. 367.

[126] Немо эним омниум регум, этиам паганорум.... Грег. книга vii. Ер. i. ad Хьюберта.

[127] Финансовые потери от гонораров, квантитативные потери. Там же.

[128] Главная ценность меруисти. Грег. библиотека. vii. Ерр. xxiii. ad Gulielm.

[129] Facilius lenitatis dulcedine ac rationis ostensione, quam austeritate vel rigore justitiæ. Ibid. Ер. v. ad Hugonem.

[130] На месте страсти и смерти, паралитического курантурного процесса, болезни сердца, сурди аудиунта. (Йохан. Salisb. Ерр. 286.) На месте его страданий и там, где он был похоронен, исцеляются паралитики, слепые видят, а глухие слышат.

[131] Significasti si quidem nobis, fili carissime, te Hiberniæ insulam ad subdendum illum populum velle intrare, nos itaque gratum et acceptum habemus ut pro dilatandis ecclesiæ terminis insulam ingrediaris. (Адриан IV, Булла 1154 года в Риме, Acta Publica.) Если ты действительно намекнул, дорогой сын, что хочешь вторгнуться в Ирландию, чтобы подчинить этот народ, мы, соответственно, очень рады, что с целью расширения границ церкви тебе следует вторгнуться на этот остров.

[132] Подать в отставку корону суам в manus domini papæ. Matth. Paris, 198 et 207.

[133] Cum juramento furibunds. Там же. 213.

[134] Указание на запрещенные действия, а не на диктат рекса, которое мы наблюдаем впервые. Matth. Париж, 224.

[135] Аррептос бакулос и другие сторонники ярости в борьбе с коррозией, в борьбе с коррозиями. Там же. 222.

[136] Проблемы и последствия людского разоблачения. Там же. 231.

[137] Дискредитирующие сикарии, такие как люди жестокие, ночные, подстрекательские, строгий надзор. Там же.

[138] Таковы бароны лакриманты, плачущие, регем и папам маледиктеры. Matth. Париж, 234.

[139] Aperta est in mediis fluctibus terra et voraginis abyssus, quæ absorbuerunt universa cum hominibus et equis. Там же. 242.

[140] Нови цицерис картофельный nimis repletus. Там же. 1216 год от Рождества христово.

[141] Римская церковь различает три вида богослужения: *latria*, посвященное Богу; *doulia*, святым; и *hyperdoulia*, Деве Марии.

[142] Человек не в чистом виде живет на земле. (Иннокентий III. Ерр. lib. vi. i. 335.) Он обладает на земле властью не святого человека, но истинного Бога.

[143] Ut trecentis Romanis in primis beneficiis vacantibus providerent. Matth. Париж, Анна. 1240.

[144] Absit et quod.....hæc sedes et in ea præsidentes causa sint schismatis apparentis. Ortinnus Gratus, ed. Браун, фол. 251.

[145] Послушный, противоречивый и мятежный. Matth. Париж, 1252 год н. э.

[146] Scripturarum sedulus perscrutator diversarum, Romanorum malleus et contemptor. (Matth. Париж, том. ii, стр. 876, следующий. Последний. 1640.) Скрупулезный исследователь различных Священных Писаний, критикующий римлян и презиравший их. Шестнадцать его сочинений (Sermones et epistolæ) можно найти в *Brown, app. ad Fasciculum*.

[147] Nocte apparuit ei episcopus vultu severo, intuitu austero, ac voce terribili. Там же. 883.

[148] Quanto magis - папа маледикебатур, тавто плюс народное благословение. Там же. 1257 год от Рождества Христова.

[149] Пасе - это мясо, не *тонкое*, не *экскорпация*, не *потрошение*, *потребление*. Там же. 1258 год от Рождества Христова.

[150] История церкви Фуллера, cent. xiv, стр. 90, fol. Последний. 1655.

[151] Были опубликованы его арифметика и геометрия; но я не знаю, так ли это с его астрономическими таблицами.

[152] "Доминируй, ходи с Пеладжио за либеро арбитрио против безвозмездной драки"? De causa Dei adversus Pelagium, libri tres, Lond. 1618.

[153] Безвозмездная продажа. Там же.

[154] Suam voluntatem præire ut dominam, tuam subsequi ut ancillam. Там же.

[155] Итоговое сообщение рæне mundus о Пелагии ошибочно. Там же.

[156] Конечная резиденция империи; восстановление, восстановление, ретроцедура, прекращение. История Фуллера. цент. xiv, стр. 116.

[157] Наиболее естественным значением слова *præmunire* (более конкретно применительно к акту 1393 года), по-видимому, является то, которое предложил Фуллер, цент. xiv, (стр. 148): ограждать и укреплять королевскую власть от посягательств извне. Смотрите законопроект целиком, *там же*. стр. 145-147.

[158] Исполнительный акт.... закон и его последствия. Мартин V герцогу Бедфордскому, Фуллер, XIV век. стр. 148.

[159] Когда у них есть огромное богатство, как в больших пустующих домах, так и в драгоценных одеждах, на больших пирах и множестве драгоценностей и сокровищниц. Трактаты Уиклифа, под редакцией Общества Уиклифа, стр. 224.

[160] Там же, 240.

[161] Приходите снова со светлыми головами. Там же.

[162] Уиклифф, Последняя эпоха Церкви.

[163] Долго обсуждал сам с собой, со многими тайными вздохами. Фокс, Деяния и М, i, стр. 485, fol. Последнее. 1684.

[164] Эти мнения изложены Уиклиффом в трактате, сохранившемся в *Рукописи Селдена*. и напечатанном мистером Дж. Льюисом в его "Истории Уиклиффа", Приложение № 30, стр. 349. Он присутствовал во время дебатов; *quam audivi in quodam concilio a dominis secularibus*. Как я слышал на некоем совещании среди лордов темпоральных.

[165] Раймер, vii, стр. 33, 83-88.

[166] Гордый мирской священник Рима и самый проклятый из кусачек и скупщиков кошельков. Льюис, История Уиклиффа, стр. 37. Оксфорд, 1820.

[167] Фокс, Деяния, i, стр. 437. fol. Лондон, 1684 год.

[168] Фуллер, Церковная история. xiv век. стр. 135.

[169] Яростно обрушился на лордов. Там же. 136.

[170] "Виклифф Воана", Приложение, том i, стр. 434.

[171] История церкви Фуллера. столетие. xiv, стр. 137.

[172] Уолсингем, история. Большая английская, стр. 203.

[173] *Propono et volo esse ex integro Christianus, et quamdiu manserit in me halitus, profitens verbo et opere legem Christi*. Уиклифф Воана, i. стр. 426.

[174] Частный закон, изданный духовенством. Фокс, Деяния, i, 503.

[175] Изложение Декалога.

[176] Фокс, Акты, i. p. 503.

[177] "Церковная история Петри", i. стр. 504.

[178] Фокс, Деяния, i. стр. 578.

[179] Евангелика маргарита спарджитур и свиной конкультур. Найтон, "Об английском событии", стр. 264.

[180] Говорить о Священном Писании на английском языке - ересь. Wickliffe's Wicket, стр. 4. Оксфорд, 1612, кварто.

[181] Вебер, Католическая церковь, i, стр. 81.

[182] Эффективный знак. *Conclusio 1ma*. Вон, ii, стр. 436, Приложение.

[183] Уикетт Уайклефа, Трактаты, стр. 276, 279.

[184] Свидетельство о прелюбодеянии всех поколений, а также свидетельство о Невинности в духе Евангелия. Исповедь, Воган, ii, 453, Приложение.

[185] Кто виноват в смерти дьявола. Mansi, xxvi. p. 695. Уиклифф отрицал, что писал или высказывал чувства, которые здесь ему приписывают.

[186] Из *лоллена*, петь; как *попрошайки* (beggars) из *беггена*.

[187] Жалоба Джона Уиклиффа. Трактаты и договоры, отредактированные Обществом Уиклиффа, стр. 268.

[188] Верный победитель eos. Вон, Приложение, ii. стр. 453.

[189] Это прочтение бодлианского манускрипта— "и будь [таким], это превзошло бы все остальные законы". В "Фоксе" Уиклифф, по—видимому, приписывает самому Христу это превосходство над всем Священным Писанием - различие, которое вряд ли могло быть в сознании реформатора или его эпохи.

[190] Послание Дж. Уиклиффа папе Урбану VI. Фокс, Деяния, i. стр. 507, fol. Lond. 1684; также Льюис, Уиклифф, стр. 333, Приложение.

[191] Ideo si essent centum papæ, et omnes fratres essent versi in cardinales, non deberet concedi sententiæ suæ in materia fidei, nisi de quanto se fundaverint in Scriptura. Триалог, библиотека iv. глава vii.

[192] "Жизнь Уиклиффа" Воана, ii, стр. 215, 257.

[193] De universalibus realibus.

[194] Auctoritas Scripturæ sacræ, quæ est lex Christi, infinitum excedit quam libet scripturam aliam. Диалог. [Триалог] lib. iii. cap. xxx; см., в частности, главу. xxxi. Авторитет Священного Писания, которое является законом Христа, бесконечно превосходит все другие писания, какими бы они ни были.

[195] Там же. de prædestinatione, de peccato, de gratia, etc.

[196] Диалог. [Триалог] библиотека. iii, глава. xxx.

[197] Идея о том, что инфузория является альтернативой трепетному дыханию. Там же. библиотека. iii, глава ii.

[198] Второй разум духовного и виртуального существования. Там же. библиотека. iv, глава. viii.

[199] Тот же пресвитер, что и епископ. Там же. библиотека. iv, глава xv.

[200] "Жизнь Уиклиффа" Воана, ii, 307. Христианская общественность в большом долгу перед доктором Воаном за его биографию этого реформатора

[201] Multitudo fratrum mortem tuam multipliciter machinantur. Там же. библиотека. iv, глава iv.

[202] Aliqui fratres quos Deus docere dignatur....relicta sua perfidia.....redibunt libere ad religionem Christi primævam, et tunc ædificabunt ecclesiam, sicut Paulus. Диалог. [Триалог] библиотека. iv, глава. xxx.

[203] Иоанн Гус в Богемии.

[204] Помощник солдата гладио и защитника пельты. Найтон, библиотека v, стр. 2660.

[205] Milites cum ducibus et comitibus erant præcipue eis adhærentes. Там же.

[206] Quasi germinantes multiplicati sunt nimis et impleverunt ubique orbem regni. Kuvguton. библиотека v, стр. 2660. Эти "*Выводы*" перепечатаны Льюисом (Уиклиффом), стр. 337.

[207] Король и епископ собственной персоной и т.д. Там же.

[208] Fox, Acts, i. стр. 584, fol. Лондон, 1684 год.

[209] Там же, стр. 586. Это статут, известный как 2 Генриха IV. с. 15, первый действующий закон в Англии против ереси.

[210] Там же, стр. 589.

[211] Не чистого человека, но истинного Бога здесь, на земле. Там же, стр. 596.

[212] "Иисус - любовь моя". Эти слова еще предстоит прочесть в башне.

[213] Блэкмор.

[214] Eorum prædicationibus nefariis interfuit, et contradictores, si quos repererat, minis et terroribus et gladii secularis potentia compescuit. (Раймер, FœDera. tom. iv. pars 2, стр. 50.) Он присутствовал на их запрещенных проповедях и, если находил, что кто-то им мешает, держал их в узде угрозами и ужасом, а также силой светского меча.

[215] Fox, том i, стр. 636, fol.

[216] Фокс, Акты, i. p. 637.

[217] К чему нам отпущение грехов в том, что касается Петра, благородного, сидящего в одиночку Део. Раймер, Фредера, стр. 51.

[218] Воспламеняющий закон, приостанавливающий закон. Том. Waldensis in proemio. Рейнальд, Энн. 1414. № 16.

[219] Pudorem plus quam virgineum. Эразм. Ер. i. стр. 525.

[220] "Жизнь Мора" его правнука, (1828), стр. 93.

[221] В связи с этим возникает множество проблем, связанных с исчезновением иисуса Христа без суда. Эразм. Ер. i. стр. 536.

[222] Quantum ibi devorabatur ovorum putrium, quantum vini putris hauriebatur. Эразм. Сборник. стр. 564.

[223] Кто не потеснит Англию ту. . . . велика в экстремальной ситуации жизнь Скифии без суда. Эразм. Ер. i. стр. 311.

[224] Эразм. Ер. ад Ботжем. Краткое содержание. Приложение, стр. 108.

[225] *Principes summa nocte ad thalamum solemni ritu deducti sunt.* Sanderus, de schismate Angl. p. 2.

[226] Апомаксис Моризина.

[227] Герберт, Жизнь Генриха VIII, стр. 18.

[228] Сборник Лиланда, том iv. стр. 309.

[229] Сценарий для меня, как руководство по амантиссимусам. Эразм. *Vita ad Ep.*

[230] Специально для приготовления первых блюд. Там же, стр. 277: выражение Вергилия, говорящего об обожествленном Августе.

[231] Скачет эфир, ликует земля, *omnia lactis, omnia mellis, omnia nectaris sunt plena.* Там же.

[232] Вестем альбам коммутавит в ниграме. *Ep. ad Servat.*

[233] Папа римский внезапно поражается странности песни. Фокс. Деяния, т. 364, изд. Последнее издание 1838 года.

[234] *Admirabatur quidem uxoris sanctitatem.* Сандерс. стр. 5.

[235] Люблю и регулярно пользуюсь. Морисин Апом. стр. 14.

[236] "Генрих VIII" Герберта, стр. 7. История церкви Фуллера. Книга V., стр. 165. Эразм. Эп. и Америка. стр. 19.

[237] Тиндейл, Послушание христианина (1528).

[238] *Eximia corporis forma præditus*, в качестве объяснения этого вида в королевском королевстве августа в королевстве квайдамо. (Сандерус де Схизм., стр. 4.) Он был наделен необычайной грацией личности, в которой сиял некий августейший вид, даже царственного величия.

[239] Тернер. История. Английский. i. стр. 28.

[240] Muskusный асперсам с запахом. Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 652.

[241] Письмо кардинала Бембриджа. Рукопись Коттона. Вителл. Б. 2, стр. 8.

[242] Доктор Колет попал в беду и его следовало сжечь. Проповеди Латимера. Издание Паркера, стр. 440.

[243] Французский оригинал хранится среди рукописей архиепископа Паркера в колледже Корпус-Кристи, Кембридж. Приведенный в тексте перевод взят (с небольшими изменениями) из сборника королевских и других писем сэра Х. Эллиса. том ii. вторая серия.

[244] *Cujus mensa talibus luminibus cingitur.* Эразм. Ep. 725.

[245] *Loca sacra etiam ipsa Dei templa monialium stupro et sanguinis et seminis effusione profanare non verentur.* Папская булла. Уилкинс, Консилиум, стр. 632.

[246] Венерическая болезнь. Бернет.

[247] Где таилось много порока и порочности. Стрип, i. 169. Приведены названия монастырей. Там же. ii. 132.

[248] Институт коллегиума и абсолютных судей. Фуллер, XVI век, стр. 169.

[249] Ita suspiciebat admirabilem illam Christi majestatem. Эразм. Эпп. 707.

[250] Колет, Проповедь Собранию.

[251] Апостол Павел габитус эст. (Polyd. Virg. стр. 618.) Его считали почти апостолом Павлом.

[252] Остерегайтесь греков, чтобы не стать еретиком.

[253] Hæc Wolseius non surdis audierit auribus. (Polyd. Virg. 622.) Вулси услышал эти слова не глухими ушами.

[254] Доми суэ сладострастный омниум священный плод. (Polyd. Virg. 623.) Он превратил свой дом в святилище всякого сладострастия.

[255] Проповеди Латимера (Общество Паркера), стр. 119.

[256] Он вычислил [вычислил] рождение короля ... с помощью искусства некромантии он создал гравированные изображения, которые должны были воздействовать на него, и с их помощью он околдовал разум короля. Экспозиции Тиндейла (Parker Soc.), стр. 308.

[257] Фокс, Акты и Пн. ii. стр. 8. Фолио, 1684, Лондон.

[258] Фокс, Акты и Пн. ii. стр. 8. Фолио. 1684, Лондон.

[259] Там же. стр. 13. "И так все мы убили Хуна... и так Хун был повешен". (Свидетельство Чарльза Джозефа.)

[260] Подробности расследования см. в Foxe, Acts и Mon. ii. 14.

[261] Вердикт следствия; Фокс, 12.

[262] Фокс, Деяния, ii, стр. 7. Его ноги были связаны под собственной лошадьёю.

[263] Его босые ноги стояли на раскаленных углях. Лолларды (изд. Трактат Соч.), стр. 149.

[264] Проходившая мимо молодая служанка из его дома увидела своего хозяина; она побежала домой. Там же. стр. 50.

[265] Фокс, Деяния и пн. ii. стр. 8 (фолио 1684), iv. стр. 132 (Последний выпуск 1838). В будущем мы будем ссылаться на последнее издание, как на более доступное.

[266] Повелел также бросить своих детей, ибо они произрастут из его праха. Там же.

[267] А. Мюллер.

[268] Фробенио, "нулевой лекарственный препарат" и "слабительное сакральной науки". (Эразм. Ер. стр. 330.) Ни одной типографии изучение священной литературы не было обязано больше, чем типографии Фробениуса.

[269] Джеймс Ютербокский, приор картузианцев: *De septem ecclesiae statibus opusculum*.

[270] Частная комбинация и т.д. Мемориалы Страйпа, i. часть ii. стр. 16.

[271] В евангелической литературе, сермо илле лестис, в качестве Отца и корда для профессионалов. (Эразм. Леони, Ер. стр. 1843) Это небесное слово в Евангелии, некогда посланное нам из недр Отца.

[272] Труд авидиссима рапигур аматур, манибус теригур (Ер. Ер. 557.) За работу берутся с наибольшим рвением.... Ее принимают, ее сжимают в руках.

[273] Отъявленный подхалимаж. (Эразм. Ер. стр. 329.) Клеветники взвыли.

[274] Параклезис ad lectorem pium. Утешение благочестивому читателю.

[275] Как решительный дебош по поводу того, что мы предлагаем населению. (Эразм. Ер. стр. 1193.) Как глупо некоторые из них обращались к людям со своих кафедр.

[276] Нет кламитян, кроме груев (*журавлей*) и зверей. (Там же, стр. 914.) Кричит, что мы журавли и скоты.

[277] *Rasæus in regem* предположить *oculos.....Is* мокс Пакео учтивее *аррисита*. Эразм. Ер. стр. 914.

[278] *Tum rex: ut qui inquit, spiritus iste non erat Christi sed stultitiæ*. Там же.

[279] *Græcis, inquit, literis non perinde sum infensus, quod originem habeant ex lingua hebraica*. Там же, стр. 347.

[280] Для временного спокойствия. (Эразм. Ер. 911.) Времена были спокойные.

[281] Есть ли какие-либо подозрения относительно того, что фатальная буря исходит из орбиты? Эразм. Ер. 911.

[282] *Quantis mihi* конституирует судорогу. Там же. 329.

[283] Соответствует нескольким греческим образцам. Там же.

[284] Простой тест существует для меня, когда я сталкиваюсь с необходимостью принятия христианства. Там же. 911.

[285] *Solus haberi in pretio volebat*. (Там же. 593) Он хотел, чтобы уважали только его одного.

[286] Талис эрат пуэр, талис отроческий, талис ювенильный, талис нанк этиам вир эст. Там же. 594.

[287] Государственные документы, Генрих VIII. и др., стр. 10, изд. 1830.

[288] На самом деле есть угроза. (Эразм. Ер. 746.) Внезапно он стал недружелюбным.

[289] Пособие для адвентивистов, для начинающих англичан, для тех, кто поздравляет с наступающим. (Там же. 593.) Он принимал незнакомых людей, особенно англичан, и привязывал их к себе своими банкетами.

[290] О всеобщем менталитете генерала дмитрия онустоса. (Там же.) Он отослал их, нагруженных всевозможной ложью.

[291] Получателю пожертвования необходимо принять участие в *трагических событиях*. (Эразм. Ер. 913.) Пока Ли не начнет свою трагедию.

[292] Саймон, Hist. критический тест. стр. 246.

[293] Свобода воли между человеком и заклинателем. (Эразм. Ер. стр. 746.) Книга переходила из рук в руки заговорщиков.

[294] Тиби традиита виргула тотий орбис цензурам фуэрит мандатурус. Там же, стр. 742.

[295] Это не имеет значения в Erasmus, в compotationibus, в foris, в conciliabulis, в pharmacopoliis, в curribus, в tonstrinis, в fornicibus.....Там же. стр. 746.

[296] Матф. xxii. 29; xxvi. 24, 54; Марк, xiv. 49; Лука, xviii. 31; xxiv. 27, 44, 45; Иоанн, ст. 39, 46; х. 35; xvii. 12 и т.д.

[297] В книге ignaros medicos, indoctos confessionum auditores. (Епископ Билней Тонсталло; Фохе, iv. стр. 633.) Невежественным врачам, необразованным исповедникам.

[298] Указатель на тощую кишку, бдения, индульгенцию и промахи. Там же.

[299] Ut parum mihi virium (alioqui natura imbecilli) reliquum fuerit. (Там же.) Так что, во всяком случае, будучи от природы слабым, у меня осталось слишком мало сил.

[300] Мой потий, спаситель, приветствую тебя, анимэ, мой язык. (Там же.) Они преследовали свои собственные интересы, а не спасение моей изнемогающей души.

[301] Cum ab eo latinius redditum accepti. Там же.

[302] Латинизированный потий quam verbo Dei, allectus. Там же.

[303] Вспомним провидение (sine dubio) божества. (Фокс, iv, стр. 633.) Я купил его, несомненно, под руководством божественного провидения.

[304] 1 Тим. i, 15.

[305] О михи суависсима Паули сентенциам! Фокс, iv, стр. 633.

[306] В качестве аргумента, содержащего смысл в корде моего документа. (Там же.) Одним этим предложением Бог учит внутренне, в моем сердце.

[307] Вопрос, который я игнорирую. (Там же.) Потому что тогда я не знал, что делается.

[308] Тандем Иисуса аудибама. Там же.

[309] Так возбуждает грудную клетку. Там же.

[310] Peccatorum conscientia saucium ac pene desperabundum. Там же.

[311] Отнюдь не квантово-душевного спокойствия. Там же.

[312] Didici omnes meos conatus и т.д. Там же.

[313] Вопрос об Августине, краткий обзор дополнительно. Там же.

[314] "Анналы английской Библии", i, стр. 12.

[315] Глостер Бигленда, стр. 293. "Анналы английской Библии", i, стр. 19.

[316] От ребенка. Фокс, Деяния и Пн., стр. 115.

[317] Распределение по степеням в школах. Там же.

[318] Его манеры и разговор соответствовали Священным Писаниям. Там же.

[319] Прочитайте тайно для определенных студентов и стипендиатов, наставляя их в знании и истинности Священных Писаний. Там же.

[320] Oxoniae cum juvenis quidam non vulgariter doctus. (Эразм. Ер. стр. 346.) Некий юноша в Оксфорде с необычной ученостью.

[321], Который они готовили, как я слышал, уже дюжину лет. Экспозиции Тиндейла (Park. Soc.) стр. 225

[322] Я использую все, что возможно, для моего оригинального конвертера. (Фокс, Деяния, iv, стр. 633.) Чтобы нечестивый мог обратиться к тебе через меня, некогда нечестивого.

[323] Благодаря наставлениям Тиндейла он впервые принял в свое сердце семя Евангелия. Фокс, Деяния, т. 4.

[324] Даже как зверь в собственном навозе. Епископ Билней Тонсталло; Фокс, Деяния, iv, стр. 640.

[325] Он не будет твоим Иисусом или Спасителем. Там же.

[326] Без этого внутреннего призвания быть стократно избранным и посвященным Богу ничем не поможет. Там же, стр. 638.

[327] Если это Христос, то тот, кто грядет к нам. Там же, стр. 637.

[328] Таким образом работать, чтобы поддерживать свою бедную жизнь. Фокс, Деяния, iv, стр. 209.

[329] Златоуст, 43 Проповедь на Матф.

[330] Он называл их *отъявленными мошенниками*. Фокс. iv, стр. 209.

[331] Там же. стр. 211.

[332] Там же. стр. 357.

[333] *Imminere christianæ religionis πανολετρεῖαν, nisi novae translationes omnes subito de medio tollerentur.* (Эразм. Ер. стр. 596.) Это разрушение угрожало христианской религии, если среди них не будут немедленно изъяты все новые переводы.

[334] *Adesse tempora longe periculosissima.* Эразм. Ер. стр. 597.

[335] *Cæpit obscurare Christum dignaretur ipse suæ sponsæ opitulari.* (Там же, стр. 598.) Он начал умолять Христа, чтобы он сам соизволил помочь своей супруге.

[336] И далее в *digitos porrectos dispartiens.* (Там же.) И распределяет заряд по вытянутым пальцам.

[337] Вопрос Скарабея о том, насколько велик суо мало аквилам. (Эразм. Ер. стр. 555.) Тот жук, который пытался сделать с орлом все, что мог.

[338] Совет вашего Величества. *Vestra sublimis et longe reverendissima, Majestas, etc.* Фиддес, Бодлианские документы, стр. 178.

[339] Рукопись из хлопка. Брит. Муз. Калиг. Д. 7, с. 88.

[340] Он крепко взял меня за запястье одной рукой, а другую положил себе на грудь. Там же. D. 8, стр. 93.

[341] Он заверит вас, что у него целых четырнадцать кардиналов. Там же. D. F., стр. 98.

[342] В мессе! Государственные документы, i. 9.

[343] Леди Уолш, полная и мудрая женщина. Фокс, Деяния, v. стр. 115.

[344] Которые сидели вместе с мастером Тиндейлом за одним столом. Фокс, Деяния, v. стр. 115.

[345] Разговоры ученых мужей, таких как Лютер и Эразм и т.д. Там же.

[346] Когда они в какой-либо момент расходились с Тиндейлом во мнениях и суждениях, он показывал это в книге. Там же.

[347] Тиндейл, Экспозиции. (Park. Soc.) стр. 140.

[348] Тиндейл, Экспозиции. (Park. Soc.) стр. 141.

[349] Так по Писанию, как по строчке, пока не придешь ко Христу. Tynd. Сочинения, i. 354 (ред. Рассел).

[350] Могила из шиповника; Если ты потеряешь себя в одном месте, тебя поймут в другом. Тиндейл, "Экспозиции", стр. 5.

[351] Там же. Ответ на другие вопросы (Park. Soc.) стр. 49.

[352] Сделайте впалый живот на изображении. Там же, стр. 81.

[353] Сделай из него лошадь из палки. Книга Тиндейла. (ред. Рассел) ii. 475.

[354] Там же. Экспозиции, (Парк. Соц.) стр. 15.

[355] И ясно изложил им открытые и очевидные места Священных Писаний, чтобы опровергнуть их ошибки и подтвердить его высказывания. Фокс, Деяния, в. стр. 115.

[356] Антихрист выворачивает корни деревьев вверх. Тиндейл, Доктринальные трактаты (Park. Soc.), стр. 295.

[357] Тиндейл, Притча о нечестивой Маммоне. Там же. 126.

[358] Хотя вокруг тебя горела тысяча святых свечей. Там же, стр. 48.

[359] Что ж, был такой врач, который мог обойтись сотней фунтов. Фокс. Деяния, ст. 115.

[360] Ответ Священными Писаниями подтвердил истину. Там же.

[361] Там же. стр. 117.

[362] Какой бы истине их ни учили, эти враги всякой истины снова подавляют ее. Tynd. Учение. Т. Р. 394.

[363] невозможно убедить мирян в какой-либо истине, за исключением того, что Священное Писание было ясно изложено перед их глазами на их родном языке. Там же.

[364] Tynd. Докт. Тр., стр. 119.

[365] Когда они пришли, у них не было ни радости, ни воодушевления, как раньше. Фокс, Деяния, в. р. 1.6.

[366] Приходите все вместе в пивную, которая является местом их проповеди. Tynd. Докт. Тр. 394

[367] Они тоже добавляют от себя то, чего я никогда не говорил. Там же, стр. 395.

[368] Там же. Экспозиции, стр. 10.

[369] Тиндейл, Докт. Т. 395.

[370] Governava il papato e havia piu zente a la sua audienza che il papa. (Он управлял папством, и на его аудиенциях присутствовало больше людей, чем у самого папы.) Relazione di Marco Foscarì, 1526.

[371] Foxe, Acts. v. стр. 116.

[372] Он жестоко угрожал мне, оскорблял меня и относился ко мне, как к собаке. Tynd. Учение. Т. Р. 395.

[373] И предъявил мне обвинение, по которому не было бы выдвинуто ни одного обвинителя. Там же.

[374] Ускользает из их рук. Фокс, Деяния, в. стр. 116.

[375] Tynd. Учение. Т. Р. 298.

[376] Ибо ему он осмелился открыть свое сердце. Фокс, Деяния, в. стр. 117.

[377] Там же.

[378] Там же.

[379] Заставить мальчика, управляющего плугом, знать из Священных Писаний больше, чем знал он сам. Там же.

[380] Эта часть дома стояла в 1839 году, но с тех пор была снесена. Андерсон, Библейские анналы, i. стр. 37. Мы не можем не согласиться с выраженным в этом томе желанием, чтобы остальная часть здания, ныне арендуемая фермером, была тщательно сохранена.

[381] Обязывает его только учить детей и проповедовать. Фокс, Деяния, v. стр. 117.

[382] Бернет, История. о Реформации, (Июнь 1841, октябрь.) i. стр. 21.

[383] Кворум лютеранос, великий джем числовой первенец в английском языке. (Полид. Девикий. Англ. Хист. (Basil, 1570, fol.) стр. 664.) Великое множество лютеранских книг уже попало в руки англичан.

[384] Смотри выше. Книга VI. глава iv.

[385] Ab hoc regno extirpandum et abolendum. Кардинал. Ebor. Commissio. Страйп, М. И. В., стр. 22.

[386] Habitoque super hac re diligenti tractatu. Там же.

[387] Плохо *Проте....*имо *Амео*. Эразм. Ер. 1158.

[388] Общая информация об Экклесии. Там же, стр. 1159.

[389] Ниси де аболендо Кристо скрибери предназначен для посещения. Там же, стр. 1160.

[390] Gladio Spiritus abactum in antrum suum coges. Там же.

[391] На крупном мероприятии присутствует множество участников. Там же.

[392] In valvis seu locis publicis ecclesiæ vestræ. (Там же, стр. 24.) На дверях или в общественных местах ваших церквей.

[393] Страйп, М. I., стр. 57, (оксфордское изд.) или Лютер, xvii, стр. 306.

[394] Смотри выше, книга IX, глава x.

[395] Они сожгли бы самого Христа. Tynd. Докт. Тр. Послушание и т.д. (Park. Soc.) стр. 221.

[396] Действие духа сатаны. (De Schism. Англ. стр. 8.) Побуждаемый духом сатаны.

[397] Каппс Уркунден, ii, стр. 458.

[398] Производство Cerberum ex inferis в Китае. Regis ad lectorem. Послание. стр. 94.

[399] Ut errores ejus eumque ipsum ignis exurat. Там же, стр. 95.

[400] Основная идея борьбы с смертью. Assertio Sept. Сакрам.

[401] Sed animo Turcis omnibus Sarracenis omnibus usquam infidelibus nocentior fraterculum. Там же, стр. 147.

[402] "Жизнь Вулси" Фиддеса. стр. 249.

[403] Тотий правитель вирибуса и армии. (Раймер, Фредера, VI. стр. 199.) Силой и вооружением всего своего королевства.

[404] Поместите мембрану...железо и материалы gladio abscindere. (Раймер, Фредера, vi, стр. 199.) Отсекать гнилые члены железом и материальным мечом.

[405] Фокс, Деяния, iv, стр. 596.

[406] Фуллер, книга v, стр. 168.

[407] Унитатис сакердоталис фастигиум сознательный. Сандерс, Избавься от раскола. Ang. 8.

[408] Его собственное дело не увенчалось успехом в силу обстоятельств. Государственные документы, том i, стр. 10.

[409] Там же, стр. 12.

[410] Он был полон решимости стать своим врагом. Рукопись Коттона. Гальба, Б. 7, с. 35.

[411] Ут Уолсеус муртуо Леоне децимо фирет верховный понтифик.

[412] В сообщении говорится, что сертейн хартес был настолько увлечен химом, что он, должно быть, не собирался охотиться на них. Государственные документы, i, стр. 26.

[413] Там же. i, стр. 23.

[414] Хотя я духовный человек. Государственные документы, i, стр. 31.

[415] Приветствую тебя, царь твоего царя, а также его королевства. Tynd. Пояснения. стр. 314.

[416] Существовала некая тайна, о которой не знали все люди. Там же. 315.

[417] Если вы отправитесь готовить место для короля в его наследственном королевстве, его Величество последует за вами в подходящее время. Государственные документы, i, 36.

[418] Главная проблема, связанная с всемогущими прародителями тот беллис и прэлиис. Там же. 45.

[419] У вашей светлости будет всего лишь лейв-вей к Парису. Там же. 46.

[420] Рукопись из хлопка. Калиг. Д. 8. с. 85.

[421] Простые рабочие и ремесленники. Фокс, Деяния, iv, стр. 240.

[422] По мере того, как свет Евангелия стал появляться все чаще, а число профессоров расти. Там же, стр. 217.

[423] Вступали в брак только с самими собой. Там же, стр. 223.

[424] Там же. стр. 225.

[425] Если среди них появятся те, кто не на их стороне, то все они будут хранить молчание. Фокс, Деяния, iv, стр. 222.

- [426] Матф. v. 13-16.
- [427] Фокс, Деяния, iv, стр. 225.
- [428] Передача книг от одного к другому. Там же. iv, стр. 224.
- [429] Прячут других в своих амбарах. Там же, стр. 243.
- [430] Фокс, Деяния, iv, стр. 243.
- [431] Там же. стр. 229.
- [432] Там же, стр. 224.
- [433] Я вытаскиваю Всемогущего Бога из соломы. Там же, стр. 222.
- [434] Увы! теперь ты погибший мужчина, а я всего лишь мертвая женщина. Фокс, Деяния, v, стр. 224.
- [435] Там же. стр. 245.
- [436] Единственный способ ... должен был наказать его. Герберт, стр. 110.
- [437] Новые избранники оба старые, болезненные ... чтобы он недолго занимал этот пост. Рукопись Коттона. Гальба, Б. vii, стр. 6.
- [438] Оба принца предстают перед кардиналом Йоркским в качестве судьи. Статья xiii, Герберт, стр. 118.
- [439] Ожидается смерть этиама Адриани. Сандерс, стр. 8.
- [440] Пока я так думал, мне вспомнился епископ Лондонский. Тиндейл, Доктрина. Т. Р. 395.
- [441] Там же. стр. 79.
- [442] Там же, стр. 153.
- [443] Он трудился, чтобы быть его капелланом. Фокс, Деяния, iv. стр. 617.
- [444] Он пожелал, чтобы я написал послание моему господу и сам отправился к нему. Там же.
- [445] Мой господь ответил мне, его дом был полон. Тиндейл, Доктрина. Т. Р. 395.
- [446] Я был обманут. Тиндейл, Доктрина. Тр. стр. 395.
- [447] Экспозиции, стр. 59.
- [448] Tynd. и работы Фрита, ii, стр. 349.
- [449] Богатый человек начал следовать Священному Писанию. Проповеди Латимера, стр. 440 (Park. Soc.)
- [450] Работы Латимера, i. стр. 441. Он не стал бы занимать у него [больше] денег.
- [451] Там же.

[452] Фокс, Деяния, iv, стр. 617.

[453] Strype, Записи, i. p. 664.

[454] Strype, Записи, i. p. 664. Он ел только размокшее мясо и пил только маленькими глотками пиво.

[455] В том доме его никогда не видели одетым в белье. Там же.

[456] Работы Тиндейла и Фрита, iii, стр. 73, 74.

[457] Чтобы бедные люди могли также прочитать и увидеть простое, незамысловатое слово Божье. Фокс, Деяния, v, стр. 118.

[458] Библейские анналы Андерсона, i. стр. 42.

[459] Андерсон, Библейские анналы, i. стр. 42, 43. Герберт говорит (стр. 147) "приостановить мирян между страхом и противоречиями".

[460] Foxe, Acts, v. стр. 179.

[461] Но также и то, что во всей Англии негде было это сделать. Tynd. Учение. Т. Р. 396.

[462] Мы не призваны к спокойной жизни. Tynd. Докт. Тр. 249.

[463] Особо отмечая поведение проповедников и созерцая помпезность прелатов. Фокс, Деяния, v. стр. 118.

[464] Докт. Тр. стр. 238. Послушание хр. Мужчины.

[465] Там же. стр. 251.

[466] Там же. стр. 191.

[467] Тиндейл, Докт. Тр. стр. 251.

[468] В его сердце было невероятное желание очаровать многих. Фокс, Деяния, iv, стр. 620.

[469] Моя мать подоила тридцать коров. Проповеди Латимера, (ред. Паркера), стр. 101.

[470] Я помню, что я пристегнул его ремни безопасности. Там же.

[471] Экклз. iii. 12.

[472] Я бы хотел, чтобы бене был изгнан за море. Проповеди Латимера, стр. 153.

[473] Там же. стр. 499.

[474] Он думал, что никогда недостаточно не смешивал вино с водой. Фокс, Деяния, viii, стр. 433.

[475] Там же. стр. 334.

[476] Кто объяснил нам истинный смысл святого Павла и Евангелия. Воспоминания Страйпа, стр. 74.

[477] Наиболее злобно критикующий его. Фокс, Деяния, viii, стр. 437.

[478] У полипа куикунке петра адгезия, или имитация цвета. (Корп. i, стр. 114.) Поскольку полип напоминает по цвету скалу, к которой он прикрепляется.

[479] Фокс, Деяния, vii, стр. 438.

[480] Впоследствии он пришел ко мне в кабинет и попросил меня, ради Бога, выслушать его исповедь. Проповеди Латимера, стр. 334.

[481] Он был так тронут добрым Духом Божьим. Фокс, viii, стр. 438.

[482] Проповеди Латимера, стр. 334.

[483] С того времени я начал ощущать запах слова Божьего. Там же.

[484] Там же. стр. 335.

[485] Если раньше он был врагом и почти гонителем Христа, то теперь он стал ревностным искателем Его. Фокс, Деяния, vii, стр. 338.

[486] Там же.

[487] Человек очень совершенной жизни и ангельской беседы. Работы Бекона (Parker Soc.), стр. 425.

[488] Фохе, viii, стр. 452.

[489] Кристус quem pro viryly doceo.....denique Et satisfactionem. Ep. ad Tonstallum episcop. Фокс, Деяния, iv, стр. 633.

[490] Там же. стр. 621.

[491] Министр - более подходящее название для этой должности. Останки Латимера, стр. 264.

[492] Там же. стр. 24.

[493] Проповеди Латимера, стр. 491. Софокл, "Аякс", 783 и последующие.

[494] Статья Strype's iii, часть i, стр. 378.

[495] Летит к нему по евангельской вере. Там же.

[496] Лат. Сер. стр. 74.

[497] Это сказал Ральф Морис, впоследствии секретарь Кранмера. Strype, Eccl. Mem. iii, часть i, стр. 368.

[498] Проповедует у кроваток Лазаря, заворачивая их в простыни. Фокс, Деяния, том. iv, стр. 620. Последнее издание 1846 года.

[499] Проповеди Латимера, стр. 335. (Парк. Соч.)

[500] У нее был такой вкус, такая сладость и ощущения, что она долго думала об этом до дня казни. Там же, стр. 180.

[501] Экклз Страйпа. Мемориалы, том. iii, часть i, стр. 378.

[502] Проповеди Латимера, стр. 102.

[503] Там же, стр. 269.

[504] Учить или проповедовать, что он делал ежедневно. Фокс, Деяния, v, стр. 426.

[505] Фокс, Деяния, v, стр. 426.

[506] История реформации, том i, стр. 25. Конец 1841 года.

[507] Конклав ООН, автор К. Делавинь.

[508] Colla subjectimus iugo apostolicæ servitutis. (Раймер, Фредера, vi, 2, стр. 7.) Мы склонили нашу шею под ярмом апостольского служения.

[509] Беру Бога в свидетели, я рад этому больше, чем если бы это выпало на мою долю. Вулси Генриху VIII. Бернет, Отчеты, стр. сссххviii. (Конец 1841 года.)

[510] Уолси госсекретарю Пейсу. Уолси Голта, стр. 381, Приложение. (Конец 1846 г.)

[511] Письма Эллиса. Вторая серия, стр. 326, 327.

[512] Это заставило нас испугаться всех четверых. Шаг к королю, Страйп, том i, часть ii, стр. 27.

[513] Рукопись из хлопка. Вителлий, Б. 6. с. 87.

[514] Очень настойчивый и трудолюбивый. Фокс, Деяния. v. стр. 366.

[515] Collier's Eccles. История. x, стр. 20.

[516] Такими сообщениями, которые он изложил отдельно от Франции. Государственные документы, i, стр. 158.

[517] Миледи Маргарет была урожденной рибо. Рукопись по хлопку. Вечер. С. 3, стр. 55.

[518] Искренняя вера, фирма и нераздельный народ. (Раймер, Фредера, стр. 32, 33.) Искренний, верный, прочный и нерушимый мир.

[519] Хроника Холла, стр. 696. Если бы люди отдавали свои товары за комиссионные, то это было бы хуже, чем налоги Франции; и таким образом, Англия была бы порабощенной, а не свободной.

[520] Там же.

[521] "Бог не посылает дождя ... веди нас против христиан". Клич, приписываемый Августином язычникам первых веков.

[522] Проповеди Латимера, том i, стр. 251.

[523] Доктрина Тиндейла. Трактаты, стр. 37.

[524] "Библейские анналы" Андерсона, i, 49.

[525] Я попросил немецкого священника расследовать этот вопрос, но его исследования оказались безуспешными.

[526] Мистер Андерсон в своей превосходной работе ("Анналы английской Библии", том i, стр. 47) оспаривает интервью этих двух реформаторов, но его аргументы меня не убеждают. Мы можем понять, почему Лютер, в то время увлеченный своим спором с Карлштадтом, не упоминает о визите Тиндейла в своих письмах. Но, помимо Фокса, есть и другие авторитетные источники того времени, подтверждающие этот факт. Кохлеус, немец, хорошо информированный обо всех движениях реформаторов, которого мы вскоре увидим по следам Тиндейла, говорит о нем и Ройе: "Дуэт англичан-отступников, *который поддерживает веру в Себя*". Два английских отступника, которые некоторое время находились в Виттемберге. (стр. 123). А сэр Томас Мор, сказав, что Тиндейл ходил к Лютеру, удовлетворился ответом: "Когда мистер Мор говорит, что Тиндейл был в сговоре с Лютером, это неправда". Отвечайте сэру Тосу. Диалог Мора, стр. 147 (Park. Soc.) Он отрицал *конфедерацию*, но не *визит*. Если бы Тиндейл не видел Лютера, он был бы более откровенен и, вероятно, сказал бы, что даже никогда с ним не встречался.

[527] Секс миллионов к югу от пралюма дари. (Cochlæus, стр. 123.) Эти шесть тысяч должны быть напечатаны.

[528] Вторжение Танты в отношении летиции Лютеранос. (Там же, стр. 124.) Такая радость овладела лютеранами от этой надежды.

[529] Проблемы английского населения, воля народа. Там же. 123.

[530] Книга ix, глава xii и т.д.

[531] Популярные тексты. Указ. i, стр. 641.

[532] Cum monachi quieturi non erant, nisi ederentur opera illa. (Кохл., стр. 124.) Когда монахи не могли успокоиться, пока эти работы не были опубликованы.

[533] Audivit eos aliquando inter pocula fiducialiter jactitare. (Там же, стр. 125.) Однажды он услышал, как они уверенно заявляют о себе в своих чашках.

[534] Король и кардиналы Англии не пострадали, весь английский бреви перед лютеранами. Там же.

[535] Duos ibi latitare Anglos eruditos, linguarumque peritos. Там же.

[536] In gente illa religiosissima vereque Christiana. Там же, стр. 131.

[537] Unus eorum в секретном коллоквиуме раскрывает тайну. (Cochlæus. стр. 131.) Один из них на частной встрече раскрыл ему секрет.

[538] Rem omnem ut acceperat *vini beneficio*. Там же.

[539] Исследование excussum clam investuri для всего английского Языка с латентным распространением. Там же.

[540] Лютеранские партии трахенды в Англии. Там же.

[541] Страдание и восхищение. Там же.

[542] Об истории моллюска Х. Ринке. Там же.

[543] *Ingentem papyrī copiam ibi existere*. Там же.

[544] Необходимость и боевой дух (Бог - рекорд) *превыше сил*. Tynd. Учение. Т. Р. 390.

[545] Тиндейл, Экспозиции, стр. 123, (Общество Паркера).

[546] *Arreptis secum quaternionibus impressis aufugerunt navigio* на восходящий лист. (Cochl. стр. 126.) Схватив четыре напечатанных листа, они сбежали на борту судна и поднялись по Рейну.

[547] Он был обязан мне не меньше, чем Артаксеркс был обязан Мардохею. Библейские анналы, i, стр. 61.

[548] *Ut quam diligentissime præcaverint in omnibus Angliæ portubus, ne merx illa perniciosissima inveheretur*. Кохлей, стр. 126.

[549] В качестве кого доктор Экиус венит, доктор английских наук. Там же. 109.

[550] Смотри выше, книга vii, глава viii.

[551] Восходящие черви среди плебса произвели фурор в лютеранской республике. Кохлей, стр. 126.

[552] Копия издания "*Октаво*" хранится в музее Баптистского колледжа в Бристоле. Если сравнить его с изданием *кварто*, в орфографии будет обнаружен ощутимый прогресс. Таким образом, в последнем мы читаем: *пророки, синнеры, мудрецы, секинг*; в октаво мы находим: *пророки, грешники, большинство, секинг*. Библейские анналы, i, стр. 70.

[553] Послание, в оригинале.

[554] Работы Тиндейла, ii, стр. 378; или Экспозиции (Мэтью), стр. 131, (Park. Soc.)

[555] В своих лекциях он изложил туземный смысл. Томас Бекон, ii, стр. 426.

[556] Скрытый во тьме и тумане папистов. Там же.

[557] Частный преподаватель для остальных своих собратьев по университету. Фокс, Деяния, vii, стр. 438.

[558] В своих проповедях Он доказал, что Священное Писание должно читаться на английском языке всеми христианами. Бекон, том ii. стр. 424. (Park. Soc.)

[559] Мы находим его мнение по этому вопросу в более поздней проповеди. Проповеди Латимера, стр. 96, 97. (Park. Soc.)

[560] Бедный ученый из Кембриджа... но шестнадцатилетний ребенок. Сочинения Бекона, ii. стр. 424.

[561] Работы Бекона, ii. стр. 425.

[562] Там же.

[563] Работы Бекон, ii. p, 425.

[564] С большой pompой и пространностью. "Жизнь Латимера" Гилпина, стр. 8.

[565] Нация, полная слепых нищих. "Жизнь Латимера" Гилпина. стр. 8.

[566] Для удовлетворения потребностей в аликубическом материале. *Multa sunt sic digna revinci, ne gravitate adorentur.* (Против Валентина, с. vi.) См. также "Провинциалы" Паскаля, Письмо xi. И если насмешки в какой-то момент должны быть вызваны, то это вполне подходит для таких сюжетов. Таким образом, многие вещи заслуживают того, чтобы их преодолели, иначе при серьезном опровержении они получают больше уважения, чем заслуживают.

[567] "Жизнь Латимера" Гилпина, стр. 10.

[568] Экклз Страйпа. Мем. iii. стр. 369.

[569] Я встану на колени и поцелую твою ногу. Там же.

[570] Там же. 370.

[571] Проповеди Латимера (Park. Soc.), том i, стр. 70. Проповедь плуга.

[572] Там же. стр. 72.

[573] Он добавляет: Что бы он ни проповедовал когда-то, он доблестно защищал то же самое. Бекон, том ii. стр. 424.

[574] Великий восстановитель хорошего обучения. Страйп, i. стр. 568; Фокс, Деяния, v. стр. 415.

[575] Изумительный в глазах великих слепых врачей. Фокс, Деяния, v. стр. 415.

[576] Билни обратил доктора Барнса в Евангелие Иисуса Христа. Фокс, Деяния, iv, стр. 620.

[577] Там же., стр. 434.

[578] Несмотря на другие его разнообразные и необычные дары и украшения ума, в нем больше всего заложено. Работы Тиндейла и Фрита, iii, стр. 73.

[579] Это очень мало, тем не менее именно так мало. Там же, стр. 83.

[580] К Филиппийцам, iv, 4-7.

[581] Толпились на открытой улице. Strype, Мем. i, стр. 568.

[582] Бекон, ii, стр. 426.

[583] Мартиролог Геддеса, Гонсалви, март. Исп. Льоренте, инквизиция. Макри, судья в Испании.

[584] Усердно трудился, призывая нас к покаянию. Бекон, iii. стр. 11.

[585] Для того, чтобы оперная ностра была добросовестной в конкретном нигилизме и оправдании своих действий и заслуг, оставаясь верной себе. (Фокс, Деяния Апостолов, ст. 428.)

Потому что наша работа, какой бы хорошей она ни казалась, бесполезна для оправдания или заслуги, но спасти может только вера.

[586] Каждый человек может проповедовать слово Божье. Там же.

[587] Псалом lxxxi. 16.

[588] Имея указанные книги на хранении. Фокс, Деяния, ст. 428.

[589] Распространение указанных книг за пределами этой сферы. Там же. стр. 428. См. также Strype. *Воспоминания Кранмера*. стр. 81.

[590] Nullus homo unum iota in Scripturis sacris videt, nisi qui spiritum Dei habet. (Лютер, De servo arbitrio, Witt. ii. стр. 424.) Ни один человек, кроме того, кто имеет Духа Божьего, не может увидеть ни единой строчки в священном Писании.

[591] Работы Тиндейла и Фрита (изд. Рассел.). том ii. стр. 491. "Путь к Священному Писанию" является прологом к Завету кварто с несколькими изменениями, не имеющими большого значения.

[592] Работы Тиндейла и Фрита (ред. Рассел), том ii, стр. 503.

[593] Там же, стр. 500.

[594] Жизнь Мора, стр. 134.

[595] И привез с собой первый перевод Нового Завета Тиндейла на английский. Фокс, Деяния, v, стр. 421.

[596] Его преосвященству следовало бы увидеть такую книгу, поскольку слышать о ней было чудом. Фокс, Деяния, iv, стр. 658.

[597] Там же.

[598] Там же.

[599] Верхняя часть его могла случайно упасть ему на голову. Фокс, Деяния, iv, стр. 658.

[600] Мольба Душ в Чистилище. Работы Мора.

[601] Actus meritorius есть у potestate hominis. (Дунс Скот в сентенции. lib. i. дисс. 17.) Мужчина способен совершить достойный поступок.

[602] Его искали по всему Лондону. Фокс, Деяния, v, стр. 421.

[603] Foxe, Acts, v. стр. 421.

[604] Там же.

[605] В Евангелии от Луки Commentarii, второе признание и локализация. (Argentorati, 1525.) Комментарий к Евангелию от Луки, теперь уже во второй раз переработанные и дополненные.

[606] Foxe, v. p.422.

[607] Там же.

[608] С глубокими вздохами и обилием слез. Фокс, v. с. 422.

[609] Что мы все закрываем оба наших лица. Там же. 423.

[610] Там же.

[611] Там же.

[612] Там же.

[613] Фохе, v. p. 424.

[614] Рассказать другим нашим братьям; (ибо в том колледже были еще дайверы). Там же.

[615] Учитывая наше состояние и близкую опасность. Там же.

[616] Моя задумчивая голова полна забот о прогнозировании. Фокс, v. с. 423.

[617] Мое скорбное сердце наполняется скорбными вздохами. Там же.

[618] В своей совести перед Богом я полностью решил, что никого не буду обвинять. Там же.

[619] С копьями и мечами, воткнутыми в солому моей постели. Там же, стр. 425

[620] Затем он заметил у меня на указательном пальце большое серебряное кольцо с очень хорошей двойной позолотой. Фокс. v., стр. 425.

[621] Там же. стр. 426.

[622] Там же. стр. 427.

[623] Бог пригвождает нас ко кресту, чтобы исцелить наши немощи. Работы Тиндейла и Фрита, iii. стр. 91. (ред. Рассел.)

[624] На вершине Карфакса был разведен большой костер. Фокс, v. с. 428.

[625] Внезапно открыто арестовал Барнса в палате представителей, чтобы напугать всех остальных. Фокс, В. с. 416.

[626] Фокс, v. стр. 416.

[627] Καὶ καταστήσης κατὰ πόλιν πρεσβυτέρους. Тит, i, 5.

[628] Фохе, iv. стр. 681.

[629] Фохе, v, стр. 5.

[630] Нельзя допускать к причастию, находясь в тюрьме. Там же, стр. 428.

[631] Там же. Habe fidem et tecum est quem non vides (Имейте веру, и тот, кого вы не видите, с вами), - говорит Августин в другом месте. См. Проповеди. 235, 272. Трактат. 26, Еванг. Иоан.

[632] Принимают смерть в одной тюрьме. Фокс, v, стр. 5.

[633] Государственные документы, i, стр. 169.

[634] Foxe, v, стр. 5.

[635] Там же.

[636] Работы Тиндейла и Фрита, iii. стр. 75 (изд. Рассел).

[637] Величество туам цаписс фавер Евангелио. Кохлей, стр. 136.

[638] Huic miraculo in Majestate tua quam opto ex totis medullis. Там же, стр. 127.

[639] Tantus autor haberi postulas, quantus nec hodie quisquam sit. Кохлей, стр. 127.

[640] Пусть для вас будет так же позорно, когда вас хвалят за мерзкие поступки.

[641] Скрибит Rex Anglorum Regi hæreticorum. Strype, Mem. i. стр. 91. Название брошюры было *Litterarum quibus invictus Pr. Henricus VIII. etc. etc. respondit ad quandam Epistolam M. Lutheri ad se missam*.

[642] Als in tausend Jahren nicht gewesen ist. Лут. Указ. xix. стр. 501.

[643] Фокс, v. стр. 428.

[644] На какие книги он мало обращал внимания и выставлял это на посмешище. Исповедь Тибалла в библейских анналах. i. стр. 184.

[645] Вирус Libri pestiferum на континенте, в промискуитских провинциях. multitudinem sunt dispersi. (Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 706.) Книги, содержащие инфекционный яд, разбросаны во всех направлениях по Кентерберийской епархии.

[646] Для всех конкретных случаев. Там же.

[647] Сатира У. Рой, напечатано в Harl. Разное, том. ix, стр. 77, (изд. 1809).

[648] Мой приступ холеры прошел. Анналы Библии Андерсона, i, стр. 129.

[649] Сандовал, i. стр. 350. Ranke, Deutsche Gesch. iii. p. 17.

[650] Плохие нравы. (Polyd. Virg. стр. 685.) Она ненавидела его порочные привычки.

[651] Ле Гран, История. du divorce, Preuves, p. 186.

[652] Подстрекатель и организатор примирительных действий (поляк, извинения). Он был вне себя от ярости и вообразил этот развод между королем и королевой (Сочинения Тиндейла, i, стр. 465). См. также Сандерус, 7 и 9; Polyd. Virg., стр. 685; Метерен, История. Нидерландов, стр. 20; Паллавичини, Продолжение. Трезубец, i, стр. 203 и др. Противоположное утверждение Вулси было приведено против этих авторитетов в *Брошюре*, № 42, стр. 336; но небольшое знакомство с его историей вскоре показывает нам, что правдивость была наименьшим из его достоинств.

[653] Ле Гран, История. du divorce, Preuves, p. 65, 69.

[654] *Jampridem conjugium regium*, тяжелая болезнь. Полид. Дева. стр. 685.

[655] Этот брак, который король сначала, казалось, не собирался аннулировать. *Strype*, i, стр. 135.

[656] Бернет. том i. стр. 20 (Лондон, 1841). Письмо Гринейса Буцеру. *Strype*, i, стр. 135.

[657] Первичный региональный патефациендум. (*Polyd. Virg.* стр. 685.) Что немедленно об этом следует объявить королю.

[658] Яростный оратор, не терпящий отлагательств в tanto версарио. (Там же.) Он искренне умолял его не подвергать себя такой опасности.

[659] Отец костяной, посмотрите на благо людей, которые сошли с ума от джейсенского движения. Там же.

[660] Как другой Ирод. Жизнь Мора, стр. 129.

[661] *Ipse cui de salute animæ tuæ cura est, hortor, rogo, persuadeo*. Полид. Дева. стр. 686.

[662] Главный претер церас дигна матримонио тво. Полид. Вирдж, стр. 686.

[663] Работает (изд. Рассел), том i, стр. 464.

[664] *Princeps illa, mulier optima, noluerit quicquam audire de nuptiis, quæ nuptiæ non possunt conjungi sine miserabili Catharinæ casu atque adeo interitu*. (Полид. Дева. стр. 687.) Эта принцесса, благороднейшая женщина, не стала бы слушать никаких предложений о союзе, который не мог быть заключен без того, чтобы не навлечь на Екатерину разорение и смерть.

[665] Неужели звезда объявлена против тебя? *Le Grand, Preuves*, p. 2.

[666] То, что было здесь предусмотрено для устранения препятствия, связанного с этим браком. (Государственные документы, i. стр. 199.) *Le Grand* (том i, стр. 17) опровергает возражения епископа Тарбского; но это письмо Вулси Генриху VIII неопровержимо подтверждает их. И, кроме того, Дю Белле в письме, впоследствии процитированном самим Ле Грандом, излагает суть дела еще более решительно, чем Вулси.

[667] Без чего папа не мог обойтись, *nisi ex urgentissima causa*. Послание Уолси Генриху VIII, датированное 8 июля. Государственные документы, том i, стр. 199.

[668] *Anglos, qui tuo imperio subsunt, hoc idem evangelium colere quod nos colimus*. (Сандерс, 12.) Англичане, находящиеся под твоим правлением, следуют тому же Евангелию, что и мы.

[669] *Quæ oratio quanto metu ac horrore animum nostrum turbaverit*. (Эта речь взволновала наш разум большим страхом и отвращением.) Речь Генриха перед лордом-мэром и общественным советом в его дворце Брайдуэлл, 8 ноября 1528 года. (Холл, стр. 754; Уилкинс, Сборник iii, стр. 714.)

[670] Письмо Дю Белле в Ле Гран. *Preuves*, p. 218.

[671] Так как книги выходят большими тиражами. Уолси Генриху VIII. Государственные документы, том i, стр. 200.

- [672] Королева порвала с вашей милостью. Государственные документы, том i, стр. 200.
- [673] Королевское высочество, зная о большом сговоре и лицемерии между ними, также лукавит. Рыцарь Вулси. Там же. стр. 215.
- [674] Своим поведением, манерами, словами и сообщениями, отправленными diverse, опубликовала, разгласила и т.д. Там же, стр. 280.
- [675] История Метерена. из Нидерландов, фолио, 20.
- [676] "Уолси Кавендиша". стр. 123. Кавендиш присутствовал при этом разговоре.
- [677] Тернер, История. Генрих VIII. ii. стр. 185.
- [678] "Жизнь Вулси" Кавендиша, стр. 120.
- [679] Воспоминания сэра Томаса Уайатта, в книге Кавендиша "Жизнь Вулси", стр. 424.
- [680] История Метерена. о Нидерландах, фолиант. 20.
- [681] Foxe, том v. стр. 365.
- [682] Plenas lacrymarum et miseriae. Государственные документы, том i.
- [683] Апостольский престол должен постоянно оставаться в Испании. Там же. i. стр. 227.
- [684] Я видел, как лорд кардинал очень нежно плакал. Кавендиш, стр. 151.
- [685] Омниум максима долозуса и хересиса лютеранского, апостола ацерримуса. (Государственные документы, i. стр. 274.) Безусловно, самый хитрый и яростный сторонник лютеранской ереси.
- [686] Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, i. p. 186.
- [687] Ниси клавe эрранте. (Государственные документы, i. стр. 272.) Если только не ошибочным ключом.
- [688] При всем этом она ничего не знала о намерениях короля, сказал один из его противников. Уолси Кавендиша, стр. 129.
- [689] Ad illius imitationem reliquæ regiae ancillæ colli et pectoris superiora, quæ antea nuda gestabant, operire cœperunt. Сандерс, стр. 16. Подражая ей, другие придворные дамы начали прикрывать шею и грудь, которые раньше они носили открытыми.
- [690] См. Сандерс, там же. Бесполезно опровергать рассказы Сандерса. Мы отсылаем наших читателей к Истории Бернета. о Реформации, к "Жизни Генриха VIII" лорда Герберта, к Уайатту и другим. Нам достаточно прочитать Сандерса, чтобы оценить по достоинству *грязную клевету*, как выражаются эти авторы, на человека, которого они называют *римской легендой*.
- [691] Рукопись Слоуна. № 2495; История Тернера. Английский. ii. стр. 196.
- [692] Танто вехементий руководит регионом илла репулит. (Сандерс, стр. 17.) Тем более яростно она отвергала мольбы короля.

[693] Памфлетист, № 42, стр. 347. Трудно установить порядок и хронологию писем Генриха к Анне Болейн. Это вторая книга в Собрании Ватикана, но, как нам кажется, она датирована более ранним сроком. Считается, что она написана в мае 1528 года; мы склонны отнести ее к осени 1527 года. Оригиналы этих писем, в основном на старофранцузском, до сих пор хранятся в Ватикане, поскольку были украдены из королевского кабинета и доставлены туда.

[694] *Concubina enim tua fieri pudica mulier nolebat, uxor volebat. Illa cujus amore rex deperibat, pertinacissime negabat sui corporis potestatem.* (Polus ad Regem, p. 176.) Ибо скромная женщина, хотя и хотела стать твоей женой, отказалась стать твоей наложницей. Хотя король был поглощен любовью к ней, она упрямо отказывалась уступить ему власть над своей персоной. Кардинал Поул - гораздо более заслуживающий доверия авторитет, чем Сандерс.

[695] Любовь, которую она питала даже к королеве, которой служила, тоже была личностью великой добродетели. Уайатт, член А. В., стр. 428.

[696] Там же.

[697] Чьи убеждения в обратном заставили короля встать на колени. Кавендиш, стр. 204.

[698] Там же, стр. 388.

[699] Метерен, История. из Нидерландов, фолио, 20.

[700] *Ut omnes primum peccata sua agnoscant et damnent, deinde esuriant et sitiunt justitiam illam.* Фокс, iv. стр. 634.

[701] Там же. стр. 627.

[702] Фохе, iv. стр. 629.

[703] Там же, стр. 630.

[704] Там же, стр. 623.

[705] Церковная история Колльера, том. ii, стр. 26.

[706] В деле о возмещении судебного инцидента. (Фокс, iv, стр. 633.) Теперь я поздравляю себя с тем, что попал в руки такого судьи.

[707] Да свершится суд во имя Господа.

[708] Фохе, iv. стр. 638.

[709] Проповеди Латимера (Общество Паркера), стр. 222.

[710] Там же.

[711] Что вся похвала должна быть воздана одному Богу. Фокс, iv, стр. 682.

[712] Андерсон, Библейские анналы, i. стр. 158.

[713] Фохе, v, стр. 27.

[714] Раскрыл Библию передо мной и показал мне слова. Еще к Кромвелю, Strype, i, 2-я часть, стр. 197.

[715] Консультации изо дня в день и время от времени. Кавендиш, стр. 209.

[716] Например, его doctoribus asseritur quod Papa non potest dispensare in primo gradu affinitatis. (Реформа Бернета, ii, Отчеты, стр. 8. Конец 1841 г.) Эти врачи утверждают, что папа Римский не в состоянии даровать разрешение на первую степень родства.

[717] Поскольку его терпения хватило уже на восемнадцать лет. Кольер, ii. стр. 24.

[718] Strype, том i. часть i. стр. 279.

[719] Когда Наполеон из аналогичных побуждений пожелал расстаться с Жозефиной, опасаясь нежелания папы (как это сделал Генрих), он, подобно ему, планировал обойтись без понтифика и добиться аннулирования своего брака французскими епископами. Поскольку он был более могущественным, ему это удалось.

[720] Возможно, моллюск действительно интересуется форум добросовестно. Кольер, ii. стр. 24.

[721] Папа римский не может ошибаться, — игра на двойном значении слова *ошибаться*.

[722] La Cæsarea Majesta si come grandamente desidera la liberatione de nostro signor, cosi efficacemente la manda. Capituli, etc. Ле Гран, iii. стр. 48.

[723] Что ни в коем случае он не должен соглашаться на то же самое. Государственные документы, том vii. стр. 29.

[724] Quod sperabat intra paucos dies auferre suæ Sanctitati squalorem et tenebras. (Государственные документы, том vii. стр. 13.) Потому что он надеялся, что в течение нескольких дней жалкое заточение его Святейшества закончится.

[725] Мы знакомы с уиндом и рейном, и, следовательно, у нас больше возможностей для нашего путешествия. Там же, стр. 16.

[726] Отозвался тот же сауфлай, как показал мне Гамбара. Там же, стр. 17.

[727] Не прошло и двух часов, как я покинул Рим, как двести испанцев ворвались в дом и обыскали его. Бернет, Отчеты, ii. стр. 12.

[728] Deumque primo et ante omnia ac animæ suæ quietem et salutem respiciens. Реформация Барнета, II. Записи, стр. vii.

[729] Надолго замять временную близость из-за совестливых угрызений совести. Там же.

[730] В связи с возмущением сердца молестии. Там же.

[731] Раскрытие тяжкого деяния молящегося. Там же, стр. viii.

[732] Изменение привычки и статуса танкамского министра. (Там же.) Переодевающийся, как будто чей-то слуга.

[733] Ситуация в ночное время меняется на самом деле. (Государственные документы, том vii. стр. 18.) День и ночь прокручиваю в уме положение дел.

[734] Адео тенаситер Цезари адхэребат. (Там же.) Он по-прежнему был близок к Цезарю.

[735] Вскрытие после смерти. (Там же, стр. 19.) Даже до смерти.

[736] Разногласия между христианами во всем мире. Государственные документы, том vii. стр. 19.

[737] Nonnulla sunt secreta S.D.N. secreto exponenda et non credenda scriptis ob morbos nonnullos quibus absque remedio regina laborat. Там же.

[738] Выполняйте обещание, однажды нарушенное. Ссылка Бернета. ii. Отчеты, стр. xiii.

[739] Ex duobus malis минус malum eligat. Государственные документы, vii. стр. 20.

[740] Ut non gravetur, cuncta legere, et bene notare. Там же, стр. 18.

[741] Alia nulla re esset opus, præterquam ejus Sanctitatis signatura. (Государственные документы, vii, стр. 29.) Не было необходимости ни в чем другом, кроме подписи его святейшества.

[742] Charissime в Christo fili и др., датированная 7 декабря 1527 года. Там же, стр. 27.

[743] Брак с Катариной нуллум фьюиссе и суть декларации. "Генрих VIII" Герберта, стр. 280.

[744] Реформация Бернета, Отчеты, ii. стр. xiii.

[745] Тиндейл, Докт. Тр. с. 42, 43.

[746] Империалисты ежедневно разрушают замки и поселки в окрестностях Рима ... за три дня они взяли два замка, расположенных в радиусе шести миль отсюда. Ссылка Бернета. том ii. Записи, стр. xiii.

[747] Cum suspiriis et lacrymis. (Там же, стр. xii.) Со вздохами и слезами.

[748] И этим цветом он хотел бы осветить этот вопрос. Там же.

[749] Non potest Sua Sanctitas sibi persuadere ipsos principes (ut forte aliqui jactant) assumpturos sectam Lutheranam contra ecclesiam. (Государственные документы, vii. стр. 47.) Его Святейшество не в состоянии убедить себя, что эти князья (как, возможно, утверждают некоторые) способны поддерживать лютеранскую секту против церкви.

[750] Государственные документы, vii. стр. 36.

[751] Вы полностью согласны с публикацией the commission to destroy for ever. Там же.

[752] Eruditus, indifferens, tractabilis, de regia majestate bene merendi cupidus. Там же, стр. 33.

[753] Превосходство королевского величества, его труды, его либеральная компенсация. (Там же, стр. 34.) Его величество щедро компенсирует его расходы, тяжелый труд.

[754] Ссылка Бернета. том ii. Записи, стр. xiii.

[755] Врач-нулевик в мире, поэтому возвращение мелиуса возможно в будущем. Там же, стр. xiv.

[756] *Aliam uxorem ducat.* Там же.

[757] *Vocabit eum ad concilium, vel nihil aliud quæret, nisi ut eum omni statu et vita privet.* Там же, стр. xxvi.

[758] Нуллиус сит роборис вел эффект. (Государственные документы, vii. стр. 50.) Это не имеет никакой силы или эффекта.

[759] Дю Белле к Франциску I. Ле Гранду, Прюв, стр. 64.

[760] Реформация Бернета, i. стр. 50.

[761] Решение суда об отзыве лицензии без каких-либо препятствий. (Burnet, Отчеты, ii, стр. 17.) Никакие указы об отзыве, какие бы то ни было, не аннулируют мою нынешнюю уступку.

[762] Мей димидиум. Там же, стр. 15.

[763] Деньги для подарка кардиналам. Воспоминания Страйпа, i, стр. 137.

[764] Позаимствовать у дайверов столько, чтобы хватило на три кровати. Там же, стр. 139.

[765] Примечание Strype'a. i. стр. 139.

[766] Государственные документы, vii. стр. 63.

[767] Strype, i. p. 139.

[768] Суждение кардинала о хороших качествах благородной женщины. Там же, стр. 141.

[769] Именно поэтому не может быть особого развода магни алисуос белли, вызвавшего волну. Сандерус, стр. 26.

[770] Полукругом посередине. Strype, Записи, i, стр. 81.

[771] Неразборчивый в средствах плебисцит. Там же, стр. 82.

[772] Каждый мужчина смотрел на другого и так и оставался. Там же.

[773] Тот дает дважды, кто дает быстро.

[774] В книге Фабио Максимо "Возвращение Романа". Страйп, стр. 90.

[775] Новые пленительные материалы. Там же, стр. 86.

[776] Там же. стр. 114.

[777] Для всех частей, универсальности и различий. *Verbis omnia pollicentur, reipsa nihil præstant.* Там же, стр. 98.

[778] Суть закона о воспламенении понтификата юры. Там же.

[779] Власть верховного жреца над грудной клеткой. Страйп, стр. 99.

[780] Там же, стр. 100.

[781] В последнем случае удалось сэкономить. Там же, стр. 102.

[782] Начало ему не понравилось.

[783] *Incalescente disputatione*. Страйп, стр. 104.

[784] Здесь началась новая трагедия. Там же. стр. 105.

[785] *Vinum conspurcat infusa aqua*. Там же.

[786] Варианты всех последующих слов скорпиона. Там же.

[787] Предложение пуньо карнема. Там же.

[788] *Dulcibus sirenum vocibus incantare*. Там же.

[789] Пораженный состав. Страйп, стр. 106.

[790] Бури дайверов миновали. Там же.

[791] Виноват стрептококк и фигура судебного приговора при разводе профессионального судебного литератора. Раймер, Фредера, vi, параграф. ii, стр. 95.

[792] *In casu mortis pontificis, quod Deus avertat*. (Бернет, Отчеты, стр. xxviii.) На случай смерти папы римского, которую да предотвратит Бог.

[793] То, что королевское высочество и я ценим больше, чем двадцать папств. Там же. стр. xxv.

[794] Впервые появилось послание о том, что мы страдаем. (Страйп, Записи, i, стр. 109.) При заключении нового договора они бросили жребий относительно его одежды.

[795] Его святейшество обнаруживает, что находится в удивительном замешательстве. Там же. стр. 108.

[796] О неэстетичном тезауруме маргариты в королевстве ноздри. *Strype*, Записи, i, стр. 119.

[797] Справедливый источник клеветы и несогласия. Там же, стр. 120.

[798] Бернет, Рекордз, стр. XXX.

[799] Требование совести. *Strype*, Записи, i, стр. 124.

[800] Крайние меры ... против совести человека. (Страйп, Записи, i, стр. 126.) Любая крайность, какая бы она ни была ... противоречащая его совести.

[801] Моему замечательному мервейлу и не меньшей радости и утешению. Там же, стр. 126.

[802] Ссылка Бернета. том i, стр. 41.

[803] Хитрыми средствами и под видом всего дружелюбия. *Strype*, том i, стр. 166.

[804] Таким образом вовлечь и заковать нас в тернии и оковы. Страйп, том i, стр. 166.

[805] Там же.

[806] - В ярости сказал мой дядя. Жизнь Мора, стр. 132.

[807] Фатис агимур, фатис эдендум. Эразм. Ерр. стр. 1032.

[808] Сам по себе сангвиник, принадлежащий отряду S. D. N. impetrare. Бернет, Отчеты, ii. стр. 19.

[809] И Гардинер никогда не должен возвращаться. Страйп, i. стр. 167.

[810] Межцерковные политические переговоры. Песок. стр. 27.

[811] Алия в коммиграции. Герберт, стр. 262.

[812] Государственные документы, том vii. стр. 78. Доктор Лингард признает существование этой буллы и приказ ее сжечь.

[813] Si (quod absit) aliquid contra præmissa faciamus, illud pro casso, irrito, inani et vacuo omnino haberi volumus. (Герберт, стр. 250.) Если (что, однако, позволит этому не произойти) мы сделаем что-либо, противоречащее этому сообщению, мы хотим, чтобы оно считалось бесполезным, недействительным, никчемным и вообще недействительным.

[814] Число илли, аулея, золотой орех при равной максимальной вероятности. Бернет, Отчеты, i. стр. xv.

[815] Письма Ватикана. Памфлетист, № 43, стр. 114. Дата в тексте указана редактором; мы склонны поместить ее несколько раньше.

[816] Брошюра, № 43, стр. 115. После подписи появляется следующее устройство:

[817] Несомненно, это *ошибка автоматического аннулирования*. Об этом письме читайте в "Памфлетисте", № 42, стр. 346.

[818] Ужасный Алкоголик. Le Grand, Preuves, p. 157.

[819] 26 апреля 1528 года. Le Grand, Preuves, p. 93.

[820] *Ответный удар*. 24 мая 1528 года. Дю Белле - Монморанси. Там же. стр. 102.

[821] 20 августа 1528 года. Там же, стр. 165.

[822] Брошюра, № 43, стр. 150.

[823] Там же.

[824] Друг мой. Le Grand. Preuves, p. 138.

[825] Рейд comme un pan de mur. Там же.

[826] Жизнь Мора, стр. 136.

[827] Votre père maître Jenson est tombé malade. Генрих - Анне. Памфлетист. № 42, стр. 347.

[828] Со своим врачом в комнате внутри башни, чтобы поужинать отдельно. Государственные документы, том i, стр. 296.

[829] Там же. стр. 290.

[830] Я благодарю нашего Господа за то, что те, о ком я желал и молился, спаслись, и это милость короля и вас. Анна Вулси. Памфлетист, № 43, стр. 150.

[831] Там же. № 42, стр. 347.

[832] Брошюра, № 43, стр. 120.

[833] Государственные документы, i, стр. 308.

[834] Государственные документы, i, стр. 314.

[835] Брошюра, № 48, стр. 149.

[836] 16 октября 1528 года. Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, p. 170.

[837] Останки Ковердейла (Общество Паркера), стр. 490. Основанием для этого утверждения является письмо Ковердейла Кромвелю, которое редактор "останков" относит к 1527 году. Г-н Андерсон ("Библейские анналы", i, стр. 239) помещает его четырьмя годами позже, в 1531 году. Фокс утверждает, что Кромвель участвовал в осаде Рима в мае 1527 года по поручению Кранмера и самого Кромвеля (Деяния и Пн. ст., стр. 365). Если это так, то письмо не может относиться к тому году, но 1531-й маловероятен. Я склонен думать, что это было написано в 1528 году; но в любом случае есть проблема с датой.

[838] Там же. стр. 10.

[839] Останки Ковердейла, стр. 490.

[840] Там же, стр. 12.

[841] Там же.

[842] Там же, стр. 14.

[843] Там же, стр. 26.

[844] Для доступа к торренту maxime potare exopto. Там же, стр. 491.

[845] Там же, стр. 10.

[846] Там же, стр. 19.

[847] Strype, Записи, i. p. 51.

- [848] Я почувствовал, что моя совесть сильно колеблется. "Библейские анналы" Андерсона, том i, стр. 185.
- [849] Останки Ковердейла, стр. 481.
- [850] Strype, том i. глава i. стр. 121.
- [851] Там же. стр. 130.
- [852] Жизнь Мора, стр. 82.
- [853] Там же. стр. 117.
- [854] Записи Strype's, стр. 363.
- [855] Там же. стр. 365.
- [856] Жизнь Мора, стр. 116.
- [857] Примечание Strype'a. i. стр. 490.
- [858] Strype, Записи, i. p. 367.
- [859] Cum Cæsar mattereræ sua causam contra injurias Хенричи поддерживает. Сандерс, стр. 28.
- [860] Главный нунций челерримского курса разнообразных маршрутов в Кампегии мисит. Там же. и Герберт, стр. 253.
- [861] Фуллер, книга, v. стр. 172.
- [862] Государственные документы, vii. стр. 91, 92.
- [863] Брошюра, № 43, стр. 117.
- [864] Там же. стр. 151.
- [865] Кардинал не хотел, чтобы дело вашей светлости вступило в силу, а только притворялся перед вашей светлостью, поскольку он полностью принадлежит империи. Саффолк - Генри, Государственные документы, vii. стр. 183.
- [866] Уайатт, стр. 430.
- [867] Санга -Кампеджио из Витербо, 27 сентября. Ranke, Deutsche Gesch. iii, с. 135.
- [868] Государственные документы, vii. стр. 94, 95.
- [869] Деша епископа Байоннского, 16 октября 1529 г. Le Grand, Preuves, p. 169.
- [870] Вопрос о посещении сепия и сложной сумме растений. (Государственные документы, vii, стр. 103.) Которого я часто навещал и с большой любовью обнимал.
- [871] Брошюра, № 43. стр. 123.
- [872] Дю Белле - Монморанси, 21 октября. Le Grand, Preuves, p. 185.

[873] Там же. 1 Ноября, стр. 195.

[874] Регина в лучах и ночных слезах умирает снова. Сандерс, стр. 29.

[875] Великая княжна и ее эго, а также доступ к гребню. Государственные документы, vii. стр. 103.

[876] Король и дуэт кардиналов, арбитражный суд, множественный ребус и его сочетания. Сандерс, С. 29.

[877] Невероятные утрианские чудеса анимизма. Государственные документы, vii. стр. 104.

[878] Conatus est omne divortium inter regiam majestatem et reginam dissuadere. Там же.

[879] Отсутствие ingenti cruciatu. Там же.

[880] Ingemiscendum excidium, perpetua infamia. Там же.

[881] Средство правовой защиты от угнетения совести. Там же.

[882] Не в утробе матери, без секретной информации. Государственные документы, vii. стр. 104.

[883] Nullo pacto adduci vult, ut mihi, *suo collegæ*, commissionem hanc decretalem e suis manibus credat. (Там же, стр. 105.) Никакими обязательствами его нельзя было заставить полностью довериться мне, его коллеге по декретной комиссии.

[884] Суть глагола, суть упоминания уллама. Там же.

[885] Суть всех разочарований в том, что касается Священных сокровищ там, где хранится изобретение. Там же.

[886] Фундамент там леви, переходящее государство, находящееся в вечной гибели. Государственные документы, vii, стр. 106.

[887] Quanto animi cruciatu ... vigilans dormiensque. Там же, стр. 108.

[888] Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, p. 266.

[889] Дю Белле Монморанси, 8 ноября 1528 года. Le Grand, Preuves, p. 204.

[890] Там же, стр. 232.

[891] Этот акт датирован 1 ноября. Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 714. Герберт и Кольер говорят, что 8 ноября.

[892] В документе una venit et concurriit mortis cogitatio. Там же.

[893] Ответ на вопрос о тестировании и в regis oraculo affirmamus. Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 714.

[894] Холл, стр. 754.

[895] Дю Белле Монморанси, 17 ноября 1528 года. Le Grand, Preuves, p. 218.

[896] Дю Белле - Монморанси, 1 января. Ле Гран, стр. 268.

- [897] Там же, стр. 200.
- [898] Poussez-moi cela raide. Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, p. 217.
- [899] Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, p. 219.
- [900] Там же, стр. 225.
- [901] Церковь Христова - это множество всех, кто верит во Христа и т.д. Изложение Евангелия от Матфея, Пролог.
- [902] Пролог к Книге Бытия (Докт. Тр.), стр. 400.
- [903] Пролог к Книге Левит (Докт. Тр.) стр. 423, 424, 426.
- [904] Андерсон, "Библейские анналы", i. стр. 203: "Я собрал и упаковал все книги со всех концов".
- [905] I Царств XVIII, 7.
- [906] Рукопись из хлопка. Vitellius, B, xxi. fol. 43. Библейские анналы, i, стр. 204.
- [907] Vobis vestræque familiæ utilius aut honorificentius. Государственные документы, vii, стр. 114.
- [908] Burnet, Records, ii. стр. 20. Единая цифровая документация....вопрос о факте отзыва.
- [909] Admonere, exclamare, rogare, instare, urgere, pulsare, pericula præsentia et futura demonstrare. Государственные документы, vii, стр. 112.
- [910] Ошибка Tempus в запросе adest. Государственные документы, vii. стр. 112.
- [911] Ссылка на Burnet's Ref. i. стр. 44. Records, стр. xx.
- [912] Nos illum paterna charitate complecti, ut sua erga nos atque hanc sedem plurima merita requirunt. Государственные документы, vii. 116.
- [913] Поручить Кампегеиусу сжечь декрет. Герберт, стр. 250. Ссылка Бернета. i, 47.
- [914] Охотиться и играть весь день напролет, а всю ночь преследовать блудниц. Там же, стр. 52.
- [915] Государственные документы, vii. стр. 126, примечание.
- [916] Только для того, чтобы направить королеву к ней. Там же, стр. 136, примечание.
- [917] Из общего доступа. Инструкции Генриха Найту в середине декабря 1528 года. Там же, стр. 137. Приводятся некоторые веские причины и прецеденты из Ветхого Завета. Инструкции тому же, 1 декабря. Там же, стр. 136, примечание.
- [918] La dite lettre du roi, combien qu'elle fût du 3, je l'ai reçue sinon le 13; le pareil m'advint quasi de toutes autres. Дю Белле - Монморанси, 20 декабря. Le Grand, Preuves.
- [919] Государственные документы, том vii. стр. 130.

[920] В сводке королеву *Изабеллу* звали *Елизаветой*; но я видел документ Мадридского двора, в котором английскую королеву Елизавету звали Изабеллой; следовательно, это не ошибка без параллели.

[921] Дю Белле Монморанси, 12 января 1529 года. Le Grand, Preuves, p. 279.

[922] Ле Гран, Прюв, стр. 295, 296.

[923] Бернет, История. Ссылка. том i. стр. 60.

[924] Государственные документы, vii. стр. 143-150.

[925] Foxe, Acts, iv. стр. 601.

[926] Различными способами было объявлено о смерти нашего святого отца. Там же. Инструкции короля.

[927] Каким-то отвратительным актом, совершенным с целью уничтожения покойного папы римского. Там же, стр. 603.

[928] Постепенно полностью исключить и уничтожить его и его авторитет. Там же.

[929] Foxe, iv. стр. 604-608.

[930] История смерти в порту ла тиаре. Casimir Delavigne, Derniers chants, le Conclave.

[931] Там, где Христос не является основанием, несомненно, никакое здание не может быть благоустроено. Государственные документы, vii. стр. 122.

[932] Свернуть объявление о второй свадьбе без негативного отношения. Там же, стр. 138.

[933] Какие слова, произнесенные с фамильярностью и некоторой серьезностью. Там же.

[934] Там же. том i, стр. 330.

[935] Ссылка Бернета на первую страницу 49.

[936] Конъюнктивная ситуация после Квама. Государственные документы, vii. стр. 154.

[937] Главная задача - вычислить омниум педес велле вестри. Там же, стр. 156.

[938] Вопрос о том, кто не является законным гражданином, полностью владеет имуществом, в его цифровом выражении. Там же, стр. 157.

[939] Малле Цезарь - это стабуло недум, жертва внутри, низший человек, подчиненный, вассалорум, бунтарь, получивший серьезные травмы. Герберт, том i, стр. 261.

[940] Le Grand, том i, стр. 131.

[941] Ссылка Бернета. том i. стр. 54.

[942] Из промежуточных источников. Государственные документы, том vii, стр. 185.

[943] Там же. стр. 167.

[944] Он добавил: Tametsi noctes умирает по закону, по закону-peritissimos viros omnes vias tentemus. (Там же, стр. 165.) Хотя днем и ночью мы сами и вместе с самыми искусными юристами пробуем все способы.

[945] Incredibili patientia et humanitate. Бернет, Отчеты, стр. xxxii.

[946] Не куриный гриб, а курица куриная. Там же, стр. xxxiii.

[947] Харибдин и скопулос эвитассе. Бернет, Отчеты, стр. xxxii.

[948] Чувственная суадела, которую мы отвергаем, является предметом обсуждения. Там же, стр. xxxiii.

[949] Фактически недействителен аукцион понтификата цыган. Там же.

[950] Dubitare non debes si quidem volueris recordare tua erga nos merita. Государственные документы, vii, стр. 178.

[951] Не викарий, а истинный викарий Иисуса Христа. Там же, стр. 191.

[952] Дю Белле Монморанси, 22 мая. Le Grand, Preuves, p. 319.

[953] Foxe, iv. стр. 690.

[954] Там же. стр. 689.

[955] Там же.

[956] Нисар, иллюстратор эпохи возрождения. *Revue des Deux Mondes*.

[957] Диалог состоял из 250 страниц и был напечатан Джоном Растеллом, шурин Мора. Ответ Тиндейла появился позже; мы сочли своим долгом представить его здесь.

[958] Ответ на диалог сэра Томаса Мора.

[959] Там же. стр. 101.

[960] Там же. стр. 28, 29.

[961] Ответ на диалог сэра Томаса Мора, стр. 12, 13.

[962] Там же. стр. 40.

[963] Там же, стр. 39.

[964] Там же. стр. 104.

[965] Там же, стр. 189.

[966] Там же. стр. 214.

[967] Там же.

- [968] Там же, стр. 197.
- [969] Thomæ More безвозмездно. Эразм. Ерр. стр. 1478.
- [970] Juillet préparatoire pour lui faire avaler la médecine.
- [971] Дю бек и другие проблемы. Дю Белле - Монморанси. Ле Гран, iii. стр. 328.
- [972] Герберт, стр. 316.
- [973] Хакетту в Вулси, Брюссель, 13 апреля 1529 года. Библейские анналы, том i, стр. 199.
- [974] Foxe, iv, стр. 670.
- [975] Foxe, v, стр. 120.
- [976] Потерял и свои деньги, и свои копии.... Там же.
- [977] Ковердейл задержался ради него и помог ему. Там же.
- [978] Библейские анналы Андерсона, i. стр. 240.
- [979] Это дата, указанная на останках Ковердейла. (Пар. Соч.) стр. 490.
- [980] Бернет, Рекордз, стр. xxxv.
- [981] E quanto altro non si possa, forse si pensera ad avvocare la causa a se. Lettere di XIII uomini illustri, 19th March 1529.
- [982] Ut solum Deum præ oculis habentes. Rymer, Acta ad annum.
- [983] Sua beatitudine ricorda, che il procedere sia lento ed in modo alcuno non si *venghi al giudicio*. Открытке. Кампеджио, 29 мая 1529 года. Lett. di Principi.
- [984] Рассматривается в незаконном судебном порядке без согласия, как провокация со стороны папы. (Сандерс, стр. 32.) Отказавшись признать их своими судьями, она обратилась к папе римскому.
- [985] Ссылка Бернета на i. стр. 54.
- [986] Письмо короля своим послам в Риме, 23 июня. Там же. Записи, стр. liv.
- [987] Судебные лица, не являющиеся правовыми, являются истинными и подлежащими истине. (Сандерс, стр. 35.) Ее судьи действовали не только в интересах короля, но даже были его подданными.
- [988] По поводу разногласий между самими собой. (Polyd. Virg. стр. 688.) Которые посеяли раздор между ней и ее мужем.
- [989] Спасибо за понимание. Polyd. Virg. стр. 686, и Кавендиш.
- [990] Бернет, Отчеты, стр. 36. В этом письме король говорит: И мы, и королева явились лично.
- [991] Фуллер, стр. 173.

[992] Виды волчьего гриба, поражающего все глаза. (Polyd. Virg. стр. 688.) Вы могли видеть, что почти все взгляды с негодованием обращены на Вулси.

[993] Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, pp. 186, 319.

[994] Смотрите письмо Пейса Генри в 1526 году. Le Grand, Preuves, стр. 1. Там показано, что неверно говорить: *Второзаконие отменяет Левит* (Второзаконие отменяет Левит) в том, что касается запрета брать жену умершего брата.

[995] Уолси Кавендиша, стр. 223.

[996] Она показала это королю. Письмо Кромвелю в Страйпе, том i, стр. 272.

[997] Кавендиш, стр. 226.

[998] В камере quadam superiori: *столовая королевы*, нункупата, 26-летний юний Раймер. Закон. стр. 119.

[999] Божественное, церковно-юридическое ... недействительно. Герберт, стр. 163.

[1000] Quod Arthurus mane postridie potum flagitaret, idquo ut alebant, quoniam diceret se ilia nocte in calida Hispaniarum regione peregrinatum fuisse, Sanders, p. 43.

[1001] Фохе, v, стр. 51.

[1002] Герберт приводит их подробно, стр. 264-267.

[1003] Всеобщее послание и защита. (Герберт, стр. 278; Кавендиш, стр. 229) Общие каникулы сбора урожая.

[1004] Кто является сторонником великого будущего: В священном писании, в расследовании, без вести пропавшем, немо унаследовал законность от кардинала, получил право на бони в Англии. Сандерс, стр. 49.

[1005] Кавендиш, стр. 233.

[1006] Герцоги в судебном порядке, по сводному протоколу ipsi, иракундия во время войны. Сандерс, стр. 49.

[1007] Edm. Campion *De divortio*. Герберт, стр. 289.

[1008] Письма Дю Белле, Le Grand, Preuves, стр. 374.

[1009] Новость о фуроре и безумии при непосредственном поджигании. (Сандерс, стр. 49.) Они горели новой вспышкой ярости и безумия.

[1010] Фуллер, стр. 176.

[1011] Дю Белле - Монморанси, 15 июня. Le Grand, Preuves, p. 324.

[1012] Работы Тиндейла и Фрита, том i. 295.

[1013] Работы Тиндейла, том i, стр. 300.

[1014] Мемуары Уайатта, стр. 438.

[1015] Strype, i. p. 171.

[1016] Там же, стр. 172.

[1017] Там же.

[1018] Работы Тиндейла и Фрита, том i, стр. 286.

[1019] Она, стоя на коленях, рассказала все. Страйп, том i, стр. 172.

[1020] Стоя на коленях, она просит короля помочь ей с книгой. Там же.

[1021] Воспоминания Уайатта, стр. 411.

[1022] Работы Тиндейла под редакцией Рассела, том i, стр. 212

[1023] Там же. стр. 233.

[1024] Там же. стр. 274.

[1025] Работы Тиндейла, стр. 243.

[1026] Там же. стр. 220.

[1027] Там же. стр. 213.

[1028] Strype, i. p. 172.

[1029] Письма королевских секретарей Гардинера и Тьюка Вулси, датированные Вудстоком, длятся с 4 августа по 8 сентября. Государственные документы, i. стр. 335-347.

[1030] Фокс, v. стр. 136; "Жизнь Анны Болейн" мисс Бенгер, стр. 299.

[1031]

Jamais trop gay, ne trop melancolique,
Elle a au chef un esprit angelique,
Le plus subtil qui onc au ciel vola.
O grand' merveille! on peut voir par cela
Que je suis serf d'un monstre fort etrange:
Monstre je dy, car pour tout vray elle a
Corps feminin, cœur d'homme et tete d'ange

[1032] Non solum regium animum et totum hoc regnum a sedis apostolicæ devotione penitus
abalienabit, ac me omnino perdet et funditus destruet. Государственные документы, vii, стр. 189.

[1033] "Завоевание Мексики" Прескотта, книга vii, глава iv.

[1034] Фуллер, стр. 178.

[1035] Burnet, Отчеты, ii, стр. 37.

[1036] Там же.

[1037] Это изречение закона в солите эрга, носящего великодушный характер. Бернет, Отчеты, ii. стр. xxxviii.

[1038] Он пришел в ярость. Герберт, стр. 187. *Supra quam dici potest excaudit Sanders*, p. 50.

[1039] Он сделал бы то же самое с таким майном [великим] и королевской армией, которая должна быть грозной для папы римского и всей Италии. Государственные документы, vii. стр. 194; Бернет, Отчеты, стр. xxxvii.

[1040] Ловкость вашей светлости ... благодаря хорошему обращению с кардиналом Кампеджио. Государственные документы, том 1. стр. 336.

[1041] Там же. стр. 343.

[1042] Кавендиш, стр. 237-245.

[1043] Ссылка Бернета. том i, стр. 59.

[1044] Дю Белле Великому магистру. *Le Grand, Preuves*, стр. 375; также Кавендиш.

[1045] *Le Grand*, том ii. стр. 156. Жизнь Кампеджио, автор Сигониус.

[1046] Сарцинас оправдывает правосудие. Сандерс, стр. 51.

[1047] Кавендиш, стр. 216. См. также *Le Grand*, ii. 258

[1048] Он узнал о своей некромантии, что этот год будет для него опасным. Работы Тиндейла, i, стр. 480.

[1049] *Strype*. i. p. 373.

[1050] Герберт, стр. 289.

[1051] Дю Белле - Монморанси. 12 Октября. *Le Grand, Preuves*, p.365.

[1052] Феодальные варвары. *Melch. Адам. Vitæ Theol.* i.

[1053] Поскольку это не совсем так, как в случае с другими, обычное средство от царапин. (Там же.) Подходя к ним, как к точильному камню, он ежедневно стирал свою старую грубость.

[1054] Вот те самые фонтаны. Фокс, viii, стр. 4.

[1055] Итоговый трехлетний Священный текст, надвигающийся монументальный период. М. Адам. стр. 1.

[1056] Как торговец, жадный до всего хорошего. Фокс. viii, стр. 4.

[1057] *Tardus quidem lector sed vehemens observator*. М. Адам. стр. 1.

[1058] Доступ к *scriptoris ejusquam librum*. М. Адам. стр. 1.

[1059] Всеобщее мнение, тайное судебное разбирательство. Там же.

[1060] Работы Кранмера, стр. 17, 18.

[1061] Бог знает, а не Я. Фокс, viii, 7.

[1062] Бернет, том i, стр. 60.

[1063] Там же.

[1064] Для успокоения нашей совести. Фокс, VIII, стр. 8.

[1065] Сандерс, стр. 57; Лингард, том vi. глава iii. Сравните Фохе, том. viii, стр. 8.

[1066] Благородный иллиус маргарита дезидерио тенери. Эразм. Ерр. стр. 1754.

[1067] Дю Белле - Монморанси, 22 октября. Le Grand, Preuves. p. 377.

[1068] Ассортимент, Deutsche Geschichte, iii. стр. 140.

[1069] Дю Белле - Монморанси. Le Grand, Preuves, p. 371.

[1070] В quadam theca de veluto crimisino. Раймер, Акт. стр. 138.

[1071] Baldekinum, pannus omnium ditissimus cujus utpote stamen ex filo auri, subtegmen ex serico texitur, plumario opere intertextus. (Глоссарий Дюканжа.) Боди - самая богатая из всех видов ткани, поскольку ее основа состоит из золотой нити, ворс - из шелка, и все это покрыто богатой вышивкой.

[1072] Кавендиш, Уолси, стр. 251.

[1073] Бедный дурачок взял себя в руки и выстрелил в такой ярости. Кавендиш, стр. 237.

[1074] Часто утверждалось, что сэр Томас Мор был первым мирянином, которому была доверена должность канцлера; но между 1342 и 1410 годами нашей эры их было не менее *шести*, а именно: Сэр Роберт Буше, рыцарь; сэр Роберт де Торп, рыцарь; сэр Р. де ла Сероп, рыцарь; сэр М. де ла Поул; Р. Невилл, граф Солсбери; и сэр Т. Бофорт, рыцарь.

[1075] Жизнь Мора, стр. 172.

[1076] Английская корона, свободная во все времена, не находилась в земном подчинении, но непосредственно подчинялась Богу во всем. Герберт, стр. 231. См. также Статьи об импичменте, раздел 1.

[1077] С 13 ноября 1302 года, Рейнольд ад Энн. Uterque ergo gladius est in potestate ecclesiæ, spiritalis scilicet et materialis. Следовательно, и тот, и другой меч находятся во власти церкви, несомненно, духовной, а также материальной.

[1078] Кавендиш, стр. 276.

[1079] Кавендиш, стр. 280.

[1080] Долгое тайное общение с милордом. Там же, стр. 270.

[1081] Королю стало противно упоминание о нем. Фокс, В. с. 368.

- [1082] С неистовой смелостью. Там же, стр. 367.
- [1083] Фокс, v. стр. 367. См. также *Apol. Regin. Poli ad Car.* i. стр. 120, 121.
- [1084] Дю Белле - Монморанси. *Le Grand, Preuves*, p. 378, 380.
- [1085] Работает, т.е. стр. 481.
- [1086] Это был первый шаг, большая и смелая вылазка на пути к этой Реформации. Герберт, стр. 320.
- [1087] Лучше отдать им глупую корову, если бы у него была только одна. Фокс, iv. стр. 611.
- [1088] *Quod non exerceant tabernas, nec ludant taxillis vel aliis ludis prohibitis; quod non pernoctent in locis suspectis quod non intersint inhonestis spectaculis, etc. Convocatio praelatorum.* Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 717.
- [1089] Трости венатикоса лори дучере, управляемые автобусом. Там же, стр. 723.
- [1090] Множественный коллоквиум с подозрением на недействительность. Там же, стр. 722.
- [1091] *Et y cæteris carnis spurcitiis pna crescat.* Там же, стр. 721.
- [1092] Епископ Норвичский примасу Уорхэму, 14 мая 1530 г., рукопись Коттона. Клеопатра. Е. в. фолио 360; Библейские анналы. i. стр. 256.
- [1093] Работы Мора; Диалог о ересьях, стр. 274.
- [1094] Мемуары *Strype's*. том i. стр. 315; *Foxe*, iv. стр. 638.
- [1095] Извинения. глава xxxvi, стр. 901, 904.
- [1096] Смотрите каталог в *Wilkins, Concilia*, стр. 713-720. Уилкинс придерживается мнения (стр. 717, примечание), что этот документ относится к 1529 году. Однако есть некоторые части этих статуты, которые явно относятся к следующему году.
- [1097] Работы Тиндейла, i, стр. 1.
- [1098] *Foxe*, iv. стр. 677, 678.
- [1099] Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 728-731.
- [1100] Останки Латимера, стр. 297.
- [1101] Проповеди Латимера, стр. 8.
- [1102] Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 736.
- [1103] Останки Латимера, стр. 305.
- [1104] Там же.
- [1105] Уилкинс, Консилиум, iii. стр. 736.

- [1106] Останки Латимера, стр. 308.
- [1107] Я предпочел бы понести суровое наказание. Там же, стр. 298.
- [1108] Foxe, iv. стр. 679.
- [1109] Сидела на диете и тайно мучила его. Сочинения Тиндейла, том i, стр. 485.
- [1110] За постоянное и явное свидетельство об Иисусе Христе и его безвозмездной благодати и спасении. Фокс, том iv. стр. 619.
- [1111] Епископы убили его самым жестоким образом. Тиндейл, том i, стр. 485.
- [1112] Foxe, том iv. стр. 670.
- [1113] Там же. стр. 699.
- [1114] Там же. стр. 681.
- [1115] Там же, т. v., стр. 34.
- [1116] Там же. том iv. стр. 681.
- [1117] Там же.
- [1118] Однако это было в других странах за морем. Фокс, том iv. стр. 681.
- [1119] Подтверждена им в доктрине. Там же.
- [1120] Там же.
- [1121] Там же.
- [1122] Там же. том v. стр. 34.
- [1123] Его звали Роберт Ламбе. Фокс, том v., стр. 34.
- [1124] Подается с мелкими опилками или, по крайней мере, большей их частью. Там же. iv. стр. 625.
- [1125] Foxe, iv, стр. 695.
- [1126] Там же. v. стр. 19.
- [1127] Но не разрушитель, а иммунитет существует, и не исключение. Фокс, в. с. 19.
- [1128] Иисус Навин, vii. 12.
- [1129] Strype, i, стр. 312.
- [1130] Strype, i, стр. 312.
- [1131] Там же. стр. 314.
- [1132] Там же, стр. 312.

[1133] Strype, i, стр. 313.

[1134] Он все это время думал, что Священные Писания были против него. Проповеди Латимера, стр. 52.

[1135] Foxe, iv. стр. 642. См. Евангелие от Луки ix, 51.

[1136] Бернет и некоторые другие современные историки, на мой взгляд, ошибаются, когда утверждают, что Вулси присутствовал в парламенте в конце 1529 года. См. Государственные документы, i. стр. 347, 351.

[1137] Государственные документы, том 1. стр. 351, повреждены огнем.

[1138] Timebat sibi damnum et periculum de corpore suo per quosdam suos æmulos. (Раймер, Фредера, стр. 139.) Он опасался потерь и телесных повреждений от рук некоторых из своих соперников.

[1139] Статья vi. Герберт, стр. 295.

[1140] Подавление аппетита и постоянная бессонница. (Вулси Гардинеру; Кавендиш, Приложение, стр. 474.) С потерей аппетита и постоянным недосыпанием.

[1141] Государственные документы. том i. стр. 354.

[1142] Холл, стр. 773.

[1143] Così mi disse el Re, che contra de S. M. el machinava nel regno e fuori, et m'a detto dove e come. Le Grand, Preuves. p. 529.

[1144] И там вы можете сменить одежду. Кавендиш, стр. 347.

[1145] 1—е послание Петра iv, 17-я вселенская церковь, которая является причиной существования различных и справедливых смертей. (Melancthon, loci.) Церковь по большей части - это небольшое общество, претерпевающее различные и великие страдания.

Примечание переписчика:

Орфографические, пунктуационные различия и расстановка переносов сохранены, за исключением очевидных случаев типографской ошибки. Например: появляются как Cochlæus, так и CochlœUs.

Страница 396: "понимание не только своего пола" Автор добавил слово "ее".